

Петр Штомпка

СОЦИОЛОГИЯ

Анализ современного общества

Перевод с польского СМ. Червонной

Piotr
Sztompka

SOCJOLOGIA
ANALIZA SPOŁECZEŃSTWA

Москва • Логос • 2005

УДК 316 (075.8)
ББК 60.5
Ш 92

Штомпка П.

Ш 92 Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. СМ. Червонной. — М.: Логос, 2005. — 664 с. + 32 с. цв. вкл.
ISBN 5-98704-024-8

Крупнейший ученый-социолог, президент Международной социологической ассоциации в своем учебнике излагает курс социологии, основанный на новейших теоретических достижениях и прикладных результатах в разработке проблем этой научной дисциплины. Представлены современная трактовка предмета и методов социологии, а также пути практического использования данных социологических исследований. Рассмотрены различные стороны общественной жизни: активность человека, социальные группы и институты, культура, расслоение, социальная изменчивость, современные тенденции развития общества. Приведены очерки о философах и социологах, идеи которых определили становление социологии как науки. В конце каждой главы даны термины и понятия, а в конце книги - тесты на проверку усвоения курса. Благодаря использованию опыта преподавания социологии в Краковском (Ягеллонском), Калифорнийском университетах, ряде других университетов США, Европы, Латинской Америки и Австралии содержание учебника отвечает мировому уровню, что способствовало переводу его на большинство распространенных языков.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению «Социология». Представляет интерес для ученых и преподавателей в области социально-гуманитарных наук.

ББК 60.5

После того, как почти 30 лет у нас не было отечественного оригинального учебника социологии, Польша наконец сможет располагать произведением, выдающимся во всех отношениях, представляющим собой основной академический текст, которым смогут пользоваться как студенты вузов, так и учащиеся лицеев. Этот труд отличается поразительной систематичностью в изложении материала, элегантным, легко доступным языком и мастерством выуклой характеристики наиболее сложных общественных явлений

Анджей Койдер, профессор Варшавского университета

Автор является прославленным знатоком социологической теории, как классической, так и современной. И он блистательно использует свою эрудицию, обращая свой взор к теоретическим вершинам, тогда как они служат ему для описания и понимания действительности. Изучение данного учебника позволит познакомиться с основными общественными явлениями, с фигурами крупнейших социологов, наконец, с наиболее важными дискуссиями среди социологов.

Марек Жюлковски, профессор Университета имени Адама Мицкевича

ISBN 5-98704-024-8

© Петр Штомпка, 2002
© Перевод на русский язык
СМ. Червонная, 2004
© «Предназначение социологии»
Н.Е. Покровский, 2005
© «Логос», оформление, 2005

Оглавление

<i>Н.Е. Покровский. Предназначение социологии</i>	i—vii
Глава 1. Социология и общество	11
Знание об обществе и социология.....	11
Социология как наука.....	17
Общество - предмет социологии.....	24
Многомерность социальных ситуаций.....	29
Личность в обществе - социальный контекст.....	32
Социологическое воображение и язык социологии.....	35
Важнейшие понятия и термины.....	37
Рекомендуемая литература.....	38
Часть I	
АКТИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	
Глава 2. От поведения к социальным действиям	41
Поведение.....	42
Действие.....	44
Социальная деятельность.....	50
Социальные действия.....	53
Важнейшие понятия и термины.....	62
Рекомендуемая литература.....	63
Глава 3. От социальных действий к взаимодействию	64
Совместные действия, или социальный контакт.....	64
Анатомия социального взаимодействия.....	66
Четыре теории взаимодействия.....	73
От простых взаимодействий до сети взаимодействий.....	83
Важнейшие понятия и термины.....	85
Рекомендуемая литература.....	86
Глава 4. От взаимодействия к социальным отношениям	87
Повторяющееся и регулярное взаимодействие.....	87
От регулярного взаимодействия к регулируемому.....	88
Социальные отношения.....	89
Типы общественных отношений.....	95
Континуум проявлений человеческой активности.....	108
Важнейшие понятия и термины.....	112
Рекомендуемая литература.....	114
Глава 5. От социальных отношений к организации	115
Социальная среда.....	115
Социальный круг.....	117
Статусный набор.....	120
Последовательность статусов.....	125
Социальная организация.....	129
Важнейшие понятия и термины.....	136
Рекомендуемая литература.....	138
Глава 6. От организации к социальной структуре	139
Структура как социальная форма.....	140
Структурная детерминация.....	144
Четыре аспекта структуры.....	147
Динамика структур.....	149

Оглавление

Важнейшие понятия и термины.....	151
Рекомендуемая литература.....	152
Глава 7. От массовых действий к социальным движениям	153
Массовое общество.....	153
Массовые действия.....	154
Коллективное поведение.....	157
Коллективные действия.....	160
Социальные движения.....	163
Динамика социальных движений.....	171
Важнейшие понятия и термины.....	181
Рекомендуемая литература.....	183

Часть II **СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ**

Глава 8. От множества индивидов к социальной группе	187
Черты, формирующие группу.....	188
Разновидности социальных общностей.....	190
Моральная связь - содержание и радиус действия.....	195
Патология моральной связи.....	197
Феномен одновременного участия.....	199
Организованные группы.....	200
Типы общностей и динамика их кристаллизации.....	202
Важнейшие понятия и термины.....	205
Рекомендуемые книги.....	207
Глава 9. Разновидности социальных групп	208
Объективные критерии классификации.....	208
Субъективные критерии классификации.....	224
Синтетическая типология групп.....	231
Важнейшие понятия и термины.....	236
Рекомендуемая литература.....	238

Часть III **КУЛЬТУРА**

Глава 10. Культура как социологическое понятие	241
Разнообразие способов жизни и «социальные факты».....	241
Понятие культуры.....	245
Сферы культурного регулирования.....	251
«Анатомия» культуры.....	253
Культурные универсалии.....	255
От этноцентризма к «политической корректности».....	258
Культурная традиция.....	262
Создание культуры.....	265
Важнейшие понятия и термины.....	267
Рекомендуемая литература.....	270
Глава 11. Ценностно-нормативная система	271
Нормы и ценности.....	272
Сила регулирования.....	273
Двойная относительность.....	276
Комплексы правил: процедуры, институты, роли.....	279
Ценностно-нормативные подсистемы: обычай, мораль и право.....	283
Целостность и целостность (полнота системности) нормативной системы.....	289

Важнейшие понятия и термины.....	299
Рекомендуемая литература.....	302
Глава 12. Общественное сознание.....	303
Язык - инструмент идеи.....	303
От индивидуального сознания к общественному.....	307
Разновидности общественного сознания.....	311
Патологии общественного сознания.....	315
Важнейшие понятия и термины.....	322
Рекомендуемая литература.....	323
Глава 13. Культура доверия.....	324
Теории и теоретики доверия.....	324
Доверие и недоверие: «ставки» на будущее.....	325
Обоснованность доверия или недоверия.....	329
Структурные источники культуры доверия.....	334
Субъективные факторы культуры доверия.....	336
Функции и дисфункции доверия и недоверия.....	338
Предпосылки для практики.....	341
Важнейшие понятия и термины.....	342
Рекомендуемая литература.....	343

Часть IV**РАССЛОЕНИЕ ОБЩЕСТВА**

Глава 14. Социальное неравенство.....	347
Неравенство людей и социальное неравенство.....	347
Источники социального неравенства.....	348
Социальная стратификация.....	353
Социальные слои.....	355
Социальная мобильность.....	356
Социальные классы.....	362
Другие виды дихотомического неравенства.....	365
Важнейшие понятия и термины.....	369
Рекомендуемая литература.....	372

Глава 15. Функции и генезис неравенства..... 373

Идеологии неравенства.....	373
Теории неравенства.....	375
Важнейшие понятия и термины.....	385
Рекомендуемая литература.....	385

Глава 16. Власть и авторитет..... 386

Власть как разновидность неравенства.....	386
Разновидности власти.....	388
Формы легитимизации власти.....	394
Лидерство.....	399
Важнейшие понятия и термины.....	402
Рекомендуемая литература.....	404

Часть V**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВА**

Глава 17. Социализация и социальный контроль.....	407
Изменчивость общества.....	407
Генезис человеческого образа жизни.....	408
Социализация: вращение в общество.....	411

Три перспективы интернализации культуры.....	412
Разновидности социализации.....	418
функции социализации.....	422
Слабые звенья социализации.....	425
Границы социального контроля.....	429
Практические выводы.....	433
Важнейшие понятия и термины.....	434
Рекомендуемая литература.....	435
Глава 18. Процесс институционализации.....	436
Структурная детерминация и морфогенез.....	436
Институционализация как разновидность морфогенеза.....	438
Инновации и инноваторы.....	439
Появление и распространение инноваций.....	444
Отход от правил и эрозия правил.....	448
Важнейшие понятия и термины.....	451
Рекомендуемая литература.....	452

Часть VI**СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ****Глава 19. Социальные изменения, развитие и прогресс..... 455**

Социальные изменения.....	455
Социальные процессы.....	456
Социальное развитие.....	458
Социальный прогресс.....	459
Судьбы идеи прогресса.....	462
Изменение восприятия прогресса: роль субъекта.....	465
Важнейшие понятия и термины.....	470
Рекомендуемая литература.....	471

Глава 20. Травма социальных изменений..... 472

От дискурса прогресса до дискурса травмы.....	472
Травматические социальные изменения.....	474
Три уровня культурной травмы.....	477
Генеалогия культурной травмы.....	478
Факторы-посредники.....	482
Симптомы травмы.....	484
Способы справиться с травмой.....	485
Преодоление травмы.....	488
Важнейшие понятия и термины.....	491
Рекомендуемая литература.....	492

Глава 21. Время в обществе..... 493

Время как мера социальной жизни.....	494
Время как аспект социальных изменений.....	497
Количественное и качественное время.....	498
Время в общественном сознании и культуре.....	501
Социокультурное управление временем.....	504
Социальные функции времени.....	507
Важнейшие понятия и термины.....	510
Рекомендуемая литература.....	512

Глава 22. Классические представления об историческом развитии..... 513

Классический эволюционизм в социологии.....	514
Различные теории эволюции.....	518
Неоэволюционизм в этнологии и социологии.....	522

Неодарвинизм и социобиология.....	525
Теории модернизации.....	527
Теория постиндустриального общества.....	529
Теория цикличности в историософии.....	532
Социологические теории циклов.....	533
Третья перспектива - марксизм.....	537
Марксизм после Маркса.....	541
Важнейшие понятия и термины.....	544
Рекомендуемая литература.....	545
Глава 23. Становление общества.....	546
Историческая социология.....	546
Теории деятельности.....	549
Средний уровень социальной реальности.....	550
Идея деятельности субъектов в истории мысли.....	552
История как реализация и олицетворение деятельности субъектов.....	556
Важнейшие понятия и термины.....	557
Рекомендуемая литература.....	558
Глава 24. Социальная революция.....	559
Революции как знамение новейшей эпохи.....	559
Понятие революции.....	561
Ход революции.....	563
Модели революций.....	565
Теории революций.....	567
Что мы не знаем о революциях.....	571
Важнейшие понятия и термины.....	572
Рекомендуемая литература.....	574
Часть VII	
СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО	
Глава 25. Современность и постсовременность.....	577
Понятие современности: исторический и аналитический аспекты.....	578
Полярные модели.....	580
Современная индивидуальность.....	585
Критика современности.....	588
Что - после современности?.....	591
Поздняя современность.....	596
Важнейшие понятия и термины.....	599
Рекомендуемая литература.....	601
Глава 26. Глобализация.....	602
От изоляции к глобализации.....	602
Предвестники теории глобализации.....	607
Глобализация культуры.....	611
Теории культурной глобализации.....	614
Четыре картины глобализации.....	617
Важнейшие понятия и термины.....	619
Рекомендуемые книги.....	620
Тесты на понимание и усвоение социологических понятий.....	621
Ключ к правильным ответам.....	648
Сто книг с моей полки.....	650
Именной указатель.....	653

Предназначение социологии

Социология как наука, казалось бы, не нуждается в обосновании своей миссии. Это укоренившаяся в системе наук социальная дисциплина, занимающая устойчивое положение в структуре современных обществ. Она насчитывает не менее ста пятидесяти лет в своем формальном развитии, не считая многих веков предшествующего вызревания социологического дискурса в недрах других наук. И, тем не менее, вопрос о том, все ли очевидно с социологией в этом мире, весьма актуален.

Первые годы XXI в. со всей остротой показывают, что научный, рационалистический и объективный анализ общества еще пока не снискал всеобщего применения. Мир по-прежнему не только наполнен, но и переполнен различного рода мифами, противостоящими науке. И это мифы активно воздействуют на сознание огромных масс людей и на их поступки. Как и прежде, многие общества управляются вполне волюнтаристически, исходя из сиюминутных и эгоистических интересов отдельных групп и элит, не способных и не желающих представить общественные процессы во всей их сложности, а также в их среднесрочной и долгосрочной перспективе. Ненаучный подход к управлению обществом нередко обрамляется в наши дни социологической терминологией и даже прикладными «исследованиями», скрывающими не вполне социологический стиль мышления и действия. В этом смысле в мире присутствуют не только социология как таковая, но и полусоциология, недосоциология, парасоциология и просто несоциология, но называющая себя Социологией с большой буквы и активно настаивающая на этом. Ситуация более чем запутанная, особенно для тех, кто лишь вступает в мир науки, не обладая пока еще собственным устоявшимся суждением по поводу того, что такое социология и кто такие социологи.

В этих условиях публикация книги известного польского ученого и социального мыслителя Петра Штомпки «Социология. Анализ современного общества»¹ - явление знаменательное. Перед нами учебник, а по большому счету, и настоящая настольная книга по социологии XXI века. На фоне десятков учебников, заполняющих полки социологических разделов книжных магазинов, книга Петра Штомпки, представителя классической традиции, характеризуется высочайшей научной культурой. Петр Штомпка возвращает нас к первоисточкам и возобновляет изначальный дискурс, касающийся основ социального знания, но знания, рассматриваемого сквозь призму современности.

Бесспорно, что социология занимает особое место в контексте современного общественнознания. Сочетая широкий теоретический охват с максимальной приближенностью к конкретным прикладным исследованиям, она по праву считается одной из наиболее гуманистически ориентированных обществоведческих дисциплин. Именно поэтому в наше время, эпоху трансформации общественного сознания и социального уклада, не только академический мир, но и самые широкие круги общества связывают с прогрессом социологии надежду на создание подлинно научной картины общества, способной стать основой для выработки прогностических концепций развития в XXI веке.

Между тем бесспорная актуальность социологической проблематики нередко порождает своеобразное потребительское и достаточно упрощенное отношение к социологии. Подчас полагают, что для получения эффективного результата достаточно лишь прагматично и крайне неразборчиво использовать известные методики, якобы автоматически приносящие функциональный результат. Это глубокое заблуждение ведет к дискредитации социологии как таковой. Не вдаваясь в детальное обсуждение подобного социально-научного феномена, отметим лишь, что он чаще всего порождается низким уровнем *социологической культуры*, которая, естественно, не может возникнуть в одночасье вследствие того или иного директивного указа, а «взращивается» годами путем комплексной научно-просветительской и исследовательской деятельности, в итоге приводящей к осознанию всем обществом крайне сложных процессов социального саморазвития и саморегулирования общественной жизни в ее статических (структурных) и динамических параметрах.

Социологическая культура подразумевает, помимо всего прочего, признание бесконечной сложности общества на всех его уровнях и во всех его проявлениях и, как следствие, невозможность объяснить и решать социальные проблемы в виде шахматной задачи -

¹ Sztompka P. Socjologia. Analiza speczenstwa. Krakow: Znak, 2002. 654 p.

двухходовки или чисто социально-инженерного мероприятия. При этом носители высокой социологической культуры (отдельные люди или организации, а равно и целые сообщества) прекрасно понимают, что ни одно социальное действие не затухает бесследно, но, напротив, его последствия концентрическими окружностями расходятся по всем азимутам. Наконец, социологическая культура подразумевает и определенное дистанцирование гражданского общества и его структур от структур власти. Социологам нужна свобода научных суждений и объективность диагноза. В противном случае социальная наука может превратиться во что угодно, но только не в науку, связанную с великими традициями классики и современной теорией. В итоге можно сказать, что помимо чисто научных целей (что самоочевидно), социология нацелена на повышение *социологической культуры* общества, стимулирующей его самопознание и саморегулирование как системы, и именно этим не в последнюю очередь обусловлена позитивная тенденция развития социологии, как, впрочем, и любой иной социальной науки.

При большом разнообразии современных трактовок того, что такое социология, и часто самопроизвольном присвоении титула «социолог» Петр Штомпка предлагает в качестве путеводной звезды выделить концепцию социологического воображения. Эта концепция, предложенная в свое время Ч.Р. Миллсом², остается по-прежнему тем водоразделом, который отделяет социолога от неосоциолога и социологию от неосоциологии. В одной из своих принципиальных статей³ польский ученый выделил пять главных свойств социологического воображения или социологии как таковой: (1) рассматривать все явления в обществе как результат деятельности социальных сил, групп, отдельных индивидов, имеющих обобщенные интересы (а не только частные сиюминутные желания); (2) понимать скрытые структурные параметры всех социальных явлений; (3) вскрывать воздействие традиций и исторического прошлого на нашу современность; (4) принимать во внимание динамику, развитие социальной среды; (5) признавать огромное разнообразие и вариативность общественной жизни. «Иными словами, социологическое воображение - это вытекающая из признания разнообразия и множественности социальных установлений способность связать любое событие в обществе со структурным, культурным и историческим контекстом, а также с индивидуальными и коллективными действиями членов общества»⁴.

См. русский перевод: Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 2001.

Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 148-149.

⁴ Там же, с. 149.

В этом как раз и скрываются секрет и тайна социологии - обладание способностью в любом «тексте» (в любом источнике информации) найти структурную связь событий, определить их включенность в историю, притом в историю современную, увидеть за, казалось бы, разрозненными и спонтанными действиями людей присутствие скрытой коллективности. Вслед за Миллсом Петр Штомпка справедливо утверждает, что отсутствие социологического воображения не может быть возмещено никакими другими достижениями, скажем, большим объемом полученных эмпирических данных, апелляцией к власти и знанием того, «как это было на самом деле», умением раздавать оценки тем или иным фактам, зная наперед, «что есть что» и «кто есть кто». Примечательно, что для аналитика, опирающегося на непреложность социологического воображения, в исследовании не существует больших и малых тем и сюжетов. В равной степени настоящая социология позволяет в малом увидеть присутствие больших тенденций, а макроанализ оперативно и гармонично редуцировать до микроуровня. В этом смысле настоящая социология не может грешить высокомерием. На этом и строится книга Петра Штомпки. Его взгляд охватывает все интересные автора явления вне зависимости от их исторической масштабности или отсутствия таковой.

Наряду со своей ясной рационалистичностью социологическое воображение обладает и немалым скрытым потенциалом, опирающимся на интуицию и природную предрасположенность к аналитике. Изучать социологию могут многие и даже все те, кто стремится стать полноправным членом гражданского общества. (В этом смысле социология может быть основой гражданского самосознания и включенности в институты современного общества, и книга П. Штомпки как нельзя лучше соответствует этой миссии.) Однако социология как форма необходимой популярной культуры, «ликбеза» наших дней не отменяет и того, что профессиональной социологией могут и должны заниматься только те, кто не только по образованию, но и своей природной склонности обладает возможностью возвращать в себе и применять социологическое воображение.

И в этом нет ничего от принудительной и оскорбляющей достоинство селекции людей на способных и неспособных к социологической аналитике. Речь лишь идет о том, что, как и в любой другой профессии, нормативно достичь высот могут только те, кто имеет в том числе и особую внутреннюю предрасположенность к данной профессии. Учебник социологии Петра Штомпки не только и не столько *учит* тому, как надо «делать» социологию. Скорее всего он *подсказывает* читателям пути наилучшего приближения к социологии и ее пониманию, а заодно, и не в последнюю очередь, помога-

ет нам протестировать себя на предмет профессиональной пригодности. Едва ли стоит серьезно думать о своем будущем в социологии, если учебник оставит вас равнодушным. И дело не в том, что он эксклюзивно содержит все истины этой науки и претендует на роль исчерпывающего компендиума социального знания. Этого быть не может по определению. Современная социология безбрежна. Но все великие и малые истины социологии, по тем или иным причинам не обсуждаемые в учебнике П. Штомпки, тем не менее, так или иначе, сводятся к тем принципам социологического мышления, социологического воображения и социологической культуры, которые в этой книге подробнейшим образом обсуждаются и наглядно демонстрируются самим автором. Короче говоря, на сегодняшний день можно сказать, что включение в современную социологию вне предлагаемой книги будет весьма проблематичным и, по крайней мере, просто нерациональным.

Высочайший уровень книги и ее значимость для развития социологии и социологического образования непосредственным образом связаны с личностью Петра Штомпки как ученого. Петр Штомпка родился в Варшаве (Польша) в 1944 году. Однако начиная со студенческих лет его творческая жизнь неизменно связана с Краковом - Ягеллонским университетом, в котором с 1975 года и поныне он возглавляет отдел теоретической социологии. В этом смысле профессор Петр Штомпка в полном смысле слова социолог польский, восточноевропейский. И этой глубинной связью с польским и восточноевропейским контекстом он всегда гордится, и эту связь он при любой возможности неизменно подчеркивает. Между тем в 70-х годах Петр Штомпка как молодой фулбрайтовской профессор в полной мере знакомится с американской социологией и до сих пор остается ее исследователем и, если так можно выразиться, глашатаем. Особую роль в идейном формировании Петра Штомпки сыграл великий американский социолог Роберт Мертон, учеником которого П. Штомпка сполна может себя считать. В течение многих лет П. Штомпка был приглашенным профессором Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, где, не оставляя своих обязанностей в Ягеллонском университете, преподавал во время летних семестров. Здесь же сформировался и узкий круг его единомышленников, включающий всемирно известных социологов Н. Смелзера и Дж. Александра - их тесное многолетнее сотрудничество в полной мере продолжается и до сих пор.

Творческий путь П. Штомпки отмечен рядом теоретических исследований, обозначивших этапы в развитии международной социологии нашего времени. Это интеллектуальная биография Роберта Мертона (1986), переведенная на русский язык книга «Со-

циология социальных изменений» (1993), исследование теоретической концепции доверия (1999) и, наконец, «Культурная травма и коллективная идентичность» (2004), непосредственно обращенная к трансформирующимся обществам, включая Восточную Европу⁵.

Со временем научный авторитет П. Штомпки стал непререкаемым в Польше, Европе и США. Сегодня в мире найдется немного известных социологических факультетов, университетов, научных центров, где П. Штомпка не был бы почетным лектором, лауреатом премии, приглашенным исследователем. У себя на родине он действительный член Польской академии наук, лидер польской социологической школы.

Выдающийся вклад П. Штомпки в развитие международной социологии был подтвержден на XV Всемирном социологическом конгрессе в Брисбейне (Австралия) в 2002 году, избравшем польского социолога президентом Международной социологической ассоциации, крупнейшего профессионального и научного объединения всех современных социологов.

Научная и жизненная позиция Петра Штомпки прекрасно демонстрирует природу современной социологии. Будучи глубоко связанной со своим историческим и национальным контекстом, она превращается в науку только тогда, когда органично включается в контекст мировой.

Предлагаемая русскому читателю учебная книга вобрала в себя весь опыт Петра Штомпки, она стала концентрированным выражением его понимания социологии, знаний и видения мира. В Польше учебник П. Штомпки на протяжении последних лет стал бестселлером, выдерживающим постоянные переиздания на польском и других европейских языках. В настоящее время, развивая теорию социологического воображения, польский ученый подготовил новую книгу, теперь уже о визуальной социологии. Будем надеяться, что и она вскоре будет доступна для читателей на русском языке.

Научная социология по своей природе плюралистична. Она не признает никаких монополий на истину и поклонения вневременным кумирам. Социология не столько свод знаний и методов, сколько процесс самопознания общества. И в этом процессе мы должны постоянно обновлять свое знание и сверять его с эталонами научности. Книга П. Штомпки может стать для каждого читателя прекрасным инструментом для решения этих задач.

Н.Е. Покровский

⁵ Основные книги П. Штомпки: *System and Function: Toward a Theory of Society*. New York: Academic Press, 1974. 231 p.; *Sociological Dilemmas: Toward a Dialectic Paradigm*. New York: Academic Press, 1979. 361 p.; *Robert K. Merton: An Intellectual Profile*. London: Macmillan Press, 1986 and New York: St. Martin's Press, 1986. 324 p.; *Rethinking Progress* / Jeffrey Alexander. London and New York: Unwin & Hyman, 1990; *Society in Action: The Theory of Social Becoming*, Polity Press, Cambridge, and The University of Chicago Press, 1991; *Sociology in Europe: In Search of Identity* / co-edited, with Birgitta Nedelman. New York: De Gruyter Berlin, 1993; *The Sociology of Social Change*. Oxford: Basil Blackwell, 1993. 348 p. (published also in Russian, Spanish, Portuguese (forthcoming in Japanese)); *Agency and Structure: Reorienting Sociological Theory* (edited). New York: Gordon & Breach, 1994; *Trust: A Sociological Theory*, Cambridge: Cambridge University Press, 1999 (forthcoming in Chinese); *Cultural Trauma and Collective Identity*, (with J. Alexander et al.). Berkeley: California University Press, 2004.

Благодарность

Эта книга складывалась на протяжении ряда лет на основе заметок и конспектов моих лекций и докладов, прежде всего в Йеллонском университете, а также в США, где мне пришлось побывать пятнадцать раз (в Колумбийском университете в Нью-Йорке и в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе), и во время sporadicческой работы в других университетах Европы, Латинской Америки и Австралии. Следовательно, и мои студенты как в Польше, так и за границей участвовали в создании этой книги.

Однако в целом она была написана в течение четырех весенних месяцев 2001 г. Такая интенсивность работы была возможна только благодаря тому, что я получил приглашение в два научно-исследовательских института (в обоих случаях был гостем их ректоров), а именно в Венгерский Коллегиум в Будапеште и Нидерландский институт перспективных исследований (The Netherlands Institute for Advanced Study (NIAS)). Ректоры Габор Кланичай и Генк Весселинг создали для меня в этот период поистине идеальные условия для жизни и работы. Если на небе или в раю существует специальное место, предназначенное для ученых, то выглядит оно, несомненно, точно так, как их институты.

В сложном и трудоемком деле подготовки тома к изданию особую мою благодарность заслужили Адам Михайлов и мой внимательный редактор Малгожата Бернацкая.

Глава 1

Социология и общество

Знание об обществе и социология

Говорят, что социология - это новая наука на очень старую тему. Или иначе: социология имеет короткую историю, но длинное прошлое. На самом деле, как отдельная *область научного знания* она появилась только в первой половине XIX в. Наименование «социология» было введено в 1838 г. французским философом Огюстом Контом, который построил эту словесную конструкцию, соединив латинское *socius* (социум, общество) с греческим *logos* (мудрость, знание). В середине века первые книги, в названия которых входит термин «социология», пишет британский мыслитель Герберт Спенсер. Но должен был пройти и миновать весь XIX в., чтобы социология появилась в университетах как признанная академическая научная дисциплина.

Несмотря на то, что свои интеллектуальные корни она имела в Европе, полное институциональное признание она получает прежде всего в Америке. В Соединенных Штатах уже в 1892 г. возникает первый социологический факультет в Чикагском университете (им руководит Альбион В. Смол, который был в то же время основоположником «Американского социологического журнала» (*American Journal of Sociology*), остающегося до настоящего времени ведущим периодическим изданием в области социологии в США). В 1909 г. формируется Американская социологическая ассоциация (ASA), которая и поныне является самой крупной профессиональной организацией социологов.

В Европе первая кафедра социологии создается во Франции в 1895 г. в Университете Бордо (ее возглавляет Эмиль Дюркгейм, который в 1898 г. начинает также издавать и редактировать очень влиятельное периодическое издание «Социологический ежегодник» (*L'Annee Sociologique*)). В Германии значительно позже, только в 1919 г., первую кафедру социологии в Мюнхенском университете возглавляет Макс Вебер, к тому времени уже известный профессор политэкономии и истории хозяйства, который в 1909 г. вместе с Фердинан-

дом Теннисом и Георгом Зиммелем был основателем первого германского объединения социологов («Немецкое социологическое общество» - Deutsche soziologische Gemeinschaft). В Великобритании только после Второй мировой войны социология получает признание и обретает статус в главных университетах, Оксфордском и Кембриджском, поначалу она выступает здесь как социальная антропология или социальная и политическая философия. В Польше создателем первого университетского социологического центра был Флориан Знанецкий, который основал кафедру в Университете в Познани в 1920 г. и был редактором первого польского социологического журнала «Социологическое обозрение» (Przeglądu Socjologiczny), который издается до настоящего времени.

Организация и сотрудничество социологов в международном масштабе начались в 1893 г., когда французский ученый Рене Вормс основал элитарный, небольшой по числу сотрудников Международный социологический институт (Institut International de Sociologie, IIS). Однако массовая организация всемирного радиуса действия возникла только в 1949 г. Это Международная социологическая ассоциация (International Sociological Association, ISA), которая представляет социологов почти ста стран и имеет сейчас свыше 3 тыс. членов.

Таким образом, социология является относительно молодой научной дисциплиной. Именно это я имею в виду, говоря, что *социология имеет короткую историю*. Однако размышления на тему общества сопутствовали людям с самого начала их истории, их деятельности, несомненно, восходят к глубокой древности и имеют вечный характер, ибо жизнь в окружении других людей, контакты с ними, сотрудничество, конкуренция, борьба составляют основу существования человеческого рода. Мы относимся к существам такого рода, которые ведут стадный образ жизни, мы живем в коллективах, группах - от семьи через род, племя, общину, совокупность соседей, товарищей, сотрудников, сослуживцев до народа и, наконец, континентального или глобального сообщества, например, европейского или мирового, что сегодня обозначается все более явно благодаря расширению коммуникаций, экономическим, культурным связям, а также целевой интеграционной политике. Все это замечали еще древние философы (например, Аристотель), которые определяли человека как «существо общественное» (homo socius или homo politicus).

Никогда мы не остаемся в одиночестве, от рождения до смерти нас окружают другие, и мы должны как-то справляться с этим, общаться с ними, устраивать свою жизнь среди других. Мы извлекаем различный опыт из таких контактов, сравниваем собственный опыт с опытом близких и знакомых людей, обобщаем его, выводим из него разные жизненные стратегии, которые применяем в повседневной практике. Стало быть, каждый человек в известном смысле является социологом. Только не социологом в академическом, научном плане. Это я и имею в виду, говоря, что *социология имеет длинное прошлое*.

Чем отличается это предсоциологическое знание об обществе? Это знание выступает в трех ипостасях - обыденного опыта, художественных впечатлений и философской рефлексии. Обыденное знание - это прежде всего набор

наблюдений, достаточно *случайных* и *индивидуальных*. Каждый живет в несколько отличных, своеобразных группах, в разных условиях, имеет свою, чем-то отличающуюся от других жизненную судьбу, успехи и поражения, и в то же время каждый имеет склонность к обобщению этого личного опыта, рассмотрению его в качестве всеобщего и типичного. Наша перспектива, наша собственная точка зрения кажется нам единственно правильной. Поэтому второй особенностью обыденного знания, так называемой *жизненной мудрости*, является фрагментарность, отрывочность. Даже тогда, когда это знание формулируется в человеческих поговорках, повседневно употребляемых пословицах или наиболее распространенных легендах, мифах, рассказах, оно не создает системы. Самое большее, что удастся сделать, - это систематизировать это обыденное знание в форме словаря пословиц, расположенных в алфавитном порядке, при этом каждая из таких пословиц будет иметь отношение к предмету, ничего общего не имеющему с другими, соседними, и, кроме того, окажется, что порой эти пословицы не согласованы друг с другом, а, напротив, утверждают противоречащие друг другу вещи. В-третьих, обыденная мудрость нередко оказывается поспешным, *опрометчивым* суждением, авторы которого не слишком обеспокоены серьезным обоснованием своих выводов, солидной базой аргументов провозглашаемых ими истин, иногда они удовлетворяются ссылками на единичные факты и даже факты мнимые, являющиеся вымыслом, мифом или обманом. Наконец, в-четвертых, знание, основанное на так называемом здравом смысле, часто оказывается *категоричным*, его носители не останавливаются перед самыми решительными оценками, рекомендациями, аксиологическими суждениями. Они легко впадают в морализаторство, проповедают свои партикулярные правила и директивы.

Знанием об обществе располагает также искусство. Это наиболее очевидно для литературы, особенно реалистической прозы (в самом деле, не являются ли превосходными социологами Бальзак, Золя, Фолкнер, Стейнбек, Грасс, Фуэнтес, Маркес? - назовем лишь несколько имен). Социологическое содержание мы находим и в поэзии, в драматургии, а также в публицистике. Особым, недискурсивным образом связанные с темами жизни общества наблюдения и интуицию выражает также живопись (Гойя, Босх), даже музыка, например опера. Неисчерпаемой сокровищницей социологического знания являются киноискусство, искусство фотографии, телевизионный репортаж.

И в этом нет ничего удивительного. Ведь главным предметом и ведущей темой искусства является судьба человека, а эта судьба, как уже говорилось, неразрывно связана с обществом. Таким образом, посредством искусства осуществляется важный вид социологического познания. Но, разумеется, эта задача реализуется как бы попутно, при удобном случае. Ведь цели и намерения искусства совсем другие, и ценность искусства не измеряется (во всяком случае не главным образом или прежде всего) его познавательными функциями. Поэтому искусство не связано строгими правилами и стандартами соответствия объективной истине. В этом плане искусство скорее ближе обыденному мышлению, нежели научной социологии.

Третий вид досоциологического познания общества - это социальная (или политическая) философия, представляющая собой один из самых главных

разделов философии с древнейших времен. Она уже существенным образом отличается от обыденного знания и от художественного познания (познания посредством искусства). Прежде всего, это отличие заключается в том, что она ставит своей целью выявление правды о мире. Во-вторых, эта рефлексия осуществляется на профессиональной основе, *профессиональными философами-мыслителями*, а не между прочим, побочно или случайно, среди повседневных дел или в процессе художественного творчества. Благодаря этому она позволяет выйти за рамки индивидуального опыта и ограниченного, субъективного горизонта. Она опирается на наблюдения и сравнения, касающиеся разных обществ, использует исторические материалы, описывающие прежние общества, В-третьих, здесь придается гораздо большее значение точности формулировок и обоснованию выводов и суждений, хотя основной акцент при этом постоянно ставится на доводах рассудка, логичности и взаимосвязи выводов, на правильной дедукции, в то время как эмпирические и исторические факты трактуются всего лишь как иллюстрации. В-четвертых, отдельные положения связаны здесь в целостные *системы*, при этом центр тяжести переносится на их логическую взаимосвязь и явно обозначается стремление восполнить все выявляемые поля незнания. Из таких философских систем, построенных Огюстом Контом или Гербертом Спенсером, и появилась на свет социология. В-пятых, типичным моментом является здесь нормативный подход, оценивающая позиция, а также претензия на формулирование указаний, практических советов или политических рекомендаций. Неслучайно такую большую роль в социальной философии играет этика, неслучайно также столь значительное место занимают здесь многочисленные образы «идеальных обществ», имеющие более или менее утопический характер.

Социология формируется из этих трех видов досоциологического мышления, являясь одновременно продолжением и новой особенной формой обыденного знания, художественного творчества и социальной философии. Разумеется, она не подменяет собой и не вытесняет из жизни этих форм человеческой мысли, она дополняет их, присоединяется к ним, существует рядом с ними, отличаясь, однако, некоторыми существенными моментами. Решающим, переломным моментом является представление и утверждение, что общество - это не хаос отдельных человеческих судеб и случайных примеров, а нечто, обладающее особенными, характерными *повторяющимися признаками и закономерностями*, что это общество может быть предметом новой, развивающейся начиная с эпохи Просвещения познавательной перспективы, а именно новейшей эмпирической и экспериментальной *науки*, претендующей на формулирование общих законов бытия. Распространение на сферу социальных отношений современного научного видения и мышления, действовавшего уже с XVII в. в сфере познания природных явлений - в астрономии, физике, химии, биологии, дало начало научной социологии.

Эта новая научная перспектива отличалась тремя характерными признаками: тем, как добывается знание, тем, как формулируются результаты, и тем, как используются полученные данные и сделанные выводы. Во-первых, научная социология обращалась к систематическому, основанному на определен-

ных стандартах способу достижения и обоснования истинных положений, то есть к тому, что называется *научным методом*. Достаточным критерием истины считались подтвержденные эмпирически или экспериментально факты общественной жизни. Социология претендовала на обоснованное обобщение таких фактов в виде общественных законов. Она требовала обычно весьма категорических заключений и воздерживалась от оценок и аксиологических характеристик. Во-вторых, научная социология предлагала новые (или измененные), опирающиеся на точные определения-дефиниции, четкие и оптимально измеримые понятия, формирующие специфический *язык научной дисциплины*. Эти понятия должны были найти применение в утверждениях о зависимости между различными фактами или явлениями. И большинство таких утверждений-выводов должны были быть логично связанными в системы, которые называются научными теориями. В-третьих, научное социологическое знание должно было дать убедительные, обоснованные ответы на несколько вопросов разных типов. Прежде всего, надо было ответить на вопрос, имеющий описательный, информативный характер: *как выглядит ситуация на самом деле?* Здесь роль социологии заключалась в анализе и разоблачении различных мифов и типичных заблуждений, характерных для перспективы обыденного знания или для фантазий и идеализации, имеющих место в искусстве. Социология, таким образом, должна была проверить прежде всего подлинность фактов. Она должна была также выявить то, что кроется под поверхностью явлений, доступных непосредственному зрительному восприятию, она обязана была искать более глубокие, скрытые от поверхностного наблюдения пласты общественного бытия. Наконец, она должна была вскрывать непреднамеренные и неосознанные последствия социальных действий членов общества. Следующим вопросом было: *почему же всё это есть именно так на самом деле?* Здесь социология стремилась к поиску причин более глубоких и фундаментальных, чем те, которые подсказывал и обнаруживал здравый смысл, она должна была вскрывать глубокие механизмы, определяющие те или иные явления, связи этих явлений с контекстом иных синхронных процессов и феноменов, а также с секвенциями, рецидивами и повторами более ранних явлений. Она претендовала на то, чтобы отличать истинные причины от мнимых лучше и точнее, чем это делала философия. Социология хотела предвидеть ход будущих событий, иметь возможность ответить на вопрос: *что и как будет дальше?* При этом она не собиралась удовлетвориться выражением некоторых предчувствий и пророчеств, но должна была выявить ожидаемые тенденции на основе научных законов, выработать обоснованные прогнозы социального развития. И наконец, социология имела практические намерения: она претендовала на то, чтобы давать научно обоснованные советы, *что делать, чтобы изменить общество* в достойном, правильном направлении. Эти советы и рекомендации были адресованы политикам и представителям администрации, вовлеченным в управление социальной жизнью, а также простым людям, которым она должна была помочь лучше разбираться в обществе и тем самым обрести лучшие шансы для реализации своих стремлений и намерений.

Эти характерные черты научной социологии, отмечаемые уже основоположниками данной научной дисциплины в XIX в., сохранили свое значение до наших дней. Эти особенности определяют и способы действия, и цели, которые ставят перед собой также современные социологи. Точнее - большинство современных социологов, ибо в конце XX в. появились и такие социологи, которые ставят под вопрос преимущества научного подхода перед интуитивным познанием, опирающимся на эмоции, озарения, вдохновение, эстетические, художественные переживания и т.п. Другие, в свою очередь, признают значение науки и необходимость научных подходов при изучении природы, техники, но отбрасывают идею выявления каких-либо закономерностей и взаимосвязей в общественной жизни, трактуя эту жизнь как сферу господства абсолютных случайностей, как область, в которой царит стихийность, неустойчивость, фрагментарность не связанных друг с другом явлений. Такое разрушение научной социологии совершается под модным лозунгом *постмодернизма*. К счастью, это направление имеет лишь маргинальное влияние на то, чем занимаются социологи во всем мире, и можно считать, что это направление останется кратковременным отклонением общественной мысли, которое быстро сойдет на нет, чем-то вроде тупикового варианта в развитии данной научной дисциплины.

ОГЮСТ КОНТ (1798-1857)

Французский философ, чей главный шеститомный труд «Курс позитивной философии» (*Cours de philosophie positive*), увидевший свет в 1830-1842 гг., содержал синтетическое обобщение всех прежних научных знаний и их распространение на сферу явлений, связанных с общественной жизнью, что и послужило началом новой научной дисциплины - социологии.

В его представлении научное, или иначе говоря «позитивное», мышление было высшей ступенью эволюции человеческой мысли, проходящей в свою очередь три стадии развития: теологическое мышление (когда для объяснения различных явлений люди обращаются к сверхприродным силам или к божествам), метафизическое мышление (когда люди пытаются разъяснить эти явления с помощью абстрактных понятий и умозрительно) и, наконец, позитивное мышление (когда они формулируют достоверные утверждения, основанные на фактах, на закономерностях причинно-следственных связей фактов). В свою очередь, социология была для Конта царицей наук, занимала высшее место в их иерархии и могла по его представлениям появиться только на базе развития всех предшествующих ей наук: математики, астрономии, химии, физики, биологии, поскольку сама она занимается предметом наиболее высокой степени сложности.

Исходя из того, что мир природы и мир социальной жизни составляют единое целое, он утверждал, что и методы социологии должны опираться на те же самые принципы и основы, что и методы естественных наук. Социология должна унаследовать методологические основы естественных наук, при этом особенно важно, что она должна опираться на факты и не выходить за пределы, определяемые возможностями фактических наблюде-

ний. Главным исследовательским подходом в социологии является сравнительный метод. А цели этой науки - «понимание - предвидение - предупреждение / предотвращение», или формулировка таких объяснений, из которых можно извлечь предсказания и дать практические советы. Особый смысл существования и значение социологии определяются тем фундаментальным общественным переворотом, который свершился в итоге революций XVIII в., прежде всего Великой Французской революции: суть этого переворота заключается в том, что на место традиционного общества пришло общество, основанное на промышленном развитии, процессах урбанизации и установлении республиканского политического строя. Новая система развивается не спонтанно, она требует рационального управления, для которого именно социология должна разработать необходимые основы.

Конт рассматривал общество как сложный организм, прибегая для его характеристики к аналогиям из области органики. Он воспринимал социальную структуру, или иначе говоря анатомию общества, как «социальную статику», а его функционирование, изменчивость, развитие, или физиологию, как «социальную динамику». Основными составляющими общества являются социальные группы, и среди них наиболее значительную роль играет семья. К Конту восходит известное утверждение, что семья является основной ячейкой общества. Общество находится в непрерывном процессе развития, а направление этого развития и его этапы определяются упомянутым выше «законом трех стадий».

Литература

- Comte A.* Metoda pozytywistyczna w szesnastu wykładach [Позитивный метод, изложенный в шестнадцати лекциях]. Warszawa: PWN, 1961.
- Comte A.* Rozprawa o duchu filozofii pozytywnej [Размышления о духе позитивной философии]. Warszawa, 1973.
- Skarga B.* Comte [Конт]. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1966.
- Kucia M.* Comte // Encyklopedia Socjologii [Социологическая энциклопедия]. Т. I. Warszawa: Oficyna naukowa, 1998, S. 97-99.
- Szczepański J.* Socjologia: rozwój problematyki i metod [Социология: развитие проблематики и метод]. Warszawa: PWN, 1969 S- 49-72.
- Szacki J.* Historia myśli socjologicznej [История социологической мысли]. Т. I. Warszawa: PWN, 1981. S. 255-295.

Социология как наука

Всеобщее признание научного статуса социологии не может, однако, служить основанием для наивного представления, будто наука об обществе ничем не отличается от наук о природе. А именно эту ошибку совершали создатели социологии, работавшие в XIX в., которые провозглашали, что новая дисциплина является прямой наследницей естественных наук и должна использовать те методы и исследовательские процедуры, которыми пользовались ранее сформировавшиеся и соответственно более зрелые науки о природе: астрономия, физика, химия, биология. Огюст Конт определял эти методы как «позитивные», знаменующие собой преодоление более ранних «теологических» и «метафизических» способов мышления; отсюда и принятая им для

социологии научная парадигма получила название *позитивизма*. Такой научной модели соответствовало несколько характерных установок. Во-первых, это ограничение научного познания фактами непосредственного наблюдения и чувственного восприятия и отказ от каких бы то ни было рассуждений и умозаключений на темы сущности, квинтэссенции, фундаментальных механизмов явлений. Во-вторых, это продвижение к разного рода обобщениям посредством осторожной индукции, собирания как можно большего количества наблюдаемых фактов и их последующей классификации по признакам подобия. В-третьих, это сведение научных законов к простым положениям о взаимосвязи между фактами, выявленными с помощью наблюдения: или в том случае, когда определенные факты и явления выступают одновременно и вместе, или в том случае, когда они следуют друг за другом. В-четвертых, это прямое рассудочное конструирование на основе научных законов прогностических моделей, прогнозов на темы будущих явлений. В-пятых, это вытекающие из закономерностей и логических построений заключения, включающие практические рекомендации и указания, как избежать или, напротив, вызвать новые факты и процессы, их объяснение на языке, подобном тому, что применяется в медицине, где на основании биологических, химических и других данных и знаний делаются заключения, касающиеся основ профилактики и терапии, или тому, что применяется в инженерном деле, где на основании законов механики делаются заключения о технических способах строительства домов или мостов.

Оставим в стороне вопрос, не упрощала ли такая характеристика того, что на самом деле создавали и открывали своими трудами Кеплер, Ньютон, Лавуазье, Фарадей и другие творцы новейшего естествознания. Для нас сейчас важно, что за постулатом, утверждающим, что социология наследует и использует методы наук, изучающих природу, крылось представление, что сам предмет естественных наук по сути своей такой же, как предмет социологии, что природа и общество имеют одну и ту же сущность. Такой взгляд на единство мира, на одинаковый характер явлений природы и явлений общественной жизни мы называем *натурализмом*. Натурализм был неизбежным дополнением позитивизма.

Еще в XIX в. такая идея и версия научности социологии была поставлена под сомнение некоторыми мыслителями. Немецкие философы Вильгельм Дильтей и Генрих Риккерт оспорили тезис о единстве природы и общества, обратив внимание на то, что в жизни людей, в человеческом мире и обществе имеют места явления, которые не встречаются в природе, такие, как значения, смыслы, символы, правила, нормы, ценности, одним словом - *культура*. Общество кардинально отличается от природы. С этой позиции, которую мы можем назвать антинатуралистической, сделал дальнейшие шаги и выводы основоположник немецкой школы социологии Макс Вебер, который утверждал и обосновывал модель научной социологии, совершенно противоположную той, что выдвинул Конт. Этот подход мы называем антипозитивистским, или *гуманистическим*. В соответствии с такой точкой зрения, наука не может ограничиться лежащими на поверхности фактами, поддающимися наблюдению и чувственному восприятию, она должна проникать глубже, до понима-

ния скрытых, не подвластных внешней фиксации и наблюдению значений и ценностей, связанных с фактами через действия, намерения и помыслы людей, а выявить такого рода вещи можно только посредством интерпретации, совершаемой разумом. Эта методология *интерпретации* общественных явлений, предложенная Вебером, оказала огромное влияние на современную социологию, особенно в том ее направлении, которое называется герменевтическим. Современная герменевтика далеко продвинулась по пути преодоления главной трудности этого метода - субъективизма в интерпретации, что может подорвать важнейший для науки принцип объективизма, или независимости знания от того, кто его формулирует. Уже английский философ науки Карл Р. Поппер подчеркивал роль открытой критики в научной среде в качестве механизма контроля и корректуры односторонних взглядов. Следуя в том же направлении, выдвинул свои предложения немецкий философ и социолог Юрген Хабермас, который указывал, что интерпретация обретает характер объективности, если производится в атмосфере открытой дискуссии с участием многих исследователей, в условиях, которые он называл «идеальной коммуникативной ситуацией», то есть полной свободы высказывания мнений, а также равного положения всех участников дискуссии, отсутствия какого-либо внешнего давления на них и неприятия в расчет аргументов не по существу дела. Научное знание, формулируемое и кристаллизующееся в итоге такого вполне демократического дискурса, оказывается свободным от субъективных искажений.

Антипозитивистскому и антинатуралистическому перелому в развитии социологии способствовали также польские социологи. Отец академической социологии в Польше Флориан Знанецкий вместе с американским психологом Уильямом Томасом был создателем широкоизвестной концепции «*человеческого фактора*». Согласно этой концепции, все факты социальной жизни, в отличие от природных явлений, связаны с деятельностью человека, каких-нибудь людей, а потому являются не «ничейными», а «чьими-то» - в сфере жизненного опыта каких-либо индивидов или коллективов, которые с этими фактами сталкиваются, наблюдают, познают их, переживают, интерпретируют, оценивают. Следовательно, по самой своей сути эти факты включают некий «человеческий фактор», или «гуманистический коэффициент». Поэтому исследовать их можно, только учитывая позицию тех людей, чей опыт связан с этими фактами, для чего необходимо поставить себя в их положение, попытаться посмотреть на мир их глазами, расшифровать ту иерархию ценностей, те системы правил, которыми они руководствуются, а никак не путем оторванного от их жизни внешнего наблюдения со стороны. Следовательно, общество всегда необходимо исследовать с учетом «человеческого фактора». Конкретным выражением такого методологического подхода было использование Томасом и Знанецким в их капитальном труде о польских эмигрантах «Польский крестьянин в Европе и Америке» особого типа источников. Они обратились к письмам и дневникам, или, как они сами это называли, к «личным документам». Таким образом им удавалось проникнуть в подлинное самочувствие и мировоззрение эмигрантов, брошенных в новую и чужую для них социальную и культурную среду, понять «изнутри» их проблемы и драмы.

После Второй мировой войны укреплению в Польше антинаучности и антипозитивистского направления, уже со времен Знанецкого весьма авторитетного и влиятельного, способствовали два выдающихся ученых - Юзеф Халашинский и Станислав Оссовский. Первый из них сосредоточил свое внимание на гуманистической в своей основе культурной проблематике и применил в ее исследовании методологию интерпретации мемуаров и дневников (например, в известной работе «Молодое поколение крестьян»), второй всесторонне и убедительно аргументировал тезис о принципиальных «особенностях общественных наук» по сравнению с естественными науками.

Характерный для позитивистской модели тезис о так называемой *симметрии объяснения и предвидения*, то есть взгляд, согласно которому, обладая научной теорией, объясняющей факты, мы можем с уверенностью формулировать надежные прогнозы будущих общественных явлений, со времен Конта вызывал сомнения у многих социологов. Они обращали внимание на то, что мы, даже зная все отдельные законы, управляющие социальной жизнью, не в состоянии предвидеть, в каких уникальных комбинациях окажутся задействованными и взаимосвязанными эти законы и какое перекрестное влияние окажут они на свои конечные последствия. Ведь даже в самой простой общественной ситуации оказывается задействованным огромное множество определяющих эту ситуацию факторов, каждый из которых приводит в действие другие. Кроме того, каждое целенаправленное и задуманное, связанное с определенным намерением действие вызывает огромное множество побочных, *непредвиденных последствий*, порой оказывающихся даже в прямом противоречии с предварительным намерением, часто опосредствованных и весьма далеких от самого этого действия. Некоторые аналоги данной проблемы обнаруживаются и в сфере естественных наук. Знаем же мы, к примеру, все законы гравитации, а не можем предвидеть, где именно упадет гонимый ветром лист; владем всеми законами метеорологии, а постоянно терпим неудачи при прогнозировании погоды; знаем очень много в области тектоники, а землетрясения или извержения вулканов застают нас врасплох; нам уже известна почти полная конструкция человеческих генов, однако мы все еще не можем с достаточной уверенностью сказать, с какими способностями родится ребенок, какие болезни ждут его в жизни и когда он умрет. Некоторые утверждают, что движение крылышек мотылька где-нибудь в джунглях Амазонки через бесконечную цепь связей и взаимодействий в атмосфере может вызвать ураган на Филлиппинах или во Флориде. Точно так и в социальных науках: имея даже большой объем экономических знаний, мы бываем застигнуты врасплох движениями на бирже, курсами валют или ценами на нефть. Никому еще не удавалось предвидеть моменты мобилизации общественных движений, взрыва массовых протестов или революций. Ни одна, даже самая разумная и правильная, политическая реформа не осуществляется, к сожалению, без каких-либо печальных неожиданностей. И если перейти на более низкий уровень, можно сказать, что мы никогда не можем с уверенностью сказать, как поведет себя завтра наш знакомый или друг, что совершит через секунду водитель машины на соседней полосе автострады.

Конечно, можно утверждать, что все это происходит просто потому, что социология является молодой наукой и тех знаний, какими мы обладаем, оказывается недостаточно. Но это только часть правды. Дело в том, что для всего этого существуют глубокие, основательные причины, связанные с тем, что любое предвидение общественных явлений - это предвидение человеческих действий, более того, поступков людей, которые действуют не изолированно, сами по себе, а среди других людей, в контактах и взаимодействии с ними. Тем временем уже многие социологи (например, известный немецкий социолог Никлас Луман) подчеркивали, что даже отдельные, единичные человеческие действия включают в себя высокий коэффициент *ненадежности*, неуверенности, непредвиденности, произвольности, «капризности» и случайности. Как говорил британский теоретик Энтони Гидденс, «человек всегда может повести себя иначе», чем мы ожидаем¹. И все это во много раз увеличивается, когда мы имеем дело с действиями коллективными или массовыми, когда люди оказывают взаимное влияние на свои поступки и поведение друг друга.

Другая отличительная черта человеческих действий по сравнению с объектами природы - люди обладают собственными, верными или неверными, знаниями и представлениями по поводу той или иной ситуации, в которой они находятся, относительно той социальной среды, которая их окружает, шансов собственной деятельности, доступных им средств и соответственно действуют, опираясь на эти знания и представления. А знания такого рода они черпают из самых различных источников, из личного опыта, контактов, которые у каждого человека оказываются особенными, отличными от других; из всего, что остается в человеческой памяти с детства и затем проявляется в действиях. Немыслимо предвидеть все конкретные составляющие, из которых складываются такие знания.

С еще большими трудностями столкнулись бы мы, если захотели предвидеть не действия и поступки отдельных личностей или коллективов, а состояние всего общества на какой-либо момент его будущего. И даже если бы социологические законы позволяли нам строить прогностические модели по всем аспектам будущего общества, то, как говорил Карл Поппер, мы никак не могли бы предвидеть уровня *будущего знания*, которым будут располагать последующие поколения - общество будущего. А ведь именно от характера и уровня знания в огромной мере зависят состояние и тип общества. Разве можно было сто лет тому назад предвидеть развитие телевидения или появление интернета, мобильных телефонов или персональных компьютеров? А ведь именно эти творческие, стало быть, по определению *не поддающиеся предвидению* открытия абсолютно изменили всю социальную реальность, весь общественный мир. Следовательно, мы должны не торопиться и с большой осторожностью отнестись к попыткам детерминации будущей жизни общества, расставшись с мечтами позитивистов, полагававших, что общественные явления и события можно так же уверенно и точно предвидеть, как движение планет.

¹ Giddens A. The Constitution of Society. Cambridge: Polity Press, 1984. P. 9.

И еще с одним положением позитивистской модели социологической науки должна расстаться современная социология. Насколько Макс Веберу мы обязаны тем, что он по-новому определил характер социологического знания, настолько немецкому философу Карлу Марксу мы обязаны отходом от позитивистского представления о задачах и функциях социологии как своего рода «инженерии». Именно Маркс обратил внимание на то, что социальные науки, в отличие от знаний и наук о природе, имеет *идеологическую ценность*², то есть «становятся реальной силой, если овладевают массами»². Иначе говоря, сами по себе концепции, доктрины, теории в общественной жизни имеют практическое значение, поскольку они изменяют мышление людей, оказывают влияние на мотивацию их поступков, на их стремления, представления о том, что правильно, в конце концов на сами их действия и поступки. Именно из массовых действий и складывается общественная практика.

Совершенно с другой стороны и значительно позже к подобной мысли пришел также американский классик социологии XX в. Роберт Мертон. Он описал механизм так называемых *самосбывающихся пророчеств*. В этом случае люди, всерьез поверив в какую-либо теорию и вытекающие из нее прогнозы, даже если они ложны, доводят дело до того, что такая теория и такие прогнозы фактически осуществляются. Так, инвесторы, убежденные в правильности теории экономического цикла, вообразив, что приближается экономический спад или кризис, начинают забирать свои капиталы, что приводит к панике на бирже, к действительному краху и кризису. Или, наоборот, экологические движения, взявшие на свое вооружение основательно подтвержденные теории о так называемом парниковом эффекте, добиваются запрета на выброс определенных газов и ограничения загрязнения атмосферы, и эти действия приводят к тому, что никакого потепления и климатических изменений не наступает. И в том, и в другом случае сама по себе теория, представляющая собой некое чистое знание, в силу осознания ее людьми и посредством определенных человеческих действий воздействует на практику, меняя саму действительность³. Подобного феномена не существует в природе. Астрономические теории не меняют хода планет, теория относительности не ускоряет и не предотвращает исчезновение галактик, а открытие ДНК не влияет на процессы наследственности. Сама теория здесь практически остается нейтральной, и лишь в некоторых случаях прикладные науки - технические, инженерные, медицинские - оказываются способными сделать из теории определенные конкретные выводы и директивы, реализуемые в дальнейшем в промышленной, лечебной и иной практике. Современная социология придает большое значение этой особенности обществоведения, называя ее *рефлексивностью* (например, в концепциях Энтони Гидденса).

Можно, кажется, утверждать, что в главном направлении своего развития социология основательно преодолела наследство наивного натурализма и по-

зитивизма. Сегодня здесь явно господствует гуманистическая парадигма, или, говоря иначе, стремящаяся к пониманию и истолкованию социальных явлений, основанная на принципах герменевтики, интерпретирующая, входящая в систему культурной антропологии социологическая наука. Господствующим является убеждение в частичной индетерминации (необъяснимости конкретными причинами) явлений социальной жизни и непосредственном, основанном на рефлексии воздействии социальных знаний на общество. Но в то же время еще встречаются, в том числе и в польской социологии, эпигоны позитивистского метода и подхода. К этой традиции восходят теории философского направления, которое называется бихевиоризм, теория Дж. Хоманса, теории сети (в Польше во главе этого направления стоит Яцек Шматка), теории социального обмена (например, разработанные Питером Блау), теории рационального выбора (например, представленные в трудах Джеймса Коулмана). А в связи с проблемой применения социологии постоянно возникают различные концепции социальной инженерии или социотехники (например, в трудах Адама Подгурецкого), принимающие за основу возможности манипулирования обществом извне, его подчинения в целом интересам элит, а также людьми как марионетками с помощью пресловутого «кнута и пряника».

СТАНИСЛАВ ОССОВСКИЙ (1897-1963)

Ведущий польский социолог, пользовавшийся большим морально-интеллектуальным авторитетом в период после Второй мировой войны. Наиболее значительные его книги: «Социальное знание и наследство крови» (1939), «Классовая структура в общественном сознании» (1957), «Об особенностях общественных наук» (1962) (все - на польском языке. - *Прим. пер.*).

Он, представитель гуманистической ориентации, видел существенные различия - онтологические, эпистемологические (гносеологические) и методологические - между науками о природе и науками об обществе. Объекты и явления, присущие общественной жизни, он представлял как знаки, познание которых невозможно осуществить внешним наблюдением, ибо оно требует интерпретации смыслов. В ходе такой интерпретации люди проявляют свое отношение к обозначенным объектам, придавая им ту или иную ценность. Это отношение может базироваться на знании, чувственном восприятии (эмоциях) или на реализации определенных представлений. Таким образом создается «полиформизм ценностей»; три уровня ценностей могут оказаться несоразмерными друг с другом.

Общественное сознание является совокупностью понятий, представлений, убеждений, оценок, типичных для людей определенного круга, определенной среды, причем все эти понятия, представления, убеждения и оценки усиливаются, поскольку воспринимаются уже не только как личные, а как общие, разделяемые с другими людьми. Все явления вещественной жизни имеют определенный сознательный аспект. Социальные связи, особенно национальные и этнические, - это прежде всего продукт воображения, определен-

² Marx K. i Engels F. Dzieła. T. I. Warszawa: Książka i Wiedza. 1960. S. 466.

³ Merton R.K. The Self-Fulfilling Prophecy // R.K. Merton on Social Structure and Science / Ed. by P. Sztompki. Chicago: The University of Chicago Press. 1996. P. 183-204.

ных убеждений, патологические формы которых расизм, шовинизм Оссовский вскрывал и решительно осуждал, принимая и поддерживая в то же время позитивные выражения такого рода чувств и убеждений, а именно патриотизм, связанный с понятием «собственной отчизны» (родной земли) и «идеологической отчизны». Таким же образом и классовая структура предстает как явление, которое обретает значение для поступков и действий людей, только преломляясь в сознании. Узкое дихотомическое понятие классов, связанное с оппозицией экономических интересов собственников и рабочих, - это только одно из измерений функционирующих в общественном сознании иерархических представлений и подразделений. Иные градации и представления возникают в системе власти и престижа.

Общественный порядок зиждется на связях между людьми. В зависимости от характера этих связей и коммуникаций можно выделить четыре типа «общественного согласия»: согласованность «коллективных представлений», опирающихся на общие традиции и повседневные правила поведения; полицентрическое согласие, или порядок, типичный для демократического устройства; моноцентрический порядок, выступающий в авторитарных, тоталитарных системах или диктатурах; согласие, или порядок, опирающийся на систему многостороннего взаимопонимания. В этом случае вместо насилия появляются диалог, дискурс, согласование взглядов и принимаемых политических решений между свободными личностями, что, однако, не перерастает в анархию благодаря координирующей и посреднической роли политического центра. Этот наиболее благоприятный и достойный тип общественного согласия и порядка требует наличия сознательных, заинтересованных и высокообразованных граждан. Путем к достижению такого ресурса может быть просветительский и воспитательный прорыв, образовательный и культурный подъем всего общества. В этом отношении Оссовский предвосхитил современные концепции «демократии, основанной на диалоге» или «на обсуждении и размышлении».

Литература

Ossowski S. Dzieła. Warszawa: PWN. 1966-1970.

Mokrycki E. Ossowskiego koncepcja nauk społecznych (Концепция общественных наук Оссовского). Warszawa: PWN. 1974.

Khskowska A. i Mokrycki E. Ossowski // Encyclopedia Socjologii. T. III. (Оссовский // Социологическая Энциклопедия). Warszawa: Oficyna Naukowa. 2000. S. 43-47.

Общество - предмет социологии

С этимологической точки зрения, социология - это наука об обществе. Выше мы разобрались с тем, что означает «наука». Но что значит «общество»? Первое определение, наиболее поверхностное, можно сформулировать так: это совокупность людей в границах одного государства, например польское общество, французское общество, японское общество, американское общество. Обыденное мышление имеет очень конкретный характер, поэтому оно связывает понятие «общество» с государством, поскольку в течение многих столетий именно государство было той основной, преобладающей формой, в которой развивалась жизнь людских сообществ. Именно так: в течение столетий!

А что же прежде, разве до этого общество не существовало? И разве исчезнет общество, если сбудутся прогнозы политологов относительно поэтапного отмирания национальных государств, на смену которым придут региональные и даже глобальные организации и администрации? Научное мышление опирается на абстракции, возникающие в итоге абстрагирования, отхода от конкретности. Следовательно, для нынешней социологии общество - это не конкретный коллектив, не конкретная людская группа, а скорее своеобразный *вид действительности*, заявляющий о себе самыми разнообразными способами в различных коллективах, совокупностях, группах, формирующихся на разных уровнях. Национальное общество, или общество, существующее в рамках одного определенного государства, - это лишь одна из разновидностей общества, ибо общество существует также и в форме групп, гораздо меньших, чем совокупность граждан целого государства. Такими формами могут быть, например, семья, круг родных, местная община, круг близких соседей, круг друзей, клуб, секта, религиозная община, ассоциация, политическая партия, класс, общественный слой, этническая группа, национальное меньшинство, школа, университет и т.д. Общество - это также коллективы людей, гораздо более крупные, чем совокупность граждан одного государства: международные корпорации, последователи мировых религий, жители континентов, наконец, все население Земли. Вся эта гамма формирующихся на разных уровнях групп, коллективов, от таких, чья численность измеряется несколькими людьми, до таких, чья численность достигает нескольких миллиардов человек, является для социолога вариантами общества.

Другой стереотип обыденного мышления - идентификация общества с людской массой, множеством конкретных личностей. Это представление претендует на нечто, почти неоспоримое: в самом деле, общество - это нечто иное, как люди, и ничего иного здесь мы действительно не обнаружим. Семья - это отец, мать, дети. Университет - это профессора, преподаватели, ассистенты, студенты. Фирма - это директора, сотрудники. Церковь - это священнослужители и верующие. Польша - это поляки. Конечно, все это верно, все это - правда, но это только частичная правда. В данном случае внимание оказывается сосредоточенным только на одном аспекте общества - на *множестве составляющих его единиц*, или, иначе говоря, на популяции. Наука и в этом случае обязана пойти дальше, отойти от очевидного, абстрагироваться от конкретного.

Следовательно, второй особенностью социологии является то, что надо учитывать существование между отдельными членами общества определенных связей, зависимостей, *отношений*, соединяющих людей в нечто цельное. Основоположники социологии Огюст Конт, Герберт Спенсер пользовались при этом аналогиями с устройством организма. Поскольку биологический организм - это не просто сумма клеток, тканей, органов, но некая целостность, основанная на взаимосвязях и общих функциях, постольку и общество следует рассматривать не как простую сумму, совокупность отдельных людей, но как единый, являющийся результатом интеграции и функционирующий как нечто цельное общественный организм. Отголоском этого подхода в современной со-

циологии является категория *социальных групп*, от самых маленьких, например семьи, до самых крупных, например нации, народа.

В XX в. дело дошло до очередной абстракции - вместо понятия организма получило распространение понятие *социальной системы*, в формировании и развитии которой участвуют не столько конкретные личности, сколько определенные и отличные друг от друга социальные позиции или связанные с этими позициями роли (это выражено, например, в концепции Толкотта Парсонса, а также в трудах Никласа Лумана). Социальная система - это, например, больница, то есть определенный связанный «ансамбль», совокупность тех позиций (статусов, ролей), какие распределены между ординаторами, лечащими врачами, сестрами, санитарями, реабилитаторами, техниками рентгеновской аппаратуры, пациентами, где все выполняют соответствующие их положению, их статусу, взаимосвязанные и взаимно дополняющие друг друга роли.

Следующий шаг на пути абстрагирования - выделение из системной целостности уже самой по себе сети отношений, связей между людьми. Было замечено, что можно установить закономерности связей и отношений независимо от того, между кем они возникают, какие личности и какие позиции оказываются в этой системе связей и отношений, в каких коллективах и группах эти связи и отношения реализуются. Как в геометрии мы изучаем точки, линии, углы, треугольники, многоугольники независимо от конкретных объектов соответствующей формы и вида, так и социолог, согласно правилам так называемой «социальной геометрии», предложенной одним из основоположников немецкой социологической школы Георгом Зиммелем, должен сосредоточить свое внимание на чистых «социальных формах». В социологии нового времени в этом смысле (вместо понятия «социальные формы») применяется понятие *структуры* (например, в теории Клода Леви-Строса или несколько иначе у Роберта Мертона). Например, структура конфликта имеет свои закономерности, не зависящие от того, развивается ли этот конфликт в семейном кругу, в уличной драке, на боксерском ринге или на войне. Структура господства, или структура власти, может быть исследована независимо от того, идет ли речь о власти отца над сыном, директора над рабочим или сотрудником, епископа над священником или тренера над спортсменом.

Пятый шаг в направлении абстрактного понимания общества был сделан тогда, когда было замечено, что люди формируют коллективы и группы, входят в социальные системы, в структурные зависимости и отношения с другими людьми одним-единственным способом, и именно посредством своей *деятельности*, посредством того, что они делают и что они говорят. Например, мы принадлежим к определенной группе друзей только до тех пор и только в той мере, пока мы с ними встречаемся, относимся к ним доброжелательно и с доверием, проявляем по отношению к ним лояльность и хорошо отзываемся о своих друзьях в присутствии посторонних. Или другой пример: мы являемся членами футбольной команды только до той поры и в той мере, пока мы играем в футбол, приходим на тренировки, участвуем в матчах. Макс Вебер обратил внимание на человеческие *действия, дела, поступки* как основной, исход-

ный материал, из которого формируются все общественные явления и все общественные связи и системы. С этой точки зрения общество можно определить как сложный конгломерат, складывающийся из человеческих действий и последствий этих действий. Даже столь крупные и сложные социальные феномены, как, например, капитализм, для Вебера - это конечный продукт массовых действий - действий людей, покупающих, продающих, инвестирующих средства, организующих производство, заботящихся об экономии и т.д., то есть реализующих, воплощающих в жизнь то, что он называл «духом капитализма». В социологии XX в., особенно в американской социологической школе (например, у Ч.Х. Кули, Дж. Г. Мида, Дж. Хоманса, Дж. Коулмана), до сих пор центр тяжести переносится на поступки, действия людей как основу общественной жизни, и эта установка остается господствующей.

Шестым колоссальным по своему значению наблюдением мы также обязаны Макс Веберу, как, впрочем, и его французскому современнику и ровеснику Эмилю Дюркгейму. Оба они обращают внимание на то, что в каждом человеческом действии есть определенный смысл, определенное значение; более того, это значение носит характер «социального факта», навязанного людям как нечто обязательное, обязывающее их к чему-то, связывающее их, и при этом навязано со стороны, извне, окружением, средой, в которой они родились, были воспитаны и живут. Так, скажем, мы умеем играть в футбол, но не умеем играть в крокет, поскольку мы родились у берегов Вислы, а не у берегов Темзы. Приветствуя знакомых, мы подаем им руку, а не тремя друг о друга носами, поскольку мы не эскимосы. Мы едим с помощью ножа и вилки, а не палочек, поскольку мы живем не в Китае. Нас, к сожалению, беспокоит наш счет в банке или марка нового автомобиля гораздо больше, чем спасение нашей души, поскольку родились мы не в Средние века, а в эпоху развития потребительского общества. Ныне мы используем понятие «*культура*» для описания всей этой совокупности значений, символов, смыслов, взглядов, правил, норм, ценностей и т.п., которыми руководствуются люди в своих поступках и действиях, определяющих индивидуальную идентичность каждого человека, предопределяют участие людей в тех или иных группах и коллективах и формирующих отношения, связывающие людей друг с другом. Социология новейшего времени придает первостепенное значение культурным аспектам общественной жизни (к этому стремятся, к примеру, французские социологи Пьер Бурдьё, Мишель Фуко, Жан Бодрийяр).

Седьмой шаг в направлении абстрактного восприятия социальной действительности связан с преодолением взгляда на общество как на неизменный, статичный объект. Разумеется, существенные элементы динамичного восприятия и подхода были налицо уже с самого начала формирования социологии. Уже тогда теоретики указывали на два основных типа изменчивости организма, или общественной системы: прежде всего на эволюцию, или развитие, которое ведет к непрерывному росту, разнообразию, усложнению структур и функций внутри социального целого, а также еще в большей степени на «социальную физиологию», то есть постоянное функционирование общественных органов и тканей, необходимое для поддержания жизни орга-

низма. Кроме того, и сделанный уже раньше акцент на значении действий и поступков вводил в понимание и образную характеристику общества, такие составляющие, как движение и изменчивость. Но необходимые радикальные выводы из этого были сделаны только в конце XX в., когда окончательно были отброшены всякие представления о неизменных общественных явлениях - организациях или системах, обладающих постоянными структурами, и ученые пришли к согласию о том, что все, существующее в обществе, - это *общественные события, социальные действия*, то есть находящиеся в движении, изменчивые и постоянно меняющиеся, колеблющиеся конфигурации культурно мотивированных человеческих действий, соотношенных с действиями других людей. Теперь вместо представления о социальных константах, постоянных, устойчивых общественных явлениях появилось понятие «фигурации» (у Норберта Элиаса), и вместо «структур» стали говорить о «структурации» (Энтони Гидденс), вместо социальных систем - о социальной жизни, вместо «существования» общества - о «становлении» общества (Пётр Штомпка).

Таким образом, в ходе развития социологии выкристаллизовалось семь позиций, семь основных точек зрения на то, что такое общество. Первую позицию, наиболее близкую обыденному сознанию и наиболее конкретную, назовем *демографическим* подходом, согласно которому общество - это всего лишь популяция, множество, сумма или совокупность отдельных единиц. Другой подход назовем *групповым*: согласно этому подходу, общество состоит из целостных систем, в которых интегрированы отдельные единицы и которые являются не рыхлыми, а цельными, основанными на внутренних взаимосвязях группами. Третий можно назвать *системным* подходом: он представляет общество как основанный на внутренних взаимосвязях порядок статусов и типичных для них ролей. Четвертый - это *структурный* подход, при котором общество предстает как целая сеть отношений между людьми, то есть уже не совокупность объектов, а совокупность форм, схем, способов отношений людей к самим себе и друг к другу. Пятый можно назвать *активистским* подходом, согласно которому общество выступает как конгломерат взаимно сориентированных действий отдельных единиц. Шестой - *культурный* подход, при котором общество выступает как матрица распределенных между группами и коллективами значений, символов и правил, оказывающих влияние на действия людей, предопределяющих эти действия. Седьмой подход назовем *событийным*: он позволяет представить общество как непрерывно изменяющееся, колеблющееся, пульсирующее поле, заполненное общественными событиями. В этом поле группы предпринимают по отношению к себе и друг к другу культурно мотивированные и обозначенные, структурно упорядоченные действия и в ходе этого процесса сами меняются, создают новые социальные группы, системы, структуры, наконец, культуру, образующую, в свою очередь, контекст и предпосылки для будущих действий. С этой точки зрения общество не «существует», а «формируется» заново, находится в процессе постоянного «становления».

Таблица 1. Главный аспект разных социологических ориентаций

Социологические ориентации	Аспекты общества						
	популяция	группа	позиции / роли	отношения	действия	правила	события / практика
Демографический	+						
Групповой		+					
Системный			+				
Структурный				+			
Активистский (предусматривающий взаимодействие)					+		
Культурный						+	
Событийный							+

Многомерность социальных ситуаций

Надо подчеркнуть, что эти семь подходов, или парадигм, не исключают друг друга. Мы можем рассматривать их как *взаимодополняющие* и пользоваться ими одновременно. Общество - это все вместе, это многомерное явление, имеющее множество аспектов, существующее на всех этих семи уровнях. Проанализируем два простейших примера. Возьмем семью. С демографической точки зрения существенным будет прежде всего ее количественный состав, скажем, семья состоит из пяти человек. Далее будет иметь значение расклад таких признаков, как возраст и пол ее членов, то есть то, что в этой семье, к примеру, трое мужчин (отец и два сына) и две женщины (мать и дочь), а также то обстоятельство, что двое из состава этой семьи являются взрослыми, двое - подростками, а один ее член (одна девочка) - еще ребенок. Но по каким-то причинам могут оказаться существенными и другие признаки, например рост, вес, цвет волос, уровень образования ее членов и т.п. Однако все это - признаки и характеристики, относящиеся к отдельным членам данной семьи, которые подлежат чисто статистическому суммированию, объединению в группу, которая остается суммой единиц. С позиций группового подхода семья - это уже нечто большее, ибо некие системные связи объединяют ее членов, в частности совместное проживание, общее хозяйство, любовь, взаимная лояльность, готовность прийти на помощь, забота о детях, сильно выраженная самоидентификация, находящая выражение в понятии «мы», что в сознании этих людей отличает, отделяет «нашу семью» от тысяч других семей.

С точки зрения системного подхода, семья - это цельный, основанный на внутренних связях уклад жизни, сочетание определенных позиций и ролей, не зависящих от конкретных лиц, исполняющих эти роли, то есть это сочетание таких статусов, как отец, мать, муж, жена, дед, бабушка, сын, дочь, внук, внуч-

ка, тесть, тёща, зять (по женской или мужской линии), дядя, тётка и т.д. С точки зрения структурного подхода семья - это тесная сеть связей и взаимоотношений между различными семейными позициями и ролями, среди которых можно назвать супружество, отцовство (отношения между родителями и детьми), отношения между братьями и сестрами, родственные узы, родительскую власть, наследование. На эту сторону дела часто обращают внимание социальные антропологи, выявляя огромную разницу между структурами родства в разных социальных группах и обществах (это подчеркивали, в частности, Клод Леви-Строс, Эдмунд Лич). В плане активистского подхода семья - это прежде всего семейная жизнь, то есть то, что происходит в семье, это комплекс определенных действий, которые совершаются членами семьи: сексуальные отношения, ведение общего хозяйства, воспитание детей, общие трапезы, совместный рождественский ужин, но также и семейные споры, раздоры, конфликты между супругами и многие другие действия. С культурной точки зрения семья - это определенный набор правил - норм и ценностей, соответственно которым происходит, например, ухаживание, объявление и заключение брака, развиваются добрачные сексуальные отношения, допускаются (или не допускаются) разводы, регулируются взаимоотношения супругов, обеспечивается авторитет отца или матери, определяются обязанности детей, их ответственность и забота о престарелых родителях, регулируются роды, аборт и т.д. И опять же здесь выводы социальной антропологии, а также исследования в области современной семьи показывают, как велика разница «семейных культур», выявляемая в различных обществах.

Наконец, с точки зрения событийного, или полевого, подхода мы рассматриваем семью как изменчивый комплекс действий и взаимодействий, в котором постоянно происходят изменения как повседневной «краткой продолжительности», так и «средней продолжительности», например в течение года, и наконец, «долгой продолжительности», из года в год. Например, утром члены семьи расходятся из дома, каждый по своим делам и занятиям: кто идет в школу, кто - на работу, кто - за покупками. Семья, таким образом, оказывается рассредоточенной, разъятой на части, расплывается, существует уже только на «виртуальном» уровне (в сознании ее членов, а также их знакомых, соседей) и в таких материальных границах своего существования, как, например, пустой дом, пустая квартира, чтобы вновь обрести свою социальную реальность вечером, когда члены семьи опять собираются вместе за ужином или у телевизора. Интенсивность изменений, происходящих на протяжении года, и соответствующие формы семейной жизни обозначаются такими датами, как традиционные праздники, школьные каникулы, отпуска, служебные командировки родителей и т.п. На более длительном отрезке времени, который измеряется годами, семейная жизнь основательно меняется вместе с рождением детей, по мере того как они подрастают, определяются такими моментами, как старение родителей, болезни, смерти, иногда разводы и вступление в новые браки, распад семьи и т.д. И постоянно перед нами - та же самая семья, но она никогда не остается такой же самой.

А теперь пример из совершенно другой области - футбольная команда. Это тоже, прежде всего, определенное количество людей (11 участвующих в матче спортсменов, плюс еще несколько запасных игроков, тренеры, массажисты,

врачи), людей, находящихся в определенной возрастной категории, как правило, мужчин (если не принимать во внимание все еще не слишком популярный женский футбол), представителей разных национальностей, иногда даже разных рас, в общем, определенная небольшая популяция. Во-вторых, они создают определенную социальную систему распределенных между ними, различных статусов и ролей. Различаются между собой не только роли спортсменов-игроков, тренера, массажиста, но и среди игроков разные роли выполняют вратарь, защитники, полусредние нападающие, центральные полузащитники, центральные нападающие. В-третьих, все они связаны между собой в определенной структуре. Именно эти структурные различия разделяют, скажем, немецкие, английские, итальянские команды, независимо от того, какие именно игроки в них играют. Именно эти различия перед каждым матчем подчеркивает тренер, именно о них сообщают по телевидению перед трансляцией матча, объявляя кто с кем будет играть и находя для них даже квазиматематическое выражение, например по номерам 1-3-4-3, или 1-4-3-2, или еще как-либо иначе. Далее, футбольный матч - это совокупность действий и взаимодействий игроков. Он продолжается до тех пор, пока игроки находятся на поле, бегают, делают подачи, ведут мяч, обходят противника, бьют по воротам, забивают голы. Но важно еще и то, что они делают это не как попало, а только в рамках определенных правил. Культура футбола означает, что игроки связаны правилами игры, на страже соблюдения этих правил стоит арбитр-судья, и сама совокупность данных правил позволяет отличить, скажем, футбольный матч от игры в регби или бейсбол. Отдельные игроки также руководствуются правилами, соответствующими их положению в команде, их роли. Защитник играет иначе, чем нападающий, и уж тем более иначе, чем вратарь. В то же время команда имеет определенные символы своей идентичности: штандарты, гербы, футболки, которыми игроки ритуально обмениваются до и после матчей. Наконец (и это уже седьмой признак), матч - это подверженная непрерывным изменениям ситуация на поле «боя», по которому игроки перемещаются то в сторону одних, то в сторону других ворот, группируются в разные конфигурации, участвуют в совершении ключевых действий: гол, штрафной, угловой бросок, свободный бросок и т.д. При этом каждая данная ситуация раскрывает некоторые новые шансы и возможности, а также вносит определенные ограничения для последующей деятельности, например для проведения быстрой контратаки или для массивной защиты. Аналогичный анализ на семи разных уровнях можно провести по отношению к любому другому общественному явлению, и советую читателям заняться этим в качестве своеобразной интеллектуальной забавы.

Для разных исследовательских целей в соответствии с решением и рассмотрением разных проблем могут быть использованы разные подходы. При этом каждый последующий из семи обозначенных нами подходов все более удаляется от очевидности и конкретности, все более приближается к абстракциям, в которых скрываются реальные черты социальной жизни. Но более сложные и изысканные подходы не исключают, не перечеркивают значение простейших. Мы Нередко обязаны вести глубокий поиск, рассматривать явления в структурном, культурологическом, событийном аспектах, чтобы понять, что происходит в об-

ществе. Но иногда вполне достаточно бывает ограничиться групповым подходом или демографической перспективой. Так же, как для того, чтобы вбить в стену гвоздь, не нужно применять квантовую механику, нет необходимости обращаться к системе дифференциальных исчислений, чтобы подсчитать расходы в магазине, а для того, чтобы смастерить очки, достаточно оптики Ньютона и нет нужды прибегать к теории Эйнштейна. Так же и в социологии применяемый подход должен соответствовать исследовательским задачам.

Социология, как и любая другая молодая наука, нередко прибегает к аналогиям, чтобы определить и охарактеризовать свой предмет. Начинала она с органических метафор, затем шла речь о социальном организме, потом появилась аналогия с геометрией, наконец, с полем, что явилось отголоском понятий, распространенных в современной физике. Ныне доминирующий способ познания социальной жизни определяют две метафоры: *межличностное пространство* и *социальная жизнь*. Первая подчеркивает, что социология обращает свое внимание не только и не столько на отдельных людей, но на все то, что происходит, совершается *между* людьми, и исходит из того факта, что мы всегда живем и находимся в окружении других людей. Другая метафора акцентирует то положение, что это пространство взаимоотношений между людьми не остается неподвижным, статичным, но непрерывно *меняется*, «живет» благодаря действиям, предпринимаемым людьми. Таким образом, если нужно было бы одной фразой определить, чем является социология, что это такое, то можно было бы сказать так: это *наука о людях, действующих в поле взаимоотношений друг с другом (в «межличностном пространстве») и придающих этому полю динамику постоянного функционирования и формирования (то есть поддерживающих «социальную жизнь»)*, о людях, которые превращают повторные, фиксируемые их сознанием, иногда *непреднамеренные результаты и последствия своих действий в те структурные и культурные рамки, в которых происходят дальнейшие действия последующих поколений*.

Личность в обществе - социальный контекст

С точки зрения отдельного члена общества социальное поле, или, иначе говоря, межличностное пространство, в котором развивается и проходит жизнь каждого из нас, имеет огромное множество составляющих. Выше мы рассмотрели формы участия отдельных членов в жизни и развитии группы на примере семьи. Но ведь в *семейном контексте* проходит только часть нашей жизни, пусть и очень важная, но все же только часть. Ведь, кроме семейного, мы, еще будучи детьми, уже входим в другой контекст, формируемый ровесниками и *товарищами по играм*, проходящим во дворе или на спортивной площадке. Кроме того, мы где-то проживаем и, следовательно, входим в контекст, формируемый *кругом соседей*. Далее мы оказываемся в контексте, определяемом местом нашего *воспитания и обучения*, будь то детский сад, школа или университет. Затем появляется *профессиональный контекст* и соответствующее окружение в учреждении или на производстве. Рядом с ним возникает контекст на почве *отдыха и развлечений*, например в кино, на дискотеке. По-

сецая тренажерный зал или бассейн, мы оказываемся в контексте, связанном с занятиями физкультурой, с восстановлением нашего здоровья, можно сказать, в *рекреационном контексте*. Если мы играем в футбольной команде, как это было показано на другом, рассмотренном выше примере, мы оказываемся в *спортивном контексте*. В других случаях мы можем оказаться в *религиозном контексте*, например при посещении воскресного богослужения в костеле или во время паломничества в Ченстохов. Мы также занимаем свое место в *политическом контексте*, когда принимаем участие в голосовании, выборах или участвуем в организации забастовки. Существует также широко разветвленный, касающийся сегодня каждого человека *экономический контекст*, в котором мы оказываемся, когда что-либо покупаем или вносим деньги в банк. Обращаясь к врачу или попадая в больницу, мы вступаем в *медицинский контекст*. В *правовом контексте* мы оказываемся, когда платим какой-нибудь штраф, попадаем под действие какого-нибудь указа или выступаем в суде. А если мы, не дай Бог, окажемся осужденными, нас ждет *тюремный контекст*. С уходом на пенсию - *контекст «заслуженного отдыха»*. И, конечно, это еще далеко не исчерпывающий перечень всех возможных вариантов.

Для социологии чрезвычайно важным и существенным оказывается то, что мы постоянно как бы кружимся в этих разных контекстах, входим в один из них, выходим из другого, оказываемся порой в чисто «виртуальном» контексте, попадаем в новый контекст, чтобы снова вернуться к прежнему и т.д. И в каждом из этих контекстов мы встречаем новое «общество» и окружение, отличающееся чем-либо с точки зрения перечисленных выше семи подходов. Соответственно, мы встречаем других людей, занимающих другие статусы (позиции), играющих другие роли, с этими людьми нас связывают другие узы, мы входим с ними в отношения иного типа, сталкиваемся с иными условиями и правилами «игры»; мы сами по-другому действуем, иначе и что-то другое говорим, своим участием влияем на то, что делается в такой группе, способствуем ее трансформации, модификации и вызываем различные другие последствия и события.

Каждый из нас имеет свой собственный *круг таких контекстов*, в которых мы участвуем. Кроме семейного и профессионального контекстов, которые имеют универсальный характер (так или иначе охватывают всех людей), другие контексты создают уникальную для каждого из нас конфигурацию. Более того, у каждого из нас есть собственная *иерархия ценностей* различных контекстов, в которых мы так или иначе действуем. Для одного человека наиболее важным будет семейная жизнь, для другого - его профессия и работа, для третьего - развлечения, физкультура, отдых, для четвертого - образование или тренировки и т.д. Несомненно, именно благодаря этой разнородности контекстов, уникальности их индивидуальных комбинаций и разнообразию тех значений, которые придаются каждому контексту в отдельности, человеческая жизнь так интересна и в то же время так трудна; она требует от каждого, даже весьма далекого от профессиональной социологии человека определенной *социологической компетенции*. В том разнообразии контекстов, с каким мы имеем дело, мы должны уметь сориентироваться, разобраться, решить, какие из них для нас более важные, какие - менее существенные, мы должны уметь узнавать наших партнеров, относиться к ним

Таблица 2. Контексты социальной жизни

Контексты социальной жизни	Социальные аспекты					Событийное поле	
	Популяция	Группа	Система	Структура	Действия		Культура (правила)
Семья	Члены семьи	Семья	Семейная организация	Структура родства	Воспроизведение, воспитание, ведение хозяйства (дома)	Семейная этика, семейное право	Историческая эволюция семьи
Образование	Начальное обучение	Школа	Система просвещения, школьное дело	Образовательная иерархия	Обучение, учеба	Школьная дисциплина	Изменения форм и содержания образования
Работа	Рабочие, сотрудники	Фирма, предприятие, учреждение	Хозяйство	Разделение труда, организация труда	Трудовые факторы	Рабочая этика, правила, трудовое право	Изменяемость форм и содержания труда
Религия	Верующие, клир	Церковь, приход	Церковная организация	Церковная иерархия	Молитва, ритуал, «услуги»	Основные заповеди, религиозное право	Историческая эволюция религии
Политика	Граждане	Национальное государство	Организация государства	Иерархия власти	Управление, участие во власти, выборы	Политическая культура, конституция	Эволюция и изменяемость государственной организации

должным образом, применять собственные культурные установки, нормы и правила, совершать поступки, соответствующие принятой стратегии поведения, и действовать успешно.

Социологическое воображение и язык социологии

Что может добавить социологическое образование к естественной, необходимой в жизни социологической компетенции, чем обогатить ее? Выдающийся американский социолог Ч.Р. Миллс определял задачу изучения социологии как формирование *социологического воображения*: «способности к пониманию истории и биографии, а также отношений между ними в обществе»⁴. Если следовать за Миллсом, можно расширить это определение и сказать, что социологическое воображение - это очень сложная способность и непростое умение. Во-первых, оно определяется представлением о том, что все социальные феномены являются результатом и последствием каких-либо действий, преднамеренных или непреднамеренных, результатом мгновенным или постепенным, «отложенным во времени», непосредственным или опосредствованным. Во всех случаях речь идет об определенных предварительных действиях, о выборе, решениях, принимаемых действующими *социальными субъектами*, будь то отдельные личности или группы. Таким образом, социологическое воображение противостоит фатализму, детерминизму, представлениями о роли Провидения. Во-вторых, основано на осознании глубоких, скрытых структурных и культурных границ, которые определяют шансы и перспективы *субъективных действий*. Таким образом, социологическое воображение разрушает миф об абсолютной свободе человека и противостоит волюнтаризму. В-третьих, оно означает понимание различных социальных феноменов, являющихся запоздалым, «отложенным во времени» *наследством прошлого*, или той социальной и культурной традиции, которая различными способами оказывает свое влияние на современные действия людей. Таким образом, социологическое воображение включает в себя историзм и противостоит так называемому презентизму. В-четвертых, это представление о социальной жизни, включая разного рода внешне представительные и как будто бы прочные, постоянные институты, организации, политические режимы и экономические системы, как о *постоянно меняющемся*, непрерывно развивающемся процессе становления. Таким образом, социологическое воображение делает акцент на динамике и отказывается от статичных подходов. В-пятых, оно означает понимание, способность принять и понять огромное *разнообразие форм*, в которых находит свое проявление социальная жизнь. Тем самым социологическое воображение учит толерантности и направлено против догматизма и этноцентризма.

Если попытаться соединить все эти пять положений в одной формуле, можно сказать, что *социологическое воображение - это способность распознавать и чувствовать взаимосвязь всего, что происходит в социальной жизни, со всеми структурными, культурными и историческими условиями и предпосылками, а*

также с действиями, предпринимаемыми в этих условиях отдельными или коллективными социальными субъектами, образующими в конечном итоге социум (общество) во всей его сложности и разнообразности.

Социологическое воображение позволяет, как указывал Миллс, связать биографию отдельного человека, общество и историю. Между прочим, результатом познания социологии должно стать наряду с другими последствиями и умение читать газеты. «Для того, чтобы понять, о чем идет речь в газете, - а это бывает непросто, - нужно научиться связывать друг с другом факты, имеющие относительное значение, понимать их в сопоставлении с более широкими социальными концепциями, теориями общества, в котором эти факты существуют, с историческими тенденциями, в формировании которых они участвуют (...) Социология позволяет нам проникнуть в суть явлений дальше и глубже по сравнению с тем, о чем пишут в газетах. Она доставляет в наше распоряжение определенный комплекс понятий, концепций, проблем. Если она этого не делает, она не исполняет своих функций как элемент просвещения и образования»⁵. Таким образом, социология существует не только для социологов, но и для просвещенных граждан. Она помогает и позволяет им рациональным способом найти смысл жизни, определить собственную идентичность, занять свое место в обществе, выявить возможные шансы и последствия своих действий. Она вооружает нас *картой того мира*, в котором мы живем, помогает нам лучше ориентироваться в хаосе происходящих событий, способствует более рациональной интерпретации нами всего, что вокруг нас происходит.

Потребность в социологическом воображении, или в том, чтобы общество само себя осознало, является своего рода императивом, принятым в каждом обществе, при любом строе и укладе. Однако эта потребность неизмеримо возрастает в *демократическом обществе*, в котором гражданские действия гораздо сильнее сказываются на судьбах всех вместе и каждого в отдельности. Демократия требует знаний, нуждается в просвещенных гражданах, не только привыкших мыслить в узко эгоистических категориях, в рамках так называемого горизонта, ограниченного «собственными шорами», но и способных к охвату широких общесоциальных проблем и вызовов, готовых к использованию открывающихся перед ними шансов, к преодолению противоречий, а также к тому, чтобы вписать свою собственную судьбу в течение времени, согласовать ее с историческим развитием своего общества и представить ее в сравнительном контексте с иными современными социальными системами. Эта потребность еще более возрастет по мере того, как сама демократия будет развиваться и эволюционировать от доминирующих пока представительских форм в сторону демократии «участия», «дискурса», «диалога», при которой социальные проблемы и дела все более последовательно и непосредственно будут решаться голосом и участием самих граждан.

Основным инструментом мышления является *язык*, включающий запас наиболее точных, адекватных, однозначных понятий. Чем более богатым языком мы владеем, тем больше мы постигаем. Практические потребности способствуют обогащению языка. Известно, что эскимосы различают и выражают на сво-

⁵ Ibid. P. 16-17.

ем языке соответствующими словами более десятка разновидностей снега, бедуины - столько же разновидностей, сортов и состояний песка, мореплаватели и яхтсмены - множество направлений и видов ветра, пилоты - разнообразные типы облаков и туч. Для того чтобы охватить и постичь всю сложность и тончайшие нюансы социальной жизни, социолог тоже нуждается в терминах, более многочисленных и более богатых, чем то, чем располагает обычный, обыденный язык. За без малого два века своего существования социология выработала своеобразный язык, формировавшийся из различных источников, при участии разных авторов, оказавшийся опробованным и задействованным на разных фазах развития этой научной дисциплины. Исходной точкой формирования социологического воображения является овладение этим языком, *каноническими понятиями*, получившими сегодня широкое признание и уже независимыми от их прежнего, забытого происхождения. Чтобы дать простор социологическому воображению, надо прежде всего научиться *мыслить и говорить социологическим языком*. Задачам усвоения, систематизации и анализа языка современной социологии будут посвящены последующие разделы этой книги.

Важнейшие понятия и термины

Антинатурализм - представление о кардинальных различиях между явлениями природы и социальной жизни.

Антипозитивизм - убеждение в необходимости выработки в социальных науках совершенно особых исследовательских методов и способов, отличающихся от тех, которые используются науками о природе.

Герменевтика - интерпретация, постижение и объяснение общественных явлений через выявление тех значений, которые придают им люди, действующие в этой сфере, а также связь с явлениями такого типа, присущая им культура.

Гуманистический, или человеческий фактор - связь любого факта социальной жизни с делами и жизненным опытом конкретных людей и вытекающая отсюда необходимость исследования таких фактов в той особенной перспективе, которую исследователь обретает, становясь в положение этих людей.

Идеальная коммуникативная ситуация - возможность проведения дискуссии между равными партнерами в условиях полной свободы высказываний, в ситуации, в которой нет места какому бы то ни было постороннему (не связанному с сутью дискуссии) давлению или ограничениям.

Институционализация социологии - признание социологии в качестве научной дисциплины посредством основания и открытия университетских кафедр и отделений социологии, научно-исследовательских институтов, издания периодических изданий по проблемам социологии, создания объединений, ассоциаций и других организаций социологов, а также введение специальных должностей и мест для социологов-практиков на производственных предприятиях, в административных органах, в армии и т.п.

Личные документы - стихийно, спонтанно возникающие записи, описания явлений и событий принимавшими в них участие людьми, содержащие подлинную, аутентичную мотивацию, интерпретацию, разъяснение этих событий (например, письма, дневники).

Натурализм - взгляд на принципиальную идентичность мира природы и социальной реальности.

Непреднамеренные последствия действий - типичная для социальной жизни ситуация, в которой обнаруживаются явления, отличающиеся от тех, какие намеревались получить действующие в том или ином направлении люди, а также такие явления, которые нельзя считать непосредственным продуктом действий конкретных людей, ибо они оказываются «случайным» результатом анонимных массовых действий, когда каждый участник руководствовался собственными, частными целями, вообще не принимая во внимание такого рода последствий коллективных действий.

Позитивизм - взгляд на необходимость наследования и освоения общественными науками концепций и взглядов, выработанных ранее науками о природе.

Рефлексивность - знание и проводимая людьми интерпретация собственных действий, действий других людей или общественных ситуаций, в которые они втянуты, существенным образом влияют на принимаемые ими решения, на способ их поведения и на характер общества, в котором они живут.

Самосбывающиеся пророчества - разработка прогностических моделей будущего состояния общества может вызвать массовую реакцию, приводящую к исполнению ложных прогнозов (когда люди принимают их всерьез и основывают на этом свои решения) или к неисполнению обоснованных, правильных прогнозов (когда люди в страхе перед осуществлением предвиденного своевременно принимают меры и действия защитного характера).

Симметрия объяснения и предвидения - адекватное объяснение явлений можно получить чисто логическим путем дедукции и на этой основе выработать прогнозы относительно будущего хода событий.

Социальные контексты - сферы жизнедеятельности людей, охватывающие жизнь общества (например, семейная, профессионально-трудовая, образовательная, религиозная сферы), различающиеся постановкой целей, спецификой действий, определенным стилем поведения и т.п.

Социологическое воображение - умение связывать все, что происходит в обществе, со структурными, культурными и историческими условиями, а также с субъективными действиями людей.

Рекомендуемая литература

См. «Сто книг с моей книжной полки» - под следующими порядковыми номерами там значатся книги, в которых освещаются общие положения, касающиеся важнейших основ социологии и многих ее проблем: 4, 6, 8, 10, 14, 42, 43, 45, 46, 48, 50, 51, 56, 65, 70, 72, 73, 74, 78, 82, 83, 84, 92, 93, 95, 97.

Часть I

АКТИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Глава 2

От поведения к социальным действиям

Точкой отсчета становления любой науки является определение предмета исследования, далее следуют анализ этого предмета, выявление его составляющих, особенно элементов, имеющих основополагающий характер, из которых состоят все более сложные формирования. Что же является основным элементом, «атомом» или основной «ячейкой» общества?

Как мы уже говорили в гл. 1 этой книги, общество представляет собой совокупность личностей, каким-то образом связанных между собой в «межличностном пространстве», причем эта совокупность непрерывно изменяется, преобразуется, «живет». Секретом этой общественной динамики, фактором, который приводит общество в неустанное движение, является *деятельность людей*. Именно благодаря ей в обществе все время что-то происходит, что-то меняется. Общество существует лишь постольку и лишь до той поры, пока какие-то люди предпринимают по отношению друг к другу и к самим себе те или иные действия. Когда в знаменитой постановке Тадеуша Кантора - спектакле «Класс умер» - мы видим сидящих за школьными партами бывших учеников, теперь уже мертвых, то драматургический эффект происходит именно из того парадокса, что в якобы общественных рамках школьного класса на самом деле уже нет общества, ибо ничего не происходит, не совершается никаких действий. Точно так же не существует общества и на кладбище, хотя там находится огромное множество могил, символизирующих то, что осталось от некогда активных людей.

Итак, общество - это в конечном счете активность, деятельность людей. Не существует общества без *действующих людей*. Все, что существует в обществе, - это либо проявление, либо последствия человеческой активности. Следовательно, анализ общества следует начинать с этого элементарного уровня. Здесь мы проследим разные формы активности, от простейших до тех, что постепенно, поэтапно все более усложняются, обогащаясь факторами, которые формируются в социальной жизни.

Поведение

Наиболее очевидным, явным проявлением человеческой активности является движение: перемещение людей в пространстве, движения тела, жесты, а также наблюдаемые нами физиологические процессы, например дыхание, вздох, глотательные движения, смыкание век, гримасы лица и т.п. - все то, что мы зрительно воспринимаем, можем *наблюдать со стороны*, зафиксировать, запечатлеть видеосредствами. Люди идут по улице, бегут, торопясь сесть в трамвай, кому-то машут рукой, бросают ребенку мяч, прогуливают собаку в парке, сбрасывают кирпичи с грузовика, метут двор или улицу перед домом, зевают, почесывают голову и делают еще тысячи разных вещей. Для описания таких форм физической активности, наблюдаемой со стороны, основанной на определенных движениях, мы используем социологический термин «поведение».

В социологии существовали близкие к охарактеризованной выше позитивистской ориентации направления, которые хотели остановиться на этом уровне, редуцировать, свести общественную жизнь к элементарному человеческому поведению (такие постулаты выдвигал, например, известный американский социолог Джордж Хоманс). Это направление получило название *бихевиоризм* (от англ. behavior - поведение)¹. Бихевиористы, наблюдая за людьми, так же как представители экспериментальной психологии наблюдали, скажем, за крысами или голубями, приходили к выводу, что определенные закономерности поведения здесь совпадают, являются идентичными. Это подтверждается таким примером. И люди, и крысы *обучаются «инструментально»*, а именно на последствиях своего поведения, обнаруживая склонность к повторению тех форм поведения, которые принесли им удовольствие, и воздерживаясь от повторения того, что принесло им неприятные ощущения («карающих», вызывающих «наказание» форм поведения). Иначе говоря, если в какой-то ситуации мы получили то или иное удовольствие, то мы стремимся к воспроизведению, повторению подобной ситуации, а если в другой ситуации мы наткнулись на неприятность, стараемся впоследствии избежать такой ситуации, не попадать в нее². Все это, конечно, правда, но наверняка не полная правда; в лучшем случае это только та необходимая биологическая платформа, на которой и строится то, что на самом деле является человеческим и далеко выходит за пределы обозначенного выше поведения как явление гораздо более сложное. Безусловно, человек является организмом, биологическим видом, но не только, ибо он является чем-то большим.

Но как же объяснить то, что те же самые физические реакции и движения или внешне подобные, похожие ситуации на самом деле являются чем-то совсем другим? Например, взмах рукой может быть приветствием, а может быть и выражением угрозы; бег может означать то, что человек от кого-то убегает, а может быть просто спортивной тренировкой, пробежкой; крик может выра-

¹ Staats A.W. Social Behaviorism. Homewood: The Dorsey Press. 1975.

² Homans G.C. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt Brace Jovanovich. 1974.

жать и страх, и злобу; одно и то же движение головой может означать подтверждение (как это, например, принято в Польше) или отрицание (как в Болгарии); обычай целовать женщине руку, нормальный для нас, может вызвать недоумение в Америке; склонить голову до земли можно и в молитве (как это принято у мусульман), и при занятиях гимнастикой. Как отличить (на основе внешних наблюдений за поведением человека) убийство от экзекуции, драку от боксерского матча, научный доклад от выступления на митинге? И наоборот, как объяснить, что совершенно разные физические движения или внешне не похожие друг на друга ситуации могут быть по сути одним и тем же? Например, приветствием может служить и пожатие руки (как это принято у нас), и прикосновение друг к другу носами (как у эскимосов). Покорность Богу одинаково выражают преклонение колен (в католическом костеле) и удары головой о землю (в мечети). Радость может найти проявление в том, что человек запоем, или в том, что он начнет танцевать. Отметить именины можно на вечеринке а ля фуршет, на которой гости едят и пьют стоя, а можно и за столом в форме подковы, за которым гости сидят. Одинаково сильные переживания и острые ощущения может доставить человеку прыжок с парашютом (сверху вниз) и подъем на вершину горы (снизу вверх).

ДЖОРДЖ КАСТАР ХОМАНС (1910-1989)

Американский социолог, прославившийся главным образом своей радикальной оппозицией по отношению к теориям холизма и функционализма, а также собственной крайне ограничительной теорией общественного поведения. Основные его книги: «Человеческая группа» (The Human Group, 1950); «Социальное поведение: его элементарные формы» (Social Behavior: Its Elementary Forms, 1961); «Природа социальных наук» (The Nature of Social Science, 1967).

Согласно его «теории малых групп», наименьшими частицами, элементами, на которые можно разложить социальную жизнь, даже в самых сложных формах ее развития, являются контакты, моменты взаимодействия. Это взаимодействие заключается во взаимном обмене позитивными и негативными оценками, «наградами» и «карами» между отдельными лицами - участниками такого взаимодействия. Цена взаимодействия - поощрения, награды, которые мог бы получить отдельный человек, предпринимая те или иные действия, выбирая ту или иную альтернативу, а также те наказания, которые он мог бы избежать, не вступая в данное взаимодействие. Речь идет прежде всего о «наградах» и «карах», положительный (приносящий удовольствие и удовлетворение) или, напротив, негативный (приносящий неприятности) характер которых имеет биологическое и психологическое обоснование в системе так называемых первичных стимуляторов и рефлексов (таким рефлексом является, например, боль). Далее выступают такие «награды» и «наказания», смысл которых выявляется только в социокультурном контексте и плане, то есть в таком случае речь идет о вторичных рефлексивных и усиливающих факторах (например, орден, которым награждают человека). Среди последних выделяются такие, которые становятся универсальной «валютой» поощрения, награждения в различных ситуациях, то есть стимуляторами общего действия (таковы, например, деньги, престиж). В поведении

на «доинституциональном уровне» обмен наградами и карами происходит непосредственно между партнерами. На «институциональном уровне» в игру вступают сложные цепочки опосредствованных взаимодействий, отдельные элементы которых могут быть непостижимы, неизвестны участникам этого процесса (например, при банковских операциях, производственных процессах, доставке и торговле товарами широкого потребления и т.п.).

Однако независимо от уровня сложности всеми взаимодействиями руководят пять основных законов, аналогичных законам инструментального обучения, открытым в ходе экспериментов на животных: (а) если какое-либо действие чаще награждается, субъект чаще предпринимает такое действие; (б) если какая-либо стимулирующая ситуация сопровождалась в прошлом удовольствиями, положительными эмоциями, то личность постарается снова оказаться в такой ситуации; (в) чем большую ценность для данной личности представляет награда за ее действия, тем чаще эта личность будет совершать такие действия; (г) чем чаще субъект получает такую награду, тем меньшую ценность она для него представляет; (д) если субъект получает неожиданную награду или избегает наказания, которого он ожидает, он реагирует на это чувством удовлетворения и проявлением общей симпатии по отношению к другим.

Задачей социологии является выяснение всех проявлений и форм социальной жизни, в том числе и в макроструктурах, и на институциональном уровне, посредством дедукции, проводимой на основе названных выше пяти основных законов социального поведения, с учетом исходных условий, подтверждаемых эмпирически. Так же действуют и науки о природе, примеру которых социология должна следовать.

Литература

Gomans G.C. Zachowanie społeczne jako wymiara dóbr [Общественное поведение как обмен ценностями] // *Elementy teorii socjologicznych* / W. Derczyński, A. Jasińska-Kania, J. Szacki (Red.). Warszawa: PWN, 1975. S. 103-119.

Homans G.C. Pozycja przywódcy [Позиция руководителя] // *Elementy teorii socjologicznych* / W. Derczyński, A. Jasińska-Kania, J. Szacki (Red.). Warszawa: PWN, 1975. S. 135-148.

Turner J.H. Behavioralna teoria wymiany: George C. Homans [Теория обмена в бихевиоризме: Джордж К. Хоманс] // *Struktura teorii socjologicznej*. Warszawa: PWN, 1985. S. 281-312.

Kempny M. Homans // *Encyklopedia Sociologii*. T. I. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1998. S. 293-296.

Действие

Неслучайно, когда мы говорим о человеческой активности простым, обыденным языком, мы употребляем такие слова, которые указывают на нечто, гораздо большее, чем физические движения и чем простое поведение. Так, мы говорим, например, что кто-то молится, работает, кланяется, учится, спорит (ругается), борется, убегает, отдыхает, рисует. Эти слова описывают уже не поведение, а нечто большее - поведение с некоторым добавлением к нему. Этим добавлением является то значение, которое данное поведение обретает, иначе говоря, смысл того, что мы делаем. Поведение, снабженное значением, смыслом, называется в социологии *действием*. Я говорю «снабженное» смыслом,

поскольку этот смысл, это значение ни в каком поведении не выражаются имманентным способом, сами по себе, они могут быть только «приданы» поведению. Так, скажем, бег - это только бег и ничего больше. Является ли он средством убежать от чего-то (действием беглеца), или погоней (действием преследователя), или формой тренировки, или игрой, забавой, или формой участия в обычных или олимпийских соревнованиях - это определяется тем значением, которое этому бегу придается, тем смыслом, которым этот бег «снабжается». Кто же «придает» поведению то или иное значение, кто «снабжает» поведение смыслом? Прежде всего, это сам действующий субъект. Я машу рукой, чтобы поприветствовать знакомого; я бегаю, чтобы поддержать и укрепить свою физическую форму; я пою, потому что мне весело. Так я связываю свое поведение с какими-то намерениями, целями, причинами, доводами и мотивами. Такое значение мы называем мотивационным, интенциональным (связанным с определенным намерением), в общем широком плане - психологическим.

Это значение «скрыто» в нашей голове, недоступно другим для непосредственного наблюдения. Самое большое, что мы можем со стороны, это, исходя из наблюдаемых нами обстоятельств и признаков, например из ситуации, в которой происходит действие, предположить, что именно кто-то другой делает. Иногда эти признаки говорят нам очень много, позволяют нам то, что Макс Вебер называл «непосредственным пониманием» действия. Если мы видим бегуна на олимпийском стадионе, то мы можем быть уверены, что этот человек участвует в спортивных соревнованиях, а не убегает от кого-то. Если мы видим кого-либо, кто бежит по улице к остановившемуся на остановке автобусу, мы также можем быть уверены, что этот человек хочет успеть на автобус, его цель - вскочить в этот автобус. Но бывает, что суть действия менее очевидна. Например, кто-то долго стоит на углу улицы. Может быть, это жене ждет свою невесту, а может быть, это преступник следит за квартирой, намеченной им к ограблению, или просто нищий, или террорист, ожидающий проезда президентского кортежа. Если кто-либо оказывается в такой несколько подозрительной ситуации, то обычно он старается подать какой-нибудь сигнал, который облегчил бы другим людям возможность прочесть его не представляющие опасности намерения, например он будет часто поглядывать на часы, чтобы показать, что он просто ждет кого-то, кто опаздывает.

Иногда действие может быть совершенно «не прочитываемым» со стороны. Однажды летом, на тротуаре на Пятой Аллее в Нью-Йорке я видел мужчину, лежащего в плавках, лицом к солнцу. Я до сих пор не знаю, что он там делал, неужели просто загорал среди выхлопных газов и пыли? Когда смысл действия от нас совершенно скрыт, мы можем спросить: «Что ты делаешь?» или «Для чего ты это делаешь?» Спрашивая так, мы исходим при этом из того положения, что каждый человек понимает смысл собственных действий и что он скажет нам правду. Но, конечно, и первое, и второе из этих предположений могут оказаться ошибочными. Психоанализ уже со времен Зигмунда Фрейда утверждает, что существует весьма значительная категория так называемых *бессознательных действий*, в подлинном значении которых люди не отдают себе отчета. С другой стороны, люди даже тогда, когда они знают, что они де-

лают, нередко обманывают, скрывают, камуфлируют, неверно объясняют свои действия, имея собственные причины, чтобы не выявить истинного значения и смысла своих действий. Так, миллионер-филантроп говорит, что он руководствуется сочувствием к кому-либо, а на самом деле его беспокоит только то, как избежать уплаты налогов (от которых он освобождается, если средства направлены на благотворительные цели). Политик заявляет: «Объявляю публично, каково мое материальное состояние, ибо мне нечего скрывать», а на самом деле он хочет заполучить голоса избирателей, которые оценят такую его честность.

Все это составляет огромную проблему для эмпирической социологии, которая может опираться только на то, что подлежит наблюдению в действиях людей, и на их ответы, которые они дадут на вопросы, поставленные в анкетах, социологических опросах или в интервью. Методология социологических исследований разработала тончайшие способы интерпретации, или, как говорил Макс Вебер, «опосредствованного понимания» таких сырых данных, получаемых в итоге опросов и наблюдений, и эти способы позволяют гораздо больше приблизиться к истине в понимании тех значений, которые люди субъективно приписывают собственным действиям.

Дополнительная трудность заключается в том, что психологические значения могут иметь различные напластования, множество измерений, и с каким-нибудь действием, на первый взгляд простым, может быть связана сложнейшая система более глубоких и более широких значений и смыслов. К примеру, человек, который бежит к автобусу, хочет успеть сесть в этот автобус. Это лежащий на поверхности слой, как бы первый смысл. Но вникнем в дело более глубоко, попытаемся выяснить: куда он так спешит, на работу или на свидание, а может быть, как раз на лекцию по социологии, а может быть, в больницу, где лежит его больной ребенок? Если, скажем, на работу, то почему ему так важно успеть, прийти точно вовремя: лишит ли его в противном случае начальник премии, будут ли на него косо смотреть его коллеги, а может быть, им просто руководит присущая ему привычка к пунктуальности? И почему он не вышел из дома раньше: может быть, проспал, или должен был заниматься с ребенком, или болтал по телефону со знакомым? И еще, почему он не берет такси или не едет на своем автомобиле? Денег у него не хватает, машины у него нет или, может быть, его автомобиль забрала жена, отправившаяся за покупками, а такси поблизости не видать? Для всего этого уже необходимо, по Веберу, «объясняющее, или интерпретирующее понимание».

Наряду с психологическим, или интенциональным (соответствующим намерению), значением, которое придает своему поведению сам человек, а другие открывают с помощью более или менее сложной и более или менее правильной интерпретации, то или иное значение определенному поведению может быть придано группой или коллективом людей, к которому я, скажем, принадлежу. Это значение можно охарактеризовать как *установленное сообщество* (конвенциональное). Сам я его не придумал, не выяснил, а принял к сведению как коллективное мнение моей группы и признал правильным, присоединился к нему. Так, скажем, я целую женщине руку, потому что такова принятая у нас форма выражения уважения к женщине. Или я преклоняю колени

в костеле, потому что это опять же принятая в моей религии, в моей конфессии форма поклонения или выражения покорности перед Богом. Я бью ногой мяч во дворе, потому что это принятая среди моих ровесников форма игры и развлечения. Я записываю или конспектирую лекцию, потому что это принятая в университете форма учебы. Находясь в рамках одной группы, одного коллектива, где приняты и распространены одни и те же значения, я без труда могу понять, что делают другие, чего хотят от меня, что им нужно. Не испытывая каких-либо осложнений, я «прочитываю» таким образом значения, в которых расшифровывается смысл того или иного поведения. Когда кто-то снимает шляпу, я знаю, что таким образом он хочет меня поприветствовать. Когда я вижу мальчишек, бьющих ногами по мячу, я знаю, что они играют в футбол.

Другое дело, когда я оказываюсь в иной группе, в ином коллективе, где приняты и имеют всеобщее распространение иные значения, иные стереотипы. Это прежде всего вызывает мое удивление, и часто я просто не понимаю, что там происходит, о чем идет речь. Вот конкретный пример. Американские друзья взяли меня с собой на матч по бейсболу. Воспитанный в стране футбола, я не понимаю (и до сих пор этого не понял), почему игроки так странно одеты, почему они бегают вокруг спортивной площадки, зачем они размахивают битой, зачем стараются забросить мячик в публику, а когда им это удастся, вызывают энтузиазм на стадионе. Наверно, американцы так же чувствовали бы себя на нашем стадионе над Вислой. Как постигают эту истину рано или поздно туристы - «другая страна - другие обычаи». И если эту истину не усвоить, дело может легко дойти до недоразумений, неожиданностей и конфликтов. Американка, которой поцелуют руку, может воспринять это как форму флирта, ухаживания, как некое предложение. Если я, не сняв обуви, войду в мечеть, я столкнусь с тем, что на меня обидятся и моим поведением возмутятся, поскольку я окажусь в таком случае человеком, совершившим святотатство. А если я буду пить пиво на пляже в Калифорнии, то может случиться, что меня даже арестуют. Значения, которые тому или иному поведению придает группа (коллектив), которые являются общими для этой группы и отличаются от значений, принятых в иных группах, в иной среде, мы называем культурными. *Культура* поставляет нам определенные, уже готовые сценарии, образцы поведения, которые мы реализуем, желая достигнуть той или иной цели. Поэтому в границах собственной культуры мы чувствуем себя уверенно, безопасно, «как дома», а встречаясь с иной культурой, попадая в иную среду, оказываемся в отчуждении, испытываем тревогу и удивление. Во всяком случае до тех пор, пока не узнаем и не освоим господствующие там иные культурные значения.

До сих пор мы анализировали примеры очень простых действий, имеющих несложный культурный смысл. Однако во многих случаях культурные значения разветвляются, разрастаются, создавая многослойные системы. Рассмотрим такое действие, как предъявление чека в банке, получение денег по чеку. Сколько же культурных значений кроется в таком банальном поведении и действии, как обмен одного белого листка бумаги (чека) на стопку цветных бумажек (денежных банкнотов)! Разве мог бы понять, что здесь происходит, в чем тут дело, человек, не имеющий понятия и не разбирающийся в таких иде-

ях и вещах, как деньги, выплаты, задолженность, долги, счета, кредиты, векселя, сбережения, капитал, монеты, подписные сертификаты и т.п.? И разве могла бы вообще функционировать эта система без сценариев действия, основанных на сложном финансовом, гражданском и торговом праве? Или возьмем другой пример. Сколько времени потребовалось социальным антропологам для расшифровки культурных значений, связанных с распространенной у туземцев на островах Тихого океана церемонией вручения даров (ожерелий и браслетов) жителям соседних островов (кольцо «Кула», описанный Брониславом Малиновским), или с еще более удивительным ритуальным демонстративным уничтожением своего имущества американскими индейцами (так называемый «потлач»)?

Однако наиболее сложную, разветвленную и многослойную систему культурных значений представляет собой язык. Мы используем его в таком наиболее типичном для людей и наиболее часто повторяющемся действии, как речь (разговор), то есть, говоря в общей форме в *общении*. Некоторые, пытаясь дать определение человеку как биологическому виду, в шутку называют его существом болтающим или существом разговаривающим. Между тем речь отличается от простого жеста только своей сложностью. Это тоже вид поведения, комплекс физических движений, производимых теми анатомическими органами, которые мы называем аппаратом речи. С его помощью производятся звуки, которым приписываются значения, закодированные в языке. *Язык* - система значений, принятых в данной социальной группе. В этом смысле он является наиболее важной составляющей культуры. Мы можем понять друг друга потому, что мы приняли и признали в процессе социализации или изучили посредством образования те же самые значения, что были приняты и признаны другими членами данного сообщества, и мы руководствуемся теми же самыми, что и они, «смысловыми правилами». И напротив, когда мы оказываемся в другой группе, в другом сообществе, в отличной от нашей культуре, взаимопонимание с ее носителями оказывается невозможным, ибо нам неизвестны те значения, которые приняты в их языке. Во всяком случае до тех пор, пока мы не изучим этот язык, который является для нас чужим, не овладеем им.

Итак, подводя итоги сказанному выше, можно утверждать, что действие - это такое поведение, с которым связано более или менее сложное мотивационное и культурное значение.

Однако на этом еще не кончаются формы активности людей.

ФЛОРИАН ЗНАНЕЦКИЙ (1882-1958)

Основатель польской научной академической социологии. Большая часть его жизни и профессиональной деятельности прошла в США. В классическую сокровищницу мировой эмпирической социологии вошел его пятитомный труд, созданный в соавторстве с У. Томасом, «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918-1920). Среди многих книг, принадлежащих перу Знанецкого, наиболее значительными являются «Введение в соци-

ологию» (1922), «Метод социологии» (1934), «Социальные роли ученых» (1940) и «Науки о культуре» (1952) [все на польском языке. - *Прим. пер.*].

Уже в своих ранних трудах Знанецкий высказал точку зрения, которую он определил как «культурализм». Согласно этому подходу, социология является наукой о культуре, то есть о такой сфере действительности, которая отличается и от природы, и от сознания отдельных индивидов. Сущность культуры - это объективированные ценности или отобранные действующими людьми и получившие их позитивные оценки объекты, на которые направлены типичные установки и действия этих людей. Все феномены в обществе так или иначе связаны с чьей-то деятельностью, являются частью чье-либо опыта, представляют для кого-нибудь ту или иную ценность. Поэтому их исследование надо вести с учетом точки зрения и положения, действующих в данном обществе людей. Этот подход Знанецкий называл обязательным «гуманистическим фактором» любого социального анализа. Исследованиям с учетом гуманистического фактора содействует особая процедура - анализ и интерпретация так называемых «личных документов», или записей, сделанных участвующими в том или ином процессе индивидами на спонтанной основе. Это прежде всего письма и дневники. Именно на такие материалы опирались Знанецкий и Томас, проводя анализ положения польской экономической эмиграции (в поисках заработков) в США.

Главная составная часть социальной жизни - это социальные действия, поведение, обращенное к другим людям и регулируемое общественными правилами (ценностно-нормативной системой). Социальный порядок проистекает из общих правил, из той ценностно-нормативной системы, которую принимает и разделяет данное общество. Из всей совокупности социальных действий выделяются наиболее сложные и наиболее прочные социокультурные системы: социальные отношения, социальные личности, социальные роли, социальные круги и группы. В социальной деятельности реализуются потенциальные тенденции к действиям, или установки. То, что общество обретает свое лицо, свое устройство через социальную деятельность, предопределяет его непрерывную изменчивость и динамику. В социальной жизни теряет смысл, оказывается невозможным какое бы то ни было разделение между статикой и динамикой: здесь нет ничего статичного, здесь все находится в движении.

Особой областью научных интересов Знанецкого была социология науки. Наряду с другими направлениями и важными результатами исследований, он провел детальную, глубокую классификацию различных ролей, выполняемых учеными: это роли людей, открывающих истину («эксплораторов»), совершающих открытия, систематизирующих данные, выясняющих причины, исследующих частные проблемы, отстаивающих правду и борющихся за правду, это роли эклектиков, историков знания, фальсификаторов, исследователей-теоретиков. Он также произвел анализ различных форм, в каких в истории и на современном его исследованиям этапе существовали научные школы, характерные для науки сообщества, формирующиеся вокруг того или иного выдающегося ученого или продолжающие его дело, ощущающие себя его наследниками. В польской социологии такую научную школу, оказавшуюся весьма прочной, основал сам Знанецкий.

Литература

- Znanezki F. Wstęp do socjologii [Введение в социологию]. Warszawa: PWN. 1988.
- Znanezki F. Społeczne role uczonych [Общественные роли ученых]. Warszawa: PWN. 1984.
- Znanezki F. Współczesny narody [Современные народы]. Warszawa: PWN. 1990.
- Znanezki F. Prawa psychologii społecznej [Законы социальной психологии]. Warszawa: PWN. 1991.
- Znanezki F. Ludzie terażniejsi i cywilizacja przyszłości [Современные люди и цивилизация будущего]. Warszawa: PWN. 2001.
- Znanezki F. Nauki o kulturze [Науки о культуре]. Warszawa: PWN. 1971.
- Znanezki F., Thomas W.I. Chłop polski w Europie i w Ameryce. T. I-V [Польский крестьянин в Европе и в Америке]. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza. 1976.
- Szacki J. Znanezki [Знанецкий]. Warszawa: Wiedza Powszechna. 1986.
- Abel T. O Florianie Znanecom [О Флориане Знанецком]. Lublin: Norbertinum. 1996.
- Szczerpański J. Socjologia: rozwój problematyki i metod [Социология: развитие проблематики и метод]. Warszawa: PWN. 1969. S. 354-392.
- Szacki J. Historia myśli socjologicznej. T. II [История социологической мысли]. Warszawa: PWN. 1981. S. 731-762.

Социальная деятельность

Речь - это прекрасный пример таких действий, которые мы адресуем другим людям. Как правило, мы говорим, обращаясь к кому-то, говорим что-либо кому-либо. Так же и наша жестикация, как правило, обращена к кому-то, на кого-то рассчитана. Поскольку окружение, состоящее из других людей, имеет для нашей жизни столь фундаментальное значение, очень многие наши действия адресованы другим людям. Но, конечно, не все. Например, когда я сажусь в трамвай, ласкаю свою собаку, купаюсь, смотрю в одиночестве телевизор, вбиваю гвоздь в стену, то здесь нет непосредственного адресата, к которому я бы обращался. Для обозначения таких действий, которые обращены к другим людям, адресованы им, польский социолог Флориан Знанецкий употреблял термин «социальная деятельность». В зависимости от значения этой деятельности он выделял, к примеру, воспитательную, просветительскую деятельность, деятельность власти, развлекательную, информационную деятельность и другие, которые выражаются в вопросах, поучениях, просьбах, приказах, в оказании помощи и других формах. Во всех этих случаях мы хотим передать другим какое-то содержание. Эти «другие» могут быть нашими непосредственными адресатами, когда ими являются какие-нибудь конкретные личности. В простейшем варианте это люди, находящиеся в одном и том же месте. Например, я велю ребенку выучить урок, я спрашиваю коллегу, когда состоится собрание, я подаю в игре мяч правому защитнику. Но такие адресаты могут находиться от меня и в некотором пространственном отдалении, важно, чтобы они сохраняли свою индивидуальную определенность. Так бывает, к примеру, когда я пишу кому-нибудь письмо. Иногда социальная деятельность может быть адресована к более анонимным адресатам. Например, я читаю лекцию по социологии. При этом я не знаю лично, по именам и фамилиям,

всех студентов, но стараюсь передать определенные знания им всем вместе и каждому в отдельности. В подобной же ситуации находится актер на театральном сцене или оратор на политическом митинге. Когда я читаю лекцию, весь смысл моего действия заключается в восприятии ее аудиторией. Если бы в зале не было студентов, такая социальная деятельность была бы невозможна. Правда, во время великой забастовочной студенческой волны в американских университетах в 1968 г. некоторые профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке, в том числе один из самых прославленных современных социологов Роберт Мертон, приходили в пустые аудитории и читали там полные, двухчасовые академические лекции. Конечно, при отсутствии студентов, по сути, это не были лекции. Но это тоже была социальная деятельность, только другого рода. Эти профессора хотели передать таким образом не столько социологические знания, сколько своего рода политическое послание, выразить свой протест против студенческих забастовок, подчеркнуть, что студенты, конечно, могут бойкотировать лекции, но у них, профессоров, никто не отнимет права читать лекции, что составляет их неотторжимую и суверенную привилегию. В данном случае адресаты были другие, чем обычно, а именно университетское начальство, студенческое самоуправление, студенческие организации, средства массовой информации, хотя это действие, на первый взгляд, выглядело как обычная лекция, только в пустой аудитории.

Более опосредствованный характер социальная деятельность носит тогда, когда адресаты не находятся с действующими лицами в одном и том же пространстве. Например, если я выступаю по телевидению, то я имею только воображаемую, анонимную и рассредоточенную в разных местах аудиторию, которая меня слушает и видит. А то, что я вижу, - это только оператор в расстегнутой рубашке, производящий какие-то странные маневры со своей камерой, черный глаз этой камеры, в которую я должен смотреть, и красная лампочка, которая подает мне сигнал, что у меня уже есть где-то адресаты, ибо меня показывают, я виден, нахожусь «в эфире». И лишь немногие обладают той редкой способностью, чтобы в такой ситуации вести себя естественно и производить на тех, кто его смотрит, впечатление, будто он глядит им в глаза и говорит только для них. Еще более опосредствованной является ситуация, связанная со съемками фильма: здесь действующий субъект оторван от своих адресатов не только в пространстве, но и во времени. В данном случае адресаты, зрители, появятся только по окончании длительного процесса, связанного с монтажом отснятого материала. И нужен особый талант, чтобы играть отдельные эпизоды, адресованные совсем уж «виртуальной» аудитории, ибо она не только отсутствует в данном месте, где снимается фильм, но и вообще появится только в будущем, и при этом создавать видимость непосредственного контакта. В такой ситуации находится и автор, пишущий книгу, композитор, сочиняющий музыку, живописец или скульптор. Они тоже занимаются социальной деятельностью, но те, к кому она обращена, - это еще неопределившийся, можно сказать, чисто потенциальный адресат.

МАКС ВЕБЕР (1864-1920)

Немецкий социолог, историк и экономист, пользовавшийся уже при своей жизни славой и влиянием и признанный после смерти одной из самых крупных фигур в истории социологии. Наиболее известный его труд - «Протестантская этика и дух капитализма» (1904-1905), но по богатству идей на первом месте стоит его исследование «Хозяйство и общество» (*Wirtschaft und Gesellschaft*, 1922); кроме того, он является автором многочисленных очерков и работ по методологии социальных исследований в области социологии религии, права и политики.

С именем Вебера, который провозгласил принципиальное отличие социальных наук от наук о природе, связано начало антипозитивистского перелома в социологии. Он утверждал, что предметом социологии являются человеческие действия, формирующие тот конечный материал, из которого возникают различные структуры, организации, институты, а неотделимым от действий элементом становятся их значения. Анализ человеческих действий должен привести к их пониманию, которое достигается через интерпретацию присущих им значений, мотивированных (определяемых самими действующими субъектами) или культурных (определяемых теми группами, в которых действуют субъекты). Сама по себе операция «понимания» (*Verstehen*) оказывается возможной, поскольку большинство человеческих действий имеет рациональный смысл, следовательно, достаточно выяснить взаимоотношение средств и целей, затрат и достижений, лежащее в основе действий. Вызванные чувством или совершаемые в состоянии аффекта действия помогают понять эмпатия, а действия, носящие традиционный характер, - историческая память.

Из человеческих действий выделяются и формируются более прочные структуры, например власть - вероятность принятия обязывающих решений. Чистая сила преобразуется в авторитет, когда подвластные этой силе люди принимают и одобряют ее. Основой легитимизации власти может стать оправданность ее решений или харизма. Наиболее рациональную сеть в системе власти образует бюрократия, которая руководствуется исключительно внеличностными, инструментальными понятиями эффективности. Сложная сеть перекрестных действий формирует также структуры неравенства - имущественного, политического, престижного.

Также и сложная социально-экономическая и политическая формация, какой является капитализм, появилась потому, что в определенный момент и в определенном месте люди предприняли некоторые действия предпринимательского, инвестиционного характера, создавали и увеличивали свои сбережения, аккумулировали и преумножали свое достояние, конкурировали между собой. Мотивацию действий, соответствующих «духу капитализма», давала протестантская этика, а именно кальвинизм. Со временем экспансивность и эффективность капитализма породили имманентную мотивацию его дальнейшего развития, но роль «первого толчка» исполнила религия. В истории также большое значение могут иметь случайности или стечение обстоятельств, поэтому нельзя говорить об обязательных, непреходящих моментах или железных законах истории. История является продуктом людских решений, человеческого выбора, а ни то, ни другое никогда не может быть до конца, полностью предопределено, детерминировано.

Литература

- Weber M.* Skice z socjologii religii [Эпюды по социологии религии]. Warszawa: Książka i Wiedza. 1995.
- Weber M.* Polityka jako zawód i powołanie [Политика как призвание и профессия]. Kraków: Wydawnictwo Znak. 1998.
- Weber M.* Dzieła zebrane z socjologii religii [Избранные труды по социологии религии]. Т. I-III. Kraków: Wydawnictwo Nomos
- Weber M.* Klasy, stany, partie [Классы, сословия, партии] // *Elementy teorii socjologicznych* / W. Derczynski, A. Jasinska-Kania, J. Szacki (Red.). Warszawa: PWN. 1975. S. 413-415.
- Weber M.* Trzy czyste typy prawomocnego panowania [Три идеальных типа легитимного господства] // *Elementy teorii socjologicznych* / W. Derczynski, A. Jasinska-Kania, J. Szacki (Red.). Warszawa: PWN, 1975. S. 539-550.
- Krasnodębski Z.* Weber [Вебер]. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1999.
- Szczepański J.* Socjologia: rozwój problematyki i metod [Социология: развитие проблематики и метод]. Warszawa: PWN, 1969- S. 334-349.
- Szacki J.* Historia myśli socjologicznej. Т. II [История социологической мысли]. Warszawa: PWN, 1981. S. 515-537.

Социальные действия

Среди различных действий М. Вебер выделяет еще более узкую категорию. Он называет ее *социальными действиями*. Согласно его определению, социальными действиями являются такие действия, которые предпринимаются с учетом активной или потенциальной реакции на них других людей. В действиях такого типа в гораздо большей мере, чем в социальной деятельности, проявляется второй субъект, уже не только как адресат, к которому обращено действие, но и как партнер, реагирующий на это действие по крайней мере потенциально. Мы уже не только обращаем к кому-то наши действия, но и посылаем ему «сигналы», стараясь представить, как он себя поведет, как поступит, пытаюсь отгадать, какие у него намерения, какими культурными правилами он связан и будет руководствоваться, склоняясь к тем или иным действиям. Мы ориентируем на него наше действие, принимая во внимание ожидаемую реакцию и стараясь приспособить к ней нашу линию поведения, наши поступки. Новым дополнительным элементом здесь является ориентация на ожидаемую, встречающую, превосходящую нами, воображаемую реакцию адресата и готовность к модификации собственного действия в зависимости от характера этой реакции. Реакции партнера выступают здесь как наша собственная проекция, направляющая наши действия еще до того, как наступит настоящая реакция.

Таким образом, то, как мы поступим, зависит от значения - психологического или культурного, которое мы приписываем действию, как своему собственному, так и ожидаемому нами со стороны партнера. Когда я снимаю шляпу, кланяясь на улице своему знакомому, я руководствуюсь намерением поприветствовать его и делаю это так, как принято и предписано в моей культуре, при этом я предполагаю, что мой знакомый поймет мое намерение и что соответствующий культурный обычай ему известен, ожидаю, что он ко мне отнесется доброжелательно, и рассчитываю на то, что он будет связан культурными

ми правилами вежливости, то есть на то, что он тоже поклонится мне. Когда меня обокрали в автобусе, я подбегаю к полицейскому, я хочу просить его о помощи, я знаю, что в цивилизованном мире оказание такой помощи входит в его обязанности, я рассчитываю, что он войдет в мое положение и выполнит свою обязанность - бросится в погоню за преступником. Ясно, что по многим позициям в этом своем расчете я могу ошибаться.

По определению американского философа и социального психолога Джорджа Герберта Мида, ключевым моментом успешного социального действия является адекватное «представление себе другого», идентификация партнера, к которому обращено наше действие и который должен исполнить наши ожидания. Потерявшись в чужом незнакомом городе, я буду искать кого-нибудь, кто по виду похож на местного жителя. Карманный вор будет высматривать рассеянного туриста. Студент запишется на сдачу зачета к приятному, доброму на вид ассистенту. Чтобы избежать ошибок и напрасных ожиданий, иногда используют внешние явные признаки. Такими признаками могут служить, к примеру, военный или служебный мундир, форма одежды. Полицейского на улице легко узнать именно по этому признаку, и этот признак демонстрируется (полицейский появляется в служебной форме) именно для того, чтобы в случае необходимости каждый мог бы его распознать и к нему обратиться. В Буэнос-Айресе полицейский, который дежурит здесь на каждом более-менее крупном перекрестке, одет не только в мундир, но еще и в ярко желтую безрукавку с черной надписью «Полиция». В Нью-Йорке привлекает к себе внимание благодаря целому военному арсеналу на его поясе, от пистолета и наручников до огромной палки, длина которой доходит до колен. Это служит также сигналом и для преступника, который видит, что его ожидает, если он нарушит закон. Врач в больнице носит на шее уже не так часто применяемый теперь стетоскоп, чтобы пациенты могли отличить его, скажем, от массажиста, медбрата или санитаря. Проститутка одевает туфельки на серебряных шпильках и хрустальных подошвах, чтобы клиенты сразу видели, кто есть кто. В определенных сообществах и группах иерархического устройства, например в армии, правильное распознавание статуса партнера особенно важно, и отсюда - система опознавательных знаков, погон, лычек, нашивок, звездочек на мундирах. Благодаря этому, когда входит генерал, мы не спутаем его с капралом.

Разумеется, существуют и более тонкие сигналы, которые мы как бы излучаем для того, чтобы склонить других людей к общению, контакту с нами или, напротив, чтобы предупредить с их стороны такое намерение. Улыбка, хорошая осанка, опрятный вид, умение смотреть в глаза - все это может убедить других, что имеет смысл обратить на нас внимание, «представить нас себе», направить на нас свое действие. И напротив, пассажир, который сидит в метро, низко склонившись, закрыв лицо газетой, стараясь избегать взглядов и визуальных контактов с другими людьми, явно хочет быть незаметным, чтобы избежать попыток как-то с ним заговорить, задеть, а может быть, и обокрасть его.

Социальные действия можно разделить на несколько типов в зависимости от того значения, психологического или культурного, которое мы связываем с этими действиями, а также в зависимости от тех ожиданий, какие мы связываем с возможной реакцией партнера. Очень важной категорией являются

целерациональные действия. Рациональность в простейшем значении этого слова означает не что иное, как расчет. Речь, следовательно, идет о таких действиях, которым предшествует определенная попытка прикинуть возможность, представить последствия, произвести предварительный расклад сил, следующая за появлением определенного замысла. Противоположность этому составляют действия импульсивные, спонтанные, необдуманные. В более сложном понимании рациональность - это не просто любой расчет, а особый тип предварительных расчетов, которые приводят к оптимальному результату, к оптимизации действия. Иначе говоря, это такой *расчет достижений и затрат*, пользы и потерь, который направлен на увеличение первых (достижений, пользы) и минимизацию вторых (затрат, потерь) частей данных оппозиций, к возможно большим достижениям при наименьших утратах, к тому, чтобы самым экономным или самым безболезненным способом реализовать важнейшие цели исходного замысла. Другими словами, это особенная шкала, система отношений между целями и средствами действия, которую выстраивает, планирует и рассчитывает сам действующий субъект. Уже по тому языку, какой мы в данном случае используем, ясно, что действия такого рода происходят главным образом в экономической сфере. Безусловно, самым наглядным примером рациональных действий являются *экономические акции*: покупки, продажи, инвестиции, сбережения и т.п. Но, конечно, действия такого типа не ограничиваются экономической сферой. По этим правилам действуют не только домохозяйка, которая идет в магазин за покупками, инвестор, который решается на приобретение акций, но и преступник, планирующий налет на банк, генерал, готовящий сражение, политик, проводящий предвыборную кампанию. В данном случае речь идет о *субъективной рациональности*, определяемой с точки зрения действующего субъекта, соответствующей его знанию ситуации и его представлениям об иерархии приоритетов. Человек, который намеревается купить автомобиль, собирает информацию о различных марках автомашин и старается выбрать наиболее подходящий ему вариант, соответствующий его ожиданиям, но в то же время являющийся наиболее дешевой моделью. Для другого исключительное значение имеет скорость, которую может развивать автомобиль, мощность его мотора, система ускорения. Третьего интересует потребление топлива. А для кого-то главным может быть цвет кузова, известная марка. Совсем другие расчеты делают те, для кого критерием является не низкая, а именно высокая цена автомобиля, ибо автомобиль служит символом их престижа, а не средством передвижения, и его приобретение становится выражением «престижного потребления», как определял это американский социолог Торстейн Веблен. И в этом случае это тоже действие, субъективно рациональное, рациональное с точки зрения действующих лиц. О том, что такого рода извращенная рациональность встречается все чаще, свидетельствует тот факт, что в Риме недавно открылась сеть магазинов под вывеской «Дорого!» Вместо того чтобы привлекать клиентов низкими ценами, скидками, распродажами, они прямо заявляют: у нас самые высокие цены, самые дорогие товары. И в этих магазинах в покупателях недостатка нет.

Другой стороной рациональности действующего субъекта является ожидание рациональности со стороны партнера, которого мы себе представляем и к которому обращаем наши действия. Если мы можем рассчитывать на то, что партнер будет рационально реагировать на наши действия, значит, мы находимся в надежной ситуации, которая дает нам наибольшую уверенность, ибо мы в таком случае можем поставить себя на его место и произвести некоторые расчеты с его точки зрения, зная, что он также будет стремиться найти способ действия, который принесет ему успех ценой минимальных затрат и потерь. В таком случае мы по крайней мере знаем, чего мы можем от него ожидать. Поэтому, к примеру, лучше иметь дело с расчетливым гангстером, чем с безумцем, и переговоры лучше вести с холодным политиком, чем с фанатичным идеологом. Но откуда мы можем знать, что партнер окажется рационально мыслящим человеком, что он будет действовать рационально? Иногда мы лично его знаем, иногда руководствуемся его репутацией, иногда исходим из его внешнего вида (языка тела - body language) или манеры одеваться (разумеется, эти внешние признаки чаще всего оказываются ошибочными, подводят нас). Однако существенным показателем может служить то, подчиняется ли партнер культурным правилам рациональности. Существуют такие социальные контексты, в которых рациональность действий является общеобязательной и, естественно, ожидаемой. Именно таким является экономический контекст, в котором мы исходим из того, что при проведении разного рода акций, переговоров, торгов партнер действует рационально, а не руководствуется чувствами, сентиментальными порывами, симпатиями, капризами. Неслучайно уже в философии для человека, строго придерживающегося рациональных расчетов, было найдено определение homo economicus (человек экономический). На экономическом рынке именно такие люди преобладают. Однако, например, в семейном или дружеском контексте холодная рациональность расчетливого торговца, скорее, подлежит культурному осуждению. Здесь в культурном плане от партнеров требуются иные ориентации и качества: любовь, лояльность, доверие, солидарность. Наконец, целые цивилизации могут быть построены на рациональных основах, а рядом с ними существовать иные цивилизации, базирующиеся, скажем, на традициях или на эмоциях. Вебер утверждал, что западная цивилизация нового времени характеризуется все большим «расколдованием мира» (освобождением от его очарования, волшебства) и доминирующей рациональностью во всех сферах жизни. Находясь в этом цивилизационном поле, мы можем чаще и с меньшей вероятностью ошибки по сравнению с теми мирами, где господствует традиционалистская ментальность, ожидать рациональности от своих партнеров. Это касается также и экономической сферы, что может подтвердить каждый, кто не только совершал покупки в супермаркете, но и торговался с продавцами на каком-нибудь арабском базаре.

Наряду с *инструментальной рациональностью*, о которой до сих пор шла речь, то есть рациональностью, основанной на расчете, на поисках оптимального соотношения между средствами и целями, Вебер выделял как особую категорию *ценностную рациональность*, или, как он ее называл, «рациональность с точки зрения ценности». Он имел в виду такую ситуацию, которую мы

часто определяем выражением «цель оправдывает средства». Речь идет о действиях людей, для которых поставленная цель субъективно означает очень много, представляет собой такую высокую ценность, что они готовы пойти на самые большие траты и жертвы, заплатить любую цену, понести самые большие расходы, чтобы только достичь этой цели. Банальным примером такого рода может послужить девушка, которая отдает всю свою стипендию или зарплату, чтобы купить модные туфли и таким образом произвести впечатление на своих подружек. Другой пример - оказавшийся «невольником» своих чувств герой повести Сомерсета Моэма жертвует своим состоянием, здоровьем, губит свою жизнь, чтобы добиться близости с циничной проституткой. Но в то же время эту категорию рациональности могут иллюстрировать примеры и образы поистине героические: великие патриоты, герои войны, мученики веры, бескомпромиссные борцы за свободу. Они не занимаются расчетами, не взвешивают плюсы и минусы, они готовы отдать свое состояние, покой, свободу, иногда даже жизнь за дело, которое для них представляется самым важным. Более того, даже намек на малейшее подозрение, что они могли бы на что-то рассчитывать, думать об извлечении выгоды, торговаться, в общем переходить на позиции инструментальной рациональности, будет воспринят ими как оскорбление. В знаменитом послании из тюрьмы Адама Михника генералу Чеславу Кищчаку, содержащем отказ от предложенной ему эмиграции, есть слова, которые прекрасно иллюстрируют данный тип рациональности: «Вы хотите низвести нас до своего уровня. Не получится! Такой радости мы вам не доставим. Я не знаю, какое меня ждет будущее, и даже не знаю, удастся ли мне дожить до того времени, когда правда победит ложь, а солидарность - нынешнюю антирабочую диктатуру. Но все дело в том, господин генерал, что для меня смысл и значение нашей борьбы заключатся не в шансах будущей победы, а в ценности того дела, во имя которого мы вступили в эту борьбу»³. Ценностная рациональность настолько редко встречается, что ее трудно включить в систему обычных, повседневных ожиданий действий от партнеров, к которым обращены наши действия. Однако в исключительных ситуациях стоит помнить и о такой возможности. Генерал Кищчак, направляя Михнику свое предложение, не принял такую возможность во внимание, рассчитывая ошибочно, что его партнер будет руководствоваться инструментальной рациональностью и, несомненно, предпочтет Лазурный берег камере в Мокотовской тюрьме.

В обоих типах рациональных действий имеет место ориентация на цель или на ценность. Действия направлены на достижение чего-либо с помощью выбранных средств и затрат, определенных на основе расчета или используемых без всякого расчета, по принципу «любой ценой». Но так или иначе эти действия предпринимаются для того, чтобы осуществить какие-то наши замыслы, намерения, получить определенный результат. Действия такого рода укладываются в рамки модели, предложенной еще философами эпохи Просвещения (например, Иеремией Бенетом), и называется эта модель *утилитаристской*, или *волюнтаристической*. Однако не все действия людей имеют та-

³ Gazeta Wyborcza, 03.02.2001.

кой характер. Существуют и такие действия, которые мы совершаем совсем не затем, чтобы добиться какой-либо выгоды или получить что-либо нам нужное, «подходящее», а совершенно по другим причинам.

В прославленной типологии Вебера следующая категория - это *традиционные действия*. Здесь мы действуем тем или иным образом просто потому, что так что-то делалось всегда, или потому, что так поступают все в нашем кругу, в нашей среде. Мы наследуем многие автоматические действия, совершавшиеся испокон веков или получившие всеобщее повсеместное распространение. В таком случае мы не в состоянии осмысленно ответить на вопрос «Зачем ты это делаешь?»; самое большое, что мы тут можем, это на вопрос «Почему ты это делаешь?» ответить: «Потому что так принято». Когда я сажусь завтракать, я вовсе не задумываюсь каждое утро о том, является ли рациональным делом употребление ножа и вилки и не лучше было бы съесть то же самое руками или с помощью палочек. Когда, собираясь на работу, я надеваю брюки, я не задумываюсь о том, а не было бы мне удобней и вольготней пойти в юбке. Когда я появляюсь галстук, я не думаю, зачем мужчины носят на шее такой странный кусок цветной материи. Когда я оказываюсь вместе со всеми другими в «пробках» на шоссе, выезжая на уик-энд, я не раздумываю, а не лучше ли было бы иметь свободный день, скажем, в четверг, а не в воскресенье. Действия такого рода придают социальной жизни определенный автоматизм. Они освобождают нас от необходимости каждый раз принимать решение, делать выбор, раздумывать и рассчитывать. В этом отношении они выполняют такую же роль, как исследуемые психологами индивидуальные навыки.

Порой традиционные действия вообще не связаны с какими бы то ни было целями, они сохраняются лишь как рецидивы действий, бывших когда-то целерациональными, но утративших свою цель в изменившихся обстоятельствах. А бывает и так, что ныне они служат каким-либо иным целям, ибо изменились их функции. Если применить к таким действиям рациональный расчет, может выясниться, что они малоэффективны или совершенно бесполезны. Великий польский социальный антрополог Бронислав Малиновский пользовался понятием «*культурные пережитки*» и как один из примеров приводил поездку на дрожках в современном большом городе. Когда-то важное и доброе транспортное средство стало теперь чем-то вроде развлечения для туристов, которым пользуются, как он писал, более всего романтически настроенные пары⁴. И из совершенно другой области интересно привести такую подлинную историю. В конце 1989 г. была приватизирована гута «Варшава», ее владельцем стал итальянский промышленный концерн. Спустя какое-то время рабочие этого предприятия, недовольные низкой зарплатой и слишком жесткой трудовой дисциплиной, нормы которой были установлены итальянскими хозяевами, отправились маршем протеста к Сейму. Тем самым они как бы продолжили ту традицию, обратились к той форме действий, которая существовала и оправдывала себя раньше, в совершенно других условиях. В изменившихся условиях в новые, наступившие времена это было уже чисто традиционное действие, лишенное

⁴ Malinowski B. Szkice z teorii kultury. Warszawa: Książka i Wiedza. 1958.

всякого смысла, неправильно адресованное (к Сейму), в то время как Сейм уже никакого отношения к таким проблемам не имел.

Частота производимых традиционных действий в разных социальных группах неодинакова.

Во-первых, различными в этом плане являются разные контексты социальной жизни. Может быть, наибольшее количество традиционных действий совершается в религиозном контексте, ибо здесь особенно сильный акцент ставится на продолжительности, извечности, прочности, повторяемости, что находит свое выражение в широкой гамме действий, связанных с различными ритуалами, церемониями и обрядами. Множество традиционных действий обнаруживается в семейном контексте. Где-то посередине шкалы таких измерений окажется политический контекст, в котором наряду с рациональными действиями также имеет место широко используемый определенный политический ритуал, или, как некоторые говорят, «светская обрядность». Особенно широко разветвленной бывает она при монархических, самодержавных, диктаторских и тоталитарных режимах. Немало ритуальных элементов находим мы в просветительском, образовательном контексте, например в университетской жизни. На противоположном полюсе, несомненно, находятся профессиональный и экономический контексты, где уже по определению преобладают рациональность, целенаправленность и эффективность действий. Разумеется, при этом речь идет об общих основных соотношениях, пропорциях, а не об абсолютных различиях между такими контекстами, ибо в каждом контексте на практике встречаются действия и того, и другого рода.

Во-вторых, неодинаковый акцент на традиционные действия обнаруживается в разные эпохи и разных странах. Многие авторы считают, что основное направление общественного развития заключается в отходе от традиций и в возрастании роли мышления и действия «позитивного» (Огюст Конт) или «рационального» (Макс Вебер). Согласно этой концепции, насколько патриархальное или средневековое общество, в котором главную роль играли религия, магия или мифы, отличалось огромным количеством традиционных, ритуальных действий, настолько в обществе нового времени с его высоко развитой экономикой, бюрократией, промышленностью, наукой, техникой постоянную тенденцию к росту и увеличению обнаруживают рациональные действия, как называл их Вебер, превосходит разрушение волшебных чар, «расколдовывание мира». Оставим историкам уточнение и проверку этой версии, этого историсофического положения. Даже не углубляясь в историю, уже на уровне обыденного, повседневного наблюдения мы замечаем и можем утверждать, что в разных современных обществах частота традиционных действий неодинакова. Сравним с этой точки зрения, к примеру, исламский мир с американской цивилизацией или Испанию и Швецию, очевидные различия между которыми значительно меньше. «Атмосфера традиционализма» может накладывать отпечаток, определяя различия также между регионами и даже отдельными городами одной страны. Киото с этой точки зрения сильно отличается от Токио, Упсала от Стокгольма, а Краков от Варшавы.

Если мы постоянно вращаемся внутри одной и той же группы (среды, коллектива, сообщества), мы привыкаем к одним и тем же традициям и ритуалам.

лам, или, говоря иначе, связываем с ними одни и те же значения. Благодаря этому мы можем развивать социальную деятельность, предпринимать социальные действия, предвидеть с довольно большой вероятностью реакцию партнера. Когда католик слышит в костеле «Дадим себе знак примирения!», он может с уверенностью ожидать, что стоящий рядом с ним незнакомый человек ответит на его жест пожатием руки. Когда, услышав в университетской аудитории «Марш Домбровского», я встаю, я могу быть уверенным, что сидевшие рядом со мной профессора тоже встали в этот момент. Когда солдат отдает честь офицеру, он может ожидать, что тот тоже приложит руку к фуражке. Зато, если мы окажемся в другой, отличающейся от нашей среде, в другом сообществе, где приняты совсем иные культурные значения традиционных или ритуальных действий, возможны и дезориентация, и неуверенность, во всяком случае до тех пор, пока мы не научимся подражать тому, что делают члены этого сообщества. Обратим внимание на то, что само по себе такое подражание ритуалу уже может оказаться не традиционным, а вполне рациональным действием. Ведь в таком случае мы руководствуемся определенной целью: чтобы не выделяться в другой среде, чтобы нас там приняли за своих, чтобы нас другие не осуждали. И для нас тогда совершение определенного ритуала становится формой камуфляжа. Атеист, совершающий свое бракосочетание в церкви или просто оказавшийся в костеле, преклоняет по ходу богослужения колени, крестится или разламывает облатку в Сейме, когда отмечается сочельник, но ничего этого он не делает автоматически, и он не связывает с этими действиями такого же смысла, какой придает им верующий католик. Так же поступает, к примеру, американский турист, снимая обувь перед входом в мечеть или пользуясь палочками для еды в ресторане Гонконга. Надо очень долго обитать в чужой среде, чтобы действительно начать жить ее жизнью, а это значит наряду со многим другим по-настоящему приобщиться к господствующим в этой среде традициям и ритуалам, совершать соответствующие традиционные и ритуальные действия без усилий и особых раздумий.

Есть еще одна категория действий, согласно типологии Вебера. Он называет их действиями *аффективными*, или эмоциональными. В этом случае мы предпринимаем определенное действие не для того, чтобы достичь поставленной перед собой цели, и не потому, что так делают другие, а потому, что испытываем сильнейшую потребность выразить таким образом определенное душевное состояние — радость, гнев, страх и т.п. Дженифер Каприати прыгает и танцует на корте, одержав победу в соревнованиях на чемпионате в Австралии, снимая таким образом напряжение, накопившееся за несколько сетов поединка с Мартиной Хигинс. Толпы немцев кричат «ура», приветствуют, целуют, обнимают друг друга в эйфории под превращающейся в обломки берлинской стеной. Английские «фанаты» громят магазины и поджигают автомобили после поражения их команды в игре на первенство Европы. Арабы плачут, рвут на себе в отчаянии одежду и бросаются на гробы при похоронах жертв конфликта в секторе Газа. Пьяный муж кричит и без причины бьет свою жену. Отелло в бешеном приступе ревности душил Дездемону. Социальная

жизнь полна подобными действиями. В таких ситуациях никакая рациональная аргументация не имеет смысла, взывать к разуму напрасно, это ничего не дает, напротив, может даже усилить буйство. Наиболее адекватная реакция на аффективные действия партнера - *эмпатия* - попытка войти в его положение, понять его состояние, вникнуть в те чувства, которыми он обуреваем, что вполне возможно, поскольку все люди время от времени переживают подобные состояния. Надо попытаться понять чувства партнера (хотя довольно трудно требовать этого от Дездемоны в тот момент, когда ее душат).

Особая определенная разновидность аффективных действий - это действия, в ходе которых эмоции имитируются с целью оказать влияние на партнера. Такие действия уже не являются выражением душевной экспрессии, психического состояния. Скорее, их можно считать рациональной, специально рассчитанной манипуляцией и, следовательно, отнести к типу инструментальных рациональных действий. Например, директор кричит на сотрудника, но не потому, что он на самом деле рассержен и не может справиться со своей злобой, а специально для того, чтобы приструнить его, научить дисциплине. Боксер Тайсон изображает из себя чудовище, кровопийцу, бешеного зверя, чтобы напугать противника (и иногда ему это вполне удается, например, в случае с Анджеем Голотой). Нищенка плачет, заливаясь слезами, чтобы возбудить сочувствие. Автомобильный дилер изображает нежнейшую дружбу к клиенту, лишь бы всучить ему негодный автомобиль. Партнеры, или, точнее говоря, жертвы действий такого рода, имеющих лишь видимость аффективных действий, должны понимать, что имеют дело с имитацией, камуфляжем, и реагировать на такие действия адекватно - холодно, спокойно и рационально. В этом может помочь типичность ситуаций такого рода, известных им из собственного опыта или из опыта других людей. И все же время от времени мы попадаем в эту западню, интерпретируя манипуляторские действия как аффективные действия. Если бы это было не так, то и не были бы столь распространенными циничные попытки использовать и изображать чувства, которых нет на самом деле.

Частота аффективных действий, как и действий других типов, о которых речь шла выше, также зависит от социального контекста. Кажется, чаще всего такие действия совершаются там, где в дело вступают интимные, близкие отношения, где имеет место сильно выраженная самоидентификация субъекта с определенной группой, развитое, активное чувство идентичности. Именно такой характер имеют семейный, религиозный, а также этнический, политический, спортивный контексты, особенно когда в эти контексты включаются и обретают доминирующее значение ситуации и ощущения конкуренции, соревнований, борьбы. Немало аффективных действий встречается в контексте отдыха и развлечений, по определению связанных с раскрепощением чувств. От оргии или племенных ритуальных танцев до современной дискотеки, карнавала в Рио-де-Жанейро, «техновечеринки» (techno-party) или «парада любви» - таков широкий спектр ситуаций, в которых обычные ограничения в проявлении эмоций оказываются размытыми, перестают действовать и сдерживать человека. В значительно меньшей мере проникают эмоции в профессиональный, образовательный контексты.

И в этом аспекте заметно существенное различие между разными сообществами и коллективами. Социологи различают такие типы, как «горячие» культуры, или цивилизации, в которых выражение эмоций, в том числе и публичное, не только допустимо, но необходимо и востребовано, и «холодные» культуры, или цивилизации, в которых основной акцент делается на умении владеть своими чувствами, сдерживать их, соблюдать эмоциональную дистанцию, а публичное выражение чувств считается неприличным. Такое различие бросится в глаза, если мы сравним арабские страны с англосаксонскими. В меньшей степени эти различия могут проявляться в профессиональной среде, характеризовать различные профессиональные группы. Но в какой-то мере это все же проявляется и в данной сфере, в чем нетрудно убедиться, сравнив, к примеру, художественную богему со средой авиаторов, летчиков, пилотирующих пассажирские самолеты, или артистов театра со специалистами в компьютерной технике.

Совершение аффективных действий в одних социальных контекстах, в одних культурных кругах или сообществах может более органично соответствовать ситуации, скорее, оказаться «на месте» и в то же время в другой среде, в других контекстах восприниматься резким диссонансом, быть крайне неуместным. Следует ожидать их проявления в тех случаях, когда мы оказываемся в «горячем» окружении, и, напротив, предвидеть, что мы вряд ли встретимся с ними в «холодном» окружении. Адекватное действие должно быть основано на понимании, в каком контексте, в какой культуре, в какой среде мы находимся, ибо тогда мы сможем предвидеть, рассчитывать, больше или меньше у нас шансов столкнуться с аффективной реакцией партнера, мы сможем соответственно на это настроиться и быть готовыми к тому, что необходимым окажется как-то скорректировать, изменить наши собственные действия.

Важнейшие понятия и термины

Бихевиоризм - исследовательское направление, согласно главным постулатом которого стихийное поведение людей является реакцией на воздействия (стимулы), поступающие из внешнего окружения или от других людей; все сложные явления социальной жизни бихевиоризм рассматривает в качестве комбинаций различных форм и типов поведения людей.

«**Горячая**» цивилизация - общество, культурные правила которого допускают публичное выражение эмоций и даже требуют такого проявления.

Действие - поведение, в котором оказываются взаимосвязанными мотивационное и культурное значения.

Инструментальная рациональность - особенность действий, которые являются результатом расчета затрат и достижений, нацеленного в субъективном представлении производящего этот расчет и действующего лица на достижение поставленной цели ценой наименьших потерь.

Инструментальное обучение - укрепление поведенческого репертуара, приносящего положительные результаты (удовольствия, радость, удовлетворение потребностей) и

От поведения к социальным действиям

63

возможно более последовательное исключение из этого репертуара моментов (форм поведения), которые приносят неприятности, что делается на основе предварительных «проб и ошибок».

Культурное поведение - общий для всей группы (коллектива, сообщества), разделяемый ее членами смысл, связываемый с определенными действиями.

Культурные пережитки - действия или объекты, якобы идентичные существовавшим прежде, социальные функции которых, однако, подверглись кардинальным переменам, в результате эти действия и объекты обрели новый смысл.

Мотивационное, психологическое значение - индивидуальные намерения, интенции, мотивы, которые действующий субъект связывает со своими действиями.

Поведение - наблюдаемые со стороны физические движения, производимые людьми.

Расколдовывание мира (освобождение от очарования, от волшебства) - уменьшение роли традиционных и аффективных действий за счет увеличения роли рациональных действий, основанных на холодном расчете.

Социальное действие - действие, при котором принимается во внимание действительная или ожидаемая реакция партнера и которое непрерывно модифицируется с учетом и в зависимости от таких реакций.

Социальная деятельность - действия, целиком адресованные другим людям.

Утилитаристская модель действия - интерпретация людских действий как выбора средств (инструментов) для реализации поставленных целей.

«**Холодная**» цивилизация - общество, культурные правила которого требуют сдержанности, умения владеть своими чувствами и ограничивают публичное выражение эмоций.

Ценностная рациональность - особенность действий, носитель (субъект) которых стремится к цели, настолько для него важной, что не считается ни с какими затратами.

Эмпатия - проникновение в психическое состояние, мотивы, намерения других людей, осуществимое постольку, поскольку репертуар человеческой психики является типичным, общим или подобным для многих людей.

Язык - общая для целого сообщества, разделяемая всеми ее членами система культурных значений, связанных со звуками или графическими знаками, используемыми в целях коммуникации между людьми.

Рекомендуемая литература

См. «Сто книг с моей книжной полки» - под следующими порядковыми номерами там значатся книги, которые рекомендуются вниманию читателей в соответствии с содержанием данного раздела: 41, 75, 93, 94.

Глава 3

От социальных действий к взаимодействию

Совместные действия, или социальный контакт

До сих пор человеческую активность и ее различные формы мы рассматривали со стороны действующего субъекта. Правда, отдельные личности, субъекты, представали в нашем рассмотрении в общественном окружении, среди других людей, но эти другие в лучшем случае появлялись только или как выбранные адресаты, к которым была обращена социальная деятельность, или как «виртуальные», всего лишь воображаемые, потенциальные партнеры. Делая следующий шаг в нашем анализе, мы должны расширить этот образ. Заметим в этой связи, что те другие, чью реакцию на наши действия мы, принимая то или иное решение, хотим предвосхитить, сами тоже, реагируя на наши действия, предпринимают определенные действия по отношению к нам. И то, что они делают, - это тоже есть социальное действие, содержащее все те элементы, что и предыдущее действие. Следовательно, реагируя, мы прежде всего идентифицируем, «представляем себе» того, кто к нам обратился, кто направил свое действие по отношению к нам. Мы уже не выбираем его, ибо это он нас выбрал, но мы обращаем на него свое внимание. Далее мы стараемся расшифровать значение - мотивационное и культурное - его действия: что ему нужно, каковы его намерения, а также что мы можем в дальнейшем ожидать от такого человека, принимая во внимание те господствующие культурные правила, которыми он связан. Таким образом, мы приписываем ему определенные интенции, намерения и способы реализации этих намерений. На следующей ступени мы сами себе задаем вопрос, как хотим мы отреагировать на его действие и как мы должны на него реагировать в соответствии с принятыми нами принципами поведения, то есть определяем мотивационное и культурное значение нашей потенциальной реакции. И только разобравшись во всех этих обстоятельствах, мы действуем тем или иным образом. Конечно, это

не значит, что каждой реакции предшествует такая сложная, трудоемкая процедура. В действительности всё это может совершаться мгновенно, на уровне закодированных навыков, привычных сценариев поведения в данных ситуациях, может включать в себя укрепившиеся в подсознании итоги прежнего опыта, которые мы называем интуицией, может быть сведено к инстинктивным движениям, может охватывать также стремительно протекающий мыслительный процесс.

Возьмем такой пример: сижу в гостиничном кафе за столиком. Подходит ярко раскрашенная и достаточно броско, вызывающе одетая женщина и спрашивает: «Можно здесь присесть?» Я задаюсь вопросом: «Кто она?» Судя по внешнему виду, вероятно, дама легкого поведения. Что ей нужно? Вероятно, ищет клиента, руководствуясь культурными правилами полусвета. Ведь ясно, что порядочная женщина не будет присаживаться к столу постороннего мужчины. Таким образом, я в своем воображении определил все значения - мотивационные и культурные, которые нашли выражение в ее действии. Теперь что касается значений моей возможной реакции. Есть ли у меня желание завести такое знакомство и могу ли я себе такое позволить с учетом моих принципов? Большого желания не чувствую, кроме того, мне было бы неловко, если бы меня с ней увидел кто-либо из моих знакомых. Соответственно, я ей отвечаю: «Очень сожалею, но я жду человека». И на этом эпизод заканчивается. А теперь другой пример, где я выступаю в противоположной роли. Еду в поезде и очень хочу познакомиться с соседкой по купе. Рассчитываю, что ей этого тоже хочется. Задаю, следовательно, какой-нибудь банальный вопрос: который час и не опаздывает ли поезд. Она смотрит на часы, сухо, официально отвечает, что сейчас пять часов шестнадцать минут, и демонстративно погружается в чтение своего журнала «Твой стиль». Понимаю, что просчитался, молчу как побитый, отказываюсь от своих намерений и сам вытаскиваю «Политику», в чтение которой погружаюсь. И этот эпизод также можно считать законченным.

Итак, действие, включающее в себя инициативу, и действие, включающее в себя реакцию (ответное, реагирующее действие), имеют одну и ту же структуру. Они связываются в пару социальных действий, взаимно ориентированных друг на друга. Такую пару действий мы называем *социальным контактом*. Та дама, кем бы она ни была, установила со мной мимолетный социальный контакт. Я тоже перемолвился с соседкой по купе всего несколькими словами, установив с ней социальный контакт. В обоих случаях дело закончилось на первом раунде взаимно ориентированных действий. Для социальных контактов характерна именно эта кратковременность или одноразовость. Я спрашиваю встречного пешехода: «Который час?» Он отвечает: «Четверть четвертого», и мы расходимся каждый своей дорогой. «Предъявите, пожалуйста, ваш билет», - говорит кондуктор в поезде. «Пожалуйста», - отвечает пассажир, и на этом их контакт кончается (конечно, если с билетом все в порядке). Сталкиваюсь с кем-нибудь в проходе, говорю: «Извините», слышу в ответ: «Пустяки», и все. Говорю старушке в трамвае: «Садитесь, пожалуйста». Она села. На этом контакт кончается. Такой обмен может даже не иметь вербального выражения, он может обойтись

вообще без диалога. К примеру, я улыбнусь красивой девушке на дискотеке, она улыбнется мне в ответ и пойдет танцевать со своим молодым человеком. Еще более тонким может быть этот контакт, например, в иной версии описанного выше эпизода в поезде: я только взгляну, как бы случайно, на соседку по купе, на секунду наши взгляды встретятся, мы установим с ней таким образом «зрительный контакт», но тут же отвернемся друг от друга и погрузимся каждый в свое чтение. В данном случае в нашем действии нашло выражение культурное правило, которое в социологии определяется как требование «вежливого невнимания» (*civic inattention*) и заключается в том, чтобы не пялиться нагло в упор на незнакомого человека, не рассматривать его.

Приведенные выше примеры касаются непосредственных контактов, которые происходят, когда иницирующий и реагирующий субъекты находятся вместе в одном и том же пространстве и времени. Но разумеется, так же, как в случае с отдельными действиями, здесь могут иметь место контакты опосредованные, осуществляемые через средства коммуникации. Во-первых, это контакты между людьми, находящимися в разных местах (например, звонит телефон, я говорю: «Вы ошиблись номером» - и кладу трубку). Во-вторых, это контакты между людьми, предпринимаящими действия в разное время (например, бизнесмен получает письмо с перечнем торговых предложений и отвечает, что он в них не заинтересован).

Анатомия социального взаимодействия

Социальный контакт в силу его мимолетности, мгновенности, как правило, имеет ничтожные последствия. Но может случиться и так, что он образует только первый раунд, открывая какую-либо более длительную перспективу взаимно ориентированных действий. Снова обратимся к конкретному примеру. Я нахожусь за границей, в чужом городе, хочу спросить дорогу к университету. Присматриваюсь к людям в поисках кого-нибудь местного. Выбираю элегантно одетого мужчину с портфелем в руке. Подхожу к нему и задаю свой вопрос с надеждой, что он знает дорогу, что он отнесется ко мне приветливо и покажет, куда идти. Оказывается, я, действительно, сделал удачный выбор: этот человек оказался профессором данного университета, и он даже предложил проводить меня. Идем с ним вместе, разговариваем, хотя первоначально я не имел намерения завязать знакомство. Доходим до места, прощаемся, и тут я приглашаю его на свою лекцию, которая состоится на следующий день. Так развивается действие, а точнее последовательность действий, инициированных моим выбором, моими ожиданиями, а также ожиданиями и реакциями партнера. Местный профессор реагировал на мою инициативу соответственно своим представлениям обо мне как о заблудившемся в чужом городе иностранце и руководствовался предположением, что я, как человек культурный, с радостью и благодарностью приму его предложение проводить меня до места (конечно, это было только предположение, ибо я ведь мог и ответить невежливо, грубо: зачем, мол, вы меня будете провожать, я не ребенок, оставь-

те меня в покое!). Я же со своей стороны, руководствуясь предположением, что этот незнакомый мне человек, действительно, знает дорогу, раз уж он хочет меня проводить, отреагировал положительно и решил совершить с ним совместную прогулку, хотя в мои первоначальные намерения это не входило. Так между нами завязался разговор, а возможно, и последующее знакомство.

Таким образом, дело здесь дошло до чего-то большего, нежели единичное социальное действие и мимолетный контакт. Появились социальные действия - моё и моего партнера, ориентированные взаимно друг на друга, связанные в пару действий, за которой следует дальнейший обмен действиями - словами, жестами, например между нами начинается беседа, идет разговор. Все это разворачивается в определенном отрезке времени и представляет очередные действия между нами. При этом один человек действует, ориентируясь на другого, потом этот другой действует, ориентируясь на первого, а затем снова первый, ориентируясь на второго, и т.д. Так же поочередно они изменяют, модифицируют свои действия, приспособляя их к тому, что совершает партнер. Тут ключевым моментом оказывается уже не только предвосхищение ответа и формирование собственного действия в зависимости от ожидаемой реакции партнера, но и постоянная корректировка, развитие и модификация действий в зависимости от того, что на самом деле делает или говорит партнер. Такая динамичная постоянная последовательность взаимно обращенных друг к другу действий в социологии носит название *взаимодействие*. Примеров тому бесконечно много: разговор, ссора, свидание, финансовые переговоры, торг, визит к врачу, арест преступника, выражение соболезнования на похоронах, сплетни, драка, перебрасывание теннисного мяча (обмен подачами) и т.п.

Возьмем последний пример (теннисный матч), который можно считать почти лабораторно чистым, поскольку в нем наиболее явно проявляется суть взаимодействия, включая определенные элементы взаимно ориентированного ожидания реакции партнера и постоянной модификации действий на основе уже не только ожидаемой, но и действительной реакции. Итак, летит теннисный мяч. Сампрас бежит в левый угол корта, ибо полагает, что Агасси совершит удар справа, но Агасси замечает это движение и посылает мяч в противоположную сторону. Соответственно Сампрас тотчас возвращается назад и бьет мяч так, что он должен упасть перед сеткой, рассчитывая, что Агасси трудно будет до него добежать. Но на то он и Агасси, что, конечно, успевает, добегает своей характерной трусцой, берет мяч и посылает его сильным ударом вдоль линии, выигрывая эту подачу.

Для того чтобы можно было вести речь о таком взаимодействии (одном-единственном эпизоде взаимодействия), должны быть соблюдены, говоря языком театра, такие условия, как единство действующих лиц (те же самые партнеры), единство действия (все время речь идет об одном и том же деле), места (партнеры находятся в едином пространстве) и времени (акция продолжается непрерывно). Такова модель взаимодействия. Первое и второе условия здесь очевидны. Скажем, разговор, который ведут между собой Томаш и Ян, - это совсем другое дело, чем разговор между Яном и Анной. Второе условие, един-

ство действия, означает в данном случае то, что партнеры приходят к взаимному согласию о том, что они делают (будут делать), и принимают общие правила поведения. В теннисном матче они оба знают, что играют в теннис и руководствуются общими установленными правилами игры. Если они занимаются борьбой или дерутся, то признают элементарные ограничения, касающиеся недопустимых приемов, захватов и т.п., а также критерии, согласно которым определяется, кто победил и как закончилась борьба («до первой крови», «положить противника на лопатки», «не на жизнь, а на смерть»). В разговоре партнеры имеют общую тему и, что еще более важно, пользуются общим, понятным им обоим языком. Участники дискуссии знают, что они должны обосновать свои позиции, и принимают общие принципы аргументации. Без такой монолитной платформы хотя бы минимальных, но признанных и принятых партнерами условий (правила игры в спорте, общий язык в разговоре, принципы аргументации в диспуте, в дебатах, допустимый уровень эскалации в супружеской ссоре, границы приличия во флирте, допустимые приемы в торговых переговорах) никакое взаимодействие не может произойти.

«Единство места и времени действия», то есть одновременное нахождение партнеров в одном и том же пространстве очевидно в большинстве случаев взаимодействия, которые мы можем наблюдать повседневно. Такое взаимодействие называется непосредственным. В зависимости от содержания самой акции взаимодействия между его партнерами формируется характерная дистанция, которая может быть большей или меньшей. Эдвард Холл произвел даже точные подсчеты, определив, что существует четыре типа дистанций взаимодействия. Во-первых, это интимная дистанция, которая существует, например, при взаимодействии между родителями и детьми, между обрученными, между любовниками, - по его подсчетам, колеблется от 30 до 45 см. Во-вторых, личная дистанция, например между друзьями, добрыми знакомыми, - от 45 см до 1,2 м. В-третьих, это социальная дистанция, например между директором и сотрудником (вызванным «на ковер»), - от 1,2 до 3,6 м. Наконец, это публичная дистанция, характерная, например, для положения оратора на трибуне, священника на церковном амвоне, актера на театральной сцене, - более 3,6 м. Партнеры могут использовать эти пространственные отношения, чтобы подсказать или навязать друг другу характер взаимодействия. Например, если я приближаюсь и шепчу что-то на ухо своему начальнику, я это делаю (использую эту дистанцию) для того, чтобы показать сослуживцам, какие тесные, приятельские, доверительные отношения связывают меня с шефом. Пусть завидуют, пусть имеют это в виду! Подозреваемый, которого допрашивают в полиции, сидит на стуле посередине комнаты, в значительном отдалении от следователя, который ведет допрос, и это делается для того, чтобы было ясно: здесь не товарищеская беседа. Однако опытный следователь может манипулировать мнимой интимностью: он встает из-за стола, подходит к допрашиваемому, склоняется к нему, приближается, смотрит ему в глаза, говорит: «Ну, Ян, признайтесь же, я Вам, правда, только добра желаю». Говорят, Сталин принимал делегации в огромном кабинете, сидя за гигантским столом, чуть ли не с теннисный корт. Здесь формальной дистанции было

уже недостаточно, при каждом удобном случае навязывалась публичная дистанция. Таким же образом и другие диктаторы имели склонность и привычку увеличивать публичную дистанцию: они обращались к толпам людей с высоких бетонных трибун, с балконов дворцов, с мавзолеев.

Пространственная дистанция между партнерами зависит не только от содержания и характера взаимодействия, но и от определенных культурных обычаев и традиций. В разных обществах мы встречаем разные неписанные правила по поводу «цивилизованного отдаления», которое следует, к примеру, сохранять при разговоре. В этом плане бросается в глаза разница между арабской и еврейской культурами, где принято разговаривать находясь на очень близком расстоянии друг от друга, и англосаксонской культурой, которая требует от ведущих разговор значительно большего отдаления друг от друга.

При непосредственном взаимодействии значение имеют не только дистанция, но и пространственные рамки, характер, форма окружения, в котором совершается взаимодействие. Иногда такие рамки упрощают, иногда, напротив, усложняют контакт, увеличивают или уменьшают шансы совершения взаимодействия, придают этому взаимодействию особенный колорит. Сравним, к примеру, ситуацию, в которой находятся соседи, живущие в большом многоквартирном доме, для которой характерна изоляция и анонимность (хорошо, если знаем семью, проживающую в квартире, выходящей на ту же лестничную площадку нашего этажа), с той ситуацией, какая существует в деревне или даже в поселке, в предместье, застроенном одно-, двухэтажными домиками: там гораздо большая взаимная «видимость», открытость, возможность к установлению контактов между соседями. Или сравним ряды длинных лавок и больших столов в студенческой столовой с отдельными столиками в ресторане, отделенными еще к тому же иногда друг от друга ширмами или перегородками. Пространственные условия также становятся ареной целенаправленных манипуляций, направленных на стимулирование взаимодействия или на то, чтобы помешать этому взаимодействию, затруднить его. В американских университетах существует обычай никогда не запирает двери рабочих кабинетов, чтобы в любой момент туда можно было войти и поговорить с сотрудниками. В английском «пабе» посетители сидят на высоких стульях-табуретках за общей стойкой, которая тянется вдоль бара, и это способствует тому, что между незнакомыми людьми завязываются разговоры. И наоборот, во время экзаменов студентов рассаживают за отдельными столами, чтобы те не списывали у своих товарищей, а узников тюрьмы вообще помещают в разные камеры, в том числе и для того, чтобы они сообща не строили планов побега.

Говоря об одновременности действий партнеров при непосредственном взаимодействии, мы должны учитывать широкую шкалу возможных временных совпадений (той или иной продолжительности «одного времени»). Скорость, быстрота действия, срок ожидаемой реакции, интервалы между очередными «раундами» или обменами действиями, или, иначе говоря, темп и ритм взаимодействия, зависят от содержания и характера самих действий, а также от особенностей ситуации, в которой эти действия совершаются. Сравним, к

примеру, продажу с аукциона произведений искусства с мессой в костеле, дискуссию в прямом эфире по телевидению с беседой за столиком в кафе, боксерский матч и турнир по гольфу. Культурные различия сказываются даже на протяженности во времени одинаковых по своему типу взаимодействий: в данном случае мы имеем в виду замедленный темп жизни в традиционных, патриархальных обществах и нарастающий темп, непрерывное ускорение в обществах и странах, переживших процессы модернизации.

Применение современных, находящихся все более широкое и массовое распространение средств коммуникации позволяет все более свободно, широко и относительно трактовать обязательные условия «единства места и времени» при взаимодействии. Оказывается, что эти условия не так уж жестко обязательны, ибо все чаще мы имеем дело с опосредствованным взаимодействием. Партнеры могут вступать во взаимодействие издалека (например, при телефонном разговоре, при контакте, осуществляемом по электронной почте, в интернете и т.п.), а также могут в свою очередь реагировать с опозданием (например, при обмене письмами). Поговорить по телефону с кем-нибудь, кто находится в Сингапуре, сегодня так же просто (хотя обойдется это дороже), как с коллегой из Радома. В мире, подверженном процессам глобализации, расстояния уже не играют значительной роли. Аналогично и время, можно сказать, «сократилось». Когда я в 1970-х годах находился на стажировке в Беркли, то письмо авиапочтой шло до Польши три недели, следовательно, даже единичный акт моего взаимодействия с семьей, учитывая необходимость ждать, пока придет ответ, продолжался как минимум шесть недель. Сегодня мы обмениваемся с коллегой из Калифорнии посланиями по электронной почте в течение нескольких секунд.

Несколько отступая от темы, я хотел бы здесь обратить внимание на поистине революционное значение мобильных телефонов, существенно изменивших характер взаимодействия. Дело в том, что при традиционных разговорах со стационарных телефонов партнеры, хотя и находились на значительном расстоянии друг от друга, имели, однако, свою пространственную локализацию, «привязку» к одному определенному месту: это место партнер по телефонному разговору представлял себе и учитывал в ходе разговора. Так, я мог звонить своему коллеге «домой», или «на работу», или «в гостиницу», или в «дом отдыха», «пансионат», или «в больницу» и т.п. К каждому такому адресу были, можно сказать, привязаны определенные культурные правила, регулирующие, что и как подобает или не подобает говорить. Например, по служебным делам я должен был звонить на работу, а для обсуждения личных вопросов - домой. Я должен был избегать разговоров на служебные темы, если коллега находился в отпуске, отдыхал. Другое дело, если он находился в служебной командировке, в составе какой-нибудь делегации: тогда я мог без обиняков позвонить ему в гостиницу, чтобы рассказать, что делается на работе. С каждым таким телефонным адресом было связано, по крайней мере, некое общее представление о данном месте и предположение, что коллега может там в данную минуту делать. Я не звонил ему на работу в те часы, когда, как мне было известно, там обычно проходили совещания у начальника. И домой я ему звонил, выждав, когда кончится трансляция его любимого телевизионно-

го сериала. Мобильный телефон впервые полностью и окончательно сделал наше взаимодействие не зависящим от расстояния и пространственных условий. Он также поставил под сомнение, лишив прежней силы, все культурные правила и традиции, касавшиеся того, когда и куда следует звонить. Даже самое простейшее правило, что не следует звонить человеку ночью, перестало быть обязательным, если партнер оказывался в ином часовом поясе. «Ах, ты меня разбудил, поднял с кровати», - говорит мне коллега, которому я звоню в полдень, но он-то как раз в это время находится по делам в Сингапуре. Кроме того, мы теперь лишены каких-либо вспомогательных указателей, где именно находится наш партнер в данную минуту и что он соответственно может в эту минуту делать. Звоню своему коллеге на мобильный телефон и не знаю, едет ли он в этот момент на автомобиле, ждет ли посадки в самолет в аэропорту, смотрит телевизор, обедает, принимает душ или катается на лыжах в Альпах. У нас даже нет ни одного шанса следовать элементарным правилам вежливости, предусматривавшим то, что в определенных ситуациях человеку не следует мешать. В этом плане можно сказать, что телефонная связь стала более жесткой, подверглась сильно продвинувшейся вперед брутализации. Если посмотреть на дело со стороны того, кому мы звоним, то окажется, что он теряет всякую возможность укрыться, уберечь от постороннего вторжения свою личную жизнь, ибо даже если он выключит «мобильник», то возбудит тем самым подозрение, что ему надо что-то скрыть. Правда, в качестве компенсации за все это он имеет полную анонимность и непроницаемость ситуации, в которой он находится.

Какая из этого может быть выгода, я проиллюстрирую, рассказав эпизод, свидетелем которого я стал в отеле «Шератон» в Бари, на далеком юге Италии. Завтрак. За соседним столиком сидит типичный бизнесмен. Рядом с ним - очень красивая девушка, значительно моложе его. Среди непрерывных звонков и сигналов «мобильников», которыми итальянцы пользуются с еще большим увлечением, чем поляки, звонит и его телефон. И что я слышу? «Ах, добрый день, дорогая! Как дети? Уже ушли в школу? Какая у вас погода в Милане? Представь себе, а у меня так много работы, я страшно занят, к тому же сегодня здесь, во Флоренции, холодно и с утра идет дождь». Напомню, дело происходит в Бари, а это несколько сот километров на юг от Флоренции, и в то утро там была невероятная жара.

ДЖОРДЖ ГЕРБЕРТ МИД (1863-1931)

Американский философ, психолог и социолог, создатель оригинальной и получившей значительное распространение и влияние теории так называемого «символического интеракционизма». Он прославился своими знаменитыми лекциями в Чикагском университете, которые были записаны и изданы его учениками в двух томах «Разум, самость и общество» (Mind, Self and Society, 1934) и «Философия акта» (Philosophy of the Act, 1938).

Главной проблемой социальной психологии и социологии он считал отношения личности и группы. Само разделение на индивидов и группы искусственно. Не существует такой

единицы, такого человеческого «Я», которое оказалось бы вне процессов взаимодействия и связей, разворачивающихся в обществе. В свою очередь, и общество формируется из сети взаимодействий и коммуникаций, то есть действий индивидов, ориентированных относительно друг друга. Взаимодействия и связи осуществляются посредством жестов и речи, а значит, предполагают совместное «распознавание», общее понимание и одинаковую интерпретацию символов. Символ - это больше, чем знак, ибо знак - это только естественный симптом, указатель на какое-либо положение или состояние, а символ - это ассоциация с каким-либо предметом или состоянием, установившаяся на основе конвенции, согласия, достигнутого между членами определенной группы, и основанная на общности их представлений. Участники взаимодействия (интеракции) постоянно приспособляют свои действия друг к другу, опираясь на те символические указания-сигналы, которые они получают от партнера и имеют возможность «прочитать», освоить. Условием взаимодействия является общность того символического языка, каким они оперируют.

В ходе взаимодействия индивид формирует свое «Я», или свое самосознание, понимание самого себя, способность сделать себя предметом собственного анализа и оценки. Указания и критерии, позволяющие проводить такой анализ, люди черпают от своих партнеров по группе. Рефлексирующее «Я» (по терминологии Мида, «me») - это набор, комплекс, запись реакций, суждений, ожиданий других людей, прежде всего «значимых других». Спонтанное «Я» (по терминологии Мида, «I») - это выражение неповторимой индивидуальности, вырабатывающей своеобразные реакции на давление со стороны других.

Социальный генезис «Я» - это не только факт, что содержательные компоненты индивидуальной личности имеют общественное происхождение, но и то, что сама способность включать в себя общественное начало, сам психологический механизм формирования особой личности создаются в процессе взаимодействия с другими. Различаются три этапа такого формирования «Я», которые проявляются уже в детстве: (а) «игра» - спонтанные действия, совершаемые в присутствии других, рядом с другими, однако еще не скоординированные с действиями других; (б) «соревнование» - действия, совершаемые по определенным, принятым правилам и скоординированные с действиями партнеров; (в) происходящее в сознании, в воображении человека (ребенка) обобщение, выработка общих представлений о правилах его собственного поведения, уже независимого от конкретного участия в той или иной игре. Этим третьим уровнем развития человеческого «Я» создает возможности для того, чтобы человек в своем воображении ставил себя в положение партнеров, «виртуально» примерял на себя и проигрывал их роли, интерпретировал их замыслы и доводы, что в целом составляет обязательное условие успешного взаимодействия.

Литература

- Mead G.H.* Umysł, osobowość i społeczeństwo [Разум, личность и общество]. Warszawa: PWN, 1975.
- Krzemiński I.* Symboliczny interakcjonizm i socjologia [Символический интеракционизм и социология]. Warszawa: PWN, 1986.
- Krzemiński I.* Mead // Encyklopedia Socjologii. T. II. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1999. S. 190-193.
- Ziółkowski M.* Znaczenie, interakcja, rozumienie [Значение, взаимодействие, понимание]. Warszawa: PWN, 1981.

Hałas E. Społeczny kontekst znaczeń w teorii symbolicznego interakcjonizmu [Общественный контекст значений в теории символического интеракционизма]. Lublin: Wydawnictwo KUL, 1987.

Blumer H. Implikacje socjologiczne myśli George'a Herberta Meada [Импlications социологического учения Джорджа Герберта Мида] // Elementy teorii socjologicznych / W. Derczyński, A. Jasiriska-Kania, J. Szacki (Red.). Warszawa: PWN, 1975. S. 70-84.

Szacki J. Historia myśli socjologicznej. T. II. [История социологической мысли]. Warszawa: PWN, 1981. S. 538-632.

Четыре теории взаимодействия

Многие социологи рассматривают взаимодействие (интеракцию) нейший феномен социальной жизни. Порой социологию определяют как науку о социальных взаимодействиях. Я просмотрел 12 изданных в Америке учебников по социологии и в восьми из них нашел именно такое определение. Поэтому взаимодействие фигурирует и как важная категория в различных социологических теориях и направлениях, нередко кардинально различающихся по своим основным положениям. Эти теории, обращая внимание на разные аспекты взаимодействия, представляют разные образы, развивают разные концепции интеракции, которые можно рассматривать как дополняющие друг друга.

Первую, самую простую картину взаимодействия мы находим в бихевиористической теории. Она характеризует взаимодействие как связанное друг с другом поведение субъектов, как последовательность стимулов (инициатив) и реакций. «Интеракция - это взаимно модифицированное поведение, основанное на обмене стимулами», - пишет Роберт Фэрчайлд¹. «Социальное взаимодействие - это взаимоотношения между двумя или большим количеством субъектов, чье поведение зависит друг от друга», - так формулирует ту же самую мысль Э. Холландер². Эту идею развивает польский социальный психолог Станислав Мика: «Взаимодействие (интеракция) - это взаимное воздействие друг на друга партнеров, основанное на том, что на определенном этапе поведение одного человека становится рядом вызовов, обращенных к другому человеку, который на эти вызовы реагирует; в свою очередь, эта реакция становится рядом вызовов, обращенных к первому субъекту, который тоже на них реагирует; эта реакция, будучи рядом вызовов для партнера, вызывает со стороны этого партнера последующую реакцию, и так далее, до тех пор, пока не будет прерван этот процесс обмена вызовами и ответами на них»³. Точку над «и» ставит в этих рассуждениях упоминавшийся нами выше основоположник теории социального поведения Джордж Хоманс. Он следующим образом разъясняет суть этого вопроса: «Когда мы замечаем и можем констатировать тот факт, что отдельный акт деятельности какого-нибудь человека наступает после какого-нибудь акта деятельности другого человека или, если

¹ *Fairchild R.* Dictionary of Sociology. Totowa: Littlefield and Adams. 1966. P. 160.

² *Hollander E.P.* Principles and Methods of Social Psychology. New York: Oxford University Press. 1971. P. 243.

³ *Mika S.* Wstęp do psychologii społecznej. Warszawa: PWN. 1972. S. 154-155.

использовать более полюбившееся нам слово, оказывается стимулированным актом деятельности другого человека, в таком случае, независимо от того, каково содержание этой деятельности, мы имеем дело с взаимодействием (интеракцией)⁴. Взаимодействие рассматривается и трактуется здесь как явление, наблюдаемое со стороны, в независимости от содержания, психологических и культурных значений, связанных с деятельностью партнеров. То, что мы можем зрительно наблюдать, это следующие друг за другом моменты поведения, исполняющие по отношению друг к другу обе роли: и роль стимула, и роль реакции. Точно так же мы могли бы наблюдать взаимодействие среди крыс, кошек, собак: например, один зверь подходит к другому, другой рычит, первый отходит, удаляется. Что у них там происходит между совершением первого действия (вызовом) и проявлением реакции на этот вызов, нам остается неизвестным, от нас закрыто. Поэтому мы говорим, что такой вид взаимодействия - это особая модель «черного ящика». Бихевиористический подход говорит нам кое-что о взаимодействии, но чрезвычайно мало. Поэтому другие теории взаимодействия пытаются открыть «черный ящик», выяснить, что происходит как бы между поведением первого и поведением второго партнера.

Наиболее близкой к бихевиористскому подходу, но все же значительно глубже вникающей в содержание поведения является *теория обмена* или ее новейшая разновидность - *теория рационального выбора*. Она трактует взаимодействие как взаимный обмен определенными ценностями между партнерами. Воображаемой моделью такого обмена является экономическая акция: покупка-продажа. В этом случае исходной предпосылкой и предположением является то, что оба партнера действуют рационально, а следовательно, оба стараются получить как можно больше, потерять или потратить как можно меньше, во всяком случае сделать так, чтобы приобретение было больше потери. При этом «выгода», так же как и потери, может быть самой различной. Для одной стороны может быть выгодным получение некоторой ценности, подлежащей обмену, в частности денег, для другой - выгодным может оказаться приобретение какой-либо потребительской ценности, например нужной вещи; в ином случае это может быть удовлетворение какого-нибудь эмоционального импульса, например какого-нибудь желания или каприза. В свою очередь, и потери, с одной стороны, могут выражаться в денежных тратах, определяемых ценой, которую придется уплатить, а с другой - в ценностях, от которых придется отказаться, если я решусь покупать именно это, а не что-либо другое; кроме того, это еще и все проблемы, связанные с самим актом покупки, в частности время, которое я на это трачу, усилия, связанные с поисками товара, потраченные на сам торг и аргументацию и т.д. До самой сделки дело доходит, когда оба партнера посчитают, что каждый из них имеет позитивный баланс между выгодой и потерями. Это оказывается возможным потому, что рациональность каждого из них имеет субъективный характер; это значит, что свои расчеты они ведут согласно собственным приоритетам, представлениям и убеждениям. Продавец хочет сбыть товар и получить деньги.

⁴ Homans G.C. The Human Group. New York: Harcourt Brace. 1950. P. 36.

Покупатель готов заплатить деньги за нужный ему, желанный товар. В итоге совершаемой сделки оба довольны: продавец стал богаче, но у него теперь уже нет этого товара; покупатель стал беднее, но он счастлив, потому что осуществились его желания и мечты.

Главная идея теории обмена заключается в перенесении этой экономической модели на все области социальной жизни, в том числе не имеющие ничего общего с экономикой. При каждом взаимодействии мы что-то меняем. Не обязательно, чтобы это были товары, вещи, экономические и какие-либо еще ценности. Когда я советую что-либо своему другу, я меняю свои знания (в той области, которой касается мой совет) на его признательность, на свой престиж в его глазах. Когда я окружаю ребенка заботой и любовью, я, как правило, получаю взамен любовь с его стороны. Когда я делаю кому-нибудь подарок, я могу рассчитывать на благодарность. Когда я помогаю коллеге в работе, я могу рассчитывать и на его помощь. В соответствии с таким подходом, даже в действиях, казалось бы, абсолютно альтруистических, филантропических, «незаинтересованных», кроется желание, не всегда осознанное, что-либо получить взамен: изумление, престиж, славу, святость.

В теории обмена большое значение приобретает главная для понятия взаимодействия идея взаимности. В бихевиористичном подходе она означает только то, что определенные действия и поведение партнеров следуют поочередно друг за другом, при этом в одном случае они играют роль вызова, инициативы, а в другом - роль ответной реакции. В теории обмена взаимность касается уже содержания предпринимаемых действий, сути поведения партнеров, означает определенную равнозначность, равновесие подлежащих обмену ценностей. Особенно подчеркивают понимаемую таким образом взаимность те социальные антропологи, чьи исследования и наблюдения касаются примитивного общества. Бронислав Малиновский считал, что принцип «ты мне, я тебе» (*do ut des*) является основной закономерностью жизни племени. Марсель Мосс анализировал различные формы даров, выявляя скрытые ожидания «реванша». Клод Леви-Строс выявлял сложные процедуры взаимобмена между собирающимися вступать в брак в различных родовых структурах. Эти авторы расширили наши представления о взаимности, показав на различных примерах, что взаимность необязательно связана с действиями тех же самых людей, которые что-то от нас получили, что она необязательно должна быть мгновенной, а также необязательно должна измеряться «в той же самой валюте». Это последнее обстоятельство особенно очевидно: если я приглашаю знакомого на ужин, это не значит, что он тотчас после этого пригласит меня на такой же ужин в соседний ресторан. «Реванш» может быть «отложенным во времени» и даже надолго. Когда я кому-нибудь помогаю, это не значит, что данный человек должен немедленно оказать мне помощь, отнюдь нет, но я могу на это рассчитывать когда-нибудь в будущем, когда буду нуждаться в такой помощи. И «реванш» необязательно должен выражаться в том же самом «материале»: может быть так, что я кому-то одолжил деньги, а он мне помог получить направление в больницу.

Менее очевидно то, что «компенсацию» я смогу получить совсем не от тех людей, которым я что-то дал или сделал. Это, однако, возможно, но только в

том случае, если существуют сложные цепочки взаимодействия. Очень колоритный пример такого рода Бронислав Малиновский нашел на островах Полинезии и назвал его на языке туземцев понятием кольца — «Кула». В составе архипелага, который он исследовал, находилось несколько островов, расположенных как бы по кругу. И происходили там такие довольно странные вещи (я сознательно упрощаю сложное, подробное этнографическое описание). Ранней весной жители одного из островов, назовем его А, начинали готовить лодки, женщины были заняты приготовлением нарядных узорчатых ожерелий и браслетов. В определенный день «экспедиция» отправлялась на соседний остров Б. Когда она туда приплывала, начиналась очень тщательно обставленная церемония вручения подарков жителям острова Б, сопровождаемая танцами вокруг костров на берегу. Спустя какое-то время туземцы острова Б принимали аналогичные действия и, набрав подарков и украшений, отплывали на остров В, где повторялась церемония вручения даров. А позднее с острова В его жители ехали на остров Г, чтобы там вручить подарки; в свою очередь жители острова Г отправлялись с такой же целью на остров Д, и где-то к концу года жители последнего острова высаживались с дарами на остров А. Такой ритуал повторялся ежегодно. И вот, хотя здесь никто не совершал непосредственного обмена и мы имели здесь дело на первый взгляд с односторонними действиями (принесением даров, вручением подарков, за которым не следовало ответного жеста), в действительности благодаря тому, что все эти действия были связаны в один круг, как бы составляли единую замкнутую цепь, островитяне каждого острова были одновременно и приносящими, и получающими подарки. Правда, приносили они свои дары одним, а получали от других, но в итоге они обретали аналогичные ценности, и во всей системе сохранялась, таким образом, взаимность. Малиновский спрашивал также, зачем все это делается, если никто ничего от этого не выигрывает и не теряет. И отвечал на этот вопрос, что все это имело существенное значение, или, как он это называл, существенную *функцию* для общественной интеграции, для спокойного, уверенного ощущения островитянами своего единства, своей цельности; поскольку принесение и получение даров было символом доброжелательства, добрых намерений по отношению к соседям, да к тому же в связи с тем, что служившие дарами предметы, хоть и не те же самые, но подобные, аналогичные им по своей ценности, в конце концов возвращались к дарившим, успокаивало их и отвечало элементарным требованиям и чувствам справедливости⁵.

Если мы перенесемся теперь с Тробрианских островов в наши места, то увидим, как большая семья, собравшись в сочельник у елки, совершает обмен праздничными подарками по принципу «каждый - каждому». Каждый человек приходит на этот праздник с пакетом или мешком разных подарков и уходит отсюда с таким же мешком, только в нем теперь находятся другие подарки. Взаимность в данном случае торжествует, никто не «нажился», не приобрел чего-то лишнего, не разбогател на этом, и никто ничего не потерял, не потратился напрасно. Но, кроме всего прочего, эта церемония имеет значение и смысл, по-

добные тому, что представляет собой кольцо «Кула». Она укрепляет семью, подчеркивает взаимную доброжелательность ее членов, интегрирует ее целостность посредством сложной сети эквивалентных обменов.

Американский социолог Алвин Гоулднер рассматривал *принцип взаимности* как определенное универсальное культурное правило, как социальную норму, обязывающую людей компенсировать полученные ими ценности, отвечать на добро добром. Эта норма соответствует широко распространенному представлению: если ты что-либо получил, то становишься должником того, кто тебя одарил. По мнению ученого, эта норма является основой всего общественного порядка. Датский антрополог Бент Енсен считал принцип взаимности фундаментальным свойством человеческой природы. Он даже называл человека не *homo economicus* и не *homo politicus*, а *homo reciprocus* (образуя звучащий на латинский лад неологизм от английского слова *reciprocity*, что собственно и означает «взаимность»).

Перейдем теперь к третьей теоретической ориентации, которая еще больше открывает «черный ящик», глубже анализирует смысловое содержание - психологическое и культурное значения - взаимодействия. Направление *символического интеракционизма*, основоположниками которого были американские социологи Чарльз Х. Кули и Джордж Г. Мид, акцентирует внимание на том, что в ходе интеракции обмен и взаимность касаются не только и не столько материальных объектов, но прежде всего идей, символов, значений. Таким образом, сущностью взаимодействия является коммуникация. Важнейшей частью взаимодействия в таком его понимании является весь сложный мыслительный процесс, который развивается с обеих сторон с момента встречи, первого контакта партнеров друг с другом. В этом процессе выделяется несколько этапов. Первый связан с осознанием, «узнаванием» партнера, «представлением себе» этого партнера, выбором именно его среди других субъектов, обычно присутствующих в каждой ситуации, как потенциального участника «интеракции». Взаимодействие начинается с того, что я сам для себя решаю, что я подойду на улице именно к этому мужчине, чтобы спросить дорогу, а на балу именно к этой девушке, чтобы пригласить ее на танец, что я нападу и ограблю именно этого прохожего. Следующим шагом является идентификация партнера как важного или неважного для меня («значимого другого» или «незначимого другого») с точки зрения того, чего хочу достичь, а также определение его идентичности (кем он является, кто он?). Я спрашиваю именно данного мужчину, как мне пройти, потому что он похож на местного, живущего здесь человека; я приглашаю именно эту девушку на танец, потому что мне она понравилась; я обкрадываю именно этого прохожего, потому что он производит впечатление растерянного богатого иностранца. Третьим этапом становится определение ситуации, в которой мы находимся вместе с партнером, исследование всех существенных обстоятельств окружения, фона, на котором начинается интеракция. Ясно, что мы будем вести себя иначе в дискотеке, иначе - в костеле, иначе - на футбольном матче, и еще иначе - в опере. Существуют ситуационные условия, которые способствуют началу и осуществлению интеракции, и такие условия, которые препятствуют ей. Беседа в кафе является нормальной и даже желательной, беседа во время уни-

⁵ *Malinowski B. Argonaici Zachodnego Pacyfiku // Dzieła. T.3. Warszawa: PWN. 1981.*

верситетской лекции может вызвать неудовольствие профессора. Попытка установить контакт с незнакомой женщиной на «вечере знакомств» или сделать ей интимное предложение в одном из широко распространенных, например, в Нью-Йорке «баров для одиноких» (single's bars) будет выглядеть не только как допустимое, но и вполне адекватное поведение. Но то же самое действие вызвало бы, как минимум, изумление кассирши, которая сидит за окошком в сберегательном банке. Броситься на шею незнакомым болельщикам после того, как «наши» забьют гол, – дело обычное, но более чем странно в аудитории, где читается научный доклад или лекция. Ложное представление о ситуации, неправильное ее определение могут привести к тому, что интеракция не состоится. Скажем, я вижу красивую витрину с экзотическими фруктами на аллее в Гаване, захожу и хочу купить ананас, но оказывается, что это ежегодная сельскохозяйственная выставка, с которой ничего не продается. Мафиози сидит в своем номере в отеле «Хилтон», раздастся стук в дверь, он думает, что это нападение, «наезд» на него, и убегает через окно, а в дверь стучался официант, который принес ему ужин. Прохожий видит, что двое дерутся, пытается их разнять, а оказывается, что это была боксерская тренировка на пленэре. Множеством подобных примеров пользуется кинокомедия.

Четвертым этапом «символической интеракции» является распознавание жестов, слов, «языка тела», наружности партнера и расшифровка их символических значений. Что это означает, что хочет передать мне таким образом партнер? Почему он улыбается, размышляет девушка, зачем машет мне рукой, что ему нужно, когда он спрашивает меня словами популярной песни «Одна ли Вы живете?»

Наконец, пятый и ключевой этап – это «принятие роли другого» (taking the role of the other), оценка ситуации, а также самого себя с точки зрения партнера, попытка вообразить, представить себе, как он меня видит, как считает, кем я являюсь, как расценивает ситуацию, в которой мы находимся. Наконец, я приписываю ему цели, намерения, мотивы, которые он хочет реализовать, иницируя или продолжая взаимодействие со мной. Все это – как бы генеральная репетиция взаимодействия, которая проходит в моем воображении прежде, чем я приму решение об участии в этом взаимодействии, о начале или продолжении «интеракции». Огромную роль в выстраивании такой проекции играет «запись» в памяти моего прежнего опыта взаимодействий подобного рода, а также моя общая оценка ситуации и самооценка, формирующаяся под влиянием различных элементов и составляющих общественного опыта. Например, один человек рассуждает так: мне нравится эта девушка, я должен с ней договориться, она наверняка замечает, как я на нее смотрю, бьюсь об заклад, она только и ждет, что я заговорю с ней, потому что я ведь такой красивый, эlegantный бизнесмен, в модных туфлях известной фирмы, с часами «ролекс» на руке и непрерывно звонящим «мобильником» в кармане, как в песенке «я – мачо, девушки не дают мне покоя», ну и к тому же, конечно, я помню, что всегда мне удавалось таким образом покорить девушку, почему бы и не на этот раз? И достаточно бесцеремонно я пытаюсь с ней заговорить. Высокая самооценка приводит к решительному поведению, к готовности иницировать взаимодействие. В то же время кто-то другой размышляет совсем

иначе: да, мне нравится эта девушка, чудесно было бы с ней познакомиться и договориться, но наверняка она в душе надо мной насмехается, замечая, как я на ней смотрю, и наверняка только ждет, чтобы преподать мне хороший урок, как только я с ней заговорю, ибо в самом деле, что можно во мне найти привлекательного с этой моей лысиной, с этой вельветовой курткой, к тому же всегда, когда я пробовал установить контакт с незнакомой девушкой, ничего из этого у меня не получалось, не буду и на этот раз нарываться на насмешки и обиду, ограничусь тем, что просто помечтаю. И углубляется в чтение «Плейбоя». Низкая самооценка приводит к самоустранению, изоляции, человек избегает контактов, воздерживается от инициирования «интеракции».

Такие сложные мыслительные процессы, происходящие с обеих сторон, ведут к взаимной интерференции, накладываются друг на друга. До взаимодействия дело доходит, когда они оказываются согласованными, совпадают друг с другом, отвечают друг другу, то есть когда партнеры понимают друг друга и могут договориться. Мы часто говорим в таком случае в переносном смысле, что люди попадают в одну и ту же частоту колебаний или находятся «на одной и той же волне». Взаимодействие не удается, срывается, если процессы взаимной ориентации расходятся, идут в разные стороны, разными путями. Я не буду приводить здесь примеры, поскольку уже раньше пользовался всеми этими категориями, вытекающими из «символического интеракционизма», когда анализировал процесс перехода от поведения к действиям, от действий к контактам и от контактов к взаимодействию. Этими категориями пользуется сегодня не только одно направление данной теоретической ориентации, они вошли в общую, широко распространенную терминологию, в канонические социологические понятия, которые используются при описании взаимных действий людей (воздействий на других и на себя).

Четвертое направление, в котором категория взаимодействия занимает важное место, было названо когда-то *драматургической теорией*. Название этого направления связано с тем, что в основе очень тщательного и убедительного анализа взаимодействия, проведенного американским социологом Ирвингом Гофманом, лежит аналогия повседневной общественной жизни с театром. Согласно этой концепции, люди руководствуются в своих действиях прежде всего стремлением произвести на партнеров или на аудиторию хорошее впечатление. Для этого они используют целый репертуар «управления впечатлениями» (impression management), стараясь вызвать по отношению к себе позитивные сигналы. Фактически они что-то постоянно играют, стараясь представить себя в добром свете. Особенно беспокоятся они о своем внешнем виде, осанке, одежде, жестах, ибо это самая первая информация, которую относительно них получают партнеры по взаимодействию⁶.

Зачем люди так поступают? Иногда, чтобы получить какую-нибудь заранее рассчитанную выгоду. Приведу такой пример: я довольно часто читал лекции в университете Лос-Анджелеса и наблюдал такую картину. Студенты там каждый день ходят очень просто и даже небрежно одетыми, в шортах, майках, «ади-дасах». Но вдруг наступает день, когда они появляются на территории универ-

⁶ Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. New York: Doubleday. 1959.

ситетского городка в тесных костюмах, белых рубашках и галстуках. К этому дню они оказываются также хорошо подстриженными и выбритыми. В чем же здесь дело? Оказывается, это такой день в году, когда в университет приезжают представители крупных корпораций и проводят собеседования со студентами, чтобы отобрать кандидатов для будущей работы и специальных стипендий. Значит, дело в том, что студент хочет произвести на своего потенциального хозяина или начальника, который предоставит ему работу, впечатление эlegantного, аккуратного, дисциплинированного человека, вызывать к себе доверие и получить таким образом нужную работу или стипендию.

Однако не всегда имеется в виду такой заранее рассчитанный и предполагаемый результат. Общий механизм, обеспечивающий то положение, что люди постоянно играют что-то перед другими, стараясь соответствовать вкусам партнеров, оправдать их ожидания, задолго до Гофмана открыл классик американской социологии Чарльз Х. Кули. Именно он описал эффект так называемого «зеркального Я». Кули считал, что люди формируют свое «Я», или иначе говоря, образ самих себя, и производят самооценку, опираясь на те реакции, какие они встречают со стороны партнеров по взаимодействию. Да и как иначе они могли бы критично посмотреть на себя со стороны? Только другие люди обеспечивают их такими зеркалами, в которых они могут увидеть свое собственное отражение. Когда другие люди хорошо к нам относятся, проявляют к нам уважение, симпатию, признание, награждают нас чем-нибудь, хвалят нас, мы имеем основание считать, что того стоим, что мы обладаем значительными ценностями и положительными чертами. И наоборот, когда над нами насмеваются, нас стараются избегать, нас критикуют, на нас нападают, наконец, нас наказывают или гонят прочь, наша самооценка снижается. Этот процесс формирования нашей самооценки далеко не прост, он также требует мысленной интерпретации поведения партнера. Мы должны понять, расшифровать поведение партнеров, которое само по себе не всегда очевидно, выяснить, является ли это поведение поддержкой, одобрением или, напротив, осуждением, «поставить себя на их место», представить себя в их роли и вообразить, что они о нас думают и могут думать.

Дополнительным осложнением становится тот факт, что общество, если можно так сказать, обеспечивает нас множеством различных зеркал, в которых мы находим свое отражение, и бывает так, что одно отражение очень мало похоже на другое. Реакции разных партнеров на одно и то же наше поведение могут быть совершенно различны. Ведь мы выступаем одновременно перед разными аудиториями, кружимся в разных контекстах общественной жизни. То, что понравится дворовым приятелям в нашем поведении, может быть осуждено в школе; то, благодаря чему мы получим признание на работе, может оказаться мало существенным, например, на спортивной площадке. Конечно, можно пытаться каждый раз приспособливать свое действие к тому, что ожидают от нас партнеры в разных социальных контекстах. Но такая «ориентация радара», или непрерывный камуфляж, не всегда возможна, да и не всегда обладаем мы таким умением, такими способностями и представлениями о том, чего от нас ждут, чтобы обеспечить своему поведению такую эластичность. Так и в театре не каждый актер сумеет играть сегодня короля Лира, а завтра пана Йо-

вальского, сегодня Марию Стюарт, а завтра госпожу Дульскую. Чаще мы выстраиваем для себя иерархию «значимых других» - тех, кто для нас больше значит, с кем мы больше считаемся, отличая от них «менее значимых», с которыми мы считаемся меньше. Скажем, нам важно хорошо выглядеть в глазах членов своей семьи и менее важно, как относятся к нам приятели во дворе, или, наоборот, мы делаем все для того, чтобы получить признание в спортивном кружке или в спортивной команде, а то, чему учит нас бабушка, который говорит «Надо готовить уроки!», пропускаем мимо ушей. И только всматриваясь в такое собственное, построенное нами самими общественное «зеркало», формируем мы свое «Я»⁷.

Люди стараются выглядеть в этом общественном зеркале-отражении хорошо, как можно лучше, ибо высокая самооценка приносит им удовлетворение, а низкая - огорчает их. Поэтому они придают такое большое значение социальному восприятию своей собственной персоны, своих действий. Поэтому они стараются привести свои действия в соответствие с ожиданиями аудитории, в зависимости от того, как они себе эти ожидания представляют. Они стараются представить себе, что другие, прежде всего «значимые другие», о них думают, и в соответствии с этим формировать свое поведение. Одним это удастся лучше, другим - хуже, так же, как актерам на сцене, когда одни имеют контакт с аудиторией, а другие играют словно в пустоте. И все же и те, и другие стараются удовлетворить аудиторию, получив за свою игру цветы и аплодисменты. Некоторые авторы утверждают, что такое стремление к высокой самооценке является основной мотивацией, которая руководит действиями людей. Мы обнаруживаем здесь еще одну модель человека: после уже известных нам homo economicus, homo socius, homo politicus, homo reciprocus - homo reflectans (человек отражающийся).

Однажды сформировавшееся «зеркальное Я» приводит в действие интереснейший механизм *самосбытающихся пророчеств*. Если я о себе очень хорошо мнения, я уверен в себе, я решителен, я легко вступаю во взаимодействие и, значит, имею шансы найти признание и встретить симпатию со стороны других, что еще больше повышает мою самооценку. Бизнесмен, которого я описал выше как пассажира, сидящего в купе поезда и намеревающегося соблазнить попутчицу, с каждой новой удачей на этом «фронте» становится все более уверенным в своих достоинствах. И тем легче оказываются его новые победы. Конечно, все это до определенной границы, переход за которую означает превращение чрезмерной, завышенной, нереалистической самооценки в самомнение, наглость, агрессивное хамство, грубость и рано или поздно вызовет корректирующую «реакцию бумеранга» со стороны общества. И напротив, робкий чиновник городского магистрата с его низкой самооценкой, нерешительный, замкнутый человек, отказываясь от попытки установить контакт, уже заранее предвидя очередную, ожидающую его неудачу, сам себя лишает шанса завязать приятное знакомство, которое могло бы поправить его образ в его собственных глазах; но уже самим своим видом, «языком тела» он возбуждает у других людей только жалость и все больше ухудшает свое «зеркальное

⁷ *Cooky C.H.* Human Nature and the Social Order. New York: Schocken Books. 1964 [1902].

Я». Разорвать такую цепь может даже единичный сигнал признания, уважения, симпатии, способный инициировать процесс реконструкции, возрождения его «Я».

ЧАРЛЬЗ ХОРТОН КУЛИ (1864-1929)

Один из основоположников американской социологии, представитель наиболее характерного для нее круга интересов, а именно микросоциологического направления, формирующегося в пограничной области между социологией и социальной психологией. Его научное наследие - три важнейшие работы: «Человеческая природа и социальный порядок» (1902), «Социальная организация» (1909) и «Социальный процесс» (1918).

Центральной социологической проблемой он считал отношения между человеком и обществом. Обе эти ипостаси бытия, по его мнению, неразделимы, они составляют две стороны единой реальности. «Индивид и Общество - это одновременно появившиеся на свет близнецы», - писал Кули. Не существует общества без людей, в воображении которых оно формируется, и не существует людей, которые не были бы сформированы обществом. Это единство складывается в процессе взаимодействия и коммуникации между людьми. Эволюция коммуникаций, от жестов и «языка тела» через устную, письменную речь до печати, - это важнейший аспект общественного развития.

Субъект в полной мере становится человеком только тогда, когда формирует свое «Я» как умозрительное понятие, убеждение в том, кем он является, основанное на отражениях. Это «Я» формируется через интерпретацию мнений, ориентации, представлений, адресованных данному человеку сигналов других людей. Субъект рассматривает себя как бы в зеркалах-отражениях, полученных от других людей, он составляет мнение о самом себе на основе реакций других людей на его поступки и действия. Если эти реакции позитивные (а точнее, если он воспринимает их как позитивные), его самооценка становится лучше, а если эти реакции негативные (или вернее, он воспринимает их как негативные), его самооценка становится ниже. Сформировавшееся «зеркальное Я» является источником конформистского поведения, при котором исполнение ожиданий приводит к позитивным реакциям и тем самым способствует высокой самооценке. Я являюсь тем, кем ты меня представляешь, как я себе представляю твои представления. А хочу я, чтобы твоё представление было хорошим, чтобы ты судил обо мне в позитивном плане, поэтому я стараюсь поступать так, как желал бы ты, чтобы я поступал. В этом и заключается секрет успешной социализации и социального контроля.

Обретение «зеркального Я», а также процессы социализации и контроля лучше всего осуществляются на уровне так называемых «первичных групп» - семьи, группы ровесников, группы соседей. Эти малые группы образуют первые ячейки общества, с которыми сталкивается ребенок и которые прививают ему понимание общества. Он имеет с ними дело в тот период, когда его психика максимальна чувствительна и пластична. Поэтому они являются самыми важными для субъекта группами, с которыми он больше всего считается и на чьи ожидания он больше всего ориентируется. Небольшой размер этих групп предопределяет особенно интенсивное и интимное взаимодействие «лицом к лицу».

Субъект участвует в таких взаимодействиях всем своим существом, а не только в рамках какой-нибудь одной специфической роли. Хорошо функционирующие первичные группы - это наилучшая школа таких ценностей и норм, как любовь, солидарность, дружба, доверие, верность, лояльность, готовность прийти на помощь, доброжелательность.

Литература

- Mucha J. Cooley* [Кули]. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1992.
Mucha J. Cooley [Кули] // Encyklopedia Socjologii. T. I. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1998. S. 99-101.
Szacki J. Historia myśli socjologicznej. T. II. [История социологической мысли]. Warszawa: PWN, 1981. S. 578-632.

От простых взаимодействий до сети взаимодействий

До сих пор мы вели речь о взаимодействиях между двумя субъектами. Эту основную форму интеракции немецкий социолог XIX в. Георг Зиммель определял как «диадю». Но взаимодействия могут усложняться, включать больше партнеров. Зиммель задавался вопросом: что происходит, когда кто-нибудь еще присоединяется к диаде, когда вместо диады формируется триада? Это сразу же, по его мнению, существенно меняет характер процессов, протекающих в таком составе участников. Прежде всего, возникают качественно новые «социальные формы», невозможные там, где взаимодействие происходит в рамках только одной пары субъектов. В новых условиях становится возможной коалиция, которая объединяет двух партнеров против третьего: это может найти свое выражение в споре, дискуссии, конкуренции, борьбе. Возможной также становится стратегия «Разделяй и властвуй», то есть попытка поссорить партнеров и благодаря этому получить преимущества против каждого из них в отдельности. Возможно теперь и посредничество, при котором один из партнеров пытается разрешить конфликт, выступить в роли объективного судьи и помирить двух других партнеров. Возможно, наконец, и принятие коллективного решения с помощью голосования, выявления большинства.

Увеличивая число участников в общей ситуации взаимодействия, мы сталкиваемся с явлением, которое Джордж Мид определял как «совместное действие» (joint action), Ирвинг Гофман - как «сборище» (gathering), а сегодня мы часто используем для этого выражение «сеть взаимодействий» (interaction network). В семейном контексте примером такого явления может служить свадебное застолье, в профессиональном контексте - собрание сотрудников. В таких случаях мы имеем дело с определенным количеством присутствующих в одном и том же общем пространстве и в одно и то же время, которые оказываются во взаимодействии со многими партнерами, окружающими их с разных сторон и определяющими взаимодействия в разных направлениях, например происходит общение, разговор с соседями через стол, с соседями, сидящими слева, сидящими справа, обмен улыбками, жестами, адресованными все большему количеству участников. Сеть взаимодействий здесь необычайно подвижна, хаотична, импульсивна, спонтанна, подвержена непрерывным изменениям. Но, наблюдая за ней внимательно, мы можем выявить некото-

Взаимодействие (интеракция) - динамичная, меняющаяся последовательность взаимно ориентированных действий партнеров, вносящих в свои действия изменения в зависимости от того, что делает (или говорит) другой.

Дистанция взаимодействия - предположительное, ожидаемое расстояние между партнерами в процессе взаимодействия, которое зависит от их социальных ролей, ситуационного контекста, а также от той культуры, представителями которой они являются.

Зеркальное Я - самооценка субъекта, формирующаяся через интерпретацию реакций других людей по отношению к данному субъекту.

Значимые другие - те партнеры наших взаимодействий или та аудитория, перед которыми мы выступаем, с которыми мы больше всего считаемся и ожидания которых усиленно стараемся оправдать.

Зрительный контакт - простейший обмен взглядами, свидетельствующий о том, что потенциальные партнеры взаимодействия увидели друг друга.

Принцип взаимности - широко распространенное культурное правило, обязывающее к компенсации («реваншу») за полученную выгоду или ценности.

Совместное действие - сеть взаимодействий между несколькими субъектами, находящимися в одной и той же ситуации.

Социальный контакт - пара взаимно ориентированных действий одноразового, мимолетного характера.

Рекомендуемая литература

См. «Сто книг с моей книжной полки» - под следующими порядковыми номерами там значатся книги, которые рекомендуются вниманию читателей в соответствии с содержанием данного раздела: 20, 41, 49, 98.

Глава 4

От взаимодействия к социальным отношениям

Повторяющееся и регулярное взаимодействие

Рассматривая в предыдущей главе сети взаимодействия, мы уже сделали шаг от анализа одноразового взаимодействия к их множеству. В этом случае мы имели дело с множеством взаимодействий, совершаемых разными партнерами, связанными, однако, общим участием в одной и той же ситуации, будь то дипломатический прием, собрание, дискуссия, митинг и т.п. Но возможен и другой тип множества, когда те же самые партнеры не ограничиваются одноразовым взаимодействием, а повторяют его время от времени. Когда я выхожу на прогулку со своей собакой, то порой встречаю соседа с собачкой. Мы обмениваемся несколькими фразами о погоде и идем дальше каждый своей дорогой. Другой сосед, которого я встречаю, увлекается лыжами, соответственно каждый раз, когда я останавливаюсь, чтобы обменяться с ним несколькими фразами, мы говорим о лыжных трассах, о горнолыжном курорте, откуда он как раз только что вернулся, и также расходимся, возвращаясь к своим делам. В обоих случаях и то, и другое случается нерегулярно, бывает так, что мы встречаемся несколько дней подряд ежедневно, а потом может пройти несколько недель до следующей встречи. При этом взаимодействие совершается между теми же самыми субъектами, каждый раз имеет одно и то же содержание и случается нерегулярно. Кроме того, оно носит спонтанный, необязательный характер, проистекает только из желания поговорить на свободную тему. Такое взаимодействие мы называем *повторяющимся*. Заметим, что такое взаимодействие, повторяясь многократно, может иметь дальнейшие последствия, например мы постепенно лучше узнаем друг друга, расширяем тематику наших бесед, сосед с собачкой уговорит меня вступить в объединение кинологов, а сосед-лыжник пригласит меня на экскурсию в Альпы. Тогда мы будем иметь

дело уже с более сложным социологическим феноменом - взаимодействие в результате повторяемости перерастает в нечто большее. Однако не будем забегать вперед.

Регулярное взаимодействие несколько отличается от повторяющегося взаимодействия. Оно наступает тогда, когда взаимодействия повторяются в определенные моменты, разделенные постоянными интервалами. Идя на работу, я покупаю газету в одном и том же киоске, у одной и той же продавщицы. Это повторяется каждый день, с перерывом на субботу и воскресенье. В субботу я покупаю газету в другом киоске и у другого продавца там, где я провожу свои выходные дни. В субботу вечером я иду там в местный бар, где встречаю нескольких местных знакомых. А в воскресенье обедаю в любимом ресторане, где, как правило, меня обслуживает один и тот же официант. Лекции у меня по вторникам и четвергам, в эти дни я беру у коменданта ключ от аудитории, где проходят лекции. Иными словами, принимаю участие в самых разнообразных регулярных взаимодействиях. Такие взаимодействия имеют одно дополнительное последствие по сравнению с повторяющимися взаимодействиями: они способствуют «привыканию», формируют привычку, вызывают со стороны партнеров ожидание, скажем, того, что в определенные, уже известные дни произойдет соответствующая встреча. Если по каким-нибудь причинам она не состоится, это вызовет удивление. Сосед с собачкой или сосед-лыжник не удивятся, если не встретят меня у нашего дома в тот или иной день. Но комендант непременно спросит: «Что случилось, господин профессор, почему вчера Вы не брали у меня ключ?» И официант из ресторана в той деревушке, где я отдыхаю, если я не приду в воскресенье обедать, подумает, что я, вероятно, заболел. Во всех этих ситуациях дело ограничится только выражением удивления, и не больше. Не будет ни упрека, ни претензий, ни выговора в мой адрес, ибо не были нарушены какие-либо обязательства (я же не был обязан брать ключ во вторник, я не договаривался по поводу воскресного обеда). Тут имеет место только отступление от определенной рутины.

От регулярного взаимодействия к регулируемому

Однако может случиться, что, если не состоится какое-либо определенное взаимодействие, это вызовет серьезные последствия. Допустим, во вторник я не пришел на работу и не прочитал лекцию, следовательно, и не встретился со студентами, которые меня ждали. Или я не помог другу, который на меня рассчитывал, да еще рассказывал, что с ним случилось. Или я не проводил ребенка в школу, и он в этот день пропустил все уроки. Или я не выплатил алименты своей бывшей жене и вверг ее тем самым в финансовые затруднения. Во всех этих случаях уход от взаимодействия, отказ от него вызовет не только удивление, но сильнейшую негативную реакцию со стороны партнеров или лиц, наблюдающих за данной ситуацией. Студенты на меня обидятся, декан вызовет меня для объяснений, я получу предупреждение. Знакомые отвернутся от меня, поскольку я проявил непорядочность и нелояльность по отношению к другу.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

Социолог напоминает художника-реалиста: он старается воспроизвести действительность, но это ему удастся лишь частично, с неким большим или меньшим приближением к реальности.

Живописец пишет пейзаж в Ровине Хорватия

Сложность социологического познания проистекает из того, что каждый член общества - это неповторимый индивид, имеющий свою уникальную биографию и особенности.

Уличная аудитория на фольклорном фестивале в Чайнатауне, Нью-Йорк

ФОРМЫ КОЛЛЕКТИВНОСТИ

пространственные условия или организация интерьера определяют характерные формы социальности, коллективности (соединения людей в группы), а также типы тех взаимодействий (интеракций), в которые они вступают.

на Испанской лестнице в

Научный семинар аспирантов Международной Ассоциации социологов в городке Курмайор в Италии

Небольшие группы лыжников, отдыхающих после катания на горнолыжном курорте Тифенбах-в-Зольден в Австрии

От взаимодействия к социальным отношениям

89

В доме будет скандал в связи с тем, что я невнимателен к ребенку. Бывшая жена обратится в суд для получения алиментов. Все это будет происходить именно так потому, что все предусмотренные в данных примерах взаимодействия, которые не были мною реализованы, имели не случайный, не свободный, зависящий только от моей доброй воли и желания характер, а заключали в себе обязательства по отношению к партнерам: к студентам, к другу, к ребенку, к бывшей жене. Это были не только повторяющиеся, не только регулярные, но и *нормативно регулируемые* взаимодействия. Здесь имели место долг, обязанность, обязательства, обоснованные ожидания, что данные взаимодействия состоятся уже в силу того, что я являюсь соответственно профессором, ведущим курс лекций, другом (по отношению к своему другу), отцом своего ребенка и бывшим мужем. Если я срываю ожидаемое взаимодействие, меня ждут общественные санкции.

Социальные отношения

Большинство взаимодействий, которые происходят между одними и теми же партнерами и носят не только повторяющийся или регулярный, но и регулируемый характер, мы называем *социальными отношениями*. Примеров социальных отношений в различных контекстах можно привести несметное множество: профессор - студенты, начальник - сотрудник, отец - ребенок, муж - жена, покупатель - продавец, священнослужитель - прихожанин, министр - чиновник, тренер - спортсмен, врач - пациент, адвокат - клиент, полицейский - водитель, друг - друг и т.д. Попробуем глубже проанализировать один выбранный пример из области социальных отношений, а именно супружество.

Первая характерная черта таких отношений между двумя партнерами, мужем и женой, - наличие *множества взаимодействий*. Эти отношения создают определенные рамки, схему или некий общий контур, внутри которого происходит множество взаимно ориентированных действий. Вторая особенность заключается в том, что эти действия, в отличие от повторяющихся и регулярных взаимодействий, не являются однородными; напротив, они крайне разнообразны, иначе говоря «многопредметны», связаны с различными темами. Эти действия касаются финансовых вопросов, работы, приготовления пищи и кулинарии, домашнего хозяйства, ремонта квартиры, воспитания детей, планов на очередной отпуск или каникулы, общих развлечений, чтения и др. Сюда входят беседы и ссоры, забавы и взаимопомощь, советы, которые супруги дают друг другу, моменты интимной жизни и т.д. Происходят эти действия в гостиной, в кухне, в спальне, в ванной, в местах проведения совместного отпуска, а также посредством телефонных разговоров. Сразу надо предупредить, что из всех видов социальных отношений супружеские отношения можно считать наиболее «емкими», поскольку они стимулируют разностороннюю деятельность партнеров и реализуются в огромном разнообразии взаимодействий. Этой разновидности социальных отношений люди посвящают не какую-то одну грань своей жизни и своей деятельности, а *самих себя полностью*.

Возможно, поэтому такие отношения и называются «супружеской жизнью», «совместной жизнью», ибо речь здесь идет о том, что супруги делят друг с другом всю свою жизнь во всем ее богатстве и разнообразии.

На другом полюсе мы можем обнаружить социальные отношения узко специального, как бы «однопредметного», «монотематического» характера, включающие в себя крайне ограниченное число различных типов взаимодействия и требующие от партнеров включения в эти отношения лишь некоторых *сегментов их личности, их индивидуальности*. В качестве примера приведем отношения между врачом и пациентом. Такие отношения формируются только вокруг одного предмета, одной темы - заболевания и лечения. Но и в этих пределах можно наблюдать множество и разнородность взаимодействий: врачебный опрос, анамнез, осмотр, исследование, выписывание лекарства, применение терапевтических процедур, хирургические операции и т.д. Взаимодействия, входящие в одно и то же социальное отношение (между врачом и пациентом), происходят в частном кабинете врача, в больничном холле, в амбулатории, в рентгеновском кабинете, в операционном зале и т.д. Вернемся, однако, к примеру, связанному с супружескими отношениями.

Третьей важной чертой этих социальных отношений является их *прочность*. Во время церковного обряда бракосочетания вступающий в брак клянется: «И не оставлю Тебя до самой смерти... Аминь». И хотя, конечно, не каждый и не всегда это выполняет, но, несомненно, со стороны партнеров проявляются и намерения, и надежды на то, что их совместная жизнь будет продолжительной. Единственным самым прочным видом социальных отношений, которые сохраняются всегда и от которых не избавит никакой развод, никакое решение жить раздельно, - это отношения материнства или отцовства. Даже если случится, что суд лишит человека родительских прав, это решение коснется лишь одного фрагмента этого исключительного вида социальных отношений. Прочность, во всяком случае ожидаемая, супружеских отношений имеет огромное значение и в формировании характера участвующих в этом взаимодействии партнеров, и в развитии их заинтересованности, чувства ответственности, стиля и атмосферы семейной жизни, а также в важности и глубине взаимных обязательств. Достаточно в этом отношении сравнить супружество с мимолетным «приключением» где-нибудь на курорте во время отпуска.

Четвертая существенная сторона взаимодействий, которые реализуются в рамках супружеских отношений, это их *нормативное регулирование*. В большей своей части и в значительной мере они не носят характер спонтанных, ничем не связанных, свободных действий, но являются результатом того, что партнеры следуют определенным, обязательным для них *образцам, примерам*. Мы действуем не произвольно, как нам захочется, а руководствуемся тем, во всяком случае в некоторой степени, как мы должны поступать. Одни правила подсказывают нам, что мы должны сделать сами, другие - чего можем ждать и требовать от партнера. Эти правила оказываются связанными в пары правил, указывающих нам, что мы должны, обязаны делать и на что мы имеем право, а такое разделение составляет две стороны одной медали. В социальных отношениях каждый субъект (назовем его А) имеет по отношению к другому

субъекту (назовем его Б) определенные обязательства, отвечающие тому, на что партнер (Б) имеет право. В свою очередь, и этот другой (Б) имеет обязательства по отношению к своему партнеру, отвечающие тому, на что этот партнер (А) имеет право. В таком случае мы говорим о связи и *взаимности прав и обязанностей*. В традиционной семье, которая до недавнего времени считалась типичной, муж был обязан прежде всего добывать для семьи средства к существованию, чему соответствовало право жены требовать от мужа деньги. В свою очередь жена должна была заботиться о доме и заниматься домашним хозяйством, чему соответствовало право мужа, вернувшегося домой с работы, потребовать, чтобы жена подала ему обед. Итак, в социальных отношениях каждый из партнеров имеет определенный, соответствующий его роли образец поведения, и согласно этому образцу формируются его представления о том, что он сам должен делать и чего может ждать по отношению к себе. Эта связка прав и обязанностей определяет его жизнь.

Разумеется, состав прав и обязанностей, их распределение между партнерами крайне разнообразны, неоднородны. Например, в современной семье жена должна по дороге на работу отвести ребенка в школу, должна работать соответственно обретенной профессии, вносить свой заработок, составляющий существенную часть семейных доходов, в семейную казну, должна устроить прием для гостей, должна проследить за рабочими, ремонтирующими квартиру. И муж имеет право всего этого от нее требовать. В свою очередь, муж обязан не только достичь успехов на своей работе, он еще должен сделать покупки, погулять с собакой, вымыть посуду, проверить, как ребенок выучил уроки, и позаниматься с ним. Всего этого может потребовать от него жена. Сегодня существует сильное стремление к тому, чтобы вся эта цепь разных обязанностей, обладающих разной тяжестью, была, по возможности, равномерно распределена между супругами и чтобы они имели примерно равные права. Мы стараемся сделать так, чтобы, когда одна сторона берет на себя выполнение какой-нибудь обязанности (например, мытье посуды), другая в знак солидарности исполняла обязанности приблизительно такой же тяжести (например, пошла погулять с собакой).

И когда одна сторона обеспечивает себе какие-нибудь права (например, на встречу с приятелями за кружкой пива), вторая могла бы получить компенсацию в виде подобных прав (например, на посещение подружки, с которой можно посплетничать). Нередко в таком случае мы говорим о *симметрии* социальных отношений, или о *партнерских отношениях*. А в более общем плане, когда в социальных отношениях имеет место такое равновесие прав и обязанностей, мы говорим, что такие социальные отношения являются *уравновешенными*. И напротив, в том случае, когда сумма обязанностей у партнеров, вступающих между собой в социальные отношения, весьма разная, когда у одной стороны этих обязанностей гораздо больше, чем у другой, когда у одной стороны прав больше, у другой меньше, мы говорим о *неуравновешенных* отношениях.

В самом крайнем варианте мы можем встретить такую ситуацию, когда одна сторона обладает монополией на все права, а другой достается монополия на все обязанности. Такие абсолютно асимметричные отношения имели место,

например, в социальных отношениях между господином (хозяином) и рабом (невольником), когда хозяин решал вопросы жизни и смерти своего раба, мог потребовать от него чего угодно, то есть имел в отношениях с рабом неограниченные права и никаких обязанностей, а раб должен был беспрекословно этому подчиняться, потому что имел только обязанности и не имел никаких прав по отношению к своему господину. В таком случае мы говорим об отношениях *эксплуататорских*. Может быть и наоборот, когда, например, сила профсоюзов и забастовок позволят рабочему требовать от директора предприятия высокой заработной платы, социальных гарантий, обеспеченного здравоохранения, оплаченных отпусков, высоких пенсий и в то же время быть свободным от ответственности за сделанную работу, не беспокоиться о дисциплине, экономии, эффективности труда и т.п. В таком случае на стороне рабочего могут оказаться только права и никаких обязанностей, а на стороне начальства - только обязанности и никаких прав. Такой тип асимметричных социальных отношений можно назвать *претенциозным* (основанным на безмерных притязаниях).

Нормативное регулирование супружеских отношений, как, впрочем, и других социальных отношений, проистекает из различных систем, в которых вырабатываются социальные нормы. Важное значение здесь могут иметь определенные, признанные и утвердившиеся в данном обществе обычаи, например связанные с семейными праздниками, крестинами, дарением друг другу подарков. Огромную роль здесь играют правила морали: нравственные императивы любви, верности, солидарности, лояльности, доверия, помощи, заботы о детях, правдивости. Богатые возможности имеет также правовое регулирование, основанное на сложившихся системах семейного права, на законах об опекунстве, наследстве и т.п. В зависимости от того, какая норма, какое правило нарушены супругами, вступают в силу различные формы общественного давления или определенные санкции. Какие именно санкции и как будут задействованы - это могут решить и сами партнеры, и другие члены семьи, и более широкие группы - соседи, знакомые, друзья и, наконец, созданные для таких целей специальные институты, например специальные суды, разбирающие семейные конфликты и вопросы опекунства, и обычные суды. Если муж опоздал к обеду, он нарушил норму, сложившуюся на основе обычая, и может ожидать упрека или выговора от жены. Если он изменит своей жене с ее подругой, он нарушит моральные нормы верности, лояльности, доверия, правдивости и может встретиться с осуждением со стороны всей семьи и более широкого окружения. Если жена фактически забросила своего ребенка, не заботится о нем, она нарушает тем самым важнейшие моральные нормы и может ожидать резкого осуждения со стороны мужа, а также других членов семьи, более широкого круга родных и людей, даже не относящихся к родственникам. А если она бросит ребенка, то войдет в конфликт с нормами права, с законом и может быть осуждена судом, лишена родительских прав и даже оказаться в тюрьме.

Пятая характерная черта социальных отношений имеет особенно большое значение, ибо впервые выводит нас из конкретного дискурса, в котором мы все время находимся, ведя речь об индивидах и их действиях, на простор бо-

лее абстрактного мышления: здесь появляются новые понятия, которые имеют уже исключительно и специфически социальный, общественный характер. Мы уже замечаем, что, когда ведем речь о долге, общественных ожиданиях, правилах, правах и обязанностях, которые связывают партнеров социальных отношений, все это накладывается уже не на конкретные *личности* с учетом каких-либо их частных, индивидуальных, уникальных особенностей, а на те типичные ситуации, какие складываются в обществе, которое мы рассматриваем в более широком плане. Отец обязан заботиться о своем ребенке независимо от того, как этот отец выглядит, высокого или малого он роста, блондин или брюнет, образован он или малограмотен, живет в городе или в деревне и т.д. Z обязан это делать просто потому, что он отец. Так же и ребенок имеет право на отцовскую заботу и попечение независимо от того, кто этот ребенок, скажем, мальчик или девочка. Исключительно в силу того, что он - ребенок. От доктора X мы ожидаем, что он окажет помощь пациенту только потому, что этот X - врач. И при этом мы не требуем и не ожидаем такой помощи, скажем, от таксиста Y, который привез больного в клинику. А господин Z имеет право требовать, чтобы ему оказали медицинскую помощь потому, что он является пациентом. В то же время госпожа G не имеет на это права, поскольку она здорова. Указанные выше права и обязанности каждый из данных субъектов обретает в силу определенной *социальной позиции*, которую он занимает (в силу своего социального статуса). И он получает эти права и обязанности независимо от своих личных качеств и особенностей. Иначе говоря, любой человек, оказавшийся на такой социальной позиции или наделенный таким социальным статусом, должен будет исполнять те же самые обязанности и пользоваться теми же самыми правами. Обязательные правила поведения определяются, таким образом, не личностями, а социальными позициями, и занимать их, естественно, могут разные люди. Муж, жена, пациент, врач, отец, ребенок, директор, сотрудник, священник, прихожанин, тренер, спортсмен, полицейский, водитель - все это примеры из огромного числа позиций (статусов), встречающихся в обществе. И само собой разумеется, что конкретных людей, занимающих каждую из данных позиций (статусов), бесконечно больше.

С каждым из таких статусов связан определенный, особенный пласт ожиданий, нормативных установок, правил, соответствующего данному статусу поведения. Такое поведение мы называем *социальной ролью*. Это роли врача, полицейского, офицера, матери, епископа, тренера, профессора и еще тысячи других. Каждая из них является как бы кружком, которым четко обведены отдельные статусы, формирующиеся в обществе, выделяющиеся в нем. Известный американский социолог середины XX в. Толкотт Парсонс предлагал для определения неразрывного единства статуса и роли использовать термин, составленный путем сложения двух понятий, статус-роль (status-role).

Вернемся к социальным действиям, контактам и взаимодействиям. Когда я ориентирую свое действие на ожидаемую реакцию другого, то одним из важнейших обстоятельств, которые я принимаю во внимание, является социальный статус этого другого лица, который мне известен или о котором я догадываюсь, предполагаю. Я прежде всего задаю себе вопрос «Кто он?» И ключ-

чевой момент той ориентации, к какой я склоняюсь, «представляя себе другого», заключается именно в распознавании его социального статуса. Когда вижу чиновника в полицейской форме, я говорю себе: «Это полицейский» и обращаюсь к нему с просьбой о помощи. Или, видя мужчину в белом халате со стетоскопом, я говорю себе «Это врач» и задаю ему вопрос о состоянии здоровья моего знакомого, который лежит в этой больнице. «Это продавец», «это кондуктор», «это профессор», «это адвокат», «это стюардесса» - такой ряд идентификаций я постоянно произвожу мысленно прежде, чем совершить действие, вступить в контакт или взаимодействие. Точно так же при знакомстве, когда мы представляемся другим людям, то самая первая информация, какую мы сообщаем о себе (или сообщают о нас те, кто нас представляет) сразу же после произнесения нашего имени и фамилии, - это определение нашего социального статуса. «Я социолог из Польши», - говорю я своему коллеге, с которым знакомлюсь на международной конференции. «А я преподаю социальную историю в Германии», - отвечает он мне. Почему это так важно? Именно потому, что, зная социальный статус партнера, мы можем с большей вероятностью предвидеть, как кто себя поведет, можем рассчитывать, что он поведет себя соответственно правилам, присущим его роли. Знание социального статуса - это тот ключ, который дает нам возможность сформулировать множество разнообразных ожиданий, касающихся реакции партнера.

Конечно, здесь можно и ошибиться: может случиться так, что такое знание подведет нас. Во-первых, потому, что разные люди в разной мере реализуют свои роли, а иногда и совсем выпадают из таких ролей, не соответствуют им. Тот факт, что кто-то на самом деле является полицейским, еще не означает, что именно этот кто-то поможет нам схватить преступника, ибо окажется, что он пожмет плечами и пойдет в другую сторону. Тот факт, что кто-то является профессором, не означает автоматически, что имеет смысл посещать его лекции, ибо может оказаться, что он читает подшивку своих старых записей двадцатилетней давности. Во-вторых, ошибка может произойти из-за того, что люди могут делать вид, что они занимают те или иные социальные позиции, что не соответствует действительности. Известно, что искусные бандиты способны переодеваться в полицейских, носить полицейскую форму, перекрашивать автомобили в цвет полицейских машин для того, чтобы грабить водителей, которых они останавливают на дорогах. Иногда им удается выдать себя за инкассаторов, иногда - за слесарей или электромонтеров, чтобы войти в квартиру и ограбить тех, кто там проживает. Во всяком случае, даже совершая конкретные действия, вступая в конкретные контакты и взаимодействия, мы часто остаемся как бы в плоскости абстрактного мышления, не особенно задумываясь над индивидуальными, уникальными особенностями партнера, не обращая на это внимания, а скорее ориентируясь на то, к какой общей социальной категории он относится.

Поскольку мы рассматриваем участников социальных отношений, наших партнеров, в таком абстрактном плане, не в качестве конкретных индивидов, обладающих всей многомерностью человеческих особенностей, а носителей определенных статусов-ролей, то и самим социальным отноше-

ниям мы можем дать более отвлеченное, абстрактное определение, назвав их отношениями не столько между субъектами, как это было при определении социального контакта или социального взаимодействия, а скорее *отношениями между социальными позициями и связанными с этими статусами и ролями*. Отец - ребенок, муж - жена, директор - сотрудник, профессор - студент, врач - пациент - вот примеры некоторых типичных взаимных связей между позициями-ролями, иначе говоря, примеры и обозначения типичных общественных отношений. Социальные отношения выступают, таким образом, как своеобразные, определенные социальными условиями, идеальные рамки или, можно сказать, как некий обозначенный путь, по которому движутся, реализуя свои роли, различные субъекты, занимающие соответствующие социальные позиции. Они не действуют свободно и спонтанно, скорее можно сказать, что сценарий их действий определяет общество. Реализуя этот сценарий более или менее успешно, они приближаются или, напротив, удаляются от нормативного идеала. Как знает по себе каждый пациент, существуют разные врачи, одни из них лучше, другие хуже, но, как знает каждый врач, и пациенты тоже бывают разные, в том числе просто несносные, недисциплинированные, капризные, умничающие. Как знает каждый студент, профессора тоже бывают разные, одни лучше, другие хуже, но и профессора знают, что только немногие студенты заслуживают отличных оценок на экзаменах. Реализация социальных отношений, заполнение этой общей рамки содержанием совершается путем многочисленных и разнообразных взаимодействий субъектов, занимающих соответствующие социальные позиции. Но социальные отношения - это не простая сумма этих взаимодействий, а скорее *нормативный образец* того, как должны развиваться взаимодействия между такими субъектами, имеющими определенные позиции-роли. Как говорил знаменитый французский социолог конца XIX в. Эмиль Дюркгейм, это социальный факт *par excellence* (преимущественно), не сводимый до индивидуальных проявлений, но все более оказывающий некое принудительное воздействие на индивидуальное поведение.

Типы социальных отношений

Среди огромного разнообразия социальных отношений, разнообразия, представление о котором дают уже приведенные выше примеры, необходимо навести определенный порядок, сделать попытку их классификации. Примем во внимание несколько критериев. Начнем с вопроса: каким образом люди вступают в социальные отношения с другими людьми или, иначе, как занимают они те социальные позиции, как получают они присущие этим позициям роли, в силу которых они становятся определенными партнерами других людей? Как я стал врачом, мужчиной, профессором, стариком, ребенком, мужем, варшавянином, отцом, поляком, чиновником, космонавтом, заключенным, дворником? Сразу ясно, что самыми различными способами. Некоторые из этих позиций (статусов) можно считать *присущими, предни-*

санными; мы их обретаем независимо от нашей воли, не имея никакой возможности выбора, самым актом своего рождения, в силу биологической неизбежности или в результате того, что мы лишаемся «субъективности» - права распоряжаться собой. В перечне приведенных выше примеров к этому типу относится то, что самым актом нашего появления на свет мы обретаем статус мужчины, ребенка, поляка (аналогично - женщины или, скажем, хилого, болезненного, или рыжеволосого человека); в силу биологической неизбежности мы становимся стариком (а до этого - подростком, юношей, человеком средних лет и т.д.), в силу лишения права распоряжаться собой - тюремным узником (равно как рабом, заложником, жертвой этнической «зачистки», депортации или экстрадиции). Остальные примеры из нашего ряда - это *достижимые, приобретенные* позиции: мы обретаем их в силу нашего решения и приложенных усилий. Это касается прежде всего наших профессиональных статусов: дворника, чиновника, врача, профессора, космонавта.

Очевидно, что эти позиции достигаются разными усилиями: одни - легче, другие - с большим трудом, так что даже не каждому бывают доступны или во всяком случае требуют огромной подготовки. На одном полюсе в этом ряду может быть позиция дворника, на другом - профессора или космонавта, ибо это более редкие, избранные, даже эксклюзивные позиции, и для их достижения надо преодолеть серьезные барьеры, долго и тщательно готовиться. Как при каждой классификации, здесь также появляются некоторые промежуточные, не совсем четкие категории. Например, мы говорим: варшавянин, отец, заключенный. Но что значит «варшавянин»? Ведь можно родиться в Варшаве, а можно и переехать туда. Можно стать отцом в силу осознанного стремления к этому и принятого решения, а можно и «случайно», вопреки своему желанию, о чем свидетельствуют многочисленные судебные процессы так называемого установления отцовства. Можно оказаться в тюрьме «незаслуженно», в результате судебной ошибки, спровоцированного или недобросовестного следствия, в силу «коллективной ответственности», а следовательно, без какой-либо собственной вины. В то же время уголовник находится в тюрьме за свои собственные дела и «заслуги», и хотя вряд ли он хотел оказаться в тюрьме, но, совершая преступление, должен был считаться с такой вероятностью, следовательно, можно сказать, выбирал ее. То же самое и при определении национальной принадлежности, особенно гражданства, следует иметь в виду и возможность так называемой натурализации. Даже пол человека в итоге преднамеренного и задуманного им хирургического вмешательства может оказаться делом выбора.

Вообще, можно заметить, что по мере общественного развития изменяется соотношение так называемых предписанных и достижимых позиций. В традиционном, патриархальном обществе «данными», «присущими от рождения», были и место на земле, где проживал человек, ибо мало кто менял место своего проживания, и классовая позиция, ибо мало кто был в состоянии ее изменить на протяжении своей жизни; и профессиональная позиция, как правило, унаследованная, переходящая от отца к сыну, и даже супружеский статус, который часто определялся договоренностью или контрактами между родителями супругов. В обществе, которое формируется после модерни-

зации, в Новое время, эти позиции, как правило, переходят в разряд достигнутых, обретенных. Перенос центра тяжести на индивидуализм, субъективность, автономию личности открывает перед каждым огромное поле *жизненных возможностей* в образовательной, профессиональной сфере, в различных вариантах карьеры, путей продвижения, в выборе местожительства, кандидатов для супружества, форм семейной жизни. Мы все больше и больше в буквальном смысле сами становимся «кузнецами нашей собственной судьбы».

Среди множества доминирующих в современном обществе достигнутых, обретенных позиций надо выделить еще одну особо тонкую разновидность. Это категория, которая может быть достигнута посредством *универсальных критериев*, то есть таких, которые дают равные шансы каждому потенциальному кандидату, как только он выполнит определенные условия, непосредственно связанные с занятием той или иной позиции или с реализацией соответствующей этой позиции роли. Так, физическое здоровье - это одно из неперемennых условий (*sine qua non* - без этого нельзя) для того, чтобы стать футболистом; хорошая дикция и внешность обязательны для того, чтобы стать диктором на телевидении; определенный объем и уровень знаний и способностей необходим для того, чтобы поступить в университет, стать студентом, а для того, чтобы работать адвокатом, нужно прекрасно знать законы и право. Некоторые из тех особенностей, признаков и отличительных черт, что входят в такие обязательные условия, могут быть врожденными, «данными», другие требуют длительного формирования, профессионального образования, тренировок. Известно, что великим скрипачом не станет каждый, кто долго учился играть на скрипке, а только тот, у кого есть врожденный талант. Чтобы стать баскетболистом, играющим в NBA, недостаточно долго тренироваться, надо еще иметь высокий рост. Самым важным, однако, является то, чтобы все эти черты и качества, способности, таланты, навыки, знания и т.д. были по сути своей связаны с определенным статусом-ролью, которую имеет или к которой стремится субъект. Когда для занятия подобного статуса отбираются, «рекрутируются» люди с учетом именно таких их качеств и свойств, мы говорим, что эта позиция имеет универсальный характер. Абитуриент сдает вступительные экзамены, позволяющие выявить уровень его знаний, мыслительных способностей, его интеллект. Будущий футболист подвергается тестам и анализам, выявляющим его физическое состояние, его здоровье. Кандидат на должность телевизионного диктора проходит ряд пробных съемок. Адвокату недостаточно иметь диплом юриста, он должен пройти еще соответствующую верификацию в коллегии адвокатов. Врача также проверяет специальная комиссия.

Однако случается и так, что при отборе кандидатов во внимание принимаются не универсальные, а *частные критерии*, которые заведомо предоставляют одним людям большие шансы, других лишают таких шансов или сводят их до минимума, причем по соображениям, не связанным непосредственно с сущностью той позиции-роли, к которой эти кандидаты стремятся, а вызванными посторонними частными причинами и обстоятельствами. Скажем, выпускник юридического факультета получает направление в адвокатуру потому, что он является родственником председателя Коллегии адвокатов. Водитель авто-

буса входит в наблюдательный совет банка, потому что он - член влиятельной политической партии. Способный менеджер проигрывает конкурс на занятие должности директора фирмы, потому что этот менеджер - женщина. Во всех этих случаях в расчет принимаются моменты, не имеющие ничего общего со статусом хорошего адвоката, хорошего банкира или хорошего директора. Конечно, все это примеры, заслуживающие порицания, мы навешиваем на них резко негативные ярлыки, такие, как nepoтизм (протекционизм), коррупция, фракционность (групповщина), дискриминация.

Однако порой возникают более сложные, проблемные ситуации, в которых за использование так называемых частных критериев говорят идеологические аргументы. Например, до недавнего времени в Польше, а во многих американских университетах и до сих пор применялась и применяется практика предоставления определенных льгот при приеме на учебу в высшие учебные заведения кандидатов, чьи прежние шансы получить хорошее образование или профессиональную квалификацию - все то, что в широком плане называется «культурным капиталом», были не по их вине меньшими, чем у других. В Америке проводится акция, целью которой является уравнивание шансов представителей этнических меньшинств, бедных слоев населения, обездоленных, инвалидов, тех, кто чувствует себя в обществе людьми «второго сорта». У нас это практиковалось по отношению к сельской, рабочей молодежи, к выходцам из отдаленных мест и малых населенных пунктов. Для этих людей у нас существовали так называемые лимиты, в Америке применяется система квот, что означает создание в высших учебных заведениях определенного резерва мест для афроамериканцев, мексиканцев, пуэрториканцев и т.д. В результате такой политики может произойти и непременно происходит так, что в университет будет принят худший студент, более слабо подготовленный, с меньшими способностями, более низким интеллектом, а замечательный талантливый кандидат окажется за бортом. Противники этой практики взывают к принципам так называемой *меритократической справедливости* и требуют применения ко всем одинаковых, универсальных критериев. Их аргументы привели к тому, что Польша отказалась в своей практике от лимитов. Нечто подобное происходит и в некоторых американских штатах, например в Калифорнии, где в результате проведенного референдума эту практику отменили. Сторонники выделения льгот на основе частных критериев ссылаются на принцип *равенства шансов*, обращая внимание на те необоснованные реальные привилегии, которые достаются молодым людям из богатых семей, имеющим возможность учиться в лучших школах, приобретающим и дома, и в тех крупных городах, в которых они проживают, большой культурный капитал.

Этот спор невозможно разрешить, как, впрочем, и любой спор, в котором сталкиваются противостоящие друг другу ценности или идеологии. Некоторый конструктивный подход к объективизации этой проблемы мог бы заключаться в попытке проследить фактические последствия и общественные функции как первой, так и второй системы. Известно, к примеру, что после отмены резервных мест в Калифорнии процент афроамериканской и мексиканской молодежи в университетах этого штата резко снизился. Так же и в Польше

сегодня процент сельской молодежи (выходцев из села) в университетах очень низкий, всего несколько процентов, в то время как в стране сельские жители составляют 27%. И естественно тут встает вопрос, не является ли существенным для общественной интеграции, мобилизации всего общества в его профессиональной, трудовой, экономической, политической деятельности, для роста темпов социального развития, для полного использования общественного потенциала значительный подъем образовательного уровня всего населения, а не только одной его части. Разве не является глубоко ущербной и неполноценной система, при которой в обществе сохраняются значительные анклавы отсталости, примитивности, низкой квалификации? Эти вопросы требуют серьезного изучения с учетом разных, противоположных идеологических позиций.

Другие критерии, позволяющие выявить различные виды социальных отношений, строятся на основе тех типичных мотиваций, которыми руководствуются субъекты, вступающие в постоянные, регулируемые, нормативные отношения друг с другом.

Для чего люди устанавливают между собой социальные отношения?

С одной стороны, встречается на современном этапе все более часто то, что мы называем *инструментальными отношениями*, участие в которых рассматривается людьми как способ получения какой-то выгоды, каких-то благ, при этом само по себе оно не представляет для партнеров никакой ценности. Чаще всего такой характер имеют разного рода экономические акции, взаимодействия хозяйственных партнеров, акты купли-продажи, аренда, наем рабочей силы, прием на работу и т.п. Как клиент (покупатель) человек входит в отношения купли-продажи с продавцом только для того, чтобы получить нужный ему товар. Подписывая договор аренды помещения с хозяином дома, он делает это только для того, чтобы снять нужную ему квартиру. Устраиваясь на работу в фирме, он рассматривает возникающие в связи с этой работой отношения только как средство для получения денег (заработка).

Однако существуют и совсем другие мотивации. Люди вступают в такие отношения только ради того удовлетворения, которое они получают от самих этих отношений, не думая при этом ни о какой выгоде. Любовь, дружба, забава, игра, товарищеское знакомство - все это примеры *самоценных отношений*. Это такие отношения, цель (*telos*) которых заключается в них самих. Так, я встречаюсь с приятелями за кружкой пива, отправляюсь в кафе поболтать, посплетничать со своим знакомым, договариваюсь с кем-нибудь поиграть в бридж, играю после работы с коллегами в волейбол. Все это люди делают незаинтересованно, только потому, что им нравится быть вместе. Многие социологи указывали на то, что такие самоцельные, незаинтересованные (автотелические) социальные отношения являются выражением определенной глубокой тенденции человеческой природы, самой сущности homo socius как существа общественного, существующего и живущего совместно с другими людьми, исходно ориентированного на товарищество. По мнению этих социологов, именно в таких связях общество реализует себя самым чистым, самым непосредственным образом. Классик немецкой социологии XIX в. Фердинанд Теннис противопоставлял сущностной «воле», проявляющейся в общностях (*Gemeinschaft*),

«избирательную волю», типичную для современного сложного общества (Gesellschaft), где социальные связи становятся предметом целевого построения и манипуляций, направленных исключительно на извлечение личной выгоды. Своеобразное искажение этой второй ситуации описал почти через сто лет после Тенниса американский социолог Роберт К. Мертон, дав ей название псевдообщность. В данном случае речь идет о видимости, об имитации незаинтересованного, автотелического характера отношений, что делается для того, чтобы вызвать симпатию партнера, а затем максимально использовать его, получить от него все, что нужно, то есть в итоге установить идеальные (par excellence) инструментальные отношения. Выразительным примером такого рода может служить дилер, занимающийся продажей автомобилей. Он делает вид, что рассматривает клиента как своего друга, начинает обращаться к нему по имени, проявляет интерес к его личным делам, дает ему советы, которые на первый взгляд могут показаться вовсе не совпадающими с интересами фирмы (например, отговаривает его от покупки машины, которая имеет скрытые дефекты, и, напротив, уговаривает купить другую машину, которая хоть стоит и немного дороже, но заслуживает этого и, вообще, является редкой оказией).

На большое значение автотелических отношений в социальной жизни серьезное внимание обращал другой классик немецкой социологии Георг Зиммель, который считал способность к контактам, потребность в товариществе, «социацию» (sociation) квинтэссенцией человеческой сущности, которая ярче всего раскрывается в спонтанной игре, в забавах. Эту концепцию мы могли бы определить термином, заимствованным у голландского философа более позднего времени - Хайзенга, который называл человека homo ludens. Современный представитель социологической мысли Эрих Фромм также видит автотелические основы общества в отношениях любви, характерной особенностью которых является полная незаинтересованность и чистая радость, вытекающая из самого общения с другим человеком.

Так же как в других, предложенных выше системах классификации, в данном случае мы не всегда имеем дело с чистой, четко отличающейся от других формой. Нередки так называемые смешанные случаи и ситуации, при которых может действовать и одна, и другая мотивация. Игра в казино может быть и источником заработка (выгоды), и чистым развлечением, связанным с потребностью в товарищеском общении. Отправляясь в магазин за покупками, человек может руководствоваться прагматической необходимостью приобретения каких-либо продуктов, но может исходить из автотелической потребности - из самого удовольствия посещения магазина или рынка, процесса торговли с продавцом, совершения покупки. Художник может работать в какой-нибудь фирме ради заработка, но может в этом случае и обрести возможность собственной творческой самореализации. Или, наоборот, писатель может заключить договор с издателем, чтобы книжка, написанная им от всего сердца и в порыве вдохновения, получила распространение среди людей, но при этом он не откажется и от гонорара. Ужин с друзьями может быть использован для получения важной в интересах дела информации или для установления нужных контактов и влияний. Шпион (разведчик), чтобы склонить девушку к тому, чтобы она скопировала для него важ-

ные документы, может завязать с ней отношения, которые приобретут характер романтической любви.

Другой тип классификации зиждется на том нормативном регулировании, которое имеет место в любых социальных отношениях. Как уже говорилось раньше, правила, определяющие подходящий для той или иной роли способ поведения, проистекают из разных нормативных систем. Они могут быть более или менее строгими, и их нарушение может быть связано с жесткими или мягкими санкциями. Важнейшее различие обозначается между теми социальными связями, в которых действия партнеров очень подробно, детально, точно, скрупулезно определены и трактуются как обязательные, вплоть до того, что несоблюдение предписанных правил может разрушить и ликвидировать сами социальные связи. Обычно мы говорим, что такие отношения обязывают к соблюдению определенной формы. Поэтому мы называем их *формальными*. Скажем, адвокат и судья должны придерживаться очень строгой, ригористической, разработанной в деталях процедуры, в которой заранее предписаны даже определенные слова, выражения, обороты речи, жесты, которыми они пользуются в ходе судебного слушания дела. Неточность в этой области может привести к апелляции, к тому, что само решение может быть признано недействительным. Священник, совершающий обряд бракосочетания, и молодые перед алтарем должны строго придерживаться всех форм, предписанных религиозным обрядом, иначе само заключение брака окажется невозможным. Полицейский, который задерживает и допрашивает подозреваемого, даже знает наизусть заранее установленную формулу, которую он прежде всего обязан произнести, сообщая задержанному о его правах, в частности о праве не давать показания. В общих чертах можно сказать, что наиболее формальный тип социальных связей проявляется тогда, когда существуют системы кодификации, определенные процедуры, регламент, формулы, точно определяющие как должны протекать действия и взаимодействия в рамках данных социальных отношений.

Однако многие социальные отношения имеют неформальный характер, реализуются в рамках действий и взаимодействий самого разного вида и протекают в значительной мере спонтанно. Дружба или любовь, как сказал поэт, «имеют много имен». Родительская власть осуществляется различными способами. Университетские лекции и занятия проводятся различными методами. Мы называем такие социальные связи *неформальными*. Конечно, во многих из них могут присутствовать какие-либо формальные элементы, когда какие-либо аспекты отношений поддаются правовому или уставному регулированию. Отец имеет определенные, предусмотренные законодательством обязательства, а также определенные границы своей свободы в поведении по отношению к сыну. Слишком жестокие методы воспитания могут быть оценены как истязание ребенка и стать предметом судебного разбирательства. Профессор тоже имеет предусмотренные уставом границы, связанные, например, с продолжительностью лекций, и этими границами очерчено поле его дидактической автономии. Если он не будет читать лекций или наполовину сократит время, отведенное на лекции, он может столкнуться с дисциплинарными санкциями (со стороны деканата).

Четвертый критерий касается сферы действий и взаимодействий, входящих в рамки социальных отношений. Многочисленные и разнородные эти действия и взаимодействия или, напротив, немногочисленные и специфические, однотипные? Уже когда мы вводили понятие социальных отношений, мы говорили, что они могут быть более или менее «объемными». В этом плане мы сравнивали семейные отношения с отношениями, в которых участвуют профессионалы-специалисты. Возвращаясь к этому различию, назовем отношения, включающие значительный объем взаимодействий, множество разных тем и предметов, вокруг которых эти взаимодействия совершаются, *диффузными*, а отношения, ограниченные одним предметом, одной темой, - *специфичными*. Примером связей первого типа могут быть отношения между мужем и женой, между отцом и ребенком, между школьными товарищами, между друзьями. А примеры связей второго типа - это отношения между врачом и пациентом, адвокатом и его клиентом, полицейским и подозреваемым, шофером и автослесарем, продавцом и покупателем.

Мы уже вспоминали о временном критерии. Сама по себе идея социальных отношений содержит представление об определенной прочности, продолжительности по сравнению с единичными действиями и даже с последовательностью взаимодействий. Но и в самой системе социальных отношений в этом плане наблюдается огромное разнообразие. Речь идет не только о том, что де-факто, скажем, любовь или дружба могут быть длительными или краткими, мимолетными, работа, которую получает человек, может длиться годами или измеряться очень коротким сроком, посещение врача может быть одноразовым, а может обернуться долгим систематическим лечением у него. Это все очевидно. Менее очевидно и особенно интересно для социолога то, что определенные социальные связи уже по своей природе, в силу присущего им характера включают в себя категорию продолжительности, а именно большую или меньшую продолжительность, прочность. Роберт Мертон называет это «структурно встроенными системами длительности» (*structurally embedded durations*). Различные ожидания, связанные с продолжительностью, формируют различный ритм, темп действий и взаимодействий в той или иной области общественных отношений. Примером, на который мы уже ссылались выше, могут служить супружеские отношения, в самом характере которых заложена относительно большая прочность, с мимолетными приключениями и романами. Другой пример - статус семейного, домашнего врача. Здесь заложена гораздо более продолжительная система взаимоотношений с пациентом, чем в случае какой-нибудь одноразовой консультации больного у врача, а соответственно существует и иной уровень ожиданий более эффективного лечения, более богатого по содержанию взаимодействия между врачом («семейным доктором») и пациентом. Одно дело - когда профессора приглашают на постоянную работу в университет, где он может работать до конца своей жизни, и совсем другое дело - временный контракт, который заключается с ним на определенный курс лекций или на несколько консультаций. Только первый вариант обеспечивает его полную академическую автономию, то есть независимость его научной деятельности, не ограниченную никакими заботами, связанными с возможностью потерять это место. Напротив, идея так называемой ротации

через определенный срок академических должностей - доктора или магистра - должна стимулировать максимальные исследовательские усилия ученого на этих ранних стадиях его научной карьеры. Тот же смысл заложен в периодической сменяемости или выборности лиц, занимающих определенные позиции (например, в качестве депутатов в парламенте) и играющих политические роли: этот фактор способствует укреплению их чувства ответственности по отношению к гражданам и мобилизации их активности в контексте приближающегося срока возможного окончания их общественной функции. И совершенно противоположные результаты, а именно волонтаризм, произвол, безответственность, ненаказуемость, консерватизм, встречаются в диктаторских и автократических системах, где «вождь», «генералиссимус» или «предводитель» правит пожизненно. Те социальные отношения, в структуру которых включена длительность, называются *постоянными*, а те социальные отношения, которые укладываются в ограниченные временные рамки, - *срочными* или *временными*.

Шестой тип социальных связей определяется тем ситуационным положением, в котором находятся по отношению друг к другу партнеры, занимая то или иное место по шкале социального неравенства или по другим социальным показателям. Иными словами, связан ли с занимаемыми ими позициями равный или, напротив, неравный объем таких общественно ценимых, материальных или духовных приобретений, как состояние (богатство), власть, престиж, знания и т.п. Если их социальным позициям свойственны равные или близкие прерогативы, шансы доступа к признанным в обществе ценностям, мы говорим об отношениях *эгалитарных* (строящихся на основе равенства). Примерами могут служить отношения между друзьями, между рабочими одной бригады, между рядовыми солдатами одной военной части. Люди, занимающие такие позиции, не имеют никаких преимуществ, прерогатив или привилегий друг перед другом. Конечно, может случиться так, что один из друзей богаче, чем другой, или пользуется большей известностью и славой, или лучше образован, но эти различия касаются совсем других статусов-ролей, в которых выступают партнеры, а не их дружеских отношений. Один из друзей может быть, например, бизнесменом, а другой - учителем, один - прославленным исполнителем рок-музыки, а другой - звукооператором. В их конкретных отношениях найдет свое выражение все, что их связывает, и все, что в этих связях носит эгалитарный характер (дружба) и, напротив, создает ситуации неравенства (разный материальный достаток, разный престиж). Те социальные отношения, которые уже по самому своему характеру исходят из положения неравенства или ставят партнеров в положение неравенства, называются *неэгалитарными*. Начальник (шеф) и простой сотрудник, офицер и рядовой солдат, лорд и лакей, отец и сын - это первые, какие приходят на память, примеры.

Интересную, особую категорию среди неэгалитарных отношений составляют связи людей с представителями профессий, обладающих специфическими возможностями и средствами экспертизы, например с врачами, адвокатами, советниками в вопросах инвестиций, автослесарями. Роберт Мертон называл их представителями профессий, «несущих помощь» (*helping professions*).

К этим людям мы обращаемся за помощью, когда сами не можем справиться со своими проблемами, как бы признавая самих себя невеждами, некомпетентными людьми, не способными самостоятельно сделать свои дела и решить свои вопросы. Мы отказываемся от части своей самодостаточности и автономии, отдавая себя в чужие руки. Мы сами ставим себя в положение более низкое, чем положение эксперта. Этот опыт всегда негативный, он может вызвать сожаление и фрустрацию, поэтому, согласно Мертону, в таких социальных связях всегда имеет место определенная эмоциональная амбивалентность: с одной стороны, надежда и доверие, с другой - настороженность, подозрительность; вроде бы мы готовы слушаться этих людей, но не можем отказаться от попыток контролировать ситуацию.

Седьмой важный момент, который выявляется при рассмотрении статусов, связанных в социальные отношения, - это сходство или, напротив, различие, обнаруживаемые как социально существенные признаки, не имеющие какой-либо иерархии преимуществ и привилегий, но тем не менее оказывающие воздействие на характер взаимодействий, происходящих в рамках общественных отношений. Я имею в виду, такие, например, признаки партнеров, как их пол, принадлежность к этнической группе и т.п. Отношения двух одноклассников (отношения ровесников) существенно отличаются от отношений между внуком и дедом. Определенные отношения вызывают у нас ожидания того, что партнеры окажутся в одной возрастной группе (или в близких по этому признаку группах). Это касается, например, супружеских отношений, что ясно хотя бы потому, что вступление в брак семидесятилетнего миллионера с тридцатилетней актрисой становится сенсацией и вызывает подозрения, что, по крайней мере, с ее стороны здесь имеют место иные мотивы, чем любовь или романтическая влюбленность (а стало быть, по сути под тем же названием кроется уже другой вид общественных отношений). В нормальных условиях отношения между мужем и женой (супружеские отношения) отличаются от отношений между двумя братьями (братскими отношениями), ибо в первом случае речь идет об отношениях людей разных полов. И опять же совершенно иная ситуация складывается в гомосексуальных браках, заставляя задуматься, не представляет ли собой этот маргинальный случай, который мы рассматриваем как исключение из правила, уже совершенно иной тип общественных отношений, который скрывается под тем же самым наименованием, что и обычные супружеские отношения. Существенно отличаются отношения, складывающиеся между представителями одной и той же национальности (мы даже говорим в таком случае об отношениях родственников) и формирующиеся по отношению к «чужим». В первом случае мы можем предполагать, что люди, вступающие между собой в социальные связи, владеют общим национальным языком, имеют некие общие знания и представления о своей национальной истории, общие культурные традиции, формы соборности, особенности быта и образа жизни, общие культурные навыки, признанные ценности. Это предопределяет совсем иной процесс взаимодействия, нежели тот, какой возможен в ситуации, когда все эти условия отсутствуют или наличие их оказывается под вопросом. Такие социальные связи, в которых позиции участвующих партнеров по своей сущности не имеют сильных соци-

альных различий, мы называем *гомогенными*, а такие, в которых эти позиции существенно отличаются друг от друга в разных аспектах, - *гетерогенными*.

И последний, восьмой критерий, применяемый для классификации социальных отношений, выявления различий между ними. Речь идет о том, какое место занимает эмоциональная мотивация и экспрессия во взаимоотношениях между партнерами. В социальных отношениях определенных типов эмоциональная мотивация и выражение чувств не только допустимы, но и ожидаемы. Мы называем такие отношения *интимными* или «горячими». Любовь, дружба, супружеские, братские, родительские отношения - это очевидные тому примеры. Но существуют и такие отношения, в которых руководствоваться эмоциями и даже проявлять эмоции считается неприличным. Мы называем их *официальными* или «холодными». Примеры тому мы находим прежде всего в сфере производственных, профессиональных отношений: между начальником и подчиненным, чиновником и просителем, экспертом и клиентом. Правда, в последнем случае в отношениях появляется некоторая амбивалентность. Например, пациент ожидает от врача профессиональной компетентности и знания новейшей медицины, а также сочувствия и личной заинтересованности здоровьем и проблемами пациента. Здесь имеет место своеобразная смесь холодного, техничного профессионализма, требующего, чтобы врач рассматривал пациента как анонимный медицинский «случай», и человеческого сочувствия, симпатии, доброжелательности, что требует рассматривать пациента как «личность». Роберт Мертон называл это «дистанцированным вниманием» (*detached concern*). Конечно, врач должен быть прежде всего хорошим специалистом, умеющим оставлять все эмоции в стороне. Хирург, который плакал бы от вида крови и страданий пациента, не мог бы выполнить нужной операции. Но, с другой стороны, все, что мы знаем о так называемых психосоматических эффектах или о влиянии психического состояния на физиологические процессы, заставляет нас признать, что удовлетворение типичной для пациентов потребности в личном сочувствии, соболезновании, добром слове может не только быть приятным дополнением к лечению, но и оказать решающее влияние на успешность самой терапии.

Как мы уже говорили выше, проблемы эмоциональности в социальных связях принадлежат к числу тех явлений, на которые особый отпечаток накладывают особенности культур. Существуют культуры «холодные», в которых даже в интимных отношениях, не говоря уж об официальных, обычной и преобладающей является сдержанность, строгость, а уж тем более публичное выражение эмоций считается проявлением «плохого воспитания». Примером тому служит англосаксонская культура. Но существуют и «горячие» культуры, в которых допустимость эмоциональной экспрессии распространяется не только на интимные, но в определенной мере и на официальные отношения. Примеры: итальянская, французская культуры, а шире - культуры так называемого «латинского мира», культуры арабского мира.

Выявление перечисленных выше восьми критериев, определяющих классификацию социальных отношений, носило аналитический характер: выстраивая классификацию, мы рассматривали каждый признак, каждую черту отдель-

но. Но в социологии встречаются также созданные на синтетической основе типологии, объединяющие наиболее часто встречающиеся во взаимодействии, в связке друг с другом признаки. Чарльз Х. Кули различал существенные отличия между социальными отношениями, развивающимися, с одной стороны, в трех «первичных группах»: в семье, в группе ровесников, в соседской общине и с другой - имеющими место во «вторичных группах»: профессиональной среде, различных добровольных обществах, политических партиях, хозяйственных организациях и коллективах и т.п. Отношения первого рода принято называть *первичными*. Для них характерны интимность, неформальность, личное знакомство между партнерами (непосредственное знание друг друга), непосредственность взаимодействия «лицом к лицу» (face-to-face), подлинность мотивации, широкий круг и тематическое разнообразие предпринимаемых действий и взаимодействий, при этом спонтанность значительно преобладает над регулированием, сильная идентификация с партнерами играет большую роль, очевидна допустимость эмоций. Отношения второго типа называют *вторичными*. Их отличают официальность, формальность, анонимность, инструментальный характер мотивации, высокая мера специализации и узкий тематический круг действий и взаимодействий, строгое нормативное регулирование, слабо выраженная идентификация с партнерами, эмоциональная сдержанность. Иной терминологией пользовался для обозначения таких различий автор знаменитого исследования, появившегося XIX в., Фердинанд Теннис. Он говорил об отношениях типа *Gemeinschaft* (происходящих в одной узкой общности, в «моей» семье, «моем» кругу и т.п.) и об отношениях типа *Gesellschaft* (происходящих в более широком контексте - в обществе, между коллегами, товарищами, внутри организаций). Некоторые авторы рассматривают типологию Кули и Тенниса как выявление направления, по которому происходит изменение важнейших особенностей социальной жизни - от первичных, общинных, основанных на тесных связях отношениях, определяющих характер первобытнообщинных, патриархальных и традиционных обществ, в сторону вторичных, организованных отношений, характерных для индустриальных, урбанистических, капиталистических обществ современности. Как мы помним, аналогичный историософский тезис сформулировал и Макс Вебер, указывая на постоянно возрастающую роль и доминирование социальных действий рационального типа в отличие от действий аффективных и традиционных.

ИРВИНГ ГОФМАН (1922-1982)

Один из наиболее оригинальных и влиятельных американских социологов XX в., который обратил внимание этой научной дисциплины на общественные микроструктуры, подлежащие детальному тщательному наблюдению и качественному анализу в квазиэтнографической форме. Наиболее важными его трудами являются книги «Представление себя другим в повседневной жизни» (*The Presentation of Self in Everyday Life*, 1959), «Приют» (*Asylums*, 1961), «Стигма» (*Stigma*,

1963), «Стратегическое взаимодействие» (*Strategic Interaction*, 1969), и «Анализ рамок взаимодействия» (*Frame Analysis*, 1974).

Главной темой исследований Гофмана является «интеракционный порядок» («порядок социального взаимодействия»). Это целая сеть явных и скрытых правил, управляющих взаимодействиями людей при «встречах», «собраниях», в различных «ситуациях» и «общественных явлениях, событиях». Он реконструировал эти правила с помощью различных моделей. Согласно драматургической модели, контакт «лицом к лицу» - это характерное театральное представление, в ходе которого партнеры отыгрывают свои роли, свои «партии», имея в виду цель произвести хорошее впечатление. За публично представленным «Я» («фасадом») кроется (находится за «кулисами») другое «Я» - циничного манипулятора, который на основе холодного расчета оценивает успешность своих действий. Люди пользуются различными методами, смысл которых заключается в подаче сигналов или передаче информации другим о себе. Пример тому - «знаки близости» (один человек берет другого за руку и т.п.) или «маркёры» (салфетка на столе в столовой и т.п.). Существенное различие существует между инициированием взаимодействия, которое происходит между знакомыми, знающими друг друга людьми, и инициированием взаимодействия между незнакомыми людьми. Поощрение к установлению взаимодействия между незнакомыми людьми заключают в себе роли полицейского, врача, медицинской сестры; распознать эти роли помогают униформы и мундиры.

Согласно модели игры, игровая ориентация обоих партнеров приводит к появлению «стратегического взаимодействия», при котором каждый старается приспособить свои движения к движениям партнера. Блеф, раскрытие блефа, контрблеф (в покере) - таковы примеры стратегических выступлений. Третья модель - взаимодействие в «тотальных институтах» (психиатрических больницах, тюрьмах, монастырях), в которых осуществляется абсолютный контроль за пространством и временем тех, кто там находится (заключенных, монахов и т.п.). В этих случаях формируются защитные стратегии: бегство, исключение самого себя из ситуации, установление границ подчинения, колонизация при помощи альтернативного способа выживания и конверсия, или полный конформизм по отношению к данному институту. Обычно тотальные институты приводят к разрушению самоидентичности (личности). Последняя модель - это выявление интерактивной ситуации через применение готовых, нормативно определенных «рамок», которые обеспечивают «организацию опыта» и дают заранее уже как бы утвержденные образцы поведения. «Рамки» эти могут подвергаться ревизии, чему служит использование соответствующих «ключей» (например, с помощью определенного ключа устанавливается, что данное действие - не произвольная борьба или драка, а боксерский поединок, это меняет «рамки», в которых проходит сам матч и в которых зрители его воспринимают). «Рамки» могут быть также «сфабрированными» в эгоистических, эксплуататорских целях (например, преступник, занимающийся угоном машин или грабежом водителей на дорогах, разыгрывает сцену полицейского контроля).

Литература

Goffman E. Człowiek w teatrze życia codziennego [Представление себя другим в повседневной жизни]. Warszawa: Wydawnictwo KR, 2000.

Czyżewski M. Goffman // *Encyklopedia Sociologii*. T. I. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1998. S. 245-247.

Эту схему можно рассматривать как презентацию аналитических знаков различия. Но можно посмотреть на нее и иначе - как на отражение типичной динамики межличностных отношений. Каждый отдельный, конкретный случай отношений между людьми не появляется «ниоткуда», не падает с неба, он является этапом определенного процесса. В каждом случае такие взаимоотношения имеют свою историю - более ранние этапы и периоды, через которые они уже прошли, и свое будущее - последующие этапы, которые еще только могут наступить. Между различными проявлениями межличностной деятельности существуют переходы, как бы связующие ступени, одно проявление проникает в другое. Эту связь мы сознательно подчеркивали названиями предшествующих глав, которые были сформулированы с учетом этих переходов, этого движения: сначала «От поведения до социальных действий», затем «От социальных действий к взаимодействию» и, наконец, «От взаимодействия до социальных отношений». Это направление человеческой деятельности, которая постоянно усложняется, восходит от простого к сложному, мы называем *институционализацией социальных отношений* (на нашей схеме обозначено стрелками слева направо и снизу вверх). Однако процесс может протекать и в противоположном направлении: от более сложных к менее сложным действиям и отношениям. Например, при утрате нормативного регулирования социальные отношения могут редуцироваться, спустившись до уровня в лучшем случае повторяющихся взаимодействий, а далее до уровня односторонних социальных действий и при утрате значения этих действий до простейшего привычного поведения. Такое направление, связанное с упрощением человеческой деятельности, мы называем *распадом социальных связей* (на схеме это направление указывает стрелка справа налево и сверху вниз).

Вернемся еще раз к примеру, к которому мы не раз обращались, а именно к примеру супружеской жизни. Такой вид социальных отношений, как супружество, не возникает вдруг, ему предшествует серия более ранних этапов. Американский социальный психолог Мортон Дэвис описывает этот типичный процесс институционализации супружеских отношений, выделяя несколько фаз. Первую он назвал «фазой знакомства». На этой фазе появляется заинтересованность одного человека другим, который обращает на себя внимание партнера какими-либо важными для этого партнера знаками (такими знаками могут быть и красота, и одежда, и марка автомобиля, и профессия человека). Затем заинтересовавшийся человек пытается установить, является ли его потенциальный партнер свободным (присматривается, нет ли у него обручального кольца на руке, не появляется ли он постоянно в сопровождении другого, не выходит ли на прогулку с детьми и т.п.). Далее он использует какой-нибудь предлог для установления первого контакта и пытается привлечь внимание партнера к самому себе. Уже при этом первом контакте он пытается найти какую-нибудь точку пересечения их общих интересов. Если он встречает этого партнера на улице гуляющим с собакой, он спрашивает о породе этой собаки, о том, чем ее надо кормить, и т.п. Если встреча происходит на горнолыжном склоне, разговор затевается о лыжном инвентаре, о технике спуска и т.д. Контакт перерастает во взаимодействие. Все время заинтересованная

сторона играет роль человека, действующего спонтанно, неформально, открытого и готового к продолжению знакомства. Завершается эта первая фаза попыткой перейти к повторяющемуся взаимодействию, что выражается в предложении следующего свидания. За ней следует «фаза ухаживания». Сначала люди встречаются изредка, затем повторяющееся взаимодействие превращается в привычку (например, молодые люди каждую субботу встречаются в кафе, каждое воскресенье вдут вместе в кино). Третью фазу Дэвис назвал «Скажи, что ты меня любишь». На этой фазе появляется все больше как символических, так и реальных знаков интимности: слова, жесты, поведение - все это указывает на специфический характер и содержание взаимодействия. По отношению ко всем окружающим партнеры демонстрируют близость и исключительный характер их отношений с помощью жестов, которые Ирвинг Гофман называл «сигналами близости», «знаками связи» (tie-signs), например люди держатся за руки, обнимаются, целуются. Четвертая фаза называется «Прими меня таким, какой я есть». Партнеры все больше узнают друг о друге, причем не только о достоинствах и преимуществах, но и о слабостях и недостатках (возможно, даже физических недостатках) друг друга. Играть ведь постоянно довольно трудно, а возрастающая интенсивность взаимодействий создает все больше предпосылок для того, чтобы люди больше друг другу открылись. Это взаимное знание друг друга превращается в особенное, не всегда прямо выраженное обязательство хранить тайну, проявлять лояльность, верность друг другу и само по себе создает все более крепкую связь между партнерами, опирающуюся на взаимную толерантность. Пятая фаза называется «Сделай мне любовь». Партнеры оказывают друг другу помощь в различных ситуациях, действуют солидарно по отношению к трудностям или угрозам, возникающим извне, берут на себя с каждым разом все больше взаимных обязательств. Наконец, наступает шестая фаза, которая называется «Будем едины», что означает оформление и легализацию взаимных обязательств путем заключения брака.

Разумеется, это описание не надо воспринимать дословно и буквально. Не всякий брак заключается именно таким способом. Кроме того, изменения общественных традиций и обычаев, происходящие именно в этой сфере особенно быстро, могут привести к тому, что все действия, которые описывает Дэвис и которые были характерны для середины теперь уже миновавшего столетия, окажутся сегодня анахроничными и выведенная, построенная им последовательность - абсолютно нетипичной. Но пусть все это будет лишь иллюстрацией рассматриваемых нами процессов и категорий.

Аналогично можно рассмотреть и проиллюстрировать противоположный процесс - распад социальных связей. И снова возьмем для этого наиболее очевидный пример из области супружеских отношений. Ведь развод - это не что иное, как снятие супругами с себя обязанностей, отказ от нормативного регулирования их связи. Случается, что бывшие супруги еще какое-то время встречаются друг с другом, чтобы решить некоторые материальные вопросы, например квартирные дела, или даже регулярно продолжают встречаться, например, в случае, когда суд вынесет решение о праве отца видеться со своим ребенком (со своими детьми). Со временем эти рутинные интеракции могут сойти на нет, и дело ограничится случайными, редкими встречами на улице или в гостях у ког-

да-то общих друзей или знакомых. В конце концов может случиться, что пути бывших партнеров по браку полностью разойдутся, и они даже не узнают, как дальше сложилась жизнь и судьба другого.

Таким образом, деятельность людей в межличностном пространстве обретает не только разные формы, но и непрерывную пульсирующую динамику и эволюцию, связанную с переходами от одной формы к другой, переживает процессы усложнения и упрощения, формирования и распада. Оправдывается, таким образом, взятая нами за основу метафора, в силу которой мы говорим, что исследуем человеческое общество как *социальную жизнь* (а не «организмизм», «механизм или систему»).

Важнейшие понятия и термины

Автономные (автотелические) социальные отношения - такие отношения, смысл и цель которых заключаются в самом общении партнеров друг с другом без учета какой-либо возможной выгоды.

Взаимость социальных отношений - в каждом случае развития социальных отношений права и обязанности партнеров по отношению друг к другу четко определены: то, что один из них совершает по отношению к другому, есть именно то, чего этот другой от своего партнера ожидает, и также то, чего ожидает от своего партнера субъект, определяет действия этого партнера.

Вторичные социальные отношения - формализованные, сконцентрированные (на какой-либо одной функции, одном предмете, одной теме), инструментальные, «холодные» в эмоциональном выражении официальные отношения (например, на работе).

Гетерогенность социальных отношений - различия между партнерами в признаках, имеющих существенное значение для хода взаимодействия, например в возрасте, поле, национальности, принадлежности к расе.

Гомогенность социальных отношений - сходство партнеров в признаках, имеющих существенное значение для хода взаимодействия, например в возрасте, поле, национальности, принадлежности к расе.

Диффузные социальные связи - такие отношения, которые охватывают множество разнородных по своему содержанию взаимодействий.

Достижимые социальные отношения - такие социальные отношения, которые устанавливаются на основе собственных решений, в итоге собственных, сознательно принятых в данном направлении усилий.

Инструментальные социальные отношения - такие отношения, которые служат для реализации потребностей, целей, намерений или претензий партнеров в иной области, чем та, которую касаются данные отношения.

Институционализация социальных отношений - процесс формирования и кристаллизации нормативного регулирования, касающегося взаимодействия между людьми, занимающими типичные, особо выделенные позиции в обществе.

Меритократическая справедливость - неравный, неодинаковый (по сравнению с другими) доступ к жизненным шансам или привилегиям, определяемый исключительно мерой собственных усилий и личных заслуг.

Первичные социальные отношения - неформальные, спонтанные, непосредственные, рассредоточенные (имеющие отношение ко множеству предметов и выражающиеся в различных действиях и ситуациях), автотелические (каждое - само по себе), «горячие» в эмоциональном выражении отношения (например, дружба).

Повторяющееся взаимодействие - множество взаимных действий одних и тех же партнеров, спорадических, случайных, не имеющих определенных установленных сроков и точных интервалов.

Предписанные социальные отношения - такие общественные отношения, которые устанавливаются независимо от собственного решения или намерения субъекта, помимо его воли и возможного выбора, в которых он оказывается или в силу самого своего рождения, или по воле других.

Регулярное взаимодействие - множество взаимных действий одних и тех же партнеров, происходящих в установленные сроки или в определенные отрезки времени и имеющих свой четкий ритм.

Симметрия социальных отношений (партнерство) - ситуация, в которой объем прав и обязанностей обоих партнеров находится в состоянии равновесия, качественного соответствия.

Социальная позиция (социальный статус) - выделенное среди других и имеющее в данной культуре свое обозначение, свое место в обществе, которое могут занимать многие различные субъекты (например, профессия).

Социальная роль - набор прав и обязанностей, обязательных для каждого, кто занимает данную социальную позицию, независимо от его личных качеств и особенностей.

Социальные отношения - нормативно определенный круг ожидаемых взаимных реакций между партнерами, занимающими определенные позиции и исполняющими связанные с этими позициями роли.

Специфические социальные связи - такие отношения, которые имеют специфический характер, развиваются вокруг одного предмета (одной темы), охватывают только какой-нибудь один вид взаимодействия.

Структурно встроенная длительность - предопределенный нормативно обозначенный и неуклонно исполняемый период (продолжительность) социальных отношений.

Универсальные критерии выбора - такие черты и признаки кандидатов на определенную позицию, которые имеют непосредственную связь с компетентным выполнением соответствующей этой позиции роли.

Частные (партикуляристические) критерии выбора (набора) - такие черты и признаки кандидатов на определенную позицию, которые не имеют никакой связи с компетентным выполнением соответствующей этой позиции роли.

Эгалитарность социальных отношений - равенство или близость (сходство) того места, которое занимают партнеры в различных иерархиях - богатства, власти, престижа, образования.

Рекомендуемая литература

См. «Сто книг с моей книжной полки» - под следующими порядковыми номерами там значатся книги, в которых освещаются общие положения, касающиеся важнейших основ социологии и многих ее проблем: 23, 24, 75.

Глава 5

От социальных отношений к организации

Во всех прежних наших рассуждениях мы ограничивались анализом единичных социальных отношений, то есть отношений между двумя социальными позициями и связанными с ними ролями. Но ясно, что в «межличностном пространстве» выступает множество позиций-ролей, которые оказываются в различных конфигурациях и связях между собой. В этой главе мы рассмотрим основные разновидности таких конфигураций и связей.

Социальная среда

Самый простой случай - это такая ситуация, когда люди занимают те же самые одинаковые позиции и выполняют те же самые роли. Мы можем посмотреть с такой точки зрения, скажем, на группу спортсменов, врачей, артистов, профессоров, шахтеров, священников и т.п. и увидим, что их профессиональные позиции и роли, которые они исполняют в обществе, в значительной мере одинаковы. Независимо от того, кто конкретно эти позиции занимает и эти роли исполняет, можно вести речь об их однородном множестве. Такой однородный набор тех же самых или по крайней мере подобных друг другу, близких социальных позиций и ролей мы называем *социальной средой* в том смысле, в каком мы на обыденном уровне обычно говорим об артистической среде, медицинской среде, среде адвокатов, среде политиков, среде священнослужителей, рабочей среде.

Какие отношения связывают одни и те же позиции в социальной среде? Французский исследователь классик социологической науки Эмиль Дюркгейм выделял особую форму коллективной интеграции, которой он дал определение «*механическая солидарность*». Он имел в виду общее ощущение, которое опирается на сходство ролей, функций, жизненных ситуаций, профессиональной деятельности, и в качестве примера приводил примитивные

общества с минимально развитым разделением труда, где все члены общества, по сути, живут одинаково. Как видим, Дюркгейм мыслил в конкретных категориях, рассматривая солидарность скорее как связи между индивидами, нежели как отношения между позициями. Примерно так же рассуждал много лет спустя английский социолог Дэвид Локвуд, который говорил о социальной интеграции в отличие от системной интеграции. Однако концепцию Дюркгейма можно перенести на более высокий уровень абстрагирования, а именно применить ее к той самой системной интеграции, пользуясь терминологией Локвуда, в которой сходство касается не личностей, а статусов.

Так вот эта системная *солидарность среды*, которая существует между одинаковыми позициями, происходит из следующих трех атрибутов. Первым являются связанные с позициями роли, то есть соответствующие способы поведения. Например, характерный для социальной среды способ действий, стиль поведения будет одним среди военных, другим среди артистов, третьим среди ученых и т.д. Это проистекает из следования правилам, установленным для соответствующих ролей, исполняемых представителями той или иной среды. Вторым атрибутом являются связанные с социальными позициями типичные комплексы убеждений, взглядов, определенный характер знаний и предрассудков. Мы говорим о *ментальности среды*, об идеологиях, присущих той или иной социальной среде, имея в виду, что люди, занимающие одинаковые позиции, являются носителями сходных концепций, идеологий, мировоззрений и стараются претворить их на практике. Так, скажем, журналистская среда, академическая среда, политическая элита - каждая из них, несмотря на то, что между взглядами отдельных ее членов может существовать большая разница, тем не менее обладает неким общим ядром взглядов, убеждений, проистекающих из сходства или совпадения тех позиций, которые представители этой среды занимают. Третьим атрибутом позиции являются характерные для нее интересы, или, если воспользоваться термином Макса Вебера, «жизненные шансы». Мы говорим о жизненном стандарте, свойственном той или иной среде, о престиже данной среды, о «пробивной силе» определенной социальной группы (среды) или о типичном для нее интеллектуальном, культурном уровне, имея при этом в виду вытекающий из равенства или совпадения позиций одинаковый доступ представителей этой среды к ценностям, имеющим общественное признание, таким, как богатство, престиж, власть или образование. Конечно, конкретные представители одной и той же среды могут в этом плане сильно отличаться друг от друга, но независимо от их личных успехов можно говорить о типичных интересах или шансах, свойственных определенной социальной группе. Люди, относящиеся к среде бизнесменов, предпринимателей, в целом, богаче, чем представители академической, научной среды; политические круги уже по определению ближе к власти и к рычагам влияния, чем «неправящая элита», которую формируют профессорские университетские круги; артистическая среда, в целом, обладает более высоким престижем и славой, чем, скажем, милицмейская среда; учительская среда обладает большим объемом знаний, чем, к примеру, круг барменов.

На солидарность среды оказывают влияние несколько моментов. Первый - это определенная доля *доверия априори*, которое мы оказываем другим людям только потому, что они подобны, близки или тождественны нам в силу своего социального статуса. Когда я знаколюсь с человеком, который говорит мне, что он является профессором университета, я, сам будучи университетским профессором, сразу же выдаю ему кредит большего доверия, чем я адресовал бы, скажем, министерскому чиновнику, даже если я еще ничего не знаю о его индивидуальных качествах и достоинствах. Когда я слышу, что кто-нибудь родом или происхождением из Кракова, я доверюсь ему скорее, чем тому, о ком я знаю, что он варшавянин или приехал из Лагоса. Другой составляющей солидарности является лояльность среды. Я избегаю действовать вопреки интересам моей среды, воздерживаюсь от критики своей среды, более того, активно выступаю в защиту своей среды, даже если в упреках, ей адресованных, нахожу зерно правды. Это правило находит выражение в польской пословице «Плоха та птица, которая пачкает собственное гнездо».

Наконец, для среды характерны интенсивные контакты внутри нее. Уже из самого по себе сходства или совпадения социальных позиций вытекает частое инициирование взаимодействий с представителями той же среды, во всяком случае гораздо более частое, чем с теми, кто занимает иные, отличающиеся позиции; к тому же взаимодействия в своей собственной среде оказываются более легкими, совершаются без проблем. Подростки чаще общаются со своими ровесниками - такими же подростками, студенты - со студентами, пенсионеры - с пенсионерами. И им легче «договориться между собой», ибо у них - общий язык, сходные жизненные ситуации и проблемы, заботы и надежды. Это же касается профессиональных позиций. У ученых гораздо больше знакомых и друзей среди ученых, чем среди других социальных групп, они чаще обсуждают между собой научные проблемы, разговаривают о делах своей собственной среды; шахтеры чаще встречаются и беседуют с шахтерами, военные - с военными, врачи - с врачами. Отсюда тенденция к заключению браков внутри одной среды, с партнерами, занимающими примерно такие же социальные позиции, что позволяет говорить в определенной мере о социальной эндогамии (браках, заключаемых внутри одной среды).

Социальный круг

Разумеется, люди входят во взаимодействия не только с представителями тех же самых социальных позиций, но и с теми, кто занимает другие, отличающиеся позиции.

Это совершенно очевидное наблюдение позволяет нам перейти к рассмотрению конфигурации другого типа, включающей разные позиции. Если мы возьмем для примера любую позицию, то ее атрибутом, четвертым в той очередности, в какой мы рассматривали выше разные атрибуты, то есть после роли, идеологии и типичных интересов, окажется комплекс *других типичных пози-*

ций, с которым она связана, а тем самым и типичных направлений взаимодействий, и типичных партнеров, с которыми устанавливает контакт каждый, занимающий эту позицию. Врач в силу своего статуса оказывается в контакте и входит во взаимодействие не только с другими врачами, людьми из своей среды, но и с пациентами, сестрами, работниками регистратуры, лаборантами, сотрудниками, занимающимися реабилитацией пациентов, санитарями, техниками рентгеновских кабинетов, с дирекцией больницы, представителями администрации, агентами по снабжению, работниками больничных касс и страховых компаний и т.д. Университетский профессор в силу своего статуса вступает в социальные отношения не только с другими профессорами, но и со студентами, аспирантами, докторантами, ассистентами, секретаршами, заведующими финансовой частью, деканами, ректором, проректорами и т.д. Можно сказать, что каждого субъекта, занимающего ту или иную социальную позицию (статус), окружает *круг типичных партнеров*. Если выразить эту мысль более отвлеченно, то надо сказать, что, независимо от конкретных действующих субъектов и личностей, каждую социальную позицию окружает круг других позиций, связанных с ней типичными для нее социальными отношениями. Я предлагаю для описания этой конфигурации позиций использовать выражение *социальный круг*, а каждую позицию, входящую в этот круг, называть *периметрической позицией*.

Важный результат существования социальных кругов определяется тем, что, как мы помним, каждый вариант и пример социальных отношений включает в себя связку взаимных ожиданий партнеров, и эти ожидания являются составной частью присущей каждой позиции роли. И нередко случается так, что ожидания различных партнеров, занимающих периметрические позиции, отличаются друг от друга и даже противоположны друг другу. Возьмем для примера профессора медицины. Студенты ожидают от профессора, что он полностью посвящает себя преподавательской работе, готовит прекрасные лекции, проводит содержательные консультации, а принимая у них экзамены, проявляет снисходительность и доброту. Органы, надзирающие за учебным процессом, требуют от него строгости на экзаменах, рассчитывая на неизбежный отсев части студентов. Коллеги-ученые придают большее значение тому, что он будет проводить новаторские исследования, для них будет существенным число его публикаций, его участие в конференциях и научных симпозиумах. Они рассчитывают также, что он будет внимательно и быстро рецензировать их работы, окажет поддержку перспективным проектам и предложениям, поддержит присуждение им грантов. В то же время пациенты, которых он лечит, ждут, что он будет часто их посещать и осматривать в больничном отделении, глубоко анализировать каждый случай болезни, выполнять своей профессорской рукой сложные операции, применять новейшие методы терапии, к каждому из них проявлять личную заботу и сочувствие. Руководство клиники хотело бы, чтобы профессор консультировал как можно больше пациентов, потому что это приносит клинике финансовые выгоды. Университетские власти требуют от него участия в работе различных комиссий, членства в советах, участия в заседаниях университетского сената, иногда выполнения функций декана или ректора. Руководство госпиталя хочет

поручить ему функции ординатора, заведующего отделением. Ассистенты и аспиранты рассчитывают на доброго и мудрого мастера, который раздобудет для них стипендии, обеспечит поддержку их исследований, а дирекция института настаивает на непереносимых научных успехах и надеется, что он убеждает сотрудников от ротации. Образно говоря, профессор медицины должен танцевать, одновременно приспособившись к мелодиям и ритмам разных оркестров, или должен играть роли одновременно в нескольких разных спектаклях по разным сценариям. А точнее, в его роль, связанную с тем, что он является профессором медицины, укладывается целый комплекс разных сегментов, диктующих упорядочение отношений с разными периметрическими позициями. Когда требования разных сегментов оказываются несогласованными, направленными в разные стороны или противоречащими друг другу, мы оказываемся перед лицом *ролевой напряженности*. Можно сказать, что это *конфликт между сегментами роли*. Для того, кто занимает такую сложную позицию, это создает серьезное напряжение. Он в силу ограничений во времени, энергии, мотивации вынужден будет не оправдать некоторые ожидания, отказавшись от выполнения некоторых своих обязанностей, поскольку просто невозможно удовлетворить взаимно исключающие друг друга, противоположные ожидания. Иначе говоря, сама логика делает неизбежным то, что он не оправдывает ожидания некоторых своих партнеров, вызывая тем самым обиду, разочарование или нареканья.

Существуют различные стратегии выхода из такой ситуации. Порой могут помочь самые общие культурные правила, так сказать «метаправила», с помощью которых можно установить определенный порядок приоритетов среди позиций различных партнеров, то есть среди периметрических позиций. Эти правила могут подсказать, чьи ожидания должны иметь право первенства. В ведущих американских университетах, неслучайно имеющих названия исследовательских университетов (research universities), акцент ставится прежде всего на научные исследования и публикации. На втором месте стоит подготовка аспирантов, и лишь на самом последнем месте – лекционные курсы для студентов, для выпускников, готовящих магистерские (дипломные) работы. Самое большое значение там имеет круг «равных» (peers), а именно окружение других ученых-исследователей. Это упрощает разрешение конфликтов, но вместе с тем приводит к снижению уровня и престижа преподавательской работы, что сказывается негативно и на итогах учебного процесса. Совсем иначе было, например, в советских вузах, отделенных от научно-исследовательских институтов. Там на первом месте стояли занятия со студентами. Подобным образом и у нас до сих пор в учебных заведениях более низкого ранга основной упор делается на образование на элементарном уровне, постоянно увеличивается число студентов и возрастает нагрузка на преподавателей, читающих курсы лекций. Следствием этого является уменьшение и даже исчезновение исследовательской деятельности, в результате университет превращается в школьную площадку, на которой студентам передается некая застоявшаяся, часто уже неактуальная и поверхностная информация.

Другая стратегия имеет субъективный характер. Каждый определяет для себя свою личную, особую иерархию «значимых других» среди партнеров сво-

ей позиции и старается как можно лучше реализовать тот сегмент роли, который этих выбранных, в первую очередь «других», касается. Он сам выбирает оркестр, под музыку которого будет танцевать. Существуют профессора, для которых самым главным являются открытия, исследовательская работа, научные публикации, но существуют и такие профессора, чьей главной страстью оказывается воспитательская работа, формирование молодых талантов и интеллектов. Кроме того, существуют и профессора, которые самореализуются в выполнении административных функций. Еще более радикальная стратегия заключается не только в субъективной идентификации с определенными сегментами роли, но и в фактическом отсечении определенных (менее значимых) сегментов роли путем разрыва социальных отношений с некоторыми партнерами, или, иначе говоря, с некоторыми периметрическими позициями. Так поступает исследователь, который берет академический отпуск, отказываясь на время этого отпуска от лекций и занятий со студентами, или целиком переходит только на исследовательскую работу. Или, наоборот, влюбленный в свое дело педагог переходит на должность старшего преподавателя, освобождая себя от необходимости вести собственную исследовательскую работу. Аналогично поступает университетский функционер, переходя с научной работы на административную, например на должность декана или ректора, который в период, пока он эту должность занимает, освобождается от лекционной преподавательской работы. И все меньше занимаясь исследовательской работой, он также имеет самооправдание, поскольку официальные обязанности отнимают у него слишком много времени.

Статусный набор

Третья конфигурация социальных позиций связана с таким также очевидным фактом, что каждый конкретный субъект одновременно занимает не одну, а много разных социальных позиций. Скажем, доктор Ковальский - не только врач, но и отец, муж, чей-то сын, директор больницы, житель Кракова, поляк, католик, охотник, теннисист, водитель, а может оказаться (и бывает) также и пациентом. Здесь вокруг одного субъекта собрано множество занимаемых им позиций и исполняемых им социальных ролей. Я предлагаю в таких случаях говорить о *статусном наборе (конгломерате статусов)*, а каждую из входящих в этот конгломерат позиций определять как *частную позицию*.

Сразу бросается в глаза, что не все социальные позиции, которые занимает доктор Ковальский, равнозначны. Некоторые позиции оказываются более важными, чем другие, а какие именно - об этом позволяют судить критерии двух типов: культурные и субъективные. Та конкретная культура, в рамках которой живет доктор Ковальский, может определять акцент первоочередной важности на одних позициях, например связанных с работой, профессией, и таким образом как бы требовать от человека, чтобы выполнение им своих профессиональных обязанностей врача стояло у него по важности на первом месте, а выполнение им своих семейных обязанностей - на втором. Для обществ со-

временности, переживших модернизацию, индустриальных, урбанистических, капиталистических, такой культурный акцент (приоритет работы) типичен, хотя здесь также заметны различия между национальными культурами (сравним, к примеру, японскую и итальянскую культуры) и между культурами, свойственными той или иной среде (сравним, к примеру, среду бизнесменов и среду художников). В традиционных обществах, не затронутых процессами модернизации, еще не вступивших в Новое время, культурные приоритеты и предпочтения могут выстраиваться иначе. Главную роль могут играть, например, семейные позиции (как в примитивных обществах, исследуемых социальными антропологами), позиции, отведенные религии, или военные позиции (как в Средние века), или позиции, занимаемые в структуре власти и администрации (как в великих империях). Как и все другие компоненты культуры, такие приоритеты и предпочтения достаточно стабильны, они характеризуются инерцией и сохраняются определенное время даже в совершенно изменившихся социальных условиях. Например, культурным наследием авторитарной системы в нашей стране является все еще сильный акцент на «руководящих» позициях. Для доктора Ковальского в общественном мнении все еще может иметь гораздо большее значение то, что он является директором больницы, нежели то, что он является прекрасным хирургом, а для университетского профессора - то, что он является деканом, нежели то, сколько он написал книг. И общество отвечает на такие культурные потребности, выкраивая и формируя огромное множество «руководящих» позиций и должностей. У нас дело доходит до такой забавной ситуации, что едва ли не каждый второй чиновник оказывается руководителем, начальником или директором, если «руководит» он всего одним или двумя сотрудниками. Такая социальная позиция, которую данная культура определяет как наиболее важную, называется *главным статусом*. Другие позиции, меньшего культурного «веса», мы будем называть *второстепенными*.

Но выделение определенной позиции в качестве самой важной из всего конгломерата позиций зависит не только от культурных установок, но и от субъективных решений. У каждого - своя собственная иерархия предпочтений. В формировании такой иерархии большую роль играет культура, и нередко эта «собственная иерархия» является субъективной, внутренней копией существующих в обществе культурных приоритетов. И все же может быть и так, что отдельный человек по каким-либо личным причинам иначе расставляет акценты, делает основной упор на позиции иного типа, чем это диктуется культурой (или главной позицией). Я помню интервью великого чешского теннисиста Ивана Лендела, который, будучи на вершине своей спортивной карьеры, на какое-то время отказался от участия в турнирах, поскольку, как он об этом сказал, у него родился ребенок и воспитание этого ребенка было для него более важным делом, нежели очередные спортивные успехи и связанные с ними миллионы долларов. Для каждого субъекта чрезвычайно важно решить, какую именно позицию он считает для себя самой главной, ибо это подскажет ему, как поступить в случае конфликта обязанностей или ожиданий, связанных с множеством занимаемых им позиций. Такая социальная позиция, которую человек выбирает для себя в качестве наиболее важной, с которой он бо-

лее всего себя идентифицирует, независимо от того, совпадает это или расходится с культурными приоритетами данного общества, называется *центральной статусом*. В то же время другие позиции, имеющие меньшее субъективное значение, мы будем называть *периферийными*.

Когда субъективное разделение центрального и периферийного статусов не совпадает с диктуемым культурными правилами разделением между главными и второстепенными позициями, это становится для человека источником напряжения, он может навлечь на себя давление со стороны общества (выражаемое в различных санкциях), и целью этого давления будет подчинение его существующим культурным приоритетам. Представим себе, что в средневековом обществе с его рыцарской этикой и выступающим на первый план значением воинской службы, кто-нибудь уклонится от исполнения соответствующих обязанностей и будет заботиться только о собственном доме и семье. Несомненно, на него посмотрят в лучшем случае как на чудака, в худшем - как на изменника, и это может стоить ему головы. Равным образом в наше время какой-нибудь юрист недолго будет занимать место в адвокатской конторе, если он станет отказываться от участия в судебных разбирательствах и предпочтет исполнению своих профессиональных служебных обязанностей игру в гольф или свои дела в Ротарианском клубе.

Сложное и разнообразное поведение, к которому обязывает каждого члена общества статусный набор, носителем которого он является, имеет весьма серьезные последствия. Важнейшее из них - это возможность наступления *конфликта между статусами* (в более краткой формулировке - конфликта статусов), или иначе *конфликта между ролями* (ролевого конфликта), соответствующих этим позициям. Как мы помним, каждая социальная позиция диктует посредством свойственной данной позиции роли определенные обязанности и права каждому, кто такую позицию занимает. А поскольку каждый субъект занимает несколько позиций, может случиться так, что как раз то, что требует одна из этих позиций, трудно или невозможно исполнить в связи с теми обязанностями, которые накладывает другая позиция. Не исключено также, что одновременное осуществление прав, вытекающих из ролей и позиций, занимаемых одним и тем же субъектом, окажется невозможным, ибо использование одной позиции закрывает шансы использования другой. Классическим примером ролевого конфликта является характерная для современного общества проблема (трудность, порой невозможность) достижения равновесия в исполнении человеком своих профессиональных и семейных обязанностей. Поскольку мы так или иначе ограничены во времени, энергии, мотивации, мы фактически должны выбирать или одно, или другое: или отойдет на второй план, окажется «запущенной» работа, или семья. Исследования показывают, что вытекающая из этой ситуации напряженность является одной из причин все более частых разводов, или в более широком плане - семейного кризиса. Такого же рода напряжение должен был чувствовать средневековый рыцарь, который, прощаясь со своей невестой или со своей женой и детьми, отправлялся на тридцатилетнюю войну. Разница только в том, что у него был гораздо более ограниченный выбор, чем у современного человека.

Примером конфликта ролей, которые невозможно реализовать одновременно, может служить ситуация, в которой оказывается известный ученый: он получает весьма важное для него приглашение на интересную ответственную конференцию, и он же, будучи спортсменом, хочет участвовать в весенних лыжных соревнованиях в Альпах. Он имеет право и на то, и на другое, но это никак нельзя совместить, ибо время не растягивается до бесконечности, а обе возможности приходится на одно и то же время. И профессиональная позиция, и позиция в спортивном лыжном клубе дают этому человеку шансы, но между этими шансами приходится выбирать. И такая ситуация создает напряжение, известное из классической басни о «буридановом осле», имеющей сценический вариант в пьесе Фредровской: «Даны ослику две торбы, в одной овес, в другой сено»¹. Еще более наглядный пример такого рода - это богатая, занятая активной общественной деятельностью дама, которая должна выбрать одно из нескольких приглашений на приемы, организованные одновременно несколькими культурными, филантропическими обществами и землячествами, членом которых она является. Напряжение такого рода имеет во французском языке наименование *embarras de richesse* [трудность выбора].

Конфликт между социальными позициями, которые занимает один и тот же субъект, может заключаться не только в противоречиях между ролями, но и в несовместимости других атрибутов, свойственных разным позициям. Здесь также может иметь место *диссонанс между взглядами* и убеждениями, навязанными каждой из таких позиций (этот диссонанс является источником психического состояния, которое психологи определяют как диссонанс познаний). Рассмотрим примеры. Ученый, разделяющий теорию эволюции, не будет чувствовать себя комфортно и полноценно в религиозной секте, культивирующей теорию божественного сотворения мира. Богатый бизнесмен будет испытывать определенный дискомфорт в радикальной политической партии, выдвигающей лозунг уничтожения капитализма. Социолог, частью профессионального кредо которого является толерантность, будет стыдиться своего участия или членства в каком-нибудь шовинистическом социальном движении. Артист или художник, призванный в армию, вряд ли сможет смириться, сжиться со специфической казарменной ментальностью.

Если противоречия между ролями мы будем считать первым возможным вариантом, диссонанс между взглядами - вторым, то в-третьих надо назвать противоречие или противоположность, какие могут быть характерны для интересов, свойственных разным статусам. Примеры такой противоположности интересов мы обнаружим в положении посла, который по определению должен служить публичным делам, если он войдет в совет попечителей частной фирмы; в положении министра, если он окажется собственником предприятия, которому сам же выдаст концессию; в положении прокурора, оказавшегося членом преступной банды; в положении судьи, чей кузен - осужденный преступник. Во всех подобных случаях мы можем говорить о *конфликте интересов*.

Наконец, в-четвертых, надо иметь в виду, что разные социальные позиции подсказывают и формируют разные направления социальных контактов и взаимодействий. Эти позиции диктуют, с кем нам стоит иметь дело, какие заводить знакомства, с кем дружить, в каком кругу вращаться. Классическим примером конфликта в этой области является мезальянс. Вот характерные для него иллюстрации: белый плантатор из южных американских штатов женится на негритянке и входит в семью бывших рабов; изысканный аристократ влюбляется в проститутку; ученый оказывается в обществе алкоголиков.

По отношению к таким конфликтам между позициями люди также применяют стратегии управления, поиска выходов и решений, аналогичные тем, о каких мы говорили, рассматривая конфликты внутри позиции, между различными сегментами роли. Прежде всего, здесь могут помочь культурные правила, указывающие на главную позицию, императивы которой следует прежде всего принимать во внимание, даже ценой второстепенных позиций. «Самым главным является работа», «Самым важным для человека является его семья» - так различные культуры помогают своим членам найти выход, когда они сталкиваются с дилеммой «работа или семья», с противоречием между служебными и семейными обязанностями. В случае диссонанса убеждений и взглядов также могут появиться предопределенные культурой формулы, облегчающие процесс сегрегации этих взглядов, а тем самым и преодоление противоречия. Такой характер носит, например, формула, провозглашающая принципиальное различие между наукой и верой и невозможность механического перенесения аргументации из одной области в другую. Приняв эту формулу, скажем, ученый-астроном, который является католиком, может совместить, как бы примирить теорию великого взрыва, в которой он не сомневается как ученый (отнести ее к сфере науки), с представлением о божественном творении, отвечающем его вере (это он относит к сфере религии). В случае конфликта интересов культура может ввести свои «разъяснения», установить с помощью моральных норм или даже юридических законов запрет на совмещение определенных позиций, превентивно предохраняющий от соблазнов и предотвращающий возможные злоупотребления. Например, судья обязан взять самоотвод, отказаться от ведения дела, если какие-либо личные или родственные отношения связывают его с теми, кого он судит или чьи дела рассматривает, и ставят под сомнение его нейтральность. Наконец, в том случае, когда не совпадают интеракционные ожидания, могут появиться культурные правила, которые определяют легитимность нарушений, например выхода за сословные, продиктованные средой ограничения, отказа от эндогамии и т.п. Такой характер имела когда-то, в эпоху Молодой Польши, идеология «хождения в народ» («крестьянофильство»), иллюстрированная хрестоматийными примерами Силачки и доктора Юдима.

Наряду с влиянием культуры, которое смягчает конфликты и помогает их разрешению, каждый человек имеет возможность проявить собственные субъективные предпочтения, идентифицируя себя в большей мере с одними позициями и в меньшей мере с другими: для одних это будет работа, для других - семья, для третьих - спорт, для четвертых - круг приятельских отноше-

ний и т.д. Каждый, определяя для себя свою центральную позицию, в какой-то мере оправдывает тем самым свое пренебрежение периферийными позициями.

Более радикальной стратегией является исключение, ликвидация определенных фрагментов статусного набора и ролей. Например, исключительно занятый своей карьерой и увлеченный своей работой бизнесмен отказывается от того, чтобы завести семью. Профессиональный теннисист, не выдерживая давления со стороны семьи, которая отрывает его от тренировок, противится его постоянным отъездам, в конце концов разводится. Равным образом можно избежать диссонанса убеждений и взглядов. Фабрикант покидает радикальную партию, а биолог-эволюционист становится атеистом. В случае конфликта интересов парламентарий ликвидирует свою частную фирму, судья берет самоотвод и просит передать ведение дела коллеге. А в случае конфликта желаемых контактов ребенка из хорошей семьи силой забирают из уличной шайки, а богатая семья переезжает в другой квартал города, если не хочет жить там, где ощущается большой наплыв этнических меньшинств.

Последовательность статусов

До сих пор мы рассматривали статусный набор (конгломерат позиций) в статической перспективе, как некий постоянный уклад. Теперь настало время оживить этот образ, ввести понятие изменчивости и фактор времени. Совершенно очевидно, что различные статусы и связанные с ними роли в рамках индивидуального конгломерата невозможно реализовать одновременно. В повседневном течении времени субъект многократно меняет свои позиции, активизируя одни и оставляя в стороне другие. Выходя из дома на работу, человек активизирует позиции, связанные с его профессиональной деятельностью, оставляя в стороне свои семейные позиции; на определенный период он становится, к примеру, врачом, переставая быть отцом или мужем. Но вот он покидает больницу - место своей работы - и едет на теннисный корт, там он перестает быть врачом, а становится теннисистом. Но по дороге, когда вел машину, он еще был водителем. Все это - эквивалент того же явления, которое мы описывали, говоря о кружении субъекта между разными социальными контекстами: семьей, работой, отдыхом, религией и т.д. В разных контекстах, активизируя разные позиции своего конгломерата, человек является в разных ипостасях, каждый раз оказывается кем-то другим. На работе он врач, и там никто даже может не догадываться о его спортивных увлечениях; на корте он теннисист, профессию которого его партнеры или зрители могут даже не знать; дома он муж и отец; в костеле он анонимный прихожанин, верующий. Позицию, активизированную в определенном социальном контексте, наиболее важную для действий и взаимодействий именно в данной области, мы назовем *явным статусом*. В то же время все другие позиции, которые занимает данный субъект, но которые в этот момент не активизированы, мы будем называть *скрытыми статусами*. Именно через явную позицию другие идентифицируют субъекта, представляя его себе как партнера,

устанавливая с ним взаимодействие. Более легкому и правильному «опознаванию» субъекта способствуют определенные внешние атрибуты, присущие такой явной позиции. Врач снимает куртку или пиджак и надевает белый халат. Пловец одевает плавки и спортивную шапочку. Повар носит высокий белый колпак.

Смена позиций характерна не только для повседневной, ежечасной ситуации, она проявляется и на более длительных отрезках времени, а в конечном итоге на протяжении всей человеческой жизни, во времени, охватывающем всю биографию человека. Жизнь каждого человека складывается из многих социальных позиций, которые он занимал не одновременно, а поочередно. Сначала он был младенцем, потом ребенком, потом подростком, потом зрелым человеком, наконец, стариком. Он был учеником-школьником, студентом, работником, пенсионером. Может быть, он был курьером, потом чиновником, потом руководителем отдела, потом директором предприятия, потом президентом фирмы. Он был добровольным помощником, потом врачом, потом ординатором, потом директором больницы. Во всех подобных случаях мы говорим о *последовательной смене статусов*, как правило, идущих друг за другом. Когда дело идет о профессиональном контексте, о службе, о работе, такая последовательность называется *карьерой*, а смена позиций - продвижением вверх.

Высшие карьерные достижения определяются более или менее педантично. Для бюрократических систем характерным является значительный ригоризм и формализация последовательности позиций, занимаемых соответствующими субъектами. Здесь невозможно совершить скачок; занятие каждой последующей позиции в данном случае обусловлено и обеспечено ясно выраженными и жесткими критериями. У нас такой формализованный характер имеет, к примеру, научная карьера, где (немного похоже на то, что происходило в средневековых цехах) устанавливаются четкие уровни и границы пребывания человека во «временной», или «подготовительной», позиции (ассистента, старшего ассистента, адъюнкта), на уровне «самостоятельности» (доктор наук, доцент) и «мастерства» (исполняющий обязанности профессора и профессор). В других странах, например в США, последовательность имеет не столь жесткий характер и более зависит от личных достижений, чем от последовательности занимаемых на определенном уровне должностей или от «выслуги лет». Но есть и такие страны, где эта система еще более формализована, чем у нас. Приведу в этой связи основанный на подлинных фактах и весьма поучительный анекдот. Один из моих учеников из Японии, окончив под моим руководством занятия в нашей аспирантуре, вернулся к себе на родину и пытался получить работу в университете. Он попросил, чтобы я написал ему рекомендацию. Я написал ее в самых лестных тонах, ибо на самом деле это был способный, трудолюбивый ученый. В ответ на это получаю от него письмо, в котором он пишет: «Господин профессор, не могли бы Вы дать мне другую рекомендацию, на 50% хуже. Дело в том, что та, которую Вы прислали, годилась бы у нас, если бы речь шла о должности профессора, а я претендую только на должность ассистента. Если бы я представил такую превосходную рекомендацию, комиссия отвела бы мою кандидатуру, ибо такая рекомендация не

адекватна данной должности». Пришлось мне написать ему посредственную характеристику-рекомендацию, так он стал ассистентом, а теперь, спустя годы, пройдя все очередные ступени, обеспеченные каждый раз адекватными их значению характеристиками (!), уже стал профессором.

Таким образом, в реальном статусном наборе каждого человека выделяют такие позиции, которые являются существенными, значимыми для занятия им очередной позиции, такие, которые повышают или снижают шансы занятия им этой очередной позиции. Разумеется, это касается только тех позиций, которых человек сам достигает, которые он как бы завоевывает, а не тех, которые приписываются или даются ему независимо от его желаний и усилий. Так, последовательность позиций, связанных с возрастом человека, зависит только от течения времени и биологических процессов. Но когда речь идет о позициях, достигнутых в соответствии с намерениями, усилиями, стараниями самого человека, их достижение может зависеть от позиции, которую он уже занимает, с которой, так сказать, он «стартует». Если, скажем, я защитил диссертацию и стал кандидатом философских наук, у меня есть шансы стать адъюнктом; защита докторской диссертации открывает дорогу в профессуру. Если я занимаю должность референта, это увеличивает мои шансы стать руководителем отдела, а потом и руководителем предприятия. Если я работаю кондуктором, то, наверное стану когда-нибудь ревизором, а потом и начальником поезда. Может случиться и так, что подходящим «трамплином» для занятия каких-либо более высоких позиций окажутся такие, которые по сути не находятся в той же самой последовательности, даже далеки от нее и принадлежат к иному социальному контексту. В таком случае мы их называем *внешними позициями*, в отличие от тех, которые находятся в рамках данной последовательности или данного контекста и которые мы называем *внутренними*.

При исследовании малых групп, например, было замечено, что стать руководителем, лидером, здесь легче тому, кто, независимо от своего статуса в данной группе и внутренних возможностей, уже прежде занял и занимает престижную, приносящую большие доходы или обеспечивающую высокую меру власти позицию за пределами данной группы. Такой человек как бы приносит атрибуты своих внешних позиций в качестве готовой ценности в группу, которая признает значение такой ценности и берет ее во внимание при выборе своего лидера. Подобным образом партийность кандидата порой определяет возможность получения им какого-либо выгодного, «доходного места». Иногда такая система может быть даже формализована, как это имело место при формировании так называемой *номенклатуры* в странах реального социализма, где существовал перечень должностей, которые могли занять только члены коммунистической партии. Определенные карьерные продвижения могут быть традиционно закрыты в том или ином обществе для представителей определенной расы или этнической группы. В США первый афроамериканец появился в бейсбольной лиге только в 30-х годах XX в., а первый афроамериканский мастер гольфа (Тайджер Вудс) - только в конце столетия. Несмотря на все успехи движения феминизма, шансы на то, чтобы стать лауреатом Нобелевской премии, получить высокую должность в правительстве или быть избранным президентом промышленной корпорации у мужчин несравненно более

высокие, чем у женщин. Такие позиции, которые увеличивают шансы занятия следующей ступени в последовательности позиций или в профессиональной карьере, мы называем *предопределяющими успех (благоприятствующими) позициями*. И напротив, такие, которые затрудняют или даже закрывают следующий шаг в карьере, мы называем *дискриминационными позициями*.

ТОЛКОТТ ПАРСОНС (1902-1979)

Главная фигура в американской социологии после Второй мировой войны и вплоть до 1970-х годов. Он стремился достичь синтеза двух важнейших направлений социологической теории: анализа человеческих действий и анализа общественного целого. Уже его первый двухтомный труд «Структура социального действия» (The Structure of Social Action, 1937) принес ему славу. Позднее появился следующий том под названием «Социальная система» (The Social System, 1951).

Человеческие действия он реконструирует в рамках так называемой волюнтаристской модели. Согласно этой модели, действующие субъекты ставят перед собой определенные цели и стараются их осуществить. При этом они располагают определенными средствами и выбирают способ своего поведения в свете, исходя из: ситуационных обстоятельств, с которыми они встречаются; ценностей, норм и идей, которые они исповедуют. Действия происходят в социальном контексте, в котором субъекты занимают определенные позиции и выполняют приписанные им нормативные роли. Статусы-роли формируют соответствующим образом складывающиеся и взаимосвязанные целостные структуры — социальные системы.

Социальные, или общественные, системы в состоянии равновесия (aequilibrium) имеют тенденцию к прочности, продолжительности и самосохранению. Это оказывается возможным благодаря соответствующему оформлению четырех функциональных требований каждой системы: адаптации к среде посредством производства и распределения ценностей, что обеспечивают экономические структуры; мобилизации и координации действий, приводящих к реализации общих целей, что обеспечивают политические институты; взаимодействие многих членов общества; потребности интеграции действий членов общества, создания социальных связей и формирования ощущения идентичности, что относится к сфере культуры или права; воспроизводство и сохранение образцов системы - распространение общественных взглядов, обеспечивающих структуры социализации и социального контроля, что наилучшим образом осуществляется посредством семьи и церкви.

Социальные, или общественные, системы могут быть характеризованы абстрактно, в отрыве от конкретных лиц, действующих в рамках данных систем. Типичные различия между социальными системами касаются пяти противоречий, находящихся в соотношении дихотомии: универсализм — партикуляризм в занятии позиций и ролей; достижение поставленной цели — занятие «предписанной» позиции как метод получения определенного статуса; индивидуализм — коллективизм как доминирующая основа идентификации действующего лица; аффективность — нейтральность как допущение или запрет проявления эмоций; а также диффузность — специфичность как ориентация на личности в целом или только на их отдельные роли.

Наряду с социальной системой можно выделить еще две системы: поведенческий организм, связанный с естественными императивами и потребностями человека, и личность как неразрывный комплекс подходов, мотивов и ориентиров, определяющих действие.

Социальные системы подвержены постепенным изменениям, последовательной эволюции, в ходе которой они все лучше адаптируются к окружению благодаря нарастающей, прогрессирующей внутренней дифференциации и вместе с тем совершенствующейся координации и интеграции дифференцирующихся элементов. Все более сложная и все лучше функционирующая организация создает эволюционное превосходство.

Литература

- Parsons T.* Struktura społeczna i osobowość [Социальная структура и индивидуальность]. Warszawa: PWE, 1969
- Parsons T.* Skice z teorii socjologicznej [Очерки социологических теорий]. Warszawa: PWE, 1972.
- Parsons T., Smelser N.* Funkcjonalne zróżnicowanie społeczeństwa [Функциональное дифференцирование общества] // Elementy teorii socjologicznych / W. Derczyński, A. Jasińska-Kania, J. Szacki (Red.). Warszawa: PWN, 1975. S. 219-240.
- Turner J.N.* Imperatywizm funkcjonalny: Talcott Parsons [Функциональный императивизм: Толкотт Парсонс] // Struktura teorii socjologicznej. Warszawa: PWN, 1985. S. 96-128.
- Ziółkowski M.* Parsons [Парсонс] // Encyklopedia Socjologii. T. III. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2000. S. 68-76.

Социальная организация

До сих пор наше внимание было сосредоточено на конфигурациях одних и тех же позиций, занятых разными лицами (социальная среда), или на различных позициях, занятых одними и теми же лицами (социальный круг, статусный набор и последовательность позиций). Теперь же мы займемся рассмотрением третьей возможности, а именно связи разных позиций, занимаемых разными лицами, образующей своеобразные, различающиеся между собой социальные общности.

Начнем с примеров. Председатель, директор, заместитель директора, бухгалтер, секретарша, мастер, бригадир, монтер, наладчик - таковы типичные позиции на каком-нибудь заводе. Ректор, проректор, декан, заместитель декана, руководитель администрации, квестор (заведующий финансовой частью), директор института, профессор, доцент, адъюнкт (старший преподаватель), ассистент, преподаватель, лаборант, аспирант, студент - таковы типичные позиции в университете. Президент, руководитель секции, тренер, врач, массажист, спортсмен (игрок) - таковы типичные позиции в спортивном клубе. Вратарь, защитник, полусредний нападающий, помощник, «либеро» (свободный игрок), нападающий, резервный игрок - таковы типичные позиции в футбольной команде. Директор, художественный руководитель, дирижер, первая скрипка, руководитель хора, исполнители на различных инструментах - таковы типичные позиции в симфоническом оркестре. В каждом из этих примеров такие позиции включены в сеть своеобразных социальных отношений. Они

расходятся в различных направлениях, соединяя и связывая разных партнеров: например в университете ректора с профессором, профессора со студентом, аспиранта со студентом, студента с адъюнктом, декана с секретаршей и т.п. Каждый вариант социальных отношений такого рода имеет, разумеется, свое, в чем-то особенное содержание, но все вместе в рамках одной сети они имеют нечто по сути общее, касаются сходных дел, отличаясь тем самым от отношений, возникающих в иной сети и касающихся иных дел. На заводе осью разных отношений является производство, в университете - исследования и преподавание, в спортивном клубе - отдых, разрядка, в симфоническом оркестре - музыкальное творчество, исполнение. Таким же образом различным оказывается стиль совершаемых в разных сетях взаимодействий: например, в армии он очень формальный, в исследовательском институте гораздо более свободный, а в артистической среде, в группах творческой интеллигенции - в высшей степени спонтанный. Наличие сети таких связей между типичными позициями, а также своеобразие их содержания приводят к тому, что мы имеем дело не с простым перечнем позиций, но с чем-то большим, а именно с явлением цельным, организованным, внутри которого интегрированы разные позиции и связи. Такое целостное явление называется *социальной организацией*. Повторим еще раз: социальная организация - это для социолога интегрированный комплекс социальных позиций и социальных отношений, реализующий в совместных действиях какую-либо существенную социальную функцию, формирующий своеобразный целостный организм, отличающийся от иных подобных целостных организмов.

Особое содержание и стиль функционирования различных организаций находятся в корреляции с тем различием социальных контекстов, которое мы рассматривали выше. Для каждого из контекстов можно найти характерную для него организацию. Для семейного контекста такой организацией, естественно, является семья, для профессионального контекста - фирма, предприятие, учреждение, корпорация, для просветительского контекста - школа, университет, библиотека, для административно-политического контекста - правительство, парламент, местное самоуправление, для медицинского контекста - больница, санаторий, поликлиника, для рекреационного контекста - спортивный клуб, ансамбль рок-музыки, дискотека, для художественного контекста - филармония, музей, театр, для религиозного контекста - церковь. Этот перечень можно было бы продолжить.

Некоторые социологи определяют общество современным понятием «организации общества». И в самом деле, социальную основу современных индустриальных, урбанизированных, включенных в систему развитых рыночных отношений обществ составляет огромное множество организаций самого различного толка. В процессе развития обществ эти организации обрели различные функции, которые в архаичных, примитивных или традиционалистских обществах выполняла прежде всего семья. Современный человек в значительной мере как бы «передан» разным организациям, и его жизнь в большой степени зависит от их правильного и успешного функционирования. Социальная жизнь даже на уровне повседневного быта основана на перемещении людей между различными организациями: утром, выходя из дома, мы оставляем за

собой семейную организацию; далее мы заходим в церковь, идем на работу потом на почту, оттуда направляемся в банк, посещаем зубоорачебную поликлинику, заходим в магазин-супермаркет, посещаем бассейн, вечером идем на концерт в филармонию, потом на ужин в ресторан, чтобы на ночь снова вернуться в свой дом. Да и здесь мы еще используем уже более опосредованным способом очередные услуги весьма сложных по своей конструкции организаций: это происходит, например, когда мы включаем телевизор, работаем в интернете, звоним по телефону своему приятелю. Мы даже не отдаем себе отчета в том, сколько усилий прилагают еще многие другие организации для того, чтобы у нас была теплая вода в ванной и свет в комнате. Между различными организациями мы перемещаемся также и на том уровне, на каком протекает наша жизнь на протяжении года, когда, к примеру, летом отправляемся в отпуск и попадаем в санаторий или в дом отдыха, а по дороге ночуем в отеле. Иногда во время поездки мы оказываемся в сфере деятельности государственных железных дорог, авиалиний или пунктов продажи горючего для автомобиля. Различные, сменяющие друг друга организации сопутствуют нам также на протяжении всей нашей жизни: детский сад, школа, университет, учреждение, в котором мы работаем, дом престарелых, приют, похоронное бюро и кладбищенское управление. Мы в самом деле являемся «людьми организаций» в том смысле, что без организаций уже не можем жить и даже не можем умереть.

Наряду с колоссальным увеличением числа и формированием разнообразия организаций в процессе социального развития социологи замечают также другую тенденцию. Макс Вебер говорил, что организации становятся все более рациональными, подчиняя свою деятельность *формальной рациональности* - достижению наибольших результатов с наименьшими затратами. Этой цели служит соответствующее формирование социальных позиций и связанных с ними ролей, а также социальных отношений между позициями. Организации также непрерывно реформируются, отходят от прежних традиций, порывают с укоренившимися представлениями, взглядами и эмоциональными обычаями, оказываются подверженными непрерывному, по выражению Вебера, «расколдовыванию». В современном обществе, в котором, по мнению Вебера, формальная рациональность становится доминирующим мотивом всей социальной жизни, социальные организации все чаще обретают особый облик, который он назвал *бюрократией*. Мы живем сегодня в мире бюрократических организаций.

Заметим сразу, что термин «бюрократия» появляется здесь в смысле, несколько отличающемся от обычного его употребления, ибо он свободен от того негативного оттенка, который часто выступает, когда мы обычно жалуемся на бюрократию или критикуем ее пороки. Здесь он используется в чисто описательном значении, для идентификации определенной, ныне особенно распространенной формы организации, лучше всего реализующей постулат формальной рациональности, которым проникнута современная культура. Вебер конструирует «идеальный тип» бюрократической организации, чистую модель, которая в действительности нигде в таком виде не существует. И именно обычные, повседневные и повсеместные отступления от модели приводят к бе-

зуспешности, дисфункциональности и дефектности действий, что является источником принятого осуждения бюрократии. Однако то, что мы обычно критикуем, это не столько сама бюрократия, сколько патология бюрократии.

Тем временем бюрократию в ее чистой, идеальной форме (трактуемой в терминологии Вебера как «идеальный тип») отличают семь особенностей.

Во-первых, «чины», «посты» или «должности», то есть те особые социальные статусы, которые существуют в бюрократической организации, имеют иерархическую структуру, причем эта иерархия отличается множеством уровней. Здесь выстраивается, как мы обычно говорим, *бюрократическая лестница*. Каждый высший чин имеет по отношению к низшему существенные прерогативы и привилегии. В частности, чиновник, занимающий высший пост, может принимать решения и отдавать распоряжения, обязательные для чиновников более низких уровней, а также контролировать их выполнение. Он имеет по сравнению с более низкими чинами также более высокий престиж и более высокий заработок. Низшие чины требуют от своих чиновников подчинения указаниям и решениям высших чинов, при этом они имеют меньший престиж и более низкие заработки.

Во-вторых, здесь имеет место *специализация и разделение функций*. Каждый чин имеет четко обозначенный круг *компетенции* по отношению к двум потенциальным адресатам принимаемых им решений: чиновникам низшего уровня и просителям. Эта компетенция ограничена субъективно - кругом лиц, которые данному чиновнику подчиняются, а также объективно - кругом тех вопросов и дел, которых могут касаться принимаемые решения. Субъективные ограничения означают, что офицер может отдать приказ капралу, но не может что-либо приказать гражданскому лицу. Или войт, глава сельской администрации, может отдать распоряжение об эвакуации ввиду грозящего наводнения жителям его гмины (поселка или ряда селений), но не может ничего рекомендовать или приказать жителям соседнего города. Ввиду субъективного ограничения компетенции министр транспорта может отдать распоряжения, касающиеся дорожного движения, но не может устанавливать программы школьного обучения. В свою очередь, министр образования может регулировать число учащихся в учебных заведениях, но не может установить число призывников на военную службу.

Третья чрезвычайно важная особенность бюрократической организации - это абсолютная *деперсонализация* отношений между чиновниками, а также между чиновниками и просителями. Эти отношения должны быть свободны от всяких личных, интимных, эмоциональных моментов, они должны быть сосредоточены исключительно на деле, которое является предметом принимаемого решения. Здесь нет места симпатиям или антипатиям, сочувствию, сожалению, знакомству, зависимости. Нельзя принимать во внимание никаких частных обстоятельств, например личных качеств просителя или его статуса, посторонних, не имеющих отношения к тому делу, которое его связывает с данным чиновником. Для налогового инспектора не может иметь никакого значения ни красота налогоплательщицы, ни тот факт, что она является знаменитой певицей. Ему должно быть безразлично, что налогоплательщик является известным политиком, часто появля-

ющимся на экранах телевизоров. Все должно совершаться в соответствии с универсальными критериями, одинаковыми для всех граждан, на основе строгого следования букве закона и предписанной процедуре.

Четвертая особенность бюрократии - это требование, чтобы подбор чиновников на определенные посты также проходил на основе *универсальных*, а не партикулярных *критериев*, следовательно, во внимание должны приниматься только талант, способности, умение, профессиональные знания, необходимые для достойного выполнения служебных функций. Поиску наилучших с этой точки зрения кандидатов и отбору среди них в интересах дела должны способствовать, к примеру, открытые конкурсы.

Пятой особенностью бюрократии являются регулярные, установленные сверху критерии и процедуры продвижения по службе, избавленные от какого бы то ни было произвола. Чиновник должен иметь основания для продвижения по службе в той мере, в какой он достиг определенных успехов или проработал определенный срок (так называемая «выслуга лет»).

Аналогичный характер имеет и шестое требование - чтобы чиновники получали установленное сверху вознаграждение, связанное только с типом той службы, той должности, какую они занимают. Любые дополнительные единовременные поощрения могут иметь место в соответствии с установленными сверху принципами и критериями. Это не каприз, не прихоть его начальства: чиновник получает право на получение премии или награды, когда он выполняет дополнительные, чрезвычайные обязанности или когда он свои обычные обязанности исполняет каким-либо чрезвычайным способом.

Наконец, последняя особенность бюрократии - это, как определяет ее Вебер, письменная форма всяких действий, в том числе принимаемых решений. Суть дела, разумеется, не в использовании орудий письма и бумаги, это может быть магнитофонная лента, компьютерная дискета, видеозапись. Важно здесь, чтобы всё, что происходит между чиновниками, а также между чиновниками и просителями, было зарегистрировано, документировано. Регистрация необходима для контроля, а возможность контроля - это условие ответственности чиновников за все их действия. Неслучайно те, кто хочет избежать ответственности, сжигают документы, предпочитают заключать устные договоры, возят доллары в чемоданах и рассчитываются наличными, а не банковскими счетами, принимают решения «не для протокола».

Все эти требования, характеризующие идеальный тип бюрократии, конечно, на практике реализуются лишь приблизительно. Отклонения от этих требований формируют тот *реальный тип* бюрократии, который встречается повсеместно и который вызывает негативные ассоциации с самим этим термином. Дело в том, что каждая из семи перечисленных выше характерных черт бюрократии может стать сферой злоупотреблений и отклонений от нормы. Во-первых, вертикали подчинения и зависимости могут не всегда строго соблюдаться, при принятии решений можно миновать некоторые ступени, низшие звенья могут выпасть из прямого подчинения высшим инстанциям. Во-вторых, границы компетенции могут обозначаться слишком свободно и неточно, а также своевольно. В-третьих, nepотизм, коррупция, групповщина могут подорвать принципы деперсонализации и универсальности действий.

В-четвертых, подбор кадров на определенные должности может также происходить на необъективных партикулярных основаниях. В-пятых и в-шестых, вознаграждение и премирование чиновников может оказаться сферой весьма явного произвола, превратиться в систему раздачи привилегий вместо награждения на основе установленных правил. Ну, и в-седьмых, как мы уже сказали, чиновники могут маскироваться и придавать своим действиям анонимный характер, избегая их регистрации и документации².

Это наиболее часто встречающиеся болезни бюрократии, превращающие идеальную модель Вебера в ее противоположность. Но даже тогда, когда бюрократия действует в соответствии с принципами, заложенными в ее основу, ее действия могут привести к дисфункциональным последствиям. Многие социологи после Вебера обращали внимание на такого рода проблемы. Во-первых, чрезмерная специализация, слишком далеко зашедшая система разделения функций приводит к сужению кругозора и невозможности охвата более широкой панорамы с учетом всех оттенков и последствий совершаемых действий или принимаемых решений. Во-вторых, жесткость выработанных, регламентированных процедур исключает учет, принятие во внимание нетипичных случаев и ситуаций. В-третьих, сила инерции, заключающаяся в этой жесткой регламентации, не позволяет приспособиться к новым ситуациям или быстро меняющимся социальным условиям и обстоятельствам. В-четвертых, «обученная беспомощность» и пассивность противостоят вызовам, требующим принятия рискованных и нестандартных решений. В-пятых, наблюдается «перестановка целей», или придание самим процедурам значения самостоятельных ценностей, а не только чисто инструментального, измеряемого успешностью достижения исходных основных целей. В-шестых, определенной проблемой оказывается феномен *группового мышления*, или чрезмерная идентификация чиновников с организацией, которую они представляют, и не критичная лояльность к такой организации, что доминирует во всей системе их взаимодействий и взаимоотношений и не позволяет заметить и исправить ошибки и недостатки функционирования этой системы. В-седьмых, возникает синдром «22-го параграфа» (название заимствовано из известной повести Хеллера «Поправка-22»), иначе говоря чрезмерное нагромождение отдельных, не скоординированных друг с другом и даже противоречащих друг другу предписаний, в силу чего при исполнении одного предписания неизбежно войдешь в противоречие с другим или нарушишь это другое предписание. В-восьмых, в бюрократической среде возникает консерватизм, приверженность ритуалам, отпор новациям. В-девятых, формируется тенденция к *образованию олигархии*, то есть к тому, что контроль над организацией сосредотачивается в руках небольшой, часто неформальной группы, руководствующейся скорее собственными интересами, нежели интересами всей организации и тем более интересами граждан, которым эта организация должна служить.

Однако с наиболее радикальной критикой бюрократической системы выступают авторы, которые указывают на то, что доведенная до крайности бю-

рократия несет в себе огромную антигуманистическую угрозу, ибо она может довести дело до полного *овеществления* (реификации) административных людских сообществ, рассмотрения их в качестве пассивных объектов для манипуляций над ними и в конечном итоге их порабощения. Такой критический подход появляется у многих исследователей тоталитарных систем, в которых наблюдается колоссальное разрастание многоступенчатой и всеобъемлющей бюрократии. Недавно с аналогичной аргументацией выступил польский социолог, находящийся в эмиграции, Зигмунт Бауман, автор известной книги «Современность и Холокост»³. Он утверждает, что уничтожение евреев нацистским режимом оказалось возможным тогда, когда доведенная до совершенства бюрократическая машина стала трактовать умерщвление людей абсолютно безличностно, как чисто техническое задание, единственными важными критериями которого были эффективность и скорость реализации. Игнорирование всяких моральных импульсов по отношению к жертвам стало возможным благодаря доведенной до крайности, последовательной реализации адресованного бюрократической организации императива, который связан с требованием полной деперсонализации социальных отношений.

Бюрократия - это пример *формальной организации*, в которой как отдельные статусы (чины, должности), так и отношения между ними (служебные прагматические расчеты, пути продвижения по службе, структура руководства) очень точно определены и даже кодифицированы (в разного рода регламентах, кодексах административного поведения и т.п.). В формальных организациях доминируют социальные отношения того типа, который мы ранее определили как *вторичный*. Но общее понятие организации охватывает также менее формализованные конфигурации социальных позиций. Ведь организацией является также несравненно менее формализованная семья и даже совсем неформальная группа (круг друзей, приятелей), в которой различаются отдельные социальные позиции, например лидера, эксперта, вдохновителя («души общества»). Однако эти позиции и связанные с ними роли определены гораздо более свободно, а взаимные отношения намечены только в общих рамках (лояльность, доверие, помощь, когда таковая потребуется). Социальные отношения в неформальных организациях, главным образом, имеют *первичный* характер.

Оба типа организации - формальный и неформальный - могут накладываться друг на друга. Те же самые люди, которые действуют в сфере формальной организации и связаны вторичными отношениями, могут в то же самое время входить в неформальные организации и устанавливать между собой первичные, личные отношения. В идеальной модели бюрократической организации такая ситуация в принципе недопустима, ибо она противоречит фундаментальному правилу деперсонализации взаимных отношений. Запрет на личные отношения продиктован опасением деформации организационной системы, появления такого рода нарушений, как nepотизм, клановость, семейственность, групповщина среди чиновников. Нам известно также, к каким патологическим последствиям может привести наложение неформальной орга-

² См.: Blau P.M. Bureaucracy in Modern Society. New York: Random House, 1969.

³ Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Cambridge, Polity Press, 1989.

низации на формальную структуру в тюрьмах (так называемая «другая жизнь тюрьмы»), в армии (известная «дедовщина»). Но в некоторых случаях формирование неформальной организации в рамках формальной структуры может содействовать реализации ее целей или более совершенному функционированию, а также подъему уровня того удовлетворения, которое испытывают ее участники. Это было замечено впервые еще в 30-е годы XX в. в ходе исследований, которые проводил Элтон Мэйо в рабочих коллективах на заводе телефонных коммутаторов около Чикаго. Оказалось, что те бригады, члены которых лично знакомы друг с другом, связаны отношениями любви, дружбы, встречаются после работы, работают гораздо более производительнее и успешно, чем те коллективы, члены которых остаются анонимными, неизвестными друг другу и выполняют свои производственные задания «каждый за себя», а не «вместе». Позднее аналогичные результаты были получены в ходе исследований, которые Самуэль Стауффер (Samuel Stouffer) провел в американских воинских подразделениях на фронтах Второй мировой войны. Выяснилось, что так называемая боевая эффективность в значительной степени зависит от того, происходят ли солдаты из одного американского штата и представляют ли они одну и ту же расовую или этническую группу, ибо это облегчает установление между ними личных отношений дружбы и солидарности. Уже после войны Арон Вильдавский изучал случаи наложения неформальных организаций на формальные в клиниках, школах, университетах, и здесь также документально подтвердились позитивные функции этого явления.

Важнейшие понятия и термины

Бюрократическая лестница - типичная для бюрократической организации многоступенчатая иерархия позиций (постов, должностей), построенная в соответствии с тем объемом власти, который дает соответствующая позиция.

Бюрократия - широко распространенная ныне форма организации, призванная наиболее полно реализовать постулаты формальной рациональности, эффективности, безличности, пронизывающая всю современную культуру.

Главный статус - позиция, на которую данная культура накладывает наиболее сильный отпечаток, оказывает наиболее сильное воздействие, считая ее важнейшей.

Групповое мышление - чрезмерная идентификация и некритичная лояльность по отношению к организации, установившиеся во взаимодействиях и взаимных отношениях, исключающие фиксацию, признание и исправление ошибок и недостатков в функционировании этой организации.

Дискриминационные позиции - такие, которые затрудняют или вовсе исключают дальнейший шаг в последовательности позиций (карьере, продвижении).

Инструментальная эффективность - достижение наибольших результатов путем наименьших усилий (при наименьших затратах).

Ментальность среды - общность или сходство представлений, идеологий, мировоззрения, взглядов, исповедуемых и разделяемых людьми, занимающими одинаковые социальные позиции.

Механическая солидарность - ощущение общности, основанное на сходстве ролей, функций, жизненных ситуаций, исполняемых профессиональных обязанностей.

Общество организаций - одно из наименований современного общества, указывающее на великое множество организаций, к которым принадлежит каждый член общества, от которых он зависит и которые его окружают.

Объективные компетенции - круг вопросов, в отношении которых соответствующее ведомство (учреждение, орган администрации) может принять обязательные для исполнения решения.

Олигархия - овладение контролем над организацией со стороны небольшой, часто неформальной группы, руководствующейся все более собственными, эгоистичными, групповыми или фракционными интересами.

Периметрическая позиция - каждая позиция, входящая в социальный круг, расположенная по «периметру» тех контактов и взаимодействий, в которые чаще всего вступает каждый, кто занимает какую-либо позицию.

Последовательность позиций - набор позиций, занимаемых поочередно, как правило, следующих друг за другом (в профессиональной карьере, в биографии человека).

Предопределяющие позиции - позиции, которые увеличивают шанс занятия иной позиции в последовательности позиций (в профессиональной карьере, продвижении вперед и т.п.).

Реификация (овеществление) - обращение с подчиненными или гражданами и рассмотрение их в качестве безвольной, безучастной, пассивной массы, неспособной к принятию собственных решений и к самостоятельному выбору (иначе говоря, отказ человеку, людям в субъектности).

Ролевой конфликт - несоответствие ожиданий (возможностей), связанных с различными позициями, которые одновременно занимает одно и то же лицо.

Ролевое напряжение - несоответствие ожиданий со стороны различных партнеров, с которыми, как правило, имеет дело каждый, кто занимает какую-нибудь отдельную позицию, иначе говоря, конфликт между сегментами его роли.

Скрытые позиции - такие, которые не реализованы человеком в данную минуту и в силу этого не видны, не заметны непосредственно партнерам или наблюдателям.

Солидарность среды (социальная солидарность) - социальные связи и узы, ощущение коллективной идентичности «мы», возникающие между людьми, занимающими сходные позиции, особенно в профессиональной сфере.

Социальный круг - комплекс характерных «других» позиций, с которыми связана данная позиция, определяющий типичные направления взаимодействия и выбор типичных партнеров, с которыми каждый, кто занимает соответствующую позицию, устанавливает контакт.

Социальная организация - интегрированная совокупность социальных позиций и пронизывающая ее сеть социальных отношений, направленные на совместную реализацию какой-либо существенной социальной функции.

Социальная среда - однородный набор одинаковых или во всяком случае существенно схожих между собой позиций и ролей.

Социальная эндогамия - тенденция к заключению браков между партнерами равной, схожей социальной позиции.

Статусный набор - совокупность позиций, которые одновременно занимает одно и то же лицо.

Субъективные компетенции - круг лиц, по отношению к которым ведомство (учреждение, орган администрации) может принять обязывающие их решения.

Центральный статус - позиция, которую человек считает для себя наивысшей, наиболее значимой и с которой он более всего идентифицирует себя в рамках статусного набора.

Явная позиция - позиция, особо активизированная в данном контексте, наиболее важная для действий и взаимодействий, именно там происходящих и предпринимаемых, на которую реагируют партнеры или наблюдатели.

Рекомендуемая литература

22, 47, 85 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 6

От организации к социальной структуре

Теперь мы должны сделать последний шаг по пути строительства все более абстрактных категорий, посредством которых анализируется общественная жизнь. Введем понятие *социальной структуры*, уже окончательно оторванное от отдельных лиц, а характеризующее исключительно то, что мы условно, называем *межличностным пространством*: именно оно составляет самую фундаментальную и характерную особенность общества.

ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ (1858-1918)

Немецкий интеллектуал, который в различных эссе, публицистических статьях, докладах и публичных лекциях выразил множество оригинальных мыслей и наблюдений на темы социальной жизни. Он собрал их в книге «Социология» (1908), а еще ранее в книге «Философия денег» (1900). Уже посмертно было издано множество собраний сочинений, статей Зиммеля под редакцией его учеников и последователей.

Зиммель искал специфическую область для исследований, предпринимаемых в социологии, такую, которая позволила бы отделить эту дисциплину от истории, психологии и других наук о человеке и обществе. Такой областью являются чистые формы социальной жизни, которые можно анализировать независимо от конкретных контекстов, в каких они выступают, независимо от содержания, каким они наполнены. Конфликт, конкуренция, кооперация, господство, зависимость, близость, отчуждение, социальная дистанция и т.п. - все это имеет свои определенные особенности, правила и характеристики независимо от того, когда, где, между кем соответствующее явление возникает. Точно так же, как линии, квадраты, треугольники или окружности могут быть исследованы в геометрии в отрыве от их материального субстрата. Эту мысль он доводит до постулата абстрактной социальной геометрии, иначе говоря, формальной социологии как оптимального способа рассмотрения и упорядочения социологического материала.

Социальные формы не являются чем-то данным изначально, скорее они внедряются в социальную жизнь в итоге и посредством деятельности отдельных людей. Эти формы также подлежат постоянным изменениям и колебаниям в итоге и посредством деятельности отдельных людей. Возникновение, сложение и изменение социальных форм происходит из естественной для людей прообщественной ориентации, импульса к установлению контактов с другими лицами. Наиболее чистыми проявлениями такого импульса можно считать игры, беседы, товарищеские встречи, искусство. Этим незаинтересованным, самодостаточным (чья цель заключается в самом факте их существования) контактам противостоят инструментальные контакты: конкурентная борьба, торговые соглашения, политическая власть. Простейший контакт двух лиц образует диаду. Когда число партнеров увеличивается, изменяется и характер контактов, независимо от того, в какой области он происходит и о чем по существу идет речь. Например, в триаде появляются совершенно новые феномены, такие как возможность коалиции двух против третьего, возможность посредничества, арбитража в споре, возможность укрепления своей позиции посредством стратегии «разделяй и властвуй», а также возможности решения спорных вопросов большинством.

Зиммель анализировал контакты между людьми как субъективно равный эквивалентный обмен определенными ценностями. Наибольшее внимание он уделял конфликтам, возникающим между людьми, обращая внимание на то, что конфликты такого рода имеют не только деструктивные, но и позитивные последствия. Например, конфликт с внешними группами усиливает, укрепляет внутреннюю сплоченность и интеграцию определенной группы.

Литература

Simmel G. Socjologia [Социология]. Warszawa: PWN, 1975.

Simmel G. Filozofia pieni dza [Философия денег]. Poznań: Wydawnictwo Fundacji Humaniora, 1997.

Magala S. Simmel [Зиммель]. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1980.

Szczepański J. Socjologia: rozwój problematyki i metod [Социология: развитие проблематики и методологии]. Warszawa: PWN, 1969 S 393-404.

Szacki J. Historia myśli socjologicznej [История социологической мысли]. Т. II. Warszawa: PWN, 1981. S. 505-514.

Структура как социальная форма

Когда мы рассматривали понятие социальной организации, там как бы еще присутствовали люди, хотя и освобожденные уже от своей индивидуальной ипостаси. Они выступали как типичные представители социальных статусов или исполнители социальных ролей. В понятии социальной структуры уже исчезают лица, позиции и роли, остается только чистая *сеть отношений* между ними, то есть исключительно форма организации, а не организация во всей ее полной сути.

Предшественником учения, на котором основано современное, абстрактное понятие структуры, был в XIX в. немецкий мыслитель Георг Зиммель. Привязанный к архаичному, принятому философскому разделению формы и содержания, он вводит в социологию категорию социальной формы. Он тре-

бует рассматривать социологию как своего рода «социальную геометрию». Так же как геометрия исследует определенные фигуры или конфигурации (окружности, квадраты, углы, линии, физические тела), выявляя их свойства и закономерности совершенно независимо от того, какое они имеют реальное, материальное наполнение, на чем они запечатлены (на бумаге, на поверхности стола, на стене здания), так же и социология должна исследовать чистые социальные формы, определяя их особенности и свойственные им закономерности, абстрагируясь от того, где и как они выступают в реальной социальной жизни.

Одной из таких форм социальных отношений является для Зиммеля, к примеру, конфликт, независимо от того, идет ли речь о конфликте между супругами, о ссоре работника с его шефом, о драке двух школьников или о военном столкновении. Другой подобной формой является сотрудничество, и снова ее можно исследовать независимо от того, реализуется ли она в работе двух исследователей в университете, в отношениях между торговцами на рынке или в эстафете спортивного бега на стадионе. Еще одна такого рода форма - это власть, будь то власть отца над ребенком, предводителя над членами банды или епископа над приходским ксендзом. В более сложной сети социальных отношений такой формой может быть, например, кооперация, независимо от того, имеет ли она место в рабочей бригаде, в военном подразделении или в мафиозной структуре. Еще одна форма - это иерархия, независимо от того, встречается она на производстве, в армии или в университете.

Продвигаясь по пути, указанном Зиммелем, можно рассматривать саму по себе форму, конфигурацию или образ социальных отношений в рамках социальной организации в отрыве от того, кого связывают эти отношения (между какими позициями и ролями они проявляются) и каково содержание этих отношений (с какого рода взаимными действиями, нормативно предопределенными характером соответствующих ролей, мы имеем дело). Можно, к примеру, обнаружить, что такая конфигурация имеет централизованный характер, поскольку отношения концентрируются вокруг одной позиции. Такого рода форму мы можем встретить в правительстве, мафии или в симфоническом оркестре. В другом же случае отдельные позиции выстраиваются линейно, например мы непосредственно связаны только с теми, кто занимает соседние позиции, и при этом не принято перескакивать через ступеньку, нарушать определенную очередность и последовательность или вовсе избегать какого-либо звена, и снова все это совершенно независимо от того, идет ли речь о служебной карьере в учреждении, о «цепочке руководства» в армии или о разговоре между двумя сидящими рядом собеседниками за свадебным столом.

Именно такую чистую конфигурацию социальных связей, независимо от того, между кем они существуют и чего касаются, мы называем в современной социологии *социальной структурой*. Иногда в таком случае мы говорим об *атрибутивном понятии структуры*, последняя трактуется как характерная черта, признак, атрибут, свойственный социальным организациям. Такое понятие отличается, а именно является более абстрактным, от используемого порой в обыденном сознании, где оно приобретает более конкретный объек-

тивный характер (в таком случае мы говорим о реалистическом понятии структуры). В научном смысле мы чаще всего говорим, что какой-либо объект «обладает» определенной структурой, «имеет» такую структуру, в то время как на обыденном уровне мы можем утверждать, что какой-либо объект «является» структурой, «становится» структурой. Так, скажем, обращаясь к примерам из области, находящейся вне социальных отношений, такое конкретное употребление понятия «структура» будет иметь место, когда мы заявим, что этот дом, или эта церковь, или этот стол является структурой. Тем самым мы только заявляем, что это так или иначе построенные, сложенные из разнородных элементов конструкции. Зато когда мы говорим в более абстрактной форме, что тот или иной дом имеет башенную структуру, та или иная церковь имеет готическую структуру, а тот или иной стол является овальным, мы не только указываем на то, что все это довольно сложные, созданные из разных элементов конструкции, но, главное, определяем, как именно они построены, сконструированы, какие связи существуют между составляющими их элементами: кирпичами, балками, бревнами, сводами (перекрытиями), окнами, досками, плитами, мы их как бы идентифицируем и отделяем от других построек или предметов мебели. Понимаемая таким образом структура может воплотиться во многих облициях, весьма различающихся между собой по индивидуальным и конкретным признакам. Высотные дома-башни в нью-йоркском Манхэттене и в Познани, Университет имени Ломоносова в Москве и Дворец культуры в Варшаве, кафедральный собор в Кёльне и Марьяцкий костел в Кракове, круглый стол в Совете безопасности Организации Объединенных Наций и столик в парижском кафе - все это пары структурно схожих объектов, которые в то же время структурно отличаются, скажем, от индивидуальных домиков на одну семью, барочных храмов или от конторок в учреждениях. Чистая структура - это то, что архитектор рисует на чертежной доске или столяр обозначает как эскиз. Ведь это еще не дома, не столы, а только их *формы*. Возвращаясь к области социальных отношений, скажем, что аналогично схема организации, висящая на стене в кабинете директора фирмы, - это не фирма, а только ее структура. Схема командования, украшающая зал церемоний в армейском штабе, - это, конечно, не армия, а только структура армии.

В социологии обычно различаются так называемые микроструктуры и макроструктуры. Некоторые социологи используют эти категории в духе, близком обыденному мышлению, так, словно речь идет здесь о размерах определенных социальных объектов (например, семья или круг друзей - это для них микроструктуры, а социальный класс или нация - это макроструктуры). Может быть, следовало бы в таких случаях говорить просто о малых или больших группах, а понятие структуры оставить в его специфическом, атрибутивном смысле чистой формы.

Именно так поступает современная социология. В ее смысловом значении *микроструктура* - это сеть связей между основными элементарными составляющими социальной жизни, то есть такими, которые с точки зрения социологии рассматриваются как конечные и далее неделимые (например, групповая структура как сеть связей между членами группы; структура организации

как сеть связей между социальными позициями и ролями). Оговорка «с точки зрения социологии» в данном случае необходима, ибо в какой-либо другой научной дисциплине человек может вовсе и не быть такой «конечной» единицей, «неделимым» элементом, а выступать в качестве сложной системы, имеющей свою внутреннюю структуру. Для медицины таким конечным элементом может быть, к примеру, клетка или ткань, для химии - молекула, для физики - атом. Однако для социологии самой малой величиной рассматриваемых объектов, не подверженной дальнейшему разделению на части, является просто действующий человек. Зато *макроструктура* - это как бы структура другого ряда, сеть связей между сложными социальными объектами, то есть такими, которые и сами обладают структурами (такова, например, политическая структура как сеть связей между политическими партиями, парламентом, правительством, группами давления, местными органами самоуправления; экономическая структура как сеть связей между предприятиями, ведомствами, банками, магазинами, оптовыми складами и так далее).

Наиболее известные применения такого структурного подхода в социологии касаются трех видов организаций. При исследованиях семьи в примитивных обществах социальные антропологи указывают на различные виды *структур кровного родства* - на своеобразные формы отношений в рамках малой или большой семьи. К примеру, они выделяют билатеральные структуры, в которых дети считаются связанными узами кровного родства одинаково с родственниками как отца, так и матери, а также унилинейные структуры, где родство признается только по линии отца (на патрилинейной основе) или только по линии матери (на матрилинейной основе). Бесспорным является то, что в большинстве (двух третях) известных нам обществ проявляется та или иная ипостась унилинейной структуры, что интерпретируется как эффект эволюционной адаптации, ибо такая структура обеспечивает значительно большую однозначность позиции ребенка и предотвращает конфликты, напряженность и дилеммы лояльности в случае противоречий и столкновения интересов между родственниками отца и матери. В исследованиях, проведенных на промышленных предприятиях и в административных организациях, школа так называемой групповой динамики выявила различные *коммуникативные структуры*, или типичные виды «каналов достижения взаимопонимания», по линии которых развивается диалог и общение, идут переговоры, происходит обмен информацией или поручениями. Выше мы уже писали, насколько различны шансы установления взаимодействия или партнерских контактов между лицами, оказавшимися за традиционным праздничным столом, и участниками столь модных в сфере дипломатии «круглых столов», а также теми, кто может пользоваться еще более открытым доступом, общением друг с другом и свободным перемещением, скажем, на вечеринке аля фуршет (standing party) или дискотеке. Американский социальный психолог Гарольд Ливит (Leavitt) выявил в ходе экспериментальных исследований, как влияют на развитие взаимодействия (интеракции) четыре различные коммуникативные структуры: «окружность», «круг», «цепь» и «игрек» (рис. 1).

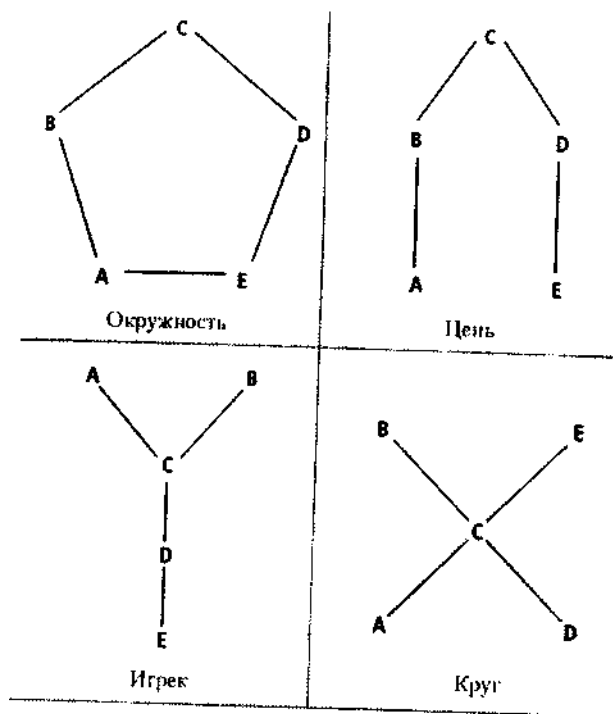

Рис. 1. Типы коммуникативных структур

Наконец, при исследовании неформальных дружеских объединений и товариществ на предприятиях, в трудовых коллективах итальянский социолог Якоб Морэно вскрыл наличие так называемых *социометричных структур*, или типичных видов взаимной симпатии, антипатии или равнодушия, которые проявляются между участниками - членами этих групп. Он показал, как сильно отличается климат, характер функционирования группы, все члены которой дарят друг другу свое признание и дружбу, от того, что происходит в группах, где таким признанием и дружбой пользуются лишь избранные лица, число которых ограничено. В этом случае идет явное образование подгрупп, кланов (клик) или фракций, что создает почву для конфликтов и напряженности. Примерные структуры этих двух типов можно проиллюстрировать на социограммах (рис. 2).

Структурная детерминация

Что дает открытие, позволяющее идентифицировать различные типы структур, имеющих место в организациях? Может быть, это всего лишь интеллектуальная игра? Главный смысл аналитических построений такого рода заключается в том, что сама структура, независимо от всех других факторов,

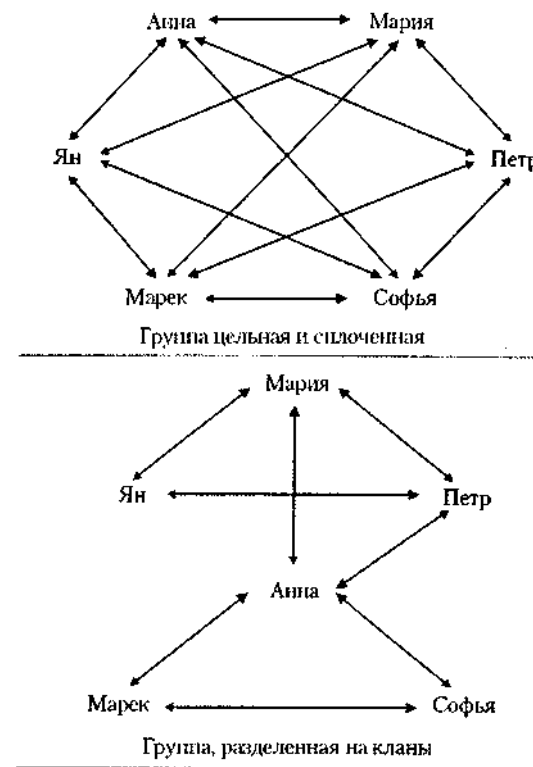

Рис. 2. Примеры социограмм

существенных для функционирования социальных организаций, в весьма значительной степени предопределяет, что происходит в организации, как она функционирует, как реализует свои цели. В этой связи мы говорим о *структурной детерминации*, в отличие от детерминации генетической, причинной, функциональной и т.п. Сильные, выразительные, квазиэкспериментальные доказательства того, как важен структуральный фактор, дает опыт промышленных предприятий с их постоянными попытками реформирования организационных структур (реорганизациями, реструктуризациями), которые должны привести к повышению эффективности производства, улучшению качества продукции и в то же время к росту удовлетворения работников, к подъему морали в коллективе, к совершенствованию стиля работы и т.п. Так называемая линейная структура, бывшая долгое время типичной и преобладающей в промышленных, производственных организациях, базирующаяся на многоступенчатой жесткой иерархии подчинения, с единоличными решениями и единоличной ответственностью на каждом уровне, обнаружила свою слабость в период быстрых изменений технологии, рыночной ситуации, колебаний спроса. Недостаточная компетенция руководителей, неспособных к быстрой и адекватной реакции на новые условия, должна была подтолкнуть к воспол-

нению пробелов в руководящей, штабной структуре, которая включила в себя специальные институты профессиональных советников. Следующий шаг был связан с формированием все более свободных, неформальных, асимметричных структур, открывающих простор инициативам и новациям со стороны всех работников предприятия.

РОБЕРТ К. МЕРТОН (1910-2003)

Американский социолог, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке, признан одним из наиболее крупных, прославленных ученых XX в. К числу его наиболее значительных произведений относятся «Социальная теория и социальная структура» (Social Theory and Social Structure, 1949, 2-е изд. - 1957, 3-е - 1968), «Социология науки» (The Sociology of Science, 1973), «Социологическая амбивалентность» (Sociological Ambivalence, 1976). Он ввел немало понятий, которые относятся ныне к повсеместно признанным канонам социологической мысли.

Прежде всего, в его трудах получила развитие общая теория общества - открытая, свободная от догматизма версия так называемого «функционализма», принимающая во внимание феномены конфликта и социальные изменения. Он также является автором многих, как их называют, «теорий среднего радиуса действия», то есть теорий, предлагающих модели и содержащих обобщения, касающиеся четко определенного поля эмпирических данных. К таковым относятся его теории социальных ролей, референтных групп, аномии, бюрократии, самосбывающихся пророчеств и др.

Главную социологическую перспективу он определял как поиск непреднамеренных последствий индивидуальных и коллективных действий людей. Социальная структура, по его определению, это сеть норм и ценностей, выступающих в ипостаси социальных ролей, концентрирующихся вокруг различных социальных статусов, а также институтов, существенных социальных функций. В структуре выявляются внутренние противоречия и напряжения: ролевой конфликт, ролевое напряжение, «социологическая амбивалентность» и нормативные антиномии. Такой характер структуры вызывает реакции с отклонениями различного типа: инновации, ритуализм, репримизм (уход в сторону) или бунт. Социальная структура подлежит постоянным изменениям. Важнейшими источниками изменений являются нормативные инновации вместе с «институциональным несоблюдением существующих норм», что вызывает их постепенную эрозию и исчезновение.

Особой ветвью социологии, которой Мертон уделил наибольшее внимание, является социология науки. Мертон считается ее создателем. Уже в первой своей книге он анализирует генезис экспериментальной науки в Англии XVII в., связывая ее появление с распространением пиетизма, второго после пуританизма главного составного элемента протестантской религии. Раздумья над деградацией науки в гитлеровской Германии привели его к формулированию концепции научной этики, составляющей фундамент этого своеобразного феномена. Он исследовал механизм достижения научного карьеры, распределения признания в науке, функционирования научных сообществ и объединений, социальные

условия открытий и изобретений, особенно феномен одновременных открытий, а также различные патологические явления в науке: плагиат, фальсификация, селекция и приукрашивание экспериментальных результатов.

Литература

Merton R.K. Teoria socjologiczna i struktura społeczna [Социальная теория и социальная структура]. Warszawa: PWN, 1982.

Turner J.H. Podejście akcentuj ce bilans funkcji: Robert K. Merton [Подход, акцентирующий баланс функций: Роберт К. Мертон] // Struktura teorii socjologicznej. Warszawa, PWN, 1985.

Sztompka P. Merton [Мертон] // Encyklopedia Socjologii. T. III. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1999. S. 199-203.

Четыре аспекта структуры

Давая определение тому, что такое социальная структура, выше мы уже в общей форме говорили, что это конфигурация отношений между социальными позициями. Следует, однако, вспомнить, что еще раньше, характеризуя социальные позиции, мы указывали на четыре вида связанных с ними атрибутов. Во-первых, это социальные роли, то есть нормативно определенные обязанности и права каждого, кто данную позицию занимает. Во-вторых, это типичные для данной позиции взгляды и убеждения. В-третьих, характерные интересы или жизненные шансы. В-четвертых, типичные направления взаимодействий, предпринимаемых лицами, занимающими соответствующие позиции.

Через социальные отношения все эти атрибуты одной позиции оказываются связанными с атрибутами других позиций. Соответствующим, своим способом связаны между собой также социальные роли; например, отношения оказываются в равновесии, когда права и обязанности одной стороны подобны правам и обязанностям другой, и противоположный характер имеют отношения в эксплуататорском обществе. В свои особые отношения входят взгляды и убеждения, характерные для отдельных позиций. Так, социальные отношения, основанные на согласии (близости) взглядов, носят консенсуальный характер, и совсем иные социальные отношения складываются, когда речь идет о резком различии взглядов, легко вызывающем споры. То же самое касается сферы интересов или жизненных шансов. Соответствие интересов придает иной, а именно кооперативный, характер социальным отношениям, нежели противоположность интересов, доводящая дело до напряженности и конфликтов. Наконец, и направления типичных взаимодействий приводят к пересечению и наложению друг на друга социальных кругов, типичных для разных позиций (например, круг знакомых социолога и круг знакомых историка, работающих в одном и том же университете, могут частично совпадать, накладываться друг на друга), или, напротив, к изоляции таких кругов (например, круга друзей священника и круга приятелей дилера, торгующего автомобилями). Другая чисто формальная особенность зависит от того, ищем ли мы партнеров для взаимодействия среди себе по-

добных (гомофилия, монофилия) или же среди лиц, от нас отличающихся (гетерофилия).

Это свидетельствует о том, что сама форма единичных социальных отношений позволяет разложить на четыре группы формальные характеристики, касающиеся отношений между нормами, убеждениями, интересами и каналами взаимодействия. Переноса этот принцип на социальную организацию, в частности на ее структуру, можно также выделить четыре измерения таких структур. Назовем их следующим образом: нормативная структура, идейная структура, структура интересов и структура взаимодействия (или интеракционная структура). *Нормативная структура* - это сеть отношений между правилами действий и поведения различных лиц, занимающих различные позиции, выступающих и действующих в рамках определенной организации. Под этим углом зрения общей характеристикой организационной структуры может быть, к примеру, согласие, взаимная комплиментарность, симметричность таких правил, точное разграничение компетенций, осмысленное, оправданное разделение труда. В таком случае мы скажем, что данная нормативная структура является гармоничной. Напротив, правила поведения и действий могут быть взаимно не согласованными, не стыкующимися друг с другом, взаимно блокирующими друг друга, компетенции могут накладываться друг на друга. Тогда мы скажем, что такая нормативная структура является хаотичной. Подчеркнем, что при этом мы описываем чисто формальные признаки и особенности структуры, независимо от того, о каких конкретно правилах идет речь.

Идейная структура - это сеть отношений между убеждениями и взглядами (идеалами) лиц, занимающих разные позиции в рамках определенной организации. Здесь снова выступает значительное различие между структурами гомогенными (в плане сходства убеждений независимо от их содержания) и организациями гетерогенными с этой точки зрения. О первых мы скажем, что их характеризует консенсус (например, такова церковная организация, признающая общую истину веры), о вторых - что их отличает плюрализм взглядов (например, научно-исследовательский институт, парламент). Существенное различие основано также на том, известны нам или неизвестны взгляды и убеждения, характерные для других партнеров в данной организации. В первом случае мы скажем, что структура является прозрачной, во втором - что она является скрытой, секретной (Гордон Олпорт описывал формирующийся в такой ситуации весьма существенный психологический феномен, называя его «плюралистическим невежеством»).

Структура интересов (шансов доступа к общественно ценным и ценимым благам, то есть привилегиям или ущемлениям) также может обретать характерный облик независимо от того, о каких интересах идет речь. Когда интересы сходны, возникнет ситуация, радикально отличающаяся от той, какая сложится, если интересы различны. Близкой к первому образцу является семья, в которой значительная часть интересов оказывается общей, разделяемой всеми ее членами. Зато противоположным примером может служить правительство, в котором каждое ведомство старается форсировать собственные требования и изыскивать наибольшие средства для их реализации. Когда интересы и жизненные шансы, связанные с позициями в рам-

ках определенной организации, не только различны, но и неравны, мы говорим о неэгалитарной структуре. Ральф Дарендорф в духе более ранних анализов классовых структур, проведенных Карлом Марксом, вводит понятие «императивно скоординированных коллективов», распространяя его на описание таких организаций, в которых проявляется неизбежная противоположность интересов между начальством и подчиненными, между руководящей администрацией и работниками. Примером для него служит организация в сфере промышленного производства и административно-бюрократическая структура.

Наконец, *структуры взаимодействия* (интеракционные), или типичные формы коммуникаций между лицами, занимающими разные позиции в организации, могут отличаться открытостью, легкостью установления и продолжения контактов или, напротив, препятствиями и ограничениями в этом направлении. Дружеский круг или семья - это примеры открытых структур; напротив, фирма, какое-нибудь учреждение, правление - это структуры, в которых на первый план выступают позиции, закрытые для непосредственных контактов (директора, председатели или президенты корпораций, министры). Важным является также тип и характер коммуникационных каналов (о чем речь шла выше), или, иначе говоря, социометрических конфигураций.

Каждая из этих отдельных, выявляющихся в рамках одной организации структур имеет свое влияние на ее функционирование, климат взаимоотношений, достижение целей данной организации.

Динамика структур

До сих пор мы вели речь об организационных структурах в статичной перспективе. Между тем, как все в общественной жизни, так и эти образы, формы «межличностного пространства» сами подвержены непрерывным видоизменениям, оказываются текучими и изменчивыми. Предшественником динамичного подхода к рассмотрению социальных структур был Норберт Элиас. Он ввел понятие *фигурации* для характеристики социальных структур, которые находятся в непрерывном процессе формирования и распада. Примером для него служил танец. Глядя на танцующих партнеров или на весь бальный зал, мы наблюдаем непрерывное движение, плавное изменение поз, позиций. А ведь за этим скрываются определенные формы, которые позволяют нам сказать, наблюдаем ли мы танцующих вальс или фокстрот, а может быть, рок-н-ролл. В социальном мире мы тоже как бы танцуем на общественной сцене, действуем, вступаем во взаимодействие, входим в социальные отношения, а формы этих отношений определяются только нашими неустанными действиями, акциями, реакциями, продуцируются и репродуцируются нашей деятельностью¹. С концепцией Элиаса связано прямо введенное Энтони Гидденсом понятие *структуриации*, само звучание которого призвано подчеркнуть имманентную динамичность всех социальных форм.

¹ Elias N. What is Sociology? London: Hutchinson, 1978.

Существующие структуры формируют те рамки, в которых разворачивается деятельность людей. В этой связи они оказывают существенное влияние на ход действий, формируют фактор «сопричинности» - совместной детерминации действий. Такая структурная детерминация имеет двоякий характер: с одной стороны, негативный - ограничительный в тех случаях, когда структуры создают определенные барьеры, за которые действие не может выйти, ограничивают репертуар возможных действий; с другой - высвобождающий, содействующий, стимулирующий действия определенного рода.

В повседневной жизни мы чаще всего ощущаем структурные ограничения и отдаем себе в них отчет. Каждый человек испытывает какое-либо общественное давление, сталкивается с какими-либо установленными барьерами, ограничивающими его свободу. Он хотел бы спать до полудня, а нужно вставать и идти на работу; он хотел бы пойти в кино, а ему нужно идти на семинарские занятия; он охотно назначил бы свидание Галинке Млынковой, но у него нет шансов познакомиться с ней; он думает, что негры на самом деле глупы и ленивы, но стыдится признаться в этом; он наверняка неплохо развлекся бы в новогоднюю ночь в отеле «Форум», но ему не хватает необходимых для этого двух тысяч злотых. Наши стремления, мечты, убеждения, надежды, притязания постоянно наталкиваются на какие-нибудь внешние препятствия. Чаще всего эти препятствия имеют общественную, социальную природу, они закодированы в ограничительных структурах.

Гораздо реже мы ощущаем позитивное значение структур и отдаем себе отчет в том, что они делают возможными, облегчают и стимулируют определенные наши действия. Окружающие нас структуры в этом отношении немного напоминают воздух, необходимый для поддержания нашей жизни, но незаметный, прозрачный, нами не ощущаемый и не замечаемый. Как могли бы мы поприветствовать знакомого, встреченного на улице, если бы он не знал, что именно значение приветствия имеет тот жест, которым мы приподнимаем шляпу (а это как раз и регулируется нормами обычаев нашей культуры, заключенными в нормативной структуре); как смогли бы мы пойти на лекцию, если бы не знали, кто выступает с лекцией, на какую тему, в котором часу, в какой аудитории (а именно все это определяется структурой взаимодействия); откуда узнали бы, когда всходит солнце, если бы не астрономические знания (заключенные в идейной структуре); и что бы осталось нам от нашей власти, если бы никто нас не слушался (а такое послушание гарантирует система иерархических уровней и различий в структуре интересов).

Попробуем в несколько более систематичной форме подвести итоги того, что сказано о двусторонних - ограничительных и стимулирующих - функциях социальных структур. *Структура взаимодействия* закрывает определенные каналы коммуникаций, делая невозможными контакты между некоторыми лицами или некоторыми социальными позициями (подданные не имеют непосредственного доступа к королю, рядовой проситель - к министру, солдат - к маршалу; за столом на банкете практически можно общаться и разговаривать только с соседями слева и справа), но зато открывает другие каналы, стимулируя или облегчая интеракционные связи и взаимодействия (профессор объявляет дежурства, чтобы встретиться со студентами; на каникулах

организуются вечера отдыха; в итальянских маленьких городках принято по вечерам выходить на рыночную площадь, чтобы поболтать со знакомыми; в Нью-Йорке одинокие люди могут зайти в singles bars, которых там множество, чтобы завязать знакомства; артисты встречаются в кафе, бизнесмены - в эксклюзивных клубах).

Структура интересов ограничивает средства, необходимые для определенных действий (бедный человек отказывает себе в том, чтобы пообедать в роскошном ресторане; какой-нибудь малоизвестный человек вряд ли имеет шансы, что его пригласят для выступления по телевидению; лицо, лишенное авторитета, не в силах что-либо приказать другим), но может также и содействовать определенным действиям, обеспечивая для этого необходимые средства (высокообразованный человек имеет шансы получить соответствующую высокую должность в своей профессиональной сфере; перед знаменитым артистом открываются все двери; миллионер может себе позволить наиболее изысканные развлечения и удовольствия).

Нормативная структура запрещает определенные действия или старается воспитать, привить человеку нежелание совершать такие действия (не убий, не прелюбодействуй, не укради!), но и навязывает совершение определенных действий или склоняет человека на такое свершение (модно одевайся, поступай порядочно и благородно, будь лояльным, помогай своим ближним).

Идейная структура подталкивает к тому, чтобы отбросить определенные убеждения (суеверия, мифы, предрассудки, шовинистические доктрины), но вместе с тем требует, чтобы человек признал и разделил другие убеждения и взгляды (научные, рациональные, демократические).

Такими многообразными способами, негативными и позитивными, возводя барьеры и разрушая их, социальные структуры определяют то поле, на котором люди предпринимая действия и взаимодействия. Они устанавливают созданные таким образом рамки, границы человеческой активности.

Важнейшие понятия и термины

Идейная структура - конфигурация убеждений и взглядов людей, выступающих в рамках определенной организации и занимающих в ней различные позиции.

Микроструктура - сеть связей между элементарными составляющими социальной жизни - действующими единицами.

Нормативная структура - конфигурация правил поведения и действий различных лиц, занимающих неодинаковые позиции и выступающих в рамках одной организации.

Социальная структура - чистая конфигурация, форма разнонаправленных социальных отношений, независимо от того, между кем складываются эти отношения и чего они касаются.

Социограмма - графическое изображение социометрической структуры.

Социометрическая структура - комплекс взаимных симпатий, антипатий или равнодушия, которые складываются и проявляются в отношениях между членами группы.

Структура взаимодействия (интеракционная структура) - типичные направления взаимодействия, а также доступные каналы коммуникаций между лицами, занимающими разные позиции в организации или группе.

Структура интересов - характерный для группы или организации расклад шансов на доступ ее членов к благам, представляющим общественную ценность.

Структура родства - своеобразный характер отношений между членами малых и больших семей, определяемый по рождению или супружескому акту (во втором случае мы обычно говорим не о кровном, а о дальнем родстве, формировании отношений между «своояками», или «свойственниками»).

Структуризация - процесс формирования, репродуцирования и использования структур в делах и действиях членов общества.

Фигурация - структура, рассматриваемая в динамике, в непрерывной, плавной изменчивости, в процессе кристаллизации и распада.

Рекомендуемая литература

22, 47 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 7

От массовых действий к социальным движениям

В последних главах мы ввели набор социологических понятий для описания активности людей, действий, предпринимаемых ими в окружении других действующих лиц. Мы исходили при этом из предпосылки, что социальная жизнь - это только то, что делают индивиды, находящиеся в межличностном пространстве. Поведение, деятельность, поступки, контакты, взаимодействие людей, их связь с другими людьми посредством системы социальных отношений, организаций и структур мы должны учитывать при любом анализе общества. Однако до сих пор все наше внимание было сосредоточено на *индивидах*, мы рассматривали общество в перспективе отдельно взятого человека, каким-то образом погруженного в межличностное пространство: предпринимающего свои действия в окружении других людей, принимающего во внимание их присутствие, направляющего свои действия на других лиц и остающегося под влиянием действий, предпринимаемых другими людьми.

Но люди не действуют только в одиночку. Часто они совершают свои действия *вместе*, коллективно. Поэтому следующий шаг в направлении более полного постижения более сложной картины социальной жизни должен заключаться в анализе ситуации, в которой люди обращаются к различным формам *совместной, коллективной активности*.

Массовое общество

Одной из характерных, отличительных черт современного общества является его *массовость*. Очевидно, что мы действуем главным образом в окружении огромного количества других людей, в больших коллективах. Это проявляется во всех контекстах социальной жизни. К примеру, урбанизация означает, что мы ходим по улицам, полным народа, живем в домах-«муравейниках» вместе с сотнями других жильцов, совершаем покупки среди толпы в супер-

маркетах, при езде по городу оказываемся в пробках, простирающихся на километры. Индустриализация означает, что мы работаем на заводах, в учреждениях, институтах среди сотен других сотрудников. Всеобщий характер образования приводит к тому, что мы учимся в переполненных классах, сидим на полу в лекционных залах, толпимся в очереди на экзаменах. Массовость отдыха означает, что мы загораем на переполненных людьми пляжах, толпимся в киношных «мультиплексах», в дискотеках и безумствуем в толпе фанатиков на стадионах. Даже молимся мы порой среди миллиона единоверцев (когда мессу служит Папа). Массовые формы поселения, массовое производство, массовое обеспечение, массовое образование, массовые развлечения, массовая культура, массовые коммуникации, массовая религиозность и т.п. – все это типичные черты современности. В таком массовом обществе коллективная деятельность становится повсеместно распространенной формой социальной жизни.

Выделим три вида коллективной активности: массовые действия, коллективное поведение и коллективные действия, причем в последнем случае наиболее важным проявлением этого вида становятся социальные движения. Главная разница между этими тремя формами коллективной активности определяется степенью действительной, реальной совместности, общности, единства действия. Здесь существуют три возможности. Во-первых, люди действуют сходно, хотя и независимо друг от друга, вне личных контактов, сами по себе, по отдельности. Во-вторых, они оказываются в непосредственной близости, находятся в той же самой ситуации, но действуют еще как бы друг подле друга, скорее параллельно, нежели совместно. В-третьих, люди действительно действуют вместе, они связаны друг с другом, их действия скоординированы и направлены на осуществление общих целей. Рассмотрим все эти три случая поочередно.

Массовые действия

В случае массовых действий люди действуют еще по отдельности, каждый руководствуется при этом какими-либо своими собственными, частными целями, индивидуальными мотивами, соображениями и намерениями. Но принципиальная новизна заключается именно в массовости таких действий. Из того обстоятельства, что подобные действия предпринимает очень большое количество людей, вытекают некие важные для всего общества в целом последствия, которые отдельными участниками этих действий, не были не только специально задуманы, но и не могли быть предвидены. Так, когда я иду в магазин за покупками, я выбираю те товары, которые мне нужны, которые мне нравятся, покупку которых в соответствии с их стоимостью я могу себе позволить. Каждое решение о покупке обусловлено различными частными обстоятельствами и деталями. При этом я и не думаю, что в тот же самый момент в тысячах других разных магазинов аналогичные решения о покупке этих товаров принимают миллионы других покупателей. Однако сложным, опосредствованным, конечным результатом всех этих решений может оказаться, на-

пример, рост инфляции, который коснется всех покупателей, хотя ни один из них и не планировал, и не предвидел этого. Когда я откладываю свои сбережения в банк, а вместе со мной так же поступает множество других граждан, мы все вместе укрепляем ценность национальной валюты (злотых), хотя это вовсе не было нашей непосредственной целью, а цель наша была ограничена намерением получить выгодные проценты. Когда я принимаю решение основать свое предприятие, фирму и вложить в это дело свои деньги и сбережения, я просто хочу заработать, поднять свой материальный уровень, достичь личного, индивидуального успеха. Но когда так же поступают многие другие, конечным, суммарным эффектом этих действий может оказаться, к примеру, экономический рост, выгодный для каждого предпринимателя, хотя ни один из них непосредственно не ставил таких целей и не имел намерений такого рода. Знаменитый немецкий социолог Макс Вебер утверждал, что такая колоссальной сложности макросистема, какой является капитализм, возникла тогда, когда огромное количество людей, проникнутых «духом капитализма» или руководствовавшихся своеобразной мотивацией, вытекающей из религиозной доктрины протестантизма, начало предпринимательскую деятельность, организуя предприятия и фирмы, вкладывая в них инвестиции, сберегая и накапливая средства, развивая производство¹. А когда капитализм уже существует и функционирует, экономисты времен Адама Смита указывают на так называемую «невидимую руку рынка» как на механизм обратного воздействия макроэффектов хозяйственной активности на самих не подозревающих об этом и сталкивающихся с этим помимо собственной воли творцов этих тенденций, то есть производителей и потребителей.

Обратимся к другим сферам жизни, вне экономики. Когда я иду голосовать на выборах, я имею в виду свои личные интересы, руководствуюсь своими личными идеологическими убеждениями и частными надеждами, связанными с тем или иным кандидатом. Но, поскольку одновременно голосуют миллионы других людей, суммарным эффектом всех принятых таким образом решений может оказаться, к примеру, решительное изменение политического курса страны, чего отдельные избиратели и не хотели, и не предвидели. Когда та или иная семья принимает решение иметь одного ребенка, или больше детей, или вообще остаться бездетной, то руководствуется она эмоциональными факторами, материальными расчетами, но никто при этом, вероятно, не думает о том, что в массовом масштабе от этого зависят существенные демографические тенденции: стагнация или рост населения, нулевое воспроизводство, старение населения и т.п. Другой пример: когда кто-либо выдумывает какое-нибудь новое слово или речевой оборот, он делает это для лучшей коммуникации со своим собеседником или собеседниками, для того, чтобы декларировать таким образом собственную оригинальность, ради потехи или из каких-либо еще субъективных побуждений. Но в результате, когда такой неологизм или речевой оборот оказывается принятым и распространенным, когда его начинают повторять многие другие, модификации оказывает-

¹ Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus [Оригинал появился в 1904-1905 гг.]. Tubingen: Mohr, 1934.

ся подверженным такой необычайно сложный общественный продукт, каким является язык. Посмотрите, к примеру, как быстро входят в общее употребление такие обороты, которые изначально служили только для заполнения пустот в речи и сообщениях: «на сегодняшний день», «на самом деле» и т.п. Естественный язык является фиксацией бесчисленных языковых инноваций, результатом накопившихся, объединенных усилий многих поколений людей, искавших наилучших способов общения, коммуникации друг с другом. Если современный польский язык так сильно отличается от языка Рея или Кохановского, то только благодаря тем инновациям, источниками и проводниками которых были массы людей, говорящих на польском языке. Особенно плодотворна и продуктивна в этом отношении молодежь. Язык молодежи - школьников, студентов - всегда полон неологизмов, насыщен экзотическими оборотами речи, новыми грамматическими формами и т.п., что объясняется, вероятно, двумя причинами. Во-первых, это типичный конфликт поколений и бунт против установившихся консервативных форм, рутинного языка старших; во-вторых, молодежь, будучи в большей мере настроена на происходящие изменения в технической, цивилизационной, культурной, политической сферах, оказывается более чуткой к этим процессам, для которых она ищет адекватные выражения, соответствующую языковую экспрессию. Вспомним, например, как политический перелом в Польше после 1989 г., связанный с прозападными настроениями и ориентирами, способствовал внедрению, можно сказать, нашествию англицизмов в польский язык, а взрыв компьютерных технологий привел к появлению своеобразного компьютерного и интернетовского сленга.

Все эти примеры указывают на такие явления, состояния или процессы, которые выявляются на высшем уровне общества. Именно так мы характеризуем все общество, общество в целом, когда ведем речь об уровне экономического развития и роста, о степени инфляции, об уровне рождаемости, о политическом режиме, политической ориентации, о состоянии национального языка, словесном лексиконе и т.п. Однако все эти атрибуты, имеющие отношение к обществу в целом, сформированы только массовыми действиями, то есть индивидуальными действиями отдельных членов общества, являются результатом того, что делают, руководствуясь своими и только им известными мотивами, отдельные члены общества. Эти действия могут протекать совершенно спонтанно. Но они могут быть также объектом определенной интервенции, предпринятой со стороны правительства, вознамерившегося вызвать, сформировать эти действия и направить их по пути, который это правительство сочтет правильным, благоприятным, нужным. В авторитарных системах, диктаторских и тоталитарных государствах при этом прибегают к прямому насилию и контролю. Ныне в демократических системах, преобладающих во всем мире, экономическая, социальная, культурная политика направлены только на создание такого контекста жизни граждан, чтобы он мог склонить их к принятию решений, вызвать у них желание и дать им мотивацию для действий, которые считаются выгодными для общества. Например, когда поднимаются процентные ставки, начисляемые по банковским вкладам, этим стимулируется желание граждан вносить

свои сбережения в банк; когда снижаются процентные ставки по кредитам, это способствует тому, что люди стараются получить в банке кредиты и инвестиции. При снижении налогов увеличиваются доходы граждан, что может означать рост потребления, а также появление новых рабочих мест. Если поднимаются таможенные сборы, это ограничивает стремление к импорту товаров в страну. Если проводится конкурс на лучшие польские названия фирм, это помогает создать отпор навязчивой американизации. Однако в конечном итоге все зависит от принимаемых в массовом масштабе индивидуальных решений, а последние, как мы знаем, могут основываться не только и не всегда на рациональных расчетах, а, например, на традиционных, рутинных привычках или на эмоциях.

Подводя итоги, можем сказать, что единственное различие между массовыми и индивидуальными действиями заключается в том, что касается их *количества* и *синхронности*. Когда много людей примерно в одно и то же время предпринимают сходные действия, появляются комплексные итоговые последствия этих действий, выходящие за пределы личного и единичного, обретающие значение для всего общества.

Коллективное повеление

Большинство действий может, однако, иметь еще дополнительные характерные особенности. А именно, действующие люди могут оказаться сосредоточенными в одном *пространстве* и испытывать влияние одной и той же *ситуации*. Они все еще действуют поодиночке, каждый сам по себе: они находятся в пространственной близости, в одинаковой ситуации, в одинаковых условиях, но как бы друг подле друга - еще не вместе. Такого типа активность принято называть *коллективным поведением*.

Классическим, образцовым видом коллективного поведения может служить поведение толпы. *Толпа* - это множество отдельных людей, которые не знают друг друга, ничем особенно друг с другом не связаны, и единственно, что их объединяет, это концентрация в одном и том же пространстве, как, вероятно, также один и тот же повод, в силу которого они здесь оказались вместе, например пришли на митинг, или собрались на «перекур», или для того, чтобы приветствовать своего спортивного кумира. Часто поводы для этого оказываются чисто эмоциональными: обида, гнев, энтузиазм, радость, эйфория. Прекрасными примерами такого рода могут служить те сцены, которые разыгрываются среди футбольных фанатов после выигранного или проигранного футбольного матча. Именно в этом случае мы имеем дело с людьми, которые находятся вместе, и окружающая ситуация, в которой каждый из них совершает свои действия, уже в силу самого своего характера, а именно того, что каждое действующее лицо непосредственно видит, а иногда и ощущает телесно действия других участников этой сцены, во многом предопределяет характер их поведения, действия каждого из них в отдельности. Толпа спешащих по улице прохожих, толпа демонстрантов на площади, толпа протестующих перед зданием Сейма, толпа, ликующая в связи с победой любимой футболь-

ной команды и приветствующая эту команду, толпа танцующих на развалинах Берлинской стены, толпа, грабящая магазины, сносящая постройки на своем пути, поджигающая автомобили; толпа фанатов, бушующих на стадионе; толпа куклуксклановцев, совершающих самосуд, линчующих свою жертву; толпа, подверженная панике, когда люди начинают бежать от реальной или вымышленной грозящей им опасности, - все это сборища значительного количества людей, которые ведут себя сходным образом, предпринимают действия в присутствии и на глазах друг у друга, как бы «параллельно». Пространственная близость и идентичность ситуации, в которой действуют отдельные единицы, становятся факторами, оказывающими существенное влияние на эти действия.

Еще в XIX в. французские социальные психологи Густав Ле Бон (Le Bon) и Габриэль Тард (Tarde) в своей концепции «психологии толпы» и «теории подражания» обращали внимание на то, что происходит, когда большое количество людей оказывается вместе в общем пространстве. Оказывается, в толпе отдельные лица действуют более эмоционально, спонтанно, в их поведении отсутствуют самокритичность и рефлексия, они отказываются от любых расчетов и рационального мышления. Люди не задумываются, есть ли смысл в их действиях, они поддаются минутному настроению. Их действия носят экспрессивный, а не целесообразный характер. Они не проявляют определенных намерений, желая чего-то достичь, они просто выражают то, что чувствуют, дают выход своим чувствам. Они кричат, смеются, жестикулируют, проклинаят, они выражают свое отчаяние гораздо более открыто и страстно, чем делали бы это, находясь в одиночестве. У меня перед глазами стоят два примера таких коллективных сборищ, относящиеся к разным культурам и возникшие по разным поводам. Один - это эйфория немцев в момент разрушения Берлинской стены. Другой - это отчаяние иранцев во время похорон героев войны. И в том, и в другом случае очевидно, как толпа сама по себе усиливает эмоции и дает им свободный выход. Это первое. Во-вторых, люди оказываются подверженными деморализации и брутальной жестокости, они отказываются от принятых правил морали и обычаев. Они готовы убивать, жечь, грабить, уничтожать, хотя никогда не сделали бы ничего такого, если бы не находились в толпе. В-третьих, они легко поддаются внушениям и давлению со стороны демагогов, они не раздумывая готовы пойти за вождем-самозванцем. В-четвертых, они повторяют действия других, что приводит к унификации их поведения и его волнообразной эскалации. Иногда мы говорим в этой связи о «стадном поведении» или о «социальной заразительности» действий в толпе. Например, если кто-нибудь бросит камень, другие тоже немедленно хватаются за камни. Если кто-то побежит, то и другие бросаются в бегство. Если кто-то выкрикнет какой-либо лозунг, тут же появляется хор, скандирующий те же слова².

Иной характер носят действия людей, собравшихся вместе, чтобы посмотреть театральный спектакль, кинофильм, послушать концерт или увидеть

² Le Bon G. Psychologia tłumy. Warszawa: PWN, 1994 (Во французском оригинале - Psychologie des foules/ Психология масс).

футбольный матч и т.п. В таком случае мы говорим об *аудитории*, *зрителях*. Ситуация, в которой оказывается такое собрание, своеобразна. Каждый пришел сюда сам по себе, у каждого была для этого своя мотивация: один решил так провести свободное время, другой прочитал хвалебную рецензию, третий хотел появиться в престижном окружении, четвертый рассчитывал посмотреть нужный спектакль перед экзаменом по литературе. Но теперь они оказались в одном зале или на одном стадионе, теперь они собрались вместе, и их объединяет одно и то же событие. Они одновременно смотрят некое зрелище, хотя независимо друг друга, действуя таким образом не совместно, не сообща, а параллельно. Когда мы сидим в кинотеатре и смотрим кинофильм, мы, часто даже не замечаем, кто сидит рядом с нами. Мы автономны по отношению к соседям, так же как и они по отношению к нам. На концерте, особенно когда он закончился, нам случается повторять действия соседей, в едином ритме аплодисментов вызывать на сцену артистов, вставать с мест, следуя за тем, кто встал первым, присоединяться к овации, когда кто-либо начал кричать «бис». На футбольном матче при каждой удачной игре местной команды мы кричим как ошалелые, поддаемся «волне», пробегающей по всему стадиону, бросаем петарды на поле, обнимаемся с незнакомыми фанатами, болеющими за «наших» и готовыми побить болельщиков команды «чужих» (называемых условно, для приличия, «гости»). Все это, однако, минутные, мимолетные контакты, не имеющие глубокого содержания. Через минуту мы выйдем из зала или уйдем со стадиона и снова станем сами собой, автономными по отношению к другим.

Третий вид коллективного поведения - это *публика*. Здесь важны не только сходство действий и ситуации, но и осведомленность каждого участника действия о том, что многие другие действуют так же или сходным образом. При этом здесь может не хватать пространственной близости, а иногда, в определенных случаях, может отсутствовать даже синхронность, одновременность действий. Зрители одного и того же телевизионного сериала или слушатели одной и той же радиопередачи сидят в один и тот же момент перед телевизорами или радиоприемниками у себя дома, их внимание сосредоточено на одних и тех же событиях, образах, словах, звуках. Когда речь идет о личности телевизионных или радиопередач, отсутствует пространственная близость, тем не менее совершаются синхронные и идентичные действия. В одно и то же мгновение миллионы людей в мире смотрят трансляцию олимпийских игр, следят за мессой Иоанна Павла II или за речью обращающегося к народу с воззванием президента. При этом люди ведут себя сходным образом, их внимание сосредоточено на одних и тех же моментах, они испытывают сходные чувства, переживают одно и то же, у них появляются одинаковые или схожие эмоции. Иначе обстоит дело с читателями одной и той же книги, любителями одной и той же пластинки или поклонниками одного и того же художника. В таких случаях не существует одновременности, синхронности действий, ибо люди в разное время открывают книгу, ставят пластинку, в разные дни посещают музей или картинную галерею, где выставлены работы их любимого живописца. Но само по себе сходство различных действий, их сосредоточенность на одном и том же объекте придает смысл понятию публич-

ности, когда речь идет о публичности читательской аудитории, о публичности музыкальной, музейной, вернисажной. Дело в том, что каждое из действий, которое мы в этих случаях наблюдаем, находится под определенным влиянием того, что делают другие. Информация, осведомленность о том, что моя любимая книга стала бестселлером, что запись выступления моего музыкального кумира получила титул «золотой пластинки», что на выставку моего любимого живописца валят толпы народа, вовсе не остается безразличной для моей личной заинтересованности или ангажированности. Между людьми сходных интересов, вкусов, пристрастий, артистических склонностей появляется некая довольно свободная связующая нить, которая позволяет говорить об общностях (которые держатся на том, что людям, входящим в эти группы, одинаково нравятся те или иные вещи). Это может выражаться, например, в дискуссиях по поводу просмотренного сериала, в мнениях о новой записи рок-группы, в недовольстве формой спортсменов на вчерашнем матче.

Я предлагаю отнести к категории коллективного поведения также феномен *поколения*. Ведь поколение – это группа людей, которые были свидетелями одних и тех же важных исторических событий, пережили одни и те же ситуации, должны были реагировать на одни и те же вызовы времени. При этом свой опыт они накапливали каждый по отдельности, поодиночке, и у каждого все это происходило немного иначе, чем у других. Скажем, люди пережили войну, революцию, смену общественного строя, экономический кризис, провозглашение независимости. В одних и тех же ситуациях они действовали индивидуально, но таких действующих индивидов было много. В этом смысле это было типичное коллективное поведение. Для каждого из них важным элементом его сознания и самочувствия, будь то радость, надежда, духовная мобилизация и т.п., был тот факт, что он не один, а среди многих других. Это сходство биографий, эта параллельность переживаний, хотя и происходивших в разных местах, в разные моменты, с разной степенью интенсивности, важны также потому, что они постоянно формируют у участников этих процессов их менталитет, духовные основы, иерархию ценностей. Между ними возникают прочные связующие нити коллективной солидарности, образуется поколенческая общность, опирающаяся на память о пережитом.

Коллективные действия

Активность, деятельность людей в группах протекает не только «параллельно», когда каждый действует сам по себе, как мы это видели на примерах толпы, аудитории, публики, поколения, но и совместно. Такая совместная активность появляется тогда, когда люди отдают себе отчет в том, что цели, которые они перед собой поставили, невозможно достичь при действиях в одиночку, что это будет реально только в том случае, если они будут действовать вместе с другими, при участии других, при помощи других. Тем временем коллектив, действующий совместно, становится необходимым инструментом для достижения целей отдельных его членов. Чтобы такие коллективные

действия были успешны, необходимы, во-первых, четкая формулировка целей действий, во-вторых, определение стратегии поведения, в-третьих, разделение функций между участниками, в-четвертых, координация разных функций. Чаще всего выполнению этих требований служит выделение фигуры руководителя, и это можно считать пятым требованием успешности коллективных действий. Когда коллектив действует для достижения четко очерченных целей, руководствуясь определенной стратегией действия, разделяя между своими членами задачи и координируя их действия, а также подчиняясь спонтанно выявившемуся лидеру, то в результате мы имеем нечто гораздо большее, чем коллективное поведение. С этим новым явлением связана также гораздо большая прочность, длительность такого рода действий. Насколько коллективное поведение часто бывает мимолетным, минутным, настолько коллективные действия, направленные на достижение общей цели, требуют, как правило, больше времени. Наконец, насколько в коллективном поведении мы наблюдали высокую долю спонтанности, эмоциональности, экспрессивности, настолько для реализации коллективных целей необходимы гораздо большая рациональность, стратегическое мышление, планирование действий. Контраст этих двух видов коллективных выступлений станет очевиден, если мы сравним драки и акты вандализма фанатов после проигранного футбольного матча со страстными манифестациями противников глобализации, которые, в частности, сопровождали экономическое совещание на высшем уровне в Квебеке или в Генуе. Хотя способы действий со стороны кажутся похожими, сущность этих действий отличается принципиально. В первом случае мы имеем дело с «незаинтересованной» экспрессией злобы, враждебности, агрессии. Тут нет никакой конкретной задачи, ибо результаты матча уже нельзя изменить. В другом же случае, независимо от того, как мы оцениваем рациональность таких действий, речь идет об определенных идеологических целях: защита бедных (в том числе бедных стран, бедных наций) от эксплуатации со стороны транснациональных корпораций, охрана природы. И такие манифестации должны принести реальный успех: изменить то или иное политическое решение, воспрепятствовать подписанию международных соглашений и т.п.

Итак, эту более сложную форму коллективной активности характеризует то, что здесь мы имеем дело с совместной деятельностью, более длительной и целенаправленной, стратегически мотивированной. По аналогии с тем разделением, которое мы провели раньше между индивидуальным поведением и индивидуальными действиями, мы и здесь говорим уже не о коллективном поведении, а о *коллективных действиях*. Независимо от того, что и там, и там, скажем, швыряют камни или громят автомобили, однако беспорядки, которые устраивают футбольные фанаты, являются примером коллективного поведения, а демонстрации антиглобалистов – примером коллективных действий.

Действия такого типа могут быть направлены на достижение самых различных целей. Коллективные действия предпринимает отправляющаяся на Гималаи экспедиция альпинистов, чтобы достичь горной вершины; футбольная команда, чтобы получить кубок; подразделение десантников, чтобы от-

бить и освободить заложников; объявившие забастовку служащие, чтобы добиться повышения зарплаты; группа ученых, чтобы совершить открытие; преступная банда, чтобы ограбить банк. Такие действия предпринимаются в разных областях, касаются разных общественных объектов, составляют содержание людской активности, осуществляемой в рамках более или менее кристаллизовавшихся, институциональных или формализованных единиц: в производственном объединении, в научном институте, в спортивном клубе, в армии, в мафии и т.п.

Чрезвычайно интенсивной сферой, в которой можно наблюдать проявление всех трех выше обозначенных категорий: массовых действий, коллективного поведения и коллективных действий - является так называемая горизонтальная мобильность. Понятие *горизонтальной*, или пространственной, *мобильности* означает перемещение людей в географическом пространстве. Она отличается от вертикальной мобильности, например продвижения по службе, которое означает переход на более высокую ступень общественной иерархии (мобильность этого типа будет предметом нашего анализа в последующих главах).

Ограничиваясь здесь рассмотрением горизонтальной мобильности, мы должны выделить три основные формы, в которых она проявляется: это миграция, туризм и выезды в поисках заработка. Независимо от того, какие причины подталкивают людей к принятию решений об эмиграции - экономические (заработок), политические, религиозные, это могут быть действия абсолютно индивидуальные, которые только в силу своей массовости становятся общественными, например означают появление в той стране, которая определяется как цель эмиграционного потока, большой группы людей, ищущих работу или место поселения, и, напротив, потерю рабочих рук в странах, где имеет место активное эмиграционное движение. Но эмиграция может нередко преобразоваться в коллективное поведение, например, в случае массового бегства людей, ищущих спасения от безжалостных этнических «чисток», возникновение переполненных переселенческих лагерей, коллективных акций отчаяния или протеста против той ситуации, в какой оказались эти люди. Наконец, она может приобретать характер коллективных действий, когда люди, являющиеся членами определенной группы или более широкой общины, совместно принимают решение эмигрировать, определяют цель, организуются, мобилизуют средства, готовят транспортные средства или пути нелегальной переброски. Могут появиться целые организации, легальные или нелегальные, для содействия эмиграции такого типа. Таким было, например, организованное при участии Флориана Знанецкого в Польше межвоенного периода Товарищество по защите эмигрантов. Такой характер имеют китайские мафиозные группировки, организующие в наши дни нелегальную доставку мигрантов из Азии в Западную Европу.

Другая форма горизонтальной мобильности, а именно туризм, становится сегодня благодаря развитию транспортных средств, открытию государственных границ и получению через важные общественные сегменты определенного резерва финансовых средств необычайно популярным и массовым способом такого рода перемещения людей в географическом пространстве. В этом

случае мы обнаруживаем три возможных вида действий. Когда люди принимают индивидуальные решения посетить овеянные вечной славой центры мирового туризма или какие-нибудь особенно модные в том или ином сезоне места, мы имеем дело с массовыми действиями туристов, которые совершают поездки как бы друг подле друга, но не вместе, что имеет, конечно, свои дальние последствия для экономики принимающих стран, транспортных, туристических фирм, а также для повседневной жизни местных обитателей. Массовое скопление туристов в определенных популярных местах, например на оздоровительных курортах, порождает различные явления в сфере коллективного поведения - давку, толкотню, очереди, пробки на дорогах, дефицит мест на автомобильных стоянках, столиков в ресторанах, полосок песка на пляжах, и, что особенно важно, нередко лишает ценности сами по себе туристические переживания. Наконец, туризм также обретает все более организованный характер, например групповой туризм, туризм с определенной целью, программой, руководством, то есть становится формой и проявлением коллективных действий.

То же самое можно сказать о широко распространенных ныне, особенно вокруг больших урбанизованных агломераций, выездах на заработки, на работу. И здесь мы имеем дело с триадой: массовые, но подобные друг другу и даже происходящие в одни и те же часы индивидуальные действия отдельных работников (ищущих работу, получивших работу, «гастарбайтеров»); неуклонно сопровождающая этот процесс концентрация действий в определенном пространстве, приводящая к коллективному поведению; организованные коллективные действия от использования (поочередно, на основе ротации) своих личных автомобилей для подвоза к месту работы группы соседей (модный в Америке так называемый *car pool*) до автобусов, которые фирма присылает за своими работниками.

Социальные движения

Среди всего разнообразия коллективных действий выделяется одна их особая разновидность, которая в социологии является объектом детального и глубокого анализа. Мы определяем ее как *социальные движения*. Их отличают две характерные особенности. Во-первых, они направлены на особую цель - осуществление какого-либо вида *социальных изменений*. Во-вторых, они развиваются в рамках *неформальных*, не имеющих институционализированного и формализованного характера (во всяком случае, не слишком формализованных, слабо институционализированных) систем. В этом смысле они являются чем-то средним между коллективным поведением (например, в толпе) и профессиональной деятельностью (например, в каком-нибудь учреждении, в административной структуре).

Социальные движения в современном мире очень многочисленны и заметны. Достаточно включить телевизор, когда передаются последние известия, или прочитать газету, и вы непременно столкнетесь с упоминанием о каких-либо социальных движениях, с описанием их активности. Движение за запре-

шение и за разрешение аборт, экологическое движение, движение охраны прав потребителей, феминистское движение, политические, религиозные, националистические, антивоенные движения, движения против распространения атомного оружия, реформаторские, революционные движения, движение в защиту прав человека - все это только отдельные примеры. Называя вслед за американским социологом Мейером Зальдом ту область социальной жизни, в которой имеют место такие явления, «*сектором социальных движений*», подчеркнем, что этот сектор в наше время является исключительно богатым. Некоторые прямо называют нашу эпоху «эрой социальных движений» или даже утверждают, что современные общества все более явно становятся «обществами социальных движений».

Это обстоятельство связано с определенными фундаментальными признаками современного общества. Оно создало условия, благоприятные для формирования, мобилизации и развития социальных движений. Во-первых, процесс *урбанизации* привел к образованию больших скоплений людей в относительно небольшом пространстве. Города стали ареной интенсивных контактов, взаимодействий и коммуникаций между людьми - многочисленными «единицами». Это облегчило формулирование общих идей и взглядов, общих ценностей и общих идеологий. Так возникла естественная база для проявления коллективного поведения и коллективных действий: города стали той средой, из которой рекрутировались носители этих действий. Ведь в близком расстоянии друг от друга проживали многие потенциальные участники социальных движений. Только здесь существовали такие условия, при которых можно было быстро распространить «клич» (вызвать людей на улицы), обеспечить «выход на улицу», проводить посредством бурных демонстраций «политику улицы», перерастающую в более прочные и долговременные общественные движения. Неслучайно социальные движения в большинстве своем зарождались в городах.

Во-вторых, в сходном направлении действовал процесс *индустриализации*, который способствовал концентрации на заводах, фабриках и в рабочих поселках, на заводских окраинах огромной массы рабочих. Сталкиваясь в течение всего рабочего времени, то есть большую часть дня, с людьми, находящимися в аналогичной жизненной ситуации, вынужденными решать сходные проблемы и имеющими сходные претензии, они легко могли сформулировать общее мнение, согласовать стратегию борьбы, договориться о выступлении с коллективными протестами. Важным было также то ощущение силы, которое давал им сам вид собранной вместе массы рабочих, воспринимаемой ими прямо, непосредственно, визуально. На территории промышленных предприятий формировались многочисленные социальные движения, выдвигающие не только экономические лозунги, требования материальных компенсаций, но и политические и нравственные, например движения в поддержку демократии, движения за женскую эмансипацию, некоторые религиозные движения.

В-третьих, *массовый характер образования* имел двоякое последствие. С одной стороны, концентрировались, собирались вместе значительные массы учащихся, студентов, то есть лиц, готовых уже в силу своей молодости к

общей мобилизации и коллективной активности. Неслучайно центрами многих важнейших социальных движений становились университеты. Достаточно вспомнить парижскую «весну баррикад» 1968 г., относящиеся примерно к тому же времени волны студенческих выступлений и направленных против установившихся норм культуры движений в США, массовые политические выступления студентов в Китае, Южной Корее, на Филиппинах в 1980-90-х годах. В то же время образование помогает лучше разобраться в вопросах, относящихся к публичной политической сфере, развивает чувствительность к неправде и несправедливости, расширяет кругозор в направлении поиска стратегических решений общей, совместной деятельности.

В-четвертых, развитие *современных технологий* также облегчает мобилизацию социальных движений и их пополнение участниками. С одной стороны, средства массовой информации способствуют кристаллизации общественного мнения, укреплению чувства общности, выходящей за локальные границы, а с другой - развитые телекоммуникации, а также компьютерная сеть позволяют независимо от физической близости действующих лиц быстро установить между ними нужные контакты и связи. В целях пропаганды своих программных положений социальные движения обращаются в наше время к интернету. Богатые материалы публикуют на его сайтах, к примеру, экологические и антиглобалистские движения. Однако и сравнительно более традиционные крестьянские или, скажем, национальные движения также стараются использовать новые шансы распространения своих идей, которые дает им современная технология. Когда в провинции Чипас в Мексике вспыхнуло в 1990-х годах народное восстание, его предводитель субкоманданте Маркос тотчас оповестил об этом весь мир, разослав через интернет манифест Движения угнетенных, стремясь обеспечить таким образом поддержку своих требований и оправдание используемых им методов вооруженной борьбы.

В-пятых, современное общество, отмеченное печатью урбанизации и индустриализации, то есть прежде всего городская и промышленная среда, не только создает условия для мобилизации социальных движений и рекрутирования их сторонников, но существенно усиливает мотивацию потенциальных участников. В таком обществе растет *доля недовольных*, популяция обездоленных (как в абсолютном измерении, в смысле бедности, нищеты, безработицы, так и в относительном измерении, когда люди ощущают невозможность достичь желанных вершин богатства и успеха). Они формулируют различные упреки, претензии, требования. Отчаяние толкает их к организации для общей, совместной борьбы за улучшение условий жизни. Само общество поставляет естественных участников и сторонников движений протеста, реформаторских и революционных движений. Наряду с этим сам факт социальной атомизации, ощущение утраты своих корней, отчуждения или того «одиночества в толпе», о котором писал Дэвид Рисман (Riesman), склоняют к поискам утраченной общности, какой-либо общей почвы действий. И многие находят это именно в социальных движениях. Наконец, разрушение, девальвация традиционных ценностей, нормативный хаос, или, как это называл Эмиль Дюркгейм (Durkheim), состояние «аномии», вызывают потребность поисков смыс-

ла жизни, достойных целей, ориентиров и указателей, как нужно поступать. Этим потребностям отвечают, в частности, религиозные движения, движения за нравственное обновление, за самоусовершенствование и т.п.

В-шестых, мотивации такого рода усиливает широко распространенная в современном обществе *активистская и прогрессистская идеология*, которая подчеркивает значение и необходимость перемен, изменений, а также зависимость этих изменений от субъективной активности людей. Общество не есть нечто раз и навсегда данное, его судьба не predetermined кем-то свыше, более того, оно является таковым или становится таковым в результате действий людей. Это означает непринятие фатализма и детерминизма, ориентацию непосредственно на то, чтобы совместными усилиями добиться прогрессивных изменений. Акцент на субъективности, на том, что люди являются творцами истории, на множестве возможных сценариев развития, на роли принимаемых людьми решений и выбора - все это формирует и выдвигает людей, более склонных брать общественные судьбы в свои руки, в частности включая их в социальные движения.

В-седьмых, в политической сфере большинство современных обществ (стран) отходит, отказывается от форм диктатуры, авторитарных и тоталитарных режимов, склоняется к *демократическому строю*. А демократия создает для социальных движений особенно благоприятную «структуру политических шансов». Типичным для нее моментом является конституционная гарантия свобод - слова, объединений, собраний, и именно эти свободы предоставляют социальным движениям возможность свободного рекрутирования, мобилизации своих сторонников, распространения их программ и идеологий, выдвижения предводителей, создания организационных форм деятельности, и все это без страха перед репрессиями или ограничениями. Определенный уровень политической либерализации является особенно важным условием формирования движений сопротивления и революционных движений. Неслучайно демократическая оппозиция в Польше могла сформироваться и консолидироваться только во второй половине 1970-х годов. Дело в том, что период после драматических событий декабря 1970 г. был ознаменован ощутимым ослаблением репрессивной системы, что уменьшало и те затраты, которых требовала организация сил на борьбу с этой системой, и связанный с этим риск. История мировых революций также подтверждает эту закономерность: грубо говоря, революции происходят тогда, когда старый режим по тем или иным причинам ослабевает и вынужден идти на уступки и соглашения. Не тогда, когда власть сильна и решительна, а тогда, когда она колеблется, снимает жесткие запреты и ограничения, смягчает жестокость наказаний за неподчинение.

Наконец, активность в рамках социального движения требует определенной доли *свободного времени* и энергии его участников, а также иных средств, необходимых для успешной деятельности (технических средств, помещений, печатных установок, мегафонов, бумаги для листовок, радиостанций и т.п.). И такая «мобилизация средств», людских и материальных, оказывается более легко достижимой в современном обществе, в котором расширяется сегмент свободного времени, труд теряет прежний характер, связанный с физической

эксплуатацией человека, а определенная доля свободного, не вложенного в экономику капитала может быть использована для потребностей социального движения через разного рода дотации, подарки, пособия и т.п. В итоге всех этих обстоятельств социальные движения формируют важнейший, главный аспект того, что мы называем современностью.

Огромный разброс, большая разнородность социальных движений, выступающих на современной арене, требуют их классификации. Социальные движения нацелены на изменения в обществе, но изменения, о которых при этом конкретно идет речь, могут иметь весьма различный характер. Прежде всего, различным может быть их сфера, радиус действия. *Реформаторские движения*, или, как называет их Нейл Смелзер (Neil Smelser), «ориентированные на нормы», стремятся к модификации утвердившихся способов поведения, норм жизни, прежде всего путем изменения норм, регулирующих правильное, ожидаемое или адекватное поведение. При этом речь идет главным образом о нормах права, таких, например, как изменение трудового законодательства в сторону обеспечения больших прав и привилегий трудящихся, жилищного законодательства в сторону большего объема прав собственников, законодательства, связанного с охраной окружающей среды, дорожного кодекса, введение запретов на аборт и т.п. Может в данном случае речь идти также об обычаях, нормах морали. Такие цели ставят перед собой, например, движение в защиту животных (за запрет на эксперименты над животными), движение, требующее запрета порнографии, или движение за контроль над проституцией. *Радикальные движения*, движения революционные, или, по терминологии Смелзера, «ориентированные на ценности», стремятся к наиболее фундаментальным изменениям, затрагивающим принципиальные основы общественного строя и порядка, а также к изменениям многосторонним, охватывающим различные сферы социальной жизни. Такой характер имело, без сомнения, движение «Солидарность», требовавшее полного и всестороннего изменения всей политической, экономической и культурной системы. Другое крупнейшее политическое движение XX в., движение за гражданские права в США, требовавшее равноправия для негритянского населения страны, касалось фундаментальных ценностей общества.

Другие способы классификации могут зависеть от того, ориентировано ли то или иное движение на инновации, то есть требует ли оно введения в жизнь новых норм и ценностей, новых организационных и формационных преобразований или, напротив, носит консервативный характер, противится нововведениям и стремится затормозить или вовсе исключить из жизни уже проведенные реформы и изменения. В последнем случае речь может идти об изменениях, вызванных процессами, не зависящими от каких бы то ни было социальных движений, например об освоении новых технологий, выработанных в связи с научно-техническим прогрессом, о экспансивном развитии промышленного производства (о перепроизводстве) или об охватившем сегодня весь мир процессе глобализации. На раннем этапе индустриализации против машин было направлено возникшее в Англии движение луддистов. Сегодня протесты оказываются направленными против атомных электростанций, клонирования животных, генной инженерии. Мощные социальные движения вы-

ступают против негативных последствий промышленного развития: постепенного отравления окружающей среды, истощения природных богатств, истребления некоторых видов животных. Против форсированной, бурной глобализации в экономической и культурной сферах борются появившиеся в начале XXI в. антиглобалистские движения. Но социальные движения могут протестовать также против изменений, внедряемых в жизнь под давлением других противостоящих им социальных движений. Возникают такие общественные проблемы, которые в равной мере мобилизуют движения «за» и «против». Тогда появляются пары «движений и контрдвижений», которые находятся в постоянном конфликте и активизируются поочередно в зависимости от того, как решается на том или ином этапе данная актуальная проблема в обязательном правовом поле. Прекрасными примерами такого рода могут служить движения за запрещение и за разрешение аборт, движения, выступающие против смертной казни и, наоборот, требующие введения смертной казни, движения в защиту прав арендаторов, съемщиков жилья и в защиту прав собственников недвижимости и т.п.

Различными могут быть те сферы жизни, в которых то или иное движение стремится что-то изменить, на которых оно концентрирует свои усилия и внимание. Многие движения требуют социальных реформ, то есть организационных, структурных изменений в сфере экономики, политики, культуры. Но существуют и такие движения, которые нацелены на совершенствование отдельных личностей, их морали, на защиту их достоинства, на подъем образовательного уровня, на религиозное возрождение. В этом случае расчет делается на то, что люди, изменившиеся под воздействием морализаторского или религиозного движения, также изменят к лучшему все общество. Противоположная логика была задействована в движении социальных реформ. Там считалось, что изменившиеся организационные и структурные условия сформируют в будущем лучших людей.

Тесно связана с такими подходами и разница в стратегии действий, которую принимает то или иное движение. Существуют такие движения, которые в целях достижения желанных организационных или структурных изменений в обществе добиваются для себя политической власти и контроля над действующими законами. Тогда в демократической системе естественное направление их эволюции приводит к их преобразованию в политические партии. Такой генезис имеют, например, партии «зеленых» в парламентах западноевропейских стран. Аналогично шло развитие движения «Солидарность» после перелома 1989 г., явно намеревавшегося через АВС и Парламентский клуб создать правую политическую партию. Существуют и другие движения, которые довольствуются тем, что могут оказывать давление на государственную власть, на законодательные и правоохранительные органы. Они стараются повлиять на властные элиты, прибегая к тактике лоббизма. Другой путь выбирают те движения, которые нацелены на реформирование индивидов, а именно движения морализаторские, религиозные и т.п. Как правило, у них нет политических амбиций, они не ставят задач реформирования общественного строя, они озабочены духовным усовершенствованием своих собственных членов, укреплением их идентичности, переоценкой и утверждением ду-

ховных ценностей. Соответственно, они не ведут борьбу за власть, не стремятся захватить ее, а предпринимают идеологические кампании, непосредственно направленные на своих сторонников, стремясь при этом получить доступ к средствам массовой информации: ищут возможности к созданию собственных органов печати, радиостанций, телевизионных каналов. Они также проявляют инициативы в образовательной деятельности, в системе самосовершенствования людей, образуют небольшие общины, в которых культивируются и пестуются типичные для данного движения ценности. Примером может служить «Радио Мария» и примыкающие к нему радиостанции и передачи «Семьи Радис Мария».

Существенная разница между социальными движениями выявляется также в принятых ими методах действия, или, как называл это Чарльз Тилли (Tilly) *«протестного репертуара»*. Одни движения изначально и принципиально исключают силовые методы, применение насилия, террористические акты. Они делают ставку на мирные акции, средства убеждения, уговоры, оставаясь в рамках законности, конституционного поля. Известным примером такого рода является национальное движение Мохандаса Ганди в Индии. Движение «Солидарности» гордилось тем, что в борьбе с режимом даже не было разбито ни одно окно на улице. Аналогичные принципы отстаивал предводитель движения за гражданские права в США Мартин Лютер Кинг. Но существуют также многочисленные национальные и националистические, сепаратистские, фундаменталистские, революционные движения, которые признают методы насилия в их самых жестоких формах как единственное орудие успешной борьбы. Крайним примером такого рода являются движения, поддерживающие терроризм, то есть применение насилия, направленного против случайных жертв и используемого для устрашения всего общества и демонстрации собственной силы. Примером может служить движение «Хасболла» в Палестине, исламский «Джихад», ETA в стране басков или IRA в Ирландии.

В исторической перспективе социальные движения можно разделить на «старые» и «новые». При этом обращает на себя внимание тот факт, что в XIX в. преобладали такие социальные движения, которые явно представляли отдельные сегменты социальной структуры: классы, сословия, профессиональные категории. Они рекрутировали своих участников и сторонников из соответствующей определенной классовой, сословной или профессиональной среды, из ее членов. Такой характер имели рабочее движение, крестьянское движение, различные профсоюзные движения. Содержание тех социальных изменений, во имя которых они вели борьбу, также имело соответствующее частное определение. Они стремились мобилизовать силы в пределах интересов тех конкретных классов и групп, которые они представляли, причем в центре их внимания находились материальные, экономические интересы, связанные с институтом собственности, с размером заработков, с уровнем жизни и т.п. Они отличались также внутренней иерархической структурой и довольно высокой степенью организованности, легко преобразовывались как в политические партии, так и в профсоюзы. В XX в., а особенно во второй половине XX в., появляется новый тип социальных движений. *Новые социальные дви-*

жения, такие, например, как экологическое, феминистское, против распространения атомного оружия, движение за мир, движение против аборт, движение против смертной казни, движение за права человека и т.п., рекрутируют своих членов и сторонников как бы крест накрест из всех естественных подразделений общества - классовых, сословных, профессиональных. Тем самым они обретают не частный, а универсальный характер. Здесь встречаются люди самого различного социального статуса, объединенные одной только общей идеей: старые и молодые, богатые и бедные, рабочие и менеджеры, артисты и домохозяйки, ученые и священники. Ценности, вокруг которых концентрируются такие движения, имеют, как назвал это Рональд Инглхарт (Inglehart), «*постматериалистический*» характер. Например, они касаются качества жизни в неразрушенной природной среде, личного достоинства и прав человека, сохранения жизни в стадии зачатия, самореализации, идентичности, свободы, мира. Все это не частные, не партикулярные, а универсальные ценности, имеющие значение не только для определенных сегментов общества, но и для всех людей, иначе говоря ценности общечеловеческие³. Наконец, новые социальные движения отличаются гораздо более свободными формами организации, носят более эгалитарный, децентрализованный характер, опираются на принцип добровольности, включают самостоятельные формы активности.

Особым феноменом, появившимся на рубеже XX-XXI вв., можно считать формирование новейших форм социальных движений, а именно *антиглобалистские движения*. Бурные протесты в связи с конференциями или встречами руководителей самых богатых стран мира, а также в связи с собраниями и сессиями международных финансовых и экономических организаций - Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации, чему мы были свидетелями в Сиэтле, Вашингтоне, Праге, Квебеке, Гётеборге, Генуе, становятся связующим звеном между движениями старого и нового типа, представляют собой форму как бы находящуюся посередине, между ними. Со старыми движениями их сближает концентрация внимания на экономических проблемах, антикапиталистическая идеология, направленность прежде всего против крупных транснациональных корпораций. Но есть здесь и существенная новизна, что делает антиглобалистские протесты сходными с новыми социальными движениями. Если прежние социальные движения защищали частные интересы отдельных классов, сословий, слоев общества, профессиональных групп, то нынешние антиглобалистские движения ставят перед собой цели, которые они рассматривают в более универсальных категориях, выступая от имени «всех простых людей» против демонизированного мира крупного бизнеса и капитала. И борются они не против обнищания, эксплуатации или зависимости отдельных групп, а с подчинением всего человечества власти денег, всемирному капиталу. Материалистические ценности, прежде уже по определению имевшие партикулярный характер, поднимаются до уровня ценностей универсальных. Такая идеология привлекает к этому

³ Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Societies. Princeton: Princeton University Press, 1990.

движению представителей самых различных классов, социальных слоев, профессиональных групп, хотя, как и в большинстве социальных движений, здесь доминирует молодежь. Перекрестное рекрутирование сторонников из всех традиционных подразделений общества - это еще одна характерная черта, сближающая антиглобалистские движения с новыми социальными движениями. Новые общественные движения и эта последняя их новейшая смешанная версия, придают все более явно выраженную тональность всему «сектору социальных движений» в современном мире.

Это не значит, что старые социальные движения уже потеряли свою актуальность или сошли со сцены. Глубокие экономические различия и контрасты, яркие противоположности полюсов бедности и богатства, эндемическая безработица, многообразные формы дискриминации, неравенства и социальной несправедливости, которые приносит современный капитализм не только в мировом масштабе, но и в пределах каждого современного общества, приводят к тому, что борьба за партикулярные, классовые или групповые экономические интересы остается сегодня столь же актуальной и интенсивной, как и прежде. Новизна заключается, однако, в том, что при постоянно растущем преобладании демократических режимов в современном мире представители различных классов, социальных слоев, профессиональных групп нашли свое место в нормальном институциональном политическом механизме: выступая в качестве политических партий, парламентских фракций, профессиональных союзов, групп давления и т.п., они теряют характер неформальных, не имевших институционального структурирования социальных движений традиционного типа. Демократическая политика тем самым как бы поглотила, впитала в себя старые социальные движения, а на постиндустриальном уровне остались главным образом социальные движения нового типа.

Динамика социальных движений

Социальные движения возникают, развиваются, переживают свои успехи или поражения, но в конце концов распадаются и исчезают. Каждое социальное движение на большем или меньшем отрезке времени проходит свои этапы развития, переживает свою «карьеру». Можно выделить ее характерные стадии. Смелзер сосредоточил внимание на периоде формирования социального движения, указав на четыре условия, которые непременно должны друг за другом появиться и совпасть для того, чтобы движение могло сформироваться⁴. Прежде всего, в обществе должен сложиться «*благоприятный структурный контекст*». Выше мы говорили о тех условиях, которые современное общество с такими особенностями, как массовость, облегчающая коммуникации, идеологическая активность, демократические свободы и т.п., создает для социальных движений. Но существуют также особые условия, имеющие свою историческую специфику в конкретных обществах. К ним относится укorenившаяся в коллективной культуре и ментальности, передаваемая из века в

⁴ Smelser N.J. Theory of Collective Behavior. New York: Free Press, 1962.

век традиция так называемой реакции протеста. Один из аспектов наследия Великой Французской революции - это явно выраженная во французском обществе склонность к коллективным бунтам, тенденция к массовым выступлениям, к самоорганизации в целях защиты групповых интересов. Абсолютно иначе выглядит, к примеру, ситуация в России, где еще с царских времен глубоко укоренилась оппортунистическая традиция послушания и пассивности. Существуют такие общества, которым счастливая историческая судьба, можно сказать, привила убеждение в оправданности, целесообразности («ненапрасности») предпринимаемых усилий, веру в успех. Но есть и такие общества, которые унаследовали от своей запутанной истории «культуру поражения», ощущение бессилия, безнадежности любых порывов. Фактором, который формирует благоприятный социальный контекст для социальных движений и проявляется в разных странах и в разные времена в различной степени, становятся также неуверенность в будущем данного общества, непрозрачность его функционирования, расшатанные устои норм и ценностей (по терминологии Эмиля Дюркгейма - социальная аномия). Это может быть связано с глубокими организационными, культурными, затрагивающими сферу традиций и обычаев, социальными изменениями, которые приносит технический и производственный прогресс, а также с резкими экономическими кризисами, политическими переломами общественного строя и т.п.

Благоприятный структурный контекст создает, однако, лишь тот общий фон, на котором социальные движения могут возникнуть, не предопределяя, конечно, их возникновение. Он только создает необходимые условия, но существование таких условий еще недостаточно для генезиса социальных движений. Следующим необходимым условием, которого самого по себе также еще будет недостаточно, является, как формулировал это Смелзер, появление «структурного напряжения». В обществе должно появиться противоречие интересов и ценностей между различными сегментами этого общества, а также проистекающие из этого антагонизмы и конфликты. По отношению к «старым» социальным движениям преимущественное значение здесь имели расхождение экономических интересов, шансы удовлетворения основных материальных потребностей, разделявшие общество на группы или классы, дискриминированные и привилегированные, на массы и элиты, на различные социальные сословия, профессиональные категории, возрастные группы, регионы и формы оседлости (город-деревня). По отношению к «новым» социальным движениям это прежде всего расхождение в оценке и понимании ценностей, что делит общество на группы, или общины, исповедующие разные (а внутри каждой группы общие или сходные) принципы морали, отличающиеся по образу жизни, вкусам и т.п.

Но ко всему этому, для того чтобы противоречия такого рода стали мотивацией общих действий, они должны стать частью коллективного сознания. Говоря словами Смелзера, должна сформироваться «общность убеждений». Все эти различия и противоположности интересов и ценностей должны быть увидены, осмыслены, идентифицированы, интерпретированы, пережиты эмоционально. В основе многих социальных движений мы можем обнаружить три наиболее характерных ощущения, вытекающие из оценки сложившейся в об-

ществе ситуации: ощущения неравенства, несправедливости и ущемления. Появление таких представлений всегда зиждется на сравнении собственного положения с положением «других» или на сопоставлении реальности (возможности) с надеждами (претензиями). Почему мои потребности удовлетворяются хуже, а потребности других - лучше? Проблемы неравенства и несправедливости становятся важнейшим аспектом более сложного ощущения и осознания ущемления своих прав, дискриминации. Американские исследователи социальных движений Тед Гурр (Ted Gurr) и Джеймс Дэвис (James Davies) говорят о чувстве *относительной ущемленности (депривации)* как о важнейшем психологическом факторе, генерирующем готовность к массовым протестам и бунтам. Это чувство появляется тогда, когда «кривая достижений», то есть действительных условий жизни, расходится с «кривой ожиданий», то есть представлений об условиях, которые должны быть предоставлены, как они предоставляются «другим», ибо «нам» они должны принадлежать так же (а может быть, еще более, чем «другим») по праву и справедливости.

Сильное и массовое ощущение относительной ущемленности возникает в трех типичных ситуациях. Во-первых, когда условия жизни резко и внезапно ухудшаются и расходятся с тем стандартом, с тем уровнем жизни, к которому люди привыкли и дальнейшее существование которого считали само собой разумеющимся. Это происходит, например, в ситуации экономического кризиса или резкого нарастания волны безработицы, которая лишает уволенных рабочих и служащих прежнего гарантированного и постоянного заработка. Другая форма относительной ущемленности возникает на основе внезапного и резкого роста ожиданий при неизменном уровне и состоянии реальных условий жизни. Это может возникнуть в результате появления идеологии, которая выдвигает лозунги равенства и справедливости, объясняет людям, что они заслуживают большего по сравнению с тем, что они имеют. Это может также быть результатом усиления открытости, «прозрачности» общества, создающей возможность лучше видеть те привилегированные, более благоприятные и счастливые условия, в которых находятся другие общества или другие группы внутри «нашего» общества. Мы называем это «демонстрационным эффектом». Третий вариант как бы соединяет тенденции, выступающие в первой и во второй типичных ситуациях. Он выявился и получил свое определение тогда, когда историки революций с удивлением обнаружили, что революции происходят не тогда, когда людям хуже всего живется, но, как правило, вскоре после периодов относительного улучшения ситуации, будь то экономический рост или политическая либерализация. Джеймс Дэвис объясняет это тем, что в такие периоды кривая реальных достижений и кривая ожиданий растут параллельно друг другу. Улучшение экономической или политической ситуации рождает надежды и ожидания дальнейшего, нарастающего, постоянного улучшения. Если в такой ситуации происходит какой-либо срыв - экономический кризис или усиление политических репрессий, данные кривые расходятся, доводя ощущение относительной ущемленности до уровня, на котором оно становится мотивацией коллективных действий - борьбы за претворение в жизнь утраченных надежд. Исследователи тех социальных движений в странах Латинской Америки и Африки, которые поднялись после пе-

риодов относительного процветания, достигнутого на шатких, непрочных основах зарубежных кредитов, называют их, в духе теории Дэвиса, «революциями неоправдавшихся ожиданий».

Распространение в обществе неких «обобщенных», становящихся общим достоянием убеждений - это уже состояние, близкое к появлению социального движения. Оно означает полную готовность, как структурную, так и психологическую, к тому, чтобы предпринять общие действия. Но, как правило, для этого еще необходим последний толчок, который Смелзер определял как «*иницилирующее событие*». Это может быть какая-либо индивидуальная или частная акция, но она должна иметь такое эмоциональное или символическое звучание, которое потрясло бы данную социальную группу или, как принято говорить, было бы способно вывести людей на улицы. Чернокожая женщина Роза Парке, которая в городе Монтгомери штата Алабама села в предназначенную «только для белых» часть автобуса, можно сказать, вошла в историю, ибо этот инцидент вызвал волну движения за гражданские права, которая привела в конце концов к полному равноправию негритянского населения Америки. Увольнение с работы профсоюзной активистки Анны Валентинович стало моментом, связанным с многомиллионным общественным движением «Солидарности», которое в конечном итоге привело к ликвидации коммунистического режима в Польше, а через Польшу и во всей Европе. Авария атомной электростанции на острове Фри Майльс стала началом мощного движения противников использования атомной энергии, а химическое заражение в местности Бхопал в Индии становится важным событием в истории экологического движения. Естественно, такие события прежде всего постигаются и переживаются индивидуально. Человек думает про себя: «Довольно. Так дальше не может продолжаться. Не могу смотреть на это равнодушно. Я больше этого не выдержу. С этим что-то надо делать». Затем он начинает говорить об этом с другими, делится своим волнением, возмущением, это подхватывает пресса, телевидение, в итоге отдельный инцидент становится предметом общественной дискуссии. В этот момент люди отдают себе отчет в том, что они не одиноки в своих чувствах и в стремлении к действию. В обычной ситуации мы, как правило, не знаем, что на самом деле думают массы других граждан, каковы их ценности, мнения, убеждения. Мы живем в состоянии, которое американский психолог Гордон Олпорт (Allport) называл «*плюралистическим невежеством*». Неуверенность в том, не являемся ли мы на самом деле одиноки в нашем недовольстве, протесте, в нашей обиде, превращается в парализующий фактор, заставляющий нас воздержаться от действия. Иницилирующее событие разрушает «плюралистическое невежество». Оказывается вдруг, что так, как я, думают и другие. Значит, мы можем действовать вместе.

Иницилирующее событие завершает процесс генезиса социального движения. Отсюда начинается уже его собственная «карьера». Первым ее этапом становится набор, «рекрутирование» свои членов. Уже в этот момент социальные движения начинают отличаться друг от друга. Существуют такие движения, в которых этот «рекрутирование» происходит спонтанно, стихийно, снизу. В таком случае они отвечают той традиционной интерпретации соци-

альных движений, которая называется «*вулканическая модель*». Движение «извергается» как вулкан под давлением накопившихся, массовых, действующих снизу сил. Это часто происходит в движениях, имеющих расовую, классовую, религиозную и национальную (националистическую) мотивацию. Зато в других движениях решающую роль играют возбудители, организаторы этих движений, вовлекающие в это движение других участников. В теории, рассматривающей эту «*модель мобилизации сил и средств*», речь идет даже о профессиональных «предпринимателях» - организаторах социальных движений. Феномен такого организованного набора сторонников имеет место в некоторых «новых» социальных движениях, массовое участие в которых вызывается деятельностью специальной, возникающей первоначально тесной группы квазипрофессиональных деятелей, которые затем приступают к акциям «рекрутирования» своих сторонников.

Основная проблема и задача такого «рекрутирования» заключается в наложении целей движения на собственные, частные интересы потенциальных его сторонников и членов. Иными словами, речь идет о том, чтобы задействовать такую рациональную мотивацию, которая склонила бы людей к участию в этом движении, или о том, чтобы так выстроить баланс частных интересов, утрат и риска, чтобы убедить людей, независимо от каких-либо эмоций, в том, что участие в таком движении им выгодно. Это особенно трудно в тех случаях, когда цели, которые ставит перед собой движение, имеют характер так называемых *всеобщих, публичных благ и ценностей*. Это такие блага и ценности, достижение которых выгодно для всех и которые по самой своей природе не могут быть зарезервированы только для некоторых. Примерами таких ценностей являются свобода, независимость, демократия, неразрушенная природа, мир и безопасность. В любом обществе, в котором такие цели будут реализованы, они неизбежно станут достоянием всех и каждого. И получается так, что если социальное движение борется за достижение именно таких благ и ценностей, то возникает и дает о себе знать определенный тормоз в «рекрутировании» его сторонников, который известен как *синдром человека, стремящегося не зависеть от общества*. Он связан с тем, что каждый человек может рассуждать следующим образом: если движение победит, то я и так получу от этого свою выгоду - буду жить в свободной стране, участвовать в жизни демократического общества, пить чистую воду, дышать чистым воздухом и т.д. Если же движение потерпит поражение, для меня лично (если я в этом движении не участвую) это не будет иметь никаких последствий, меня не коснутся никакие репрессии, самое худшее, что может случиться, это все останется так, как есть. Это означает, что многих людей мотивация, которую Вебер, как мы помним, называл целерациональностью, заставит воздержаться от участия в движении и занять позицию «*подождем - увидим*». Они станут пассивными пассажирами, которые едут зайцем, в надежде, что им удастся ухватить всю выгоду без каких-либо затрат. Это бывает тем чаще, чем выше риск, чем больше затраты времени, энергии или иные моральные и материальные затраты, связанные с участием в движении. Это один из классических примеров того, как близорукая рациональность индивида оказывается в противоречии с рациональностью коллектива. Если все люди будут рассуждать подобным обра-

зом, то никто и не предпримет никаких действий и акций, социальное движение просто не возникнет, а его цели не будут достигнуты. Общество в целом пострадает, а это, конечно, обернется и против каждого, кто надеялся «проехать зайцем». И тогда все люди будут и дальше жить в репрессивной системе, подчиняться автократической власти, убивать себя отравленными водой и воздухом, бояться призрака войны и т.п. И когда нужно против этого что-то предпринять, каждый человек начинает спрашивать: «А почему именно я, пусть это сделают другие, пусть это сделает мой сосед».

Поэтому социальные движения стараются нейтрализовать такого рода мотивацию. Избежать синдрома мотивации типа «поживем - увидим» можно одним из двух способов. Во-первых, тогда, когда мы руководствуемся не целерациональной мотивацией (*Zweckrationalitat*), а тем, что Вебер называл «ценностной рациональностью» (*Wertrationalitat*). Это тот случай, когда ценность поставленной цели выше, чем какие бы то ни были, даже самые большие затраты, связанные с деятельностью, направленной на достижение этой цели. В такой ситуации мы обычно говорим, что «цель оправдывает средства». Такая мотивация обычно свойственна инициаторам, идеологам, руководителям движения, которые позднее составляют его основной костяк. Другая возможность мобилизации «пассажиров-зайцев» - модификация тех расчетов, которые вытекают из их индивидуальной рациональности, посредством добавления, предложения им особых выгод, какие будут следствием их участия в движении и достанутся им помимо общих, публичных благ и ценностей, а также таких частных благ и ценностей, которые смогут получить только участники движения. Здесь речь идет прежде всего о том личном удовлетворении, какое проистекает из самого процесса участия в движении. Некоторые социальные движения предпринимают специальные усилия, чтобы увеличить привлекательность этого рода: организуют товарищеские встречи, клубы, праздники, театральные представления. Так, члены какого-нибудь благотворительного общества встречаются на торжественных обедах; экологические движения практикуют совместные экскурсии, выезды на природу. Некоторые движения сопровождают и окружают свою обычную, повседневную деятельность ритуалами и символикой, что придает им квазисакральный характер, а также стараются создать впечатление особой эксклюзивности, секретности, рассчитывая на снобизм тех, кого это может привлечь. К таким средствам прибегало масонское движение, а на современном этапе такой характер обретают различные сатанистские секты и движения. Однако наряду с такого рода развлекательностью самого процесса участия в расчеты целерациональности могут быть включены и более определенные, материальные стимулы к участию. Например, политическое движение может содержать обещания предоставления своим активистам тех или иных должностей, постов, может давать награды или допускать к денежным фондам только своих, облеченных доверием членом.

В процессе «рекрутирования» выделяются две следующие друг за другом волны. Первая называется *первичным рекрутированием, или отбором*. Она охватывает тех, кто присоединяется к движению из побуждений идеологических или моральных. Для них важны те цели, которые ставит перед собой данное

движение. Такое восприятие движения означает высокую степень ангажированности, увлеченности, готовность на самопожертвование, риск на затраты во имя высшей цели, которую выдвигает движение. Вторая волна, или *вторичное рекрутирование (вторичный набор сторонников)*, опирается на совсем иные мотивы. Когда движение уже существует и, более того, добивается очевидных успехов, сама принадлежность к нему самоцельно привлекательна независимо от инструментальных целей движения. Это движение обеспечивает установление социальных контактов, интересную совместную деятельность, ощущение полноты и смысла жизни, чего так часто не хватает в современном массовом анонимном обществе. Такое удовлетворение всегда приносит участие в «команде» победителей, возможность пользоваться частью ее успеха, престижа, славы. Ясно, что членство, возникающее на такой основе, имеет уже иной характер, чем присоединение к движению на волне идеологического воодушевления. Это членство в известном смысле условно, оно продолжается до тех пор, пока все идет гладко. Зато первая неудача, а уж тем более поражение движения приводит к массовому оттоку, бегству из этого движения тех, кто искал в нем только удовлетворения своих желаний, связанных с участием в товарищеском коллективе, в «команде», или своих престижных поисков и расчетов.

В волнообразном процессе многократного набора сторонников членский состав социального движения формируется так, что включает в себя концентрические круги, соответствующие разной степени увлеченности, преданности делу, воодушевления. Центральное идеологическое ядро образуют те, кто рассматривает движение как свое призвание и связывает с ним значительную часть своей жизнедеятельности, а его периферию - те болельщики, или «попутчики», которые мало значения придают целям движения, а стараются присоединиться к нему только ради какого-нибудь интересного или важного для них начинания. Это явное различие проступает особенно четко, когда движение предпринимает какие-нибудь коллективные действия. Тогда выявляется костяк наиболее активных и решительных участников, чья деятельность особенно бурная, кто готов идти на самый большой риск, подвергаться арестам и т.п. Именно лица этих людей показывает телевидение в репортажах о каких-либо уличных беспорядках или демонстрациях. При этом существуют гораздо более многочисленные массы несравненно более пассивных участников, которые поддерживают движение, но не готовы на яркие, героические поступки. Во время антиглобалистских манифестаций в Квебеке один журналист из Би-Би-Си признался, что те, кто вступает в схватки с полицией и кого постоянно показывают с экранов, - это каких-нибудь сто человек, в то время как собирающиеся как бы на заднем фоне, более пассивные участники движения, в лучшем случае скандирующие его лозунги, насчитывают тысячи человек.

Разные слои и степени участия проявляются также в случае поражения социального движения. Когда дело доходит до демобилизации движения, она совершается так, как распадается луковица, начиная с внешних слоев шелухи.

Когда социальное движение начинает свою деятельность, открывается перспектива для важной роли руководителя, предводителя движения в делах мо-

билизации, координации и организации составляющих его сил. В большинстве социальных движений уже на очень ранней стадии появляется главная фигура - *харизматический лидер*. Понятие харизмы здесь связано с какими-нибудь особенными, выдающимися способностями, умением, знаниями, последовательностью, моральной силой и т.п., которые воспринимаются сторонниками и квалифицируются ими почти как сверхчеловеческие. Воспринимая таким образом личность своего лидера, люди готовы абсолютно доверять, проявлять по отношению к нему полное послушание и лояльность. Надо подчеркнуть, что, как и во многих других общественных делах, наиболее существенным является здесь приписывание лидеру определенной харизмы, которое совершается коллективом. Перефразируя известное теоретическое положение Уильяма Томаса (W. Thomas), можно сказать, что, если люди рассматривают кого-либо как большую величину, этот кто-либо тем самым уже возвеличивается, становится такой величиной. Таким образом, харизма становится своего рода отношением между лидером и его сторонниками, болельщиками, фанатами, последователями. Харизма означает такие черты отдельной личности, на которые как бы существует общественный спрос, которые отвечают ожиданиям людей, соответствуют их настроениям. Обрести харизму - значит попасть в точку этих общественных ожиданий. Как сформулировал это в виде парадокса один известный политик, «я являюсь их предводителем, это значит, я следую за ними». Конструирование харизмы по заказу специалистами в области public relations заключается именно в таком моделировании внешнего облика, способа поведения, речи, а также содержания выступлений кандидата на выборах, которое приведет к тому, чтобы соответствовать ожиданиям электората, которые кропотливо выявляются посредством зондирования общественного мнения. В среде сторонников того деятеля, который становится харизматической фигурой, появляются особые эмоции, энтузиазм, культ. Эти люди участвуют в создании харизмы, находя удовлетворение в самом подчинении, лояльности, послушании, безусловной, не подвергаемой критическому анализу поддержке. Какие крайние формы может все это приобретать, нетрудно увидеть на примерах концертов какого-нибудь кумира поп-культуры, на боксерских матчах, на митингах в поддержку диктаторов.

В социальном движении харизма становится мощной мобилизующей силой. Однако одной из особенностей харизмы является ее относительная эфемерность. Состояние энтузиазма участников движения обычно не держится долго, а сам предводитель теряет ореол чего-то необычайного, почти сверхъестественного, идеального, когда приступает к своим повседневным и совершенно необходимым функциям по руководству движением. Оказывается, что он выглядит на баррикаде совершенно иначе, чем за письменным столом. Вслед за Вебером мы можем назвать этот процесс *рутинизацией харизмы*. Это сигнал наступления следующей фазы, через которую обычно проходят социальные движения, а именно фазы кристаллизации идеологии, формирования организации и свойственного ей нравственного кодекса - этоса. Прежде несколько неопределенные идеалы социального движения преобразуются в четкую идеологическую систему. Важнейшим элементом этой системы является

видение будущего, в котором идеи данного движения будут претворены в жизнь. Нередко это видение обретает характер утопии. Свое место в идеологии движения занимают также диагноз, формулируемый часто в форме крайних, истеричных, катастрофических предупреждений, тех проблем, которые движение рассчитывает решить, тех опасностей, которые оно намеревается предотвратить, а рядом с этим «диагнозом» вскрытие причин, источников и, что особенно важно, персональное указание на тех деятелей или на те группы, которые виновны в данном положении дел. Социальные движения часто поддаются той форме мышления, которую Карл Поппер (Popper) относил к теории заговора. Параллельно с этим происходит дифференциация прежде бюрократизованных организационных структур, выявляются разные ветви власти, специализированные функциональные ячейки и ниши. По представлениям американского исследователя, специалиста по проблемам социальных движений Мейера Зальда (Meyer Zald), движение в этот момент перерастает в нечто большее, а именно в «организацию типа социального движения» и даже в своего рода «индустрию социальных движений». Некоторые социальные движения преобразуются в политические партии, теряя характер спонтанных коллективных действий, и находят свое место в политических структурах, организованных как определенные институты. Наконец, в социальном движении вырабатывается своеобразный комплекс правил действий и поведения, нормативная этика. Важное место в ней занимает кодификация допустимых, поощряемых, а также недопустимых, запрещенных методов действия, или, если воспользоваться терминологией Чарльза Тилли (Charles Tilly), приемов из «протестного репертуара». Одни социальные движения требуют того, чтобы воздержаться от применения насилия, другие считают допустимым терроризм. Важную составляющую этой нормативной этики представляют правила поведения внутри организации, в отношениях с товарищами, а также в отношении идеологических противников и врагов. Первые правила формируют этику солидарности, а вторые - этику борьбы.

Любое социальное движение в какой-то момент кончается. Это окончание может естественным образом совпасть с одержанной победой, с достижением тех социальных изменений, реформ или революционных преобразований, которые были знаменем борьбы и целью движения. «Кризис победы» означает демобилизацию движения, его участники расходятся, рассредоточиваются, организационные структуры распадаются, идеология теряет свою актуальность. Попытки квазипрофессиональных деятелей, для которых это движение является главной ареной их деятельности, которые связывают с ним свои личные интересы, сохранять и поддерживать такое движение приводит в лучшем случае к появлению каких-либо осколочных его форм, нередко приобретающих карикатурный характер. Противоположная ситуация возникает тогда, когда движение терпит поражение, когда ему не удается реализовать свои цели. *Кризис проигранной ситуации* выражается в нарастающем разочаровании участников, в постепенной демобилизации, в спаде активности, в оттоке сторонников. Подобный конец движения может также наступить в результате репрессий, какие способна обрушить на реформаторское или революционное движение государственная власть или какие будут результатом противо-

действия со стороны *контрдвижений*, мобилизующих свои силы для охраны статус-кво. Такая ситуация кардинально меняет расчеты затрат и риска, связанных с дальнейшим участием в движении, что приводит к отходу от движения тех масс, чья мотивация в участии была достаточно слабой. Как правило в таком случае в движении остаются лишь наиболее решительные и последовательные идеологи, которые в каких-либо новых обстоятельствах, в более благоприятных политических условиях и при модификации стратегии действий могут стать зародышем возрождения движения.

Завершая анализ различных форм коллективной активности, мы можем представить результаты этого анализа (табл. 4).

Таблица 4. Формы коллективной активности

Социологическое понятие	Определяющая черта				институционализация
	объем (величина) действий в индивидуальных целях	пространственная и ситуационная близость (расстояние)	общие цели и координация	направленность на изменение общества	
Массовые действия	+				
Коллективное поведение	+	+			
Коллективные действия		+	+		
Социальные движения		+	+	+	
Организованные действия	+	+	+		+

Социальные движения - это наиболее сложная форма проявления коллективной активности. Они образуют категорию, занимающую пограничное положение между сферой текущих, постоянно меняющихся, перетекающих индивидуальных и коллективных действий, с одной стороны, и более определенными, постоянными, кристаллизующимися объектами, с другой. В то же время мы могли наблюдать, как в области социальных движений формируются все более сложные и прочные организации длительного действия, а также как встраиваются такие движения в прочные, кристаллические структуры государственного устройства, превращаясь в разного рода ассоциации, объединения, фракции, клубы, блоки, политические партии. Таким образом, анализ социальных движений становится естественным завершением того раздела наших рассуждений, в котором наша мысль была сконцентрирована на динамичной «социальной жизни», на сфере человеческого поведения, действий людей, контактов, взаимодействий, социальных отношений, массовых действий, коллективного поведения, общих, совместных действий. Индивидуальная и коллективная активность формирует определенные, наиболее стабильные общественные объекты, которые обретают определенную степень автономии и прочности, выходящую за сферу действий. Более того, они оказывают обратное влияние на эти действия, образуя те ограничительные рамки, в которых происходит вся человеческая деятельность.

Теперь мы переходим к анализу социальных общностей, которые складываются в то, что творец социологии Огюст Конт (August Comte) называл *анатомией общества*.

Важнейшие понятия и термины

Антиглобалистские движения - новая волна социальных движений радикального характера и левой ориентации, появившаяся на рубеже XX-XXI вв. как протест против власти крупных корпораций и финансовых центров, потребительского образа жизни, против вызывающего, бросающегося в глаза социального неравенства и против эндемической нищеты в мировом масштабе.

Вторичное рекрутирование - присоединение участников к социальному движению, которое успешно развивается и достигает поставленных целей, в поисках удовлетворения стремлений быть в коллективе, среди товарищей, а также во имя достижения собственных, эгоистических, карьерных целей.

Горизонтальная, или пространственная, мобильность - перемещение людей в географическом пространстве: миграция, туризм, путешествия, выезды на работу и в поисках работы.

Иницирующее действие - индивидуальное, частное и даже случайное действие, имеющее, однако, такое символическое звучание или эмоциональное наполнение, что оно вызывает потрясение в обществе (коллективе) и может привести к мобилизации социального движения

Коллективное поведение - такая ситуация, в которой множество людей действуют поодиночке, каждый сам по себе, но в пространственной близости с другими, в тех же самых условиях и обстоятельствах, что приводит к модификации поведения каждого из этих людей в направлении, которое определяется как «психология толпы».

Массовые действия - такая ситуация, когда множество людей примерно в одно и то же время, но по отдельности и в личных, индивидуальных целях предпринимает сходные действия, которые приносят непредвиденные объективные последствия, выходящие за границы частных и единичных намерений или последствий, обретая значение для всего общества.

Модель вулканизации социального движения - убеждение, что социальное движение может разразиться снизу под давлением нарастающего напряжения и недовольства масс общества.

Модель мобилизации средств - убеждение в том, что социальное движение является результатом манипуляций его активных деятелей или идеологов, пропагандирующих идеологию протеста и осуществляющих мобилизацию пассивных в своей основе и несведущих (неосведомленных, темных) масс общества, поднимая их на коллективные действия.

Новые социальные движения - движения, имеющие широкий, гетерогенный состав участников, поднимающие на борьбу за утверждение универсальных, постматериалистических ценностей: гармонии с природой, охраны окружающей среды, мира, эманси-

пации женщин, обеспечения прав меньшинств и эксплуатируемых групп, охраны зародившейся жизни и т.п..

Общие блага - ценности, которые по своей природе имеют всеобщий характер и не могут составлять привилегию только некоторых групп общества (например, демократия, справедливость, или равенство, суверенность).

Относительная депривация - ощущаемая как несправедливость, как нечто неправильное различие между действительными достижениями и желаниями в уровне жизни, заработков, власти или престижа.

Первичное рекрутирование - присоединение людей к социальному движению из истинных идейных побуждений, из желания вести борьбу за осуществление целей данного движения.

Плюралистическое невежество - неосведомленность о взглядах и позициях других членов коллектива или целого общества.

Поколение - совокупность людей, которые, хотя и поодиночке и независимо друг от друга, стали свидетелями одних и тех же важнейших исторических событий, пережили те же самые ситуации, реагировали на те же самые вызовы, что нашло выражение в их убеждениях, правилах и ценностях, а также создало ощущение общности судьбы.

Политика улицы - оказание давления на государственную власть посредством массовых уличных демонстраций в более или менее резкой, бурной форме.

Постматериалистические ценности - акцент на качестве жизни, самореализации, гармонии с окружающей средой, на личном достоинстве и правах человека.

Протестный репертуар - принятые, одобренные в данном социальном движении методы действий, считающиеся пригодными для достижения его целей.

Публика - совокупность наблюдателей, зрителей или слушателей, которые одновременно, хотя и рассеяны в пространстве, сосредотачивают внимание на одном и том же событии, будь то телевизионная программа или радиопередача, получают сходные впечатления и переживают сходные чувства.

Радикальные движения - коллективные акции, ставящие своей целью фундаментальные изменения существующего строя, в частности господствующих в обществе ценностей.

Реформаторские движения - коллективные акции, цели которых ограничены модификацией существующих общественных основ, правил или норм (в частности, правовых) при сохранении этих основ или организационных структур без намерения их разрушить.

Рутинизация харизмы - утрата харизмы лидером в результате того, что он включается в рутинную, повседневную административную или организационную работу, в процессе которой выявляются его слабости, он совершает ошибки и его заменяют другие люди.

Сектор социальных движений - общая сумма выступающих в данном обществе социальных движений разных типов.

Синдром человека, стремящегося не зависеть от общества - ситуация, когда человек воздерживается от поддержки коллективных действий, направленных на достижение общих, публичных благ, исходя из эгоистического рационального расчета, согласно которому риск, связанный с участием в таких действиях, не оправдан, ибо достижение этих благ (за что борются другие) и так само собой принесет равную выгоду всем, в том числе и проявившим пассивность.

Социальные движения - коллективные действия (акции), направленные на то, чтобы вызывать изменения в обществе или, напротив, воспрепятствовать им.

Социальные контрдвижения - мобилизация коллективных действий, направленных против уже получившего развитие социального движения, имеющая своей целью демобилизацию этого движения и невозможность его успешного развития.

Старые социальные движения - социальные движения, действующие в экономических или политических интересах отдельных, четко определенных сегментов общества - социальных классов, профессиональных групп, этнических, расовых общностей.

Толпа - масса людей, которые находятся в непосредственном пространственном контакте и реагируют на что-либо происходящее, как и на присутствие рядом с ними других людей спонтанно, не задумываясь, не рассуждая и подражая друг другу.

Харизма - особые, исключительные таланты, навыки, знания, последовательность в действиях, сила духа, нравственность, способность сильного воздействия и влияния и другие качества, которые воспринимаются и квалифицируются сторонниками лидера почти как сверхъестественные и требующие полного подчинения его власти.

Рекомендуемая литература

37, 57, 63 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Часть II

**СОЦИАЛЬНЫЕ
ОБЩНОСТИ**

Глава 8

От множества индивидов к социальной группе

Итак, мы завершили ту часть наших рассуждений, где внимание было сосредоточено на *человеческой активности*, индивидуальной и коллективной, в ее различных формах, комбинациях, мутациях, флюктуациях, начиная от самых простых физических движений и до необычайно сложных социальных движений.

Переходя к анализу стабильных и кристаллизовавшихся *социальных общностей*, мы будем применять иную систему видения, нежели та, какой мы пользовались при описании динамичной «социальной жизни». Насколько до сих пор простейшей, конечной, элементарной единицей нашего анализа были человеческие *действия*, рассматриваемые в отрыве от конкретных лиц, совершающих эти действия, настолько теперь мы подходим к более реалистическому порогу, рассматривая как основную составляющую общества *отдельного человека*. В той парадигме, которой мы придерживались прежде, общество состояло из действий людей, в этой парадигме общество представляет собой некое собрание личностей. Такой подход именно из-за реалистичности и явной очевидности утвердился в социологии раньше, чем более утонченный, рафинированный подход, при котором акцент ставится на действия. Некоторые полагали, что утверждение абстрактной динамичной концепции действий и их комбинаций, индивидуальных и коллективных, победит и вообще вытеснит этот более ранний подход, который назывался когда-то *групповым*. Между тем он остается обязательным и необходимым дополнением к анализу общества по отношению к динамическому исследованию «социальной жизни», складывающейся из действий. Мы не должны забывать, что хотя это совершенно разные подходы и точки зрения, но подходы к тому же самому явлению и точки зрения на то же самое явление. Общество как бы единое целое, оно таково, каково оно есть, и только социолог, обращаясь к анализу общества, может пользоваться различными точками зрения, смотреть на него под разными углами, можно сказать, через разные «социологические очки». Поэтому пусть никого не удивляет, если вдруг окажется, что мы постоянно ведем речь об одном

и том же, но рассматривая разные аспекты, мы обогащаем образ, приближаем его, чтобы наконец представить тот необычайно сложный мир, каким является человеческое общество.

Черты, формирующие группу

Исходным пунктом групповой парадигмы является тот банальный взгляд, согласно которому общество - это множество единиц, или, иначе говоря, определенная *популяция*. Очевидно, что в обществе выявляются различные группы, состоящие из индивидов. Множеством индивидов может быть и семья, и нация, и футбольная команда, и войсковое подразделение, и класс в школе, и круг приятелей, и число жителей Кракова, и состав мафиозной группы, и благотворительный клуб, и парламент, и политическая партия, и молодежная банда. Все это, а примеры такого рода можно приводить без конца, - человеческие общности.

Если мы говорим о каком-либо коллективе людей, то его основной характеристикой является *состав*: кто входит в эту группу, что представляют собой те единицы, которые к ней относятся? Необходимо выяснить, какой характер имеют отличительные черты членов этой группы. Американский социальный антрополог Клайд Клакхон (Clyde Kluckhohn) заметил, что среди всего множества человеческих особенностей есть такие, которые свойственны всем людям, есть такие, которые свойственны только отдельному человеку, и такие, которые свойственны некоторым людям и тем самым отличают их от всех других, у которых нет таких особенностей. Все люди подобны друг другу с точки зрения определенных биологических и психологических особенностей, составляющих, как мы порой говорим, «родовой (или видовой) природы человека». Со времен древних философов мыслители пытаются дать определение человеческой природе, формулируя самые различные концепции: homo sapiens, homo socius, homo politicus, homo economicus, homo ludens, homo reciprocus и множество других. Эта область является также сферой интересов таких наук, как анатомия, физиология, медицина, экспериментальная психология, физическая антропология и др. Что же касается социолога, то для него, как правило, в принципе не важны такие универсальные аспекты человека. Мы пишем «как правило, в принципе», поскольку влиятельная сегодня школа «социобиологии» утверждает, что определенные фундаментальные, биологические, «животные», связанные с инстинктом особенности людей оказывают весьма существенное влияние на их действия, а тем самым на весь ход социальной жизни и на состояние общества. И хотя с этим трудно не согласиться, все же мы можем рассматривать биологию человека как некий субстрат общества, один из параметров всего, что происходит в обществе, так же как и другой параметр - физическое окружение, в котором все мы существуем и живем, и абстрагироваться от обоих этих параметров в поисках особенных социальных признаков человека.

На другом полюсе находятся такие особенности, которые присущи исключительно данному индивиду, одному человеку, которые он ни с кем не разде-

ляет которые составляют неповторимую *индивидуальную идентичность*. К ним относятся характерные телесные и духовные особенности: внешний вид, красота, унаследованный и уникальный генетический код, исключительность, которую составляет неповторимый жизненный опыт данной личности, знания, какими данный человек владеет, те взгляды, убеждения, ценности, какие он признает и исповедует, то, во что он верит, то, чего он боится и чему радуется, кого любит и кого ненавидит и т.д. С этой точки зрения каждый человек отличается от другого. Не бывает двух совершенно одинаковых людей, ибо даже близнецы, как мы знаем, со временем начинают отличаться друг от друга. Особенности и чертами такого рода интересуются, к примеру, психология индивидуальных различий, психология личности. Они важны также для полиции, которая может идентифицировать преступника по отпечаткам пальцев или по генетическому коду, а также труп человека по характеру зубов или родимым пятнам на коже. Такие абсолютно частные особенности также не представляют интерес для социолога.

Но есть еще третий тип отличительных особенностей, которые являются *общими с некоторыми другими людьми* и тем самым отличают нас вместе с ними от других людей. Именно такие особенности оказываются в центре внимания и интереса социологии. Взглянем на университетскую аудиторию во время лекции. Здесь сидят девушки, которые, естественно, отличаются от юношей; здесь есть высокие люди, которые заметно отличаются от низкорослых; здесь есть блондины, брюнеты, рыжие и лысые; толстые и худые; здесь есть жители Кракова, приезжие из Силезии и горцы из Подгалья; в большинстве здесь поляки, но есть и пара иностранцев; некоторые являются выходцами из деревни, другие - горожанами; здесь есть студенты, изучающие только социологию, и есть представители так называемых «двух специализаций», изучающие, кроме социологии, что-нибудь еще; при этом все вместе они - студенты и тем отличаются от рабочих и служащих; к тому же они студенты-социологи, что отличает их от студентов-химиков или студентов-математиков; кроме того, это молодые люди, отличающиеся тем самым от стариков или пенсионеров. Все это черты, которые нельзя назвать абсолютно универсальными для человеческого рода, ибо не все люди являются девушками, краковянами, студентами и т.д. И в то же время это не совсем частные, не исключительные черты, ибо девушек много, краковян (жителей Кракова) много, студентов много и т.д. И именно такие черты и особенности, находящиеся как бы посередине между универсальными и индивидуальными признаками, отличают разные группы: мужчин от женщин, жителей Кракова от варшавян, студентов от пенсионеров и т.д.

Универсальные черты человеческой природы, общие для всех людей на Земле, формируют и характеризуют *человечество*, всех жителей планеты Земля, глобальное, недифференцированное сообщество людей. Индивидуальные черты носят исключительно частный характер и не могут служить признаками какой-либо общности людей, они выявляются лишь в свободном, случайном наборе отдельных особенных. Зато благодаря чертам этого промежуточного, срединного типа, определяющим сходство и различие между частями целого, все множество людей, или популяция, делится на мень-

шие общности, иначе говоря, происходит внутренняя структуризация человеческого сообщества.

Сразу же обратим внимание на то, что индивид обладает одновременно множеством таких «срединных», или «частичных», особенностей, разделяемых этим индивидом с некоторыми другими людьми. Выберем для примера кого-нибудь в нашей аудитории. Барышня Марта является студенткой, значит, она имеет нечто общее со всеми студентами и отличается, скажем, от пенсионеров. Она девушка и, значит, имеет нечто общее со всеми женщинами и отличается от мужчин. Это молодая девушка и, значит, имеет нечто общее со всеми молодыми людьми и отличается от людей старшего поколения. Она полька и, стало быть, имеет нечто общее со всеми поляками и отличается, к примеру, от итальянок. Она из Закопан и, значит, имеет нечто общее со всеми жителями этого края и отличается, скажем, от жителей Силезии. Она блондинка и, значит, имеет нечто общее со всеми блондинками и отличается от брюнеток. Она худенькая и, значит, имеет нечто общее со всеми худыми людьми и отличается от толстых. У нее есть собака и, значит, она имеет нечто общее со всеми обладателями собак и отличается от тех, кто любит кошек. Она родилась во вторник и, значит, объективно говоря, имеет нечто общее со всеми, родившимися во вторник, и отличается от тех, кто родился в субботу. Этот список можно было бы продолжить. Здесь, в этой университетской аудитории, самым важным ее признаком является то, что она студентка, в данный момент эта характерная черта является решающей, определяя ее принадлежность к данной общности людей, формирующейся в сфере образования. Но как бы в уме, потенциально присутствуют здесь и все другие, названные нами частичными характерные особенности, которые в других контекстах могут актуализироваться и определять принадлежность данного человека к иным людским коллективам, общностям. *Одновременная принадлежность* человека к разным общностям, выявляющаяся в зависимости от контекста, в котором этот человек оказывается, составляет одну из важнейших характерных черт человеческого сообщества. Мы уже говорили о ней, только несколько иначе, в выражениях, типичных для рассмотрения общества с «деятельной», а не с «групповой» точки зрения (когда речь шла о «действиях», а не о формировании «групп»), при рассмотрении и анализе такого феномена, как статусный набор, когда выявляли плюрализм ролей и различные формы напряжения и конфликтов, которые могут из этого проистекать.

Разновидности социальных общностей

Общности людей, определяемые отличительными особенностями «среднего» типа, частично различающимися, частично уподобляющимися людей друг другу, могут выступать в различных ипостасях. Совокупность людей, схожих между собой с какой-либо точки зрения и отличающихся с этой точки зрения от других, называется *статистической категорией* или *статистической группой*. Женщины, студенты, рабочие, пенсионеры, блондины, поляки, жители Кракова и т.п. - все это статистические категории. Можно выявить их чис-

ленность в пределах данной популяции, выяснить, что эта численность возрастает или уменьшается, определить, как она размещается территориально, и провести еще множество других расчетов и замеров. Скажем, в Польше есть столько-то студентов, их численность за последнее десятилетие удвоилась, среди них есть столько-то студентов, изучающих социологию, столько-то студентов учится в Кракове - все это типичные статистические данные. Существует огромное множество отличительных черт, особенностей, которые можно считать основными, определяющими для такого рода «раскрытия» популяции, образования групп. Именно поэтому существует такое множество рубрик и разделов в «Статистическом сборнике».

Как мы уже говорили, каждый человек имеет огромное множество характерных, отличительных черт и поэтому может быть отнесен одновременно к различным статистическим категориям. Сам по себе этот факт еще не создает никаких проблем для отдельного человека, разве что может добавить трудностей в работе статистиков.

Однако интуитивно мы ощущаем, что вес и значение различных отличительных черт, присущих одному и тому же человеку, далеко не равны и не равны между собой. Тот факт, что Марта является студенткой, конечно, гораздо более важен, чем тот факт, что она родилась во вторник. То, что она женщина, гораздо более существенно, чем то, что она является хозяйкой собаки. То, что она полька, гораздо важнее того, что она худого телосложения. В каком смысле важнее? В том, что оказывает гораздо более существенное, осязаемое влияние на ее место в обществе, на определяемые этим местом интересы, стиль и способ жизни, жизненные шансы и перспективы, на заработок, престиж, характер убеждений, идеалов и ценностей, которые она признает, исповедует, на которые она ориентируется. А также в том смысле, что эти отличительные особенности в данном обществе широко и повсюду рассматриваются как основа того или иного существенного сходства между людьми. Таким образом, существуют отличительные черты и особенности, в целом, более важные и менее важные и существенные для социальной позиции человека, для того, чтобы он смог занять в обществе то или иное место. Пишу «в целом», ибо могут возникнуть особые ситуации, когда определенные характерные черты, обычно мало существенные, обретут неожиданное общественное значение. Представим себе, что какое-нибудь правительство примет решение брать налог с лысых. В политике все возможно. В таком случае жизненное положение лысых изменится, недостаток волос станет решающим в определении общих интересов, выявит дискриминацию лысых по сравнению с брюнетами и блондинами, которым налогов платить не придется. Когда я был студентом, то был членом «Клуба высоких людей». И тогда существование такой элитарной организации, чья деятельность весьма к ней привлекала, ибо она устраивала различные развлечения (балы, дискотеки, футбольные матчи, турниры карточной игры в бридж, экскурсии и т.п.), куда не допускались коллеги небольшого роста, означало, что рост становился источником привилегий, открывал новые возможности, обеспечивал престиж. То, какие именно черты больше всего ценятся в обществе, меняется в исторической перспективе. В Средние века огромную роль играло аристократическое проис-

хождение, в ПНР - партийная принадлежность, в наше время - уровень образования и полученная специальность. Когда-то быть женщиной значило иметь меньше шансов получить образование, профессию, заработок; сегодня благодаря успехам движения за эмансипацию и феминистского движения многовековая дискриминация уступает место равноправию, по крайней мере в этом смысле половые различия становятся менее существенными.

Совокупность людей, схожих между собой в плане отличительных черт, *общественно важных, значимых*, ценимых в данной местности и в данное время, представляет собой уже нечто большее, чем статистическая группа. Такая общность является уже результатом не только чисто арифметической операции сложения, она проистекает из реального сходства жизненной ситуации, подобию интересов и шансов. Она также воспринимается и рассматривается всеми и повсюду как проявление важного, существенного сходства. В отличие от статистической категории мы будем вести речь в таком случае о *социологической категории*. Студенты, рабочие, молодежь, краковяне, поляки - все это примеры таких категорий, ибо из принадлежности к таким общностям (группам, коллективам) вытекает нечто весьма важное для их членов - во всеобщем восприятии сразу ощущается, что члены таких групп имеют между собой нечто общее, мы спонтанно воспринимаем их вместе как определенную общность, занимающую свое место в классификации. Раньше в социологии для определения такой объективной общности, вытекающей из жизненной ситуации, общности, имеющей существенное значение для ее членов и воспринимаемой другими как нечто существенное, применялся термин «*объективная связь*». Среди факторов, генерирующих такую связь, выделяются пол, возраст, раса, гражданство, территория проживания, вид профессиональной деятельности (работа) и т.п. Классик французской социологии Эмиль Дюркгейм применял в таком случае термин «*механическая солидарность*». Он иллюстрировал такого рода связи примерами из жизни племенного общества, в котором разделение труда находится только в зачаточном состоянии и все члены общества выполняют общие, одни и те же функции: охотятся, ловят рыбу, собирают дары леса. Между этими людьми возникает рудиментарное, зачаточное чувство общности. Спустя несколько десятков лет Роберт Мертон (Robert Merton) и Поль Лазарфельд (Paul Lazarsfeld), анализируя феномен дружбы, назвали одну из связей, образующихся между друзьями, термином «*гемофилия*», который означает «любовь к сходству» (друзьям нравится быть в чем-то похожими друг на друга). В самом деле, мы часто дружим с теми, кто похож на нас, близок нам или по возрасту, или по профессии, или по месту жительства, или по вере, или по взглядам, ценностям, или по мировоззрению.

Ясно, что в современном сложном обществе один и тот же индивид принадлежит к нескольким разным социологическим категориям, ибо он где-то живет, где-то работает, имеет тот или иной возраст, представляет тот или иной пол, имеет то или иное гражданство. Может случиться так, что интересы, вытекающие из принадлежности человека к одной из социологических категорий, окажутся в противоречии с интересами, связанными с его принадлежностью к другой категории. Например, профессор государственного универси-

тета может оказаться одновременно хозяином частной фирмы, а интересы этих двух секторов экономики расходятся. Какой-нибудь человек, живущий в деревне, может постоянно работать в городе, и ему придется решать, будет ли он поддерживать политику правительства, более благоприятную для города или для деревни. Кто-нибудь может иметь двойное гражданство разных стран, которые окажутся в состоянии войны друг с другом. Во всех таких случаях мы говорим о конфликте интересов.

Последствия сходства, формирующегося под действием таких факторов, как профессия, вид занятости, возраст, пол, гражданство и т.п., имеют объективный характер, выступают независимо от того, думают ли люди об этом, отдают ли себе отчет в существовании этих факторов или их не замечают. Именно поэтому и применяется термин «*социологическая категория*». Дело в том, что со стороны, например с точки зрения социолога, мы наблюдаем и фиксируем среди представителей одной социальной группы общность интересов, жизненных шансов, ментальности. Но, разумеется, это может стать и темой размышлений «изнутри» данной группы, объектом самосознания, формирующегося среди самих членов группы. Они могут отдавать себе отчет в особенностях, своеобразии той жизненной ситуации, в которой они находятся, и в отличии ее от ситуаций, в которых оказываются другие группы. Из этого уже вытекает определенная степень солидарности, лояльности, доверия к «нашим» и одновременно формируется некоторая дистанция и недоверие к «чужим». Более того, люди могут интерпретировать особенности и отличия своей ситуации как результат определенных причин и обстоятельств, а следовательно, развивать и применять в своем обиходе целые «теории», связанные с этой темой. Как указывал классик итальянской социологии Вильфредо Парето (Vilfredo Pareto), такие теории часто обретают форму оправданий, обоснований, рациональных доказательств, абсолютно расходясь при этом с историческими и жизненными реалиями, существуя в обход фактов. Он называл такие теории «*мыслительной деривацией*». Наконец, члены группы могут также переживать определенные эмоции: удовлетворение или отчаяние, гордость или стыд за ту ситуацию, в какой они находятся, симпатии или враждебность, зависть или уважение, отвращение или толерантность по отношению к другим - к тем, кто от них отличается. Часто такого рода эмоции становятся источником формирования *стереотипов* - односторонних, упрощенных, основанных на идеализации концепций и представлений о собственной группе (автостереотипов) и столь же односторонних, упрощенных, негативных представлений о других «чужих» группах (в крайних случаях это приводит к формированию стереотипов врага). Когда сознание такого рода, направленное как внутрь, так и на внешнее окружение, обретает последовательное развитие и всеобщее распространение среди членов группы, мы говорим о появлении *групповой идентичности*. Простейшим ее признаком является мышление в категориях «свои» и «чужие», «наши» и «их», «мы» и «они». Когда к общей жизненной ситуации, сходному общественному положению членов той или иной группы добавляется развитое сознание (осознание этого сходства и общности), или, иначе говоря, групповая идентичность, перед нами предстает уже нечто большее, чем социологическая категория. Это уже не некая общность,

выявленная и зафиксированная посторонними наблюдателями (например, социологами), а группа, общность которой субъективно пережита «изнутри» самими ее членами. Поэтому такую группу мы называем *социальной категорией*. В социологии мы говорим также в таком случае о появлении *субъективной социальной связи*. Такая субъективная связь может быть отражением каких-либо объективных обстоятельств, в которых оказывается данная группа, или каких-нибудь характерных черт, присущих ее членам. Она может простекать, к примеру, из условий жизни в сходных условиях (в деревне, на морском побережье, в горах и т.п.), из общей экономической ситуации, касающейся данной группы (нищета или, напротив, богатство), из профессии и работы, которую выполняют члены такой группы (например, врачи, адвокаты), из возрастных особенностей (молодежь, подростки-тинейджеры, пенсионеры). Но субъективная связь может простекать также из осознанной общности убеждений, верований, ценностей, мировоззренческих взглядов. Например, люди одной конфессии чувствуют себя более близкими друг к другу, чем к носителям другой религии (например, католики, протестанты, мусульмане). В политике либералы ощущают определенную близость к либералам, консерваторы - к консерваторам, радикалы - к радикалам. Противников смертной казни или абортот связывает друг с другом исходное представление о жизни как наивысшей ценности.

Такого рода субъективные ощущения общности могут появляться и развиваться постепенно, в некоей очередной последовательности. Возьмем два примера. Женщины - это, несомненно, статистическая категория, определяемая биологическими признаками и поддающаяся арифметическому исчислению. Но в то же время это и социологическая категория, ибо во всех обществах во все времена быть женщиной - это означало и означает определенный круг деятельности, способ существования, стиль жизни, обязанности, повинности, ту или иную меру престижа, профессиональные шансы и т.п. Факт рождения женщиной никогда не был и не может быть безразличным, неважным для жизненной судьбы родившегося, напротив, он имеет важные общественные последствия. В большинстве обществ это означает, к сожалению, дискриминацию в сфере образования, доступа к профессиям, к заработкам и т.п. Однако осознание своего положения («женщины как женщины») в этой группе никогда не имело ни вечный, ни всеобщий характер. Нужно было достичь определенного уровня самосознания, «авторефлексии», собственной идентичности, чтобы ощутить, что мы, женщины, имеем с другими женщинами общие интересы и стремления, чтобы констатировать, что нас, женщин, касаются определенные ограничения и даже дискриминация. Необходимо также «теоретическое» объяснение причин, в силу которых все это именно так происходит. Например, таким объяснением становится указание на засилье мужчин, на «мужской шовинизм», на нечто вроде антиженского заговора со стороны противоположного пола. Наконец, все это может найти выражение в сильных эмоциях, которыми сопровождается идеализация женского начала и выработка негативных стереотипов в отношении мужского пола. В полной мере женская идентичность - в ее позитивном измерении, обращенном внутрь самой этой группы, и в ее негативном измерении, обращенном наружу, к противополож-

ной стороне, - сформировалась только в наше время, главным образом в идеологии эмансипации и феминистского движения.

Другой пример динамичной эволюции субъективной связи возьмем из теории социальных классов Карла Маркса. Ясно, что рабочие всегда были статистической категорией. С момента формирования индустриального, капиталистического общества можно было констатировать, что существует столько-то наемных рабочих, занятых в промышленности. Маркс указывал, что одновременно они были социологической категорией (или как он это определял, «классом в себе»), ибо статус рабочего ассоциировался с представлениями об отчуждении собственности, нищете, имущественной деградации этой группы, а следовательно, означал совместно переживаемую рабочими жизненную ситуацию обездоленности и общность интересов перед лицом буржуазии или привилегированных собственников предприятий. Но рабочие долгое время не осознавали свою общность, рассматривали собственную обездоленность как индивидуальный и необоримый приговор судьбы. Такое фаталистическое мышление было выражением «ложного сознания». Только с появлением социалистической идеологии и рабочего движения у рабочих формируется самосознание и коллективная идентичность со всеми их характерными составляющими. Такими составляющими являются, во-первых, солидарность с другими рабочими, во-вторых, получающие массовое распространение «теории», указывающие на эксплуатацию и некий заговор буржуазии, воспринимаемой как источник всех бед и угнетения, и, в-третьих, антагонизм по отношению к собственникам вместе со всеми черными стереотипами враждебного класса. Пользуясь терминологией Маркса, мы должны сказать, что появляется «*классовое сознание*». А в соответствии с принятой у нас терминологией, мы в том же смысле говорим о том, что рабочие становятся таким образом социальной категорией, обладающей самосознанием¹.

Моральная связь - содержание и радиус действия

Одной из важнейших разновидностей субъективной связи является моральная связь. Я предлагаю этот термин для обозначения социальной связи в ее культурологическом аспекте. Само по себе понятие «моральность» включает в себе обе важнейших в данном случае составляющие, определяющие суть явления: отношение одних людей к другим и нормативную, обязательную характеристику такого отношения. Моральность определяет требуемый характер, способ отношения к другим людям, обозначает такой тип и образ связи, который считается оправданным, порядочным, достойным. Я утверждаю, что только тогда, когда социальная связь достигает уровня и статуса моральной связи, а не ограничивается формированием потенциальных каналов взаимодействия в рамках организационной структуры или в пределах тех рассеянных, разнообразных чувств, какие возникают в границах индивидуальной психики того или иного человека, эта социальная связь становится прочной со-

ставляющей общественной ткани, того своеобразного структурно-индивидуального поля, от состояния которого зависит динамика развития общества, его способность к творческому становлению и воспроизводству самого себя.

Моральная связь - это особое отношение к другим, входящим в категорию «мы». Сама категория «мы» предопределяет три моральные обязанности. «Мы» - это те, кого одариваем своим доверием, в отношении кого мы поступаем лояльно, это те, чьи проблемы нас солидарно касаются. Отсюда, в соответствии с этой интерпретацией, формируются три основные составляющие моральной связи. Это *доверие*, или ожидание по отношению к себе порядочного, дружественного поведения других; *лояльность*, или обязательство не нарушить, а оправдать то доверие, какое другие к тебе проявляют, невозможность отказаться от принятых на себя в этой связи обязательств; *солидарность*, или забота об интересах других, готовность предпринять действия во имя защиты этих интересов, даже в том случае, если это будет идти в разрез с твоими собственными интересами. Эти три вектора формируют своего рода «моральное пространство», в котором находится каждый индивид. Индивидуальным отражением моральной связи является *идентичность*, или самоопределение собственного места в моральном пространстве и границ этого морального пространства, в котором один человек ощущает себя обязанным к выражению доверия, лояльности и солидарности, иначе говоря границы того «мы», в которые включается наше «я».

Границы категории «мы», то есть соответствующего морального пространства, могут быть очерчены шире или уже. Здесь можно выстроить целую шкалу различий между полюсами партикуляризма и универсализма, или, иначе говоря, между категориями локальности и космополитизма, эксклюзивности и инклюзивности. Эксклюзивный характер имеет частная связь (вслед за Кули можно было бы сказать «первичная связь») с людьми, которых мы знаем лично, например в кругу семьи, среди соседей, в кругу коллег, друзей, сослуживцев. Инклюзивный характер имеет публичная, или социальная («вторичная»), связь по отношению к более широким, абстрактным категориям лиц, которых мы непосредственно не знаем: это может иметь отношение к общности этнической, расовой, национальной, к единоверцам, исповедующим одну религию, к сторонникам одной партии, к согражданам одного государства, вплоть до таких широких категорий, как жители одного континента, представители одной цивилизации, наконец, всего человечества.

Как интенсивность, так и радиус действия моральной связи изменчивы. Существуют ситуации, в которых эти оба аспекта моральной связи усиливаются, расширяются. Можно привести несколько примеров. Война, угроза безопасности, необходимость обороны от врага, оппозиционная деятельность, революционные выступления - все это приводит к мобилизации, к усиливающейся инклюзивности моральной связи. Подобный эффект могут вызвать амбициозные, волнующие воображение программы или массовые художественные представления, спектакли, зрелища. Мобилизацию и инклюзивность моральной связи усиливают праздничные символические ситуации, например патриотические или религиозные манифестации. Наконец, усиление и

расширение моральной связи сопровождаются кризисные ситуации, катастрофы, угрозы, возникающие со стороны стихии, природных сил.

Патология моральной связи

Бывает, однако, и наоборот. Могут возникнуть ситуации, когда моральная связь ослабевает, зона ее распространения сужается. Так происходит, например, когда ощущение грозящей опасности имеет не коллективный, а индивидуальный характер, когда неуверенность касается судьбы одного человека, а не группы, когда реализация задач, вытекающих из собственных интересов, возможна собственными силами, без участия коллектива. Так бывает в ситуации *аномии*, жестокой конкуренции, высокого риска совершаемых действий и предпринимаемых усилий. В таком случае индивид борется за свои интересы против всех возможных абстрактных «других». В таком случае дело приближается к черному прогнозу английского философа Гоббса (Hobbes): «война всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*). Логическим пределом этой патологии является полная атрофия моральной связи. В содержательном плане это означает исчезновение внутренних, связывающих человека обязательств по отношению к другим; в объемном измерении это означает крайнее, предельное сужение категории «мы». Тремя типичными проявлениями атрофии являются:

а) антитеза доверию, каковой является *культура цинизма*, или получающая широкое распространение подозрительность, недоверчивость, приписывание другим самых низких мотивов, поиск разного рода заговоров;

б) антитеза лояльности, каковой является *культура манипуляций*, или встречающееся с общественным согласием использование доверия других, их наивности, обращение к мошенничеству и обману;

в) антитеза солидарности, каковой является *культура безразличия*, или допустимая в обществе крайняя заинтересованность собственными делами, эгоизм, индифферентность по отношению к тому ущербу или тем страданиям, которые терпят другие.

Ярким свидетельством ослабления и исчезновения моральной связи является распространение антисоциальных действий и поступков, рост преступности. Преступлениями являются действия, которые, как правило, противоречат всем трем обязательствам, предусмотренным моральной связью: доверию, лояльности и солидарности. Правда, с этой точки зрения преступление преступлению рознь. На одном полюсе шкалы находятся обычные, заурядные преступления, которые совершаются в корыстных целях с нарушением норм морали, но только в данной конкретной ситуации и против данной конкретной жертвы (например, разбой или кража). Хуже, когда преступление имеет идеологический характер - совершается против некоей абстрактно обозначаемой коллективной жертвы, которая таким образом исключается из сферы моральной защиты. В таком случае моральные нормы перестают действовать не только в отношении одного человека, но и в отношении целой общности, целой категории людей, например евреев (в нацистской идеологии),

кулаков (в сталинской идеологии), образованных людей (в концепции Пол Пота). Еще более расширяется категория людей, изъятых из поля моральной защиты, в том случае, когда мы имеем дело с терроризмом. Здесь уже дело касается абсолютно всех, разве что за исключением членов самой преступной группы; преступление оказывается направленным фактически против любого человека и оправдывается пропагандистским или политическим эффектом, выгодным для данной группы преступников. Наконец, полное исчезновение моральной связи сопутствует так называемым «незаинтересованным» преступлениям, оказывающимся в некотором парадоксальном смысле «самодостаточными», лишенными какой-либо внешней мотивации, а являющимися выражением чистого превосходства в силе (нас все более потрясают сегодня многочисленные случаи зверских убийств, совершаемых во имя самого по себе бесчеловечного наслаждения от совершения убийства). Здесь мы уже, можно сказать, касаемся границы абсолютного зла.

В объемном выражении ослабление, сокращение моральной связи проявляется в чрезмерной сужении той моральной общности, которая соответствует эксклюзивному определению категории «мы». Исключительность частных общностей крайне узкого диапазона - семейных, мафиозных, партийных, сектантских, проникнутых самозащитными рефлексам враждебности и недоверия по отношению ко всем более широким объединениям, заслуживает известного определения «аморальной семейственности» («безнравственного фамилизма»), которое дал этим явлениям Эдвард Бэнфилд (Banfield). Логический следующий шаг ведет к полной эгоистической индивидуализации, к абсолютному разрушению какой бы то ни было моральной общности ради беззастенчивого достижения собственных целей и удовлетворения собственных интересов отдельного индивида, для чего все другие люди должны служить только в качестве более-менее пригодных инструментов.

Люди являются членами очень многих социальных категорий. Когда интересы этих разных категорий расходятся или входят в противоречие друг с другом, а лояльности не совпадают, не накладываются друг на друга, наступает *конфликт идентичностей*. Можно привести множество тому примеров. Это поляк, который работает в какой-нибудь международной, транснациональной корпорации и служит интересам, не всегда совпадающим с польскими национальными интересами. Это женщина, которая служит в полиции, где доминируют мужчины. Это историк, который избегает освещения фактов, позорных для его народа. Это депутат парламента, который отстаивает интересы городка или местечка, откуда он происходит. Это аристократ, который из оппортунистических побуждений примыкает к левой партии. Это польский гражданин еврейской национальности перед лицом преступления, которое было раскрыто в поселке Едвабно.

Из ощущения коллективной идентичности и одновременно отдаленности, отличия от других групп может проистекать нечто большее - все более частые контакты с «нашими», нежели с «чужими», все более частое инициирование взаимодействий с членами «нашей» категории, нежели с представителями других категорий, все более редкий выход наружу, за пределы собственной категории. Точно так же и качество (содержательность, интенсивность)

контактов, взаимодействия и социальных отношений внутри социальных категорий может приобретать особенный характер, отличаться большей интенсивностью, непосредственностью, в некоторых случаях интимностью. В дополнение к понятиям объективной и субъективной связи здесь можно еще ввести понятие *поведенческой* (бихевиористской - от англ. behavior - поведение) связи, выражающейся уже не только в установках, но и в реальных поступках и действиях. Когда объективная общность определенных черт, существенных для членов группы, выражается в коллективной идентичности и сопровождается контактами, взаимодействием и социальными отношениями внутри этой группы, мы говорим о появлении *социальной группы*. В иной формулировке, привязанной к понятию социальной связи, это может быть выражено следующим образом: социальная группа - это общность людей, между которыми существуют объективная, субъективная и поведенческая связи.

Феномен одновременного участия

Люди принадлежат одновременно ко многим группам. Одни участвуют в большем количестве таких групп, другие - в меньшем, но нет таких, которые могли бы ограничиться в своей жизни участием только в одной-единственной группе. Каждый человек является членом какой-нибудь семьи, какой-нибудь территориальной, локальной общности, какого-нибудь дружеского круга, какого-нибудь рабочего коллектива. Многие принадлежат к какой-нибудь церкви или к религиозной секте, к какому-нибудь классу в школе, к какому-нибудь товариществу, клубу, кружку, сформированному по интересам, к какой-нибудь спортивной команде, армейскому подразделению и т.п. Некоторым случается оказаться в тюремной камере, некоторым - в монастырской келье. Каждый социальный контекст, в котором развивается человеческая активность, имеет типичные для него группы, и люди перемещаются между ними на протяжении каждого дня, более длительного времени, измеряемого годами, или самого большого отрезка времени - всю их жизнь. Каждый человек имеет собственный частный состав групп, в которые он входит.

Можно в этой связи также обратить внимание на историческую тенденцию - постепенное увеличение того набора, того «веера» групп, который становится доступным для отдельных людей. Это один из аспектов более широкого процесса социальной *дифференциации*, который, как на это указывал еще Эмиль Дюркгейм, является важнейшей тенденцией эволюции человеческих обществ. В самом деле, в первичных, архаических обществах каждый отдельный человек был членом семьи, локальной (территориальной) общности и еще какой-нибудь религиозной группы. И всё. Сегодня число групп, к которым можно принадлежать, огромно. В одной только профессиональной сфере мы имеем тысячи разных групп работников, в политической жизни - сотни партий, блоков, фракций, в религиозной сфере - множество церквей, сект, конфессий, в сфере отдыха - десятки спортивных клубов, обществ коллекционеров, художественных коллективов и т.п. Что также характерно для современных обществ - это открытость возможного выбора между такими группа-

ми. Необычайно увеличивается число групп, принадлежность к которым носит добровольный, а не принудительный характер: в такие группы мы вступаем, записываемся, присоединяемся к ним.

Если типичные для этих групп интересы и лояльности не совпадают или входят в противоречие друг с другом, а участие в одной группе требует выхода из других групп, люди испытывают то, что называется *конфликтом участия*. Наиболее типичным конфликтом такого рода является сегодня невозможность одновременно посвятить себя семье и работе. Другим примером может служить профессор - преподаватель юридических наук, который имеет свою адвокатскую контору и не в состоянии в равной мере обеспечить потребности и ожидания и студентов, и своих клиентов.

Организованные группы

Теперь мы должны сделать еще один шаг на пути ко все более сложным социальным общностям. Здесь речь идет о таких контактах и взаимодействиях между членами группы, которые, повторяясь и становясь регулярными, могут переродиться в *нормативно регулируемые*. Тогда между членами группы складываются такие социальные отношения, которые содержат некий императив взаимных обязательств и прав, при этом определяются социальные позиции, занимаемые членами такой группы, а с этими позициями увязываются и свойственные им роли. Как мы помним, это означает, что появилась *социальная организация*. Раньше, придерживаясь парадигмы действий, мы ввели это понятие в более абстрактном, атрибутивном значении, договорившись о том, что группы (коллективы) определенного типа имеют свои организации, характеризуются наличием организаций. Теперь мы можем придать понятию «организация» конкретный смысл, реальное наполнение, сказав, уже в соответствии с «групповой» парадигмой, что определенного типа общность людей - это социальная организация, или *организованная группа*. Такое понятие организации ближе обыденному сознанию, как, впрочем, и все другие понятия, сформулированные в рамках групповой парадигмы. Типичные организованные группы в этом смысле - трудовой коллектив, промышленная корпорация, учреждение, школа, университет, суд, больница, политическая партия, симфонический оркестр и т.п. В этих случаях нормативное регулирование очень четко выражено, дифференциация статусов ясно обозначена, сеть прав и обязанностей выглядит однозначно, способы их исполнения формально определены. Однако существуют и такие группы, в которых организация, хотя и имеет место, но в гораздо более свободных формах, она не имеет столь четкого определения и реализуется скорее спонтанно. Примером, относящимся к другому полюсу организованных групп, является семья, импровизированный джазовый квинтет по степени организации значительно отличается от симфонического оркестра. Следовательно, можно сказать, что организованность - это динамичная черта, постепенно возрастающая или ослабевающая, проходящая целую шкалу различий от максимального до минимального уровня и формализации. Иногда

согласно этому критерию проводится разграничение между формальными и неформальными группами.

К организованным группам можно также применить понятие социальной связи. Здесь мы уже подходим к концу последовательности все более усиливающихся связей: объективной, субъективной, поведенческой и, наконец, такой, которая выступает в организации. В этом последнем случае мы можем говорить о *кооперативной связи*, ибо ее сутью является разделение функций между социальными позициями и они оказываются востребованными друг другом, дополняют друг друга и только все вместе обеспечивают нормальное функционирование всей организации. Муж и жена в семье, профессор и студенты в университете, директор и работники фирмы, врач, сестры и пациенты в больнице - все это примеры такой взаимной необходимости, потребности друг в друге между ролями в организации. Невозможно представить себе исполнения одной роли без другой. Разве мог бы профессор читать в университете лекции, если бы не было студентов? Правда, во время студенческих забастовок в США в конце 1970-х годов некоторые профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке демонстративно читали полные двухчасовые лекции в пустых аудиториях, но скорее был протест против забастовок и манифестация того, что студенты могут не приходить на лекции, но не могут отнять у профессоров их основного права на прочтение лекций. Эмиль Дюркгейм определял связь такого рода между дополняющими друг друга позициями понятием *«органической солидарности»*, подчеркивая, что в отличие от примитивной *«механической солидарности»* она опирается не на сходство между людьми, а на различия между ними. Но только на такие различия, которые придают обоюдный смысл действиям и которые помогают всем вместе лучше достичь своих целей. Классической ситуацией, которая порождает такого рода «солидарность разных», представлялось Дюркгейму как глубокое *разделение труда*, типичное для современных обществ. Люди, исполняющие работу в соответствии со своей узкой специализацией, не являются в этих своих действиях самодостаточными, они не могли бы реализовать свои намерения и достичь своих целей, и общество в целом перестало бы функционировать, если бы одновременно с ними другие люди не выполняли бы свои частные функции, не решали бы свои специальные задачи. С еще дошкольных времен помнится мне стихотворение Тувима, которое великолепно иллюстрирует эту взаимную потребность и необходимость друг в друге разных специальностей: «Каменщик строит дома, портной шьет одежду, но разве он мог бы что-нибудь сшить, если бы у него не было дома? Да ведь и каменщик не вышел бы на работу, если бы портной не сшил ему штанов и фартука». Спустя несколько десятков лет после Дюркгейма подобную идею сформулировали Мертон и Лазарсфельд, исследовавшие форму дружбы. Наряду с уже упоминавшейся выше гомофилией, или дружбой между подобными, они выделяли *гетерофилию* - дружбу, которая коренится в различиях, дополняющих друг друга, в привлекающей обоих партнеров несхожести их вкусов, взглядов, сфер профессиональной деятельности, товарищеского окружения².

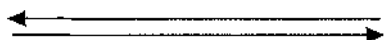
² Merton R.K. & Lazarsfeld P.F. Friendship as a Social Press // Freedom and Control in Modern Society / Ed. by M. Berger et al. New York: Van Nostrand, 1954. P. 18-66.

Люди часто принадлежат к множеству организованных групп. Проблемы, с которыми они в этом случае сталкиваются, заключаются в диссонансах нормативного регулирования, навязываемого каждой из таких групп. Организации могут требовать от них достижения не совпадающих друг с другом целей при помощи таких способов поведения, какие невозможно согласовать друг с другом. На языке, связанном со сферой действий, мы говорили об этом выше как о *ролевом конфликте*. Примером из недалекого прошлого может служить дилемма, возникающая перед католиком, который вступает в коммунистическую партию. Другой пример – это ситуация, в которой находится судья, который одновременно является членом мафии. Оба эти случая, рассматриваемые как *конфликт принадлежности к организациям*, можно рассматривать также как конфликт статусов. Здесь мы можем еще раз убедиться в том, как оба языка социологического анализа, задействованные при анализе «действий» и при анализе «групп», соответствуют и дополняют друг друга. Безусловно, мы в данном случае говорим об одном и том же, только под несколько разными углами зрения, обогащая таким способом весь образ.

Типы общностей и динамика их кристаллизации

Описанные выше шесть разновидностей социальной общности можно представить в виде таблицы, которая наглядно показывает, насколько каждая последующая разновидность богаче по содержанию, соответствует большему числу критериев, выражает более сложное проявление социальной действительности.

Таблица 5. Формы общности

Социологическое понятие	Определяющая черта					
	множество единиц	сходство черт	сходство существенно важных черт	осознание общности и различий	контакты и взаимодействия с подобными себе	социальные отношения
Популяция	+					
Статистическая группа	+	+				
Социологическая категория	+	+	+			
Социальная категория	+	+	+	+		
Социальная группа	+	+	+	+	+	
Социальная организация	+	+	+	+	+	+

Эту таблицу можно прочесть двояко. С одной стороны, просто как инструмент типологии разных, более простых и более сложных, общественных явлений, а с другой — как схему постепенной *кристаллизации*, услож-

нения социальной общности, проходящей последовательные стадии от популяции через статистическую группу, социологическую категорию до социальной группы и социальной организации. И наоборот, как процесс разрушения, *деконструкции*, распада организаций и групп, как бы расплывающихся в категориях (социальной, социологической, статистической) и исчезающих в популяции. Выше, следуя за Марксом, мы описывали переход от «класса в себе», то есть только объективной социологической категории, формирующейся на основе общих интересов, к классу, обладающему «классовым сознанием», то есть к социальной категории. Теперь мы можем пойти дальше и посмотреть, как установление реальных связей между рабочими формирует из них социальную группу, способную к коллективному действию, и как в ее рамках формируется организация, разделяются функции, выделяется руководство, появляется политическое представительство. На этом этапе класс, по терминологии Маркса, становится «классом для себя». Так совершается полный цикл кристаллизации социальных классов.

Рассмотрим другой пример формирования группы совершенно иного характера и иного уровня. Несколько лет тому назад была подробно описана авиакатастрофа, случившаяся в Андах. Проследим этапы этой истории. Прежде всего, какие-то люди совершенно независимо друг от друга, руководствуясь разными мотивами и имея разные цели, покупают билеты на определенный рейс. Так из популяции выделяется статистическая группа пассажиров, которая называется «списком авиапассажиров» именно данного самолета: в этом списке столько-то человек, столько-то мужчин, столько-то женщин, столько-то взрослых, столько-то детей, столько-то иностранцев, столько-то граждан этой страны и т.п. Когда все эти люди вместе оказываются в самолете, возникает сходство ситуаций: им всем вместе начинает угрожать определенная потенциальная опасность, которую доводит до их сознания стюардесса, рассказывая, как вести себя в случае аварии; в их общих интересах оказывается спокойный и своевременный перелет, и у всех у них появляются одинаковые шансы на то, что перелет будет именно таким. Таким образом они превращаются в социологическую категорию. Осознание своей общности остается у них пока совершенно рудиментарным, невыраженным, нечетким: каждый погружается в свои дела, действует поодиночке, кто читает журнал, кто достает ноутбук. Но в определенный момент самолет вдруг начинает трясти, пилот объявляет о сильной «турбулентности». У людей появляется ощущение опасности, они осознают, что все вместе они замкнуты в этом металлическом резервуаре, что их объединяет общая судьба. В этот момент появляется, хотя еще в минимальной степени, субъективная связь: коллективная солидарность и коллективная идентичность. Пассажиры становятся социальной категорией. Более того, между ними завязываются контакты и взаимодействия: они начинают обмениваться мнениями, делятся своим беспокойством с соседями, рассказывают о каких-то известных им случаях авиакатастроф, вспоминают своих родных. Тем временем самолет падает и разбивается в горах. Чудом большая часть пассажиров остается в живых. Теперь взаимодействие усиливается: люди помогают друг другу выбраться

из самолета, выносят раненых, расспрашивают членов экипажа, что случилось, что делать дальше. Появляется поведенческая связь, люди превращаются в социальную группу. Они находятся где-то высоко в заснеженных горах, в абсолютной пустыне. Им нужно перевязать раненых, соорудить что-либо, что позволит укрыться от холода, найти какую-либо еду, попытаться привести в действие радио и вызвать помощь, возможно, отправить кого-нибудь на поиски ближайшего человеческого жилья. Здесь обнаруживается и обретает актуальность прежде не имевшее никакого значения различие в профессиях оставшихся анонимными пассажиров. Среди них находится какой-то врач, какой-то плотник, какой-то повар, какой-то метеоролог, какой-то любитель-альпинист. Они делят между собой задачи. Появляется также кто-то, особенно хорошо владеющий собой, особенно влиятельный, решительный, активный, кто начинает руководить действиями, мобилизует пассивных, обрушивается на тех, кто уклоняется от обязанностей или впадает в панику. Так формируется простейшая организация, и группа уже становится организованной группой. И, несомненно, благодаря этому история кончается счастливо, обретает свой хэппи-энд. Группе удалось пережить в горах две недели, вызвать помощь и спастись.

Примером противоположного процесса может служить судьба школьного класса после сдачи экзаменов на аттестат зрелости или судьба бойцов армейского подразделения после окончания войны. Нормативное регулирование перестает быть для них обязательным, поскольку они уже не школьники, уже не солдаты, иначе говоря, они выходят из данной организации. Контакты и взаимодействие между ними становятся спорадическими или вообще прекращаются. Группа как таковая перестает существовать. Какое-то время еще сохраняется идентичность «выпускников» одной школы или «однополчан» в рамках социальных категорий: «Мы из лица имени Собесского», «Мы из полка Костюшки» и т.п. На какое-то время могут сохраниться определенные общие интересы, типичные для людей, получивших среднее образование, или бывших солдат (фронтовиков), но это уже не специфические интересы данных конкретных лицестов или военнослужащих данной части, а интересы, включенные в гораздо более широкую социологическую категорию. В конце же концов, бывшие друзья остаются только в данных статистики об окончивших школу или служивших в армии. Аналогичный процесс, несомненно, коснулся и пассажиров разбившегося самолета. После того, как их нашли, потеряла смысл и распалась спонтанно сложившаяся организация. Какое-то время еще продолжались взаимодействия, семейные встречи, торжества, связанные с наградами и медалями, врученными им властями и авиакомпанией за мужество и решительность. Потом еще сохранялись определенное осознание общности, поддерживаемое широкой кампанией в средствах массовой информации, популярность, статус героев. Но в конце концов и это исчезло, разве что остались некоторые общие интересы, связанные с исками, поданными о возмещении ущерба авиакомпаниям. Потом и эта связь прекратилась, остался только статистический список уцелевших пассажиров, каждый из которых живет своей жизнью, возвращается к своему нормальному существованию, растворяется в общей популяции.

Описанные примеры имеют полный, заверченный характер, охватывают поочередно все этапы группового становления: комплектации или распада. Но в действительности мы можем встретить различные отклонения от такой схемы. Не всегда бывает так, что социальная группа имеет и реальную, объективную общность каких-то признаков и черт, и субъективную, осознанную идентификацию или ощущение идентичности, и тесные и интенсивные контакты и взаимодействие. Не всегда эволюция идет в сторону формирования организованной группы. Может случиться и так, что группа формируется, опираясь только на сильно развитое в воображении ее членов представление об общности и идентичности, без действительного совпадения интересов или сходства каких-либо объективных условий. В современной социологии наций и этнических групп подчеркивается, что эти, надо сказать, весьма сильные, а по сути, как говорил британский историк Б. Андерсон, всего лишь «воображаемые сообщества», сконструированные идеологически, «внушенные людям» без достаточных реальных оснований³. Это не означает, что они малосущественны. В мире людей вера в общих предков, в кровное единство, в божественное предназначение, героические свершения, особую миссию народа и т.п., даже если все это абсолютно мифично, имеет вполне реальные последствия, поскольку она мотивирует реальные действия людей, например экспансии, захваты территорий, этнические чистки, истребительные войны, изгнания и депортации «чужих».

Может быть и наоборот: группа существует несмотря на отсутствие чувства общности, солидарности, лояльности и иных субъективных связей. Пример: группа заключенных, только что оказавшихся в одной камере. Интенсивные взаимодействия не сопровождаются никакими взаимными чувствами или ощущением коллективной идентичности. Конечно, эти чувства и ощущения могут развиваться в ходе совместного пребывания в тюрьме, дополнить ситуацию и подвести ее таким образом под «разряд» типичной последовательности становления группы.

Важнейшие понятия и термины

Воображаемые сообщества - группы, в которых социальная связь имеет исключительно субъективный характер, а объективная и поведенческая связи отсутствуют.

Гетерофилия - отношения, основанные на дополняющих друг друга различиях: на привлекательных для обоих партнеров различиях склонностей, вкусов, взглядов, сфер профессиональной деятельности, товарищеского окружения.

Гомофилия - склонность к сходству, определяющая отношения с теми, кто близок нам, схож с нами возрастом, профессией, местом жительства, верой, взглядами, ценностями, мировоззрением.

Anderson B. Wspólnoty wyobrażone. Kraków: Znak, 1997 (в оригинале: Imagined communities. London: Verso, 1991).

- Деконструкция группы** - процесс распада группы через постепенную утрату социальных связей.
- Доверие** - ожидание благоприятных, выгодных для меня действий со стороны партнеров по взаимодействию или связанных системой социальных отношений.
- Классовое сознание** - ощущение общности интересов с членами своего класса, выявление и определение врагов, угрожающих этим интересам, и готовность к борьбе за осуществление целей, диктуемых этими интересами.
- Коллективная идентичность** - ощущение общности и идентификация себя с членами определенной группы, выраженная субъективно понятием «мы», ощущение, которое сопровождается осознанием отличия этой группы от лиц, находящихся вне ее и определяемых понятием «они».
- Конфликт идентичности** - духовный разлад, внутреннее несогласие, вытекающие из одновременной принадлежности к группам, которые имеют различные и даже противоречащие друг другу цели и интересы и в то же время требуют однозначной идентификации, лояльности и увлеченности (активности, ангажированности) от своих членов.
- Конфликт участия** - ситуация, когда участие в одной из групп, к которой принадлежит человек, требует пренебрежения к другим группам, к которым он также принадлежит, или такая ситуация, когда интересы или требования лояльности, вытекающие из членства в разных группах, оказываются взаимно не совпадающими и даже противоречащими друг другу.
- Кооперативная связь** - ощущение общности, основанное на взаимной необходимости, потребности друг в друге членов группы, эта необходимость возникает для реализации индивидуальных или коллективных целей.
- Кристаллизация группы** - процесс формирования все более сложной социальной связи, который идет от популяции через статистическую, социологическую и социальную категории вплоть до социальной группы в полном значении этого понятия.
- Культура цинизма** - распространенный синдром недоверия и подозрительности, а также инструментальная трактовка других людей как объектов манипуляций.
- Лояльность** - обязательство не обмануть доверия того, кто оказывает тебе свое доверие.
- Моральная связь** - особое отношение, основанное на обязательном доверии, лояльности и солидарности по отношению к другим, входящим в категорию «мы».
- Объективная связь** - ощущение общности, вытекающее из сходства жизненной ситуации: места жительства, профессии, возраста и т.п.
- Поведенческая (бихевиористская) связь** - схожие или общие действия, предпринимаемые членами одной группы.
- Разделение труда** - появление все более отличающихся друг от друга и специализированных функций (прежде всего, профессиональных позиций и ролей), реализуемых (занимаемых и исполняемых) членами общества.
- Родовая (видовая) природа человека** - комплекс физических, биологических и психологических черт, общих для всех людей.

- Солидарность** - доброжелательность, готовность к сотрудничеству, поддержка и оказание помощи тем, кого охватывает категория «мы», то есть членам нашей группы или социальной категории.
- Социальная группа** - группа людей, в которой общность общественно значимых черт выражается в коллективной идентичности и сопровождающих ее контактах, взаимодействиях и социальных отношениях, проявляющихся внутри этой группы чаще и более интенсивно, чем с людьми вне данной группы, иначе говоря, совокупность людей, между которыми существуют объективная, субъективная и поведенческая связи.
- Социальная категория** - группа людей, сходных по какому-либо общественно значимому признаку и отдающих себе отчет в этом сходстве, а также осознающих свое отличие от других.
- Социологическая категория** - группа людей, сходных по какому-либо общественно значимому признаку, который определяет действительную близость и подобие жизненной ситуации, интересов, шансов.
- Статистическая категория** - группа людей, имеющих между собой сходства по какому-либо выбранному признаку и с этой точки зрения отличающихся от других.
- Стереотип** - односторонний, упрощенный, идеализированный образ собственной группы (автостереотип) и столь же односторонние, упрощенные негативные представления о чужих группах (в крайнем случае трактуемых как враждебные, как коллективный образ врага).
- Субъективная связь** - ощущение, чувство общности с членами группы, к которой принадлежит человек.

Рекомендуемая литература

64, 75, 85 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 9

Разновидности социальных групп

В результате проведенного выше анализа мы уже ясно видим, как необычайно разнообразны социальные общности, образуемые людьми, и наиболее важными среди такого рода общностей являются те, которые мы называем *социальными группами*. От семьи до нации, от спортивной команды до Церкви, до круга друзей до политической партии. Все это - группы. Перед лицом таинственности многообразия следующий необходимый шаг исследователя - это наведение некоторого порядка в хаосе явлений, а порядок означает разделение и по отдельным признакам и особенностям (классификация), или по комбинации разнородных признаков, обусловленных одной причиной, позволяющих выявить чаще всего встречаемые, «типичные» разновидности явления (типологию). Попробуем прежде всего провести аналитическую классификацию социальных групп по объективным и субъективным критериям, а затем представим определенные, выбранные таким образом синтетические образцы типологии.

Объективные критерии классификации

Основой, или критерием, классификации может служить огромное количество признаков. Американский социолог Роберт Мертон составил список такого рода признаков, характерных особенностей групп, и в этом списке оказалось 26 позиций¹. Однако среди этих признаков существуют более и менее естественные: одни определяют такие различия между группами, которые почти очевидны, и эти признаки имеют действительно существенное значение для функционирования данных групп; другие же не имеют прямого отношения к сущности данных групп, к тому, что в этих группах происходит, и, как

правило, всеми игнорируются. С этой точки зрения мы можем выбрать только восемь критериев классификации.

Первый, наиболее очевидный, продемонстрированный нами уже на примере сопоставления таких групп, как семья и нация, - это *численность* группы. В данном случае терминология очень простая: группы бывают малыми и большими, разумеется, если определять этими понятиями крайние полюсы численности, между которыми существует целая шкала различий и средних величин. Наряду с семьей малыми группами являются круг друзей, круг соседей, группа играющих вместе детей, какая-нибудь уличная молодежная группировка или шайка, небольшая деревня или церковный приход, воинское подразделение типа отряда, рабочая бригада, исследовательская группа, парламентская комиссия, спортивная команда, заключенные в одной камере и т.п. А большие группы наряду с нацией или народами (этносомами) - это, к примеру, Церковь (последователи одной мировой религии), политическая партия, армия, тюрьма, городской совет, парламент. Самым банальным последствием численности является то, что в малых группах люди, как правило, лично знают друг друга, во всяком случае могут по внешнему виду распознать друг друга и даже знают имена и фамилии членов такой группы. Их взаимодействия имеют самый непосредственный характер, чаще всего выражаясь в разговорах, беседах друг с другом. Они остаются в пространственной близости друг с другом, и благодаря этому их действия видны членам данной группы. Зато в более крупных группах люди уже не могут точно распознать друг друга, в лучшем случае знают членов своей большой группы только «по внешнему виду», как поется в одной песенке ансамбля «Червоны гитары». Примерами такой средней численности могут быть жители одного большого блочного дома или студенты одного факультета, обучающиеся одной специальности. Наконец, в больших группах люди уже становятся совершенно анонимными по отношению друг к другу. Скажем, жители Кракова, католики, политическая партия, польский народ - все это абстрактные общности, членов которых мы не только не знаем лично, но порой даже не представляем точно, сколько их; мы сталкиваемся с ними только посредством каких-либо представителей, образующих уже небольшие группы иного типа, к которым мы сами принадлежим; что же касается членов большой группы, то они рассеяны в огромном пространстве и просто невидимы (ни они сами, ни их дела) тем, кто вместе с ними входит в эту большую группу. И тем не менее, несомненно, они являются группами, ибо мы идентифицируем себя с ними и нередко весьма сильно чувствуем и переживаем свою принадлежность к ним, свою солидарность и коллективную идентичность.

На более сложные, отдаленные последствия численности групп на их функционирование указывал классик немецкой социологии XIX в. Георг Зиммель. Он утверждал, что вместе с увеличением численности группы кардинально изменяется характер явлений, которые происходят в группе². По его представлению, наименьшая и простейшая группа - это так называемая *диада*, или

Merton R.K. Teoria socjologiczna i struktura społeczna. Warszawa: PEN, 1982. S. 362-374.

² Simmel G. The Number of Members as Determining the Sociological Form of the Group // American Journal of Sociology. 1902. V. VIII, July; Sept.

просто два человека. Два человека – это уже группа, ибо здесь уже имеет место взаимодействие, партнеры думают о себе «мы», они четко отличаются от других пар. Когда к такой группе присоединится третье лицо, то есть когда она превратится в *триаду*, появится несколько качественно совершенно новых феноменов, никогда не выступающих в рамках диады. Во-первых, окажется возможным феномен *коалиции*, когда два члена группы вступят в более тесную связь между собой, изолируя при этом третьего или даже предпринимая против него какие-нибудь враждебные действия. Во-вторых, возможным окажется применение стратегии «разделяй и властвуй», когда один из членов группы старается поссорить или настроить друг против друга двух остальных, чтобы получить преимущества для себя и оказывать влияние на каждого из остальных по отдельности. В-третьих, возможной оказывается так называемая *медиация*, когда один из членов группы занимает нейтральную позицию отношению к конфликту двух других, стараясь довести дело до разрешения этого конфликта, разъясняя противоборствующим сторонам, какие они понесут расходы и потери, стараясь минимизировать различие между их позициями, указывая на платформу возможного согласия и демонстрируя преимущества предполагаемого примирения. В-четвертых, здесь возможна *репрезентация*, когда два члена группы доверяют третьему выполнить от их имени и на их общий счет какую-нибудь задачу. Наконец, в-пятых, возможно формирование *большинства* внутри такой группы и таким способом принятие общего решения в случае различия мнений. В таком случае два члена группы могут проголосовать так, что их голосов будет больше, они как бы перекроют один голос третьего члена группы. Конкретной и яркой иллюстрацией всех этих явлений могут служить так называемые «треугольники», о которых нам часто повествуют произведения художественной литературы, кинофильмы и драмы.

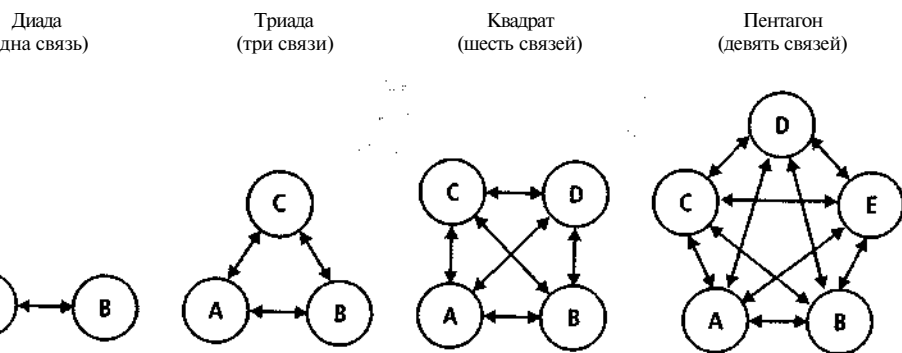

Рис. 3. Конфликтные ситуации в групповых структурах

Зиммель излагал свои соображения также по поводу дальнейшего увеличения численности группы и того влияния, какое эта возрастающая величина может оказывать на характер группы, на стиль ее действий, на качество про-

исходящих в группе процессов. Он считал, в частности, что важная граница обозначается примерно там, где группа достигает 20 членов. До этого уровня возможны знакомство партнеров друг с другом, определенная интимность, непосредственность контактов, а когда число членов группы превышает два десятка, появляются анонимность, формализм, взаимодействия становятся опосредованными. Он указывал также на то, какие величины оптимальны для выполнения группой определенных задач. Например, группа такого типа, как комиссия или комитет, образованная для подготовки какого-либо предложения или решения какой-либо проблемы, действует лучше всего, когда она состоит из 7-9 человек. Это способствует тому, что каждый работает в полную силу, исключает всякого рода прогулы, уклонения от ответственности или выполнения своих обязанностей, облегчает достижение компромиссов, а благодаря нечетному числу членов позволяет в случае необходимости выявить мнение большинства и таким образом принять решение.

Второй критерий, по которому между социальными группами выявляются существенные различия, – это *продолжительность* их деятельности и соответствующая этой продолжительности *прочность*. Ясно, что бывают группы, существование которых основано на мимолетных контактах и недавних, непродолжительных знакомствах. Так, пассажиры, оказавшиеся в одном купе поезда, вступают в беседу, что-то рассказывают друг другу, в чем-то проявляют солидарность, над чем-то смеются, но поезд подходит к станции, куда они следуют, и группа распадается, срок ее жизни кончается. Или, скажем, лыжники вместе отправляются на экскурсию, организованную туристической фирмой. Они живут в одном пансионате, вместе учатся ходить на лыжах, вместе проводят вечера, выпивая пиво или играя в карты. Но все это продолжается одну неделю, и группа перестает существовать. На противоположном полюсе находятся группы, имеющие длительную продолжительность. Примером может быть группа студентов-однокурсников, которым предстоит несколько лет, до окончания учебы, постоянно встречаться, быть вместе, или группа сотрудников, много лет работающих вместе в одном учреждении. Довольно значительной прочностью, продолжительностью существования обладают, как правило, группы людей, живущих в одном месте или по соседству друг с другом (локальные и соседские группы). По своей природе группой продолжительного действия (до самой смерти ее членов) является семья. А скажем, нация (народ) или Церковь (сообщество единоверцев) сохраняются в течение столетий.

В том случае, когда речь идет о прочных, существующих долгое время группах, мы сталкиваемся с интересным явлением: эти группы продолжают длительное время существовать, *сохраняют свою непрерывность и идентичность*, несмотря на то, что состав их членов постоянно меняется. Нация (народ) продолжает существовать, хотя умирают одни и рождаются другие граждане; Церковь продолжает существовать веками благодаря новым поколениям верующих, приобщенных к этой Церкви; университет может праздновать свое шестисотлетие несмотря на то, что за это время уже сменилось множество поколений его профессоров и студентов. Фирма может иметь долгую традицию своего существования, постоянно меняя своих работников – увольняя одних,

набирая других. Футбольная команда может помнить еще довоенные времена своего существования, хотя с тех пор уже не раз сменился состав всех ее игроков и тренеров. Город может насчитывать несколько веков своей непрерывной истории, а число поколений обитателей этого города измеряется при этом несколькими сотнями. Также и семейная традиция, то есть продолжительность существования данной семьи, рода, фамилии, может измеряться несколькими поколениями, уходящими в глубь истории, а порой можно встретить генеалогическое древо, охватывающее гораздо больший отрезок времени. Как же это возможно, чтобы группа существовала, хотя она теряет прежних и обретает совершенно новых членов, причем все это происходит непрерывно?

Существуют два атрибута группы, которую можно считать прочной, существующей продолжительное время: своеобразный «депозитарий» такой группы составляют ее традиции, а гарантиями непрерывности ее существования являются организация и культура. Именно они автономизируются, отрываются от конкретных носителей – тех или иных лиц и поэтому могут пережить этих лиц, существовать гораздо дольше. Как определял это классик французской социологии Эмиль Дюркгейм, они образуют некую область «социальных фактов» (по преимуществу не зависящих от индивидуальных проявлений). Правда, эти факты создаются, формируются, даже олицетворяются людьми, но в определенном смысле они оторваны от людей, существуют как бы над людьми. Обратим прежде всего внимание на то, что все группы такого рода являются организованными. Именно такая организация обладает как бы *надличностной прочностью, продолжительностью существования*, которая складывается из социальных статусов и из сети социальных отношений, где выступать, занимая те или иные позиции, входя в те или иные отношения, могут разные люди, в том числе и люди, приходящие на смену друг другу, действующие и до, и после друг друга. Университет, к примеру, сохраняется благодаря сложившейся еще в Средние века и окрепшей со временем организационной форме (структуре), которая, правда, подверглась модификациям, но не настолько, чтобы они затронули ее основной стержень. Зато группы, лишённые организации, существуют только то время, на протяжении которого их члены развивают свою деятельность, участвуют в жизни этой группы. Круг друзей не может существовать дольше, чем существуют сами эти друзья. Соседи остаются соседями только до тех пор, пока они живут вблизи, рядом друг с другом. Но существует еще и другая сфера надличностной продолжительности, или непрерывности. Ею обладают не люди, а именно те ценности и нормы, которые связаны с определенными организационными ролями, расписаны между ними. Это, в частности, типичные для той или иной организации, обязательные для нее взгляды, убеждения, вера. Это, наконец, кодифицируемая и передаваемая из поколения в поколение память о прошлом данной группы. Таким образом мы можем ввести теперь в наш анализ категорию *культуры*, которая содержит в себе и на которой как бы замыкаются все эти нормативные, символические и идеальные аспекты социальной жизни. Не входя пока в более детальные рассуждения, мы можем сказать, что длительность и непрерывность существования обеспечивает группам также присущая им культура. Так, университет существует в течение веков благодаря не только неиз-

менной организации, но и тому, что он культивирует своеобразную этику, формирует и распространяет определенный тип знаний, который называется наукой, и охраняет от забвения свои прежние достижения.

Ясно, что люди по-разному трактуют и оценивают свое участие в группах мимолетных и в группах длительного существования. Точнее, в таких группах, в которых они не предвидят своего длительного пребывания, и в таких, в которых, как им кажется, они будут находиться очень долго. Первые из этих групп люди не принимают всерьез, не вкладывают в них в полной мере своих сил, не связывают с ними своих серьезных намерений и ожиданий. От таких групп короткой продолжительности люди также чувствуют себя относительно более независимыми, мало поддаются их влиянию. Так, с попутчиками по короткому путешествию или разовой экскурсии можно особенно не считаться, можно даже их игнорировать или изолировать себя от них. Иначе обстоит дело с коллегами по работе. Они окружают тебя в течение многих лет, много о тебе знают, твои отношения с ними более близкие, более интимные, ты проводишь в их присутствии значительную часть дня, их мнение имеет значение для твоей позиции в данном учреждении, ты должен стараться оправдать их ожидания, ибо иначе тебе будет трудно осуществить твои цели, связанные с твоей профессиональной деятельностью. Кроме того, прочные группы, группы длительного существования, становятся ареной твоей энергичной деятельности, приложения максимальных усилий, идентификации, лояльности, сферой реализации жизненных планов. Ярче всего это проявляется, конечно, по отношению к группам, которые можно назвать *группами пожизненного действия*, ибо человек принадлежит к ним до самой своей смерти. Такие группы нельзя оставить, выйти из них, как это видно на примере семьи или этнической общности (народа). Сюда относятся также такие группы, которым человек присягает в верности до конца своих дней. Примерами могут служить монашеский орден в той или иной религии; некогда к таким группам относились рыцарские братства. Но и здесь следует различать действительную продолжительность существования такой группы (и принадлежности к ней данного человека) и ту длительность, на которую рассчитывали, которую представляли себе ее члены, вступая в данную группу. Когда люди создают новую семью, вступая в брак, они, как правило, рассчитывают на длительное существование такой группы. И независимо от того, как сложится в дальнейшем судьба этой семьи, сами ожидания такого рода влияют на поведение партнеров, на их заинтересованность, определяют высокий уровень их идентификации, чувства своей принадлежности к данной группе. Однако ожидания такого рода формируются не только характером, разновидностью данной группы, но и типичными для данного общества или данного времени представлениями о прочности и длительности существования групп такого вида. Если мы знаем, что в нашем обществе каждый четвертый брак кончается разводом, это с самого начала сеет в наших душах определенные сомнения и неуверенность в длительности того брака, в какой мы вступаем. И мы уже не так уверенно повторяем формулу супружеской клятвы «... И не покину Тебя до самой смерти», Здесь может начать действовать весьма характерный для социальной жизни механизм так называемого самосбывающегося, или самостимулируемого, про-

цесса. Если я знаю, как много бывает разводов, я чувствую меньшую уверенность в прочности своего брака, вкладываю меньше сил и заинтересованности в укрепление этого семейного союза, не столь последовательно и полно идентифицирую себя со своей семьей, я оставляю себе - в воображении - некоторые возможные пути для отступления. Такое поведение партнеров, в котором ощущима слабость, как бы условность их отношения к браку, можно считать самым лучшим рецептом для того, чтобы супружеский союз действительно распался.

Прочность и продолжительность существования групп определенного типа, например трудовых коллективов или соседских общин, бывает в разных странах различной. Сравнения подтверждают выявленную тенденцию различной трактовки мимолетных и продолжительное время существующих групп. Скажем, японец воспринимает своих коллег по работе как чрезвычайно важную, прочную группу, почти как свою семью. Поляк сохраняет гораздо большую дистанцию к своим сослуживцам, к персоналу того учреждения, в котором он работает, в какой-то мере воспринимая своих коллег и сотрудников как товарищей по несчастью. Откуда возникает такое различие? Среди прочих обстоятельств здесь имеет значение и то, что в Японии человек нередко получает работу до конца своей жизни, во всяком случае на очень длительный срок. Зато в Польше существует сильная производственная флюктуация, текучесть кадров, люди часто меняют не только место, но и характер своей работы. Я пишу «среди прочих обстоятельств», потому что, конечно, немалую роль здесь играют и другие обстоятельства: простота (или сложность) устройства на работу, удовлетворение от работы, заработок, уровень социального обеспечения и т.п. Кроме того, для поляка, особенно проживающего в деревне, хотя и не только, большое значение имеют среда, окружающая местожительство, местная или соседская община, символом прочности становится его дом или его квартира. Зато для американца, члена того общества, которое американский социолог Вэнс Пэкард (Vance Packard) называл «нацией кочевников», место его жительства не играет такой существенной роли, потому что он это место в течение своей жизни многократно по своему усмотрению меняет. Американцы легко ассимилируются в новых местах и без сожаления оставляют соседские общины и группы, завязывая в них временные контакты, которые могут показаться достаточно интимными и откровенными, но по сути остаются совершенно поверхностными, неглубокими. Все это не мешает их образу жизни, который подобен образу жизни людей, живущих в огромных автомобильных прицепах, словно на мгновение остановившихся где-то посреди непрерывного движения, перемещения в пространстве. Свой дом или свою квартиру они трактуют так же, как номер в отеле, снятый на какое-то время, который потом надо оставить. Я всегда удивлялся американским коллегам, которые, выезжая за границу на учебу или с лекциями, сдают кому-то по объявлению свой дом и нисколько не страдают от того, что целый год на их коврах играют чьи-то чужие дети, в их постели или в их ванне забавляется какая-то чужая супружеская пара.

Третье очень важное направление классификации групп - это способ *рекрутирования* членов, то есть именно то, как становится тот или иной человек членом данной группы. Существуют группы, к которым люди как бы *предписаны*, они становятся их членами независимо от собственной воли: или самим

фактом своего рождения (так человек становится членом определенной семьи, расовой, этнической группы, нации), или в результате совершенного над человеком насилия, например ареста, заключения в тюрьму, в лагерь ссыльных, в воинское подразделение новобранцев, куда он «зачислен», «сослан» или, как говорят на солдатском жаргоне, «поставлен на довольствие». Уже сама по себе пассивная грамматическая форма таких определений свидетельствует о том, что действия здесь не носят добровольный характер. И напротив, существуют такие группы, в которые мы вступаем, куда мы *записываемся*, где находим себе работу, словом, группы, которые мы выбираем добровольно, по собственному решению: это разного рода товарищества, объединения, клубы, политические партии, спортивные общества и команды, учреждения (места работы), школы, круги друзей и т.п.

Среди этих других групп существуют свои различия: есть такие, в которые вступить проще, и такие, куда попасть значительно трудней. Что это значит «проще», «труднее»? Мы в данном случае имеем в виду существование особых условий, критериев, которым надо соответствовать, требований, которые надо исполнить, а также специальных процедур, которые надо пройти, чтобы быть принятым в группу. Так, для того, чтобы войти в студенческую группу, нужно сначала закончить школу, получить аттестат зрелости, а потом сдать вступительные экзамены в институт, пройти по конкурсу. Тот факт, что это удастся только одному из десяти желающих, свидетельствует о том, как плотно прикрыты двери, за которым открывается присоединение к группе такого рода. Чтобы войти в группу пилотов авиалиний польской авиакомпании «ЛОТ», нужно пройти соответствующую учебу, практику, «налетать» требуемое количество часов, пройти строгий медицинский контроль и отбор. Чтобы оказаться в национальной представительной футбольной лиге, нужно долго и хорошо играть, иметь большое количество забитых голов, попасться вовремя на глаза и понравиться тренеру, мучительно тренироваться, появляться на всех тренировках и сборах и т.п. Быть принятым в профессорский клуб Ягеллонского университета так же нелегко, как быть зачисленным в подразделение десантных войск «Гром». Мы знаем из кинофильмов и теперь, к сожалению, все чаще из прессы, как преступные группы заставляют тех, кто вступает в них, пройти очень жесткие испытания: нужно сначала кого-нибудь обокрасть, ограбить, а то и убить, чтобы доказать свою «профессиональную компетенцию». Долгий процесс проверки и отбора проходят те, кого во время войны зачисляют в подпольные, конспиративные группы. Гораздо проще вступить в политическую партию или, например, в Общество любителей Кракова: достаточно, как правило, только написать заявление. Нетрудно оказаться членом соседской общины: достаточно нанять квартиру в определенном месте, чтобы автоматически стать членом такой группы. Еще проще оказаться в группе людей, участвующих в какой-нибудь поездке или экскурсии: достаточно купить туристическую путевку. Группы, принадлежность к которым обусловлена строгими требованиями, особыми условиями и процедурами, называются *экссклюзивными*, или *элитарными*. Те же группы, в которые каждый желающий может сразу вступить, мы называем *инклюзивными*, или общедоступными.

Читая этот раздел книги, читатель наверняка испытает ощущение уже где-то виденного или подумает: «Откуда-то я уже это знаю». Ничего удивительного, ибо здесь мы снова повторяем только на языке «групповом», в контексте имеющем отношение к социальным группам, те соображения и выводы, которые были сформулированы нами раньше, но в контексте «действий», на соответствующем тому контексту социологическом языке. Мы тогда говорили нечто весьма схожее о способах занятия человеком тех или иных социальных позиций: через «предписывание» к позиции или через достижение такой позиции, обращая внимание на то, что второе возможно или при помощи универсальных, доступных каждому человеку критериев, или при помощи частных критериев, которыми могут пользоваться только некоторые, а не все. Теперь мы повторяем это под иным углом зрения, обращая внимание на то, что именно смена точки зрения позволяет значительно обогатить образ, рассмотреть явление глубже.

Эксклюзивный или, напротив, инклюзивный характер группы имеет, само собой разумеется, большое значение для ее членов. Участие в эксклюзивной группе, присоединение к которой потребовало особых усилий, стараний, затрат, жертв (например, многолетней учебы), представляет для человека несравненно большую ценность. Он сильнее идентифицирует себя с такой группой, готов активно, горячо ее поддерживать или действовать ей во благо, готов к проявлению большего конформизма из страха потерять признание в глазах других членов этой группы или быть удаленным из нее. Как правило, группы такого рода отличаются также большей солидарностью и внутренней сплоченностью, чем те, в которые вступить может каждый желающий, так же как каждый желающий может легко выйти из них, и состав таких групп оказывается более случайным. Крайним вариантом представляется такая ситуация, когда привлекательность для человека какой-либо группы заключается в самой ее эксклюзивности. Участие в такой группе человеку, в принципе, ни за чем не нужно, не приносит никакой выгоды, не обеспечивает никаких особенно приятных контактов или взаимодействий. Его стремление вступить в такую группу продиктовано исключительно снобизмом, а удовлетворение, которое человек испытывает от участия в этой группе, заключается только в осознании того, что принадлежать к ней могут немногие, избранные.

Четвертый критерий, позволяющий различить виды групп, существенно отличающиеся друг от друга, касается *интенсивности* участия. Здесь речь может идти о трех несколько различных вещах. Прежде всего, о том, что в группе мы совершаем различные действия, осуществляем различные намерения и цели. Бывают группы узко специализированные, *однофункциональные*, в которых мы осуществляем только один вид деятельности. Такой характер имеют различные профессиональные группы, группы, возникающие для решения какой-либо одной определенной задачи, спортивные, физкультурные объединения, товарищества, сформировавшиеся по интересам, и т.п. Но существуют также и *многофункциональные* группы, члены которых руководствуются разнородными намерениями и стремлениями и действуют различными способами. Примером может служить семья или круг знакомых. В семье мы любим друг друга и ссоримся, ругаемся, ласкаем де-

тей или наказываем их, ставя в угол, совершаем закупки, ремонтируем телевизор, устраиваем прием, приглашая гостей, моем посуду, рассчитываем семейный бюджет, выезжаем на каникулы. В кругу знакомых мы можем вести дискуссию о политике, играть в мяч, можем пойти в кино, можем поехать покататься на лыжах, можем заняться бизнесом. К совершенно противоположной категории, нежели такая многофункциональная группа, относится, например, тюрьма, в которой сосредоточена совокупность всех нюансов жизни, всей возможной активности заключенных, или больница, в стенах которой в период болезни как бы замкнута вся жизнь пациентов. Именно увеличение числа таких специализированных групп составляет определенный аспект той эволюционной тенденции к растущему структурному и функциональному разнообразию общества, о которой писал еще в XIX в. классик британской социологии Герберт Спенсер. Этой тенденции подчиняются в определенной мере также традиционные многофункциональные группы, такие как, например, семья. Когда-то именно в семье протекала вся жизнь ее членов: здесь совершалась активность, связанная с воспроизводством и продолжением рода, здесь же была сосредоточена производственная деятельность, религиозная жизнь, образование и обучение, отдых, развлечения и лечение. Со временем многие из этих функций перешли к специализированным группам или организациям, таким как предприятия, школа, Церковь, театр, больница и т.п. Однако и после этого в семье осталась значительно большая разнородность функций, чем в каждой из этих специализированных организаций в отдельности.

Иное сходное по типу разграничение можно провести по тому количеству времени и энергии - энергии физической, но также и суммы духовных, интеллектуальных вложенных сил, которое группа требует от своих членов. Есть такие группы, которые требуют непрерывного участия, постоянного присутствия, полной отдачи всех сил, максимального посвящения всего себя интересам группы, величайшей лояльности. Выразительными, хотя и совершенно различными примерами таких групп могут служить монашеский орден и мафия. Подобные требования могут предъявлять к своим работникам также современные промышленные корпорации, адвокатские конторы, консалтинговые фирмы, исследовательские лаборатории. В знаменитом фильме по повести Роберта Гришэма (Robert Grisham) «Фирма» вся жизнь молодого юриста в Америке подчинена его профессии, работе. Нечто подобное происходит с сотрудниками японских корпораций, которые, уйдя с работы, отправляются с коллегами в бары, где до позднего вечера обсуждают способы усовершенствования какого-либо производства. Профессиональные футболисты на сборах оказываются изолированными от всего мира и занимаются только тренировками или рассматривают игры своих противников на видеокассетах. Известный американский социолог Льюис Козер (Louis Coser) предложил для характеристики таких явлений забавный термин «*прожорливые группы*», имея в виду, что такие группы целиком «пожирают», съедают без остатка, заглатывают своих членов. Однако все же многие группы имеют иной характер, довольствуясь лишь частичным участием и умеренным приложением сил своих членов.

Еще один аспект членства в группе - это *строгость и мера контроля*, который осуществляет группа над своими членами. Здесь речь идет о том, какой объем частной жизни и личной свободы остается за человеком, являющимся членом той или иной группы. Некоторые группы весьма жестко навязывают своим членам определенные правила поведения и категорически требуют подчинения. Они стараются установить такие правила в виде четко сформулированных регламентов, уставов, инструкций и т.п. Войсковое подразделение, группа заключенных, команда матросов на корабле в море - характерные примеры таких групп. Контроль может даже выходить за пределы действий человека внутри группы, распространяясь на другие сферы его активности, иногда охватывая всю его жизнь. Например, шпион (разведчик) должен докладывать своему начальству, как складывается его семейная жизнь, с кем он встречается, куда ездит, какие рестораны посещает. Также некоторые фирмы и корпорации порой вмешиваются в личную, семейную жизнь и отношения с товарищами своих сотрудников, организуя их свободное время, предлагая им развлечения, занятия с их детьми, в некоторых случаях, известных из кино и литературы, подбирая им партнеров, устраивая свадьбы, обставляя мебелью их квартиры и создавая аранжировку для интимной жизни. Заимствуя термин из области политических наук, некоторые социологи называли еще недавно группы такого типа *тоталитарными* (ибо как в тоталитарных системах государство вмешивается в частную жизнь граждан и полностью подчиняет ее своим правилам и своему контролю, так и здесь группы разного рода действуют аналогичным образом по отношению к своим членам). И снова историческая тенденция, судя по всему, идет к росту и расширению контроля, который распространяется на членов современных обществ. Это связано с развитием технических возможностей мониторинга разных проявлений активности, наблюдения над ними. Мощные базы данных, которые задействуются при банковских операциях, при выдаче кредитных карт, при регистрации граждан, при оказании медицинской помощи, при приеме на работу, при начислении пенсий, в системе социального обеспечения и т.п., создают уже определенную угрозу для анонимности и частной жизни, что позволяет некоторым социологам говорить о появлении «контролируемого общества» (*surveillance society*)³. Об этом предостерегал и Джордж Оруэлл в своей черной политической утопии. Осознание этой опасности все более возрастает, и, возможно, это является одной из причин всемирной популярности телевизионной программы «Большой Брат». Людям интересно увидеть, как это происходит, когда все, что делается и говорится, становится открытым для публичного обозрения. Они чувствуют, что в известной мере все мы уже сегодня похожи на тех персонажей, заключенных в доме «Большого Брата» с телевизионными камерами в стенах.

Пятый критерий классификации касается той *выгоды*, которую приносит отдельному человеку членство в группе. Некоторые группы оцениваются и трактуются отдельными людьми чисто инструментально, так что участие в

³ Rule J.B. Private Lives and Public Surveillance. London: Allen Lane, 1973. См. также классические труды М. Фуко, названные нами в посвященной ему биографической справке.

них должно приносить какую-либо выгоду, выходящую за рамки самого участия. Группы должны в таком случае помочь реализовать какие-либо цели, направленные вовне, отличающиеся от целей самого по себе участия в группе. Так, в студенческую группу человек, как правило, вступает, чтобы чему-то научиться, получить диплом; в рабочую или какую-нибудь профессиональную, предпринимательскую группу он входит, чтобы заработать деньги, повысить свой жизненный уровень, свой престиж. Зато, когда мы сидим с друзьями и пьем пиво, или идем на поле поиграть в мяч, или выбираемся в дискотеку, мы руководствуемся автотелической (самодостаточной) мотивацией, ибо в таких случаях мы не хотим и не добиваемся ничего другого, кроме милого времяпровождения совместно с другими участниками этого процесса. Нам ничего другого не надо, только побыть вместе с другими, посмеяться, поболтать, развлечься. Такая мотивация имеет чисто социальный характер, выражает естественную человеческую склонность к тому, чтобы находиться в обществе других людей, в товарищеском кругу. Здесь надо вспомнить то наблюдение, которым мы поделились выше, когда вели речь о различии инструментальных и «самодостаточных» мотивов на социологическом языке, характерном для анализа «дел», поступков, поведения людей. С одной стороны, в философии и социологии постоянно присутствует некий идеал «труда, который не вызывает отчуждения», который становится не только средством заработка, но и полем творческой самореализации человека и удовлетворения. Эта мечта может быть реализована в определенных профессиях, например, связанных с трудом художника, артиста, литератора, ученого, священника (духовного наставника). С другой стороны, та же философия и социология обращают внимание на то, как определенные группы, действующие в «автотелическом» поле, могут быть использованы в инструментальных целях. Знакомства, контакты, дружбу все чаще завязывают для того, чтобы обрести влияние, вес, получить нужную информацию, завести нужные «связи», легитимирующие наше собственное положение, и т.п. В крайнем случае интимность и незаинтересованность самым циничным образом имитируются и симулируются для того, чтобы использовать соответствующую группу в личных эгоистических целях. Вслед за Мертоном мы можем назвать это явление псевдообщностью (*pseudo-Gemeinschaft*), имитацией общности.

В современном обществе все более распространенным становится формирование *целевых групп*, то есть таких, которые создаются исключительно для того, чтобы осуществить какой-нибудь конкретный проект, решить определенную задачу или проблему, достичь заранее поставленной цели, получить конкретный результат. Такие группы формируются из компетентных специалистов, вовлекаемых в дело только на период, требуемый для реализации поставленной задачи, потом эти группы распадаются. В этом случае мы имеем дело не только с инструментальной трактовкой (инструментализацией) уже существующей группы ее членами, но и с формированием группы заново, от самого начала и до конца, во всей ее полноте и целостности, исключительно для достижения поставленных внешних целей. Примерами могут служить различные комитеты, комиссии, «мозговые центры», экспертные группы, жюри каких-нибудь конкурсов. Задачи, которые ставят перед собой группы такого

рода, диктуют способ их деятельности. Представим себе самое простое действие: уборку снега на улице или написание адресов на конвертах во время выборной кампании. Это такие дела, которые можно завершить тем быстрее, чем больше людей будет привлечено к работе. Спонтанно созданная группа как бы «скликается», созывает желающих реализовать поставленную задачу, состоит из таких «охотников», выполняющих идентичную, одинаковую работу; однако в силу того, что работают, совершая идентичные действия, многие люди, их усилия складываются вместе, дополняют друг друга, увеличивают общий эффект. Мы называем задачи такого рода *кумулятивными*.

Но существуют и другие задачи, при выполнении которых обозначается граница, за которой присоединение дополнительных участников к группе становится нерациональным или невозможным. Допустим, нам нужно подтолкнуть и привести в движение автомобиль, мотор которого никак не заводится. Три-четыре добровольца выполняют такую задачу легко. Но если их окажется двадцать, они будут толкать друг друга, и им ничего не удастся сделать. Аналогичная картина возникает, когда нужно приготовить обед. Польская народная поговорка великолепно выражает суть такой ситуации: «Где шесть кухарок, там нечего поесть». В обоих случаях мы еще имеем дело с кумулятивными заданиями, но с определенным образом ограниченными группами, формирующимися для их выполнения. Может быть и по-другому: дополнительное вступление в группу новых членов не дает никаких результатов. Предположим, группа должна прийти к какому-нибудь консенсусу, сформулировать общее мнение, принять общее решение. Действия членов такой группы выглядят совершенно иначе, чем действия тех, кто совместно очищал улицу от снега. Сначала каждый формулирует и излагает свое мнение, свою частную, отдельную позицию. Затем начинается дискуссия, сопоставляются разные аргументы. Разные точки зрения сближаются. В случае необходимости дело доходит до голосования. Вспомним, что, по наблюдениям Зиммеля, группы такого рода не должны превышать 7-9 членов, иначе возобладает хаос и согласие окажется недостижимым.

Иной характер поведения в случае так называемых *компенсирующихся задач*. Скажем, судейская группа оценивает результаты фигурного катания или лыжного забега. Каждый дает свою индивидуальную оценку, действуя сам по себе, в одиночку, но в итоге формируется средняя оценка, сглаживающая, устраняющая крайности.

Еще один тип задачи можно назвать *кооперативным*: футбольная команда, которую можно рассматривать как целевую группу, ставит перед собой задачу забить гол в ворота противника. Если бы все члены команды бежали в одном направлении, к линии ворот противника, то есть действовали бы в парадигме кумулятивной активности, они никогда никакого гола не забивали бы. В данном случае необходимы разделение функций и определенная стратегия кооперации и координации, которую перед матчем разрабатывает и предлагает игрокам их тренер. Каждый игрок на поле делает что-то свое, особенное, отличное от других, но все эти действия в их осмысленной взаимосвязи приносят общий преднамеренный результат. Другими примерами такого рода могут быть скрипичный квинтет, бригада судовых ремонтников, группа механи-

ков, которая в несколько секунд заменяет колеса на соревнованиях «Формулы-1». Целевая группа, выполняющая разные, требующие координации действия, как правило, имеет лидера, который берет на себя функции координатора действий: это дирижер в симфоническом оркестре, председательствующий или модератор дискуссии на научном симпозиуме, капитан катамарана в регате «The Race» - все это примеры таких ролей. Существуют такие задачи, для выполнения которых группа выбирает, делегирует одного своего члена, представителя, действующего от имени данной группы в ее интересах. Так, шахтеры, собравшиеся на демонстрацию протеста перед зданием Сейма, посылают одного своего представителя с петицией к маршалу Сейма. Политическая партия выдвигает своего кандидата на выборах. Спор уличных банд решается тем, кто победит в схватке двух выбранных от этих банд представителей. Групповые задачи, решаемые одним из членов группы, которому делегируются соответствующие полномочия, мы называем *дизъюнктивными* (разделительными).

Есть еще один интересный вид заданий, для выполнения которых требуется, не только чтобы все члены группы выполняли свои «разделенные», частные функции, но и чтобы при этом интенсивность или темп общей деятельности были приведены в соответствие с возможностями самых слабых звеньев. Например, при экспедиции на Северный полюс или при восхождении на вершину Гималайских гор условием успеха является то, чтобы цели достиг и самый слабый из участников. В таких ситуациях тот, кого можно считать сильнейшим, кто может вырваться вперед и решать поставленную задачу в одиночку, без оглядки на отстающих, ничего не достигнет. Ему не хватит запасов, у него не будет необходимых продуктов, обеспечения, оборудования, поддержки, которую ему может обеспечить только вся группа. Точно так же и воинское подразделение, вступающее в действие, должно равняться на отстающих, ждать, каким-то образом торопить, подгонять их. Если их бросить, то все подразделение, в том числе и сильнейшие, передовые его члены, окажется малочисленным, рассеянным, останется без поддержки и легко будет ликвидировано врагом. Так же и бандитская группа, совершившая разбойное нападение и убегающая с места преступления, должна дожидаться отстающих, ибо, если хотя бы один из них попадет в руки полиции, это будет представлять угрозу для всех остальных. Такого рода задания, исполнение которых требует учета самых слабых звеньев и соответствия возможностям отстающих, мы называем *конъюнктивными*.

Уже по тем примерам, которые мы привели выше, можно судить, что так называемые целевые группы бывают крайне разнородными, составляют огромное многообразие. Их структура и функционирование отражают ту степень сложности, какая определяется целями, задачами, поставленными ими перед собой. Некоторые задания могут быть технически очень простыми, например надписывание конвертов, другие, напротив, технически крайне сложными, например апробация нового лекарства. Бывают задания, которые требуют высокой общественной компетенции: открытости, готовности к дискуссиям, толерантности по отношению к противоположным мнениям и взглядам, умения прислушиваться к аргументации, большого авторитета и высокого

уровня нравственности, а также взаимной доброжелательности, лояльности и доверия. Примеры тому: комитет, выделяющий гранты на исследовательские работы, или жюри музыкального исполнительского конкурса имени Шопена. А бывают и такие задания, при исполнении которых социальные достоинства членов группы не играют почти никакой роли. Например, при расчистке снега на улице или при попытках подтолкнуть автомобиль, который не заводится. *Технические и социальные требования* не всегда совпадают, не всегда соответствуют друг другу. Так, участники эстафетного забега или игроки футбольной команды выполняют задания очень высокого технического уровня, достижимого лишь в результате долгих, упорных тренировок. При этом характер взаимодействия внутри этих групп в первом случае ничтожно малый, а во втором - весьма сложный и высокий: передачу эстафетной палочки можно считать примером простейшего, элементарного взаимодействия, в то время как координация действий футболистов, каждый из которых занимает свою позицию, в единую действующую систему, способную к достижению цели - забиванию гола в ворота противника, требует выработки высокого уровня взаимодействия, единства, интеграции группы и соответствующей этики. Скажем, присяжные заседатели или альпинистская группа в Гималаях навязывают своим членам и всей их совокупности высокие социальные критерии, и в этом они подобны друг другу. Но техническая сложность задания неодинакова: в сложном процессе судопроизводства она представляется более высокой, чем при штурме горной вершины.

Шестой критерий касается уровня *организованности* группы. Как мы помним, организованные, формальные группы (или «социальные организации» в реалистическом, а не в атрибутивном смысле этого слова) - это конгломераты взаимосвязанных социальных статусов. В таких группах, следовательно, мы участвуем как некий безымянный, безличностный персонал, занимающий определенные позиции и выполняющий тем самым определенные роли. Наши личные особенности, достоинства и недостатки, если только они не связаны напрямую с выполняемыми ролями, не имеют для группы никакого значения. Когда, к примеру, я лечу самолетом, мне совершенно все равно, женат ли пилот, есть ли у него дети, посещает ли он церковь, собирает ли он марки или играет в гольф. Для меня важно только то, чтобы он хорошо вел самолет. Дирижеру оркестра дела нет до того, является ли гобоист в оркестре к тому же еще знатоком и любителем живописи, важно лишь то, чтобы он хорошо играл на гобое.

Организация, кроме того, имеет ту особенность, что она сохраняется, продолжает действовать, даже если сменится персонал. Берлинская филармония будет существовать и после того, как не раз сменятся играющие в оркестре гобоисты, а Ягеллонский университет в Кракове сохранится и после того, как уйдут на пенсию все ныне работающие здесь профессора.

Зато в неорганизованных, неформальных группах мы участвуем иначе, а именно всей полнотой своей личности, как люди, состоящие из духа, плоти и крови. Для круга моих друзей имеют значение все мои слабости, изъязны, увлечения, отклонения. Никто другой в этом кругу не мог бы меня заменить, а сама группа не сохраняется дольше, чем сохраняются в ней ее члены, она пе-

рестает существовать, если конкретные люди, составляющие эту группу, умирают или уходят из нее. Но такое разделение групп не всегда очевидно, его не всегда можно четко, однозначно провести. В организованных группах, то есть в группах анонимных, деперсонализированных, нередко возникают какие-то личные неформальные отношения между ее членами. Проникновение друг в друга признаков формальной организации и сети неформальных контактов весьма типично для многих организаций в современном обществе. В промышленных предприятиях эту особенность эмпирически выявил еще до войны Элтон Мэйо (Elton Mayo); в армии это было обнаружено исследованиями Самуэля Стауфера (Samuel Stouffer), проведенными во время Второй мировой войны; в школах эту особенность проследил Мартин Трой (Martin Trow); в городах - Уильям Ф. Уайт (W.F. Whyte); в сфере политики - Сидней Верба (Sidney Verba); в больницах - Гарольд Виленский. Отсюда могут вытекать двойственные последствия. Например, исследования Элтона Мэйо, проведенные в окрестностях Чикаго на заводах, производящих телефонные аппараты и станции, показали, что близкие контакты между работниками, выходящие даже за пределы их совместной работы, способствуют большей привлекательности для них рабочей группы, а также более высокой производительности труда. Аналогичные исследования Стауфера, проведенные в американской армии в годы Второй мировой войны, позволили сделать вывод, что хорошее самочувствие солдат и «боевая эффективность» воинских подразделений в значительной мере зависят от гомогенности их состава (когда солдаты призваны из одного штата, представляют одну и ту же расовую группу и т.п.), а также от добрых отношений и товарищеских контактов между однополчанами. Однако, с другой стороны, в учреждениях, в административных органах, в политических структурах такого рода частные контакты и связи ведут к возникновению группировок, разного рода клик и других патологических явлений: фракционности, коррупции, nepotизма.

ФЕРДИНАНД ТЕННИС (1855-1936)

Немецкий социолог, один из основателей Германского социологического общества. Мировую славу ему принесла единственная его книга «Общность и общество» (*Gemeinschaft und Gesellschaft*, 1887).

Эта работа Тенниса положила начало тому направлению критики современной общественной формации, которое до сих пор сохраняет свою актуальность и значение. Оно указывает на разрушение общности между людьми и на то, что социальные отношения приобретают все более инструментальный, расчетливый характер. Результатом этого процесса становится ухудшение качества жизни и утрата радости жизни. Человек, согласно Теннису, обладает «сущностной волей», что составляет его характерное отличие. Проявление этой воли толкает его к эмоциональным, спонтанным, автотелическим отношениям с другими людьми, что находит выражение в семье, в родственных отношениях, в дружбе, а также в отношениях между соседями внутри одной территориальной общины. Такие отношения имеют личный, интимный характер, основаны на ориентации

и осуществлении общих ценностей, традиций, обычаев. Людей связывает общий для них образ мира и общность в реализации их целей. Важной человеческой потребностью является сохранение таких отношений и пребывание в них. Между тем в современном обществе господствует холодная, расчетливая «избирательная воля», опирающаяся на соображения выгоды. Выражением такой воли являются торговые отношения, происходящие в этой области переговоры, заключаемые контракты, а также типичные анонимные, развивающиеся на большой социальной дистанции, в условиях взаимной изоляции отношения между жителями больших городов - мегаполисов. Такие отношения имеют инструментальный, безличностный характер, выражают эгоизм, цинизм и даже жестокость партнеров, которые смотрят друг на друга только как на исполнителей определенных ролей, как на существа, которые могут быть объектом манипуляций. Отношения между людьми отрываются от местной почвы, развиваются во все более широком, глобальном пространстве, связывая находящихся далеко друг от друга и не знакомых между собой контрагентов. Таким образом общественный мир подвергается постепенной дегуманизации.

Все это имеет многосторонние социальные последствия. В частности, происходит моральная деградация: все более широко распространяются обман, мошенничество, господствующим становится правило, согласно которому цель оправдывает средства. Право теряет свою естественную опору на признанные в обществе традиции, обычаи и моральные правила, теперь людей надо заставлять исполнять закон, применяя жесткие санкции. Попытки обойти закон становятся общественно признанной добродетелью, а подонки, аферисты и преступники превращаются в массовом воображении в героев. Труд перестает быть потребностью, сферой самореализации человека, источником внутреннего удовлетворения, превращаясь в дело бизнеса, оправданное лишь постольку, поскольку оно приносит прибыль. Главными жизненными целями становятся карьера и финансовые успехи. А поскольку принципы такого рода получают всеобщее распространение, каждый человек чувствует угрозу со стороны других, живет в непрерывной конкуренции и неустанной борьбе с другими, в непрерывном ощущении неуверенности и риска.

Литература

Toennies P. Wsólnota i społeczeństwo jako typy więzi międzyludzkich // Elementy teorii socjologicznych / W. Derczyński, A. Jasińska-Kania, J. Szacki (Red.). Warszawa: PWN, 1975. S. 46-65.

Historia myśli socjologicznej / Szacki J. (Red.). T. II. Warszawa: PWN, 1981. S. 496-504.

Субъективные критерии классификации

Седьмой критерий классификации групп переносит нас в ту субъективную сферу, под которой мы имеем в виду субъективные отношения индивида к группе. Разумеется, сама принадлежность к группе - это объективный факт, свидетельством которого в формальных, организованных группах могут служить заявления о приеме, списки членов, членские билеты, а в неформальных группах - фактическое участие того или иного лица в групповой активности, контакты и взаимодействия с другими членами данной группы. Группы, к ко-

торым объективно принадлежит какой-либо человек, мы называем *группами членства*. Субъективное отношение индивида к таким группам может быть различным. Чаще всего это позитивное отношение, особенно в том случае, когда вступление в группу осуществлялось добровольно, вытекало из ее привлекательности для данного человека, а такая привлекательность могла иметь место и в случае инструментального отношения к группе (когда она помогает человеку достичь каких-либо его целей), и в случае «автотелического», незаинтересованного отношения (когда у него просто возникает потребность участия, товарищества и т.п.), и в случае аксиологического подхода (когда группа укрепляет, усиливает представления человека об определенных, признаваемых им ценностях благодаря контактам с людьми, ориентированными на такие же или подобные ценности). С привлекательными группами отдельный человек идентифицирует себя, солидаризируется, проявляет к ним свое доверие и лояльность. Явным признаком такой внутренней установки является готовность человека думать и говорить о членах такой группы с помощью категории «мы». При этом нередко появляется определенная идеализация группы ее членами. Так, шовинизм возникает тогда, когда самооценка своей группы ее членами оказывается по всем позициям и показателям (успехов, достоинств и т.п.) значительно выше, чем объективная оценка посторонних наблюдателей, а тем более оценка со стороны членов других подобных групп, которые в свою очередь начинают систематически занижать успехи и достоинства «чужой» группы по сравнению с собственной. Процесс этот, разумеется, имеет обоюдосторонний характер, приводя к явной деформации взаимных оценок группами, обладающими высокой сплоченностью и привлекательностью для своих членов. *Субъективная идентификация* с группой, к которой объективно принадлежит данный человек, - это самая что ни на есть естественная ситуация. Такие группы мы называем признанными группами членства. Когда такого рода идентификация становится широко распространенной среди членов группы, когда для всех или по крайней мере для подавляющего большинства членов группа становится их «признанной членской группой», мы говорим, что группе присуща высокая *моральность*. Сильное ощущение своей связи с группой, близкие отношения с другими ее членами, гордость за успехи этой группы, привязанность к ее эмблемам и символам - все это еще более усиливается, приумножается, когда становится осознанным всеми членами группы, частью их общего сознания. Такого рода мораль имеет огромное значение для функционирования и эффективности действий группы. Каждый болельщик знает, к примеру, какое фундаментальное значение это может иметь для футбольной команды, вероятно, гораздо большее, чем число играющих в ней «звезд».

Однако бывает и так, что человек не идентифицирует себя с группой, не солидаризируется с ней, не оказывает доверия, не проявляет и не чувствует по отношению к ней лояльности, хотя, несомненно, принадлежит к данной группе. Зачем же он в таком случае остается в такой группе? Иногда потому, что он не сам выбрал эту группу, а оказался «предписанным» к ней на всю жизнь, например, фактом своего рождения. Так бывает, например, в ситуации, когда семья распадается, переживает внутренний конфликт, становится

для ребенка чем-то чуждым, но, даже если ребенок убегает из дома, он не может до конца разорвать все связи, которые определяют его объективную принадлежность к данной семье, к данной группе. Нечто подобное может происходить в группе заключенных, которая представляется осужденному человеку враждебным ему окружением, в котором он вынужден оставаться, пока не кончится срок его заключения. Нечто подобное может случиться с призванным на военную службу солдатом, для которого весь период его пребывания в армии - сплошная мука и несчастье, однако, пока не кончится срок его службы, он никак не может оставить ту воинскую часть, ту группу, в которой он не по своей воле оказался. Бывают и такие ситуации, когда человек присоединяется к той или иной группе, хотя и сам, и вполне добровольно, но только потому, что у него не было иного выбора: например, когда он, чтобы избежать положения безработного, занимает единственную предложенную ему вакантную должность на каком-нибудь предприятии, которое ему совершенно не нравится. Так бывает, если человек найдет дешевую квартиру и окажется в доме или районе в окружении чуждой ему, может быть, даже преступной среды, с которой он вовсе не хочет себя идентифицировать, но разорвать связи с этим окружением, с этой соседской группой, он уже никак не может. Ни в первом, ни во втором случае он не готов к тому, чтобы рассматривать группу, в которой он вроде бы добровольно оказался (группу сослуживцев, товарищей по нелюбимой работе, группу соседей) как объект собственной идентификации, доверия или лояльности. Случается и так, что группа, которую человек выбрал по собственной воле, по своему решению, в которую он вступил добровольно, уже не позволяет ему свободно выйти из ее состава. Примерами могут служить монастырь, религиозная секта, как, впрочем, и обычное супружество, освободиться от которого можно лишь посредством сложной, трудной и дорогостоящей процедуры, связанной с разводом. Когда группы такого рода теряют привлекательность для своих членов и становятся объектом отчуждения, люди тем не менее часто продолжают в них оставаться из-за тех трудностей, которые связаны с выходом из группы. Наконец, даже в открытых группах, выход из которых является совершенно свободным, например в политической партии, в каком-нибудь товариществе, в кругу друзей, люди могут оставаться против своего желания, но из опасения того, как на их уход прореагируют другие, из соображений чистейшего конформизма или в силу инерции. В силу этих и иных различных причин и поводов случаи, когда люди продолжают оставаться в группах, с которыми их уже ничего не связывает, то есть от которых они чувствуют себя отчужденными, оказываются далеко не редкими. В таких случаях складываются противоречивые ситуации, исполненные отчаяния и фрустрации, генерирующие напряжение и конфликты, ситуации в известном смысле неестественные. Хуже всего, конечно, бывает тогда, когда негативное отношение к группе распространяется среди большинства и даже всех ее членов. Общий низкий моральный уровень становится признаком кризиса группы, сигналом ее неизбежного распада. Представим себе футбольную команду, которая постоянно терпит поражения, выпадает из лиги. Игроки остаются в такой команде только в силу того, что они раньше подписали контракты, которые не могут нарушить. Низкий моральный уровень (от-

сутствие привязанности, гордости за свою команду, позитивного отношения к ней) влияет и на игру, которая с каждым разом становится хуже и хуже, а это еще больше снижает моральный «тонус» команды, и так дело доходит до ее неизбежной ликвидации. Или возьмем пример из совсем другой области. Представим себе правящую политическую партию, которую большинство данного общества воспринимает как чужеродную, узурпаторскую. Такая партия отступает под натиском массовой оппозиции, разрешает проведение свободных выборов и проигрывает эти выборы. Членство в такой партии становится все более обременительным для тех, кто в ней еще остается, эти люди не проявляют ни солидарности, ни лояльности, ни доверия к своим товарищам по партии. Мы говорим в таком случае, что моральность внутри группы очень низкая. В результате партия распадается, ликвидируется. Недолгая история ПОРП после формирования Круглого Стола на выборах 1989 г. прекрасно иллюстрирует такую ситуацию.

Гораздо более естественной является ситуация, когда люди, у которых складывается негативное, враждебное, критическое отношение к своей группе, проявляется отвращение к ней, просто дистанцируются или изолируются от этой группы. Конечно, среди огромного количества групп, к которым мы сами не принадлежим и которые окружают нас в обществе, мы замечаем, как правило, лишь некоторые, представляющие для нас в нашем субъективном восприятии то или иное существенное значение, и в свою очередь из этих некоторых выделяется лишь часть, вызывающая у нас негативные эмоции.

Напомним, что в разделе, где мы анализировали общество с точки зрения человеческих действий, вслед за Джорджем Гербертом Мидом (George H. Mead) мы пользовались понятием *«значимые другие»*, имея в виду тех, кто для данного человека является субъективно важными партнерами его контактов и взаимодействий. Теперь мы можем использовать аналогичное понятие, рассматривая общество с групповой точки зрения. Мы можем вести речь о *«значимых группах»*, имея в виду такие группы, которые человек выбирает среди множества различных групп, придавая им особенное субъективное значение. Большинство групп, с которыми мы сталкиваемся, оставляют нас эмоционально равнодушными и соответственно воспринимаются нами как нечто эмоционально нейтральное. Но существуют и такие группы, которые кажутся нам ужасными, которыми мы возмущаемся, брезгуем, которые мы высмеиваем, в которых мы ни за что на свете не хотели бы оказаться. Например, для болельщиков «Вислы» такой группой могут оказаться болельщики «Легио» или «Полонии», для католиков - сектанты-сатанисты, для многих горожан - парни с бритыми головами и бычьими шеями, для людей старшего поколения - распоясанные и орущие певцы рок-групп. Отвращение и враждебность тем больше, чем активнее группы такого рода навязывают нам свое присутствие, свои действия и нормы, чем чаще оказываются они в орбите нашей повседневной жизни. Значит, это происходит тогда, когда болельщики противоположного нашим симпатиям спортивного общества затевают уличные драки, когда множится число агрессивных сект, когда возрастает угроза со стороны преступных группировок, когда с телевизионных экранов идет непрерывная атака на нас со стороны молодежной «субкультуры». Мы стараемся держаться от таких групп

подальше, не хотим иметь с ними ничего общего, подчеркиваем наше несогласие с их поведением или стилем жизни. В отношениях с *группами, вызывающими негативную реакцию*, (негативные референтные группы) прослеживаются две интересные закономерности. Первая - это склонность к формулированию стереотипов, а именно односторонних, упрощенных и обобщенных образов такой несимпатичной нам или враждебной группы, причем в этих образах недостатки такой группы всячески подчеркиваются и выделяются, а достоинства исключаются из поля зрения, все члены такой группы воспринимаются и оцениваются одинаково негативно, независимо от личных черт и индивидуальных качеств каждого из них в отдельности. От такого стереотипного мышления остается уже только один шаг до предвзятого отношения, предрассудков, направленных против какой-либо группы, что может спровоцировать оправдание действительной дискриминации, сегрегации, репрессий или в крайнем случае уничтожения, истребления, геноцида. Особенно многочисленными и яркие примеры такой эскалации враждебности дает нам история этнических, расовых, религиозных, национальных групп и отношений между ними.

Другую закономерность можно вывести из общего социологического закона, известного как закон Зиммеля-Козера (Simmel-Coser). Американский ученый Льюис Козер (Louis Coser) уточнил и эмпирически обосновал наблюдение классика немецкой социологии Георга Зиммеля, что внешний конфликт увеличивает внутреннюю интеграцию и сплоченность групп и всего общества. И вот что из этого проистекает. Негативная референтная группа - это такая группа, которая представляет для нас какую-либо угрозу, мы ожидаем с ее стороны исключительно злых, враждебных действий. Уже само по себе воображение такой угрозы независимо от ее реальности становится интегрирующей силой. Мы сплываем свои ряды для обороны от групп, вызывающих негативную реакцию, мы начинаем ощущать более сильную солидарность друг с другом, лояльность и доверие по отношению к собственной группе, мы сильнее и последовательнее себя с ней идентифицируем, мы готовы активнее участвовать в ее деятельности. Неслучайно этнические, религиозные, расовые, национальные стереотипы и предрассудки нередко становились предметом политических манипуляций, цинично направленных на укрепление сплоченности собственного общества. Откровенная пропаганда расизма и антисемитизма дает нам яркие примеры такой стратегии.

Но случается и противоположная ситуация. Какие-то группы представляются нам чрезвычайно привлекательными, достойными уважения, вызывают у нас восторг, хотя сами мы не принадлежим к этим группам. Они становятся предметом наших мечтаний и надежд, мы пытаемся установить с ними контакты, мы хотели бы быть принятыми в эти группы, быть признанными ими. Объективно не участвуя в этих группах, не принадлежа к ним, мы идентифицируем себя с ними субъективно, солидаризируемся с ними, испытываем чувства лояльности и доверия. Рассмотрим некоторые примеры. Маленький мальчик, которому хочется быть принятым в круг дворовых мальчишек. Лицеист (старшеклассник), который подделывает членский билет студенческого клуба (пропуск на свое имя в студенческий клуб). Незабываемые, созданные пером Бальзака или Пруса образы нуворишей, мечтающих проникнуть в ари-

тократическую среду. Эмигрант, который хочет стать похожим на своих новых соотечественников, раствориться среди граждан той страны (новой Родины), где он нашел приют. Для всех этих людей группы, к которым они мечтают примкнуть и которые уже стали предметом их опережающей реальность самоидентификации, - это, как назвал их Роберт Мертон, «*позитивные референтные группы*»⁴.

Почему наше субъективное отношение к группам, как к тем, к которым мы принадлежим, так и к тем, к которым мы не принадлежим, причем одинаково и позитивное, и негативное, оказывается столь важным? Потому что группа, которая представляет для нас существенный интерес, которую мы наблюдаем или к которой себя причисляем, которую включаем в орбиту своего внимания или своей активности, начинает оказывать на нас определенное влияние, формирует характер нашего мышления и поведения. Относясь к ней субъективно, мы тем самым как бы открываем двери для ее воздействия на нас, даем ей возможность формировать нас. Прежде всего она поставляет нам те стандарты, которые позволяют производить сравнительную оценку наших собственных достижений, что может оказывать мобилизующее влияние на мотивацию нашего поведения и вытекающие из этой мотивации действия. Когда молодой ученый принимает за свою позитивную референтную группу заслуженный, прославленный коллектив исследователей, в который входят нобелевские лауреаты, это становится сильнейшим стимулом для его собственных усилий и может существенно способствовать его научной карьере. То, что американцы всегда стараются сравнивать себя с теми и подтягиваться до тех, кто стоит немного выше их, приравнивают свой шаг «к шагу господ Джонсов», как это определяет американская поговорка, является, возможно, одним из источников экономической динамики и успехов американского общества. Вслед за американским социальным психологом Джорджем Хайманом (George Homan) мы назовем группы, выполняющие такую функцию, *сравнительными референтными*. Но существует и другая, более важная функция. Группы, с которыми мы себя идентифицируем, поставляют нам образцы, стандарты поведения, мы учимся на их примере, учимся тому, на что надо ориентироваться и что надо делать, то есть обретаем связывающие нас ценности и нормы. В таком случае мы говорим о *нормативных референтных группах*.

Предваряя детальный анализ процесса, к которому мы перейдем в следующей части данной книги, мы должны здесь и сейчас ввести понятие «социализация», или проще - формирование ментальности, установок, действий людей посредством общества (социума). В данном случае проводниками социализации являются группы, к которым мы проявляем субъективное отношение, не важно какое именно. Группы, к которым мы на самом деле принадлежим, осуществляют по отношению к нам реальную, действительную социализацию, склоняя нас к определенному конформизму, унифицируя (в рамках данной группы) наши взгляды и наше поведение через контакты, взаимодействия, общественные отношения с другими членами этой группы. Группы, к которым

⁴ Merton R.K. Teoria socjologiczna i struktura społeczna. Warszawa: PWN, 1982 (оригинал: Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968).

мы не принадлежим, подвергают нас социализации виртуально, включая наше воображение и вызывая в этом воображении представления о том, что в этих группах принято, что для них характерно, чего можно ожидать.

Конечно, самое сильное позитивное влияние в плане социализации оказывают на нас те группы, к которым мы принадлежим и с которыми мы себя идентифицируем. Это может быть здоровая, правильно функционирующая семья, круг друзей, тесная соседская или местная община, слаженный рабочий коллектив, любимая школа. Но подобным образом, а иногда даже более сильно могут воздействовать на нас группы, членами которых мы не являемся, но к которым мы хотели бы принадлежать, с которыми мы связываем свои идеалы, свои надежды. Эта типичная для «позитивных референтных групп» опережающая идентификация создает основы, как формулировал это Мертон, *опережающей социализации*. Ее предметом становятся прежде всего простейшие для подражания, для наследования внешние атрибуты, бросающиеся в глаза символы, знаки принадлежности к группе. Маленький мальчик подражает манерам, повторяет слова, выражения старших дворовых мальчишек, старается походить на них в одежде. Нувориш строит дворец, покупает карету, нанимает лакеев, стараясь подражать родовой аристократии. Такие попытки нередко обретают гротескный, крайне преувеличенный и смешной характер, что вскрывает известная поговорка о людях, которые стараются «быть правее самого Папы». Только вслед за такой внешней атрибутикой опережающая социализация приносит свои, характерные для группы, ставшие образцом ценности, правила, убеждения, способы мышления, все то, что действительно свойственно группе, к которой мы хотели бы принадлежать. Труднее всего оказывается освоить определенные тончайшие оттенки поведения, навыки, приобретаемые с детства, особенности лексикона, нюансы произношения, изысканную элегантность. Как говорит известная польская поговорка, у богатого бизнесмена часто «солома торчит из туфель». Овладение, если это каким-то образом удастся, всеми секретами, всеми особенностями той жизни, какую ведет группа, к которой человек стремится принадлежать, может стать основанием действительной легитимации его «приема», его состоявшегося вхождения в эту группу, но порой группа отторгает, отбрасывает, осуждает такого рода старания и усилия, расценивая их как показные, искусственные или нахальные притязания.

Особым, весьма интересным образом, а именно на основе контраста, оказывают на нас в плане социализации свое влияние также те группы, с которыми мы совершенно не желаем себя идентифицировать. Когда мы почему-либо вынуждены участвовать в группе, ценности которой мы не признаем и характер которой не одобряем, мы стараемся защитить нашу личную автономию, стараемся и мыслить, и поступать, и говорить как бы наперекор ожиданиям этой группы, наперекор правилам, принятым в ней. Взбунтовавшийся ребенок делает что-то назло своей маме; заключенный восстает против навязанной регламентации, создавая вместе с другими заключенными альтернативные правила «другой жизни», так называемой тюремной «грыпсеры» («блатной» иерархии, неписаных законов); разочаровавшийся член политической партии, хотя формально еще остается в ее рядах, начинает читать газеты про-

тивоположной ориентации. Этот процесс *контрсоциализации* может протекать и тогда, когда мы сами не принадлежим к группе, вызывающей у нас отвращение или представляющей нам враждебной, то есть к группе, вызывающей негативную реакцию. Так, мы стараемся одеваться изящно, строго, элегантно, демонстрируя тем самым свое несогласие со стилями молодежной субкультуры; мы избегаем кожаных курток, кроссовок фирмы «Адидас» и белых носков, чтобы отличаться от бандитов и охранников; если приходится в поезде говорить по мобильному телефону, мы стараемся деликатно укрыться где-нибудь в туалете, чтобы нас не приняли за агрессивно оккупировавших купе, громко кричащих что-то в свои мобильники представителей «нового бизнеса».

Подводя итоги, представим классификацию групп с позиций меняющихся критериев объективной принадлежности и субъективного отношения к группе (табл. 6).

Таблица 6. Типы идентификации с группой

Субъективное отношение	Объективное членство		
	принадлежность	отсутствие принадлежности	
Идентификация Солидарность Лояльность	Признанная нами группа членства	Позитивная референтная группа	Социализация
Отвращение Дистанция Враждебность	Отброшенная группа членства	Негативная референтная группа	
	<div style="display: flex; justify-content: space-around;"> Реальная социализация Виртуальная социализация </div>		Контрсоциализация

Синтетическая типология групп

Проведенная выше классификация групп была основана на том, что мы брали во внимание отдельные, единичные черты и признаки. Можно, однако, попробовать выявить такие сложные конгломераты характерных черт и признаков, в которых эти черты выступают все вместе и которые позволяют выделить наиболее важные формы социальных общностей, коллективов. В этом случае мы уже будем иметь дело скорее с типологией, чем с простой классификацией.

Очень важная противоположность двух типов групп - первичных и вторичных - была определена и выведена как закономерность одним из основоположников американской социологии Чарльзом Хортоном Кули (Charles H. Cooley). Напомним, что мы уже использовали это разделение в социологической парадигме «действия», когда противопоставляли друг другу первичные и вторичные социальные отношения. Однако оригинальную формулировку этого

различия мы найдем именно в «групповой» перспективе. Кули утверждал, что есть такие группы, которые имеют универсальный характер: мы обнаруживаем их в любом, даже наиболее экзотическом или самом примитивном обществе, а кроме того, мы легко найдем их исходя из жизненного опыта любого человека. Такой универсальной группой, имеющей фундаментальное значение, является семья, что, вне всякого сомнения, связано с биологическими особенностями человеческого рода, а именно с многолетним периодом достижения самостоятельности и зрелости, через который должен пройти ребенок. Каждый человек рождается в той или иной семье, долгое время остается в кругу этой семьи, а потом, как правило, создает собственную, новую семью. Каждый человек где-то живет и входит в контакт по месту жительства с какими-нибудь своими соседями или с местной общиной. Группа соседей - это вторая после семьи универсальная группа, которую отмечает Кули. Наконец, уже подросший ребенок входит в спонтанные, неформальные контакты с другими детьми, потом эти приятельские круги расширяются, чтобы перерасти в дружеские или товарищеские круги взрослых людей. В результате естественной, свойственной человеку склонности к общению, к товариществу, о чем писал, между прочим, цитированный нами выше Зиммель, оказывается, что и такие товарищеские группы, начиная с групп играющих вместе детей, в человеческом обществе всегда присутствуют, то есть имеют универсальный характер.

Что общего имеют эти три вида групп (семья, группа соседей, круг друзей, или товарищей)? Прежде всего, они сравнительно небольшие, что позволяет членам этих групп лично знать друг друга и совершать взаимодействия «лицом к лицу», в непосредственной близости, часто в той форме, которую можно назвать интимной. Далее, эти группы - довольно прочные, существующие длительное время (семья среди них является наиболее прочной и длительной), следовательно, они имеют большое значение для своих членов. Они охватывают разнородную деятельность, то есть имеют многофункциональный характер, а также распространяются на широкую сферу жизни людей. Используя термин Козера, мы можем сказать в этой связи, что они являются «ненасытными», «прожорливыми». Они также довольно строго прослеживают, контролируют и нормативно определяют деятельность своих членов. Следовательно, в известной мере они являются «тоталитарными». Как правило, они являются объектом сильной позитивной идентификации, солидарности, проявления лояльности и доверия. Наконец, принадлежность к этим группам становится важным элементом идентичности человека. Кули называл группы такого рода *первичными*. Первичными они являются в нескольких смыслах. Во-первых, как мы уже сказали, они универсальны, то есть существуют в любом обществе и имеют отношение к любому человеку. Во-вторых, они оказываются первыми на жизненном пути человека, в процессе обретения им жизненного опыта: с такими группами человек сталкивается раньше всего, еще до того, как у него возникнут контакты с другими группами, например образовательными (школа), профессиональными (работа), религиозными. В-третьих, они оказывают сильнейшее влияние на человека в аспекте его социализации. Это вытекает уже из того, что они являются первыми, с чьей помощью или при чьем посредничестве общество как бы «добирается» до отдельного чело-

века. Кроме того, их влияние проецируется на еще чистое, не сформировавшееся сознание ребенка - *tabula rasa*, а именно такое влияние бывает наиболее сильным. Многие направления в психологии согласны со взглядами, наиболее последовательно выраженными в психоаналитической теории, что ранние воздействия социализации являются самыми сильными и наиболее прочными. Сформировавшаяся в детстве именно в контексте первичных групп индивидуальность сохраняется дольше всего и обладает способностью сопротивляться позднейшим модификациям. Наконец, мы называем такие группы первичными потому, что сами люди рассматривают их как особенно важные в жизни каждого человека, принадлежат к числу «значимых» для него групп, становятся объектом наиболее сильной идентификации, той сферой, в которой человек находит для себя эмоциональную поддержку, опору, важнейшие ориентиры для определения собственной идентичности⁵.

Противоположностью первичных групп являются *вторичные группы*. Последние более многочисленны, менее спонтанны по своему генезису, основаны на определенной заинтересованности, сильнее формализованы, охватывают средние, сильнее специализированные контакты и взаимодействия, сохраняют большую анонимность отдельных участников, допускают глубокие различия во взглядах и понимании ценностей, присущих членам группы. Типичными примерами вторичных групп являются производственные коллективы, профессиональные группы, целевые группы, сформированные для решения определенной задачи, товарищества, созданные по интересам, увлечениям или по видам профессиональной деятельности, а также социальные организации разного типа.

Современное общество, в котором все более преобладают вторичные группы, которое все более явно предстает как безличностный, холодный мир корпораций, денег и большой политики, где отдельный человек переживает, как называл это польский социолог Станислав Оссовский, «комплекс лилипута», ощущение бессилия перед лицом абстрактных сил, решающих его судьбу, начинает проявлять ностальгическую печаль и стремление к возрождению первичных групп. Интересным проявлением этой тенденции становится формирование и быстрое широкое распространение групп, близких по своему характеру к первичным, хотя и не попавшим в выше приведенный «каталог» Кули. Таковы группы социализации, группы реабилитации, группы индивидуального тренинга, группы развития воображения, группы формирования восприимчивости, групповые предупредительные консультации, группы коллективного психоанализа, терапевтические группы и т.п., где люди встречаются только для того, чтобы ощутить близость, установить личные связи друг с другом, проявить откровенность, открытость по отношению к другим, незаинтересованность, а следовательно, для получения того, чего так сильно им не хватает в их профессиональной, трудовой, а также официальной жизни. Проявлением данной тенденции можно считать также появление, особенно заметное в молодежной среде, многочисленных сект или квазирелигиозных групп (на-

⁵ *Cooky C.H. Social Organization. New York: Shocken Books, 1963 [1909]. P. 23-31.*

пример, таких, как группа «Новый век»), которые дают людям замену семейной или дружеской близости.

В чем-то схожую с этой типологию, построенную на ощущении двойственности общественной жизни человека, протекающей одновременно в частном, интимном, индивидуальном мире и в публичном, формальном, деперсонализованном мире, предложил и сформулировал за несколько десятков лет до Кули немецкий социолог Фердинанд Теннис в своей получившей широкую известность книге «Общность и общество». Это обозначенное в самом названии противопоставление имеет, по мнению Тенниса, исторический характер. Традиционные сообщества людей – родовые, племенные, патриархально-деревенские – жили и развивались, как он пишет, в рамках крепких, сложившихся территориальных общин, отличающихся такими признаками, как спаянность, высокая мера интеграции, согласованность в понимании ценностей, единство убеждений. Такие формы существования и быта, которые Теннис объединяет термином «общность» (*Gemeinschaft*), были, по его мнению, выражением собственной, исконно присущей людскому роду «*сущностной воли*», выражением тенденции к общению с себе подобными, врожденной симпатии к другим людям, к формированию среды. Современное общество, пережившее урбанизацию и индустриализацию, ведет к атомизации, к распаду общностей, формирует массы живущих самостоятельно, действующих независимо друг от друга, руководствующихся своими расчетами и интересами одиноких людей. Собственно, это и есть то, что Теннис определял термином «общество» (*Gesellschaft*). Группы, создаваемые людьми, например добровольные объединения или социальные организации, в этом обществе трактуются исключительно инструментально, полностью подчиняются соображениям о выгоде своих членов. Смысл их существования заключается в достижении каких-либо связанных с этой выгодой целей, что не имеет ничего общего с удовлетворением и радостью, какие можно получать от самого по себе участия в группе, общения с себе подобными. Да собственно говоря, участие в таких группах вообще не дает такого удовлетворения, не приносит никакой радости, а рассматривается только как жизненная необходимость⁶.

Теннис был одним из первых авторов, у которых уже вызывала сомнения та оптимистическая вера в прогресс, какой была пронизана социальная мысль XIX в. Уже Маркс, а позднее Вебер отмечали, что современность несет в себе и некоторые потери. Теннис особенно болезненно переживал деградацию и исчезновение естественных общностей. Его концепция положила начало продолжающейся до наших дней дискуссии на тему «*утраченной общности*». Новый импульс этой дискуссии дало введение в конце века предложенного гарвардским политологом Робертом Путнамом (*Robert Putnam*) понятия *социального капитала* для обозначения сети спонтанных связей и взаимного доверия, которые являются условиями хорошего функционирования и современного общества. Проявлением богатого социального капитала является самоорганизация людей, создание многочисленных товарищеских групп, клубов, объединений, совместная мобилизация в целях выполнения каких-нибудь важ-

⁶ *Toennies F.* Gemeinschaft und Gesellschaft. Berlin, 1887.

ных для коллектива задач, взаимопомощи, а также в целях отдыха, восстановления здоровья и сил, совместных развлечений, забавы. Такая богатая и густая сеть групп, формирующихся по инициативе снизу, составляла, по мысли Путнама, силу традиционной, Америки. Однако в наши времена, как утверждает Путнам, опираясь на основательные эмпирические данные, собранные на территории Соединенных Штатов, наступает распыление и истощение социального капитала. Многие группы типа общностей (*Gemeinschaft*) исчезают, близкие связи ослабевают, появляется мощный синдром недостатка доверия, или, как определял это другой американский автор Ричард Ставерс (*Richard Stivers*), формируется «*культура цинизма*». Используя литературную метафору, Путнам пишет, что в Америке уже начали «играть в одиночестве в кегли». Он говорит о популярной форме развлечений, которая в последнее время оказалась подверженной характерной эволюции. Прежде семьи, соседи, группы фермеров, жители небольших городков создавали команды игроков в кегли, проводили соревнования лиги, регулярно встречались такими полусамодетельными группами. Теперь люди поодиночке приезжают в большие автоматизированные центры с инвентарем для игры в кегли и играют в одиночестве, их соперниками являются только механические устройства. Аналогичным образом прежде они встречались на представлениях, которые давали бродячие актеры или путешествующие театры, на ярмарках, на разного рода массовых праздниках и гуляниях. Теперь они сидят дома в своих квартирах и в одиночестве смотрят телевизор. Путнам определяет это как симптомы кризиса, который переживает современное общество. Что же касается возрождения, обогащения, дальнейшего развития социального капитала, то таковы в его теории императивы лучшего будущего⁷.

В какой-то степени подобный диагноз сформулировал задолго до Путнама польский социолог Стефан Новак, который ввел понятие «*социологической пустоты*». Он применял его для характеристики условий польского общества в период реального социализма. Авторитарная и лишенная прочной общественной легитимации власть коммунистической партии приводит, по его мнению, к формированию сферы подлинных гражданских инициатив, спонтанных организационных форм, проявлений мобилизации, идущей снизу, ибо во всем этом возникает потребность. Прекращают свое существование общности, объединения «среднего» уровня, или «срединного» положения, находившиеся где-то между формальным и публичным уровнем власти, или политики, и частным миром – семьей, кругом друзей, миром, в котором люди все чаще ищут укрытия от экономических и политических реалий, которые не вызывают их одобрения, остаются им чуждыми. Позднее лидеры польской демократической оппозиции извлекли из забвения и использовали для характеристики этой социологической пустоты понятие гражданского общества. Они также выработали стратегию борьбы с режимом, в которой восстановление, реконструкция гражданского общества становилась условием свержения монополии авторитарного государства. Таким образом, в совершенно иных

⁷ *Putnam R.D.* Bowling alone: America's declining social capital // *Journal of Democracy*, 1995, V. 6, № 1. P. 65-78.; *Putnam R.D.* *Demokracja w działaniu*. Krakow: Znak, 1995.

условиях, нежели те, в которых находится американское общество, и в связи с совершенно другими побуждениями и задачами получила свои очертания сходная проблема и было сформулировано то же самое утверждение, что без общностей типа *Gemeinschaft*, без групп, формирующихся по инициативе снизу, общество лишается чрезвычайно существенных и важных условий нормального функционирования.

Важнейшие понятия и термины

Аддитивные задачи - такие задачи, быстрота и успешность решения которых прямо зависят от числа участников.

Вторичные группы - группы, в состав которых входит множество членов, в большинстве своем остающихся анонимными по отношению друг к другу; между членами таких групп существуют формальные, опосредствованные отношения, способствующие осуществлению задач, возникающих в узко специализированных сферах деятельности.

Группы, существующие до конца жизни - такие группы, из которых человек практически не может выйти или в которых такой выход крайне затруднен.

Диада - группа из двух лиц, пара.

Значимые группы - группы, которые человек отбирает среди множества различных групп, к которым он принадлежит и которым он субъективно придает наибольшее значение.

Инклюзивные группы - открытые группы, куда принимаются все желающие.

Контрсоциализация - ситуация, когда человек культивирует и практикует действия, правила, взгляды, противоположные тем, что приняты в той или иной группе, от которой данный человек старается дистанцироваться, поскольку эта группа является для него негативной референтной группой.

Кооперативные задачи - задачи, выполнение которых требует разделения функций, сотрудничества (кооперации) и координации отдельных, специализированных действий, что в свою очередь, как правило, требует руководства.

Конъюнктивные задачи - задачи, при решении которых темп и интенсивность действий должны быть соотнесены с возможностями самых слабых участников и приспособлены к ним.

Локальные общности, или общины - коллективы людей, живущих на одной общей территории, группы, в рамках которых люди, как правило, лично знают друг друга и совместно осуществляют действия, составляющие значительную часть их жизненной активности; члены таких групп решительно идентифицируют себя с ними и считают свою принадлежность к такой группе основой или важнейшим элементом собственной, индивидуальной идентичности.

Многofункциональные группы - группы, члены которых предпринимают самые различные виды деятельности.

Ненасытные (прожорливые) группы - группы, которые требуют от своих членов максимальной отдачи всех сил, непрерывного участия, полного посвящения себя делу, неподдельной, глубокой лояльности.

Негативные референтные группы - группы, вызывающие у человека отвращение, группы, от которых он старается дистанцироваться, держаться как можно дальше, утверждая при этом взгляды и пользуясь правилами поведения, противоположными тем, что приняты в таких группах.

Нормативные референтные группы - группы, в которых человек получает (из которых он черпает) нормы и ценности, формирующие и предопределяющие его действия.

Однофункциональные группы - специализированные группы, члены которых занимаются только одним видом деятельности.

Опережающая социализация - освоение правил и взглядов, а также способа и стиля жизни тех групп, к которым человек, еще не являющийся членом этих групп, очень хотел бы принадлежать; при этом он надеется достичь своей цели, заранее принимая и одобряя все отличительные особенности этих групп.

Первичные группы - небольшие, неформальные, спонтанно возникающие группы, между членами которых существуют непосредственные контакты и взаимодействия, при этом члены таких групп знают (узнают) друг друга и предпринимают самые разнообразные совместные действия, нередко ради самих этих действий, приносящих людям удовлетворение.

Позитивные референтные группы - группы, с которыми человек себя охотно идентифицирует, нормативные стандарты которых старается воспринять, стремясь стать полноправным членом таких групп.

Референтные группы - группы, с которыми человека связывают субъективные «виртуальные» отношения, хотя сам он к этим группам не принадлежит.

Социализация - процесс формирования и кристаллизации образа мыслей и действий людей, предопределяемый влиянием общества.

Социальный капитал - связи, основанные на доверии, лояльности и солидарности, выражающиеся в формах самоорганизации и самоуправления, главным образом в рамках добровольных объединений.

Социологическая пустота - пустое пространство между публичной сферой политики и частной, личной жизнью семьи, которое обычно заполняют добровольные объединения разного рода.

Сравнительные референтные группы - группы, с которыми человек сопоставляет свои достижения, уровень жизни, меру власти, свой престиж и т.п.

Тоталитарные группы - группы, которые контролируют всю жизнь своих членов и вмешиваются в эту жизнь, в том числе в сферы, никак не связанные с членством в группе, включая личную жизнь.

Триада - группа из трех лиц, «треугольник».

Целевые группы - группы, специально созданные только для решения какой-либо проблемы или претворения в жизнь какой-либо конкретной практической цели.

Эксклюзивные группы - замкнутые группы, вступление в которые обусловлено очень строгими требованиями, требует преодоления трудных барьеров.

Рекомендуемая литература

1, 64, 69, 75, 85, 87 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Часть III

КУЛЬТУРА

Глава 10

Культура как социологическое понятие

Теперь мы приступаем к рассмотрению третьей перспективы, с которой социологи анализируют общество. До сих пор мы характеризовали перспективу «действия» и «группы». Третью перспективу назовем *культурной*.

В современной социологии этот подход имеет огромное значение, некоторые даже считают, что доминирующее. Несомненно, в последние десятилетия XX в. наблюдался огромный рост внимания и интереса к культурным аспектам социальной жизни, что нашло выражение не только в том, какое серьезное значение придается культурологическому измерению во всех социологических анализах и исследованиях, но и в бурном развитии и распространении тех специальных подразделений и областей социологии, которые занимаются культурой: социология культуры (или родственные ей культурная антропология, этнология и этнография), социология средств массовой информации, социология искусства, социология науки, социология религии, социология нравственности или имеющая особый теоретический статус культурология. Среди социологических бестселлеров последних лет бросаются в глаза названия книг, посвященных типично культурным феноменам, таким, как доверие, мода, стереотипы, стиль жизни, вкусы, нравы, обычаи и т.п. В нашем анализе мы останемся на высоком уровне абстрагирования, не вникая в конкретную проблематику различных видов культуры, попытаемся охарактеризовать само понятие культуры и те теоретические категории, которые с ним непосредственно связаны.

Разнообразие способов жизни и «социальные факты»

Понятие культуры сформировалось как результат наблюдений над двумя сферами, охватывающими самые фундаментальные особенности общественной жизни. Первая - это огромное *разнообразие способов жизни* людей, то есть в самом общем и широком смысле разнообразие культур, которое можно про-

следить в разных исторических эпохах, а также в нынешнем времени - в разных областях земного шара. Историки, которые все больше отходят от традиционного канона политической, или «событийной», истории, обращаясь к изучению экономической, или социальной, истории, включают в сферу своих интересов также повседневную жизнь людей в давних столетиях: их обычаи и нравы, верования и убеждения, строительство и технику, искусство и просвещение, мифологию, магию и религию. И повсюду они наблюдают необычайную изменчивость и сильнейшую *разнородность*. Социальные антропологи, исследуя примитивные и слабо развитые общества, сохранившиеся до наших дней в окружении доминирующих форм современной культуры, обнаруживают и показывают нам, как различно может протекать социальная жизнь в разных областях мира даже в одно и то же время. Они обычно сосредотачивают свое внимание на самых крайних, резких контрастах, но о такой разнородности свидетельствует также повседневный, обыденный человеческий опыт, который складывался из впечатлений путешественников, эмигрантов, а позднее и туристов, которые, посещая чужие страны, постоянно сталкиваются с изумляющими их отличиями другого мира от их собственного. Там, в этом другом мире, люди иначе выглядят, иначе одеваются, что-то иное едят, иначе работают, живут в иных домах, поклоняются иным богам, придерживаются иных правил, по-другому здороваются и прощаются, иначе относятся к своим детям и своей семье, чему-то иному учатся, иначе отдыхают и празднуют и т.д. Ныне благодаря средствам массовой информации это знание и ощущение *культурного плюрализма* становится все более широко распространенным. Ежедневно у себя дома благодаря телевидению или интернету мы «виртуально» сталкиваемся с самыми далекими от нас культурами. Литература, публицистика, журналистские репортажи снабжают нас информацией о различных экзотических способах жизни, о связанных с ними верованиях, обычаях. Все чаще мы уже непосредственно на наших улицах встречаем представителей чужих культур - бизнесменов, туристов, беженцев, эмигрантов. И все чаще мы сами путешествуем по миру как в интересах дела, в профессиональных целях, так и просто для удовольствия.

Культурные различия не только охватывают повседневную жизнь и быт, но и оказывают существенное влияние на функционирование социальных групп, на их организации, институты. Оказывается, что одни и те же организационные формы, господствующие в современном мире, например капитализм в экономике или демократия в политике, совершенно по-разному проявляются и действуют в контексте разных культур. Еще Макс Вебер придавал большое значение типичному для западной культуры комплексу ценностей, который он определял как «*дух капитализма*» и связывал с господствующей в этом мире протестантской религией. Многие объясняли экономический успех стран Дальнего Востока после Второй мировой войны своеобразным синдромом «*азиатских ценностей*». Некоторые исследователи ищут источник современной катастрофы, переживаемой современной Африкой, в диссонансе между институтами капитализма и демократии, с одной стороны, и традиционными племенными культурами, с другой. Одним из объяснений тех трудностей, с которыми встречаются в своем экономическом и политическом раз-

витии посткоммунистические страны, является очевидное противоречие между глубоко укоренившейся здесь культурой реального социализма и вызовами современной рыночной и демократической культуры. Но даже в меньшем масштабе, на сравнительно более узкой шкале, сравнивая, к примеру, итальянский и шведский капитализм или демократию Греции и Англии, мы сразу заметим, как различны эти явления. Международные корпорации уже давно открыли, какое большое значение для бизнеса имеет его «локальное окружение». Политики, которые становятся участниками международных переговоров, также никогда не могут абстрагироваться от локальных условий, от местного «политического климата». Последнее метафорическое определение относится прежде всего к культурным отличиям, к своеобразию культуры.

Вывод из этих исторических наблюдений и современного опыта очень прост: не существует единого человеческого общества - существует лишь множество сообществ, каждое из которых создает естественный и очевидный для себя *своеобразный способ жизни*. Более того, в одном и том же сообществе особенные, характерные способы жизни передаются по наследству от поколения к поколению, в силу чего формируется *надличностная продолжительность*, то есть прочность явлений, выходящая за пределы жизни отдельных членов сообщества. В то же время появляющиеся в этих сообществах новшества, вводимые инновации приводят к изменениям, которые в наше время приобретают явный форсированный характер.

Другая составляющая, взятая за основу при формулировании категории культуры, заключается в учете участия в процессе формирования культуры обычных, простых людей, живущих в данном обществе. В их повседневном окружении постоянно появляются некие *новые люди*, с которыми они устанавливают контакты, входят во взаимодействия, завязывают общественные отношения. Люди всегда жили в окружении «других людей». Более того, со стороны этих «других» исходили импульсы, которые приводили к определенному *ограничению свободы* их собственной деятельности и активности. Они не всегда могли поступать так, как им хотелось бы, не всегда могли говорить то, что думали, да что там, бывало, они даже не смели подумать о каких-то вещах тем или иным образом. Почему? А потому, что в окружении других так не принято было поступать, говорить и думать. Это окружение проявляло более или менее категорическую и решительную готовность требовать от своих членов следования принятым нормам и способам действий, речей, стандартам мышления. С точки зрения индивида это выглядело таким образом, будто существует некая *внешняя по отношению к ней реальность*, с которой постоянно сталкивается и должен считаться каждый, кто мечтает осуществить свои чисто индивидуальные намерения или желания. Отдельная личность, таким образом, теряет некоторую часть своей свободы, оказывается под прессом тех требований и ожиданий, которые предъявляет к ней и возлагает на нее общество. Здесь не идет речь о требованиях и ожиданиях, предъявляемых каким-то конкретным лицом, о каком-либо специально оговоренном долге, повинностях или обязательствах, например, по отношению к данному партнеру, с которым заключается какой-либо контракт, даже шире — речь не идет об обязанностях, вытекающих из определенного характера социальных отношений.

Дело здесь в том, что у человека возникает некое общее ощущение, что все общество – анонимное, безличностное, плюралистическое окружение – требует или ждет от него именно данного поведения (поступка, слова, образа мыслей) и не примет, не одобрит, не поймет другого.

Классик французской социологии Эмиль Дюркгейм для определения этого ощущения, получающего всеобщее распространение, ввел понятие «*социальных фактов*», называя так те особенные проявления социальной реальности, которые формируются и формулируются обществом, появляются в пространстве межличностных отношений и отличаются от явлений (установок, образов, фактов), рождаемых индивидуальными переживаниями, личной психикой отдельного человека. Эти «социальные факты», по теории Дюркгейма, имеют три отличительные особенности. Во-первых, они являются общими для всего общества, *разделяемыми его членами*, при этом, созданные обществом, они принадлежат ему в целом, составляют своего рода общую, коллективную «собственность». Во-вторых, для каждого члена группы они являются *внешними*, ибо он сам их не создает, а получает их готовыми со стороны, он так или иначе сталкивается с ними, ощущая их как внешнюю данность. В-третьих, они оказывают на членов группы своеобразное *принудительное воздействие*, рекомендуя или навязывая им одно и запрещая другое. В качестве примеров «социальных фактов» Дюркгейм приводил религию, нравственность, обычаи, законы и т.п.

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ (1858-1917)

Основоположник французской социологической школы, до сих пор сохраняющей свое огромное влияние. Один из первых социологов, который органично соединял высокую теорию с последовательными и глубокими эмпирическими исследованиями. Самыми важными его трудами являются книги «О разделении общественного труда» (1893), «Правила социологического метода» (1895), «Самоубийство» (1897), «Элементарные формы религиозной жизни» (1912).

Подлинным предметом социологии он считал «социальные факты», то есть нормативные установки, убеждения, правила, принятые обществом в целом, которые являются «внешними» для отдельных членов общества и оказывают на них принудительное воздействие, обязывая поступать и жить по этим правилам. Главные сферы, в которых выявляются «социальные факты», – это мораль, религия, право. Это все то, что сегодня мы назвали бы сферой культуры. Поэтому неудивительно, что современная социология культуры постоянно ссылается на Дюркгейма и обращается к его наследию. В тесной связи с тем значением, которое он придавал социальным фактам, Дюркгейм внимательно исследовал процессы социализации и социального контроля, в ходе которых вырабатываются, реализуются, исполняются, проверяются жизнью соответствующие правила. Дюркгейм считал, что человек рождается всего лишь биологическим существом, а становится человеком, только осваивая культуру.

Хотя социальная реальность по сути своей нематериальна, ее можно исследовать «как природу», то есть подходить к изучению социальных фактов как реальных вещей, в своего

рода объективной перспективе, оторванной от субъективных моментов, изучать их на основе эмпирического наблюдения. Социология морали (нравственности) – это совсем не то же самое, что морализаторство, а социология религии – это не теология. Исследователь должен не только беспристрастно регистрировать социальные факты, но и искать причины, чтобы их объяснить, выявлять их функции, чтобы иметь представление о последствиях их действия для развития социальных общностей.

Свои методологические принципы и правила Дюркгейм применил в прославивших его эмпирических сравнительных исследованиях самоубийств. Именно в этой связи он сформулировал понятие аномии, или нормативного хаоса, что означает ослабление и разрушение социального регулирования и может привести человека, лишенного жизненных ориентиров, к самоубийству или к иным отклонениям от нормы.

Исследуя феномен социальных изменений, Дюркгейм продолжал традицию теорий эволюции, считая ключевым моментом социального развития постепенное разделение труда, разделение и специализацию функций, выполняемых в обществе отдельными индивидами. Старые, традиционные общества он рассматривал как пример механической солидарности, при которой социальные связи основаны на сходстве трудовой деятельности, образа жизни, окружения. Современное же общество создает, по его определению, органическую солидарность, при которой социальные связи опираются на чувство взаимной потребности, а глубоко дифференцированные действия и роли взаимно дополняют друг друга.

Литература

- Durkheim E.* Zasady metody socjologicznej [Правила социологического метода]. Warszawa: PWN, 1968.
- Durkheim E.* Elementarne zasady życia religijnego [Элементарные формы религиозной жизни]. Warszawa: PWN, 1990.
- Durkheim E.* O podziale pracy społecznej [О разделении общественного труда]. Warszawa: PWN, 1999.
- Szacki J.* Durkheim [Дюркгейм]. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1964.
- Tarkowska E.* Durkheim [Дюркгейм] // Encyklopedia Socjologii. T. I. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1998. S. 114-151.
- Szczański J.* Socjologia: rozwój problematyki i metod [Социология: развитие проблематики и методологии]. Warszawa: PWN, 1969. S. 301-325.
- Szacki J.* Historia myśli socjologicznej (История социологической мысли). T. I. Warszawa: PWN, 1981. S. 400-468.

Понятие культуры

Все люди живут по-разному, но в границах каждого общества существует определенный, свойственный членам данной группы *способ жизни*, формирующий те образцы действий и мыслей, которые становятся обязательными для всех. *Внешняя гетерогенность*, разнородность между разными обществами и *внутренняя гомогенность*, однородность, определяющая единство действий и мыслей внутри каждого такого общества, – таковы две константы, которые связывает между собой и объединяет понятие культуры. Американский социальный антрополог Клайд Клакхон (Clyde Kluckhohn) собрал более двухсот различных дефиниций культуры, которые составили целый том. Сам он оп-

ределял культуру как исторически сложившуюся систему способов жизни, которые склонны разделить все члены данной общности (данной социальной группы). Однако для наших целей мы можем принять более простую формулировку, которую предлагает американский социолог Роберт Бирстедт (Bierstedt): «Культура - это все то, что люди, как члены общества, делают, думают и все, чем они владеют»¹.

Первый важный элемент этого определения заключается в предупреждении «... как члены общества». Дело в том, что человек может что-то делать, думать и чем-то обладать, что касается только его лично, составляет его собственный, неповторимый, индивидуальный, частный мир. Например, у меня может быть какая-нибудь странная привычка, мне может нравиться что-нибудь необычное, скажем стоять по утрам на голове или пить кофе с лимоном. Я могу подумать о ком-нибудь, кто мне близок, назвав его мысленно «Поросеночек». Я могу носить в кармане плюшевую обезьянку как талисман на счастье. Все это нельзя считать элементами культуры, ибо ни стояние на голове, ни питье кофе с лимоном, ни обращение к человеку «мой поросеночек», ни ношение в кармане обезьянки не являются принятыми в обществе, распространенными. Такого рода манеры или обычаи я не почерпнул в своем окружении, я не делаю этого под давлением, скорее всего, я это сам выдумал и спонтанно, сам по себе, что-то такое говорю или делаю. Но рассмотрим другие примеры: рано утром я завязываю галстук, надеваю куртку, завтракаю с помощью вилки и ножа, разговариваю с женой по-польски, еду на работу в автомобиле. Здесь я во всем наследую, использую принятые в обществе способы действий, формы одежды, еды, речи, типичные для нужных действий инструменты, ничего этого я не выдумал и не сконструировал сам, я пользуюсь только тем, что нахожу в моем окружении, в обществе. Это все уже элементы культуры.

Общество, о котором в данном случае идет речь, может быть очень различным по своей численности и виду. Мы уже говорили, что хотя понятие общества обычно ассоциируется с государством или нацией (народом) (польское общество, французское общество), однако в социологии оно употребляется в более абстрактном смысле - для обозначения *группы людей любого уровня*, от круга друзей до всех жителей планеты Земля. Точно так же и понятие «культура», которое чаще всего представляется как национальная культура (польская, французская), обычно относится к своеобразным способам и эталонам жизни группы любого уровня, от семьи до человечества. Все группы создают более или менее сложную, собственную *групповую культуру*. Каждая семья имеет какие-то свои особенные традиции, обычаи, формы обращения друг к другу, прозвища, символы, вещи, связанные с семейной памятью. Определенные, характерные обычаи формируются в местной, локальной общине. Обычаи иного характера - в Церкви. Другие, свои обычаи, формы мы встречаем в той фирме, где мы работаем, в спортивном клубе, членами которого являемся, в политической партии, к которой принадлежим. Весьма характерные, особенные культурные очертания имеют некоторые профессиональные группы: во-

еннослужащие, врачи, адвокаты, ученые, железнодорожники, шахтеры, аграрии и т.п.; в таком случае речь идет об элементах культуры, присущих той или иной профессиональной среде. Несомненно, однако, что самое большое богатство проявлений культуры в территориальных общностях, племенах, этнических группах, нациях. Эти группы, вообще, определяются по признакам их внешнего культурного отличия от других и внутренней культурной общности; их просто невозможно как-то обозначить, назвать их существенные характерные черты вне культурного аспекта, а именно таких моментов, как общий язык, общие обычаи, общие ценности, общие стереотипы и предрассудки и т.п. Существуют также и *наднациональные культуры*, например культура европейская, культура западная, культура азиатская, культура Латинской Америки, исламская культура. Несомненно, существуют также определенные культурные характеристики, общие для всего человечества, например то, что все люди живут в семьях и все верят в каких-либо богов.

Из всего этого множества культур, от наименьших до самых крупных, которые сопутствуют всем проявлениям социальной жизни, выделяется узкая сфера человеческой неповторимости и абсолютной оригинальности. Даже в тех примерах, которые мы привели выше, граница между действиями индивидуальными, исключительными и действиями, продиктованными определенной культурой и регулируемыми этой культурой, довольно расплывчата. Достаточно установить, что, к примеру, я стою по утрам на голове потому, что являюсь членом клуба последователей йоги, а обращаюсь к жене «мой поросеночек» потому, что в моей семье существует традиция давать родным прозвища по наименованию животных, и мои действия уже не будут абсолютно индивидуальными, а окажутся выражением определенных эталонов культуры, принятых в группах, к которым я принадлежу.

Огромное множество уровней и форм различных обществ, являющихся носителями разного рода культур, предопределяет то, что культуры *накладываются друг на друга*, проникают друг в друга самыми различными способами. Национальные культуры многих европейских стран, кроме собственных, свойственных им особенностей, имеют также сходные элементы общей европейской или общей христианской культуры. Региональные культуры, например горская или кашубская культуры в Польше, безусловно, остаются под влиянием общенациональной польской культуры. Так же и профессиональные культуры, кроме характерных для той или иной профессиональной среды эталонов жизни, содержат в себе определенные качества, почерпнутые в общенациональных культурах. Например, если мы возьмем круг ученых или круг бизнесменов, то увидим, что каждый из них по мировой шкале имеет свои, своеобразные (общие для всех членов данного круга и отличающие их от другого круга) привычки, обычаи, стиль жизни, формы работы и контактов, этику, и тем не менее он будет несколько иначе, каждый раз по-своему функционировать, скажем, в Англии, в Германии, в Нигерии или в Польше. Если мы посмотрим на этот процесс наложения культур друг на друга с точки зрения отдельного человека, то он будет означать *одновременную принадлежность к разным культурам*. Мы уже описывали этот феномен, однако в другом кон-

¹ Bierstedt R. The Social Order. New York: McGraw Hill, 1963. P. 129.

тексте и другим социологическим языком, когда вели речь о множестве социальных позиций, занимаемых одновременно одним и тем же лицом, и позднее, когда указывали на одновременное членство каждого человека во множестве социальных групп. Теперь, рассматривая проблему в «культурологическом» контексте, мы понимаем, что способ жизни каждого человека оказывается одновременно под влиянием и давлением многих разных культур. Когда-то в этой связи было принято говорить о *«перекрестном влиянии»*. Надо еще раз повторить: мы постоянно говорим об одном и том же, ибо социальная жизнь едина. Но мы говорим об этом на разных языках, в разных парадигмах: то «действия», то «группы», а теперь «культурной», и только в этих разных парадигмах, с разных сторон мы можем в полной мере выявить сложность и многозначность социальной жизни, социальной действительности.

Рассмотрим пример такой одновременной принадлежности отдельного человека многим культурам разного уровня. Определенные собственные обычаи, символы и традиции имеет его семья. Свои способы поведения, одежду, речь имеет то объединение лыжников, в котором он проводит обычно свой отпуск. Как житель Кракова, он оказывается под влиянием богатой, исторически сложившейся культуры этого города. Как профессор Ягеллонского университета, он оказывается в сфере той особой культуры этого научного центра, которой свыше 600 лет. Как поляк, он является наследником всей национальной польской культуры, включая и ее богатство, и все характерные для нее стереотипы и предрассудки. Как католик, он остается под влиянием католической культуры. Как европеец, он чувствует своеобразие этой культуры по сравнению с американской или азиатской. В известном смысле он принадлежит также к космополитической культуре всего человечества, признавая, к примеру, универсальный характер прав человека или поддерживая экологическое движение.

Так же, как социальный статус отдельного человека оказывается где-то на пересечении различных позиций, которые он одновременно занимает, так же, как его групповая идентификация становится результатом его одновременной принадлежности к разным группам, так и его *культурная идентичность* формируется в результате наложения разнообразных культурных влияний, которым подвержен отдельный человек. Возможна, конечно, такая ситуация, когда эти влияния действуют в одном и том же направлении, взаимно усиливая друг друга. В таком случае идентичность человека обретает признаки монолита, а его идентификация с культурой оказывается полной и безусловной. Но возможна и такая ситуация, когда различные культурные влияния по сути своей не совпадают друг с другом. Тогда возникает своего рода *культурный диссонанс*, а в итоге - лишенная цельности *разбитая идентичность*. Весьма рельефно такой результат можно наблюдать на примере эмигрантов: они еще находятся под влиянием отечественной культуры, в которой сформировались и с которой сохраняют контакты, и в то же время уже подвергаются сильному давлению другой культуры, той страны, в которой они теперь живут. Противоположная картина связана с положением аборигенов в колониальных странах, в которых навязанная извне, чужая культура существенно не совпадает и

не согласуется с родными для этих людей традициями, обычаями, верованиями, способами мышления. Культурный диссонанс имеет место также в случае быстрой вертикальной социальной мобильности, когда, например, молодой человек из деревни, весьма сильно укоренившийся в деревенской среде, вдруг становится сотрудником современной финансовой корпорации. Контраст способов и стиля жизни, убеждений, ценностей, диктуемых этими двумя культурами, может быть в таком случае весьма заметным.

Степень *культурного самосознания*, то есть четкого освоения правил, понимания идей или символов, бывает неровной. Часто люди пребывают в культуре, словно в прозрачном воздухе, приспособившись к ее требованиям автоматически, без особых раздумий. Культура представляется им сферой реальности, не вызывающей вопросов и сомнений. Однако в других случаях люди явно ощущают на себе *культурное давление*, культура связывает, ограничивает их, они бунтуют против ее диктата.

От чего же зависит столь различное восприятие культуры? Одни факторы имеют социальный характер, другие - индивидуальный. В коллективном сознании культура обретает высшую степень своей очевидной бесспорности и осознанного, подчеркнутого значения, когда она не претендует на монополию, когда в кругу общественного восприятия появляются какие-либо альтернативные способы жизни. Так происходит в том случае, когда мы имеем дело с *культурным контактом*, но в еще большей мере это выражено, когда речь идет о *конфликте культур*. В таком случае выявляется оборонительный эффект, когда культура, оказавшаяся под угрозой, сильнее обозначает свою собственную специфику. В наше время, к примеру, мы явно наблюдаем усиленное проявление локальных культур, этнических, региональных, национальных, что, вероятно, связано с наступлением американской культуры в процессе глобализации.

Иная ситуация возникает при быстрой и радикальной *смене культур*. Когда происходит перелом в мире ценностей, норм, символов, мы начинаем острее воспринимать их, лучше отдаем себе отчет в их весе и значении. Такого рода глубокие культурные изменения обычно сопровождают революции, радикальные экономические реформы, смену общественного строя. Но они происходят и не в столь резкой форме, сопровождая постоянно происходящие изменения условий общественной жизни, например, в процессе индустриализации, урбанизации или в целом модернизации. В этом случае мы наблюдаем такую весьма существенную и широко распространенную форму столкновения культур, как *конфликт поколений*. Дело в том, что каждое поколение является носителем такой культуры, которая воспринята им в детстве и молодости в период социализации и воспитания. Многие направления современной психологии, прежде всего психоаналитическое, исходят из того, что самый ранний жизненный опыт человека имеет наиболее сильное и наиболее длительное и прочное воздействие на его психику и характер. Раз и навсегда воспринятое содержание культуры трудно потом отбросить, трудно переучиваться, именно это содержание обладает наиболее высокой мерой инерции. В современном обществе, в котором изменения условий социальной жизни происходят в крайне ускоренном темпе, новое поколение детей появляется на свет уже в совершенно ином культурном окружении, чем то, в котором

было воспитано и носителем которого еще является поколение их родителей. Родители не понимают прелести рок-музыки так же, как дети не понимают очарования венских вальсов; родители осуждают сексуальную свободу, дети бунтуют против традиционного, консервативного ригоризма; родители читают Сенкевича, а дети - Ольгу Токарчук. Другие факторы имеют индивидуальный характер. В сознании индивида обострению культурного восприятия способствует описанный выше культурный диссонанс, ощущаемый этим индивидом под влиянием неоправдавшихся культурных ожиданий. Решающее значение здесь, однако, имеет уровень последовательного и глубокого постижения культуры в результате процессов социализации, к рассмотрению которых мы скоро обратимся. В полной мере удавшаяся, законченная социализация приводит к тому, что собственная культура становится органичной частью человеческой природы, его «вторым Я», что означает абсолютную *автоматизацию конформизма*. В таких случаях нам просто не приходит в голову, что можно было бы поступить иначе, чем того требует культура. Зато, когда социализация оказывается неполной или неудачной, в отношении культуры возникает *отпор, неприятие, сопротивление, неконформизм*. Человек начинает искать альтернативы. И он находит их в преступных антикультурах, в социальных движениях антикультурного характера, в религиозных сектах, в альтернативных общественных утопиях и т.п.

ПЬЕР БУРДЬЕ (1930-2002)

Главная фигура современной французской социологии. Создатель оригинальной теории общества, вытекающей из богатого множества его эмпирических исследований самой разнообразной тематики. Важнейшие его книги - «Набросок теории практики» (1976), «Различение» (1980), «Нищета мира» (1993), «Практические смыслы. К теории действия» (1994).

Общество, согласно его теории, складывается из «практик» - наблюдаемых способов действий индивидов и коллективов. Каждая из такого рода «практик» - это не простая реализация культурных правил и не результат индивидуальной импровизации, а нечто среднее между тем и другим. Такая практика является «стратегическим действием», посредством которого в границах своих культурных воззрений, своих знаний и доступных им средств люди решают свои жизненные проблемы, нередко нарушая правила. При этом действуют люди всегда в условиях неуверенности, а образцы поведения, которые им предлагаются, всегда оказываются в чем-то ущербными, несовершенными и исполненными внутренних противоречий.

В практиках находит выражение присущий группам своеобразный «габитус» (*habitus* - наружный вид, внешний облик организма) - полуавтоматический, не до конца осознанный стиль действий, сформировавшийся в результате прежнего, в том числе самого раннего, жизненного опыта. Он закодирован в мышлении, а также в телодвижениях, физических возможностях и навыках человека. Ни одно существенное изменение в обществе не происходит без преобразования этого «габитуса», который отличается особенно сильной инерцией.

Люди действуют в границах различных «институциональных полей» (например, в сфере бизнеса, науки, искусства), которые отличаются особенными, свойственными им культурными правилами и формируют своеобразный габитус. В каждом из таких полей люди стремятся достичь своих целей, но в то же время им важно как-то выделиться и иметь успех именно в данном поле. При этом они пользуются в качестве средства своих действий и вместе с тем в целях аккумуляции разного рода капиталами: экономическим (деньги), социальным (связи и знакомства), культурным (престиж, навыки, обычаи). Своими действиями люди обеспечивают передачу этих капиталов по наследству от поколения к поколению и воспроизводство неравенства, неравномерности распределения этих капиталов; особую роль в этом играет школа, навязывающая посредством «символического капитала» своеобразные ограничительные и деформирующие параметры и способы познания мира. На этой основе возникают укоренившиеся, широко распространенные в повседневном обиходе взгляды и убеждения, в то время как одной из задач социологии является их разоблачение и «борьба за факты» или открытие более глубоких пластов правды об обществе. Различные формы капитала могут также подвергаться взаимной конверсии, например слава может содействовать обогащению, связи и контакты могут облегчить задачу получения заработка.

Сверху над различными институциональными полями и разными формами капитала простирается «поле власти». Целью власти, предметом, вокруг которого разворачивается борьба и концентрируются требования, является господство над культурой, этим главным резервом социальной жизни. Критическая социология должна вскрывать стратегии укрепления власти, воспроизводства неравенства, деформации знаний, культурного доминирования.

Литература

Bourdieu P. Reprodukcyj: elementy teorii systemu nauczania [Воспроизведение: элементы теории системы обучения]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1990.

Bourdieu P., Wacquant L.J.D. Zaproszenie do socjologii refleksyjnej [Приглашение к размышляющей социологии]. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2001.

Kloskowska A. Bourdieu [Бурдьё] // Encyklopedia Socjologii. T. I. Warszawa: Oficyna naukowa, 1998. S. 70-72.

Сферы культурного регулирования

Вернемся к нашему простейшему определению культуры. Мы уже знаем, что культура всегда имеет отношение к какому-либо обществу, которое ее создает и реализует; культура влияет на отдельных людей лишь постольку, поскольку они являются членами этого общества. Но что является предметом и содержанием этого влияния? Социальный антрополог Эдвард Тайлор (E.B. Tylor) пытался вычленить это, указывая на такие слагаемые элементы, как знания, убеждения, искусство, мораль (нравственность), право, обычаи, навыки и способности, осваиваемые и развиваемые в социальной среде. В том определении культуры Бирстедта (Bierstedt), которое мы приводили выше, этот порядок выстроен более аналитически и абстрактно: к культуре относится все то, что люди делают, думают, чем они владеют. Уже сама эта формулировка указывает на ясно выраженную триаду в сфере культуры.

Первый раздел культуры, а именно тот, который определяет способы действий, мы называем *нормативной культурой*. Многие авторы считают, что культурные правила - нормы и ценности составляют основной костяк культуры. Такой взгляд мы находим, например, у Флориана Знанецкого, который огромное значение придавал «ценностно-нормативной системе» общества, а также у Толкотта Парсонса, который считал, что решающим моментом для идентичности и стабильности общества является «консенсус относительно ценностей». В сфере нормативной культуры находятся описания действий, свойственных данной культуре, принятых в ее рамках, но вместе с тем и действий, не характерных для нее или запрещенных в ней. Характеристика действия здесь связана с понятием *долженствования* или, напротив, *запрета*. Иначе говоря, она базируется на *нормативных образцах*. Примеры в позитивном плане: старших надо уважать, человек должен быть пунктуальным, надо возвращать долги. Примеры негативного характера, построения на основе отрицания или запрета: нельзя бить детей, не следует разговаривать по мобильному телефону в самолете, нельзя превышать разумной скорости, когда едешь в автомобиле.

Другой сегмент культуры, который мы называем *идейной культурой*, охватывает принятые в обществе убеждения, взгляды, идеи, стандартные символы и определяет тем самым характерные способы мышления, устанавливает те смыслы событий и явлений, разделение которых становится обязательным. Раньше для определения этой сферы использовался термин *«символическая культура»*, и некоторые авторы рассматривают этот сегмент культуры как центральный. Например, Клиффорд Гирц (Clifford Geertz) определяет культуру как систему значений и символов, регулирующих общественную деятельность. В этой сфере идейной, или символической, культуры также проявляется определенный фактор долженствования и запрета: следует признавать то, что составляет своего рода общую мудрость общества, господствующие в этом обществе верования, преобладающие убеждения, и нельзя думать иначе. Например, нужно уважать научные аргументы и не следует верить в волшебные чары; нужно признавать медицинскую науку, а не обращаться к знахарям; нужно считаться с принципами демократии и нельзя пропагандировать расизм.

Третий сегмент культуры, охватывающий все объекты, которыми мы владеем или обычно пользуемся в нашем обществе, мы называем *материальной культурой*. Сюда относятся предметы и инструменты, придуманные, созданные, сконструированные человеком - мебель, дома, мосты, машины, автомобили и т.п., а также модифицированные и преобразованные объекты природы - засеянные поля, сады, реки с регулируемым течением и обустройством берегов и т.п. По отношению к этому третьему сегменту культуры применяют иногда термин «материальная, или техническая, цивилизация». Но более правильным, пожалуй, является более широкое определение цивилизации как своеобразного комплекса элементов не только материальной, но также идейной и нормативной культур. *Цивилизация* в таком ее понимании охватывала бы своеобразный комплекс материальных предметов, конструктивных идей или инженерских замыслов, реализованных в этих пред-

метах (иначе говоря, технологий), а также всего, что относится к умению правильного пользования такими предметами и технологиями (то есть практической компетенции). В этом смысле мы говорим, например, о цивилизации автомобильной, имея в виду не только множество автомобилей, но и существование уже в течение более чем столетия определенной конструктивной идеи или схемы автомобиля, по сути со времен создания «Форда Т», дорабатываемого и совершенствуемого только в отдельных деталях, а также распространенных и признанных правил управления автомобилем или правил дорожного движения, которым более или менее строго подчиняются все водители автомобилей.

«Анатомия» культуры

Независимо от того, имеют ли составные части культуры нормативный, идейный или материальный характер, их следует различать по степени сложности. Самая малая, простейшая ячейка культуры, или, условно говоря, «культурный атом», называется *культурным элементом*. Галстук в мужском костюме, поклон с приподниманием шляпы, заповедь «не убий» или миф о Прометее - таковы первые пришедшие на ум примеры культурных элементов, или штрихов культуры. Более сложные комбинации, в которых группируются культурные элементы, однородные с точки зрения их содержания или функционирования, мы называем *культурными комплексами*. Способы одеваться, приветствовать, «Декалог» (десять христианских заповедей), греческая мифология - все это примеры культурных комплексов. Наконец, о *культурных конфигурациях*, представляющих собой наиболее сложный вид культурных структур, мы говорим в тех случаях, когда различные в плане содержания и функционирования элементы культуры как бы собираются вместе, группируясь вокруг какого-либо центрального объекта. Часто такую роль играет материальный объект или определенное устройство, оборудование, снаряжение. Культурная конфигурация, сосредоточенная вокруг автомобиля, - это и автострады, и бензоколонки, и эстетика (дизайн) в конструировании, и правила дорожного движения, и различные технологии, и мастерство и компетенция водителей, и многие другие составляющие. Аналогично, культурная конфигурация, возникающая вокруг компьютера, охватывает и различные системы программирования, и интернет, и компьютерные игры, и характерный принятый язык, и новые правила коммуникаций (своего рода «нравственность» сети), и навыки пользователей, и множество других элементов. Также центром культурной конфигурации может быть и определенная идея. Так называемая научная цивилизация опирается на определенную концепцию познания на основе научного метода. Иногда конфигурация возникает вокруг определенной ценности. Например, потребительская культура, или так называемый «консюмеризм», основана на культе материальных предметов и технических устройств и на стремлении к обладанию ими.

Культурная конфигурация функционирует правильно, когда все ее элементы гармонично взаимодействуют друг с другом. Однако случаются такие си-

туации, когда между этими элементами возникает асинхронность, несовместимость или дисгармония. Один из примеров такого рода, описанный американским социологом Уильямом Огборном, – это *культурный лаг (запаздывание)*². В этом случае один элемент конфигурации как бы не поспевает за другими, оказывается недостаточно развитым или не в полном объеме присутствующим. Так, когда строительство автостоянок и автострад не поспевает за лавинообразным увеличением числа автомобилей, мы имеем дело именно с таким культурным запаздыванием в сфере конфигурации, связанной с автомобилизацией. Когда новое лекарство, способное обеспечить перелом или рывок в системе лечения, не может использоваться и применяться из-за отсутствия соответствующих правовых норм, мы имеем дело с культурным запаздыванием в медицинской конфигурации. Другие примеры обнаруживаются там, где не хватает необходимой культурной компетенции, практического умения использования или употребления элементов культуры. Когда навыки, компетенция или дисциплина водителей оказываются не соответствующими возрастающим требованиям более интенсивного дорожного движения, мы говорим о *культурной некомпетентности* в этой сфере. Или когда рост книжной продукции и печатной периодики сопровождается углубляющейся так называемой *функциональной неграмотностью*, то есть неспособностью к пониманию и интерпретации простейших указателей, мы также имеем дело с примером культурной некомпетентности, в данном случае в сфере читательской культуры. Особый случай представляет использование определенных объектов культуры в каких-либо иных целях, нежели те, для которых эти объекты были изначально предназначены. Когда компьютеры служат для украшения помещений в офисах и учреждениях, когда люди покупают книги, чтобы они служили декорацией в их квартире, и потому подбирают цвет обложки к цвету ковра, то есть когда эти предметы (компьютеры, книги) вместо свойственных им функций, связанных с коммуникациями, просвещением и т.д., выполняют чисто символические функции, связанные с обеспечением снобистских интересов, мы также имеем дело с одним из вариантов культурной дисгармонии.

Культура одного и того же общества редко представляет собой некий монолит. Возьмем, к примеру, национальную культуру. Несомненно, определенные ее содержательные части формируют *остов культуры*, или, как нередко говорят, ее «главный нерв», словом, то, что определяет ее специфику и идентичность. Но рядом с этим существуют различные варианты и другие формы обычаев, языка, символики, используемых объектов и т.п., определяющие различия между регионами. В таком случае мы говорим о существовании определенных *субкультур* в рамках национальной культуры. Но могут появиться и какие-нибудь анархистские или нигилистские группы, для которых повсеместно признанные национальные традиции и святыни становятся предметом насмешек, осуждения и игнорирования. Их можно определить в таком случае как *контркультуру*, имея в виду их противостояние национальной культуре «главного нерва». Или другой пример: культура научной среды имеет определенные характерные черты, например своеобраз-

² Ogburn W.F., Nimkoff M.F. Sociology. Boston: Houghton Mifflin, 1950. P. 561-563.

ную научную этику. Но в ее рамках свои особые качества проявляют, например, группы математиков, или группы физиков, или группы философов. В таком случае мы имеем дело с научными субкультурами. В научной среде может также появиться группа, ставящая под сомнение основные каноны научности: саму идею научной истины, познаваемости мира, эмпирического метода познания. Примером может служить так называемый методологический анархизм в естественных науках или постмодернизм в общественных науках. Такие явления можно также отнести к категории контркультуры, иначе говоря, к оппозиции по отношению к научной культуре «главного нерва».

Культурные универсалии

Чрезвычайно сложные по своей внутренней структуре культуры сильно отличаются друг от друга. Возникает вопрос, имеет ли эта разнородность культур абсолютный характер или в различных культурах выявляются некоторые общие элементы. Социальные антропологи и социологи с давних времен были заняты поисками таких культурных элементов, которые имели бы всеобщее распространение, встречались бы в любом человеческом сообществе, иначе говоря, занимались поисками *культурных универсалий*. Теоретически источники таких универсалий могли бы иметь двоякий характер. Во-первых, универсалии могли бы появиться в разных обществах параллельно, независимо друг от друга как выражение некоторых *универсальных потребностей или императивов*, проистекающих из самой природы человека или человеческих сообществ, коллективов. Во-вторых, они могли бы появиться в процессе некоего культурного обмена, проникновения или распространения отдельных культур в более широких ареалах. В этом втором случае можно говорить о *культурной диффузии*, результаты которой будут уже не столько культурными универсалиями, сколько проявлениями универсализированного *культурного партикуляризма*, то есть распространением вширь того культурного содержания, которое первоначально сформировалось в границах одной, особенной партикулярной культуры.

Когда мы ставим вопрос о культурных универсалиях в точном смысле этого слова, мы можем искать их в двух направлениях. Во-первых, в таких сферах социальной жизни (или социальных контекстах, в соответствии с терминологией, введенной нами в гл. 1 книги), которые начиная с самых древних и ранних, первичных сообществ поддаются наиболее полному, тщательному и детальному культурному регулированию. При этом, как правило, указывается, что такими сферами являются семья, религия и межличностное общение (ведь язык – это необычайно сложная система культурных правил, касающихся взаимопонимания между людьми).

Однако очевидно, что в этих однотипных по своей сути сферах проявляются огромные различия в деталях. Существует множество форм семьи и способов семейной жизни. Столь же несомненно огромное множество идей, касающихся потусторонней жизни, представлений о Боге, религиозных ри-

туалов, правил совместной жизни единоверцев. Наконец, мы обнаруживаем невероятное разнообразие естественных языков, отраженное в мифе о Вавилонской башне. Так можно ли рассчитывать на выявление каких-либо универсалий на этом конкретном уровне, существуют ли какие-либо конкретные культурные элементы, присущие всем областям, встречающиеся всегда и везде?

Американский этнолог Джордж Мэрдок (George Murdock) пытался в межвоенный период собрать в архиве Университета в Лос-Анджелесе информацию на темы исторических и современных, примитивных и переживших модернизацию культур. Этот гигантский проект привел его к выводу, что существуют только две общие культурные установки, которые присутствуют во всех исследованных обществах: правило «не убий» и запрет на кровосмешение (англ. incest), то есть на сексуальные отношения с самыми близкими родственниками. Если сохранение жизни является очевидным императивом биологического существования и прочности общества, то менее ясна причина, по которой возникло столь же универсальное осуждение кровосмешения. На эту тему написано много томов. Некоторые авторы искали этому биологическое объяснение, указывая на неблагоприятные генетические последствия и осложнения, вызываемые кровосмешением. Другие (а для нас это как раз более интересно) пытались выяснить причины этого явления в социальном контексте. Кингсли Дэвис (Kingsley Davis) утверждал, например, что отношения такого рода подрывают естественную и неукоснительную иерархию власти и влияний в семье, ибо интимность сексуальных отношений оказывается в противоречии с подчинением детей родителям, младших старшим и т.д. Скрещивание интимных отношений с отношениями власти и подчинения приводит к дезорганизации и хаосу. Аргументами, подтверждающими правоту Дэвиса, могут служить многие примеры из области, выходящей за границы семейных отношений, когда речь уже не может идти о кровосмешении, но складываются аналогичные ситуации. Я имею в виду нередко выявляемый в художественной литературе, фильмах, телевизионных сериалах и театральных спектаклях сюжет, касающийся тех драматических последствий, к которым приводят интимные отношения между людьми, обладающими властью, и подвластными им: между секретаршей и ее начальником, учеником и учительницей, студенткой и профессором, медицинской сестрой и врачом, рядовой служащей полиции и комендантом полицейского участка³.

Независимо от того, ограничимся мы необычайно скудным перечнем универсалий, составленным Мэрдоком, или попытаемся его немного расширить, несомненным фактом останется то, что естественная, вытекающая из ситуации, складывающейся внутри общества, и побуждаемая этими внутренними причинами универсализация культур проявляется в крайне ограниченной, минимальной сфере. Зато необычайно богатым оказывается реестр *схожих, подобных друг другу явлений культуры*, возникающих в результате контактов между культурами. При таком контакте культурные элементы подверга-

ются диффузии, как бы переплывают из одной культуры в другую, оказываются заимствованными, унаследованными, навязанными со стороны другой культуры, смешанными с элементами собственной культуры. Можно выделить несколько типичных ситуаций, в которых происходят такого рода контакты. Первая - это подчинение более слабого общества более сильным, в результате происходит посредством силы или убеждения внедрение *доминирующей, господствующей культуры* и ликвидация локальных культур. Практика колониализма, а также процессы христианизации, например, в Латинской Америке или в Африке дают тому множество примеров. Из более близкого нам исторического опыта можно вспомнить политику германизации и русификации на польских землях, эта политика носила именно такой характер, причем введение языка рассматривалось, и совершенно справедливо, как ключевой момент в навязывании Польше культуры стран, совершивших ее разделы. Иной характер обретает ситуация *смешения культур* в многонациональных сообществах, где многочисленные группы эмигрантов вносят свой культурный вклад, подвергающийся сложной, главным образом стихийной, обработке. Классическим примером такого рода является «американский плавильный тигель», в котором формируется своеобразный культурный сплав.

Третий вариант культурных контактов имеет более опосредствованный характер, ему совсем не обязательно сопутствуют завоевания или физические контакты между разными обществами. Он реализуется посредством своеобразного перетекания, обмена культурными духовными ценностями и продуктами через рынок и средства массовой информации. Этот процесс иногда характеризуют как *культурный империализм*, отмечая, что его особенное усиление сопровождает эпоху глобализации. Глобализация представляет собой чрезвычайно сложное явление, и мы посвятим ее рассмотрению специальную главу, но уже предваряя этот анализ, мы можем сказать, что одним из проявлений глобализации является распространение во всемирном масштабе так называемой западной культуры, главным образом в ее американском облике. Независимо от того, происходит ли принятие этой культуры по причинам ее привлекательности или дело здесь в тех экономических рычагах воздействия, которые стоят за этой культурой и обеспечивают эффективный маркетинг, рекламу, пропаганду, результатом этого процесса оказываются *униформизация и вместе с этим регресс локальных культур*. Одинаковые продукты в одинаковых супермаркетах, одинаковые номера в одинаковых отелях, одинаковые машины на одинаково переполненных улицах, одинаковые гамбургеры в одинаково устроенных ресторанах Макдональдса, одни и те же голливудские фильмы в однотипных кинозалах, одни и те же хиты на радиоволнах и в дискотеках, одинаковые адидасы, джинсы, майки, одинаковые, хотя и «национальные» издания «Плейбоя» и «Пентхауза», одинаковые свободные нравы, все более вызывающая «неформальность» в манерах, одежде, одинаковые мании по поводу «равноправия полов» и «политической корректности» и, наконец, один английский язык, все более последовательно исполняющий роль универсального средства общения и взаимопонимания. Когда-то польские крестьяне, эмигрировавшие в Америку, переживали там культурный шок, кото-

³ Davis K. Human Society. New York: Macmillan, 1949.

рый так выразительно описали У. Томас и Ф. Знанецкий. Сегодня они чувствовали бы себя в Америке как дома. Да к тому же им и не надо эмигрировать, так как «Америка» уже въехала в их собственные деревни.

От этноцентризма к «политической корректности»

К разнородности или, напротив, униформизации культур можно относиться по-разному. Сталкиваясь с отличием или чужеродностью культуры, люди нередко занимают *этноцентристскую позицию*. Это убеждение в исключительной, особой ценности их собственной культуры и даже в ее превосходстве над другими культурами. Как эгоцентризм в индивидуальном масштабе является концентрацией человека на самом себе, стремлением мерить все остальное своей меркой, соотносить с собственными интересами, так и этноцентризм в общественном масштабе - это концентрация внимания на собственной группе, оценка других обществ по ее критериям, соотношение всего, что происходит в мире, с собственными групповыми интересами, притязаниями и требованиями. Когда критерии собственной культуры применяются к оценке способа жизни других обществ, очень просто дойти до удивления, неприятия, осуждения и враждебности. Может также появиться стремление к навязыванию другим собственной культуры, разумеется, «в их же интересах», «ради их пользы». Ибо ведь «наше» заведомо лучше всего чужого.

Противоположная позиция - это *культурный релятивизм*. Это восприятие множества и разнообразия культур и признание того, что способы действий и мышления, характерные для разных обществ, можно понять только в их собственном, специфическом контексте правил, символов, значений и ценностей. Культурный релятивизм - это определенная констатация фактов, составляющая противовес той слепоте, какая свойственна этноцентризму, однако еще не содержащая никаких оценок, ограничивающаяся утверждением культурного плюрализма. *Толерантность* - это уже нечто большее, ибо она уже включает в себя выявление ценностей разной величины и силы. В самой слабой своей форме она означает пассивное принятие как некой данности разнообразия, различий, разнородности культур, с признанием за каждой из этих культур права на существование и на отличие от других. В более сильной своей форме она означает активное утверждение культурного разнообразия, в котором видится не только неизбежность, но и позитивные ценности, которые необходимо активно поддерживать и укреплять. Такую форму толерантности мы находим в широко пропагандируемой сегодня идее *культурного плюрализма* (или в английской версии мультикультурализма), которая определяет основу деятельности международных организаций (ООН, ЮНЕСКО и др.). В несколько ином виде она выступает в интеграционной стратегии Европейского Союза, который декларирует свое стремление стать «Европой наций», то есть именно поддерживать, а не нивелировать богатство национальных традиций и черпать силу в культурном разнообразии стран, вступающих в этот Союз. Идея толерантности обретает порой и еще более сильную форму, кото-

рая в свою очередь, уже может вызывать некоторые сомнения. Дело в том, что среди идеологов крайнего либерализма появился взгляд, предусматривающий не только разнообразие, но и *равноценность* разных культур. В этом случае отбрасывается возможность каких бы то ни было ценностных сравнений культур друг с другом, более того, утверждается, что каждая культура имеет такую же ценность, как и любая другая культура. С этих позиций недопустимой оказывается критика местных нравов, обычаев, образа жизни, верований или практик. Точно так же недопустимой становится и апология какой бы то ни было культуры. Термины, определяющие более низкий и более высокий уровень культурного развития, что-либо, что можно считать «худшим» или «лучшим», отсталым или прогрессивным, примитивным или продвинутым, варварским или цивилизованным, не имеют права на существование в лексиконе сторонников так называемой *политической корректности*, их заменяет одно-единственное понятие «другие». Более того, не только оценка, но и презентация любой культуры, согласно этике сторонников этой позиции, должна проводиться так, чтобы обеспечить каждой культуре равное место, равную трактовку. В «Энциклопедии культур мира», недавно появившейся в Америке, где особенно выразительно и последовательно претворяется концепция «политической корректности», с аптекарской точностью отмерено одинаковое количество страниц и для культуры французской, немецкой, английской, и для культуры зулусов или австралийских аборигенов. Точно так же и в истории литературы столько же места уделяется Италии и Монголии, России и Сьерра-Леоне, а в истории музыки симфонии Бетховена трактуются примерно так же, как мелодии мексиканских mariachi. Здесь благородная идея толерантности доведена до крайности, и, как это часто бывает с крайностями, она переродилась в свою собственную карикатуру.

Иначе представляются позиции, формирующиеся перед лицом все более усиливающейся униформизации культур, связанной с наступлением глобализации. Здесь в оппозиции к космополитическим установкам оказываются установки на защиту и сохранение местных идентичностей. Самые резкие новые формы протеста против глобализации, которые мы характеризовали как новейшую *третью волну социальных движений*, пока концентрируются главным образом на экономических проблемах, но с уверенностью можно сказать, что в недалеком будущем они соединятся с поднявшимся еще раньше, хотя и не в столь бурных формах, движением в защиту местных культур. Утверждение или отрицание глобализации зависит, как нам кажется, от нескольких моментов. Во-первых, этот процесс будет по-разному приниматься в странах, откуда исходит культурная экспансия, и в странах, куда она проникает извне. Американец не может иметь что-либо против того, что английский язык оказывается продвинутым до ранга мирового языка, хотя бы потому, что этот процесс освободит его от необходимости изучения иностранных языков. Но иначе смотрит на это Франция, где принимаются даже специальные законы в защиту французского языка. Китаец не будет протестовать против того, что китайская кухня распространится во всем мире, но сторонники собственных кулинарных традиций в других странах могут воспринять этот процесс

как угрозу. Диктат итальянской моды во всем мире не будет раздражать итальянца, но может вызвать протест у любителей собственного, местного фольклора в других странах. Во-вторых, существенным моментом является экономическая, политическая и военная мощь той страны, которая становится центром культурной экспансии: если эта мощь будет вызывать достаточно сильное ощущение безопасности и значительности, то в этой стране можно будет обойтись и без настойчивого подчеркивания культурной идентичности и отличия. Зато слабые или зависимые страны ищут силу и защиту в культуре, всячески оберегая ее своеобразие. В-третьих, существенная разница возникает между профессиональными кругами. В некоторых профессиональных кругах сам характер их деятельности, их работы навязывает некий «надлокальный» подход, международное видение. Они становятся естественными пропагандистами и реализаторами глобализации. Примерами могут служить круги международного бизнеса, финансов, среда, связанная с функционированием средств массовой информации, а также творческая среда, круги спортсменов, ученых. Но есть и такие профессиональные группы, работа которых имеет четко выраженную местную оценку; таковы, например, шахтеры, аграрии. В-четвертых, определенную роль может играть также место проживания. Теоретики так называемого *урбанизма*, понимаемого как своеобразный, городской образ жизни (и отличающегося тем самым от *рурализма* - культуры сельских общин, аграриев), давно указывали на то обстоятельство, что именно города являются колыбелью космополитичных, надлокальных, транснациональных позиций, в то время как деревенская жизнь определяет ограничение кругозора до чисто локальных дел и определенный провинциализм мышления. Наконец, в-пятых, важными могут быть и чисто индивидуальные предпосылки и установки. Для тех, у кого сильно развита потребность в обеспечении своей безопасности, важным оказывается сходство, «привычность» ситуаций, в которых они оказываются. Это именно им адресованы рекламные обращения администрации отелей «Шератон», подчеркивающие, что и в Пекине, и в Варшаве, и в Париже, и в Каракасе путешественник найдет такие же, одинаково меблированные номера, такую же самую ванную и такой же бар в отеле. Это именно такие, ищущие безопасности американские туристы толпами валят в Макдональдс на Пьяцца ди Спанья в Риме, в то время как на любой соседней улочке они могли бы найти прекрасные итальянские ресторанчики. Таким же образом поступают и некоторые поляки, которые ищут за границей колбасу в магазинах и пельмени в столовых. Зато другие ценят новые впечатления, необычный опыт, новации, оригинальность, отличия, экзотику. Для них униформизация и, как это называет Джордж Ритцер (George Ritzer), «макдональдизация» невыносимы, они соответственно ищут локальную аутентичность, колорит, особенные вкусы, нравы. Именно такой смысл всегда имел туризм, который по самому своему определению означает посещение других, чужих стран. Естественно, он существенно меняет свой характер, когда эти чужие страны становятся все более похожими друг на друга.

БРОНИСЛАВ МАЛИНОВСКИЙ (1884-1942)

Знаменитый польский социальный антрополог. Большую часть своей жизни, связанную с профессиональной деятельностью, он провел в Великобритании, США и на Полинезийских островах, на территории которых проводил полевые исследования. Он оказал сильное влияние на социологическую мысль, особенно на так называемую функционалистскую школу. Наиболее значительными его произведениями являются «Аргонавты западной части Тихого океана» (1922), «Преступление и обычаи в диком обществе» (1926), «Сексуальная жизнь диких племен северо-западной Малайзии» (1929), «Научная теория культуры» (1944).

Культуру Малиновский считал основным стержнем социальной жизни, рассматривая ее как совокупность всего социального наследия: «оборудование, учреждения, материальные достижения, технические процессы, идеи, обычаи, традиции, ценности», а также мифы, магия и религия. Культура, по его представлению, имеет четыре характерные особенности: она образует определенную целостность, она интегрирована внутри этого целого, ее элементы выполняют своеобразные, свойственные им функции и она представляет инструментальный аппарат, обеспечивающий реализацию человеческих потребностей. Антропология должна сосредоточиться на анализе функций: ее целью является выяснение сущности антропологических фактов посредством анализа той роли, какую они играют в интегральной системе культуры, а также в обеспечении потребностей членов общества.

Люди в своих действиях руководствуются потребностями двоякого характера: первичной, связанной с их биологической природой, и вторичной, связанной с их общественной сущностью, с тем, что они живут в обществе вместе с другими людьми. Потребности людей удовлетворяются при посредстве определенных институтов, организаций или коллективов людей, объединенных общими задачами, общими нормами и располагающих общими техническими средствами. Каждый институт, каждая организация такого рода складывается из следующих компонентов: изначальные основы (поставленные цели, главные ценности), личный состав, нормы (технические или обязательные), материальное оборудование, действия, предпринимаемые персоналом, и реально исполняемые функции. Первичным потребностям соответствуют организации первичного характера: те, что обеспечивают людей продовольствием; институты, охраняющие семью, родственные связи, брак и воспроизведение человеческого рода (рождаемость); организации, обеспечивающие охрану и защиту перед лицом различных угроз для жизни людей в данном обществе. Вторичным потребностям соответствуют институты права, экономики, образования и политические структуры. Смысл каждого такого института понятен только в контексте той своеобразной целостной системы, в которой он существует и действует.

Культурные перемены имеют экзогенный характер, проистекают из контактов, соприкосновений, столкновений или конфликтов с другими, отличающимися от данной культуры. К примеру, первичные культуры оказываются под сильнейшим воздействием европейской цивилизации. Нарушение гармонии культуры имеет временный, переходный характер, ибо культуре свойственна тенденция к восстановлению равновесия и обретению целостности.

Литература

Malinowski B. Dzieła [Собрание сочинений]. Т. 1-10. Warszawa: PWN, 1998-2001.

Paluch A. Malinowski [Малиновский]. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1981.

Flis M. Malinowski [Малиновский] // Encyklopedia Socjologii. Т. II. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1999. S. 156-159.

Szacki J. Historia myśli socjologicznej [История социологической мысли]. Т. II. Warszawa: PWN, 1981. S. 695-711.

Культурная традиция

Иногда культуру определенной группы определяют как *наследие*. Этим подчеркивается важная особенность культуры - она имеет свои корни в прошлом. Культура не создается мгновенно, она является своего рода накоплением, итоговым продуктом человеческой активности длительное время. Она передается из поколения в поколение, сохраняя значительную преемственность и постоянство. Образцы деятельности, способы мышления, типичные объекты и средства, с которыми мы имеем дело в нашей повседневной практике, не придуманы нами самими. Самое большое, что нам иногда удается, это несколько модифицировать их, однако в значительной мере мы получаем их в готовом виде из прошлого. Это накопленное культурное достояние иначе называется *традицией*.

Это понятие может иметь три разных трактовки⁴. В самом широком смысле традицию понимают как все, что было раньше, связывают ее со всем прошлым данного общества. В более узком понимании, с которым мы имеем дело значительно чаще, традиция включает в себя только те элементы прошлого, которые оказывают непосредственное влияние на современность, иначе говоря, это *прошлое, присутствующее в современности*. Наконец, в самом узком смысле традиция - это только такие элементы прошлого, которые оказываются *выбранными*, особым образом *выделенными* ныне живущими людьми.

Как же это возможно, чтобы прошлое присутствовало в современности? Иначе говоря, каковы те механизмы, посредством которых осуществляется продолжение и наследование культурной традиции?

Если дело касается материальной культуры, то этот вопрос представляется довольно простым: объекты или материальное оборудование, инструментальный просто имеют свою *физическую прочность, продолжительность существования*. Нас окружают дома, церкви, мосты, дороги, предметы мебели, построенные когда-то в прошлом. Нас окружают преобразенные человеком возделанные поля, леса, сады, огороды, реки, искусственные озера - всему этому когда-то был придан такой облик. Некоторые из материальных объектов могли за это время сменить свои функции, свое назначение. В таком случае они представляют собой так называемые *культурные пережитки*. Бронислав Малиновский иллюстрировал это таким примером: дрожки на улицах большого города - это уже не транспортное средство, а развлечение для туристов или романтически настроенных влюбленных.

⁴ Shils E. Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1981.

Идейная культура продолжается во времени иначе, через *память*, сохраняющую идеи, убеждения, взгляды, утверждения, символы, язык. Сам человек помнит то, что он познал, чему научился. Но посредством коммуникаций с другими людьми он может чрезвычайно расширить это поле знаний, а именно узнать у них все, что они знают, о чем они думают. Наконец, посредством определенной фиксации или регистрации идеи, прежде всего в письменной форме, но теперь также и с помощью электронных средств, можно создать по сути неограниченное поле информации, доступной человеку, как иногда говорят, «для обогащения всего человечества».

Нормативная культура, то есть образцы адекватного и правильного поведения, сохраняется во времени посредством механизмов двух видов. В сформулированном дискурсе, в языке ценности и нормы могут подлежать *запоминанию*: передаваться устно, а также обретать некие прочные «прописные» истины, начертания на «скрижалях» истории или коды, такие, например, как библейские десять заповедей, рыцарский кодекс чести, уголовное право. Кроме того, они могут сохраняться в продолжительных, постоянных, повторяющихся *практиках*. Действия людей имеют склонность к инерции, то есть к повторению в форме, подобной той, в какой они совершались прежде. Если прав был Габриэль Тард (Gabriel Tarde), люди имеют склонность к тому, чтобы наследовать, подражать, имитировать действия других людей. Английский социолог Томас Коннертон (Thomas Connerton) подчеркивал особенное значение *ритуалов*, то есть четко формализованных, стандартизованных практик, для переноса во времени нормативных образцов. Сферой, особенно богатой ритуалами, является религиозная традиция, проявляющаяся в густо насыщенных символической обрядах, церковных праздниках, в ритме литургического года и т.п. Множество ритуалов заключено в играх, забавах, танцах, церемониях, связанных с инициацией определенных новых ролей (например, мореплавателя, воина), а также в переломных, знаковых моментах человеческой биографии (крестины, дни рождения, конфирмация, свадьба и т.д.). Во всех этих случаях нормативная культура сохраняет свою прочность и продолжительность не столько посредством запоминания правил, сформулированных в определенном дискурсе, сколько посредством их реальной, повторяющейся реализации.

Вся совокупность тех процессов, в ходе которых человек воспринимает окружающую его культуру и превращает ее в свою собственную культуру, называется *социализацией*. Особый вид социализации представляет *аккультурация*, то есть восприятие и освоение культурных норм, отличных от тех, какими данный человек обладал прежде. Это может совершаться, к примеру, в результате культурного контакта. Понятие социализации, или аккультурации, мы одинаково распространяем на стихийные попытки, пробы, ошибки, вербальное обучение (воспитание, внушение), а также на приучение посредством тренинга к определенным действиям. Культура наследуется при посредстве ее носителей, индивидов, которые, осваивая содержание культуры (интернализуя его), оказываются способны передавать эти культурные нормы другим в процессе социализации или требовать их исполнения от других с помощью так называемого социального контроля. Оба эти процесса - социализации и

социального контроля - будут нами подробно проанализированы в последующих главах.

Самое узкое понимание традиции выделяет из всех присутствующих в современности реликтов прошлого только некоторые. В этом случае мы смотрим в прошлое с точки зрения нынешних потребностей, ожиданий, стандартов и в этом свете выбираем некоторые объекты, идеи и нормы как *особенно подходящие*. Иногда критерием выбора становится сама древность, старинность определенных объектов или идей. Вскрытые археологами руины, возраст которых измеряется веками, представляют ценность уже в силу самой своей давности. Рисунки в пещере Ласко ценятся не столько в силу эстетического, сколько в силу хронологического фактора, их древности. При этом возраст объектов оказывается относительным. Разные общества имеют разные, свои собственные временные горизонты, в которых давность объектов или явлений становится сама по себе привлекательной. В молодых обществах, с короткой историей и плоским временным горизонтом, сравнительно недавние объекты могут рассматриваться как древние памятники. В обществах, имеющих долгую историю и глубокий временной горизонт, благородную ценность могут обрести вещи только очень давнего происхождения. В Америке предметом музейной ценности может стать стул времен Великой депрессии 1930-х годов; в Италии он должен был бы относиться ко временам Римской империи.

В итоге такого обращенного в прошлое выбора, проводимого на основе различных современных критериев, только некоторые здания становятся памятниками, которые подлежат охране и превращаются в объекты паломничества туристов. Только некоторые предметы мебели попадают в антикварные магазины. Только некоторые картины украшают стены музеев, только некоторые музыкальные сочинения исполняются в филармониях, только некоторые книги включаются в каноническую хрестоматию польской литературы, только некоторые доктрины входят в учебники философии, и только некоторые символы появляются на национальных знаменах. Точно так же только некоторые обычаи, нравы, моральные образцы и правовые нормы рассматриваются как достойные уважения, считаются героическими, воспринимаются как вечные идеалы.

Традиция в этом самом узком смысле, в этой наиболее узкой сфере играет весьма значительную роль в процессе социализации. Она заключает в себе quintessence того, что с современных позиций признается в культуре наиболее ценным. Такие культурные явления, как правило, более притягательны, имеют наибольшую силу воздействия на социализованных адептов, порождают наиболее сильную идентификацию с наследуемой культурой.

Выборочный принцип при формировании культурной традиции в крайних случаях может приводить к конструированию или *созданию видимости традиций*, фактически никогда не существовавших, то есть к приписыванию абсолютно современным объектам, идеям или взглядам давней генеалогии. Английский историк Джордж Хобсбаум приводит как пример развитую и якобы древнюю традицию шотландских горцев, включающую и особый костюм, и характерный колорит клетчатых тканей, и многочисленные геральдические

символы, и народные мелодии, заключая, что все это вымышлено и изобретено в XVIII в. как предмет забавы двух скучающих британских аристократов. В этом случае традиция создана буквально из ничего⁵. Не столь крайняя форма аналогичных тенденций заключается в реконструировании традиции, то есть в использовании определенных реальных фактов прошлого, преобразованных в совершенно ином контексте и новым способом. Отели в бывших монастырях, как, например, отель «Хилтон» в Будапеште или «Капуччини» в Амальфи, виллы с фасадами средневековых замков или в колониальном стиле, «античная мебель», сходящая с фабричных конвейеров, костюмы в стиле ретро, автомобили, стилизованные под автомобили 1930-х годов, - все это примеры таких культурных реконструкций.

Однако и такая сконструированная традиция подлежит процессу социализации, передается так же, как и подлинная традиция. И свое влияние на действия людей она оказывает таким же образом. Вспомним знаменитую «теорему Томаса»: «Если люди рассматривают некоторые ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях»⁶. Искусственные, вымышленные традиции, включаясь в цикл передачи из поколения в поколения и проходя таким образом через несколько поколений, обретают патину времени, знак подлинности и давности. Попытки указать на их искусственное, недавнее происхождение вызывают обиду и воспринимаются как святотатство.

Создание культуры

Культура продолжается, сохраняет постоянство, прочность, передается по наследству. Но в то же время культура постоянно изменяется, и где-то в прошлом она имеет свои истоки и начала. Каждый элемент культуры когда-то образовался, имеет свой генезис. Культура, как и все остальное в общественном мире, является *творением, продуктом деятельности людей*.

Людей - это значит, кого же? Кто является субъектом этого культурного творчества? Возвращаясь к тому анализу, какой мы произвели в гл. 7 книги, мы должны указать как на основной способ создания культуры на *массовые действия*. Там мы приводили пример, связанный с характером естественного языка, который создается и изменяется в процессе коммуникативных действий огромных масс людей, которые говорят и пишут. В обычных, повседневных беседах, разговорах появляются новые обороты речи, новые слова, они усваиваются, накапливаются на протяжении длительного времени, и таким образом формируется без каких-либо специальных намерений собеседников весь сложнейший национальный язык. Особую роль в этом процессе играют взаимные заимствования или подражания - своего рода культурная диффузия между существующими независимо друг от друга языками. Ярким примером может служить массовое появление англицизмов в польском языке последнего десятилетия. Возьмем другой пример: угроза СПИДа побуждает многих

⁵ Hobsbawn E., Ranger T. Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

⁶ Thomas W.I., Thomas D.S. The Child in America. New York: Knopf, 1928. P. 572.

людей к ограничению сексуальной свободы, к воздержанию. Они это делают независимо друг от друга, руководствуясь собственными опасениями. Но на массовом уровне это приводит к изменению образа жизни, со временем генерирует новые нравственные образцы и моральные императивы. Сравнение молодежи эпохи «сексуальной революции» 1960-х годов с современным поколением молодежи свидетельствует о глубоких культурных изменениях.

Культурные изменения могут происходить также в развитии *коллективно-го поведения*. Американский социолог Ральф Тернер (Ralph Turner) сформулировал теорию выявления социальных норм в толпе. Он выявил, как в процессе спонтанного и хаотичного поведения в толпе наступает своего рода «взаимное приспособление друг к другу участников», их действия оказываются подобными, похожими друг на друга, так что в конце концов вырабатываются очень простые, рудиментарные правила поведения, к которым все начинают приспосабливаться, причем «другие» люди, сами не участвовавшие в данных ситуациях, берут на вооружение эти правила и приводят их в исполнение. Дальнейшая стандартизация таких правил происходит в рамках прочных составляющих культуры, типичной для больших скоплений людей. Посмотрим, например, как похоже, почти одинаково ведут себя люди, составляющие аудиторию на концерте рок-музыки: эти руки, взметнувшиеся вверх, раскачивающиеся в такт музыки тела, характерные возгласы и выкрики. Здесь мы уже имеем дело не со спонтанной реакцией зрителей, а с поведением, регулируемым правилами, которые уже сложились, кристаллизовавшись из прежних спонтанных реакций. В этом убедится каждый, кто захотел бы в этой ситуации вести себя иначе. Он, несомненно, ощутит на себе то принудительное воздействие, которое Дюркгейм описывал как признак «социальных фактов» (иными словами - культурных примеров и стандартов).

Многие *социальные движения* предпринимают целенаправленные усилия к тому, чтобы осуществить культурные изменения. Некоторые из этих движений - реформаторские, или, как называл их Нейл Смелзер (Neil Smelser), «ориентированные на нормы», ставят перед собой ограниченные цели, а именно изменение каких-либо социальных норм или признанных в данной культуре способов действий. Примером может служить движение анонимных алкоголиков, направленное на воздержание (в местах, где принято пить). Другие радикальные, или по терминологии Смелзера «ориентированные на ценности», движения ориентированы на кардинальное изменение самих целей, которые люди ставят перед собой, предпринимая те или иные действия. Примером может служить движение, направленное на охрану природы (в местах, где природа подвергается уничтожению). Новейшая волна антиглобалистских движений ставит перед собой наряду с доминирующими экономическими требованиями также определенные культурные цели. Особое значение в этих движениях имеет протест против потребительской идеологии во имя более высоких целей бытия.

Творческая активность, приводящая к формированию культуры или изменениям в культуре, может предприниматься *организованными группами*. Выразительным примером действий, непосредственно и сознательно направлен-

ных на изменение стиля, вкусов, образцов, могут служить кампании, проводимые фирмами, диктующими моду, дизайнерами новых автомобильных серий, производителями пива или студиями звукозаписи. В целом, мода по самой своей природе - это такая область, в которой образцы, стандарты и правила, нередко строго обязательные, никогда не появляются спонтанно, а являются результатом целенаправленных манипуляций. Иной, более опосредствованный характер носит механизм культурного влияния, исходящего из административных или правительственных центров. Они редко предпринимают непосредственные реформы культур, зато часто действуют в этом направлении при решении других задач. При формировании новых институциональных структур происходит такое изменение контекста человеческих действий, в силу которого естественная реакция адаптации влечет за собой изменение обычаев, нравов, традиций, правил или ценностей. Например, введение в Польшу в 1989 г. капиталистической рыночной экономики постепенно приводит к полному изменению культуры труда, а формирование демократических политических институтов - к перелому в сфере политической культуры. Утверждение новых культурных образцов может также стать целью пропагандистской кампании в средствах массовой информации, которые стремятся непосредственно оказать влияние на сознание людей и преобразовать это сознание по-новому.

Наконец, надо обратить внимание на такой чрезвычайно эффективный способ формирования и модификации культуры, каким является деятельность *выдающихся индивидов*: новаторов, первооткрывателей, изобретателей, мыслителей, моральных авторитетов, религиозных пророков, писателей или художников. Без них не было бы культуры. Сам процесс, в результате которого индивидуальные культурные инновации падают на «благоприятную почву», получают распространение, материализуются в объективной реальности, обретают прочность, оказывается настолько сложным, что его анализ мы отложим и посвятим ему специальную главу.

Важнейшие понятия и термины

Аккультурация - процесс вхождения человека в культуру, отличающуюся от той, в которой он был воспитан (которую он освоил в процессе социализации).

Диффузия культуры - перетекание культурных элементов или целых культурных комплексов и конфигураций между различными культурами.

Доминирующая (господствующая) культура - преобладание одной культуры над другими, вытекающее из предлагаемого этой культурой особо привлекательного образа жизни, или утверждаемое военной или экономической силой теми, кто представляет эту культуру, или осуществляемое посредством навыков и технологий, пропагандируемых или внедряемых на основе маркетинга представителями этой культуры, а возможно, на основе сочетания всех этих моментов. Результатом такого процесса является односторонняя культурная диффузия, а также эрозия локальных культур.

Идейная культура (или символическая культура) - характерная для данного общества совокупность убеждений, взглядов, верований, а также значений, связанных с явлениями и предметами, лучше всего закодированных в языке.

Контркультура - образ жизни, осознанно и целенаправленно противопоставляемый господствующей в данном обществе культуре.

Конфликт поколений - вариант культурного конфликта, обостряющегося в период быстрых культурных изменений, при котором младшее поколение осваивает культурные образцы и взгляды, отличающиеся от образцов и взглядов, типичных для старшего поколения.

Культура - весь совокупный образ жизни, характерный для данной группы, в которой аккумулируется все, что люди как члены данного общества «делают, думают», и все, чем они «обладают» (образы действий, мыслей, материальное обеспечение).

Культурная амальгамация - смешение элементов, происходящих из разных культур, приводящее к формированию своеобразной новой культурной системы.

Культурная идентичность - уникальный для каждого человека комплекс почерпнутых из разных источников культурных элементов и сущностей, с которыми он себя идентифицирует, реализуемый в жизни этого человека.

Культурная конфигурация - сочетание различных культурных элементов, сконцентрированных вокруг одного объекта, идеи или ценности (например, автомобильная культура, научная цивилизация, потребительская культура).

Культурная некомпетенция - недостаток знаний, умения, навыков и рефлексов, необходимых для использования новых технических устройств, а также для освоения новых способов мышления и новых образцов отношений между людьми или форм организации.

Культурная традиция - накопленное, исторически унаследованное культурное достояние данного общества.

Культурное самосознание - способность отделить культурные правила от повседневной, рутинной практики, что позволяет рассматривать собственный образ жизни только как один из возможных, а не абсолютно правильный; эта способность составляет важнейшее условие принципа релятивизма и толерантности.

Культурные пережитки - элементы культурной традиции, которые полностью утратили и изменили свои первоначальные функции.

Культурные универсалии - черты культуры, встречающиеся во всех известных сообществах как исторического прошлого, так и нашей современности.

Культурный лаг (запаздывание) - несинхронные ступени развития различных составляющих культурной конфигурации (например, отсутствие законодательного регулирования, позволяющего использовать уже совершенные научные открытия или технические инновации).

Культурный диссонанс - противоречие между культурными сущностями - нормативными ожиданиями, способами мышления, стилями потребления, предлагаемыми человеку разными культурами, к которым он одновременно принадлежит.

Культурный империализм - навязывание господствующей культуры в региональном, континентальном или глобальном масштабе.

Культурный комплекс - важная совокупность культурных элементов общего содержания или общего функционального назначения.

Культурный контакт - установление взаимодействия и социальных отношений между группами, живущими в рамках отличающихся друг от друга культур.

Культурный конфликт - антипатия, враждебность или борьба между контактирующими группами различного образа жизни, диктуемого их культурой.

Культурный партикуляризм (и его проявления во множественном числе) - исключительные, «экзотические» образы жизни, поначалу ограниченные рамками только одной конкретной культуры.

Культурный релятивизм - осознание огромного разнообразия культур и исторической обусловленности культурных различий.

Культурный остов - центральные, главные для данной культуры ценности, идеи или объекты, имеющие решающее значение в выявлении ее своеобразия.

Культурный элемент - самая малая (элементарная) выделенная составляющая культуры (правило, идея или объект).

Материальная культура - характерная для данного общества совокупность объектов - инструментов, устройств, жилья, одежды, продуктов питания, средств связи, хозяйственных животных и т.п.

Нормативная культура - совокупность характерных для данного общества правил поведения - норм и ценностей.

Переkreщивающиеся давления - одновременное давление различных, накладывающихся друг на друга и не совпадающих в своих сущностях культур, в границах которых живет человек.

Ритуалы - индивидуальные или коллективные способы действий, совершаемых согласно точно и формально установленному сценарию, которому должны соответствовать все участники этих действий, находящиеся под сильным давлением

Рурализм - своеобразный образ жизни - комплекс правил, идей и устройств, характерный для деревенских жителей.

Социальные факты - включенные в сферу сознания и формирующие нормы поведения сущности, которые проявляются в обществах и оказывают на членов этих обществ принудительное воздействие, ограничивающее какие-либо их действия или принуждающее их к каким-либо действиям.

Субкультура - особенности образа жизни меньших групп, проживающих в сфере действия более широкой, признанной членами этих групп культуры, имеющей более высокий статус, иначе говоря, различные субкультуры - это «вариации», образующиеся вокруг общего культурного ствола.

Толерантность - понимание и принятие культурных отличий и даже рассмотрение их как ценностей, обогащающих репертуар образов жизни.

Транснациональная культура - образы действий, мыслей и материального обеспечения, общие для региональных, континентальных сообществ и даже для всего глобального сообщества (например, европейская культура, исламская).

Урбанизм - своеобразный образ жизни - комплекс правил, идей и устройств, характерный для городских жителей.

Цивилизация - комплекс материальных предметов, конструктивных идей или инженерных решений, реализованных в этих предметах (иначе говоря, технологий), а также умение адекватно пользоваться ими (практических компетенций).

Этноцентризм - убеждение в бесспорном, не подлежащем сомнению характере способа жизни собственной группы и даже в особой, исключительной ценности собственной культуры и в ее превосходстве над другими культурами.

Рекомендуемая литература

18, 26, 27, 28, 33, 36, 52, 58 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 11

Ценностно-нормативная система

Уже в концепции «социальных фактов» Дюркгейма, предвосхищавшей дефиницию понятия культуры, было выявлено, что главной чертой этих «фактов» оказывается принудительное воздействие, давление на человека. Спустя много лет после Дюркгейма, исходя из совершенно иных предпосылок, создатель теории психоанализа Зигмунд Фрейд (Freud) определил, что природа и культура находятся в оппозиции. При этом культуру он рассматривал как силу внешнюю, навязанную извне и ограничивающую природные импульсы и инстинкты. Большинство определений культуры подчеркивают, что она ориентирует на правильный, ожидаемый в данном обществе образ жизни, описывает то, как люди *должны* поступать, что может не совпадать с тем, что они хотели бы делать и как они поступают на самом деле.

Неудивительно, что многие авторы считают правила или образцы поведения культурным остоном. Среди многих концепций человека, которые мы приводили выше: homo socius, homo politicus, homo economicus, homo ludens, homo religiosus и т.д., имеет место и такая, согласно которой человек - это существо, руководствующееся правилами, а от животных его более всего отличает именно то, что он обладает культурой, прежде всего блоком *правил*, определяющих внешние границы для его собственной индивидуальной активности.

Сфера культурного регламентирования очень широка. Она охватывает все три элемента принятой нами дефиниции культуры: «то, что люди делают, то, что они думают, и то, чем они обладают». Общество навязывает человеку обязательные *образцы мышления*, например в зависимости от эпохи требует от него мышления мифологического, религиозного или научного. В еще более узком смысле образцами мышления, типичными для нашего времени, являются такие принятые, утвердившиеся понятия, как демократия, равенство, либерализм, или в некоторых кругах «политическая корректность». Культура также определяет и подсказывает человеку, что нужно читать, какие фильмы смотреть, какую музыку слушать, а творческим людям - в каком стиле

писать, как создавать фильмы, как сочинять музыку. Более того, культура вмещается даже в наши сны. Мало кто признается публично, к примеру, что видит эротические сны. А ведь этот сегмент культуры, которую мы определили как идейную культуру (или иначе, общественное сознание), явно имеет принудительный аспект. Мы подчеркивали также, что принудительное значение оказывается связанным с объектами *материальной культуры*, при этом, когда речь заходит о том, «что носят», «в чем ездят», «в каких домах живут», «какую мебель покупают», людям диктуется тот выбор, какой они должны сделать, а производителям указывается, что они должны шить, какие делать автомобили, как строить дома, какую проектировать мебель.

Однако главным предметом социального регулирования являются действия. И правила, которые касаются того, «что делается» («что мы делаем»), гораздо в большей мере, чем того, «что мы думаем» и «чем мы обладаем», мы рассматриваем как особый центральный сегмент культуры, отделяя его от общественного сознания и стилей материальной культуры. В настоящей главе мы проведем более детальный анализ этого центрального сегмента культуры, в котором сконцентрированы правила, касающиеся людских действий. Для его обозначения в социологии используются разные термины: «социально-нормативная система», «нормативная структура», «регулируемая подсистема», «система поддержания образцов». Отталкиваясь от работ классика польской социологии Флориана Знанецкого, мы будем говорить о *ценностно-нормативной системе*.

Нормы и ценности

Поскольку культурные правила касаются действий людей, нам следует вспомнить некоторые идеи и понятия, введенные нами в первых главах книги в парадигме действия. Там мы характеризовали *действие* как двучленный комплекс, включающий, с одной стороны, определенные *средства*, способы, методы поведения, а с другой - *цели*, к которым должно привести использование этих средств, способов или методов. Мы говорили об инструментальной, волюнтаристической, утилитаристской или теологической модели действия. В сущности любое действие теоретически можно разложить на такие две составляющие, хотя в действительности такое разделение может и не выступать столь отчетливо (хотя бы в действиях, связанных с понятием самоцели, когда цель действия заключается в самом способе данного действия, например при товарищеском общении и беседе).

Представление о двучленном характере действия позволяет разделить правила на два вида. Правилам, или регулированию, может подлежать *выбор средств, способов* или методов действия. Но регулирование охватывает также цели, на которые направлено действие. Правила, предметом которых являются способы или методы действия, средства, используемые для достижения цели, называются *культурными нормами*. Они устанавливают, что должны делать люди. А правила, предметом которых являются цели действия, называются *культурными ценностями*. Они определяют, какие цели являются до-

стойными, правильными, истинными. Формулируя это несколько иначе, можно сказать: ценности указывают на то, к чему люди должны стремиться, а нормы - на то, как люди должны достигать этих целей. Примерами ценностей, типичных для нашего времени, то есть принятых, утвердившихся в нашей культуре целей действий, могут быть: уровень жизни, состояние, слава, образование, физическая подготовка, здоровье. А примерами норм, содержащих рекомендации принятых, признанных способов достижения этих целей, являются хорошая школа, напряженная работа, упорная тренировка, последовательное продвижение по службе (карьера).

Надо подчеркнуть, что предлагаемое разделение в известной мере условно, это вопрос конвенции, главным преимуществом которой является аналитическая простота. Существуют и другие способы понимания и различения норм и ценностей. В частности, ценностями часто считаются некоторые фундаментальные, высшие правила, касающиеся вещей наибольшего значения, а конкретными импликациями этих ценностей являются нормы, регулирующие более простые и приземленные дела. В таком случае отношение данных понятий (ценности и нормы) приобретает иерархический характер, а в нашей трактовке они стоят в одном ряду, на одном уровне и обозначают определенную логическую последовательность человеческих стремлений (стараний достичь своей цели) и результатов (этих стараний).

Сила регулирования

Культурные правила, как нормы, так и ценности, могут содержать меньший или больший *груз обязательности*. Иначе говоря, с ними могут быть связаны более сильные или более слабые общественные ожидания относительно правильных адекватных действий. Выделим прежде всего *культурные императивы*, а именно категорические требования определенного способа поведения или определенной цели. Они могут быть сформулированы двояко: в позитивном плане как *приказы* и в негативном плане как *запреты*. Первым отвечают те общественные ожидания, которые можно выразить словом «надо» (или «должен»), а вторым - те ожидания, которые можно выразить словом «нельзя» или «невозможно» («недопустимо»). «Водитель автомобиля должен ехать с правой стороны дороги» - это пример указывающей нормы. «Водитель не может ехать во встречном направлении по улице с односторонним движением» - это пример запретительной нормы. То же самое касается ценностей. «В наши времена каждый человек должен получить образование» - это ценностное (аксиологическое) указание, наказ. «Нельзя затрагивать и унижать достоинство другого человека» - это ценностный запрет.

Культурное правило может содержать и более слабое напряжение фактора обязательности - не приказывать и не запрещать, а только *допускать* определенное поведение или определенную цель. В таком случае мы говорим о *допуске*, о *разрешении*. Соответствующие общественные ожидания выражаются словом «можно» или «допустимо». Положительным образом сформулированное разрешение указывает, что, если кто-либо желал бы поступать данным об-

разом, ничто ему не мешает, однако действие такого рода не является обязательным. «Здесь можно курить» - это условное разрешение курить тем, кто хотел бы это делать. Это совсем не приглашение курить, не навязывание действий, связанных с пагубной привычкой. То же самое легализация гомосексуальных браков явно представляет собой допущение такого нетипичного образа жизни, но вовсе не навязывает, не рекомендует его, не требует, чтобы все люди выбрали данную «сексуальную ориентацию». То же самое относится и к ценностям. Холостой образ жизни не является запрещенной целью, даже несмотря на то, что создание семьи так или иначе является признанной ценностью. Так же, к примеру, не вызывает протеста поведение человека, который транжирит деньги, хотя акцентированной добродетелью представляется бережливость. Потребление и все, что связано с потребительским образом жизни, даже в идеологии антиглобалистских движений, не выступает как запретная цель или запрещенная ценность, это представляется как нечто, что вовсе не надо запрещать, но по крайней мере не надо пропагандировать и утверждать.

Разрешения могут быть сформулированы также не прямо (не в позитивной форме), а как производные от запретов. Четкое формулирование запретов означает, что *любой иной, кроме запрещенного*, способ поведения или иные, кроме запретных, цели являются допустимыми. Так, в отношении юридических правил считается, что разрешено всё, что не запрещено законом (что вовсе не означает, будто это «всё» рекомендуется или навязывается). Запрет на превышение скорости 60 км в час не говорит о том, с какой скоростью надо ехать (лишь бы только эта скорость не была больше, чем 60 км в час), а тем более не вынуждает никого непременно ехать на автомобиле. Десять заповедей, указывая на то, чего не должны, не могут делать христиане, очерчивают четкую границу, за которой остается широкое поле, в каком они могут действовать свободно, по своей совести и своему разумению.

Наконец, последний тип правил носит еще более свободный характер. Мы называем их рекомендациями, советами или *преференциями*. Они указывают, какое поведение было бы особенно достойно признания, подчеркивая при этом, что ни от кого нельзя требовать и никого нельзя заставлять поступать именно таким образом. Это выражается словами: «Хорошо было бы, чтобы...». Здесь речь идет об образцовых поступках, идеальном поведении и даже о героических действиях, о подвигах. Правила формулируются как своего рода моральные указатели с надеждой, что по крайней мере некоторые люди им последуют, однако без давления, без насилия. В Германии на автострадах, где вообще нет запретов и ограничений скорости, встречаются, однако, знаки, указывающие рекомендованную скорость. Дорожная полиция вовсе не ожидает, что все последуют этим рекомендациям, и не собирается наказывать тех, кто превышает эту рекомендованную скорость, она только взывает этими указателями к сознательности водителей. В университете было бы желательно, чтобы все студенты получали отличные оценки («пятерки»), но совершенно очевидно, что ничего страшного не случится и с теми, кто получает «четверки» или «тройки». Нравственный идеал ориентирован на действия, которые носят харизматический, филантропический характер или совершаются во благо других. Но никто не рассчитывает на то, что так будут поступать все люди, и ничего пло-

хого не ожидает при этом, скажем, эгоистов или скупердяев. Обязательность в правилах такого рода, а именно в рекомендациях или преференциях, содержится в самой слабой мере.

Важным симптомом другого вида обязательности, которую содержат наказания, запреты, разрешения и преференции, является *общественная реакция*, которая встречается тех, кто следует правилам такого рода или не нарушает их. В социологии такая реакция называется *санкциями*, и их детальный анализ будет темой гл. 17 нашей книги. Пока достаточно сказать, что эти санкции выступают как *наказания и награды*. Посмотрим, какие санкции применяет общество в целях укрепления своих культурных правил. Не выполняя указания, не следуя наказу, можно, в общем-то как правило, ожидать наказания. Так случается с теми, кто не платит налогов, не отправляет своего ребенка в школу, не приводит свою собаку к врачу для прививки. Однако, выполняя указание, следуя наказу, человек, по сути, не может надеяться на награду. Исключением является ситуация, когда следование наказу де-факто бывает столь редким, что требует особого выделения. Так бывает, когда телевидение премирует тех, кто своевременно оплачивает абонемент, или студент может рассчитывать на похвалу, если он до первого ноября запишется на следующий академический год.

Когда мы не подчиняемся приказу (указанию, наказу), нас ожидает *наказание*. Дорожная полиция нас оштрафует или сделает предупреждение (заметку в правах) за превышение скорости, суд осудит за кражу, друзья отвернутся от нас за неверность или проявление нелояльности. В случае серьезных нарушений наказание будет объявлено публично. Судебные приговоры широко освещаются в печати. Публичные наказания применялись не только в Средние века. До сегодняшнего дня такая практика встречается, например, в Китае, а в Америке, этой колыбели либерализма, казнь Джорджа Маквея, виновного в смерти более ста человек, наступившей в результате террористического акта в Оклахоме, транслировалась по кабельному телевидению. В этом случае речь идет о достижении двух результатов. Во-первых, о наглядном, максимально выразительном доведении до сознания людей сути соответствующего правила, то есть того, что запрещено. Как заметил в несколько парадоксальной форме Эмиль Дюркгейм, преступники играют неопределимую роль в *определении для других людей добра и зла*, границ допустимых действий и в мобилизации *моральной восприимчивости*. Во-вторых, чтобы подтолкнуть к размышлениям возможных кандидатов на совершение подобных поступков, убедительно показать им, к чему приводит нарушение запрета, насколько не только не оплачивается связанный с ним риск, но страшнее оказываются потери. Юристы называют такую функцию судебных наказаний *общепревентивной*, поскольку она более ориентирована на других, нежели на самого преступника. Когда мы следуем указанию, нас не ждет ничего плохого, но мы не можем и рассчитывать в этом случае на особые вознаграждения. Никакой симметрии по отношению к описанной выше ситуации здесь не возникает, и когда вновь повсюду нарушаются заповеди и наказания, то сам факт последовательного исполнения их не может принести нам ни похвалы, ни признания, ни славы, но, напротив, часто приводит к неприязни, которую только может

вызывать наивный чудак, недотёпа. Посмотрите, как реагируют водители, когда кто-либо тормозит, увидев знак ограничения скорости, как смотрят прохожие на тех, кто на пустой улице ждет у перехода, пока зажжется зеленый свет, или что думают студенты о том, кто не сдал экзамена, хотя запросто мог списать у товарища то, чего не знал.

Когда мы пользуемся явно выраженным разрешением (признанием допустимости) своих действий, то это не вызывает общественной реакции, ни позитивной, ни негативной. В таком случае наше действие воспринимается и определяется как *нейтральное* для общества, не приносящее ни вреда, ни пользы. Предвосхищая наши дальнейшие рассуждения, заметим, однако, что действия, допускаемые и разрешенные правилами одного рода, например юридическими, совсем не обязательно являются разрешенными другими правилами, например моральными или связанными с традициями и обычаями. Вступая в гомосексуальный брак там, где такие браки легализованы, его участники не встретят негативной реакции со стороны права, но их может ожидать осуждение общественности, поскольку браки такого рода не соответствуют моральным традициям и обычаям данного общества, в рамках которого все еще действует соответствующий запрет.

Наконец, в случае рекомендаций и предпочтений не соответствующие им, обычные, ничем не выделяющиеся действия не вызовут негативных санкций. Общество как бы принимает негласное соглашение о том, что нельзя ни от кого ждать и требовать совершенства или геройства. Зато соответствие предпочтениям и идеалам приносит, как правило, весьма существенные и ощутимые *награды*. Солдат, который спас тонущего ребенка, получает более высокий чин, продвижение по службе. Прохожий, который помешал угону автомобиля, получает вознаграждение от полиции. Бизнесмен, пожертвовавший крупную сумму жертвам наводнения, пользуется хорошей славой. В специальной телевизионной программе показывают «обыкновенных необыкновенных». Лучшие студенты получают повышенные стипендии от правительства. Героям ставят памятники, их воспевают в стихах и поэмах. Придание особой известности, популярности тем, кто максимально отвечает общественным ожиданиям, вознаграждение этих людей общественным признанием и славой исполняют весьма важную социальную функцию. Во-первых, наглядно, выразительно, на персональных, конкретных и потому хорошо понятных примерах выявляются *общественные идеалы*. Во-вторых, показывается, что идеалы такого рода не являются утопиями, что их можно претворить в жизнь. Наконец, усиливается рациональная мотивация и возрастают намерения к достижению идеалов, поскольку ясно выявляется их связь с конкретными, имеющими определенное измерение выгодами.

Двойная относительность

Социальные нормы становятся обязательными в определенных условиях. По отношению к каждой из норм можно задать вопрос: *в каких ситуациях* она становится обязательной и *кого* она обязывает? Следовательно, каждое пра-

вило является *относительным* в ситуационном и в персональном плане. Иначе говоря, оно содержит также условия или границы возможности его применения. Иногда такая относительность представляет собой нечто очевидное, явное, что содержится уже в самой формулировке нормы. Нередко, однако, норма намечает мнимую границу, или порог, который только предполагается, являясь неким признанным, принятым, выявляющимся из более широких принципов или иных правил. Некоторые авторы в таком случае используют термин *«контекст норм»*.

Рассмотрим сначала примеры *ситуационной относительности*. «При пожаре нужно звонить по телефону 998» (естественно, что при отсутствии пожара такой звонок или сигнал тревоги рассматривается как хулиганский поступок, подлежащий наказанию). «В случае опасности следует сорвать стоп-кран». Такая надпись в поезде имеет еще продолжение и уточнение: «Беспричинное использование стоп-крана влечет за собой ответственность», что явно указывает на то, что одно и то же действие в зависимости от ситуации может быть или востребовано, или запрещено. Ситуационную обусловленность могут иметь также разрешения. «После набора самолетом высоты пассажиры могут пользоваться своими персональными компьютерами», - сообщают нам в самолете. То же самое действие запрещается в момент старта и приземления самолета. В иных случаях ситуационная относительность не указывается прямо, а предполагается. Уголовное право утверждает: «Убийство человека подлежит уголовной ответственности...» Но к этому правилу добавляется предпосылка, вытекающая из общих принципов современного законодательства: «Если убийство не совершено человеком, который находился в состоянии необходимой самообороны или высшей необходимости». Дорожный кодекс запрещает езду в черте города со скоростью выше 60 км в час. Но это правило сопровождается посылкой, вытекающая из другого предписания: «Если автомобиль не является привилегированным транспортным средством, например машиной скорой помощи в момент совершения акции по спасению жизни», «Водитель, по вине которого произошел несчастный случай, должен оказать помощь пострадавшему». То, что в данной ситуации, является категорическим требованием, наказом, в иной ситуации, например по отношению к водителю, который только проезжает рядом с местом дорожно-транспортного происшествия, в которой он никак не участвовал, может быть предпочтением. Было бы хорошо, если бы он остановился, но никто не подвергнет его наказанию и в том случае, если он равнодушно проедет мимо.

Теперь рассмотрим примеры *персональной относительности*. Правило может прямо заявлять, к кому оно относится: «Детям до 12 лет вход запрещен» - для всех других вход открыт, разрешен, следовательно, запрещение превращается для них в разрешение. Или «Места для инвалидов» - по отношению к другим, кто хотел бы занять эти места, разрешение превращается в запрет. Такого рода явные дополнения, выделяющие определенные группы в отношении каких-либо правил и допусков, весьма характерны для расовой или этнической дискриминации и сегрегации. «Только для белых» - гласили надписи в передней части автобусов на Юге Соединенных Штатов еще долгое

время после отмены рабства. «Только для немцев» - можно было прочитать на дверях ресторанов в период оккупации. Чаще всего, однако, персональная относительность, многие юридические правила, положения законов касаются только собственных граждан страны. Они сопровождаются негласной, неписаной предпосылкой: «Если только ты не являешься гражданином другого государства». Уголовный кодекс гласит: «Кто подвергает опасности жизнь других людей, подлежит ответственности...» Но за этим кроется предполагаемое исключение, вытекающее из общих правил и предписаний: «Если человек вменяем, то есть способен отдавать себе отчет в значении своих действий и владеть собой». «В Великий сочельник нельзя есть мяса». Совершенно очевидно, хотя нигде это прямо не сформулировано, что данный запрет касается только верующих христиан. Выше мы говорили о том, что так называемые преференции, или правила, указывающие на образцовое поведение, не являются категорическими требованиями, подлежащими исполнению, а только выражают определенные пожелания. Но и это, оказывается, может зависеть от той личности, к которой данные правила относятся. Прохожий, который стал свидетелем уличной кражи и, не чувствуя себя героем, отходит подальше в сторону, всего лишь не выполняет те требования, которые соответствуют гражданскому идеалу, не более того. Но если точно так же поступает полицейский, он нарушает свой долг, не выполняет основных служебных обязанностей и за это должен быть строго наказан. Когда врач равнодушно проходит мимо старушки, которая, потеряв силы, упала на улице, он нарушает профессиональную этику. И хотя было бы хорошо, если бы все люди руководствовались бы внутренним импульсом - желанием непременно оказать помощь другим, все же человек, который не является врачом, не остановился, чтобы помочь, не нарушил в этой ситуации установленный запрет, а только оказался не соответствующим высшему идеалу. И, напротив, сосед, который спас ребенка, вытащил его из объятай пламенем квартиры, заслуживает славы героя, но пожарник, который сделал то же самое, всего лишь достойно выполнил свою профессиональную обязанность. Следовательно, преференции также подлежат в определенных границах и сферах персональной релятивизации. То, что для одних является подвигом, для других может быть профессиональным требованием, наказом.

Обратим внимание на то, что такая относительность носит не личностный, а видовой характер. Применение к действию того или иного правила, смена квалификации правил (с запрета на разрешение, с преференции на наказ и т.п.) или применение исключительных правил никак не касаются конкретных личностей, они зависят только от *категории людей*: в приведенных нами примерах это были дети, инвалиды, негры, немцы, врачи, полицейские, пожарные и т.п. Вспомним, что в гл. 4 и 5 книги речь шла в таком случае о социальных позициях (статусах). Таким образом, мы видим, что правила принимают различный характер в зависимости от *социальных позиций* тех, кто эти правила нарушает или этими правилами руководствуется. Вскоре мы обратимся к более детальному анализу этой тесной связи между культурными правилами и социальными позициями.

Комплексы правил: процедуры, институты, роли

Культурное правило с его двумя разновидностями - нормами и ценностями - представляет собой самый малый, простейший элемент, своего рода атом ценностно-нормативной системы. Однако правила не выступают изолированно, в отрыве друг от друга. Напротив, они связываются, объединяются друг с другом, интегрируются в более крупные целостные структуры. На самом низком уровне интеграция может касаться связей норм и ценностей. Способы поведения людей могут быть тесно связаны с поставленными целями. Работа и заработок, учеба и образование, лечение и здоровье, выезд к морю и отдых. Такие цепочки связей норм и ценностей, регулирующие типичный способ достижения цели, называются *процедурами*. Часто случается подчинение нескольких норм или целой серии норм одной ценности.

В более широком масштабе интеграция правил происходит вокруг данной сферы общественной жизни, подлежащей регулированию. Вспомним уже неоднократно используемое нами понятие *социального контекста*, то есть различных сфер социальной жизни, в которых люди реализуют некие важные социальные функции: рождение и воспитание детей, производство и распределение товаров, отдых и развлечение, поддержание физической формы и охрана здоровья, согласование и координация коллективных целей и т.п. Такой набор правил, связанный с определенным социальным контекстом, который способствует реализации аналогичных важных социальных функций, мы будем называть *институтом*.

Иногда говорят еще более точно: институт в нормативном смысле, ибо, как и многие другие социологические категории, институт имеет множество значений. В повседневном обиходе мы используем это понятие в реалистической перспективе: идем в какое-нибудь учреждение, обращаемся в какую-нибудь инстанцию, чтобы решить свои проблемы, жалуемся на плохую работу какого-либо «института». Но наука всегда претендует на то, чтобы выйти за пределы обыденного мышления путем абстрагирования и обобщения. И так же, как в свое время мы отошли от рассмотрения организаций или структур в качестве определенных реальных объектов, придав им *атрибутивное* значение, в котором они предстают как определенные сложные особенности, характерные признаки, свойственные социальным объектам, нормативное понятие «институт» также отличается от обыденного предметного, отклоняясь от него в направлении большего абстрагирования. В таком смысле «институт семьи» - это уже не группа людей, живущих вместе под одной крышей, но набор таких норм и ценностей, которые регулируют эту особенно важную и универсальную сферу человеческой жизни: норм, касающихся правильных, достойных, порядочных или запрещенных досупружеских сексуальных отношений, ухода, сватовства, способа выбора партнеров, создания семьи, прав и обязанностей супругов, опеки над детьми и родительской власти, отношений с родственниками и родителями мужа и жены, наследования имущества и многих других важных для семьи дел и вопросов. Речь также идет о присущих, свойственных семье ценностях: о семейном счастье, гармонии, достатке, о появлении детей, их воспитании, достойной старости

и т.п. Производственный «институт» - это не группа рабочих в фабричном здании, а набор характерных, присущих их деятельности экономических правил, то есть таких ценностей, как производительность труда, эффективность, успех, продвижение, качество, спрос, заработок, пенсия, честь фирмы, профессиональная гордость, или таких норм, как профессиональные обязанности и права, трудовая дисциплина, пунктуальность, добросовестность, ответственность и т.п.

Конечно, дело не обстоит таким образом, что правила всегда однозначно связаны только с одним институтом, что они как-либо жестко и точно разделены между разными институтами. Правда, существуют такие, можно сказать, специализированные или *партикулярные* (частные) правила, которые реализуются только в одном-единственном социальном контексте. Правила воинской муштры характерны для армии, правила допроса свидетелей - для суда и прокуратуры, запрет на плагиат - главным образом для науки, а запрет подвергать детей физическим наказаниям - главным образом для семьи. Но существуют и такие правила, которые появляются в различных контекстах, имеют общий, а порой даже универсальный характер. Правдивость, добросовестность, пунктуальность - это добродетели, важные и в семье, и на работе, и в политике, и в армии. Счастье или радость - это ценности, к которым стремятся люди, хотя и весьма различными путями, во всех сферах своей деятельности. В некоторых обществах универсальным правилом жизни может быть успех, понимаемый как достижение чего-либо большего по сравнению с тем, что имеют другие: более быстрой карьеры, более красивой жены, более разумных детей, более дорогого автомобиля, более просторного дома и более крупного банковского счета. А десять заповедей - это набор норм, которые находят применение не только в церкви, но и во всех сферах социальной жизни. Как видим, социальные правила формулируются на разных уровнях обобщения - от детальных, частных до универсальных.

Обратим внимание на то, что речь здесь идет об интеграции правил, о структурировании ценностно-нормативной системы в рамках одной культуры. Проблема универсализации или партикуляризации правил касается возможности их применения в разных институтах. Речь идет об общности правил, которые встречаются в разных институтах. Это совершенно иной тип и смысл универсальности по сравнению с тем, о котором шла речь, когда мы говорили о *культурных универсалиях*. Там речь шла об общих культурных сущностях (в том числе и правилах), обнаруживаемых в разных культурах, иначе говоря, о применимости некоторых определенных правил за пределами отдельных культур. *Межкультурная универсальность* - это нечто совсем иное, нежели *межинституциональная универсальность*.

Другой способ интеграции разных культурных правил - это их концентрация вокруг одной и той же социальной позиции (статуса). К каждому, кто занимает какую-нибудь социальную позицию, адресованы своеобразные, характерные ожидания. Определен образец поведения, соответствующий этой позиции; известно, каковы намерения, каковы требуемые и допустимые действия, то, чего нельзя делать, а также идеальные, но не строго обязательные образцы действия. Все это становится обязывающим для каждого, кто данную пози-

цию занимает независимо от его индивидуальных черт. Одни правила касаются священника-ксьендза, другие - политика, третьи имеют отношение к статусу ученого, четвертые - к статусу свободного художника; одними правилами следует руководствоваться, когда речь идет о подростках, другими - когда речь идет о пенсионерах.

Набор норм и ценностей, связанный с определенной социальной позицией, приписанный этой позиции и требуемый от каждого, кто эту позицию занимает, называется *социальной ролью*. Чтобы быть более точным, надо добавить: социальную ролью в нормативном смысле, ибо здесь проявляется многозначность этого термина. Порой роль определяется реалистическим образом как правило поведения, закрепленное у определенного человека. В том понимании роли, которое мы в данном случае предлагаем, речь идет о том, как *должно* протекать поведение человека, занимающего определенную социальную позицию. Его действительное, реальное поведение может совпадать с этим образцом, но может и отклоняться от него.

Понятие социальной роли, введенное в науку американскими социологами Ральфом Линтоном и Робертом Мертоном, как и множество других социологических понятий, происходит от метафоры. На этот раз оно переносит на социальную жизнь некоторые особенности, касающиеся поведения актера на театральной сцене. Что характерно для театральной роли? Прежде всего, то, что она возникает прежде, чем какой-либо конкретный артист начинает ее исполнять, она является для артиста уже существующим, данным фактом. Во-вторых, для него это факт внешний: он сам не создает эту роль, для него ее написал кто-то другой. В-третьих, она определяет для актера особый способ поведения, воплощается в том сценарии, которого артист должен придерживаться. Следовательно, она оказывает на его действия ограничивающее или насильственное влияние, актер обязан вписаться в роль. В-четвертых, актер должен освоить эту роль, прежде чем он сможет ее сыграть. В-пятых, одни актеры учат свои роли и играют их лучше, другие - хуже. Актеры имеют также большие или меньшие предпосылки, собственные предназначения для ролей разного типа: одни склоны или созданы для комических, другие - для трагических ролей, одни соответствуют образу героев, другие - образу обычных людей. В-шестых, на сцене выступает, как правило, множество актеров, роли которых должны быть скоординированы друг с другом, ибо они осуществляют их совместно. В-седьмых, каждый актер играет на протяжении своей артистической карьеры множество разных ролей, более того, он может исполнять разные роли практически синхронно, отправляясь из театра на киностудию, а вечером - в кабаре. У него могут возникнуть трудности с переходом от одной роли к другой, если в театре он играет Гамлета, в снимающемся фильме - солдата Швейка, в телевизионном сериале - ксьендза Робака, а в кабаре - вайта Кренчёлка.

Если мы перенесемся на почву социальной жизни и сравним (эти примеры) с нормативным понятием роли, то обнаружим аналогии по всем пунктам. Возьмем, к примеру, роль адвоката. Эта роль определена в культуре независимо от конкретной личности, исполняющей эту роль: для данного человека это будет готовая, внешняя (предлагаемая извне) и навязанная (жестко обязывающая его) роль. Прежде чем появиться в суде, адвокат должен научиться ис-

полнению этой роли, изучить ее, что происходит на протяжении длительной учебы и адвокатской практики, требуемой для соответствующей аттестации; он должен также овладеть принципами и всеми тончайшими особенностями этики данной профессиональной среды. Разумеется, существуют более и менее успевающие ученики, лучшие и худшие адвокаты, такие, которым более соответствуют выступления по уголовным делам, в уголовных процессах, и такие, которые предпочитают гражданские иски и дела. Свою роль адвокат всегда исполняет в окружении других людей – судей, прокуроров, секретарей суда, клиентов, других адвокатов, и он должен координировать с ними свою деятельность. Жизнь адвоката не ограничивается его ролью в суде, он имеет также иные роли – семейные, исполняемые в кругу друзей, а иногда и политические, что может порой мешать исполнению профессиональной роли¹.

Понятие социальной роли особенно часто и широко употребляется, когда мы ведем речь о системе нормативных ценностей, навязанных или предопределенных культурой. Снова обратимся к уже неоднократно обыгрываемому нами мотиву сложного, плюралистического и не всегда сплоченного или однозначного социального окружения, в котором живет человек. На языке той парадигмы «действий», в которой мы рассматривали данную проблематику, мы говорили в этой связи о *плюрализме социальных статусов*, на языке «групповой» парадигмы – о *множестве групповых идентичностей*, на языке «культурной» парадигмы – о *множестве культур*, с которыми сталкивается человек в поликультурном мире, а сейчас мы скажем о *множестве правил*, которые определяют действия человека уже в рамках каждой его единичной роли, а уж тем более в тех случаях, когда он одновременно исполняет несколько ролей. Часто встречающееся внутреннее несоответствие друг другу разных нормативных установок («ожиданий» того или иного способа действий от человека) приводит к различным проявлениям *антиномии*, *амбивалентности* и *конфликтов* в рамках одной роли, конфликтов между ролями, а также к проистекающей отсюда напряженности, которую человек должен так или иначе преодолеть. Мы уже писали об этом подробно в гл. 5 книги.

УИЛЬЯМ ГРЭМ САМНЕР (1840-1910)

Один из основоположников американской социологии, профессор Йельского университета. Отец так называемого «социального дарвинизма», или концепции, распространяющей провозглашенные Ч. Дарвином принципы эволюции на людские сообщества. Его книга «Народные обычаи» (Folkways, 1906) вошла в классику социологии. Собрание других его социологических сочинений было издано посмертно в четырех томах под названием «Наука об обществе» (Science of Society, 1927).

¹ Dahrendorf R. «Homo sociologicus» // Essays in the Theory of Society. Stanford: Stanford University Press, 1968.

Он трактовал социологию как науку о «социальной жизни», имея в виду все явления, сопутствующие созданию и функционированию сообществ людей. Он считал, что эти явления надо исследовать, применяя такие же объективные методы, как и при исследовании явлений природы. Это связано с тем, что все эти явления проистекают из четырех естественных человеческих чувств и потребностей: голода, полового влечения (секса), тщеславия и страха. Условия, способствующие реализации тех или иных потребностей данного круга, он определял как «интерес», подчеркивая, что интересы людей бывают разными, отсюда неизбежный конфликт интересов, жизненная конкуренция и борьба, в которой победителями оказываются сильнеешие. Важным фактором, определяющим остроту этой борьбы, он считал плотность заселения общественного пространства, соотношение между населением и территорией.

Для того чтобы беспрепятственно действовали законы эволюции (выживание сильнейших, естественный отбор и т.п.), поле борьбы должно быть свободно от вмешательства государства, поскольку такое вмешательство противоречит природе. Те, кто проигрывает в борьбе за выживание: безработные, бездомные, неграмотные, бедняки, нищие, сами в этом виноваты и не заслуживают ни помощи, ни сочувствия.

Каркас общества составляют социальные правила, нормативные образцы поведения, распространенные в этом обществе, которые Самнер называл народными обычаями (folkway). Они указывают, как следует поступать во всех жизненных ситуациях. Они постепенно усиливаются, проходя четыре стадии развития: сначала они являются только попытками удовлетворения потребностей, затем становятся тем, «что обычно делается», далее – тем, «что надо делать», и, наконец, «второй натурой», способом жизни, который принимается без размышлений. Благодаря тирании folkway, влияния которых никому не дано избежать, наступает общественный порядок. Высшая форма такого порядка – это моральное согласие, основанное на таких правилах, которые подчиняются высшим ценностям: добру и правде. Нередко они обретают вид сильно акцентированных, категорических запретов – табу.

Каждое общество имеет свою этику, или нормативный стиль, – комплекс характерных для данного общества обычаев и моральных правил. Они проистекают из местных традиций и не могут считаться лучшими или худшими по отношению к другим. Формирующееся и действующее законодательство может быть успешным лишь постольку, поскольку оно соответствует локальной, местной этике, не нарушает спонтанно сложившихся народных обычаев и моральных устоев. Государство может только поддерживать обычаи и моральные правила, но не может их изменять.

Литература

Sumner W.G. Naturalne sposoby postępowania w gromadzie. Warszawa: PWN, 1995.

Ценностно-нормативные подсистемы: обычай, мораль и право

До сих пор мы говорили о различных формах, которые могут приобретать различные культурные правила, и о способах их включения в более крупные структуры – процедуры, институты и социальные роли. Однако структурирование ценностно-нормативной системы может происходить также на основе

не формы, а самого содержания этих правил. Классик американской социологии Уильям Грэм Самнер первым ввел разделение правил на три типа: «народные обычаи, нравы и право»². Сегодня мы говорим проще: обычаи, нравственность и право. Именно они создают три явно отличающиеся друг от друга подсистемы в общей ценностно-нормативной системе каждого общества.

Обычаи - это очень широкая шкала правил, сопутствующих нам в повседневной жизни, во всех ее проявлениях. Они определяют то, как мы одеваемся, как причесываемся, что и как едим, как здороваемся и прощаемся, во что играем, как проводим свободное время, где встречаемся с друзьями и т.п. Важной функцией обычаев является упрощение для человека его бытия, его жизни, придание этой жизни своеобразного автоматизма, освобождения человека от необходимости размышлять относительно возможного выбора и каждый раз принимать соответствующие решения в повседневных ситуациях в отношении банальных дел и вопросов.

На уровне общества обычаи являются тем, чем являются навыки на уровне индивидуальной психологии. Благодаря распространенным в моей культуре обычаям, я не должен каждое утро размышлять, имеет ли смысл завязывать на шею кусочек цветного материала, называемый галстуком, должен ли я, идя на работу, надеть костюм или пижаму, должен ли я съесть свой завтрак с помощью ложки, ножа и вилки или палочек, а может быть, руками; съесть ли мне овсяные хлопья с молоком, а может быть, кровяную колбасу с пивом; должен ли я протянуть руку знакомому, встреченному на улице, или потереться о его лицо носом; идти ли мне на обед с работы в час или в два часа; следует ли мне на Рождество наряжать елку, а может быть, пальму, а на Пасху поделиться с кем-нибудь крашеными яичками, а может быть, кокосовыми орехами. И так далее.

Такой *рефлекторный автоматизм* (не связанный с раздумьями, со специальным принятием решений), с которым мы подчиняемся обычаям, делает то, что последние становятся самыми незаметными из всех правил; только сталкиваясь с альтернативными обычаями, оказавшись перед лицом другой, отличающейся от нашей культуры, мы начинаем «видеть» эти правила и следовать им сознательно. Здесь сильнее всего проявляется наш закоренелый *этноцентризм*, убеждение в естественности наших обычаев и удивление по отношению к другим, отличающимся от наших обычаев, которые кажутся нам странными. Но именно здесь заявляет о себе сильнейший плюрализм и в высшей степени условный характер этих повседневных способов и образов жизни. В них нет ничего абсолютного, обязательного, универсального; каждое общество создает их по-своему. Туристическая литература и описания разных путешествий полны анекдотами, связанными с теми неожиданностями, поразительными вещами и неизбежными ошибками, какие поджидают нас в чужих странах, когда мы встречаемся с господствующими в этих странах обычаями, существенно отличающимися от наших.

² Sumner W.G. Naturalne sposoby postępowania w gromadzie. Warszawa: PWN, 1995. (Оригинал: Folkways. Boston: Ginn and Company, 1906).

Обычаи формируются спонтанно, снизу, на основе получающих широкое распространение и как бы объективизирующихся массовых действий. Обычаи не имеют своих создателей, которых можно было бы персонально идентифицировать. Как правило, обычаи не имеют также своей кодификации, хотя существуют здесь и исключения, например учебники хорошего тона (*savoir-vivre*). Мы не учимся обычаям каким-либо систематическим образом, скорее мы приобщаемся к ним путем имитации или тренировки в процессе социализации.

Дела, которые регулируются обычаями, имеют частный характер: это их характерная черта. Они касаются тех сфер жизни, которые с точки зрения интересов других людей им безразличны, не вмешиваются в их дела, не ограничивают их свободы, не угрожают им. Так, если я вместо галстука повяжу шнурок с бахромой, или съем на завтрак свиную отбивную, или начну петь в трамвае, или поцелую руку своего начальника, а на своем столе вместо обычного чая поставлю шоколад с кремом - все это должно оставаться моим *частным делом*. Если оно таким не является, то потому, что люди негативно реагируют на отличия, а мое поведение выбивается из нормы. Здесь, однако, негативные реакции будут спонтанными, неформализованными и относительно мягкими. Меня, к примеру, высмеют, примут за чудака или эксцентрика, я стану предметом пересудов и анекдотов. Может быть, мне сделают какое-нибудь замечание или выговор. В некоторых случаях я могу оказаться в определенной изоляции, даже подвергнуться изгнанию из товарищеского круга.

Острота таких реакций в значительной мере зависит от уровня укоренившегося *этноцентризма* или, напротив, от меры *толерантности*. Это связано с тем, имеет ли культура гомогенный, монолитный характер или она плюралистична и разнородна. Во втором случае будет проще утвердиться толерантности, ибо люди здесь постоянно, ежедневно сталкиваются с отличиями, например, этнических, национальных или расовых культур. Этим можно объяснить исключительную толерантность американского многонационального общества, где даже на самое эксцентричное поведение никто не обращает внимания и никого оно не возмущает. Здесь сам фон настолько мозаичен и ярок, что ни одна краска на нем не поражает. И наоборот, более однородные в культурном отношении, монолитные общества сильнее привязаны к своим обычаям и следуют им более решительно и последовательно. То же самое, но в меньшей степени касается групповых культур, существующих в рамках каждого общества. Те группы, которые по характеру своей профессии имеют космополитический характер, члены которых часто вступают в контакты, выходящие за локальные границы, и идентифицируют себя с кругами международного уровня и состава, легче примиряются с отличиями обычаев, проявляют большую толерантность. Примерами могут служить артистическая, научная среда, круг журналистов. Зато те группы, профессиональная деятельность которых по своей природе локальна, как правило, гораздо менее толерантны. Таковы, например, аграрии, работники сельского хозяйства. Важным здесь может быть место проживания: в культурно многообразных городах или в сельских центрах, в деревнях. Важную роль играет также определенное образование, кото-

рое дает человеку по крайней мере теоретические представления о многообразии обычаев в различных людских сообществах в историческом прошлом и в наши дни.

В самых разных аспектах, с разных точек зрения отличаются друг от друга *моральные нормы*. Прежде всего, они касаются таких сфер жизни, в которых действия одного человека небезразличны для благополучия, счастья, здоровья, успеха других людей. Такие действия не могут оставаться частным делом, ибо они существенно затрагивают интересы других людей, вторгаются в сферу их автономии и свободы, могут причинить им боль, обидеть, ущемить их. Отдам ли я долг или нет - это не только мое личное дело, ибо ущерб понесет и тот, кто был моим кредитором. И если я лгу, это тоже не только мое дело, ибо обманутым окажется кто-то другой. Если я проявляю нелояльность по отношению к другу, если я изменяю своей жене, это тоже не только мое дело, ибо я злоупотребляю их доверием. Если я наношу обиду знакомому человеку, это не только мое дело, ибо я ущемляю его достоинство. И уж тем более, если я в кого-нибудь стреляю, это не мое частное дело, ибо я у этого другого человека отнимаю самую высокую ценность - его жизнь.

Таким образом, моральные нормы касаются наиболее фундаментальных отношений между людьми, «регулируя движение» в том межличностном пространстве, которое формируется в итоге коллективного образа жизни самого рода людского. Они наиболее сильно выражают общественную природу человека. По этой же причине они менее всего конвенциональны, ибо выражают определенные, общие для всех людей как представителей рода людского *императивы коллективного образа жизни*. Неслучайно такая всеобщая форма существования людей, какой является семья, охвачена таким сильным моральным регулированием.

Имея отношение к наиболее существенным делам, моральные нормы часто кодифицируются в вербализованных и формализованных этических системах, а также обосновываются и обретают легитимность через обращение к разуму (в светских философских доктринах) или к высшему существу (в религиозных концепциях). Иногда у них есть определенные авторы, реальные или мифические, философы, пророки, религиозные предводители. Так обстоит дело с категорическим императивом Канта, с десятью заповедями, с Горной проповедью.

Нарушение моральных требований и запретов вызывает гораздо более резкую реакцию общественности, нежели соблюдение или несоблюдение обычаев. Осуждение обретает более острые формы - от изоляции, публичной критики, товарищеского ostracism, изгнания из группы вплоть до самосуда. Ярким примером морального возмущения коллектива и все более строгих санкций может служить судьба Ягуси из «Крестьян» Владислава Реймонта. Санкции, как правило, выбираются и применяются спонтанно в процессе коллективного поведения. Примерами могут служить такие ситуации, когда люди отворачиваются от человека, которого они осуждают, если он оказывается в изоляции, если вокруг него возникают сплетни, если о нем формируется негативное мнение, в крайних проявлениях - коллективный самосуд. Иногда санкции могут быть результатом более четко направленных коллективных дей-

ствий, например поджоги клиник-абортариев в США сторонниками движения в защиту зачатой жизни. Определенную роль в мобилизации и направлении общественной реакции в определенное русло могут играть также признанные авторитеты: ксендз, проповедующий с амвона, воит или староста, публицист, выступающий в печати, известный артист или политик.

Третий вид культурных правил - это *право*. Для его выделения наиболее существенным является не содержание регулирования, а способ этого регулирования. С этой точки зрения право имеет тройственную специфику. Во-первых, оно не формируется и не реализуется спонтанно, а намеренно устанавливается государством или от имени государства. Таким образом, право всегда связано с какой-нибудь политической организацией - от вождя племени и совета старейшин до современного парламента. Во-вторых, в соответствии с потребностями в однозначности, подлинности, точности информирования граждан, что рекомендовано, что запрещено и что только разрешено, право формулируется в письменной форме, публикуется и систематизируется в кодексах или собраниях инструкций. В-третьих, на страже права стоит особая система санкций, администрированных посредством специально созданных для этого органов правоохраны и правосудия, к которым относятся суды, прокуратуры, полиция, адвокатура, тюрьмы. Эти санкции отличаются тем, что применяются именем государства, которое пользуется монополией применения насилия, включая и физическое насилие, по отношению к своим гражданам, а также иностранцам, пребывающим на его территорию.

Правовому регулированию подлежит огромная сфера социальной жизни, от мельчайших вопросов в административных предписаниях до основных прав и обязанностей граждан в конституции. Право может вторгаться в сферу конвенциональных обычаев, включая в себя одни из этих обычаев (например, то, что ездить надо по правой стороне улицы, а не по левой, останавливаться на красный свет, а не на зеленый, или то, что военнослужащим положено ходить в зеленых мундирах, а не в черных костюмах, и носить конфедератки, а не шляпы) и противопоставляя себя другим обычаям (например, запрещая курить на работе или садиться на траву на газонах). Более сложными оказываются отношения между правом и моралью. Есть определенные области права, безразличные к морали, но существуют и такие, которые явно вторгаются в важные моральные сферы межлических отношений, например уголовное, семейное, наследственное право, определенные разделы гражданского права, регулирующие вопросы собственности. Когда правовое регулирование совпадает с моральными нормами общества, право получает усиленную этим соответствием *легитимацию*, и его значительно легче применять и исполнять. Зато, когда оно расходится с обязательными моральными нормами, господствующими в данном обществе, оно встречает сильный отпор. Самнер прямо говорил, что право без поддержки в морали не имеет шансов на реализацию. Пожалуй, в этом отношении он был слишком большим оптимистом. Он был в значительной мере прав, адресуя это положение демократическим системам, но мы-то знаем отлично, что в тоталитарных, авторитарных системах и при диктаторских режимах аморальность законов весьма часто встречалась. А в таком случае нельзя было обойтись без жесткого контроля, репрессий, разра-

стания аппарата насилия и всего того, что должно было охранять и силой внедрять в жизнь законы, вызывающие моральное сопротивление. Даже при демократическом строе может возникнуть расхождение моральных позиций между различными сегментами общества. В таком случае законы, которые нравятся одним людям, могут не одобряться другими людьми. Отсюда проистекают, к примеру, продолжающиеся у нас дискуссии о легализации смертной казни, об ужесточении карательных мер за преступления, о допустимости аборт и эвтаназии, о реституции частной собственности и т.п.

Кроме этой основной тройки обычаев - мораль - право, существуют еще определенные отдельные группы правил, которые отличаются характерными содержательными признаками. Вспомним о двух из них: о художественном стиле и о моде. *Художественный стиль* - это собрание определяющих правил, касающихся не столько того, что хорошо, порядочно и достойно (этим занимается мораль), и не столько того, что принято и признано (это сфера обычаев), и не того, что требует государство (это область права, действия законов), но скорее того, что считается прекрасным. Он охватывает, таким образом, *эстетические правила* создания произведений поэзии и прозы, живописи, скульптуры, музыкальных сочинений и т.п. Иногда он проявляется спонтанно в коллективных действиях и поведении, не имея персональных создателей (как в случае, касающемся народного творчества, фольклора), в других же обстоятельствах возникает в итоге распространившихся подражаний какому-либо индивидуальному творению, поднятому до ранга художественного образца; иногда он может быть оформлен в виде творческого манифеста и даже странной доктрины. Санкции, поддерживающие такого рода образцы художественного стиля, чаще всего имеют позитивный характер, выступают как признание в определенном кругу или более широкая слава, которая приходит к тем, чьи творения оказываются в парадигме установившегося стиля. Негативные санкции в этом случае - это неприязнь к традиционализму или к архаичности, или, напротив, к чрезмерному новаторству или авангардизму, ожидающая тех, чье творчество не соответствует канонам эпохи.

Другую интересную разновидность культурных норм представляет *мода*. Мода близка обычаю, ибо касается сравнительно поверхностных проблем: того, в чем мы ходим, что слушаем, какие смотрим фильмы, какие читаем книги. От обычаев мода отличается гораздо большей изменчивостью, а также гораздо более жестким давлением, которое она оказывает на своих последователей. Мода меняется сравнительно быстро, но в период, когда она царствует, она обретает монопольные права и категорически диктует требуемое поведение, дисквалифицируя всякое другое. В результате дело доходит до *униформизации общества*, правда, временной, непродолжительной, но на тот период, пока держится данная мода, весьма ощутимой. Таким образом, мода одновременно и примиряет весьма часто встречающиеся среди людей противоположные тенденции: с одной стороны, это стремление к переменам, ко всему новому, оригинальному, то есть к *новаторству*, с другой - это склонность к тому, чтобы поддаться *конформистскому* давлению общества. Это также, с одной стороны, стремление к тому, чтобы отличаться от других (тех немодных, которые и не знают, что уже не носят туфли на шпильках), а с другой - желания уподо-

биться коллективу, войти в него, мимикрировать, как бы раствориться в нем, оказаться похожим на других (всех тех, кто следует моде и уже ходит на таких толстых пробках-подошвах).

Мода в отличие от большинства обычаев редко формируется спонтанно, снизу. Это скорее целенаправленное явление, навязанное центрами моды, рекламируемое и распространяемое всеми возможными средствами маркетинга и рекламы. Она представляет собой важную движущую силу в потребительской экономике, вынуждающую людей приобретать определенные товары, а спустя некоторое время выбрасывать эти товары и приобретать нечто новое.

Целостность и конфликтность ценностно-нормативной системы

Созданные из столь различных элементов, столь различной силы воздействия, различной продолжительности действия, различного содержания ценностно-нормативные системы редко отличаются цельностью и когерентностью. Здесь проявляются три исторические тенденции. Первая - это та, согласно которой образцы и общественные правила *усложняются и все более различаются* по мере эволюции или развития общества. В первобытных сообществах простейшие формы социальной жизни не требовали сложного регулирования. Вполне достаточным был «монолит обычаев», о котором писал Самнер. Еще в начале XX в. социальные антропологи открывали реликты таких первобытных сообществ и подтверждали исключительную простоту и когерентность проявляющихся там норм и ценностей. Так, например, Бронислав Малиновский описывал общество обитателей Тробриандских островов. Но в современном обществе дело обстоит совершенно иначе. Это общество оказывается гораздо более сложным; оно охватывает великое множество действий, контактов, взаимодействий, общественных отношений, профессий, организаций, групп, институтов и т.п. Следовательно, и нормативная культура, регулирующая такое общество, чрезвычайно сложна по своей природе. Другая историческая тенденция - это отход от первоначальной изоляции культур в сторону все более частых *контактов между ними, взаимодействия, взаимовлияния и перемешивания*. Насколько племенные сообщества островитян были буквально замкнуты в своих собственных мирках, а вместе с тем и в своем собственном мире правил - обычаев, установившихся традиций, настолько вместе с ростом и активизацией контактов, миграций, совершенствованием средств транспорта и коммуникаций нормативные культуры утратили свою однородность и в современном обществе превратились уже в конгломерат сущностей, необычайно перемешанных, происходящих из разных источников. Третья историческая тенденция - это возрастающее в ходе исторического процесса *ускорение социальных изменений*. Социальное окружение, в котором жили люди в примитивных или традиционных сообществах, менялось очень медленно. Не только в том смысле, что люди рождались и умирали в том же самом обществе, но и в том смысле, что даже через несколько поколений условия их жизни не подвергались значительным изменениям. Не менялись так-

же сопутствующие им нормы и ценности. Ныне уже в пределах одной человеческой жизни общественное окружение подвергается фундаментальным изменениям. Темп инноваций во всех сферах оказывается колоссальным, он диктует постоянные изменения способа, образа жизни, а вместе с тем и изменения *стиля жизни*: обычаев, морали, права. В границах жизни одного поколения нормативная культура может основательно преобразиться, а наиболее сильно этот процесс проявляется в ходе революций, переломов общественного строя, принципиальных переворотов в технологии. Современного человека ежеминутно как бы бомбардируют правила совершенно разного происхождения: древнейшего, старого, нового и новейшего, регулирующие разными способами одни и те же проявления жизни.

Эти три тенденции ведут не только к разнородности, но и к внутренним противоречиям в ценностно-нормативной системе. Эти противоречия выступают в нескольких формах. Первая, на которую указывал Эмиль Дюркгейм в конце XIX в., была названа им *аномией*. Она касается целостности нормативной культуры. Это такое состояние, при котором нормативная система утрачивает стабильные внутренние связи и их заменяет хаос. Указатели действий - цели и используемые средства - становятся нечеткими, неоднозначными. Люди утрачивают ощущение того, что хорошо, а что плохо, что можно считать достойным, а что нет, к чему следует стремиться и чего следует избегать, какие методы допустимы, а какие запретны. *Дезорганизация* нормативной культуры означает *дезориентацию* членов общества. Это настолько болезненное состояние, что Дюркгейм видел в этом причины одной из разновидностей самоубийств, которую он называл аномийными самоубийствами.

Более узкое понятие *аномии* ввел в 1938 г. Роберт Мертон. Аномия, в его понимании, - это не любой нормативный хаос, а скорее специфическое расхождение между утвердившимися в данном обществе ценностями и институционализированными нормами, которые должны служить достижению этих ценностей. Речь идет о таких нормах, которые имеют реальные шансы применения. Ведь бывает и так, что культура через систему ценностей навязывает всем членам общества какие-либо общие цели. Например, в американской культуре - это материальный успех, высокий уровень жизни, счастливая семейная жизнь. Одновременно через систему норм указываются правильные способы достижения этих целей. Снова обращаясь к примеру американской культуры, скажем, что такими нормами являются получение образования, напряженная, подчиненная дисциплине работа, продвижение в профессии. Однако для определенных, притом значительных сегментов общества (например, для афроамериканцев в Америке или представителей других этнических меньшинств) такие нормы могут оказаться нереальными, в том смысле, что доступ к образованию будет трудным, проявится профессиональная дискриминация, продвижение по работе будет ограничено определенным потолком, выше которого редко кому удастся подняться. Для таких групп навязанные им ценности и реалистические нормы оказываются в противоречии. Именно это и есть состояние аномии. Мертон утверждал, что оно оказывает давление, *стимулируя девиантную деятельность*, то есть подталкивая людей к тому, чтобы они до-

стигали те же самые, соответствующие общественным ожиданиям ценности альтернативными, не признанными в данном обществе способами³.

Третья форма противоречий внутри ценностно-нормативной системы - это уже хорошо известный нам *ролевой конфликт* - несовпадение общественных ожиданий, связанных с различными социальными позициями (статусами), которые одновременно занимает человек, например конфликт семейных и служебных обязанностей (рис. 4).

Четвертая форма - это конфликт в границах одной роли или в рамках одной социальной позиции, *между сегментами роли*, то есть между ожиданиями, исходящими от разных партнеров, членов социального круга, занимающих периферические по отношению к данной позиции статусы. Например, дирекция завода требует от рабочего повышения производительности труда, а его коллеги по бригаде - удержания рабочего темпа на установленном обычном уровне (рис. 5).

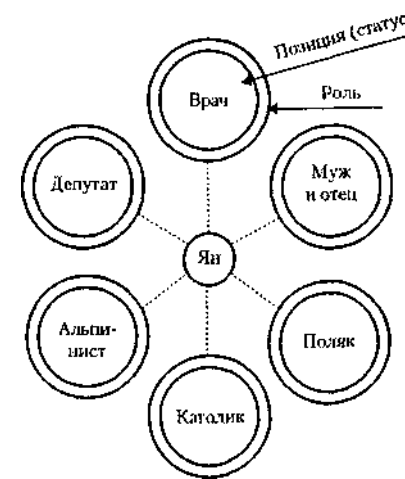

Рис. 4. Конгломерат позиций и ролей («ипостаси» Яна)

Рис. 5. Партнеры роли (контакты каждого врача «как врача»)

Еще одно, пятое, противоречие возникает в рамках единичного сегмента роли, когда ожидания одного конкретного партнера оказываются внутренне неоднородными. Мы называем это *амбивалентностью нормы*. Например, пациент ожидает от врача личного проявления заботы, сочувствия к его страданиям, деликатности, но одновременно он хочет, чтобы его вылечили, для чего может потребоваться весьма болезненная и продолжительная терапия или рискованная операция, при этом врач должен выдерживать профессиональную дистанцию, сохранять хладнокровие.

³ Merton R.K. Social Structure and Anomie // R.K. Merton om Social Structure and Science / Ed. by P. Sztompka. Chicago: The University of Chicago Press, 1996. P. 132-152 (оригинал 1938 г.).

Очередная, шестая, возможность - это конфликт между нормативными подсистемами, когда одно и то же поведение по-разному регулируется, например, правом и моралью. Здесь мы говорим о *нормативной антиномии*. Так называемый «малый уголовный кодекс», введенный в Польше сразу после войны, требовал, к примеру, доносить на членов своей семьи, что оказывалось в сильнейшем противоречии с моральными основами семейной лояльности и солидарности. Другой пример - это ситуация, когда мораль или право запрещает определенное поведение, глубоко укоренившееся в обычаях. Великобритания недавно была ареной острой публичной дискуссии на тему «охоты на лис» - массового обычая, связанного с жестокой травлей животного, на которого спускают собак. Давно запрещенные в Мексике пещерные бои до сих пор остались распространенным, хотя и укрываемым в тайне развлечением.

Другой тип антиномии может выступать в рамках единичной нормативной подсистемы, когда содержащиеся в нем правила требуют одновременно *противоположных друг другу способов поведения*: одни что-либо запрещают, а другие это же позволяют, хуже того - обязывают так поступать. Особенно часто встречается это в области права, когда огромное число и разнородность предписаний, установленных в разное время самыми разными органами, чрезвычайно затрудняет сохранение когерентности.

Все упомянутые выше случаи имеют место в границах одной культуры. Но мы также знаем, как велика разнородность культур, что не влечет за собой серьезных последствий только до тех пор, пока эти культуры изолированы. Однако, когда они входят в контакт, встречаются, сталкиваются друг с другом, например, в процессе завоеваний, миграций или глобализации, то легко становятся началом *межкультурных конфликтов*. Это весьма сильно касается нормативной сферы. В эпоху колониализма местные племенные обычаи приходили в резкое столкновение с правовыми правилами, навязанными администрацией страны-метрополии. Христианизация несла с собой моральные нормы, касающиеся, например, семейной жизни или сексуальных отношений, отличающихся от тех, что господствовали в местных религиях. Сегодня глобализация капиталистической культуры навязывает потребительские ценности и жажду материального успеха, что встречает отпор в традиционалистских обществах, вполне удовлетворенных привычным им, стабильным уровнем жизни.

Девятый тип противоречий проистекает из того, что в рамках одного общества и свойственной ему культуры могут действовать правила, происхождение которых относится к разным временам. Прочность одних норм и ценностей может быть большей, других - меньшей, но в каждый момент система нормативных ценностей складывается из элементов очень давних, просто давних, новых и новейших. Их содержание может не быть взаимно скоординированным. В таком случае мы говорим о *нормативной асинхронности*, выражением чего является анахроничность ныне уже не адекватного, но все еще существующего наследия прошлого, входящего в конфликт с новыми способами жизни. Так, польский героико-романтический синдром, восходящий еще ко временам разделов Польши, может войти в конфликт с требова-

ниями позитивистской «основательной работы», дисциплины, рациональности и эффективности - всего того, что требует жизнь в современном независимом государстве.

Еще одну, десятую, разновидность такого рода ситуаций и противоречий мы встречаем в границах одного общества, в котором на протяжении короткого отрезка времени происходят глубокие, радикальные и всесторонние *изменения культуры*. Тогда новые жизненные правила входят в противоречие с прежними нормами и ценностями, которые еще глубоко укоренены в памяти, в сознании, в повседневных навыках и привычках одних и тех же людей, одного и того же поколения. В таком случае появляется своеобразный дуализм некоторое время еще сосуществующих двух культур: старой и новой. Этот момент мы называем *культурным диссонансом*. Он сопровождает революции, смену социального строя, радикальные технические инновации и перевороты. В Польше он очень явно проявился в переломной ситуации 1989 г. В течение нескольких десятилетий складывалась нормативная система реального социализма. Один ее слой - официальных институтов и правил - формировался в результате пропагандистской, воспитательной деятельности, внедрения идеологических доктрин. Примерами могут служить провозглашение равенства и осуждение сильных различий в достатке или заработках или определение роли государства, которое должно заботиться о гражданах, выступать в роли их опекуна, и соответствующие претензии и ожидания граждан. Другой слой - неофициальных институтов и правил - образовался как спонтанная оборонительная реакция и адаптация общества по отношению к навязанным ему условиям жизни. Примеры такого рода - оппортунистическое правило «не высывайся», согласие на какую угодно работу, пассивность в общественных делах. Таким образом, социалистическая пропаганда и социалистический габитус (используя термин, введенный французским социологом Пьером Бурдьё) формировали своеобразный культурный синдром, который иногда называют *homo sovieticus*. Новые жизненные нормы привели к тому, что едва ли не в одночасье культурные ожидания подверглись изменениям диаметрального характера. Новая система с ее тремя институциональными основами - капиталистическим рынком, демократической политикой и свободой мысли - предлагала людям совершенно иные правила. Противоречия такого рода можно подытожить в виде ряда оппозиций (табл. 7).

Однако уже подчеркнутая нами выше инертность культуры, сохранность прежних, хотя уже и не адекватных норм и ценностей, обеспечивают то, что еще долгое время после столь радикальных общественных изменений мы наблюдаем постоянную напряженность и нормативные конфликты, что некоторые авторы рассматривают как причину более медленного, чем предполагалось, хода преобразований.

Таким образом, мы выделили десять разных проявлений отсутствия цельности ценностно-нормативной системы. Каждая из этих ситуаций в отдельности (а часто они еще накладываются друг на друга) ставит человека перед непростой дилеммой: как поступить, к чему стремиться? Имеющая внутренние различия, лишенная целостности культура не отвечает на эти вопросы од-

Таблица 7. Культурный диссонанс

Культура реального социализма	↔	Демократическая и рыночная культура
Коллективизм	↔	Индивидуализм
Равенство	↔	Меритократия
Посредственность	↔	Успех
Уверенность и безопасность	↔	Риск
Судьба	↔	Инициатива и отчет в своих действиях
Иждивенчество и опекуновство	↔	Жизнь на свои средства и расчет на себя
Обвинение системы	↔	Личная ответственность
Пассивность	↔	Участие в социальной жизни
Ориентация на прошлое	↔	Ориентация на будущее

нозначно. Некогда сформулированный в социологии взгляд, будто человек - это не что иное, как марионетка, которую культура дергает за ниточки, обнаруживает свою явную несостоятельность и неправомерность. Человек всегда оказывается перед необходимостью выбора, определения своего отношения к нормативным требованиям. Он всегда располагает определенным полем *субъективной свободы*, в котором по-разному может реализовать разнообразный репертуар действий, предлагаемых ценностно-нормативной системой. Рассмотрим теперь более пристально варианты отношения людей к культурным нормам и ценностям.

Приспособление к нормам: конформизм и девиация

Когда люди поступают в соответствии с правилами, которые касаются этих людей (то есть имеют отношение к их социальному статусу, к ситуации, в которой они действуют, и не отменяются в силу каких-либо особых обстоятельств), мы говорим, что люди поступают *конформистски*. Зато когда люди поступают не по этим правилам, вопреки им, мы говорим, что их поведение носит характер *девиации (отклонения)*. В этом смысле конформизм и отклонение - объективные понятия, которые фиксируют совпадение или несовпадение поведения с заданным образцом, независимо от той мотивации, которая склоняет людей к такому поведению. Это также описательные термины, нейтральные, не включающие в себя ни позитивной, ни негативной оценки такого поведения.

Однако отличие конформизма от девиации определено в довольно грубой форме. Необходимы более тонкие критерии, нежели простая фиксация соответствия или несоответствия поведения человека предлагаемым правилам. Если мы вспомним, что, являясь обязательным объектом регулирования, человеческие действия, рассматриваемые в рамках утилитаристской, или телеологической, модели, могут быть расчленены на способы и цели, а относящиеся

ся к ним правила - на нормы и ценности, то можно предвидеть, что люди к первым будут относиться не так, как ко вторым. В рамках одной и той же процедуры (или типичной связки норм и ценностей) они могут следовать определенным нормам, но отбрасывать соответствующие ценности или, наоборот, признавать ценности, но не соблюдать нормы. Такой подход создал основы для знаменитой типологии, предложенной в 1938 г. Робертом Мертон⁴. Она включает в себя пять типов реакций.

Первая - это просто конформизм, или принятие всей процедуры как норм, так и связанных с ними ценностей. Примером может служить поведение тех американцев, которые стремятся реализовать свои мечты об успехе, высоком материальном уровне жизни и достатке путем получения профессиональной квалификации и дисциплинированной, старательной, напряженной работы. Оставшиеся четыре типа реакций представляют собой четыре варианта девиации, то есть отступления от правил. Одна из них, которую Мертон определил как *«инновацию»*, - это принятие целей, диктуемых посредством получающих распространение ценностей, но поиск новых способов их реализации, отличающихся от предписанных нормативно. Это как бы частичное участие в процедуре, определяемой культурой как стремление только к заключающимся в ней ценностям, но отказ от норм. Так поступает обыкновенный преступник, у которого такие же жизненные цели, что и у порядочного гражданина: успех, богатство, благоденствие, но вместо того, чтобы много лет учиться и в поте лица трудиться, он хочет сократить свой путь к этим целям: ограбить банк, угнать машину, доставить и продать наркотики. Так поступает также тот студент, который имеет достойную и общую с другими, вполне принятую в данной культуре цель - получение высокой оценки, но вместо того, чтобы посещать лекции, работать в библиотеках, изучать предмет, он предпочитает списать ответ на экзамене у своего коллеги. Это, разумеется, однозначно негативные примеры. Но к этой категории отклонения относится также врач, который, чтобы спасти пациента, рискует применить новые, абсолютно не принятые в медицинском кругу средства терапии. Или ученый, который в поисках истины разрывает с повсеместно принятыми нормами и парадигмами и оказывается инициатором «научной революции». Чтобы в эту форму девиации вписались не только негативные, но и противоположные по своей сути и оценке примеры, Мертон предлагает применять для этой формы нейтральный термин «инновация».

Противоположная ситуация, которую Мертон называет *«ритуализмом»*, заключается в упорном сохранении определенных традиционных способов поведения или старательном следовании нормам при полном абстрагировании от целей, которые должны были быть этим традиционным способом достигнуты, то есть при игнорировании соответствующих ценностей. И здесь мы опять же имеем дело с частичным, как бы выборочным участием в процедуре, прописанной в рамках определенной культуры: приобщение только к

⁴ Merton R.K. Ibid.

предусмотренным в рамках этой процедуры нормам, но не к ценностям. Так поступает типичный бюрократ, готовя пространные отчеты, которые никто из его начальства не читает, а просто выбрасывает в корзину. Так поступает святоша, которая механически отбивает поклоны в церкви, а сама при этом обдумывает, как досадить соседке. Так поступают рабочие варшавской гуты, проданной итальянскому концерну, когда устраивают демонстрацию перед зданием сейма, требуя повышения зарплаты. Те формы протеста, которые имели смысл при социализме и приносили тогда определенный эффективный результат, теперь в новых условиях оказались неправильно адресованными и утратили свою цель. Но было бы ошибочно считать, что все случаи ритуализма имеют такой негативный оттенок. Следование определенным ритуалам, хотя и не способствующим уже достижению цели, к которой они должны были приближать человека, может обрести самостоятельную ценность, например способствовать внутренней интеграции определенной группы, подчеркивая ее идентичность.

Третий вариант девиации - это «отказ от участия», «выход из игры», или *ретритизм* (полное и пассивное отклонение). Это означает, что человек полностью отказывается от участия в предписанной культурой процедуре, как от заключающихся в ней норм, так и от соответствующих ценностей. Так поступают маргиналы, люмпены, наркоманы, алкоголики, которые по разным причинам игнорируют такие признанные ценности, как достаток, благосостояние или образование, а также отказываются от таких норм, как работа и учеба. Они оказываются в изоляции, за пределами общества и характерной для данного общества культуры. К такому положению могут привести также обстоятельства, в которых сам человек не виноват и которые он не намеревался создать. Таково во многих случаях положение безработных, которые де-факто потеряли возможность участия в принятой повсюду жизненной процедуре: это работа и заработок. В ином масштабе и ином контексте так поступает ученый, который отказывается от новаторских достижений, научной карьеры, прекращает исследовательскую работу, ограничиваясь только административной или преподавательской работой.

Четвертая форма девиации в понимании Мертонна - это «бунт или мятеж». Это также полное отклонение, но не пассивное, а активное. Это означает отбрасывание обязательных процедур со всем их багажом норм и ценностей, но вместе с тем и предложение альтернативных процедур: новых способов жизни, реализующих новые нормы и новые ценности. Когда молодежь бунтует против погони за деньгами и против гедонистического потребительства, против основанной на индивидуализме конкуренции, эгоистического карьеризма и атомизации общества, предлагая взамен возрождение интимных общностей, солидарности между людьми и творческих форм самореализации, это означает разрыв со всей господствующей капиталистической культурой. Выражением такого бунта являются различные контркультурные движения, секты, общины. Иногда такие поиски альтернативы идут в деструктивном направлении, но порой они создают основы новой культурной системы. Когда Рональд Инглхарт (Inglehart) замечает появление в мире новых процессов «*постматериальной культуры*», то ока-

зывается, что она как раз и вырастает из различных форм бунта против переживающей стагнацию материальной культуры. Как замечает сам Мертон, то, что сегодня осуждается как ересь, может завтра стать основой новой культуры.

Таблица 8. Виды конформизма и девиации по Мертону

Отношение к образу	Тип регулирования	
	норма, регулирующая средства	ценность, регулирующая цель
Конформизм	+	+
Инновация	-	+
Ритуализм	+	-
Ретритизм	-	-
Мятеж	- / +	- / +

Типологию Мертона можно расширить, добавив несколько дополнительных категорий, если принять во внимание субъективное отношение к культурным правилам и отделить его от объективного отношения. Не всегда ведь бывает так, что несоответствие правилу означает его неодобрение. Обычная преступность необязательно должна свидетельствовать об отрицании законного правопорядка, это всего лишь уклонение от такого правопорядка по отношению к самому себе для достижения какой-либо выгоды. И сам преступник возмутится и станет взывать к помощи полиции, если его кто-нибудь обокрадет. Из этого следует, что он вовсе не отбрасывает норму «не укради», он только сам себя от нее освобождает. Симптомом такого отношения к норме является стремление к анонимности, сокрытие факта отклонения от нормы. Каждый преступник мечтает совершить «идеальное преступление», то есть такое, какое не будет раскрыто. Зато совершенно иной мотивацией руководствуется мятежник или революционер. В этом случае отклонение от нормы сопровождается полным ее порицанием, отбрасыванием традиционной культуры. Отклонение от нормы имеет смысл только тогда, когда оно открыто демонстрируется, ибо оно должно стать публичной манифестацией несогласия с существующими правилами, показать альтернативный способ жизни. От одежды, становящейся униформой панков, скинхедов или сатанистов, через их манифесты, уличный вандализм до террористических актов и акций самосожжения разворачивается целая гамма средств, которые должны демонстрировать радикальное противодействие. Такую форму отклонения, независимо от того, имеет ли она оттенок деструктивный, разрушительный или творческий, созидательный, мы называем *нонконформизмом*.

Конформизм также может иметь разные обличья. Следование правилам может сопровождаться общим убеждением, что правил надо придерживаться независимо от их сути, ибо не наше это дело оценивать их смысл и рациональность. Так поступает тот, кто скрупулезно придерживается буквы закона, ибо признает авторитет права и считает, что строгое следование предписаниям является правильным. Такую установку мы определяем как *легализм*. В интересных исследованиях были сделаны наблюдения, как люди переходят через улицу в ночную пору, когда уже нет никакого движения. Некоторые, видя перед собой красный свет, явно признавали за собой право рациональной оценки ситуации и, оглянувшись по сторонам и не видя никаких машин, спокойно, не ожидая изменения света, переходили улицу. А другие ждали пока не загорится зеленый свет. Эти другие как раз и были последователями легализма - «легалистами». Исследования показали, что их численность оказывается различной в разных культурах. Существуют такие общества, где заведомо все переходят улицу на красный свет. И существуют такие общества, где все ждут, пока не загорится зеленый свет. Это связано с общим престижем, или *авторитетом закона*, в данном обществе, хотя определенную роль здесь также играют моменты психологического предрасположения: конформизм, присущий данной личности, или, напротив, анархические тенденции. Хотя термин «легализм» непосредственно относится к сфере права, его можно распространить также на другие нормативные подсистемы. Когда, например, верующий человек следует всем божьим и церковным наставлениям, отказывая себе в праве какой бы то ни было оценки того, насколько осмысленными и оправданными являются, скажем, пост или исповедь, и подчиняясь исключительно авторитету церкви, - это тоже пример легализма.

Противоположностью легализма является *негативизм*, или, как иногда говорят, контраформизм. Он также является проявлением рефлекторного, без какого-либо осмысления, отношения к правилам: независимо от их содержания, только принимая во внимание их источник, человек отбрасывает, игнорирует эти правила. Часто встречающимся примером такого рода является поведение детей, вступающих в конфликт со своей семьей (родителями) или испытывающих отчуждение в школе: они поступают «назло» родителям, наперекор учителям, противоположно тому, чего от них ожидают и что им рекомендуют, приказывают или запрещают. Конфликт поколений может выражаться в манифестации непослушания старшим или в стилизации своего образа жизни в виде оппозиции по отношению к миру «предков». В ином масштабе так называемое *гражданское неповиновение* по отношению к непризнанной, чужой или навязанной власти - это нарушение всяких установленных ею законов, даже тех, которые не лишены здравого смысла. В более общем плане это явление со всей очевидностью выступает, когда речь идет о так называемых *негативных референтных группах*, о которых мы говорили в гл. 9. В типологии Мертона это явление часто связано с категорией «мятежа».

Последняя форма конформизма - *оппортунизм*. Это следование правилам несмотря на непризнание этих правил. Скажем, я считаю определенные нормы или ценности лишенными смысла, вредными, негодными, но несмотря на это я к ним приспосабливаюсь. Причиной такого поведения является страх

Таблица 9. Действие и общественные правила

Установочный аспект	Аспект действия			
	принятие (одобрение) правила		непринятие (или недостаточное одобрение) правила	
	содержание	источник	содержание	источник
Несовпадение действия с правилом	Общее отклонение (девиация)		Нонконформизм	Контраформизм (негативизм)
Совпадение действия с правилом	Конформизм	Легализм	Оппортунизм	

возможного наказания, санкций, потери признания в группе, к которой я принадлежу, угроза изоляции. Может идти речь и об извлечении какой-либо выгоды. И это довольно частый вид поведения. Оппортунистами являются все, кто своевременно платит налоги, хотя считают их слишком высокими. Оппортунистом является неверующий человек, который тем не менее отправляется в воскресенье в церковь, ибо боится осуждения со стороны своих односельчан. Оппортунистом является трезвенник, который вынужден выпить с товарищами, ибо он не хочет испортить отношения с ними на работе. Оппортунистом является и тот, кто присоединяется к революционному движению, хотя идеи этого движения его нисколько не волнуют, он только хочет занять после революции хороший пост.

Важнейшие понятия и термины

Амбивалентность нормы - несовпадение, различие ожиданий, выпекающих из одной и той же нормы, диктуемых ею.

Аномия - состояние хаоса норм и ценностей, исчезновение однозначных указателей на то, как надо поступать.

Девиация (отклонение) - поведение, не совпадающее с общественными правилами (нормами и ценностями), имеющими отношение к данному человеку или к ситуации, в которой он действует.

Иновация - принятие целей, продиктованных распространенными ценностями, однако поиск новых способов для их реализации, отличающихся от предписанных нормативно. Это частичное участие в процедуре, указанной культурой, то есть принятие только заключенных в ней ценностей при отрицании и отбрасывании предписанных ею норм.

Инстигит - набор правил, связанных с определенным социальным контекстом, осуществляющий сходные, существенные социальные функции.

Контекст правила - четко обозначенные или принятые предпосылки, определяющие ситуацию и субъекты, к которым относится правило.

Конформизм - ситуация, когда люди поступают в соответствии с нормами, которые их касаются (то есть имеют отношение к их социальной позиции, к ситуации, в которой они действуют, и не перечеркнуты какими-либо особыми обстоятельствами).

Культурные императивы - категорические требования определенного способа поведения или осуществления определенной цели, признанные в данном обществе.

Культурные нормы - правила, предметом которых являются адекватные, ожидаемые, обязательные способы и методы действий, то есть средства, соответствующие поставленной цели.

Культурные ценности - правила, предметом которых являются добропорядочные, правильные, соответствующие цели действия.

Культурный дуализм (культурный диссонанс) - ситуация, возникающая после глубоких социальных потрясений и переломов, при которой прежняя и новая культуры сталкиваются и входят между собой в конфликт.

Легализм - буквальное и скрупулезное следование правилам (исполнение правил) безотносительно от их содержания, в соответствии с убеждением, что всегда надо приспособиться к обязательным условиям и принципам.

Мораль - набор норм и ценностей, нарушение которых сильно возмущает общественность, поскольку касается основных и универсальных проблем, сложившихся в отношениях между людьми, решение которых не может быть безразлично для партнеров, для их добра.

Мятеж - отбрасывание обязательных процедур со всеми их нормами и ценностями и в то же время предложение альтернативных процедур: новых способов жизни, реализующих новые нормы и ценности.

Негативизм (контраформизм) - безусловное, без каких-либо рассуждений, отношение к правилам, независимо от их содержания, отрицающее их, отбрасывающее их только в силу их происхождения из определенного источника.

Нонконформизм - демонстрируемая публично девиация, выражающая протест против обязательных норм или ценностей.

Нормативная антиномия - иное, даже противоположное регулирование одной и той же проблемы различными нормативными подсистемами (например, законодательством иначе, чем моралью) или различными нормами в рамках одной и той же подсистемы.

Нормативная асинхронность - сосуществование норм и ценностей, происходящих из разных исторических периодов.

Обычай - правила конвенционального характера (основанные на договоренности), по сути безразличные для других (не затрагивающие их интересов, их благоденствия), спонтанно возникающие, касающиеся повседневного хода общественной жизни и относительно слабо санкционированные.

Опportunизм - следование правилам несмотря на их неприятие (непризнание) и убеждение в их неправильности.

Партикулярные (частные) нормы - такие, которые можно реализовать только в каком-нибудь одном социальном контексте, которые выступают в рамках какого-либо одного института.

Персональная относительность нормы - определение, кого касается данное правило, через указание на позиции (или роли) лиц, подлежащих действию данного правила.

Право - система норм и ценностей, установленных, сформулированных и кодифицированных, на страже которых стоят специальные институты, располагающие возможностями государственного принуждения.

Превентивная мера - устрояющий в своем действии по отношению к потенциальным преступникам эффект публично приводимого в исполнение или объявляемого наказания.

Преференции - правила, предлагающие образцовые идеалы поведения, которого трудно, однако, требовать от всех и каждого.

Процедуры - нормы и ценности, регулирующие типичные способы достижения данных целей.

Разрешение - правило, допускающее, но не навязывающее и не требующее определенного способа поведения или способа достижения определенной цели.

Ретритизм - отбрасывание человеком всей предписанной в данной культуре процедуры - как заключенных в ней норм, так и ценностей.

Ритуализм - упорное следование определенным традиционным способам поведения при полном абстрагировании от целей, которые должен был осуществлять данный образ действий (способ поведения) или при игнорировании соответствующих ценностей.

Ситуационная относительность нормы - определение, в каких обстоятельствах правило оказывается обязательным, а какие обстоятельства исключают его применение.

Социальная роль - комплекс норм и ценностей, связанных с определенной социальной позицией, предписанный для данной позиции и требуемый от каждого, кто такую позицию занимает.

Социальные санкции - общественная реакция, карающая или вознаграждающая, на нормативно регулируемые действия, то есть на такие действия, с которыми связаны определенные общественные ожидания.

Универсальные нормы (межинституциональные нормы) - такие которые оказываются применимы во многих социальных контекстах, входят в сферу многих институтов.

Ценностно-нормативная система - комплекс правил - норм и ценностей, касающихся всех проявлений общественной жизни, характерный для данной культуры.

Рекомендуемая литература

17, 17, 29, 54, 55, 100 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 12

Общественное сознание

Наряду с правилами, формирующими *действия* людей, культура содержит также *идеи*, формирующие их мышление. Социальная сущность человека заключается не только в том, что большинство действий не являются частными, а реализуют образцы, предлагаемые культурой, но и в том, что идеи, формулируемые людьми, не являются их личным вымыслом, а почерпнуты из данной культуры. Культура предоставляет людям готовые концепции верований, убеждений, взглядов. И культура предоставляет людям прежде всего фундаментальный инструментарий - то орудие, без которого было бы невозможно само мышление и формулирование каких бы то ни было убеждений. Таким орудием является *язык*. Эту главу мы посвящаем анализу данного сегмента культуры, который в свою очередь делится на элементы, внешние по отношению к каждому отдельному человеку и диктующие ему определенные идеи. Этот сегмент культуры мы называем *идейной культурой*. Другой, более традиционный термин, которым пользуются для его определения, - общественное сознание.

Язык - инструмент идеи

Когда мы думаем, мы пользуемся сокращенными обозначениями, представлениями, указывающими на определенные сложные состояния или явления. Прежде всего, мы пользуемся разного рода *знаками*. Когда мы слышим гром, мы предполагаем, что приближается гроза; когда мы видим собаку, которая рычит и показывает клыки, мы боимся, что она нападет на нас; когда мы видим, что кухонная плита стала красной, мы знаем, что она горячая, а когда краснеет человек, мы предполагаем, что он чего-либо устыдился. Связь между знаком и тем, что он означает, является естественной в том смысле, что она проистекает из каких-либо объективных закономерностей - методологических, зоологических, физических, биологических. При условии, что все знакомы с этими закономерностями, знак для всех будет иметь одно и то же значение.

Гораздо более сложным мысленным сокращением является *символ*. Связь между символом и тем, что он означает, не является естественной, не вытекает из какой-либо объективной закономерности или необходимости, а носит абсолютно условный, конвенциональный характер. Символ - это не что иное как предмет, с которым мы имеем дело: рисунок стола - это не то же самое что стол, а написанное слово «стол», «table», «mesa», «tavola» уж совсем, конечно, не похоже на стол. Но, когда мы читаем слово «стол», в нашем воображении возникает некая плита на четырех ножках. Более того, если мы скажем «стол» кому-нибудь, кто является человеком нашей группы, то и в его воображении возникнет точно такой предмет мебели. Каким образом это возможно? Связь символа с явлением или предметом, который он, этот символ, обозначает, является результатом определенной конвенции (условной договоренности, заключенного соглашения): мы так договорились, так решили, что сочетание именно данных четырех букв - «стол» - соединим в своем воображении с предметом мебели определенного рода. Кто так решил? Может быть, отдельный человек. Маленький ребенок может, к примеру, глядя на стол, называть его по-своему: «тол». Это его частная, индивидуальная конвенция. Родители в таком случае не поймут или с трудом поймут, о чем он говорит, ибо они не принимали участия в этой конвенции. Коммуникация, связь, взаимопонимание между людьми возможны только тогда, когда такие соотношения символов с объектами становятся *общей конвенцией* в данной группе, когда все ее члены «договариваются» между собой, что о мебели определенного рода они будут говорить посредством слова «стол». Иначе говоря, когда символам придается одно и то же значение, когда люди видят за этими символами те же самые предметы, явления или события. Такие общие символы, имеющие значения, одинаково разделяемые, понимаемые всеми членами группы, становятся достоянием данной группы, «социальными фактами» в том смысле, какой придавал этому понятию Дюркгейм. Иначе говоря, они входят в культуру.

Человеческое мышление имеет символический характер, оперирует такими сокращенными, конвенциональными, общими для данной группы обозначениями различных, полученных опытным путем данных, явлений и событий, с которыми мы сталкиваемся. Сложная система взаимосвязанных символов, являющаяся достоянием определенной группы, - это и есть *язык*. Многие авторы считают способность к созданию и использованию символов, го есть обладание языком, определяющей чертой человеческого рода и главным секретом успехов и преимуществ.

Символы, которые мы используем, имеют различный характер. Это могут быть определенные *материальные предметы*, которым придается особенное значение: тотем как символ племени, флаг как символ нации, корона как символ монархии, крест как символ христианства - это, можно сказать, первые попавшиеся примеры. Объекты такого рода имеют исключительно символический смысл. Встречаются также и материальные предметы, которые имеют практическое применение, но в качестве своего рода дополнительного значения им придается также и символический смысл. Роскошный автомобиль, часы фирмы «Ролекс», обувь известной итальянской фирмы Gucci в определен-

ных общественных кругах являются символами успеха и состоятельности. Мобильный телефон или персональный компьютер на столе до недавнего времени, пока они и приобрели всеобщего распространения, были символами особенной профессиональной активности и оборотистости. Роль символов могут исполнять определенные *цвета*: черный - символ траура, красный - символ коммунизма, зеленый - символ свободного пути, розовый - символ хорошего настроения. Часто в роли символов выступают *жесты*: склонение головы, взмах руки и т.п. В этих случаях мы говорим о *языке жестов*. Конвенциональное значение могут также иметь определенные позы, в которые встают люди, иногда их называют *языком тела*. Наклон тела вперед или поклон является символом уважения или, если дело происходит на театральной или эстрадной сцене, выражением благодарности за аплодисменты. Если человек оборачивается к другому спиной - это сигнал обиды, означающий, что разговор окончен. Человек хмурит лоб - это выражает глубокую озабоченность. Если футболист прыгает, кувыркается, совершает стремительную пробежку в сторону трибун, то все это символизирует эйфорию, которую он переживает в результате забитого гола. Роль символов выполняют также *пиктограммы*, то есть схематичные изображения, в известной мере подобные тому, что они должны обозначать. В таком случае мы говорим о *языке изображений, зрительных образов*. Изображение самолета является указателем дороги к аэропорту, изображение ножа и вилки обозначает ресторан, изображение чемодана указывает на камеру хранения багажа, изображение письма в конверте - на почту. Такой тип символов особенно часто используют там, где оказываются вместе люди, являющиеся представителями разных культур; в таком случае можно рассчитывать на то, что им проще всего будет распознать пиктограммы, связав такие изображения с тем, что они должны обозначать. Однако важнейшим типом символов является слово - слова, произнесенные и написанные, то есть представленные в определенном порядке значки или звуки, которые имеют уже абсолютно, исключительно конвенциональный характер, а благодаря этому оказываются бесконечно богатыми, позволяющими обозначить все, что дает людям их опыт, вплоть до тончайших оттенков, все наиболее подробнейшие признаки и детали окружающего их мира. Сложное собрание слов (словарь), а также схем их связей между собой в более крупные единицы - фразы, тексты и т.п. (грамматика) - формирует язык в узком и точном значении этого слова - язык устный и письменный.

Язык, как и культура, может быть связанным с группами разного масштаба. Чаще всего язык ассоциируется и совпадает с этническими группами, или народами. В таком случае мы говорим о национальном языке или, рассматривая вопрос в иной перспективе, о *естественном (природном) языке*, имея в виду язык, который образовался спонтанно в ходе долгой истории крупной территориальной общности людей и используется членами этой общности. Некоторые представления о нации основаны на том, что общность языка является существенным, определяющим данную нацию элементом. Однако, если мы даже допустим, что каждый народ создает свой язык, это вовсе не значит, что только народ является творцом своего языка. Язык формируется также груп-

пами иного рода, как меньшими, так и более крупными по сравнению с народом. Существуют своеобразные языки профессиональных групп или кругов: языки, принятые в среде юристов, ученых, духовенства, политиков, военных, спортсменов, журналистов. Существует особый молодежный язык, язык тюремный. Появляются языки, специально разработанные для определенных технических или профессиональных целей и используемые в определенных группах: например компьютерный язык, язык авиации, азбука Морзе, шрифт Брайля (система чтения для незрячих), корабельная сигнализация. Своеобразный язык имен, прозвищ, паролей, поговорок, оборотов речи может возникнуть в семье или в кругу друзей. А на другой стороне воображаемой шкалы упомянутый выше язык жестов или язык пиктограмм - оба они имеют наднациональный, более универсальный характер; именно поэтому они так удобны для туристов, оказавшихся в чужих странах. Также и «естественные» национальные языки могут обрести наднациональное значение, как это когда-то случилось с латынью, с французским языком, а ныне все более очевидно происходит с английским языком.

Язык - фундаментальная составляющая идеальной культуры. В обществе он выполняет несколько важных функций. Во-первых, он создает возможность *регистрации* мыслей, выводов, опытных данных, возможность записи знаний и информации и передачи этих знаний и этой информации последующим поколениям. В обществах, еще не имевших письменности (в дописьменных культурах), такую роль играл устный язык. Однако временной горизонт передачи сведений устным способом достаточно ограничен, скажем, речь может идти о передаче опыта от дедов к внукам. К тому же факты легко поддаются забвению, селекции, идеализации, «переименованию» или «переконструированию». В результате на протяжении нескольких поколений передаваемая устно информация оказывается в значительной мере деформированной, искаженной. Этот процесс можно сравнить с известной всем детям игрой в «испорченный телефон». Изобретение письменности означает огромный шаг вперед. Запись обладает значительно большей продолжительностью своего существования, значительно большей прочностью, чем память. Слышать мы можем только живых людей, а читать - также сообщения и свидетельства тех, кто уже давно умер. Следовательно, временной горизонт передачи знания или информации значительно расширяется. Шире становятся и пространственные границы. Люди могут уже не только слушать рассказ свидетелей того или иного события, находясь с ними в непосредственном контакте, но и читать, знакомясь таким образом с размышлениями и наблюдениями тех, кто живет в далеких странах, кого они лично никогда не знали и не встречали. Благодаря письменному языку знание может распространяться далеко за границы того места и того времени, в котором оно возникло, сформировалось. Письменный текст труднее изменить, исказить, модифицировать или деформировать, ибо всегда существует возможность проверить, проконтролировать, установить аутентичность этого текста.

Другая функция языка - это *коммуникация* между людьми. Как мы уже говорили, язык - это основное средство контактов и взаимодействий. Разговор - это стандартная, наиболее часто встречающаяся форма взаимодействия.

Аналогичную роль играет обмен корреспонденцией. Благодаря письменному языку люди могут общаться не непосредственно, «виртуально» с лицами, которых они лично совершенно не знают: с писателями, поэтами, журналистами, учеными. Без языка было бы невозможно разделение труда, сотрудничество, а также коллективные действия и множество других типичных для людского сообщества способов функционирования.

В-третьих, язык представляет собой очень важный фактор, определяющий внутреннюю солидарность группы и одновременно ее отмежевание от внешних групп. Возможность говорить на одном языке и понимать друг друга - это важный элемент коллективной (формирующейся в одной среде) или групповой *идентичности*, того ощущения, которое можно выразить словом «мы». Зато использование другого, отличающегося от «нашего» языка нередко оказывается определяющим для обозначения той границы, за которой находятся «чужие», то есть те, о ком мы думаем «они». Это, естественно, имеет место, когда речь идет о народах, этнических группах, различных регионах. Но тот же самый механизм мы встречаем и в группах иного рода. Тюремный жаргон как бы выстраивает зримую стену между заключенными, с одной стороны, и тюремным персоналом или всем внешним окружением, с другой. Жаргон школьников определяет барьер поколений, отделяющий их от родителей. Военный или полицейский жаргон подчеркивает суровые, «мужские», связанные с постоянным риском условия работы данных групп. Насколько это важно, свидетельствует тот факт, что для того, чтобы быть принятым в такие группы, нередко прежде всего требуется овладеть их стилем речи. Легитимацией идентичности, свидетельством принадлежности человека к группе и его лояльности по отношению к ней может служить постоянное употребление определенных ругательств или нецензурных выражений.

Наконец, в-четвертых, язык делает возможным осуществление типичных для человека *общественных устремлений*, товарищеских или, как иногда говорят, стадных. Люди, как мы помним, обладают сильной автотелической (сводящейся к утверждению самоцели) мотивацией пребывания вместе с другими людьми. Встречи друзей, болтовня, обмен сплетнями, разговоры за едой, беседы за кружкой пива, скандирование в толпе болельщиков, песни однополчан или песни патриотического характера, братания за пьянкой - все это происходит при использовании общего языка, доставляя участникам этих действий ощущение принадлежности к той или иной группе и охраняя их от одиночества, неприятного для человека.

От индивидуального сознания к общественному

С помощью языка, который представляет собой орудие, почерпнутое из арсенала культуры, мы формулируем идеи, убеждения, взгляды. Но это не означает, что все они автоматически становятся элементами культуры. Многие из них отражают наш частный опыт, составляют наши *частные соображения*, которые мы сохраняем для себя, не делаясь ими с другими. Даже томик стихов, который мы прячем в ящике стола и никому не показываем, не стано-

вится элементом культуры. Ибо он не входит, как принято говорить, в «*общественный обиход*», не становится доступным другим людям.

Только тогда, когда определенные идеи, убеждения, взгляды будут обнаружены, заявлены публично, они обретают шанс войти в культуру. Но только шанс, ибо *публичность* недостаточна; нужно еще, чтобы эти идеи оказались признанными, *принятыми* другими членами более узкой или более широкой группы. Только тогда, когда их разделяют другие люди, когда они становятся предметом определенного консенсуса, они обретают статус «социальных фактов» по терминологии Дюркгейма, или статус культурных фактов. Ибо только тогда они отрываются от тех, кто их сформулировал, становятся чем-то внешним по отношению к сознанию отдельных людей. Кроме того, только тогда они начинают в полной мере оказывать свое давление на членов группы как повсеместно и всеми признанные идеи, с которыми неловко не соглашаться. Они определяют то, во что люди данного сообщества верят, с чем считаются, что думают, как и о чем судят. Тогда они как бы возвращаются к отдельным людям, входят в их сознание, причем этими людьми являются уже не авторы данных идей, а все члены группы, которые принимают эти идеи как свои собственные, готовы агитировать за них и защищать их. Разумеется, мыслят, творят и формулируют идеи лишь единицы. Но, когда эти их идеи оказываются разделенными, принятыми, одобренными другими людьми, подлежат усвоению и согласию, они становятся образцами, возвышающимися над отдельными людьми, *схемами мышления*, которые в свою очередь начинают оказывать воздействие на мышление индивидов. Только в таком смысле можно говорить об *общественном* или групповом *сознании*, не имея в виду, конечно, будто общество или группа - это мыслящий субъект.

Когда вырабатывается коллективный консенсус, для каждого отдельного члена группы особым и основным аргументом становится представление, что так же думают и многие другие - те, с кем данный отдельный человек идентифицирует, отождествляет себя как с членами своей группы. И поскольку такую аргументацию задействуют все члены группы, она еще более усиливается от этого взаимодействия, благодаря чему распространенные в обществе взгляды обретают сильную *инерцию*, изменяются с трудом. Кроме того, они производят впечатление бесспорных истин, того, чему просто нет альтернативы, и, соответственно, поддаются *догматизации*. Только этим можно объяснить, почему некоторые убеждения сохраняются в общественном сознании на протяжении целых эпох, не претерпевая изменений даже при столкновении с очевидными фактами или опытными данными, противоречащими им. Дело в том, что они оказываются для людей объективизированными в смысле *интерсубъективности* («*межсубъективности*»), согласия с тем, что думают и считают все другие. А такой смысл объективности для людей порой имеет большее значение, чем тот, согласно которому объективность означает соответствие действительности, то есть тому, как все обстоит на самом деле.

Говоря о том, что сознание имеет социальный характер, мы указываем тем самым на то, что определенные идеи, взгляды, убеждения распространяются

и объективируются в рамках определенных групп или сообществ. Но это могут быть группы очень разные по характеру и масштабу. Начиная от самой большой группы, глобального сообщества, можно предположить, что несмотря на огромное разнообразие человеческих сообществ современные средства телекоммуникации и коммуникации, а также огромная пространственная активность делают возможным формирование зачаточного *глобального сознания*, общечеловеческого, или, как некоторые говорят, планетарного. В этом контексте и смысле можно также понять тезис английского социолога Питера Уорсли (Peter Worsley), утверждающего, что только в эпоху глобализации человеческое сообщество, человечество как таковое стало определенной *реальной* целостной категорией. Наверняка такое глобальное сознание не является делом всех людей, его распространение ограничено пределами интеллектуальных, научных, политических элит, студенческой среды, групп участников новых социальных движений. Оно выражается в озабоченности судьбами всей планеты. Такие проблемы, как перенаселение, исчерпание природных ресурсов, состояние экосферы, глобальное потепление, эндемические заболевания, массовое обнищание и бедность, конфликт «севера и юга», возможность атомного саморазрушения, входят в эту озабоченность. В этой области распространяются информации, диагнозы, теории, футурологические прогнозы, предложения, связанные с противодействием грозящей опасности.

Значительно более освоенной и более давней по своему историческому формированию ареной кристаллизации общественного сознания является национальная перспектива, то есть то пространство, в котором субъектами общественного сознания являются не все человечество, а нации, народы. *Национальное сознание* имеет свое стилистическое своеобразие - богатство символов, мифов, стереотипов и предрассудков. К тому же оно сильно насыщено эмоционально, объединяя патриотические и националистические чувства и страсти. Оно легко поддается догматизации, теряя ощущение рациональной дистанции по отношению к своей группе и отклоняя любую критику и корректировку. По содержанию оно охватывает прежде всего убеждения, касающиеся собственной этнической группы: ее генеалогии, действий, творений, традиций, побед и поражений, ее героев, а также ее нынешнего состояния. Ее потенции или перспектив будущего. Сюда входят также распространенные чувства тревоги, беспокойства, осознанные проблемы, критические мнения в отношении проводимой в настоящее время политики, а также программы совершенствования и исправления этой политики. Другой фрагмент национального сознания касается сравнительной оценки места или значения собственного народа в мире, среди других народов: в непосредственном соседстве, в рамках региона, континента, всего земного шара. Еще один фрагмент национального сознания включает в себя мнения о других народах, дружественных, конкурирующих или враждебных. С этим связаны взгляды на правильное установление отношений своего народа с другими народами, оценки намерений других народов, возможных угроз с их стороны, надежд на помощь и поддержку, а также представления о правильной, достойной международной политике.

Другой тип групп, вырабатывающих общее сознание, - это социальные классы. Согласно представлениям Карла Маркса и его последователей, например Дьёрдя Лукача (Lukacs), социальный класс становится вполне сформировавшимся кристаллизовавшимся только тогда, когда он обладает *классовым сознанием*. Это ощущение общей ситуации, в которой он оказывается в социуме, общей судьбы, общего несчастья, общих перспектив. Это также идентификация групп, ответственных или виновных в создании данной ситуации, и выработка стратегии борьбы за свои права. Наконец, классовое сознание охватывает образы других классов и производит их дефиницию в качестве союзников или врагов. Подобным образом рассматривал и оценивал специфическую *ментальность социальных слоев* Макс Вебер, включая их способы мышления, типичные идеи и убеждения в рамки более широкой категории - образа жизни. Ныне такой анализ слоев общества, прослоек или групп, объединяющих представителей одной среды, проводит, к примеру, Пьер Бурдьё (Pierre Bourdieu). Важной эмоциональной составляющей сознания, сформировавшегося на основе классовой стратификации, является ощущение собственного достоинства, особенно типичное для высших слоев общества, для аристократии или элит.

Профессиональные категории и группы иногда отличаются также характерным групповым сознанием. Роберт Мертон представил детальный, тщательный анализ *ментальности чиновников*, бюрократии, Говард Беккер - среды джазовых музыкантов. Общими типичными убеждениями отличаются представители так называемых свободных профессий: адвокаты, артисты, врачи. Особые способы мышления характерны для работников науки. Многими исследованиями выявлен своеобразный синдром сознания среди профессиональных военных. Характерным эмоциональным фактором профессионального сознания является профессиональная гордость. В рамках определенных организаций, корпораций или фирм она приобретает характер гордости, связанной с конкретным прославленным местом работы, будь то Ягеллонский университет, или корпорация «Сони», или Торговый Банк и т.п.

Богатую и своеобразную ветвь общих верований культивирует Церковь или секта. Эти верования опираются на свойственную данной религии теологию, которая, когда речь идет о великих мировых религиях - христианстве, исламе, буддизме, конфуцианстве, оказывается богато разветвленной и сложной. Из самого характера религиозных идей, касающихся сверхъестественного бытия, находящегося за пределами земной реальности, следует их перенасыщенность символикой и метафорами, а их эзотеричность делает их недоступными для обыденного сознания верующих, требуя участия посвященных в тайны интерпретаторов и посредников - капелланов, священников.

Наконец, как и в случаях, связанных со многими другими социологическими категориями, общественное сознание может иметь отношение и к группам меньшего масштаба: объединение, клуб, локальная община, товарищеский круг, семья и т.п. Однако с учетом относительной ограниченности того, что может быть характерным для группового сознания на этом уровне, по сравнению с эманацией более общей сущности сознания более крупных и широких групп ценность анализа в данном направлении оказывается меньшей.

Разновидности общественного сознания

Общественное сознание кристаллизуется и выступает в самых различных формах. Первой из них является *обыденное мышление*, или так называемый здравый смысл, иначе говоря, распространенные в данной группе спонтанные, интуитивные суждения и представления. Они фиксируют разнообразный опыт, который члены данного общества получают в повседневной жизни. Они не являются ни упорядоченными, ни систематизированными, ни вытекающими логически одно из другого, более того, они часто содержат взаимоисключающие, противоречащие друг другу заключения. Они не выведены из какой-либо системы и не опираются на системную аргументацию. Часто они основываются на поспешном обобщении единичных фактов или на односторонней интерпретации событий. Но это не исключает того, что порой они весьма верно и точно отражают то или иное истинное представление об окружающем мире. Мы, однако, никогда не можем с точностью сказать, в какой мере они являются истинными, в каких границах можно ими пользоваться, ибо мы не знаем метода их проверки. Именно поэтому также трудно подвергнуть их сомнению или опровергнуть. Они являются постоянным, прочным, обладающим силой инерции и догматичным элементом коллективного фольклора. Много примеров такого рода мы найдем в народных поговорках и пословицах.

Другой формой общественного сознания являются широко представленные и развитые в каждом обществе, от примитивных до современных, идеи и представления о сверхъестественном, потустороннем мире и о загробной жизни. Как писал об этом Эмиль Дюркгейм, их предметом является сфера сакрального, таинственного, вызывающего трепет, уважение, изумление и страх и отличающаяся от сферы профанного, которая охватывает земные, обычные явления и события. Идеи сакральной сферы являются ответом на универсальную потребность, вытекающую из неуверенности, непрочности, непредсказуемости, непрозрачности человеческого существования, из особенно распространенного и вызывающего чувство страха опыта, связанного со смертью. К этой сфере мы относим *мифы, магию, религию*. Их характерной особенностью является то, что с самого своего возникновения они не подлежат и не поддаются проверке, их нельзя ставить под сомнение, поскольку они взывают к вере и опираются на веру. Это не утверждаемые, а заявляемые истины, и сила их заключается не в какой-либо аргументации, а в авторитете того, кто их устанавливает и «выдает на веру», то есть самого Бога, его земных обличий, посланников, пророков, наместников. Укрепление и усиление эти идеи обретают в развитых коллективных ритуалах, а также в мощном, укрепляющем в вере влиянии друг на друга верующих данной общины - в рамках одного культа, секты или Церкви.

Третья составная часть общественного сознания — это *идеологии*. Их отличает не столько особенное содержание, сколько та функция, которую они выполняют по отношению к определенным группам. Это такие комплексы или системы идей, которые создают обоснование, обеспечивают легитимность, поддержку каких-либо частных групповых интересов или утверждают груп-

повую идентичность. Как правило, они содержат также определенные негативные представления и убеждения, касающиеся других групп, которые рассматриваются как представляющие угрозу для данных интересов или данной идентичности. Давая такое определение идеологии, мы вовсе не хотим заявить о ее истинности или ложности. Мы не разделяем типичной для марксизма позиции, согласно которой идеология - это «ложное сознание». Идеология в нашем представлении может содержать моменты истины или правильные представления (например, адекватно отражать героические события в истории данного народа, при этом такое описание событий становится элементом национальной идеологии). И все же инструментальная, направленная на легитимизацию групповых интересов роль идеологии делает ее особенно легко поддающейся всякого рода патологическим формам мышления - стереотипам, предрассудкам, идеализации, мимикрии, о чем речь пойдет особо. Группы, обретающие легитимность посредством идеологии, могут быть самыми разнообразными: от народов или этнических групп, вырабатывающих националистические идеологии, до социальных классов с их классово-идеологией (известной также в марксистском учении как «классовое сознание»), социальных движений, социальных прослоек и групп, профессиональных категорий, наконец, фирм или даже семей с их собственной идеологией. Сегодня в контексте набирающего силу процесса глобализации все более реальной «группой» представляется все человечество, глобальное сообщество, а потому все большее значение приобретают идеологии, связанные с универсальными интересами, такие, как пацифизм, экология или защита прав человека.

Идеологические взгляды и убеждения выражаются различными способами. Прямо и непосредственно их формулируют политические программы, партийные заявления, манифесты, памфлеты, публицистика, иногда развитые доктрины. Такой характер имели, к примеру, революционные идеологии, лежавшие в основе великих революций: английской, французской, американской, российской, китайской. Однако идеологические функции опосредованно могут выполнять также другие результаты человеческой мысли. Самоутверждение, легитимизация собственных групп и «делегитимизация» чужих нередко проявляются в литературе (например, патриотические произведения «для укрепления сердец» провозвестников нашей романтической поэзии или произведения Сенкевича). Очень сильное идеологическое наполнение имеет театральное и киноискусство (например, польские военные фильмы или произведения Вайды от фильма «Пепел и алмаз» до «Человека из железа»). Особую область представляют сатира и искусство кабаре. Идеология бывает импликацией религии, иногда это консервативная идеология, утверждающая незыблемость существующих политических институтов или проявлений социального неравенства как явлений «данных от Бога» (например, католицизм в Средние века), но иногда это может быть революционная или реформаторская идеология, утверждающая несовместимость нынешнего политического или экономического строя с божественным замыслом (например, церковная доктрина освобождения в Латинской Америке или более умеренная критика некоторых аспектов капитализма и потребительской цивилизации в

так называемой «социальной доктрине католической церкви»). Идеологический аспект придает некоторым научным трудам, особенно в области исторической науки, в обществоведении и гуманитарных науках. Идеологические функции может выполнять также музыка (например, национальные гимны, патриотические песни, некоторые оперы, все творчество Шопена) и даже живопись или скульптура (например, исторические полотна Матейки или творчество мастеров соцреализма).

В силу своей тесной связи с жизненными интересами людских групп и их коллективной идентичностью идеология вызывает особенно сильные эмоции и мобилизует к действию. Она оказывается в основе многих проявлений коллективного поведения - бунтов, манифестаций, демонстраций. Она также является основной силой, интегрирующей социальные движения и придающей им ускорение в борьбе за социальные изменения. Из-за многочисленности групп и расхождения групповых интересов идеологии становятся ареной сильных столкновений и конфликтов. Несмотря на дважды прозвучавшие декларации о прекращении идеологических споров - первой, которая содержалась в тезисе о «конце идеологий» в теории постиндустриального общества Даниела Белла, и второй - в заявлении о «конце истории» Фрэнсиса Фукуямы, выражавшем победоносные настроения после падения коммунизма, идеологические споры не уменьшаются по крайней мере за последнее время.

В какой-то мере близкой к идеологии является четвертая составляющая общественного сознания - *общественное мнение*. Это характерный для данной группы комплекс взглядов на общественные явления, то есть на дела, относящиеся к политической, экономической, общественной, международной и другим сферам. Сам этот термин ввел в обиход в 1930-х годах американский публицист Уолтер Липпман (Walter Lippman), который отмечал возрастающую роль прессы в создании и повышении прозрачности, обозримости публичной арены: в предоставлении гражданам информации о проблемах, выходящих за локальные границы, а также в распространении определенных схем или стандартов оценки этих событий. Благодаря этому граждане получают богатый материал для формирования собственных взглядов. Но происходит также и нечто большее: они начинают отдавать себе отчет в том, в какой мере их мнение имеет обособленный или исключительный характер, а в какой мере оказывается ареной широкого консенсуса. Это позволяет переломить ту ситуацию, то состояние, которое Гордон Олпорт (Allport) называл «*плюралистическим невежеством*» и которое оказывало парализующее воздействие на любую гражданскую активность. Только чувство общности, единства мнения склоняет людей к коллективным действиям или к политическому участию, что чрезвычайно важно для демократических обществ. Разумеется, в наше время такую роль, формирующую общественное мнение, гораздо успешнее и всестороннее, чем пресса, выполняет телевидение. Относительно новым феноменом, помогающим формировать общественное мнение и противодействовать «плюралистическому невежеству», является широкое распространение публикаций социологических опросов, зондажей общественного мнения. В них, как в зеркале, люди видят свой собственный коллективный портрет. Сама фор-

мулировка определенных проблем в поставленных вопросах и предлагаемых вариантах ответов мобилизует мысль, а информация о том, сколько сограждан думают так же, как мы, а сколько иначе, вызывает ощущение силы, когда мы оказываемся в большинстве, или мобилизует нас на защиту наших убеждений когда мы оказываемся в меньшинстве.

Огромную область общественного сознания в современном мире занимает пятая составляющая - *научное знание*. Это такие убеждения и взгляды, которые мы оцениваем в категориях их истинности или ложности, требуя их обоснования при помощи систематически применяемой методологии, в ходе научных исследований. Современное мышление находится под сильнейшим влиянием науки, а научность, действительная или видимая, рассматривается как высшая нобилитация идеи, возведение ее в достойный, благородный ранг. Неудивительно, что научную легитимацию пытаются обрести взгляды и теории, не имеющие ничего общего с наукой. Характерный для наших дней чрезвычайно специализированный характер науки, эзотерические на первый взгляд проблемы, непрозрачная, непонятная для неспециалиста процедура исследований, профессиональный язык упрощают придание таким теориям научной видимости и вместе с тем затрудняют разоблачение научного шарлатанства в глазах широкой общественности. Сегодня мы наблюдаем расширение паранаучного сектора, особенно в тех областях, где наука дает ответы на какие-либо жгучие человеческие проблемы, потребности и надежды. Поэтому примеры такого рода чаще всего относятся к областям медицины, фармакологии, генетики, психиатрии, психологии, но также экономики и социологии.

Последний, чрезвычайно богатый, присутствующий и распространенный еще со времен примитивных обществ раздел общественного сознания формируют *искусство (изобразительное искусство), литература и музыка*. Они отвечают некоторым необычайно сильным человеческим потребностям в творчестве, в выражении своих эмоциональных переживаний и эстетических ощущений. Достаточно пройти по экспозиции любого из крупных многогранных по своим тематическим направлениям музеев, будь то Лувр, Прадо, Ватикан, Британский музей, или познакомиться с собранием какой-либо крупной библиотеки, чтобы понять, какой колоссальный объем времени, энергии, труда люди в течение многих столетий тратили на художественное творчество и какое большое значение творениям такого рода придавали те, кому они адресованы, кто их воспринимал, то есть широкая общественность. Homo creator (человек творящий) - это еще одно определение человеческой природы, наряду с рядом уже упоминавшихся, тех, что выделяют какое-то важное свойство, некую истину, характеризующую человеческий род.

Некоторые художественные творения имеют дискурсивный характер, для их создания служит обычный, естественный язык; другие пользуются в качестве средства выразительности звуком или видимым изображением. В современном обществе благодаря появлению новых технологий фиксации и передачи мыслей происходит своего рода взрыв - бурное развитие аудиовизуальных форм художественного творчества, связанных со сферами кинематографии, телевидения, рекламы, плаката, музыкальных записей, видеоклипов. Появляются совершенно новые эстетические каноны и новые фор-

мы восприятия этого искусства слушателями и зрителями. Некоторые авторы говорят о рождении новой «*видеоцивилизации*», вытесняющей цивилизацию слова.

Итак, как мы видим, общественное сознание, или идеальный аспект культуры, - это чрезвычайно богатая и сложная область. Она формируется в необычайно сложном взаимодействии двух процессов, которые можно условно определить как идущий снизу и идущий сверху. С одной стороны, происходит спонтанное формулирование идей, убеждений и взглядов обыкновенными людьми в ходе и при разных обстоятельствах их обычного, повседневного существования. Делясь этими идеями с другими, вступая в дискуссии, споры, выдвигая аргументы, защищая собственные взгляды и подвергая сомнению и критике противоположные взгляды, люди придают им надличностный, наиндивидуальный статус. Идеи входят в групповой обиход, становятся частью иных убеждений, укрепляются во взаимодействиях. Но очевидно, что люди различаются между собой по уровню и характеру своей мудрости, дальновидности, воображения, по способностям выражать свои мысли. Соответственно, некоторые в большей мере, чем другие, принимают на себя роль инициаторов или выразителей идеи, лидеров общественного мнения или творцов произведений искусства. Со временем выявляется профессиональная группа тех, кто творит, формулирует, выражает идеи и манипулирует общественным сознанием; это мудрецы, пророки, писатели, художники, идеологи. И тогда идущим снизу процессам формирования сознания начинают сопутствовать процессы, идущие сверху. В современном обществе именно процессы, идущие сверху, становятся доминирующими. Общественное сознание все более явно превращается в арену деятельности специалистов, а массы общества выступают как реципиенты (слушатели, читатели, зрители - воспринимающая аудитория) неких профессионально сформулированных и преподнесенных идей: газет и программ телевидения, реклам и фильмов, представлений и зрелищ, книг и комиксов. Богатство всех этих интеллектуальных и эстетических предложений, бомбардирующих современное общество, а также легкость, с которой благодаря средствам массовой информации они добиваются до публики, воспринимаются одними как прогресс и обогащение человеческого бытия, другими - как угроза самостоятельности человеческого мышления, приводящая к тому же к притуплению впечатлительности и размыванию критериев, позволяющих выявить подлинные ценности.

Патологии общественного сознания

Независимо от оценки этой новейшей тенденции надо отметить, что в сфере общественного сознания всегда имели место определенные патологические явления. Когда мы говорим «*патологические*», то имеем в виду, во-первых, ущерб и утраты в познавательном отношении, то есть распространение взглядов и представлений, упрощенных, схематичных, односторонних и просто ошибочных, а во-вторых, вредоносные последствия для общества - определенные идеи, вызывающие, например, социальное напряжение, конфликты

и даже приводящие к разрушению общества. Как правило, оба эти обстоятельства выступают вместе.

Выделим три разновидности таких патологических явлений в общественном сознании.

Первая - это стереотипы¹. *Стереотип* - это упрощенный, односторонний, крайне утрированный образ определенной группы, трактующий всех членов этой группы недифференцированно, независимо от их индивидуальных особенностей. Стереотип чаще всего формируется на основе каких-либо частных, единичных, случайных впечатлений, полученных от контактов с представителями группы; эти впечатления в дальнейшем обобщаются и без всяких к тому оснований переносятся на всю группу; наконец, затем они обретают обратную силу, их начинают использовать автоматически, без какого-либо критического анализа, применяя к каждому очередному представителю данной группы. При этом априори исключается возможность, что кто-либо, принадлежащий к данной группе, может иметь иные, отличные от стереотипа черты. Каждому приписываются те общие черты, какие вытекают из стереотипа, без каких-либо доказательств и без учета контрдоводов. Стереотипы, сгущая краски, утрируют различия между группами, игнорируя внутренние различия в пределах каждой группы и распространяя мнимые общие признаки группы на каждого ее члена. Чаще всего стереотипы касаются признаков этнических, национальных и расовых групп. Примеров тому бесчисленное множество: представители скандинавской группы холодны, англичане флегматичны, французы - самые лучшие любовники, негры ленивы, китайцы - хитрые и ловкие, евреи не имеют себе равных в бизнесе и в делах, касающихся их интересов. Разумеется, стереотипы могут касаться и групп меньшего масштаба, например распространяться на краковян, отличая их от варшавян или жителей Познани, на шахтеров (в отличие, скажем, от аграриев), на врачей (в отличие от адвокатов) и т.п. Стереотип производит впечатление объективного знания, ибо сам по себе он еще не содержит оценочного момента. Он только утверждает некие обобщенные представления о характерных групповых чертах или признаках, не выражая их оценки.

Особая опасность стереотипов проявляется тогда, когда они содержат и распространяют негативные оценки описываемой группы, а также тогда, когда они представляют эти негативные черты как нечто неизбежное, непреодолимое, непоправимое, ибо связано с самой природой этой группы, такое, чего нельзя изменить даже независимо от добрых намерений и усилий отдельных ее членов. Так, считается, что черная раса ленива по своей природе, и потому ни один негр никогда не будет хорошим работником. Евреи по своей природе обманщики и озабоченные личной выгодой ростовщики, и потому ни одному еврею нельзя верить. Политики по самой природе их профессии - это коррумпированная среда, и ни один политик не действует в интересах граждан. Такого рода негативные стереотипы мы называем *предрасудками*. И вновь самой часто встречающейся категорией оказываются расовые и этнические предрасудки, хотя встречаются также предрасудки региональные, профес-

сиональные и групповые. Предрасудки формулируются в отношении чужих групп - иных, нежели наша группа, не таких, как мы. Но нередко им сопутствует противоположный стереотип нашей собственной группы, односторонне и обобщенно позитивный. Мы называем это *групповым шовинизмом*; его частной формой считается описанное нами выше явление завышенной самооценки своей группы в сравнении с другими группами (aggrandizement effect). Поляки - народ исключительно толерантный, благочестивый и храбрый. Краковяне - это утонченная интеллектуальная и творческая среда. Женщины более чутки и более мудры, нежели мужчины. Наша фирма - самая лучшая в отрасли (порой даже если объективно она едва ли не на последнем месте).

Не говоря уже об ошибках *познавательного характера*, которым способствуют односторонность, выборность, склонность к тому, чтобы утрировать и сгущать краски, делать необоснованные обобщения, и все то, что есть общего у предрасудков со стереотипами, предрасудки содержат, особенно в связи с групповым шовинизмом, еще дополнительный элемент - *эмоции* антипатии, враждебности и отчуждения от других. А это приводит уже к более серьезным и опасным общественным последствиям. Во-первых, это может привести к самоотделению, изоляции от чужой группы, к увеличению *социальной дистанции*, к ограничению резерва совместно предпринимаемых действий, взаимодействий (например, к отказу от смешанных браков), а в конце концов, к полной *сегрегации* - изоляции, обеспеченной обычаями или законами: к полной супружеской эндогамии, разделению мест проживания, даже к возникновению замкнутых гетто, специально выделяемых территорий для снабжения и отдыха. Крайним проявлением сегрегации был так называемый апартеид в Южной Африке. Другой пример - это еврейские гетто в городах и местечках Восточной Европы перед Второй мировой войной.

Следующий шаг - это уже не только пассивная изоляция или уклонение от контактов, но и активное худшее обращение с членами чужой группы - *дискриминация*. Дискриминация - это меньшие шансы получить образование, ограничения в профессиональной сфере, в приобретении имущества, в политических правах, меньшие возможности для престижного роста и для доступа к другим ценным благам только на том основании, что кто-либо является представителем группы, являющейся предметом предрасудков, независимо от индивидуальной квалификации или заслуг этого человека. При появлении дискриминации начинает действовать своеобразный злоедействующий общественный механизм, который Роберт Мертон называл *самосбывающимся пророчеством*.

Допустим, мы примем предрасудок, согласно которому негры ленивы и не годятся для работы. Тогда, естественно, мы не будем брать негров на работу, предпочитая им белых работников. В результате негры станут безработными, и уже сам тот факт, что доля негров среди безработных будет во много раз превышать долю белых, станет рассматриваться как довод, будто негры не способны к работе. Или другой пример: допустим, в данном обществе существует стереотип женщины как домохозяйки и предрасудок, будто женщины не годятся для участия в политике. В таком случае женщин будут редко вы-

¹ См.: Bokszański Z. Stereotypy a kultura. Wrocław: Monografie FNP (Wyd. Funna), 1997.

двигать в качестве кандидатов на выборах, еще более редко - выбирать, а тот факт, что парламент окажется преимущественно мужским, станет аргументом, усиливающим направленный против женщин предрассудок и укрепляющим мужскую мегаломанию.

Глубоко укоренившиеся предрассудки, которым сопутствуют сегрегация и дискриминация, могут переродиться в непосредственные нападки, атаки против дискриминируемых групп. Их члены становятся предметом нападков, издевательств, преследований, выселения, «этнических чисток», вандализма, физического насилия. Отсюда уже недалеко до *экстерминации* - уничтожения сначала отдельных членов, трагическими примерами чего могут служить погромы и суды Линча, а позднее и всей «чужой» группы, что предпринял, к примеру, Гитлер в качестве «окончательного решения» еврейского вопроса. Вообще, антисемитизм - трагический пример эскалации от стереотипов через все промежуточные стадии до геноцида. Этот путь представлен в табл. 10.

Таблица 10. Шкала общественного отчуждения

Социологическое понятие (Отношение к другим)	Определяющая черта (Шкала антипатии)					
	обобщения, односторонность	уничжи- тельная оценка	изоляция, уклонение от контактов	ограниче- ние шансов	враждебное насилие	физическое уничтожение
Стереотип	+					
Предрассудок	+	+				
Сегрегация	+	+	+			
Дискриминация	+	+	+	+		
Преследование	+	+	+	+	+	
Экстерминация (устранение, уничтожение)	+	+	+	+	+	+

Польский социолог в эмиграции Зигмунт Бауман представляет механизм массового уничтожения евреев нацистским режимом как результат двух процессов. С одной стороны, углублявшиеся антисемитские предрассудки, распространяемые нацистской пропагандой и включаемые даже в квазинаучные доктрины, продуцировали мотивацию для геноцида, а с другой - продолжительная сегрегация и изоляция этой социальной группы (связанная с обычаями, религией, наконец, чисто пространственная изоляция в гетто) исключала включение и действие моральных тормозов, элементарного импульса сочувствия, позволяя рассматривать евреев уже не только как «худших» и «чужих», но и вообще как нелюдей, истребление которых представляет собой только чисто техническую проблему, такую же, как очищение поля от сорняков или уничтожение насекомых².

² Baumann Z. Modernity and the Holocaust. Cambridge: Polity Press, 1989.

История XX в., которая, кроме холокоста, принесла нам сталинские лагеря, массовые убийства «красных кхмеров» в Камбодже, резню племен в Руанде, уничтожение мусульман в Сребренице, этнические чистки в Косове, убедительно показывает, какая разрушительная сила может скрываться в ложных идеях и больном общественном сознании. Откуда берется эта болезнь? Иногда спонтанно, снизу. Чаще всего, когда «чужие» угрожают экономическим интересам группы, составляют конкуренцию на рынке труда, проявляют какие-либо преимущества в способностях. Вызванная этим антипатия или зависть приводят к тому, что группу начинает раздражать отличающийся образ жизни, форма одежды, обычаи, религиозная практика чужой группы. Рождаются и начинают распространяться сплетни, будоражащие воображение рассказы, мифы о каких-то зловещих намерениях чужой группы. Особенно благоприятная атмосфера для ощущения групповой угрозы складывается в условиях экономического кризиса, ухудшения ситуации, снижения уровня жизни. Тогда реализуется сформулированная и экспериментально подтвержденная американскими психологами Доллардом и Миллером *гипотеза «фрустрации-агрессии»*. Естественным объектом агрессии становится чужая группа. Так возникает предрассудок, нарастают конфликты.

Однако часто происхождение предрассудков не связано с движением снизу, а идет сверху. Стереотипы и предрассудки оказываются исключительно податливым материалом для целенаправленных манипуляций. Они становятся орудием циничной политики, когда поиски «козла отпущения» в обличье чужой группы выполняют уже несколько «полезных» функций. Во-первых, позволяет взвалить на плечи этой группы вину за все просчеты и неудачи власти, за трудности, какие переживает общество. Во-вторых, убеждение в некоей угрозе, исходящей от чужой группы, вызывает, согласно уже известному нам закону Зиммеля-Козера, более глубокую интеграцию собственной группы, стремление «сомкнуть ряды» и концентрацию вокруг лидеров, которые таким образом обретают дополнительную легитимность. В-третьих, конфликт, на котором концентрируется внимание группы, позволяет отвлечь ее внимание, заставить забыть о других проблемах, старательно укрываемых властями. Неслучайно за преступлениями, инициированными через стереотипы и предрассудки, часто стоят конкретные лица: Гитлер, Сталин, Пол Пот, Иди Амин, Караджич, Милошевич.

Изменим теперь масштаб анализа и посмотрим на интересующую нас патологию коллективного сознания в малых группах. Американский социальный психолог Ирвинг Дженис (Janis) выявил и описал синдром, который он назвал *«групповым мышлением»* (groupthink)³. Как мы уже говорили об этом раньше, сильные социальные связи между членами группы, групповая солидарность, взаимная лояльность и доверие или то, что мы иногда называем *групповой моралью*, оказываются чрезвычайно важны по двум причинам. Во-первых, все это увеличивает привлекательность группы для ее членов, поскольку приносит удовлетворение от самого по себе участия, принадлежности к данной группе, дает ощущение поддержки, укоренения, безопасности. Человек иден-

³ Janis I. Victims of Groupthink. Boston: Houghton Mifflin, 1972.

тифицирует себя со сплоченной группой, рассматривает принадлежность к такой группе как важный элемент собственной идентичности. Во-вторых, сильные общественные внутренние связи в сплоченных группах мобилизуют людей к действиям, упрощают координацию между членами группы и тем самым увеличивают эффективность группы в той области, в какой совершаются ее коллективные действия. Как хорошо знает каждый тренер и каждый футбольный болельщик, чтобы победить, недостаточно приобрести наилучших спортсменов, надо еще из них сделать сплоченный, согласованно играющий коллектив, то есть собственно и создать в команде высокую групповую мораль. То же самое касается войскового подразделения, научно-исследовательского коллектива, группы альпинистов и любой другой группы, объединенной определенной задачей.

Дженис, однако, заметил, что существуют загадочные случаи, когда эти два вытекающих из сплоченности группы качества - *привлекательность и эффективность действий* - не совпадают, расходятся между собой. Группа может быть в высшей степени привлекательна для ее членов, они сильно идентифицируют себя с ней, принадлежность к ней рассматривают как важнейший момент собственной идентичности, а несмотря на это эффективность группы снижается, группа терпит неудачи и даже поражения. Дженис приводил примеры такого рода из области американской политики. Он тщательно и глубоко изучил обстоятельства, которые привели к катастрофическому по своим последствиям решению о вторжении на Кубу, в проливе Свиной, решению, которое было принято ближайшим окружением президента Кеннеди. Более поздний пример, очень похожий, - это решение о вскрытии сейфов политических конкурентов в отеле Уотергейт, принятой соратниками президента Никсона, которое привело в результате к его отставке. Более новый пример - это аннексия Кувейта, задуманная и предпринятая Саддамом Хусейном и кончившаяся его позорным военным поражением. Выходя за пределы политики, можно вспомнить также такой интересный для данной категории пример, как описанная в прославленном бестселлере Иона Кракауэра трагедия группы покорителей вершины Эвереста. Во всех этих случаях цельность, сплоченность принимающих решение групп была чрезвычайно высока. Как утверждает Дженис, она была даже чрезмерно высока, ибо оказывается, что и в этой области, когда чего-либо слишком много, то вроде бы явное добро и преимущество могут привести к катастрофическим результатам. Существует некий оптимальный уровень сплоченности, который обеспечивает успех группы. Ниже этого уровня наступает деморализация, а выше этого уровня групповая мораль оказывается чрезмерно сильной, группа - неспособной к эффективным действиям

Проще говоря, *групповое мышление* основывается на полной потере группой чувства реальности, что происходит в силу ее изоляции от окружения и замкнутости в собственном кругу. На синдром группового мышления влияют следующие элементы. Во-первых, иллюзия неограниченной силы и безнаказанности, дающая ощущение полной безопасности. Во-вторых, пренебрежение любыми потенциальными угрозами, предупреждающими сигналами, реальной информацией, поступающей из внешнего мира, в ходе рационализа-

ции, наступающей во взаимодействиях взаимно усиливающих членов группы. Таким образом, члены группы укрепляются в своих убеждениях, в своем групповом самодовольстве и дерзости. В-третьих, сказывается непоколебимая вера в свое моральное превосходство, в истинность собственных ценностей, справедливость целей или дела, во имя которого идет борьба. Одновременно происходит формирование стереотипов и предрассудков, касающихся оппонентов, противников и врагов, представляемых как воплощение зла, что должно оправдать применение против них любых, даже наиболее аморальных средств. В-четвертых, распространяется представление о лидерах внешних групп как о слабых, некомпетентных или совсем глупых людях, что дисквалифицирует их в качестве потенциальных партнеров возможных переговоров и компромиссов. В-пятых, сильное акцентирование лояльности по отношению к собственной группе в качестве высшей добродетели способствует проистекающей отсюда категорической недопустимости шагов в направлении конформизма. Отличие взглядов рассматривается как дело неинтеллектуальное, а моральное, в соответствии с чем каждый инакомыслящий, каждый диссидент рассматривается как недостойный отщепенец или предатель. В-шестых, начинает действовать самоцензура, которая останавливает перед выражением каких-либо сомнений или приведением контраргументов в страхе перед моральным осуждением со стороны группы, происходит внушение самим себе незначительной важности или несправедливости такого рода сомнений и контраргументов. В-седьмых, имеет значение появление наиболее рьяных самозванных цензоров, которые контролируют поток внешней информации и изолируют от него свою группу, а особенно ее руководителя, ограждая их от любых мнений, которые могли бы ослабить единомыслие и убежденность в своей правоте. В-восьмых, создается иллюзия полного единомыслия, основанная на предположении, будто молчание, навязанное самоцензурой, а также недостаток каких-либо иных суждений и мнений со стороны, успешно скрытых этими цензорами от своей группы, означает полное согласие всех членов с решениями или политикой группы.

В результате такой самонарастающей по напряжению и самоусиливающейся спирали в групповом мышлении совершается все более глубокая изоляция группы, и дело доходит до полного искажения представлений о внешнем окружении, в котором находится и действует эта группа, до абсолютно нереалистических оценок собственных возможностей и, в итоге, до действий, приносящих неудачу или поражение. Белый Дом президента Кеннеди недооценил основательности и силы сопротивления кубинцев, переоценив собственные военные возможности. Белый Дом президента Никсона недооценил роль средств массовой информации и общественного мнения в качестве «третьей власти» в демократических обществах, а также переоценил свои шансы скрыть, затушевать аферу и манипулировать органами правосудия. Окружение Саддама Хусейна недооценило активного вовлечения американских экономических интересов в Кувейте, а также не сумело адекватно оценить слабость собственной военной техники, приняв решение об аннексии Кувейта, которая закончилась военным поражением Ирака. А ослепленные своими прежними успехами руководители альпинистской группы недооце-

нили последствий и возможностей погодных изменений и переоценили силы своих коммерческих клиентов-любителей, доведя дело до трагедии.

Важнейшие понятия и термины

Групповое мышление - полная утрата группой чувства реальности, переоценка собственных сил и возможностей действий, самодовольство и дерзость, что связано с чрезмерной сплоченностью и солидарностью внутри группы, а также с ее изоляцией от окружения и замкнутостью в собственном кругу.

Групповой шовинизм - представление об исключительных достоинствах собственной группы, которому сопутствует приниженная оценка других.

Дискриминация - меньшие шансы доступа к образованию, получению профессии, состояния, политических прав, престижа и других ценимых благ только на том основании, что кто-либо является членом группы, ставшей предметом предрассудков или негативных стереотипов, независимо от индивидуальной квалификации или заслуг этого человека.

Естественный язык - система символов, созданных спонтанно данной группой в длительном процессе исторической аккумуляции.

Знак - указатель определенного положения вещей, опирающийся на естественные закономерности, в силу которых он выступает вместе с этим положением вещей или предшествует ему.

Идеологии - системы идей, которые обеспечивают обоснование, легитимность, поддержку каким-либо частным групповым интересам или утверждают групповую идентичность.

Искусственный язык - система символов, целенаправленно сконструированных для обеспечения межличностной коммуникации в какой-нибудь специфической области.

Мораль группы - сильные социальные связи между членами группы, групповая солидарность, взаимная лояльность и доверие.

Общественное сознание - совокупность широко распространенных и принятых в данной группе взглядов, идей и убеждений, которые становятся образцами или схемами мышления, присущими членам этой группы, навязанными им посредством общественного давления.

Предрассудок - негативный стереотип, сильно эмоционально окрашенный.

Пиктограмма - изображение, рисунок, который в упрощенном графическом виде символизирует предмет или позицию, ассоциации (совпадение, сходство) с которыми мы рассчитываем найти в таком изображении.

Сегрегация - обеспеченная на основе законов или обычаев изоляция людей, принадлежащих к тем группам, которых касаются предрассудки и негативные стереотипы (главным образом, этнических или расовых меньшинств).

Символ - указатель на определенное явление или положение дела, основанный на принятой в данной группе произвольной конвенции.

Стереотип - упрощенный, односторонний, крайне утрированный образ определенной группы, в рамках которого все ее члены рассматриваются без различий, независимо от их субъективных, индивидуальных качеств.

Экстерминация - физическое уничтожение членов группы или целой группы, трактуемой посредством усиленно навязанных негативных стереотипов или предрассудков.

Язык - система связанных между собой символов, признанных в данном обществе (значение которых оказывается одинаковым для членов данного общества).

Рекомендуемая литература

2, 9, 11, 32, 40, 63, 89 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 13

Культура доверия

Проблематика доверия, рассматриваемая традиционно как область теологии, этики, философии человека или социальной психологии, входит в конце XX в. в круг интересов социологии. Это связано с отходом от господствовавшей долгое время институциональной, или структуралистской, парадигмы и перенесением акцента на «мягкие переменные», связанные с культурой, коллективной ментальностью, моралью, нюансами отношений между людьми.

Теории и теоретики доверия

Среди тех, кого можно считать предвестниками социологической научной теории доверия, можно назвать классиков социальной философии: Томаса Гоббса (Hobbes), Джона Локка (Lock), Адама Смита, Адама Фергюсона (Ferguson), а позднее - основоположников социологии, работавших в XIX в., Георга Зиммеля, Фердинанда Тенниса и Эмиля Дюркгейма. В социологии первой половины XX в. этой проблематикой занимались между прочим Толкотт Парсонс и Давид Рисман.

Однако только с конца 1970-х годов учение о доверии начинает развиваться как особое социологическое направление, а проводимые в этой области эмпирические исследования приобретают характер комплексных «исследовательских программ». Так, в 1979 г. Никлас Луман (Niklas Luhmann) публикует получившее широкую известность сочинение, в котором утверждает, что доверие является необходимым условием развития современных обществ из-за их сложности, непрозрачности, из-за *неуверенности*, охватывающей все более широкие сферы, и преобладающего *риска*¹. В 1983 г. Бернард Барбер (Bernard Barber) проводит анализ значения и границ доверия в разных институциональных сферах - в политике, в экономике, в медицине и т.п., связывая понятие доверия с идеей *опеки, институтом доверенных лиц и представитель-*

*ства*². В 1984 г. Шмуэль Эйзенштадт (Shmuel Eisenstadt) и Луис Рониджер (Louis Roniger) исследуют основополагающую роль доверия в отношениях между *патронами и клиентами* от древних времен до наших дней³. В 1988 г. Диего Гамбетта (Diego Gambetta) публикует анализ явления доверия в контексте и на основе методологии многих научных дисциплин, а спустя пять лет издает монографию о функционировании доверия в сицилийской мафии⁴. В 1990 г. Джеймс Коулман (James Coleman) дает определение доверию в категориях развитой им «теории рационального выбора»⁵. Тем же путем идет в своих многочисленных работах Рассел Хардин (Russel Hardin)⁶. К традициям Лумана обращается Антони Гидденс (Anthony Giddens), который рассматривает доверие как характерную составляющую фазы «*поздней современности*», делая упор на возрастающей сложности, неуверенности и риске⁷. В 1995 г. Фрэнсис Фукуяма проводит тщательный анализ доверия как необходимого фактора экономических транзакций, сохраняющего свое значение и в эпоху глобальной экономики⁸. В 1997 г. Адам Зелигман (Adam Seligman) предлагает интерпретацию доверия в качестве неизбежного результата возрастающего числа социальных ролей и их специализации, приводящей к расплывчатости и нечеткости ожиданий, связанных с ролями⁹. В 1999 г. Петр Штомпка публикует свою попытку синтетической формулировки социологической теории доверия¹⁰. Ниже мы изложим основы этой теории.

Доверие и недоверие: «ставки» на будущее

Как мы уже знаем из гл. 2 этой книги, все действия людей ориентированы на будущее и весь ход их становления и развития - это своего рода предвосхищение будущего. Результаты наших нынешних действий в значительной мере зависят от будущих, часто не зависящих от нас обстоятельств. На эти обстоятельства наряду с различными природными явлениями, не связанными с человеческой активностью, также влияют общественные события, вызванные действиями отдельного человека, коллектива, организации, института. Люди живут и действуют в мире, созданном в значительной степени дру-

² Barber B. The Logic and Limits of Trust. New Brunswick: Rutgers University Press, 1983.

³ Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, Clients and Friends. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

⁴ Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / Ed. by D. Gambetta. Oxford: Blackwell, 1988; D. Gambetta. The Sicilian Mafia. Cambridge: Mass, Harvard University Press, 1993.

⁵ Coleman J.C. Foundations of Social Theory. Cambridge: Mass, Harvard University Press, 1990.

⁶ Hardin R. The street-level Epistemology of Trust // Politics and Society. 1993. V. 21. №4. P. 505-529.

⁷ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990; Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991.

⁸ Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Free Press, 1995.

⁹ Seligman A. The Problem of Trust. Princeton: Princeton University Press, 1997.

¹⁰ Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

¹ Luhmann N. Trust and Power. New York: J. Wiley, 1979.

гими людьми и их действиями. Эти другие люди, точно так же, как мы сами, свободны в определенных пределах и являются субъектами, способными выбрать действия разного рода. Заранее мы не можем знать, какие они примут решения и какие выберут действия. Всегда существует риск, что они примут действия, которые не всегда окажутся выгодными для нас, а, напротив, могут принести нам вред. Этот *риск* возрастает по мере того, как увеличивается число наших потенциальных партнеров, по мере того, как они становятся все более разнообразными, словом, когда наша социальная среда расширяется, усложняется, становится все менее прозрачной и все менее нами контролируемой.

Риска, создаваемого усложнением социальной среды, невозможно избежать, ибо для того, чтобы жить, мы должны вступать во взаимодействия с другими. Следовательно, мы должны постоянно участвовать в *игре*, делать *ставку* на те или иные будущие действия наших партнеров. Мы это делаем, проявляя доверие к ним или отказывая им в таком доверии. Доверие и недоверие - это своего рода ресурсы, капитал, который мы приводим в движение, делая свои ставки в этом непрерывном азарте контактов с другими людьми. Доверие позволяет нам уменьшить неуверенность и предположить, что другие будут поступать выгодно для нас или по крайней мере нейтрально. Мы можем тогда действовать более спокойно, более оптимистично, более свободно, думая, что мир лучше, чем он есть на самом деле. Противоположная ситуация возникает при недостатке доверия. В этом случае мы уже заранее предполагаем, что мир плохой, может быть, даже хуже, чем он есть на самом деле. Недоверие позволяет нам создать охранительные барьеры против возможных будущих угроз со стороны других людей. Само предположение, что другие будут действовать во вред нам, заставляет нас воздержаться от действий, выдержать дистанцию, быть бдительными и осторожными. Таким образом мы снижаем риск или возможную опасность, но ценой пассивности и потери той выгоды, которая, возможно, ожидала нас в случае вступления во взаимодействия, от которых мы отказались. И в первом, и во втором случае доверие и недоверие - это способы *справиться с неясным будущим*, в котором мы не уверены, сформулировав позитивные или негативные предположения (модели будущего) и соответственно совершив или не совершив те или иные действия. Итак, попробуем дать определение: *доверие и недоверие* - это своего рода ставки, сделанные в расчете на будущие действия других людей, в которых мы не уверены. Слово «ставка» в этом определении подчеркивает, что доверие - это не только созерцательная надежда, но основанное на такой надежде активное, ангажированное действие, принятие каких-либо решений, которые связаны с риском и которые уже нельзя будет изменить. Например, я верю, что эта женщина будет порядочной, верной женой, и я женюсь на ней. Я верю, что технический и летный персонал авиакомпании LOT имеет высокую квалификацию, и я сажусь в самолет этой компании.

Как и в казино, в жизни тоже можно играть смело, безоглядно или более осторожно, вступая в зону большего или меньшего риска. Наши «ставки», выражающие доверие, формируют шкалу градаций в зависимости от типа

ожиданий, которые мы связываем с партнерами. Я предлагаю выделить три категории такого рода ожиданий.

Ожидания, связанные со сравнительно меньшими требованиями, можно назвать *эффективными*; они касаются инструментального характера действий, предпринимаемых партнерами. В данном случае мы ожидаем, что действия других людей будут основаны на правилах, что они будут в этом смысле правильными, что их можно предвидеть. Немного более сильным оказывается ожидание рациональности, или разумного расчета, в действиях других людей. Еще сильнее ожидания компетенции, высокого качества, успешности или результативности действий. Однако во всех этих случаях речь идет об определенной формальной особенности действий безотносительно от их содержания. В данном случае мы не берем в расчет ни то, кого эти действия касаются, ни то, какие намерения лежат в их основе.

Совершенно иначе обстоит дело в другой категории ожиданий, которые можно определить как *аксиологические ожидания*, касающиеся самой сути, качества действий, их правильности. Одаряя кого-либо доверием такого рода, мы ожидаем, что этот человек будет действовать адекватно, ответственно, справедливо, принципиально, честно. Это уже более крупная ставка, ибо людей высокой нравственности наверняка гораздо меньше, чем людей, действующих рационально. Грубо говоря, нарваться на подонка гораздо легче, чем встретить святого.

Наконец, третья категория охватывает *опекунские ожидания* (*ожидания проявления чьей-то заботы или помощи*), связанные с такими действиями, которые вслед за Ральфом Дарендорфом можно назвать «*представительными*» или вслед за Бернардом Барбером - «*доверенными*» (исходящими от лиц, облаченных нашим высоким доверием). В этом случае мы рассчитываем на то, что другие будут бескорыстно заботиться о наших интересах, будут благородны, альтруистичны, готовы прийти к нам на помощь и будут нам помогать. Это самая крупная ставка, ибо благородных альтруистов еще меньше, чем людей принципиальных или действующих рационально. Таким образом, шансы поражения, проигрыша, выявления того, что доверие подвело нас и было напрасным, возрастают по мере того, как возрастают ставки, как все более максималистскими становятся наши ожидания и требования, адресованные партнерам, в соответствии с такого рода «шкалой доверия» - от опекунских через аксиологические к эффективным ожиданиям.

Противоположная логика руководит выражением недоверия. Самая малая и наименее рискованная ставка здесь - это предположение, что другие будут действовать эгоистично и корыстно, заботясь прежде всего о собственной выгоде, о своих интересах. Этот тип недоверия (или, может быть, реализма) представляется вполне оправданным, ибо люди на самом деле чаще всего руководствуются собственными интересами. Несколько преувеличенным, однако, является слишком пессимистическое ожидание того, что другие всегда будут действовать аморально, необъективно, прибегая к обману, лжи, оппортунизму. Ведь существуют и отдельные люди, и целые группы высокоморальных людей. Наконец, наименее обоснованным (почти патологическим, напоминающим проявление паранойи) является ожидание того, что другие будут действовать иррационально, случайно, хаотично. Ведь в конце концов в каждой

группе людей, в каждом сообществе имеет место какой-либо тип общественного порядка. Следовательно, и шансы того, что наше недоверие окажется необоснованным, повышаются по мере того, как мы все больше отказываем нашим партнерам в том, что им присущи распространенные в обществе добродетели, то есть по мере перехода от опекунских через аксиологические к эффективным ожиданиям.

Проигрыш в «ставках» первого и второго типа имеет абсолютно противоположные последствия и значения. Если другие не оправдают оказанного им доверия, это окажется деструктивным по отношению к нам, легко может привести к негативным обобщениям, всеобщему недоверию, распространению этого недоверия на других людей или на другие институты. Зато, если недоверие, которое мы проявили к другим, не оправдается, это станет для нас позитивным опытом, который может привести к обобщениям иного рода - к *общему доверию*, вере в разумность, справедливость других людей и институтов. Однако полной симметрии здесь, кажется, не существует. Чаще можно столкнуться с тем, что наше доверие оказалось напрасным, подвело нас, нежели с обстоятельствами, которые позволят переломить исходное недоверие. Даже отдельные действия, не совпадающие с нашими ожиданиями, могут привести к потере доверия, и, наоборот, нам нужно очень много серьезных и последовательных доводов, чтобы убедиться, что наше недоверие было необоснованным. Гораздо проще потерять доверие, чем обрести его, то есть сломать недоверие. Как говорит американский политолог Рассел Хардин (Russel Hardin), доверие - это хрупкое благо.

Доверие или недоверие и в своих сильных, и в своих слабых вариантах может быть направлено на разные объекты. Самый простой случай - это *личное доверие* по отношению к конкретным, знакомым нам людям. Несколько более абстрактный характер имеет *позиционное доверие*, направленное на определенные социальные роли, профессии, должности, властные структуры, независимо от того, кто конкретно эти должности занимает или эти роли исполняет. Каждый, кому выпала роль, наделенная общественным доверием (например, врач, адвокат, священник), обладает вытекающим из этого титула первоначальным «кредитом доверия», независимо от личных, субъективных особенностей этого человека. И напротив, каждый, кому выпадает роль, вызывающая общественное недоверие (например, «торговец», спекулянт, полицейский, политик), должен хорошо потрудиться, чтобы разрушить этот предварительный барьер подозрительности. Особый вид представляет собой *коммерческое доверие*, направленное на товары: продукты определенной марки, фирмы, происходящие из той или иной страны, - доверие, которое только опосредственно, косвенно касается тех, кто производит эти товары. Далее мы встречаемся с *технологическим доверием*, направленным на различные сложные технические системы (системы коммуникаций, телекоммуникаций, энергетические, информационные системы), которые все более неотвратимо формируют инфраструктуру нашей повседневной жизни. И это доверие имеет лишь косвенное отношение к тем конструкторам или операторам, которые изобретают, приводят в действие и обслуживают эти системы. Еще встречается *институциональное доверие*, обращенное к сложным организационным

структурам, приводящим в действие многочисленные группы анонимных участников (например, к университету, к банку, к гильдии). Наконец, наиболее абстрактный вид доверия - это *системное доверие*, направленное в адрес целой социальной системы и ее участников (общественного строя, цивилизации, экономики).

Доверие и недоверие могут иметь выборочный характер, быть сосредоточенными только на определенных объектах или лицах (я доверяю своей семье, но не доверяю соседям; я доверяю врачам, но не доверяю адвокатам; я верю банкам, но не верю маклерским конторам; я верю в демократию, но не верю в рынок). Каждый человек имеет свой собственный *баланс доверия* - набор объектов и лиц, которым он доверяет и которым он не доверяет. В свою очередь, каждый объект и каждое лицо имеют своеобразный круг лиц, которые им доверяют или, напротив, питают к ним недоверие (для премьер-министра или президента страны, к примеру, может быть очень важно, каков расклад доверия и недоверия к нему среди различных слоев общества; для производителя автомобилей может быть важно, как выражается доверие к данной марке машин в различных профессиональных группах, к которым относятся потенциальные покупатели).

Однако доверие и недоверие могут иметь обобщенный характер, выступать в виде некоей господствующей «атмосферы», или «климата», как доверия, так и недоверия, придавая ту или иную окраску самой ориентации по отношению ко всем категориям объектов и лиц, независимо от их типа. Такое обобщенное доверие может быть присуще отдельному человеку (злые языки в таком случае называют его наивным или легковерным), но может быть и характерным признаком группы. Предвосхищая наши дальнейшие рассуждения и выводы, скажем, что в таком случае формируется «*культура доверия*» или, наоборот, «*культура недоверия*».

Обоснованность доверия или недоверия

Делая «ставки», выражающие доверие или недоверие по отношению к определенным лицам или объектам, мы мотивируем это различными обстоятельствами. Чаще всего берем во внимание определенные качества тех, кому адресуем свое доверие. В таком случае доверие, которое мы выражаем, является отражением той квалификации, какую имеют адресаты, заслужившие это доверие, отражением их достоинств, позволяющих им доверять (а точнее, отражением нашей субъективной оценки того, достойны ли они такого доверия на самом деле). Таким образом, в результате более или менее тщательных размышлений и расчетов, а иногда руководствуясь интуицией, мы устанавливаем, в какой мере те или иные лица или объекты непосредственно, сами по себе, заслуживают доверия или действуют в таком структурном или ситуационном контексте, который заставляет их поступать в соответствии с оказанным им доверием.

Имманентные критерии (касающиеся непосредственно объектов или лиц), принимаемые нами во внимание, бывают трех видов. Первый, относительно

наиболее достоверный, - это *репутация*, то есть известная нам история прежних действий или последовательно и в различных ситуациях проявляющиеся качества, достоинства, связанные с нашими ожиданиями. Чем шире временной горизонт наших знаний, чем более разнообразных обстоятельств и ситуаций эти знания касаются, тем больше мы можем быть уверены в репутации данного человека или института и тем более обоснованной является экстраполяция нашего доверия в будущее. Другим критерием, более шатким, являются нынешние *достижения*, которые необязательно представляют весь профиль деятельности, могут иметь спорадический или случайный характер, а следовательно, дают меньше оснований для экстраполяции доверия в будущее. Наконец, третьим критерием, уж вовсе ненадежным, является внешний вид, *физиономия*, различные внешние реквизиты и символы, которыми пользуется то или иное лицо или институт (костюмы, галстуки, часы престижной фирмы у бизнесменов, лимузины у продавцов недвижимости, мраморные полы в банках, кожаные кресла в директорских кабинетах). Здесь мы имеем дело с самым крупным запасом средств для циничных манипуляций, и поэтому проявление доверия на столь непрочных основах чревато самым большим риском. Известны, и не только из фильмов о гангстерах, обманные инсценировки, призванные внушить доверие контрагентам, которые будут обмануты. В недавнее время такие средства весьма успешно использовали в Польше фальшивые «туристические фирмы», а также «банкиры» из Нигерии.

Другой вид критериев, уже не имманентных, а опосредствованных, которые могут быть, однако, более достоверны, - это характер *структурного или ситуационного контекста*, в котором действует лицо или институт, наделенные нашим доверием. Речь идет о том, что их поведение в таком случае находится под пристальным и успешным наблюдением и контролем, а в случае нарушения доверия этим лицом или институтом им грозят санкции, что является последствием данного мониторинга и контроля. Иначе говоря, вопрос в том, существует ли *инстанция, вынуждающая* действовать в соответствии с оказанным доверием и таким образом уменьшающая шансы произвола и превышения своих прав. Примеры таких инстанций - это независимые суды, прокуратура, Конституционный суд, правозащитные организации, независимые средства массовой информации. Между прочим, демократическое общество тем и отличается от автократического режима, что делает граждан и тех, кто находится у власти, в равной мере ответственными за свои действия перед законом, одинаково обязательным для тех и других. Благодаря этому власть в демократическом обществе обладает более мощными резервами оказываемого ей априори доверия. Я могу доверять властям, когда знаю, что они подчиняются закону и каждый раз во время выборов подвергаются своего рода тесту на доверие. Так же я могу более беспечно довериться контрагенту, если знаю, что в случае чего на страже моих интересов окажется беспристрастный суд. Я могу также более беспечно довериться чиновнику, если знаю, что в случае чего смогу защитить свои права, обратившись с жалобой в администрацию или подав иск в суд по гражданским делам, а от возможного произвола этого чиновника и превышения им своих прав меня будут защищать правозащитные организации. Та же самая логика касается не только постоянных струк-

тур, но и сравнительно кратких, мимолетных ситуаций, в которых мне придется действовать. Я с большим доверием куплю автомобиль в салоне крупной фирмы, чем у безымянного продавца на рынке автомобилей. Я с большим доверием подпишу контракт в нотариальной конторе, чем за столиком в ресторане. Мое ощущение собственной безопасности при встрече с незнакомыми прохожими на улице будет больше днем, нежели ночью, в центре города, нежели на его окраинах, и я проявлю большее доверие к верующим, собравшимся в костеле, чем к фанатам на футбольном стадионе.

Главное внимание научной литературы на темы доверия сосредоточено на рациональных, а иногда даже интуитивных, подсознательных расчетах. Оказание доверия трактуется здесь как простое определение надежности адресата или партнера, которого мы в своей оценке по разным указанным выше причинам считаем достойным доверия. И на этом теория рационального выбора останавливается. Но причины, по которым мы кому-либо доверяем или отказываем в доверии, не всегда и не только являются результатом рациональных расчетов. Могут существовать обстоятельства, склоняющие нас к доверию или недоверию, но не имеющие никакого отношения к качествам и особенностям тех лиц или объектов, которым мы оказываем доверие.

Независимо от качеств адресата или партнера важным, решающим фактором в вопросе оказания (или не оказания) ему доверия является наша собственная склонность, наша готовность оказать или не оказать доверия, наша *личная доверчивость или недоверчивость*. Здесь речь идет о такой постоянной индивидуальной особенности, которая в социологической литературе называется *импульс доверия*, или исходное доверие. Конечно, такая черта индивида не является врожденной, она формируется как результат благоприятной семейной атмосферы в период ранней социализации, а также позднейшего позитивного опыта в общении с другими. Так или иначе уже сложившаяся и укоренившаяся готовность оказывать другим доверие может существенно повлиять на рациональные расчеты, изменив их результат, а в крайнем случае дело может даже дойти до проявления наивности, легковерия, то есть действий, не совместимых с рациональностью и не реагирующих на предостерегающие сигналы. И напротив, неудачный опыт социализации, а также несчастливо сложившиеся позднейшие общественные отношения могут вызвать отчуждение, проявлением которого оказывается глубокая недоверчивость. И в этом случае также рациональные расчеты подлежат корректировке, модификации, а в крайних случаях полной ломке под давлением параноидальной подозрительности, глухой ко всем доводам, убеждающим в обратном.

Пока мы говорим об индивидуальных, психологических склонностях. Но тенденция к оказанию доверия или к отказу в доверии может приобрести групповой, общественный характер. Доверчивость или подозрительность могут стать «социальными фактами» в том смысле, какой имел в виду Эмиль Дюркгейм, разделенными членами более широкой группы, внешними по отношению к каждому из них и оказывающими принудительное воздействие на их ориентацию по отношению к другим. Доверие или недостаток доверия становятся в таком случае *социальным правилом*, а не только личным делом, *норма-*

тивным ожиданием, а не только индивидуальным выбором. Таким образом, мы подходим к третьему измерению доверия - к культурному. Культурные правила, касающиеся доверия, - это сложно переплетающиеся исторические результаты коллективного опыта. Будучи свидетельством позитивного или негативного опыта данного общества в прошлом, они могут существенно изменить нынешние расчеты, а также индивидуальные склонности отдельных людей. В крайних ситуациях культурные императивы могут полностью проигнорировать все рациональные расчеты, свести на нет все рациональные аргументы, как, впрочем, и индивидуальные тенденции, противоположные этим культурным императивам.

Культурно мотивированное доверие или недоверие может иметь выборочный характер. Культурные правила могут требовать доверия или недоверия по отношению к объектам определенного рода. Например, поляки склонны считать, что заграничные автомобили заслуживают большего доверия, чем отечественные, и это мнение достаточно распространено. Точно так же они полагают, что следует верить служителям культа, но не верить политикам, что армия заслуживает доверия, а полиция - нет; что надо доверять американцам, а не русским; что более безопасно довериться белым людям, нежели чернокожим. Значение культурного фактора возрастает, когда дело касается абстрактных объектов: фирм, учреждений, социальных ролей, институтов, организаций, строев, наций - и проявляется наиболее сильно, когда мы имеем дело с позиционным, институциональным и системным доверием. Дело в том, что мало кто обладает достаточной информацией и компетенцией, чтобы самому рационально оценить, достойны или недостойны доверия такие необычайно сложные по своей структуре объекты. Тогда наиболее востребованной и нужной становится обобщенная, традиционная ориентация, приобретающая часто характер укоренившихся, прочных стереотипов и предрассудков.

Культурные стереотипы, однако, оказывают влияние не только на наше отношение к различным объектам и на наше выборочное доверие. Они могут требовать от нас обобщенного доверия или обобщенного недоверия, создавать «климат», способствующий доверию или недоверию по отношению ко всем объектам. Этот случай обобщенной, распространяющейся на все объекты культуры доверия или столь же обобщенной культуры недоверия (иначе говоря, культуры цинизма) особенно интересен и чреват последствиями.

Суммируя проведенный выше анализ, отметим, что обоснование доверия или недоверия может опираться на отношения двоякого рода. Когда мы делаем наши «ставки» относительно того, как другие люди поведут себя в будущем, опираясь на оценку их надежности, то такое отношение имеет эпистемологический характер. Мы можем оценивать их правильно, можем ошибаться. Эпистемологическая ошибка может привести к наивной, формирующейся вопреки фактам легковёрности или, наоборот, к ничем не обоснованным, параноическим опасениям. Когда же основой нашего доверия или недоверия является личная предрасположенность или культурные правила, отношение имеет уже другой характер - не столько эпистемологическое, сколько генеа-

логическое. Нынешние ориентации, индивидуальные (личные) или разделяемые всей группой (культурные), вытекают из закодированных сложным образом прежних результатов личного или коллективного опыта. До той поры, пока нынешняя ситуация продолжает тенденции прошлого, наша ориентация оказывается обоснованной. Ошибка инерции появляется тогда, когда возникает значительный разрыв между современностью и прошлым, когда современность превращается в арену радикальных изменений. Тогда традиционное недоверие может сохраниться в новых условиях, из которых вытекает, что более обоснованным было бы доверие (как это происходит, например, в посткоммунистической Центральной и Восточной Европе). И наоборот, традиционное доверие может выступать в новых условиях, требующих уже гораздо большей осторожности и недоверчивости (как, например, в модернизированной после Второй мировой войны Японии). Цинизм и наивность - это две стороны такой генеалогической инерции. И здесь также проявляется отмеченная нами уже раньше асимметрия: гораздо легче уничтожить наследство доверия, чем победить недоверие, преодолеть его тяжесть.

ЮРГЕН ХАБЕРМАС (род. в 1929 г.)

Это ведущий интеллектуальный авторитет в современной Германии. Необычайно плодовитый теоретик во многих областях социальных наук, а также ангажированный политический публицист. В его огромной библиографии особенно выделяются: «Кризис легитимизации в позднем капитализме» (*Legitimationsprobleme im Schpatkapitalismus*, 1973), «Теория коммуникативного действия» (*Theorie des kommunikativen Handelns*, 1981), «Философский дискурс современа» (*Der philosophische Diskurs der Moderne*, 1985), «Фактичность и значимость» (*Faktizitat und Geltung*, 1992).

Согласно его теории, две краеугольные основы социальной жизни - это труд (тема Маркса) и межчеловеческая коммуникация. Труд управляется инструментальной рациональностью, которая имеет стратегический характер и нацелена на максимальную эффективность. В основе коммуникации - коммуникативная рациональность, стремление к взаимопониманию и согласованию взглядов, что может быть достигнуто путем открытых, честных дискуссий между равными партнерами («идеальная ситуация дискурса»). Принятие моральных норм или политических позиций должно также опираться на диалог и согласие всех, кого могут касаться последствия таких решений («дискурсивная этика»). Аналогично автономия права (закона) проявляется только тогда, когда законодательные процедуры и применение законов гарантируют объективное выражение мнения. Институциональные условия для процедуры достижения согласия обеспечивает демократия, а находящиеся за пределами институциональной зоны условия - развитая «публичная сфера», форум компетентной, точной и непредвзятой схватки аргументов.

Общество имеет два аспекта - «систему», которая складывается из институтов, и «жизненный мир», который складывается из спонтанных практик и значений, признан-

ных членами группы. Восходящий к просветительским концепциям проект создания современного общества произошел из двух направлений, двух источников: а) через рынок, бюрократию, право «система» подлежала рационализации, инструментализации и установлению господства денег и власти; б) эти факторы вторглись также в «жизненный мир», способствуя его «колонизации» и разрушая естественные основы общности и идентичности. Поздний капитализм отличается также кризисом легитимизации, как политической, так и культурной, в то время как власть сосредоточилась только на прагматичном направлении в сфере макроэкономики. Неизбежные кризисы в этой области быстро расшатывают авторитет власти, снижают лояльность и ангажированность граждан, а также наносят урон их коллективной идентичности.

Новейшая фаза социального развития - это «постнациональная констелляция» и заложение основ «космополитической демократии»; формирование глобального общественного мнения и глобального гражданского общества. Главная дилемма - это создание коллективной идентичности в наднациональном масштабе. Здесь находится «другой шанс Европы», которая была колыбелью национальных государств, а ныне стоит на пути формирования континентальной федерации государств.

Литература

Habermas J. Teoria i praktyka: wybór pism. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983.

Habermas J. Obywatelstwo a tożsamość narodowa. Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 1993.

Habermas J. Teoria działania komunikacyjnego. T. 1. Warszawa: PWN, 1999.

Habermas J. Postmodernizm a filozofia: wybór tekstów. Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 1999.

Habermas J. Filozoficzny dyskurs nowoczesności. Kraków: Universitas, 2000.

Kaniowski A., Szahaj A. Wokół teorii krytycznej Jürgena Habermasa. Warszawa: Prace Kolegium Otryckiego, 1987.

Krasnodebski Z. Habermas // Encyklopedia Socjologii. T. 1. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1998. S. 270-275.

Структурные источники культуры доверия

Создание санкционированного общего культурного «климата» доверия или недоверия имеет огромное значение для развития общества. Мы должны задуматься над причинами этого явления.

Первая категория существенных факторов - это *историческое наследие*, то есть вытекающая из прежних дел данного общества общая тенденция выражения доверия или недоверия различным объектам. Прежняя судьба может склонить общество к оптимизму, к выражению надежды и доверия или, наоборот, представить каталог поражений и неудач, настраивающий на пессимизм, подозрительность и недоверчивость.

Однако история только фон для современности. Решающую роль в генерировании доверия или недоверия играет нынешний *структурный контекст*. К этой, второй, категории структурных факторов можно отнести следующие. Во-первых, чрезвычайно важной оказывается *нормативная стабильность* или, напротив, нормативный хаос (аномия). Если система социальных правил, указывающих на достойные цели и соответствующие им средства человеческих дей-

ствий, хорошо разработана и представляет собой цельное, прозрачное и легитимное явление, возникает ощущение порядка, возможности предвидеть, управлять процессами и чувство *экзистенциальной безопасности*. Уже этого самого по себе достаточно, чтобы появилось общее доверие инструментального эффективного типа - ожидание того, что система будет функционировать нормально, без сбоев, и что это будет касаться как системы в целом, так и отдельных институтов, ролей или личностей. Если к тому же суть правил, предлагаемых законодательством, моралью, обычаями, гарантирует справедливость, социальную безопасность, защиту граждан, права человека и т.п., формируется также общее доверие аксиологического или опекунского типа. И напротив, хаотичные, разобщенные, слабо подтвержденные правила (нормативная аномия) способствуют случайным и непредвиденным поступкам, создают ощущение анархии, неуверенности и угрозы. Общее инструментальное недоверие, восприятие абсолютной неэффективности системы вызывает в таких условиях естественную реакцию. Если к тому же суть правил воспринимается как несправедливая, аморальная или необъективная, возникает также недоверие аксиологического или опекунского типа, убеждение в преобладании зла и невозможности на кого бы то ни было положиться. Во-вторых, важное значение имеет прозрачность общественной организации или, напротив, неясность, скрытость политических и экономических структур. То, что мы знаем и понимаем, пробуждает доверие. Если процесс развития, смысл существования, основы действий, компетенция и достигаемые институтом результаты хорошо видны, легкообозримы и понимаемы, доступны контролю, мы чувствуем себя в безопасности и наделяем такие институты доверием. Замечено, к примеру, какое большое значение для формирования общего доверия имеет простота системы налогообложения. И напротив, если структура и функционирование институтов оказываются неясными, скрытыми, запутанными, малопонятными, естественной реакцией будет общее недоверие.

Третий фактор - это *прочность социального порядка* и, напротив, расплывчатость, временный, преходящий характер организаций и институтов. Если социальная организация, структура институтов, а также цивилизационная и техническая среда повседневной жизни оказываются прочными и неизменными или, в крайнем случае, подлежат постепенным, последовательным, заранее предвиденным изменениям, тогда ощущение экзистенциальной безопасности выражается в общем доверии. Зато когда происходит быстрое и радикальное изменение общества, совершается это стремительно и внезапно, без четкого направления и понятного смысла, экзистенциальная безопасность оказывается под вопросом, и появляется общее недоверие. История великих революций демонстрирует этот механизм разрушения доверия. Очень четко этот эффект проявился в посткоммунистических странах первой половины 1990-х годов, и лишь к середине 1990-х годов новая система начала понемногу «осваиваться» и обрела в ощущениях граждан некоторую нормальность.

Четвертый фактор - это *подчинение властей законам* или, наоборот, произвол, недостаточная ответственность государственных органов. Ограничение

компетенции, процедурные рамки, надзор и контроль над чиновниками, множественность инстанций и возможность апелляции - все это способствует созданию общего доверия. Этот эффект оказывается еще более сильным, если содержание решений, принимаемых властью, рассматривается как правильное, справедливое, направленное на благо граждан. И наоборот, власть волюнтаристическая, допускающая произвол, неограниченная, неконтролируемая, власть, действия которой нельзя предвидеть, пробуждает страх и, как результат, общее недоверие. Тем более, если содержание принимаемых такой властью решений рассматривается обществом как субъективистское, эгоистическое, не содействующее общественному благу.

Пятый фактор - это последовательная *реализация прав и строгое исполнение прав граждан* или, наоборот, бессилие, несправедливость граждан и насилие со стороны власти. Когда существуют независимые институты, к которым можно апеллировать в деле защиты прав, оказавшихся под угрозой (суды, трибуналы, арбитраж), а также инстанции, которые неукоснительно и строго заставляют исполнять обязательства (прокуратура, полиция), члены общества чувствуют себя в безопасности от произвола, превышения прав, обмана, преступности и проявляют общее доверие. Этот эффект еще более усиливается, если соответствующие институты действуют быстро, правильно, справедливо, руководствуясь общественными интересами. Если невозможность успешной реализации своих прав или превышение прав другими, а также уклонение от обязанностей не сопровождается санкциями, то возникает чувство неуверенности, опасности, и мы реагируем на это общим недоверием. Еще хуже, когда соответствующие органы выглядят в глазах общественности действующими необъективно, коррумпированными, подкупленными.

Субъективные факторы культуры доверия

Описанная конфигурация структурных условий может сформировать культуру доверия или недоверия только тогда, когда она становится *предметом восприятия* и соответствующей реакции членов общества. В человеческом сообществе никакие структуры не действуют сами по себе, непосредственно, - их всегда приводят в движение действия людей; эти структуры остаются только своего рода арсеналом средств, к которым могут прибегать люди. Одни и те же структурные условия могут быть восприняты по-разному и вызывать различные реакции в зависимости от качеств тех людей, которые воспринимают эти условия и реагируют на них. В нашей теоретической модели в качестве третьей важной категории, детерминирующей процесс формирования доверия или недоверия, наряду с историческими и структурными факторами должны появиться *субъективные факторы*. Их можно упорядочить, разделив на две группы. С одной стороны, несомненно, существует синдром персональных особенностей и черт, способствующий созданию общего доверия, и синдром противоположный, склоняющий к недоверию. С другой стороны, это решают те общественные резервы, тот соци-

альный капитал, которыми располагает человек или, наоборот, которых ему не хватает.

К первой категории - *личных качеств* - мы можем отнести высокие претензии, активность, оптимизм, ориентацию на будущее, успешность действий. Они формируют ту общую ориентацию общественной активности и продвинутости, в которой общее доверие становится естественной составляющей. Наоборот, заниженные духовные потребности и претензии, пассивность, пессимизм, привязанность к прошлому, стремление сохранить статус-кво создают альтернативную ориентацию, которая увязывается с общим недоверием. К другой категории субъективных факторов - *резервов*, или *капитала* в широком его понимании, - относятся образование, доходы, контакты и знакомства («связи»), семейная поддержка, состояние здоровья, религиозность, духовность. Кажется, обладание такими резервами обеспечивает и предохраняет от возможных жизненных опасностей, в том числе и от плохо рассчитанного недоверия, которое может нанести человеку ущерб. Зато недостаток резервов такого рода означает, что риск, связанный с оказанием другим доверия, непомерно возрастает. Неоправданное, напрасно оказанное доверие может в данном случае привести к жизненной катастрофе, отсюда - сильнейшая склонность к общему недоверию как самозащитная реакция.

Описанную выше теоретическую модель можно представить в виде схемы (рис. 6).

Рис. 6. Генеалогия культуры доверия

Функции и дисфункции доверия и недоверия

Каково значение доверия и недоверия для функционирования общества и для действий граждан? Было бы явным упрощением последовать интуиции обыденного сознания, которая придает доверию исключительно позитивный желанный смысл, а недоверию - однозначно уничижительный смысл. Различные формы доверия и недоверия, которые мы попытались выявить выше, создают сложный баланс функциональности и дисфункциональности как для всего общества, так и для отдельных его членов.

Самым важным здесь является то, *обоснованы* или не обоснованы доверие и недоверие. Здравый смысл подсказывает простое решение: разумно доверять надежным людям и не доверять тем, кто не достоин доверия. Доверие по сути своей включает момент выгоды (является функциональным) как для того, кто оказывает доверие, так и для того, кто этим доверием пользуется. Если я кому-нибудь доверяю, то мои действия по отношению к этому человеку становятся более открытыми, смелыми, спонтанными, включают в себя инновацию. Свободный от опасений, подозрений и осторожности, я не сдерживаю себя в инициативах, направленных на взаимодействие, не считаю нужным контролировать каждый свой шаг, постоянно следить за своим партнером, непрерывно заботиться о своей безопасности и все время проверять, какие он имеет намерения. Как говорят экономисты, «внешние расходы» взаимодействия значительно уменьшаются. Такую выгоду получает не только тот, кто оказывает доверие, но и тот, кому оно оказывается. Оказание доверия означает временное прекращение обычных, нормальных ограничений действия. Лица, организации, институты, которые получают «кредит доверия», освобождаются от необходимости проводить постоянный мониторинг и контроль, обретают более широкое поле для неконформистских, инновационных, оригинальных действий, иначе говоря, получают большую свободу действий. Например, ученый, которому оказывается доверие, может рассчитывать на финансирование исследований, выходящих за пределы установленной парадигмы; известный политик может проводить непопулярные налоговые реформы; знаменитый журналист может выступить против господствующих стереотипов и предрассудков; выдающийся врач может применить новаторские методы лечения. В масштабе всего общества накапливающиеся примеры такого рода приводят к растущей мобилизации, активности, инновационности.

Однако позитивные функции может иметь также недоверие, но при условии, что оно *эпистемологически обосновано*. Недоверие по отношению к тем, кто его недостоин, само собой разумеется, рационально. В частности, оно позволяет избежать невыгодных действий, отвести от себя угрозу, подготовиться к тому, что возможно нанесение ущерба. Принципиальные оборонительные стратегии могут строиться на решении избегать контактов, на повышении бдительности, на том, чтоб «не сводить с партнера глаз», на стремлении установить контроль над его инициативами и поступками, на формальном обеспечении транзакции (это может быть требование поручительства, составление контрактов в письменной форме, привлечение свидетелей или нотариусов).

Увеличивающиеся «внешние расходы» транзакции в таком случае себя оправдывают. Со стороны партнера, которому мы в принципе отказываем в доверии, наши оборонительные стратегии могут получить исправительный, поучительный эффект, повышающий его надежность и сделать его более ответственным в будущем. Бракодельство, обман, вероломство просто могут перестать «оплачиваться».

Таким образом, как доверие, так и недоверие функциональны при условии, что они обоснованы эпистемологически. Зато дисфункциональными они становятся тогда, когда не имеют достаточных эпистемологических оснований. Нерациональная халатность и наивность приносят вред тем, кто доверяет недостойным людям. Халатность проявляется, когда, не получив необходимой информации о партнере и действуя слепо, человек подписывает контракт и дает аванс незнакомой фирме. Наивностью является игнорирование им невыгодной ему информации (например, при покупке на улице за бесценок украшений у подозрительного продавца). Столь незаслуженно оказанный кредит доверия будет наверняка цинично использован против того, кто такое доверие оказал (фирма исчезнет, а бриллиант окажется стеклом). Гораздо реже встречаются случаи, когда незаслуженно оказанное доверие само по себе вызывает чувство обязательности по отношению к тому, кто так благородно и порядочно поступил, и оказывает влияние, которое можно назвать исправительным, способствующим ресоциализации. Чаще распространенная халатность и наивность придают больше смелости обманщикам и только искушают их, углубляя таким образом патологию такого типа.

Однако столь же дисфункциональным оказывается необоснованное недоверие. Отказывая в доверии тем, кто его заслуживает, мы приносим вред и себе, и им. Нерациональные, параноидальные страхи и опасения, игнорирующие всякие доводы противоположного характера, парализуют наши действия, исключают шансы потенциально выгодных взаимодействий, ограничивают спонтанные, свободные, открытые контакты с другими. Это ведет к изоляции, к формированию дистанции, к пассивности. С другой стороны, достойный доверия партнер, обнаружив наше недоверие, чувствует обиду, ощущает несправедливость нашего поведения, и его сожаление может перерасти в антипатию или во враждебность по отношению к нам. Такую реакцию со стороны партнера мы начинаем рассматривать как дополнительный довод его «ненадежности», что еще больше укрепляет нас в нашем недоверии. Инициативы превращаются в порочный круг нашего углубляющегося взаимного отчуждения. В масштабе социума примеры такого рода, накапливаясь и увеличиваясь, могут привести к растущей разобщенности, к разрушению социальных связей и к кризису общностей. Необоснованное недоверие оказывается дисфункциональным не только для партнеров, но и для всего общества.

До сих пор мы говорили о доверии и недоверии, трактуя их как *основанную на расчете оценку*, как отражение, адекватное или искаженное, особенности, свойств тех объектов, к которым оно обращено. Несколько иначе проблема функциональности представляется в тех случаях, когда доверие и

недоверие трактуется как *культурные ориентации* и по отношению к отдельным выбранным объектам, и в плане обобщенной «культуры» доверия и недоверия. Доверие или недоверие в таких случаях не имеет эпистологического обоснования, в лучшем случае оно сформировано на генеалогической основе. О «культуре доверия», как и о «культуре недоверия», нельзя сказать, обоснованы они или обосновательны. Они являются своего рода свершившимся фактом, появляющимся в обществе в результате уникального стечения исторических причин, структурных и субъективных обстоятельств. Однако, раз появившись, они вызывают дальнейшие, дополнительные последствия - функциональные и дисфункциональные. В том случае, когда они проистекают из достаточно богатого и однозначного опыта прошлого, как культурно закодированное доверие (когда этот прошлый опыт был позитивным), так и культурно закодированное недоверие (когда этот опыт был негативным), конечно, понятны и справедливы. Но насколько они функциональны и являются ли функциональными - это уже зависит не от исторического прошлого, а от конкретной, нынешней общественной ситуации. Функциональность обоснованного прошлым опытом общего доверия или недоверия имеет, конечно, смысл, только если прошлый опыт будет неизменно увеличиваться в будущем и не подвергнется сомнению. Тем временем в общественной жизни случаются радикальные, фундаментальные, революционные изменения. В такие времена прежний опыт становится анахроническим. Однако культура, в правилах которой был закодирован прежний опыт, характеризуется высоким уровнем инерционности, она всегда отстает от изменений в других сферах - экономической, политической, геополитической. В результате культурные правила (стереотипы, предрассудки), связывающие недоверие по отношению к определенным народам, этническим, расовым группам, элитам, правящим группам и т.п., в новой ситуации становятся необоснованными. Их существование по инерции, вопреки новому опыту противоположного значения, делает невозможным использование шанса, созданного социальными изменениями, консервирует враждебность, дистанцию, изоляцию, отчуждение. Следовательно, это инерционное существование оказывается общественно дисфункциональным.

Точно так же новая ситуация может привести к тому, что прежний позитивный опыт, формирующий традиции доверия по отношению к определенным объектам или лицам, окажется уже неактуальным. Следовательно, культурные правила, требующие доверия по отношению к определенным институтам, группам или социальным ролям, могут стать неадекватными в новой ситуации. Их инерционное существование вопреки новому, явно противоположному опыту подавляет необходимый критицизм, неизбежный скептицизм, а также делает невозможным приведение в движение оборонительных стратегий, реформаторские, революционные или оппозиционные действия. Следовательно, оно тоже является социально дисфункциональным.

Несомненно, появление культуры доверия оказывается выгодной, благоприятной для общества ситуацией. Оно способствует открытым, спонтанным действиям инновационного характера, поднимает уровень мобилизации, ак-

тивности, свободы общества, стимулирует интенсивность взаимодействий, усиливает социальные связи, приводит к формированию шкалы общностей и тем самым к развитию потенциала самореформирующегося общества, его субъективности. Распространенная культура доверия оказывает обратное действие на свою собственную структурную обусловленность, повышая нормативную стабильность, прозрачность социальных организаций, прочность общественного строя (порядка), ответственность властей, соблюдение прав и обязанностей. Таким образом приходит в движение спираль самоподтверждающегося, укрепляющегося и расширяющегося доверия, что имеет позитивное значение.

Противоположная картина складывается в случае распространения культуры недоверия, даже если оно оправдано исторически. Культура недоверия, приводя к демобилизации, пассивности, осторожности, к оппортунизму, к увеличению социальных дистанций, к отчуждению, снижает субъективный потенциал общества, его способность к творческому, инновационному саморазвитию и самосовершенствованию. Более того, она действует противоположно, оказывая усиливающее влияние на патологические структуры, которые и были причиной возникновения культуры недоверия. Таким образом, еще более усиливаются состояние нормативной аномии, непрозрачность, скрытность социальной организации, нестабильность общественного порядка, произвол властей, бессилие граждан, нарушение прав и неисполнение обязанностей. В результате приходит в движение негативная спираль, приводя ко все большему углублению всеобщего недоверия.

Предпосылки для практики

Поскольку культура доверия является желанным состоянием, постольку возникает, естественно, вопрос: можно ли ее сформировать и как это сделать, и, напротив, можно ли исключить, уничтожить синдром недоверия, приносящий ущерб, и что для этого надо сделать? Представленная выше теория доверия позволяет наметить направление возможных практических действий, особенно важных тогда, когда, как это проявляется в нашем обществе, прежние драмы и судьбы оставили глубоко закодированные следы и комплексы недоверия. Единственно, что наверняка никак нельзя изменить, - это история. Историческое наследие, включающее в себя традиции доверия и недоверия, мы должны принять как данность. Объектами, на которые мы можем направить свои усилия, могут быть только составляющие нашей современности. А это именно то, что в нашей модели мы определили как *структурные факторы*, контекст, в котором развивается общественная жизнь. Каждый из выделенных нами пяти структурных факторов может стать объектом политической программы. Последовательная нормотворческая активность и упорядочение существующего законодательства, раскрытие тайн социальных организаций - механизмов функционирования экономики и политики, создание ощущения стабильности и перспективности экономи-

ческих процессов и политических предприятий, всемогущество закона и ответственность властей всех уровней, развитие институтов, охраняющих гражданские права и общественный порядок, полная реализация прав и строгое исполнение обязанностей - таковы некоторые слагаемые стратегии, которые позволяют выработать нашу модель. Это то, что относится непосредственно к сфере политики.

Остается еще более сложная область, которая относится непосредственно к деятельности и возможностям *субъектов*, членов общества. С одной стороны, речь может идти об увеличении резервов, «капитала», граждан - их образования, доходов, связей внутри общностей, состояния здоровья, семейной поддержки, духовности. Все это относится к своеобразному полюсу безопасности, которая позволяет смело и открыто, с доверием относиться к другим. Особое направление деятельности - это формирование разными способами активности, общественной заинтересованности, оптимизма, высоких претензий, ориентации на будущее. Ну, и наконец, надо противодействовать возможным патологиям со стороны семьи, чтобы обеспечить благоприятные условия ранней социализации, а также развивать разного рода программы, нацеленные на повышение нравственности общества, чтобы уменьшить шансы нарушения доверия, с которым могут встретиться люди в дальнейшей их жизни. Только тогда появятся шансы создания «импульса доверия» как постоянного индивидуального признака.

Словом, культура доверия имеет тем большие шансы, чем более богатым, обеспеченным становится общество и чем более воспитанными, порядочными оказываются люди. В то же время в процессе стремления и приближения к такому, в полной мере недостижимому, всегда утопическому идеалу создание культуры доверия через формирование благоприятного для нее структурного контекста само по себе может оказаться важным действенным фактором.

Важнейшие понятия и термины

Баланс доверия - характерный для данного человека или институтов ряд объектов, к которым проявляется доверие, а также ряд субъектов, которые выражают свое доверие к этому человеку или институтам.

Доверие - выраженное в действии, предпринятом в отношении партнера, ожидание, что его реакция окажется для нас выгодными, иначе говоря, сделанная в условиях неуверенности ставка на партнера в расчете на его благоприятные для нас ответные действия.

Импульс доверия - индивидуальная диспозиция, развитая в разной мере у разных людей, склоняющая их к выражению доверия априори.

Институциональное доверие - доверие по отношению к крупным организациям и через эти организации к массам анонимных функционеров и представителей таких организаций, исполняющих в них различные социальные роли.

Коммерческое доверие - выраженное в решении произвести покупку убеждение в отсутствии брака или подделки, в качестве и годности товаров, а косвенно в добросовестности и компетентности их производителей.

Культура доверия - всеобщее доверие, охватывающее всю группу и трактуемое как обязательное правило поведения (климат или атмосфера доверия в обществе).

Культура недоверия (культура цинизма) - распространенная и обобщенная подозрительность по отношению к людям и институтам, заставляющая постоянно следить за ними и контролировать их действия в страхе перед обманом, превышением своих прав, ложью, недоброжелательностью, заговорами, тайными действиями.

Личное доверие - направленное на конкретных, известных нам лиц.

Общее доверие - готовность к действиям, основанная на ожидании априори, что большинство лиц и институтов будут действовать в наших интересах.

Плавные изменения - трудные для эмпирической фиксации, но чрезвычайно важные факторы социальной жизни в области культуры, групповой ментальности, общественного сознания, коллективной идентичности, межчеловеческих связей, эмоций, общественных настроений и т.п.

Позиционное доверие - направленное априори к каждому, кто занимает определенную, достойную доверия социальную позицию (исполняет определенную роль).

Представительские действия (доверительные) - такие действия, которые предпринимаются от имени других людей и направлены на защиту их интересов.

Репутация - известная нам история прежних действий данных лиц или институтов, последовательно и в разных ситуациях раскрывающих свои достоинства, являющиеся предметом наших ожиданий, эффективность, рациональность, добросовестность, благородство и т.п.

Риск - вероятность негативных последствий действия, предпринятого в условиях неуверенности.

Системное доверие - ощущение экзистенциальной безопасности, основанное на убеждении в эффективности, добропорядочности, справедливости общественно-политической системы или строя, в котором мы живем.

Технологическое доверие - вера в прочность, надежность, эффективность технических систем, окружающих нас в современном мире, использование которых является необходимым условием нашей жизни, несмотря на то, что тайны их функционирования нам неизвестны; косвенным образом это также доверие к конструкторам и операторам этих систем.

Рекомендуемая литература

44, 62 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Часть IV

**РАССЛОЕНИЕ
ОБЩЕСТВА**

Глава 14

Социальное неравенство

Проблемы социального неравенства очень близки повседневному, обыденному сознанию и чувствам людей. Обычные люди, которые, как мы уже не раз подчеркивали, всегда в известном смысле являются социологами, с древнейших времен замечали и переживали, что одни люди *неравны* другим. Это выражалось разными способами: в восприятии и определении существующих различий в качестве справедливых или несправедливых; в светских и религиозных идеологиях, которые обосновывали, оправдывали или, напротив, опровергали, критиковали существующее неравенство; в политических доктринах и программах, которые или акцентировали неизбежность неравенства и даже утверждали его полезные социальные функции или, напротив, формулировали идеи равенства, требования выравнивания жизненных шансов; в развитых философских концепциях, включающих поиски источников неравенства в основополагающих признаках человеческого рода или в социальных условиях его существования; в этических теориях, трактующих равенство и неравенство как моральные категории (ценности). Проблема неравенства и несправедливости была той темой, вокруг которой формировалась почва для массовых бунтов, социальных движений, революций. Все это свидетельствует о том, что неравенство представляет собой чрезвычайно важный признак, отличительную черту человеческого сообщества.

Неравенство людей и социальное неравенство

Тот факт, что индивиды, отдельные, конкретные люди не равны другим, – банальная истина, очевидный факт. Уже при рассмотрении социальных группы приводили мысль Клайда Клакхона (Clyde Kluckhohn) о том, что люди с одной точки зрения похожи на всех других людей, с другой – только на некоторых людей, наконец, с третьей точки зрения – не похожи ни на кого другого, исключительны и неповторимы. Каждый из нас имеет много признаков именно третьего типа. Люди бывают высокого и низкого роста, худые и толстые,

более умные и более глупые, способные и тупые, старые и молодые. Каждый человек имеет неповторимый состав генов, неповторимую биографию и неповторимый склад личности. Это очевидно. Однако не о таком неравенстве идет речь, когда мы говорим об *социальном неравенстве*. Не такого, личного неравенства касаются те широко распространенные общественные чувства, убеждения и доктрины, о которых говорилось выше. Не с такими проявлениями (личного) неравенства борются социальные движения и революции. Речь идет только о социальном неравенстве, то есть о неравенстве, имеющем социальные, а не индивидуальные признаки и особенности. А самыми важными из этих *социальных признаков* для человека являются характер групп, к которым он принадлежит, и характер позиций, которые он занимает (или характер ролей, которые он исполняет).

Таким образом, социальное неравенство касается не индивидуальных особенностей, а тех косвенных признаков, которые делают похожими друг на друга только определенные группы или определенным образом выявленные в социальной структуре социальные статусы. Иначе говоря, социальное неравенство имеет отношение к той ситуации, в которой проявляется неравенство людей не по каким-либо их физическим признакам, а на основе их принадлежности к разным группам, на том основании, что они занимают разные социальные статусы.

Однако не каждое различие такого рода должно означать неравенство. То, что определенные группы *отличаются* от других, нужно отделить от представления о *неравенстве* между ними. Так же и то, что определенные статусы различаются между собой, отличаются друг от друга, еще не значит, что они находятся в отношениях неравенства. И большинство групп и статусов, с которыми мы встречаемся в обществе, свидетельствуют прежде всего о различиях, дают нам право говорить о *разнице* между ними. Студенческая группа отличается от спортивной команды, рабочая бригада - от войскового подразделения, семья - от группы приятелей. Статус студента иной, чем статус агрария, статус врача отличается от статуса учителя, статус летчика — от статуса моряка. Чтобы можно было говорить о неравенстве, должно иметь место нечто большее, чем простое различие. Иначе говоря, с членством в определенной группе или с занятием определенной позиции должен быть связан определенный момент неравенства, обеспечивающий более простой и легкий или, напротив, более трудный доступ или, по крайней мере, неравные, большие или меньшие, шансы доступа до определенных, ценимых в обществе благ.

Источники социального неравенства

Что же представляют собой эти общественные блага? Это все то, о чем люди мечтают, обладание чем отвечает каким-либо их потребностям или претензиям, приносит им удовлетворение. Кроме того, это такие вещи, обретение которых не является простым, беспроblemным, ибо их просто недостаточно для всех желающих. Иначе говоря, это блага, к которым все стремятся и запасы

которых ограничены. Три вида таких благ являются наиболее важными: материальные блага (богатство), власть и престиж.

Обладать *материальными благами* люди стремятся прежде всего потому, что эти блага необходимы для удовлетворения элементарных, основных и универсальных жизненных потребностей (питание, одежда, укрытие и т.п.), иначе говоря, имеют естественную ценность. Во-вторых, обладание этими благами определяется требованиями культуры, которая выявляет объекты, достойные обладания, то есть придает им культурную ценность. Культура может также определить само обладание этими благами как автономную ценность, независимо от пользы, которую приносят эти блага и способы их использования. Так, то, что человек должен одеться, вытекает из естественной потребности, но то, что он должен одеться в костюмы фирмы Джорджи Армани, уже культурная потребность, а то, что нужно иметь в платяном шкафу более десятка костюмов, которые человек вообще не носит, представляет собой культурную фетишизацию самого обладания. Современные общества, проникнутые потребительской идеологией, могут служить прекрасным примером этого давления, созданного культурой, - усиленного стремления к обладанию. Ценность материальных благ основана также на том, что они помогают овладеть другими ценностями, к которым стремятся люди, а также обрести власть над другими людьми или славу. Как говорят циники, купить можно все - дело только в цене.

Материальные блага ограничены по своим запасам, как говорят экономисты, представляют собой «редкие блага» не только потому, что их никогда не хватает на всех, но прежде всего потому, что по мере удовлетворения потребностей культура диктует людям все более возрастающий уровень требований и претензий вплоть до той автономной претензии - жадности обладания, которую никогда нельзя в полной мере насытить. Материальные блага ограничены не только *абсолютно*, ибо их число может кончиться, но прежде всего *относительно* - по отношению к постоянно возрастающим потребностям в них. Запас того, что людям доступно, никогда не может «угнаться» за тем, чего бы они хотели. Когда люди получают возможность удовлетворить свои элементарные, естественные материальные потребности, на место прежних приходят новые, более высокие потребности, претензии, желания и стремления. Несомненно, это особенность самой человеческой природы - люди никогда не бывают вполне довольны, не могут остановиться, всегда стремятся иметь больше того, что они уже имеют. Некоторые считают, что именно в этом тайна непрерывной динамики и экспансии человеческого рода, другие с сожалением говорят о человеческой мании обладания.

Другим всеми ценимым благом является *власть*, господство, влияние на других людей. Зачем это нужно людям? Отчасти по автотелическим причинам, как самоцель: обладание властью дает ощущение силы, преимуществ, мощи, значения, а также ощущение собственной безопасности. Но более важны инструментальные причины: власть можно обменять на иные блага, прежде всего экономические, власть дает более высокие шансы получить доступ к редким, высоко ценимым людьми материальным благам, обеспечивая бо-

лее высокие заработки, большие возможности манипуляции, лучшую информированность, возможности установления личных контактов, а также шанса и коррупции. Власть, вообще, просто приносит выгоду. Чем более абсолютный характер она имеет, тем легче обменять ее на деньги. Экстремальным и наиболее выразительным доводом этого могут служить судьбы разных диктаторов, чьи банковские счета в Швейцарии, открываемые, как правило, тогда, когда они уже теряют власть, насчитывают миллиарды долларов, которые редко возвращаются к ограбленным этими диктаторами соотечественникам. Недавно обнаружилось, что Президент Филиппин Эстрада в течение примерно двух лет своего правления, прежде чем его низвергли, сумел положить на свои счета 80 млн долл. Власти, которые имеют пожизненный срок (такое нередко случается в разных регионах мира), имеют значительно большие возможности.

Власть по самому своему определению есть редкое благо, она может существовать лишь постольку, поскольку лишь некоторые люди обладают ею по отношению к другим, этой власти лишены. Должны существовать те, кто правит, и те, кем управляют; те, кто отдает приказы, и те, кто эти приказы выполняет; те, кто имеет влияние, и те, кто подвержен влиянию других. Весь смысл, вся ценность этого блага в том и заключается, что все пользоваться им не могут. Власть можно иметь только над кем-то, по отношению к кому-либо другому. Если бы все люди имели власть, власть по самому своему определению не существовала бы.

Третье благо, которое люди также всегда и везде ценят и которое также является редким, - это *престиж* - уважение, социальное признание, принятие, восхищение, слава. Люди придают этому большое значение по двум причинам. Первая связана с изложенной выше концепцией «зеркального Я». Люди вырабатывают мнение о самих себе, присматриваясь к тому, как их ценят другие. Повышение самооценки приносит удовлетворение само по себе как явление автотелическое. Поэтому людям нравится, когда другие их хвалят, встречают аплодисментами, приветствуют, бросают им цветы, приходят от них в восторг. Но престиж имеет также инструментальную ценность, ибо является благом, которое можно обменять на другие. Репутация влияет на шансы найти хорошую работу и высокий заработок. Слава позволяет выдающимся спортсменам или артистам диктовать высокие цены на свои выступления, заключать рекламные контракты, приносящие им прибыль, выдающимся писателям получать высокие гонорары, ученым, имеющим высокие звания, требовать для себя высокой зарплаты в университетах, в которых они работают. Престиж может быть также обменян на власть. Именно поэтому так заботятся о собственном престиже, о доверии со стороны общества, о том, чтобы их признали, политики, особенно в демократических государствах, где они должны время от времени переизбираться и выигрывать на выборах, то есть предстать в определенном отражении общественного признания.

Престиж - это также редкое благо, поскольку сама идея престижа основана на том, что некоторые рассматриваются как лучшие и ценятся выше, чем другие люди. Если бы все были знаменитыми, то знаменитых не было бы вообще. Престиж представляет ценность в глазах людей потому, что существу-

ют избранные и рядовые люди, существуют прославленные, выдающиеся музыканты, певцы, ансамбли и т.п. и рядом те, кто играет в каких-нибудь пожарных депо или на сельских хуторах; существуют ученые с мировым именем и преподаватели провинциальных школ, выдающиеся политики и рядовые бюрократы.

Эти три блага - богатство, власть и престиж - более всего делят людей, становятся важнейшими генераторами социального неравенства. Но люди дорожат и другими ценностями, которые оказываются в обществе неравно распределенными. Одной из таких ценностей является *образование*. Ценность образования вытекает в свою очередь из двух обстоятельств. Во-первых, из самого по себе удовлетворения от обладания им, из автотелического самоудовлетворения, связанного с тем, что знание отвечает на типичный для людей импульс любознательности. Во-вторых, однако, образование имеет существенную *инструментальную ценность*, дополняющую все три названные выше основные ценности, точнее помогающую в достижении этих ценностей. Образование в современном обществе является одним из важнейших и признанных механизмов увеличения собственного состояния - обретения лучшей работы, более высоких заработков, более высокого уровня жизни. Образование существенно помогает обрести власть (хотя, конечно, не является ни единственным, ни обязательным условием этого). В теории лидерства обращают внимание на важную разновидность власти - «экспертную власть».

Обладание специализированными знаниями, более полной по сравнению с той, что у других людей, информацией, лучшей ориентацией в делах, имеющих существенное значение для всей социальной группы, образует один из критериев выделения в группе лидеров, а также важный фактор легитимизации уже полученной власти. Именно эти данные позволяют носителям власти оказывать влияние на других, манипулировать подчиненными, проводить эффективную политику. Среди известных политических деятелей были и такие, которые отличались исключительно высоким уровнем образования в области экономики, политологии, права: германский канцлер Эрхард, британский премьер Вильсон, французский президент Жискард д'Эстен, президент США Клинтон. Еще чаще можно встретить выдающихся экспертов на более низких, оперативных уровнях власти. Неслучайно многие (в значительном числе!) министры в современных правительствах имеют профессорские звания. Образование, особенно в тех случаях, когда мы понимаем его широко, не только как формальное, «книжное» обучение, но и как тренировку практических навыков и способностей, является ключевым условием обретения престижа и славы. Очень редко появляются таланты, которые можно назвать абсолютно самородными, от рождения гениальными. Но даже и в таких случаях, чтобы добиться известности и общественного признания за выдающиеся достижения, нужно развивать способности упорным трудом: много лет учиться, если речь идет о знаменитом враче или адвокате, многие годы упражняться, если речь идет о прославленном пианисте или оперном певце, бесконечно тренироваться, если речь идет о выдающемся спортсмене, и т.п.

Что в этом случае оказывается ограниченным и редким? Учреждения, организации, воспитательные и образовательные институты, обеспечивающие доступ к знаниям и навыкам. Школы и университеты, библиотеки и читальни, лаборатории и места адвокатских стажировок, спортивные и тренировочные центры, бассейны и стадионы. Ограничения касаются также индивидуальных физических и психических возможностей, мотивации и энергии, которые позволяют человеку освоить и использовать только минимум того капитала знаний и навыков, который потенциально присутствует в данном обществе в данную эпоху. Однако мотивация и мобилизация сил для получения образования - это не только индивидуальное дело одного человека: они также становятся объектом *культурного регулирования*. Общества различаются тем значением, которое они придают образованию как ценности, тем давлением, которое они оказывают, придавая значение обучению, чтению, посещению театров, музеев и т.д. Это важный аспект того феномена, который французский социолог Пьер Бурдьё называл «*культурным капиталом*»¹ и которым в разной степени овладевают члены разных групп. Сравним проживающую в небольшой деревне семью крестьянина с проживающей в большом городе семьей врача, адвоката или профессора.

Благом, к которому все и всегда стремятся, является также *здоровье* и хорошее физическое состояние. Безусловно, это ценность автотелическая, имеющая значение сама по себе: хорошее самочувствие - источник сильного и полного удовлетворения. Но это также и условие для обретения всех остальных ценностей: богатства, власти, престижа и образования. Как правило, болезнь или физическая неполноценность делают невозможным обретение этих ценностей, во всяком случае значительно усложняют их использование. Как и в случае с образованием, тем, что здесь можно считать ограниченным и редким, являются учреждения, организации и институты, которые занимаются охраной здоровья и физическим состоянием человека: больницы и поликлиники, аптеки и реабилитационные центры, профилактические центры, учреждения для массового спорта и отдыха. Неодинаковыми, сильно различающимися по своей полезности или вредности для здоровья являются условия труда и проживания. Наконец, разные общества и группы оказывают различное *культурное давление* на поддержание физической полноценной формы и здоровья человека, придают неодинаковое значение таким средствам, как гимнастика, физические упражнения, правильное питание, периодические медицинские осмотры и исследования, здоровый образ жизни, гигиена и чистота, состояние окружающей среды и т.п. В этом заключается один из смыслов того, что мы называем уровнем физической культуры данного общества. Например, очень ярко выделяется в этом плане американская культура, особенно калифорнийская, где все это выражено в максимальной степени. Подобную картину мы можем встретить и в скандинавских странах. Перефразируя Бурдьё, мы можем сказать о присущем этому обществу *капитале физической культуры*.

¹ Bourdieu P. Outline of the Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

Социальная стратификация

Все блага, или ценности, о которых мы говорили выше: богатство, власть, престиж, образование и здоровье, имеют иерархический характер. Ими можно обладать в большей или меньшей степени. От самых высоких до самых низких уровней разворачивается целая шкала градаций, или *иерархия*. Существуют, как известно, иерархии богатства - от миллионеров до бездомных, иерархии власти - от императоров до рабов, иерархии престижей - от идолов до ничтожеств, иерархии образования - от ученых с высокими званиями и степенями до безграмотных, иерархии здоровья и физической кондиции - от победителей олимпийских игр до инвалидов. На таких шкалах сравнения можно найти место отдельным людям. Более того, можно посчитать, сколько людей окажется на каждом таком уровне иерархии. Тогда мы получим определенные *статистические категории*, например: очень богатых, богатых, состоятельных, людей среднего достатка, бедных, наиболее бедных. Можно делать это еще точнее, устанавливая какие-либо количественные пределы заработка. Я предлагаю говорить в таком случае о *стратификационных слоях*.

Однако не только отдельные люди могут отличаться друг от друга различным положением на том или ином уровне соответствующих иерархий, но и социальные группы или статусные группы независимо от того, кто персонально в эти группы входит или какие позиции занимает. Определенная социальная локализация - групповая или ситуационная - будет обеспечивать каждому, кто принадлежит к той или иной группе или занимает ту или иную позицию, более высокое или более низкое место на каждом уровне иерархии. Иначе говоря, это будет обеспечивать группам больший или меньший доступ к востребованным, но редким благам и ценностям. Группы и позиции различаются между собой тем, какой они имеют доступ (или шансы доступа) к богатству, власти, престижу, образованию и здоровью. Макс Вебер сказал бы, что они обладают (и различаются между собой) *разными жизненными шансами*. Только в этом случае разница между отдельными людьми становится структурным социальным неравенством, реальным общественным феноменом, а не статистическим артефактом.

Я предлагаю использовать термин «*социальная стратификация*», или разделение на социальные слои, только для описания групповых или статусных, но не индивидуальных различий в приближении к ценным общественным целям. Каждое благо, или ценность, из пяти представленных в нашем исследовании имеет свою собственный уровень стратификации. Группы и позиции занимают определенные уровни, определенные места на каждой из таких иерархий. Например, в стратификации по уровню доходов врач окажется на более высоком уровне, чем сестра милосердия. В стратификации относительно власти директор будет расположен на более высоком уровне, чем рабочий. Престижной телеведущий займет более высокое место, чем учитель. Но существуют ли эти системы стратификации сами по себе, независимо друг от друга? Уже при описании отдельных благ, входящих в эту стратификацию, мы упоминали, что одни из них могут иметь вспомогательное значение в об-

ретении других благ. Богатство может обеспечить власть и престиж. Власть может помочь получить состояние, а также обрести престиж. Престиж может оказать влияние и на процесс достижения власти, и на получение высоких зарплаток и доходов. Если происходит такое взаимодействие, его результатом может оказаться такая ситуация, в которой одна и та же группа или позиция примерно одинаково расположены на всех трех уровнях стратификации. Так, Президент Соединенных Штатов - это позиция, которая связана с высокими доходами, большим состоянием, с огромной властью и значительной славой. В таком случае мы должны говорить о *совпадении* параметров стратификации. Однако гораздо чаще мы имеем дело с примерами определенной *дисгармонии* между системами стратификации, что основано на различии мест, которые занимает одна и та же группа, различии уровней, на которых она оказывается в разных системах стратификации. Профессор университета в Польше имеет высокий престиж, средний уровень доходов и небольшую власть, политик, наоборот, - высокие доходы и власть, но чудовищно низкий престиж, футболист - неплохой престиж, высокие доходы и никакой власти, полицейский - большую власть, ничтожный заработок и низкий престиж. Комбинаций такого рода может быть множество. В таком случае мы говорим о *расхождении (несовпадении)* параметров стратификации.

Такое расхождение может иметь различные последствия. Среди членов данной группы или лиц, занимающих данную позицию, это может вызвать ощущение определенного диссонанса или своеобразно понимаемой *несправедливости*. Например, человек может рассуждать таким образом: я такой богатый, так многого достиг, а люди показывают на меня пальцами и называют меня «высочка» или «нувориш». Или другой будет рассуждать следующим образом: у меня такое высокое положение в правительстве, такая высокая зарплата, я езжу на автомобиле марки *lancia*, а люди, услышав мою фамилию, стучат по лбу или вертят пальцем у виска. Некоторые рассуждают иначе: мол, нельзя иметь все сразу, рассматривают высокое положение на одной системе иерархии как своего рода компенсацию за низкое положение на других системах иерархии. Например, профессор университета может себе сказать: правда, я немного зарабатываю и власть у меня небольшая, но зато я принадлежу к престижной элите. Такая мысль немного успокаивает, отвлекает от обид и огорчений. Именно это обстоятельство, но совсем в иных целях и намерениях берет, вероятно, на свое вооружение и принимает во внимание правительство, когда обсуждается вопрос о повышении профессорских ставок или когда оно расточает профессорские звания, наделяя ими научных сотрудников, еще не имеющих достаточного опыта и квалификации. Вероятно, при этом действует следующая логика рассуждений: поскольку профессора имеют высокий престиж, то пусть они этим и довольствуются, а поскольку молодые научные работники так мало зарабатывают, то дадим им вместо денег профессорские звания.

Социальные слои

Существуют и другие черты, признаки, которые позволяют поставить разные явления на близкие или те же самые уровни стратификационной иерархии: сходный образ жизни, вкусы и пристрастия, обычаи и нравы, религиозные практики, идеологические взгляды, развлечения и т.п. Например, богатые люди по своему образу жизни и мышления похожи на других богатых людей, и этот образ жизни и мышления - совершенно иной, чем у бедных людей. Богатые люди строят себе похожие друг на друга резиденции, ездят в автомобилях сходных марок, одеваются у тех же самых «законодателей моды», отдыхают на тех же самых островах и постоянно едят лососину, запивая ее шампанским. По многим параметрам сходным оказывается образ жизни политиков или менеджеров. Особый характер имеет повседневная жизнь звезд телеэкрана, кино или музыки. Обычные люди лишь робко, краешком взгляда проникают в этот мир с помощью иллюстрированных еженедельников.

Обратим внимание, что сходство как бы сопутствует целостности тех групп или позиций, которые представляют отдельные индивиды. Богатые люди создают определенную, реальную *социальную среду*, довольно цельную группу, сплоченную общность, несмотря на то, что входят в такую общность и врачи, и адвокаты, и бизнесмены, и политики, и представители телевидения, и мафиозные боссы из Прушково. Сходство в уровне состоятельности получает выражение в сходных интересах (например, в желании защитить себя от налогов).

Сходство в потребительских возможностях находит выражение в сходном *образе жизни*. А сходство, как мы помним из теории «механической солидарности» Дюркгейма, является сильным группообразующим фактором. Соответственно этому между людьми, обладающими таким сходством, формируются определенные социальные связи, товарищеские контакты, возникают взаимодействия и устанавливаются даже более прочные общественные отношения, прежде всего инструментальные, связанные с обеспечением так называемых деловых интересов. Иного характера связи, особенности быта, вкусы в потребительской сфере характеризуют, скажем, среду менеджеров или так называемые «руководящие кадры». И опять же иной характер все это обретает у той широкой группы людей так называемого *среднего класса*, занятых в разных сферах производства и иной профессиональной деятельности, требующей высокого образования и квалификации, а также выступающих в роли предпринимателей, имеющих собственные небольшие фирмы или предприятия, обеспечивающие им достаточный, хотя и не элитарный материальный уровень жизни. Такие сплоченные общности - группы, разновидности определенной среды, комплектуемые из людей, имеющих приблизительно одно и то же положение в иерархиях, в системах социальной стратификации, независимо от их иной групповой принадлежности или иных занимаемых ими позиций, мы называем *социальными слоями*. Макс Вебер использовал по отношению к ним понятия «классы» и «сословия». В данном контексте «слои» - это не только статистические общности похожих друг на друга с какой-либо точ-

ки зрения лиц, но и реальные, в значительной мере интегрированные, сплоченные социальные общности, цельные группы, новые формы структуризации общества.

Социальная мобильность

Люди меняют свои социальные позиции, а также свою групповую принадлежность. Когда они перемещаются между позициями и группами, находящимися на разных уровнях стратификационных иерархий, мы говорим об социальной мобильности, точнее, о *вертикальной мобильности*, что позволяет отличить этот процесс от перемещения людей в пространстве - от миграций, путешествий, туризма, выездов на работу, которое мы называем горизонтальной мобильностью. Об этой второй форме мобильности мы уже говорили раньше. Теперь попробуем определить важнейшие аспекты вертикальной мобильности, непосредственно связанной с социальным неравенством.

Самым простым примером вертикальной мобильности может служить *продвижение по службе*, что означает обретение более высокой профессиональной позиции или вхождение в более высокую профессиональную группу по сравнению с той позицией, которую ныне занимает данный человек, или с той группой, к которой он принадлежит в данное время. Школьный учитель, который получает предложение работы в университете; журналист, который становится министром, - таковы примеры изменения человеком своей профессиональной принадлежности, смены ее на такую, которая приносит более солидный заработок, более высокий престиж, а во втором случае также дает больше власти. Чаще всего примеры такого служебного продвижения встречаются в рамках одной профессиональной группы, в которой обычно имеют место несколько уровней иерархии. Ассистент, который переходит на должность адъюнкта; референт, который становится начальником отдела, - это первые попавшиеся примеры такого рода. Последовательность таких продвижений образует феномен, который мы называем *карьерой*. Обращаясь к примерам, которые мы только что привели, заметим: ассистент - адъюнкт - доцент - профессор - это одна схема карьеры; референт - начальник отдела - директор - это схема другого рода. Разумеется, направление изменений может быть противоположным, люди могут терять прежние, более высокие позиции и переходить в состав групп, занимающих более низкие уровни в системе стратификации. Работник, которого уволили и который стал безработным; руководитель отдела, которого в виде дисциплинарного наказания понизили в должности и сделали референтом - таковы примеры деградации, которая иногда заключается в полном выходе человека из состава данной профессиональной группы, а иногда ограничивается только понижением его позиции в пределах данной группы. И здесь также имеет место некоторая последовательность. Когда кто-либо утрачивает более высокую позицию, которую он занимал в различных общественных контекстах, например теряет работу, вынужден оставить клуб, членом которого он был, оказывается исключенным из спортивной команды, разводится и т.п., мы говорим, что он «катится вниз».

Во всех выше приведенных примерах речь шла о продвижении вверх или о падении *отдельного человека* в системе существующих, постоянных, *прочных стратификационных иерархий*. Однако мобильность может заключаться также в перемещении целых *групп* на тех же самых уровнях стратификации, а также в *изменении самой стратификационной иерархии*, благодаря чему те же самые группы или позиции вдруг оказываются на иных, чем прежде, уровнях, более высоких или более низких, то есть подлежат продвижению вверх или деградации.

Рассмотрим сначала первый случай. Профессиональное продвижение может охватить целую социальную категорию. Это было характерно для сельского населения в период модернизации: мигрируя в города, сельские жители занимали там, как правило, более высокие с точки зрения заработка и престижа профессиональные позиции, проникая в среду рабочего класса. В Польше после Второй мировой войны таким же образом, несомненно, наметилось профессиональное и образовательное продвижение крестьян. Мы можем также вести речь о продвижении целого поколения, когда в какой-либо исторический момент открываются возможности более быстрого продвижения, обретения более высокой социальной позиции для людей примерно одного возраста. В таком относительном значении, имея в виду ускорение нормального темпа роста и продвижения, следует трактовать понятие «продвижение молодежи». Дело в том, что из самой природы развития человеческого общества следует, что молодежь всегда участвует в том или ином продвижении, переходя к активности взрослых людей, к профессиональной работе, к созданию собственной семьи и т.д.

К изменению относительного положения данной группы может привести также *изменение самой шкалы стратификации*. Это обычно происходит как результат глубоких и радикальных социальных изменений, революций, переворотов, приводящих к установлению нового строя, а также технологических и цивилизационных переломов. Тогда определенные профессиональные группы или иные круги могут обрести доступ к более высоким заработкам, к власти или престижу. В то время как другие, наоборот, потеряют свое привилегированное положение. Это очень ясно проявилось в Польше в переломной ситуации 1989 г. Приведем только два примера. Установление капиталистической, опирающейся на частную собственность рыночной экономики увеличило, к примеру, шансы той среды, которую формируют юристы: она обрела огромное поле деятельности в сфере торговли, биржевой деятельности, в гражданских делах, в делах, связанных с наследством, налогами, переходом имущества из рук в руки, в арбитраже, в консультациях, связанных с приватизацией, в подготовке уставов новых объединений и предприятий, а также в связи с переменами в законодательстве. И напротив, часто говорят о пауперизации интеллигенции, государственных служащих, работников бюджетной сферы (государственных институтов). Они утратили свою прежнюю, относительно более высокую (по сравнению с другими) материальную позицию, а отчасти также прежний запас власти и престижа.

Все описанные выше перемещения и изменения могут происходить в различных масштабах: в границах жизни одного человека, одного поколения, в

гораздо более длительном, охватывающем несколько поколений историческом периоде. Соответственно, мы можем говорить о *внутрипоколенческой и межпоколенческой мобильности*. Для межпоколенческой активности особенно характерным является продвижение в *образовательной* сфере, что так явно проявилось в Польше после Второй мировой войны: деды с начальным образованием, родители со средним и дети с высшим образованием. Или другой пример: продвижение в профессиональной сфере: родители - деревенские жители, занимаются сельским хозяйством, а сын - инженер или врач. Межпоколенческая активность - типичное явление в среде эмигрантов, отправившихся в другие страны в поисках работы и заработка: как правило, в новой стране они обретают шансы радикально улучшить свою жизнь. Огромное число подобных примеров дают нам Соединенные Штаты Америки. Какой-нибудь бедный деревенский житель азиатского происхождения в первом поколении открывает там ресторанчик (как это часто делают китайцы и индусы) или занимается продажей овощей и зелени (как вьетнамцы), но своих детей он уже посылает учиться в университет, и во втором поколении эти люди оказываются представителями медицинской или научной элиты. Отец великого американского социолога, труды которого мы не раз цитировали, Роберта Мертона был эмигрантом из Европы, столяром по профессии, а сын его уже принадлежал к высшей, избранной научной и культурной элите Америки; в свою очередь сын Роберта Мертона получил в 1998 г. Нобелевскую премию за достижения в области экономики.

Американские примеры наталкивают нас на то, чтобы рассмотреть такие общие социальные условия, которые способствуют мобильности. Дело в том, что США являются типичным *открытым обществом*, в котором индивидуальное или групповое продвижение не только возможно в широкой области, но и оказывается «культурно востребованным», ожидаемым, общественным требованием. Именно здесь постоянно случаются карьеры «от чистильщика сапог до миллионера». Я сам столкнулся с историей молодого эмигранта из Сербии по фамилии Йованович, который работал курьером в большой нью-йоркской издательской фирме Harcourt Brace. Сегодня эта фирма уже называется Harcourt Brace-Йованович, ибо бывший курьер сумел пройти через все ступени профессионального овладения тайнами издательского дела и стать совладельцем фирмы. Карьера одного из богатейших финансистов мира Джорджа Сороса тоже начиналась несколько десятилетий тому назад с эмиграции из Венгрии.

На другом полюсе находятся общества, которые называются *закрытыми*. Они исключают или во всяком случае в огромной степени ограничивают возможности социальной мобильности. Таким было феодальное общество, где многоступенчатая иерархия, от монархов, магнатов через вассалов и вплоть до зависимых крестьян, представляла собой окаменелую структуру, а каждое отдельное сословие было закрыто, недоступно для проникновения в него представителей других сословий. Трудно представить себе, чтобы крепостной крестьянин мог оказаться при королевском дворе. Сегодня нечто подобное можно наблюдать в Индии, где переход человека из одной касты в другую чрезвычайно ограничен, а для низших каст, так называемых «неприкасаемых», это

абсолютно невозможно. Термин «каста» уже принято употреблять не только по отношению к этой конкретной ситуации, но шире - как определение любого замкнутого сословия, замкнутой группы, принадлежность к которой четко ограничена кругом людей, и войти в этот круг можно только по праву рождения.

Разумеется, между моделями открытого и закрытого общества, которые являются только «идеальными типами» и нигде не выступают в таком чистом виде, где-то посередине между этими крайними полюсами размещается целая гамма различных ситуаций. Системы стратификации этих явлений могут иметь достаточно гибкий характер, допускающий возможность перескочить через некоторые промежуточные уровни. Но могут быть и очень строгие системы стратификации, требующие четкого, неукоснительного прохождения всех ступеней. Симптомом первого типа стратификации является стремление взять во внимание выдающиеся достижения отдельного человека, а симптомом второго типа - жесткое требование «выслуги лет», соответствующего уровня доходов или жизненного опыта. Поучительно в этом плане сравнить Соединенные Штаты и Японию. Насколько в США выдающиеся результаты работы обеспечивают возможность быстрого, «скачкообразного» карьерного продвижения, настолько в Японии жесткой является необходимость пройти в установленные отрезки времени все ступени профессиональной карьеры, чтобы только потом достичь вершины в этой иерархии. Такая разница может выявиться и независимо от культуры, а в зависимости от той профессиональной области, в которой разворачиваются соответствующие процессы. Можно сравнить, к примеру, артистическую карьеру, в которой победа на каком-нибудь важном музыкальном конкурсе сразу даже перед самыми молодыми людьми открывает возможность выступать на лучших сценах и крупнейших эстрадах мира, и научную карьеру, в которой, как правило, надо пройти через все ступени, для которых предусмотрены определенные сроки.

В рамках различных профессиональных сфер отдельные группы отличаются друг от друга степенью *эксклюзивности*, то есть жесткостью критериев и процедур, которые требуются и исполняются для того, чтобы допустить в соответствующий круг новых членов. Иногда появляются особые организации или институты, стоящие на страже «врат», через которые надо пройти, чтобы оказаться в более высоком элитарном кругу. Эти институты занимаются селекцией кандидатов, рассчитывающих на продвижение, с помощью сложных экзаменационных процедур; такую роль играют, например, специальные медицинские комиссии, коллегии адвокатов, научные советы на факультетах университетов, государственные экзаменационные комиссии, через которые надо пройти для назначения на более высокую административную должность, комиссии сейма, организующие разного рода слушания, например заседания, на которых предстают и отвечают на вопросы кандидаты на должности послов, и т.п. В демократических обществах вхождение в политическую элиту обусловлено сложной процедурой выборов, в которой роль отбирающей инстанции берут на себя все граждане - избиратели.

Социальная мобильность - это та сфера, в которой особенно ярко выступают характерные для данного общества *стереотипы, предрассудки и дискриминация*. Крайней формой является полное исключение какой-либо группы, которая лишается всяких шансов на продвижение. Так, например, определенным группам эмигрантов или беженцев может быть отказано в праве получить работу. Более часто встречается ситуация, для которой характерна *частичная дискриминация*, проявляющаяся в трех формах. Первая - для определенных социальных групп закрывается возможность продвижения на самые высокие позиции независимо от того, какой области это касается. Создается своего рода *барьер* возможных достижений, и преодолеть этот барьер представители данных социальных групп не могут. Исследования показывают, что несмотря на всю открытость американского общества там де-факто существует определенный барьер продвижения для этнических и расовых меньшинств. Подтверждением такого положения является то, что случающиеся исключения трактуются как нечто невероятное и получают широкую публичную известность. Судья американского Верховного Суда Кларенс Томас, шеф организации Национальной безопасности госпожа Кондолиза Райс или Государственный секретарь Колин Пауэл имеют такую широкую известность отчасти именно потому, что являются представителями чернокожего населения Америки на высшем уровне власти, куда афроамериканцы попадают чрезвычайно редко. Имена других судей или министров (белых, занимающих столь же высокие должности) гораздо менее известны. Другой формой частичной дискриминации является *профессиональная сегрегация*. Например, фактические преграды, закрывающие доступ к определенным профессиям для женщин, все еще достаточно очевидны несмотря на все успехи эмансипационного и феминистского движений. Третья форма - это недоступность или крайне ограниченный доступ для определенных этнических и расовых меньшинств к чрезвычайно важным «каналам мобильности», к тем способам и процедурам, посредством которых можно выйти на более высокие позиции. Как мы уже отмечали, таким каналом, типичным для современных обществ, является образование. Соответственно, и *ограничение образовательных шансов* становится весьма типичным проявлением дискриминации. Углубление имущественного неравенства, усиление бедности лишают возможности получить образование, которое требует больших денежных затрат, недостатки культурного капитала также уменьшают шансы успешной сдачи экзаменов. Показательно, что после того как власти Калифорнии приняли решение об исключении каких-либо прерогатив при приеме в университеты представителей меньшинств (так называемая *affirmative action*), их доля среди студентов резко снизилась. В лучших университетах, например в Гарварде, число черных американцев совсем ничтожно.

Отключение от определенных каналов мобильности часто приводит к поискам *альтернативных*. Иногда это методы, имеющие культурное и правовое признание, например карьера в профессиональном спорте, где осуществление своих надежд и удовлетворение своих карьерных претензий в непропорционально высокой мере находят представители афроамериканского населения Америки. Баскетбол, профессиональный бокс, американский футбол, в не-

сколько меньшей степени бейсбол и легкоатлетика - это области, в которых доминируют черные. Сегодня в гольфе, в котором до недавнего времени белые держали монополию, наиболее значительные результаты имеет и наиболее высокие награды получает негр Тайгр Вудс. Другой такой областью является популярная музыка, джаз, сэл (soul), рок, рэп и иные виды, в которых доминируют этнические меньшинства. Наряду с такими альтернативами продвижения, имеющими культурную и правовую акцептацию в обществе, имеют место, естественно, также нелегальные и отвергаемые культурой методы: торговля наркотиками, уличные грабежи, автомобильные кражи (угоны автомобилей), проституция, или шире - организованная преступность, в которой участие дискриминируемых меньшинств составляет чрезвычайно высокий процент.

КАРЛ МАРКС (1818-1883)

Немецкий философ. Его идеологическая и политическая программа, получившая название коммунистической, а также личное участие и организационная деятельность в рабочем движении опирались на оригинальную теоретическую концепцию, касающуюся строительства и развития общества. Социологические идеи Маркса, а также философские, антропологические, экономические, политологические и иные доктрины можно обнаружить прежде всего в его работе «Экономическо-философские рукописи» (1844), трактате «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852) и в трехтомном «Капитале» (1867).

Согласно Марксу, деятельностью, определяющей природу человека, является труд, а главной сферой социальной жизни - экономика: способ производства и распределения благ. Человек по своей природе - существо творческое и общественное и реализует эти качества в труде и во взаимодействии с другими людьми. Однако на протяжении подавляющей части истории человечества характер экономических и политических структур и институтов приводит к порабощению и эксплуатации одних людей другими, к так называемому отчуждению труда и в результате к дегуманизации социальной жизни. Конкуренция, конфликты и борьба пронизывают и определяют отношения между людьми.

С точки зрения Маркса, частная собственность на средства производства (например, на капитал, на землю, на сырье) приводит к разделению общества на классы собственников и наемных работников. Самые острые классовые противоречия, антагонизм классов, конфликт и борьба появляются в капиталистическом обществе, где монополия собственности и власти в руках буржуазии позволяет ей диктовать условия труда и получать «дополнительную прибыль» за счет пролетариата (рабочего класса). Социальное неравенство и несправедливость можно преодолеть, только уничтожив частную собственность на средства производства, обобществив капитал и тем самым ликвидировав классы.

К этому подталкивает вся логика социального развития, которое через этапы первобытной целостности, через азиатские формации, через феодализм и капитализм неизбежно и неотвратимо идет к коммунистическому строю. Однако достижение этой историче-

ской цели может свершиться не спонтанно, а лишь на основе хорошо подготовленной и успешно организованной революции, ибо требует преодоления отпора со стороны класса собственников. Этой цели должна служить идеологическая и организационная работа по формированию у представителей рабочего класса правильных представлений и точного диагноза собственного положения, ясного выявления своих противников и определения их сущности, успешного сочетания разных составляющих стратегии борьбы (классовое сознание). Необходима также мобилизация революционного движения.

Литература

- Marks K., Engels F. Dzieła [Собрание сочинений]. Т. 1-39. Warszawa: Książka i Wiedza, 1960-1979.
 Kotkowski L. Główne nurty marksizmu [Главные направления марксизма]. Wyd. 2. Londyn: Aneks, 1988.
 Kozyr-Kowalski S. Maks Weber a Karol Marks [Макс Вебер и Карл Маркс]. Warszawa: PWN, 1967.
 Schaff A. Marksizm a jednostka ludzka [Марксизм и отдельный человек]. Warszawa: PWN, 1965.
 Wiatr J.J. Marksistowska teoria rozwoju społecznego [Марксистская теория общественного развития]. Warszawa: PWN, 1973. (Wyd.2. - 1983).
 Kozyr-Kowalski S. Marks [Маркс] // Encyklopedia Socjologii. Т. II. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1999. S. 171-180.
 Szacki J. Historia myśli socjologicznej [История социологической мысли]. Т. 1. Warszawa: PWN, 1981. S. 214-154

Социальные классы

С такими многочисленными иерархиями социальных групп (слоев общества) могут перекрещиваться и сближаться, накладываясь друг на друга, и другие способы расслоения общества. В частности, при простейшем расслоении только два крупных общественных сегмента противостоят друг другу как принципиально неравные, причем такое противостояние ведет к формированию в каждом из сегментов реальных общностей, связанных общими интересами, узами и действиями. В таком случае мы говорим о *дихотомии*, или скорее о полярной, нежели о иерархической, структуре социального неравенства. Существуют три важнейшие разновидности дихотомического неравенства: противостояние класса собственников и класса лишенных собственности в том смысле, в каком впервые сформулировал это противостояние Карл Маркс; далее, противостояние групп, формирующих большинство и меньшинство (в частности, наций и этнических меньшинств), а также противостояние полов - мужчин и женщин, что является главной темой феминистских концепций, обретающих ныне все большее звучание.

Для всех этих видов противостояния в известном отношении образцовой, идеальной моделью является идея *социальных классов* Карла Маркса. Маркс исходил из того, что наиболее важной сферой человеческой жизни, важнейшим контекстом социальной жизни является *труд*. Именно в процессе труда, производства, словом, в *экономическом контексте*, люди создают блага, необходимые для удовлетворения их потребностей, завязываются и развиваются важнейшие социальные отношения, формируются и концентрируются важнейшие интересы людей и формулируются и выражаются их

идеологические взгляды. Позиция в экономической сфере становится важнейшей составляющей того социального статуса, или той идентичности, какую обретает человек.

Решающим моментом для определения экономической позиции людей является *собственность* - владение благами. Но не каждая собственность имеет одинаковое значение. Особенно важные, существенные последствия имеет обретение в собственность таких благ, которые увеличивают свою ценность в процессе их использования. Таковыми являются материальные блага, или, как называл их Маркс, *средства производства*. При приведении их в движение, при их использовании в процессе производства они приносят выгоду своим хозяевам (тем, кто ими владеет), которые не только не тратят, но как бы увеличивают свой капитал, свой запас ценностей. К благам такого рода относятся машины, орудия, сырье, земля, разводимый скот, а также деньги, подлежащие обмену на блага такого рода, иначе говоря инвестируемые в производство. Совсем иной характер и менее значительные последствия для статуса и идентичности отдельных людей имеет собственность на вещи *потребительского назначения*, которые используются и исчезают в процессе потребления.

Обладание материальными благами делит общество на два крупных сегмента: на тех, кто является собственниками этих благ, и на тех, кто лишен такой собственности. Эти два крупных сегмента, различие между которыми определяется их отношением к собственности, - это социальные классы: *класс собственников и класс трудящихся* (в капиталистическом обществе - буржуазия и пролетариат). Класс собственников имеет в своем распоряжении рабочие места, которые он предоставляет наемным рабочим. Поскольку он имеет монополию на эти рабочие места, он может диктовать рабочим условия их найма. Наемные рабочие имеют в своем распоряжении только собственную рабочую силу: навыки, способности, знания, физическую силу. Они вынуждены продавать ее как *товар*, чтобы получить средства для существования самих себя и своих семей, иначе говоря, они должны работать за плату. Оба класса связаны между собой сложными и амбивалентными отношениями. С одной стороны, наниматели и рабочие взаимно нужны друг другу. Чтобы начать производство, наниматель должен найти рабочих, а рабочий, чтобы выжить, должен найти место работы. Но, с другой стороны, их интересы противоположны: собственник мечтает получить наибольшую прибыль, а условием этого является то, чтобы нанятый им рабочий работал в наихудших условиях. Только тогда получаемая нанимателем *прибавочная стоимость*, или разница между тем, что рабочий производит де-факто, и тем, что он получает в виде заработной платы, будет наибольшей. Разумеется, интересы рабочего прямо противоположны: он хочет сделать прибавочную стоимость минимальной, то есть получить заработную плату, максимально приближенную к стоимости того, что он производит. Дело только в том, что позиции в возможном «торге» двух сторон диаметрально различны, ибо собственник обладает монополией на рабочие места, а рабочий должен найти себе работу любой ценой. Таким образом, между классами складываются *эксплуататорские отношения*, то есть происходит эксплуатация наемных рабочих собственниками.

Собственность, принося прибыль и постоянно приумножаясь за счет рабочих, открывает перед собственниками исходно и принципиально неравный, привилегированный доступ ко всем другим общественно ценным благам: к богатству, власти, престижу, образованию, здоровью. Класс собственников имеет более значительные потребительские возможности, оказывает влияние на государственную власть, осуществляя «классовое господство», обеспечивает свои интересы с помощью законов (например, посредством гарантирования прав частной собственности в конституции), добивается уважения к себе, признания или зависти со стороны других членов общества, оказывается потенциально способным обеспечить себе более высокое образование, доступ к средствам охраны здоровья и утонченным видам отдыха. С точностью до «наоборот» во всех этих направлениях формируется положение рабочего класса.

В обеих группах, на двух сторонах дихотомии, отношение к собственности со всеми вытекающими существенными социальными последствиями приводит в действие процессы формирования самих этих групп. Объективная общность интересов – это еще только статистическая группа, еще только социологическая категория (по терминологии Маркса, «класс в себе»). Но на этом рубеже появляется уже осознание общности интересов внутри одного класса и вместе с этим противоположности интересов противостоящего класса – «классовое сознание». В этот момент класс уже становится реально функционирующей, организованной группой – «классом для себя». То, что классы формируются одновременно, в противостоянии друг другу, во взаимодействиях, усиливает и ускоряет процессы формирования групп по обе стороны противостояния. Процесс кристаллизации каждого социального класса можно представить при помощи следующей таблицы (табл. 11).

Таблица 11. Кристаллизация социальных классов

Социологическое понятие	Определяющая черта			
	объективная общность интересов	связи (контакты, общность)	классовое сознание	организация
Класс «в себе» (социологическая категория)	+			
(Переходная форма: сеть коммуникаций и контактов)	+	+		
(Переходная форма: социальная категория общей идентичности)	+	+	+	
Класс «для себя» (реальная группа)	+	+	+	+

Эти главные положения классовой теории Маркса прочно вошли в социологическое мышление, стали его канонами. Их простота и доходчивость обеспечили им широкое проникновение в обыденное знание. Вопреки часто высказываемым мнениям эти положения не составляют какой-либо конкурен-

ции по отношению к теории социальной стратификации, а дополняют ее, являются *комплементарными* по отношению к ней. Они показывают, что наряду с иерархическим, выявляемым на разных уровнях неравенством в обществе могут существовать и крайне экстремальные проявления неравенства, находящиеся в оппозиции, на противоположных полюсах, и такие формы имеют уже иную динамику развития, ибо приводят к эксплуатации, антагонизму, конфликтам и борьбе.

Другие виды дихотомического неравенства

Очень похожей, хотя обычно используемой для характеристики неравенства совсем иного рода, является логика, распространенная ныне в кругу представителей феминистского движения и мышления, сосредоточивших внимание на *противоположности полов*. Пол, несомненно, является объективным биологическим фактом, выраженным как в физиологических особенностях, так и в определенных психических. Однако и этот факт, как и все в человеческом мире, подлежит *культурной интерпретации*. Появляются определенные идеи, убеждения, взгляды по вопросам мужественности и женственности, вырабатываются определенные правила мужского и женского поведения, включаемые в соответствующие социальные роли: роль мужчины и роль женщины. Биологической разнице полов приписывается уже иное значение, включающее культурные определения и требующее определенных способов мышления и действий: в соответствии с образцом мужественности и образцом женственности. Эта разница превращается уже в нечто большее, чем биологическое различие, а именно в общественные различия *мужского рода и женского рода* (gender).

Только характер этих культурных дефиниций может привести к тому, что эта разница превратится в социальное неравенство, то есть неравному доступу к общественно ценным благам и ценностям. Традиционные определения мужской и женской социальных ролей строились на основе оппозиции как комплексы признаков, предрасполагающие к противопоставлению. Согласно этим определениям, мужчины должны проявлять способности лидера, господствовать, активно участвовать в деятельности, стремиться к успеху, вести себя инициативно и агрессивно, сдерживать свои эмоции. Зато женщины должны быть активными главным образом в семье и дома, зависимыми, послушными, опрятными, свободными в выражении эмоций, производить эстетическое впечатление.

Мы уже знаем «теорему Томаса», согласно которой, если люди во что-либо верят, это становится реальностью. Тем более вероятны такие последствия, когда речь идет о культурном давлении, когда начинают ссылаться на всеобщее распространение взглядов и определений такого рода. Под влиянием культурного давления – социализации в семье или в школе, распространяемых средствами массовой информации образцов и примеров, под влиянием общественного контроля в группах и т.п. – такого рода определения собственной роли и роли представителей противоположного пола начинают принимать,

считать правильными и мужчины, и женщины. А дальше, уже опираясь на эти представления и убеждения, они начинают соответствующим образом исполнять мужские и женские роли. Роль становится элементом самодефиниции и индивидуальной идентичности.

Крайним выражением такой ситуации становится полное отстранение женщин от профессиональной активности, оставление за ними только ролей матерей, жен и домохозяек. Даже в западной культуре это было типичным еще в XIX в., и только в XX в. сфера профессиональной деятельности стала открытой и доступной для женщин. Во многих традиционных культурах до сих пор сохранился взгляд, согласно которому подлинное место женщины - это дом и семья. Если мы вспомним, что главным средством обретения общественно ценимых благ, таких как богатство, власть, престиж, является профессиональная деятельность, а образование рассматривается как инструментальная ценность, как средство получения профессии, то станет ясно, что у женщин отбираются шансы на достижение всех этих благ и происходит их перемещение на самый низкий уровень стратификационной иерархии. Одновременно весь доступный в данном обществе запас таких благ как бы резервируется за мужчинами.

Но и тогда, когда женщины начинают работать профессионально, неравенство остается, принимая формы *профессиональной сегрегации*. Определенные профессиональные роли требуют предварительной диспозиции, совпадающей с выявившимися в данной культуре мужскими ролями (точно так же, как другие профессии как бы совпадают с женскими ролями). Общественное восприятие и принятие этих определений и различий влияет как на потенциальных кандидатов, на их намерения, стремления, так и на тех, кто производит селекцию при профессиональном наборе. Мужчины чаще выбирают «мужские профессии» - юристов, врачей, ученых, военных, полицейских, инженеров, политиков, менеджеров, а на более простом, низком уровне - строителей, операторов подъемных кранов, водителей грузовиков, таксистов. Женщины реже стремятся получить профессию такого рода, а если и пробуют, то сталкиваются со значительно большими трудностями при отборе. Зато они охотно выбирают «женские профессии», и их хорошо воспринимают в таких ролях: они работают учительницами, чиновницами, официантками, сестрами милосердия, секретаршами, стюардессами. В США еще в 1980 г. 95% работающих в этих профессиях составляли женщины. Для описания людей, занятых в таких профессиях, социологи иногда употребляют забавное определение «розовые воротнички». Это связано с понятием «белые воротнички», принятым для определения чиновных, бюрократических профессий, и понятием «синие воротнички», применяемым для определения рабочих профессий.

С появлением профессиональной сегрегации вступает в силу эффект «самосбывающегося пророчества», который мы рассматривали выше по отношению к расовым и этническим предрассудкам. В сущности, культурные определения мужских и женских ролей тоже можно считать своего рода предрассудками. Поскольку уже известно, что женщины предрасположены к определенным профессиям и не подходят для других профессий, то и происходит так на самом деле, что в результате собственного выбора и той селекции, кото-

рую производят другие при наборе работников или учащихся, которым еще предстоит овладеть профессией, женщины в большинстве своем выбирают «женские» профессии, а мужчины - «мужские». И сам этот факт начинает служить для усиления принятых определений «женственности» и «мужественности», «женского» и «мужского» начала. Поскольку в парламенте среди депутатов всего несколько женщин, поскольку в армии женщины служат разве что в так называемых тыловых подразделениях, поскольку в полиции появление женщины представляет собой спорадическое событие, заслуживающее внимания прессы и даже воспевания в шлягерах (известная варшавская милиционерка Лодзя 1960-х годов), то складывается впечатление и убеждение, что такие профессии - не в женском характере. А значит, может быть, и не надо стремиться к овладению такими профессиями - думают женщины; может быть, и не надо принимать их на такую работу, на такие должности - думают мужчины. И круг замыкается.

Обратим внимание на то, что женские профессии, как правило, находятся на более низких уровнях стратификационной иерархии: они требуют сравнительно более низкого образования, не столь высокой подготовки, они хуже оплачиваются, не дают власти и приносят гораздо меньший престиж. Следовательно, профессиональная сегрегация углубляет неравенство, что означает *дискриминацию женщин*. Не столь радикальная, как в случаях полного отстранения женщин от профессиональной работы, но и в таком виде она оказывается достаточно чувствительной.

Со временем, однако, женщинам удается освоить профессии, которые раньше традиционно считались мужскими. Все больше женщин появляется в политике, на высоких административных должностях, в качестве менеджеров в бизнесе, в мире науки, в адвокатуре, в армии, в полиции и т.д. Но и тогда эхо сегрегации и дискриминации проявляется в неординарном *темпе продвижения*, иногда даже в неравной оплате за ту же самую работу (в США, например, в среднем на 30% ниже), в том, что достижения женщин менее заметны и реже отмечаются, в том, что их реже выдвигают на руководящие должности, реже посылают на учебу, связанную с усовершенствованием квалификации и т.п. Такое положение по-прежнему объясняется традиционным культурным определением женских ролей. Им приписывается меньшая производительность труда, ибо, как считается, женщина к тому же или прежде всего озабочена своим домом и семьей, с ними связывается также меньшая уверенность в том, что женщина будет постоянно, долго работать, поскольку она должна рожать и воспитывать детей. Таким образом, сохраняется, хотя во все менее жестких формах, неравенство в доступе к высоким доходам, власти, престижу, образованию (профессиональному усовершенствованию).

Эта особая форма социального неравенства, определяемая различием полов, во многих отношениях похожа на классовое неравенство. Из самой сути различия проистекает дихотомичность деления: или ты мужчина, или женщина (мы здесь не будем брать во внимание патологические, средние, или промежуточные, ситуации), и никак нельзя быть немножко больше и еще больше мужчиной или немножко меньше и еще меньше женщиной. Различительный признак не подлежит, таким образом, градации. Аналогичный характер

носит и динамика формирования, кристаллизации соответствующих групп. Посмотрим на женскую общность. Сначала это только статистическая категория, определяемая объективными половыми признаками. Но с появлением особенных, отличительных культурных ролей, по мере того, как к этой общности применяется сегрегация и дискриминация, эти признаки приобретают явно социальный характер. Женщины, таким образом, становятся социологической категорией, отличающейся не только своим полом, но и социальным положением. В свою очередь, общность социального положения и сходных интересов порождает групповую идентификацию и групповое сознание. Можно говорить о *феминистском сознании*. Оно становится основой контактов, взаимодействий, установления общественных отношений, формирования уз доверия, лояльности и солидарности между женщинами. Коллективные действия, предпринимаемые для защиты своих интересов, приводят к появлению лидеров, а также к формированию организаций. Так, зарождается и получает развитие эмансипационное движение (а позднее феминистское движение).

Еще одна разновидность социального неравенства дихотомического характера, и в силу этой дихотомии в известной мере аналогичная оппозиция классов связана с процессами миграций, перемещения и смешивания друг с другом социальных общностей. Дело в том, что в результате миграций определенные группы оказываются в положении *этнических или национальных меньшинств*. Они не только оказываются новыми, чужими на территории, где постоянно жили другие сообщества, они к тому же еще и менее многочисленны по своему составу. Их появление означает, что общий запас общественно ценимых благ, экономических, политических, престижных, связанных с образованием, с местами и источниками средств отдыха, принадлежавший прежде исключительно тем, кто жил здесь прежде (местному населению), теперь придется делить с пришельцами. Они становятся конкурентами в таких вопросах, как рабочие места, заработки, потребительские товары, политические должности, престижные отличия, места в школах и университетах, в учреждениях социальной опеки и больницах, вплоть до возможностей участия в соревнованиях по гольфу.

Однако сильно укрепившаяся в организационных структурах и различных институтах, а к тому же находящаяся в подавляющем большинстве местная группа, местное население имеет возможность обороняться от такой угрозы, во всяком случае способствовать ограничению конкуренции. Ведь именно она имеет власть, во многих смыслах этого слова. Об этих смыслах мы поговорим в следующей главе, но уже сейчас мы должны ввести эти понятия. Прежде всего, речь идет о подавляющем большинстве, которое располагает образовательными, религиозными институтами, средствами массовой информации и которое в состоянии выработать, навязать, распространить свои культурные определения меньшинства: *этнические или национальные стереотипы*, перерождающиеся в *предвззудки*. А последние, как мы помним, ведут к сегрегации и дискриминации, спонтанно еще более усиливая негативные предвззудки. Но обладание властью открывает возможность и для еще более прямых, непосредственных действий, направленных на осуществление определенных административных или законодательных ограничений относительно иммигрантов,

рантов, что еще более углубляет спонтанную, идущую снизу сегрегацию и дискриминацию, которой дискриминационная политика, проводимая сверху, дает дополнительные обоснования, разрешения и даже стимулы. В результате социальное неравенство между группами большинства и меньшинства усиливается и укрепляется, проявляясь на всех ступенях социальной стратификации.

Поскольку по самой своей природе меньшинство и большинство означают дихотомическое разделение, это неравенство в определенных отношениях похоже на классовые противоречия и конфликты между полами. Однако не совсем. Существенное различие заключается в иной динамике взаимоотношений между группами большинства и меньшинства. Оно базируется на следующих двух обстоятельствах. Во-первых, меньшинства вначале выступают как интегрированные группы, объединенные общностью происхождения, общими традициями, общим языком, общей культурой, то есть как социальные группы. Во-вторых, стратегия реализации их интересов не ограничивается борьбой за равноправие и преодоление дискриминации. Дело в том, что они имеют альтернативную возможность - *ассимиляцию* в группе большинства - и тем самым обеспечивают себе возможность участия в жизни большинства, доступа к его жизненным шансам. Следовательно, преодоление и ограничение неравенства возможны в результате конфликта и борьбы, но возможны и в результате самоустранения, самоуничтожения меньшинства как такового и его вливания в группу большинства, вхождения в область господства этого большинства. Выбор направления во многом зависит от исходной глубины различий между группами иммигрантов и местным большинством. Чем очевиднее или активнее культивируются меньшинством его отличия, например расовые, языковые, связанные с традиционным бытом и обычаями, религиозные, чем больше отличается уровень образования или цивилизации, тем труднее путь к ассимиляции и тем сомнительнее такой выбор. Достаточно сравнить глубоко ассимилированные в США группы ирландского или немецкого происхождения с пуэрториканской или мексиканской. Расовая и культурная чужеродность диктуют решение, связанное с отказом от ассимиляции, от расчетов и претензий на нее, а это углубляет изоляцию, замкнутость группы меньшинства, усиливает ее идентичность и внутреннюю солидарность, интеграцию вокруг групповой символики, стимулирует появление сепаратистской идеологии и лидеров, способствует возникновению контрпредвззудков против большинства, стимулирует организацию для борьбы за свои интересы и неизбежную эскалацию конфликта.

Важнейшие понятия и термины

Ассимиляция - растворение этнического или расового меньшинства в группе большинства и тем самым обретение возможностей участия в ее жизни, доступа к ее шансам.

Вертикальная мобильность - повышение или понижение людей или групп в стратификационной иерархии.

Внутрипоколенная мобильность - продвижение или падение человека или группы в течение жизни одного поколения.

Гармония стратификационных иерархий - ситуация, в которой высокая (или низкая) позиция отдельного человека или группы на одном из уровней социального неравенства соответствует такой же его высокой (или низкой) позиции в иных системах стратификации.

Гендер - культурно осмысленные, определенные и усиленные признаки половых различий, подчеркивающие различие социальных ситуаций, профессиональной предрасположенности, шансов продвижения, образцов карьеры и т.п.

Дисгармония стратификационных иерархий - ситуация, в которой определенная позиция человека или группы на одном уровне неравенства не означает такого же положения в иных системах стратификаций.

Дихотомическая модель неравенства - образ общества, в котором подчеркивается противостояние двух социальных классов: собственников на средства производства и рабочих, лишенных собственности.

Жизненные шансы - вероятность приобретения общественно ценимых благ - богатства, власти, престижа, образования, здоровья и т.п.

Закрытое общество - такое, которое ограничивает или совершенно исключает возможности социальной мобильности.

Иерархическая модель неравенства - образ общества, в котором значение придается постепенности различий и проявлений неравенства между отдельными людьми или группами в рамках различных систем стратификации.

Каналы социальной мобильности - типичные сценарии продвижения, или карьеры, возможные в данном обществе.

Карьера - последовательное изменение профессиональной ситуации, особенно очередных продвижений.

Каста - замкнутая социальная группа, ограниченная четко установленным кругом лиц, войти в который можно только по праву рождения и выйти из которого нельзя до самой смерти.

Класс в себе - социальный класс на начальном этапе его формирования, когда крупный сегмент общества объективно имеет общие экономические интересы, но не фиксирует этого в своем сознании.

Класс для себя - социальный класс на заключительном этапе формирования, когда наряду с общностью экономических интересов он располагает развитым классовым сознанием и организационными формами, позволяющими вести классовую борьбу.

Классовое сознание - распространенное среди членов группы, имеющих сходные экономические интересы, идеологическое обоснование и формулирование этих интересов, выявление угрожающих этим интересам классовых врагов и появляющаяся на этом фоне сильная групповая идентичность и готовность к борьбе за достижение классовых целей.

Конверсия капитала - обретение или приумножение отдельным человеком или группой общественно ценимых запасов одного рода благодаря обладанию запасами другого рода (например, использование власти или престижа для получения материальной выгоды).

Культурный капитал - навыки, умения, обретенные в процессе социализации в элитарных группах, занимающих более высокую социальную позицию и имеющих образование, которые упрощают сохранение за собой (воспроизведение) данных элитарных позиций, а также являются символом принадлежности к элитарным группам.

Межпоколенная мобильность - движение вверх или вниз человека или группы на продолжительном отрезке времени, охватывающем жизнь двух и более поколений.

Открытое общество - такое, в котором индивидуальная или групповая мобильность не только возможно в широкой сфере, но становится сильным культурным ожиданием и требованием.

Полярная модель классовых противоречий - упрощенный тип общества, в котором различаются только два радикально противостоящих друг другу класса - господствующий и подчиненный без каких-либо средних, промежуточных группировок.

Престиж - общественное уважение, признание, выраженное по отношению к одному человеку или группе; наивысшим его выражением является слава.

Прибавочная стоимость - прибыль собственника на средства производства, проистекающая из того, что он присваивает себе разницу между ценностью созданных трудом рабочего товаров и заработной платой этого рабочего.

Профессиональная деградация - переход на более низкую профессиональную позицию (потеря должности) или в профессию, которая ценится ниже, чем та, в какой выступает человек.

Продвижение по службе - обретение более высокой профессиональной позиции (должности) или вхождение в профессиональную группу, ценимую более высоко, нежели та, к которой принадлежит человек.

Социальный класс - крупный сегмент общества, охватывающий людей, которые находятся в схожей ситуации, касающейся форм собственности (прежде всего собственности на средства производства, то есть экономического капитала).

Социальное неравенство - неодинаковый доступ (или неодинаковые шансы доступа) к общественно ценимым благам, вытекающий из принадлежности к различным группам или из занятия различных общественных позиций, а не из каких-либо телесных или психических особенностей.

Социальные слои - социальные категории и группы, связанные реальными субъективными и объективными узлами, различающиеся между собой групповыми шансами обретения общественно ценимых благ, а также проистекающим отсюда уровнем и образом жизни, типичной идеологией и обычаями.

Социальная стратификация (расслоение) - иерархия социальных групп, имеющих больший или меньший доступ к какому-либо общественно ценному благу: к богатству, власти, престижу, образованию.

Статистические слои - количественно определенные группы населения, занимающие определенные уровни стратификационных иерархий.

Стратификационный барьер - реальная граница продвижения, возможного для опосредованного деления социальных категорий или групп (например, для расовых или этнических меньшинств)

Рекомендуемая литература

13, 15, 30, 38, 86, 88, 90 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 15

Функции и генезис неравенства

Социальное неравенство - это такое явление, которое особенно остро затрагивает сферу интересов людей и вызывает сильные эмоции. Поэтому рассуждения на эту тему нередко оказываются замкнутыми в рамках *идеологии*, то есть таких систем мышления, которые, как мы помним, подчиняются и служат определенным групповым интересам. Но неравенство остается также важным предметом *теоретических* размышлений, целью которых является не столько оправдание или критика неравенства, сколько выяснение сущности этого феномена.

Идеологии неравенства

Положение разных групп, социальных слоев или классов в системе стратификационных иерархий или полярных структур определяло характер тех идеологий, которые данные группы создавали или принимали как свои собственные. Эти идеологии оправдывали, легитимировали неравенство или, наоборот, требовали устранения. В частности, они задавались вопросом, является ли неравенство *справедливым*.

Несмотря на множество конкретных формулировок и аргументов, все идеологии неравенства можно отнести к трем типам. Первый - это идеологии *элитарные*. Они утверждают, что существуют такие группы, которые в силу самой своей природы «выше» других и поэтому должны занимать более высокую позицию в обществе, что находит выражение в их привилегиях, полностью обоснованных и оправданных. Такие группы могут формироваться по праву рождения, как это имеет место, например, при формировании династий, аристократических кругов, граждан древнего Рима, польских магнатов и шляхты, высших каст в Индии. В них могут также оказаться люди, имеющие для этого особые предпосылки, выдающиеся способности, интеллект, люди, как бы приближенные к Богу. Примерами могут служить племенные старейшины, шаманы, представители духовенства. Расистские и националистиче-

ские идеологии были склонны выделить такую исключительную позицию для «избранных», высших рас и наций, приписывая им непререкаемые и врожденные достоинства, определяющие их преимущества по сравнению с другими расовыми или этническими группами.

Другой тип - это *эгалитарные идеологии*, созданные дискриминируемыми группами или от их имени. В своем наиболее радикальном варианте они выступали против любого социального неравенства и привилегий, требуя *одинаковых условий* жизни для всех людей. В своем более реалистическом варианте они указывали на биологическое сходство всех представителей человеческого рода, из чего вытекало наличие *одинаковых потребностей*, и поэтому следовало бы обеспечить всем людям одинаковый минимальный уровень удовлетворения этих потребностей. Все люди в силу самой своей человеческой природы должны иметь возможность удовлетворить свои потребности в питании, одежде, помещении, которое служило бы им убежищем, в работе, безопасности. Только над этим минимальным уровнем допустимы разного рода неравенства. Третий вариант эгалитаризма ориентирован не на равенство уровня удовлетворения потребностей, не на равенство достижений, а *неравенство шансов* добиться таких достижений. Согласно этой теории, всем людям надо обеспечить одинаковый старт, равные возможности доступа к общественно ценным, вождленным благам, не выключая при этом и не ограничивая априори никакие группы. Четвертый вариант эгалитарной идеологии подчеркивает обязательное *равенство всех людей перед законом*, необходимость так называемой идентичной квалификации действий, одинакового уровня ответственности, применения к людям единой меры справедливости независимо от занимаемой ими позиции или групповой принадлежности. Этот постулат особенно касается самых высоких позиций, связанных с государственной властью. Пятый вариант требует *равенства субъективных прав*, то есть гарантии реализации прав, присущих каждому человеку независимо от его общественного положения. Как правило, при этом выделяются гражданские, или политические, права и свободы, например право выбирать и быть избранным, свобода совести, социальные права, например право на труд, на образование, на охрану здоровья, и, наконец, всеобщие права человека, связанные с защитой его достоинства, суверенности (неприкосновенности) человеческой личности, например связанные с запретом на применение пыток, телесных наказаний, на ограничение свободы.

Третий тип идеологии - *меритократический* (от англ. merit - заслуга). Согласно этой идеологии, неравенства в обществе оправданы в той мере, в какой они являются результатом собственных заслуг. Как же это понимать, что определенные группы, слои, классы имеют особые заслуги? Определяющими здесь являются два взаимосвязанных фактора. Во-первых, уровень собственных усилий, интенсивности приложенного труда или уровень понесенных затрат и жертв, а также обладание исключительными и редкими талантами, навыками или предпосылками. Во-вторых, это тот вклад, который данная группа вносит в общество в целом, та мера, в какой эта группа удовлетворяет потребности всего общества, те выгоды или те удовольствия, которые деятельность данной группы приносит другим людям и группам общества. С этих двух

точек зрения группы сильно отличаются друг от друга. Социальное неравенство становится своего рода справедливым вознаграждением за *собственные усилия и общественную пользу*. Меритократическая идеология выступает в своей крайней форме, когда она все общественные беды, нищету, безработицу и т.п. рассматривает как результат собственной вины людей, их собственной пассивности, бездарности, нерасторопности, безответственности. В своей более умеренной версии эта идеология утверждает, что маргинализация определенных групп может быть результатом внешних обстоятельств и социальных факторов, в которых сами члены общества не виноваты; в таком случае людям должны быть предоставлены минимальные условия жизни независимо от их заслуг. В таком варианте эта идеология представляет собой своеобразный компромисс с умеренным эгалитаризмом, выдвигающим требования обеспечения минимальных, присущих всем людям потребностей. Иные разновидности меритократической идеологии касаются допустимой *шкалы неравенства*. Крайний вариант допускает в этом отношении полную свободу, вплоть до огромного разрыва между верхними и нижними уровнями стратификационных иерархий, поскольку данные уровни зависят исключительно от собственных заслуг. Умеренный вариант требует установления определенных рамок, например снижения слишком высоких доходов посредством прогрессивной системы налогообложения. Меритократическая идеология особенно характерна для американского общества. Именно там, в парадигме так называемого американского кредо, особенно выявляются индивидуализм, стремление к достижениям и успехам, ответственность за собственный выбор и собственную судьбу (self-made man), самодостаточность, конкурентоспособность, неограниченность достижимых целей.

Теории неравенства

Рассуждения о неравенстве составляют не только предмет идеологических оснований. Эта тема проникает также в сферу наук, прежде всего в сферу философии, а позднее в область общественных наук. Распространенность и болезненная чувствительность проявлений социального неравенства с древнейших времен вызывали стремление выяснить причины этого явления. Социология вносит в рассмотрение этой проблемы две свои характерные позиции. Одна из них связывает неравенство с определенными, категорическими организационными императивами коллективной жизни. Назовем эту позицию *функциональной теорией социальной стратификации*. Другая позиция связана с обращением к историческому генезису неравенства и с представлением о господстве и власти как об источниках неравенства. Назовем ее *теорией накопившихся преимуществ*. Обе теории по-разному видят перспективы будущего и имеют различную идеологическую аргументацию. Функциональная теория рассматривает социальное неравенство как явление вечное, неустрашимое, более того, неизбежное, необходимое для существования и функционирования человеческих сообществ. Соответственно, она предлагает консервативную и апологетическую трактовку этого явления. Теория генезиса рас-

смачивает социальное неравенство как результат особых исторических условий, которые могут быть устранены в будущем. Согласно данной теории, ограничение и преодоление неравенства не только возможно, но и необходимо, ибо неравенство становится конфликтогенным фактором, вызывающим в общественной жизни разлад и дезорганизацию, способным довести дело даже до разрушения общества. Таким образом, эта теория имеет радикальное и критическое начало. Несмотря на такие контрастные различия этих теорий, мы постараемся показать, что обе они содержат ценностные подходы и в известном смысле взаимно дополняют друг друга.

Функциональная теория стратификации была сформулирована в 1945 г. в небольшой статье Кингсли Дэвиса (Kingsley Davis) и Уилберта Мура (Wilbert Moor)¹. С момента публикации эта статья стала предметом горячих дискуссий, многочисленных критических работ и комментариев. Главные идеи этой статьи стали настолько популярны, что вошли в общественный обиход, даже проникли в обыденное сознание, и сегодня мало кто помнит, кто их сформулировал. Эти идеи очень просты.

Авторы утверждают, что все известные человеческие сообщества, как существовавшие в истории, так и современные, характеризуются *социальным неравенством*. Эта констатация, касаясь того, что было и существует ныне, не гарантирует, однако, что все это именно так останется в будущем, не позволяет утверждать, что неравенство в обществе неизбежно, обязательно, универсально и вечно. К примеру, Маркс, наверно, согласился бы с историческими тезисами Дэвиса и Мура, ибо сам он в «Коммунистическом манифесте» утверждал, что «история всего существовавшего до наших времен общества была историей классово-борьбы»². Но одновременно он и воспротивился бы тому, будто все это так должно быть и в будущем. Ведь все свое творчество и всю свою политическую деятельность он подчинил надежде на ликвидацию социального неравенства в будущем бесклассовом, коммунистическом обществе. Для того чтобы доказать неизбежность и обязательность неравенства, недостаточно заявить, что до сих пор, прежде оно всегда имело место; надо еще выявить такие общие закономерности общественной жизни, из которых эта неизбежность логически вытекала бы. И именно это должна была обеспечить функциональная теория стратификации. Характеризуя ее, ограничимся для простоты только одним типом неравенства - *неравенством профессий*, но, само собой разумеется, это относится ко всем видам неравенства. Мы изложим эту теорию в нашей собственной редакции, максимально приближенной к оригинальной версии и доброжелательной по отношению к ней; бережно сохраняя все, что определяло намерения авторов, мы попробуем несколько развить их соображения.

Во-первых, согласно Дэвису и Муру, разные профессии, выполняемые членами общества, имеют различную *функциональную значимость*, то есть в разной мере способствуют обеспечению «функциональных потребностей обще-

БЕДА И МАРГИНАЛИЗАЦИЯ

В современном обществе встречаются значительные анклавы бедности и маргинальные группы, выброшенные на обочину из благополучного мира потребительской цивилизации.

*Нищие на улицах Нью-Йорка
(отбросы и мусор как средство
выживания)*

Место обитания («ложе») старого китайца в нью-йоркском квартале Чайнатаун (бездом-

¹ Davis K., Moor W.E. Some Principles of Stratification // American Sociological Review. 1945. V. X, № 2. P. 242-249.

² Marks K., Engels F. Manifest kommunistyczny (1848) // Dzieła. T. 4. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962.

ства». Эта последняя категория, типичная для так называемой структурно-функциональной теории, означает воспроизведение популяции, трансмиссию культуры, регулирование индивидуальных действий, координацию коллективных действий, обеспечение людям пищи, крова, безопасности, средств связи и т.п. Все это минимальные необходимые условия выживания общества, его стабильности и равновесия. Конечно, все это надо рассматривать в относительной исторической перспективе. Речь может идти о выживании в данном историческом виде. Одними являются условия выживания примитивного общества, другими - общества современного. Примитивное общество может обойтись без множества вещей, которые ныне являются жизненной потребностью и необходимостью. Так и среди профессий выделяются более и менее важные для обеспечения тех общественных потребностей, которые диктуются данными историческими условиями существования данного общества. Эта мысль на первый взгляд кажется очевидной. Врачи являются более «важными» для общества, чем медицинские сестры, генералы - более важными, чем солдаты, профессора - более важными, чем студенты, бургомистры (главы городской власти) - более важными, чем мусорщики.

Во-вторых, разные профессии требуют больших или меньших способностей, талантов, врожденного к их исполнению предрасположения, а кроме того, более длительного или более краткого *обучения или тренинга*, дающего необходимые навыки и компетенцию. Особенно важные функциональные позиции требуют больше способностей и умения, следовательно, для них труднее найти подходящие кандидатуры, а люди, которые могут на них претендовать, должны пройти более длительное обучение. Чтобы стать летчиком, нужно иметь к тому определенное, довольно редкое психологическое и физическое предрасположение, а кроме того, пройти сложную подготовку и длительную практику свободных полетов (измеряемую проведенными в воздухе «часами налета»). Чтобы стать грузчиком, разгружающим вагоны, не нужно ни первого, ни второго. Чтобы стать мастером на теннисных турнирах в Уимблдоне, нужны не только выдающиеся способности, но и многолетняя, изнурительная, упорная тренировка, железная дисциплина, соответствующий образ жизни и т.п. Ничего такого не нужно, чтобы подметать улицы.

В-третьих, образование, обучение и тренировка означают то, что люди несут определенные *затраты* и приносят определенные *жертвы*. Обучение и тренинг требуют затрат времени, энергии, усилий, дисциплины, финансовых затрат. Кроме того, они означают и потерю того, что можно было бы (в это время) приобрести, например утрату возможных заработков, которые человек получил бы, если бы вместо того, чтобы учиться, сразу приступил к работе в какой-либо простой профессии. Как же при этом склонить людей, имеющих соответствующие таланты, к тому, чтобы они предприняли усилия, понесли расходы и принесли жертвы, связанные с обучением и тренингом?

Четвертый тезис касается человеческих мотиваций. Единственный способ склонить людей к тому, чтобы они приложили исключительные усилия и понесли особые расходы, связанные с приобретением профессии, предъявляющей к ним более высокие требования, а вместе с тем и более важной в функциональном плане, - это предоставление им каких-либо связанных с этой про-

фессией *особенных привилегий*: больших заработков, более значительного объема власти, более высокого престижа. Поэтому единственным механизмом, обеспечивающим занятие важных профессиональных позиций кандидатами, имеющими соответствующие данному делу способности и образование, является социальное неравенство.

Пятый тезис вновь включает в себя элемент функционалистского мышления: занятие важных по функциональному назначению профессий людьми, предрасположенными и подготовленными к данному делу, является *функциональным императивом*, своего рода метатребованием функционирования любого общества. Без этого общество не могло бы существовать. То, какие именно профессии оказываются функционально важными, определяется историческими условиями. Если речь идет о современном обществе, то ясно, что оно в его нынешнем виде не могло бы существовать, если бы не было (или было бы недостаточно) ученых, инженеров, техников, врачей, адвокатов, летчиков, менеджеров, звезд киноэкрана, мастеров рок-музыки, футболистов и еще некоторых профессиональных категорий. В ином типе общества это перечисление могло бы выглядеть иначе, но всегда найдутся такие престижные и обязательные профессии, которыми кто-то должен владеть, исполняя соответствующую работу, чтобы общество могло продолжать свое существование и функционирование. Даже в так называемом «обществе охотников и собирателей», где разделение труда ограничивалось, как свидетельствует само его название, двумя категориями, несомненно, труднее было стать промысловиком-охотником, нежели собирателем корешков, а если бы никто не хотел быть охотником, то общество вымерло бы от недостатка нужной пищи.

Таким образом, только существование социального неравенства обеспечивает мотивацию для обязательного обучения и тренинга, что создает определенный запас кандидатов для овладения нужными профессиями, для исполнения работы, необходимой в обществе данного типа, гарантирующей само существование этого общества. Отсюда естественно вытекает вывод: в каждом существующем обществе (ибо если оно существует, значит, выжило и функционирует) обнаруживается социальное неравенство. Социальное неравенство является обязательной, непременной, универсальной, вечной составляющей любого общества.

Нетрудно заметить, что теория Дэвиса и Мура имеет мощную поддержку в рамках американского культурного контекста. Она представляет собой как бы теоретическое эхо, а одновременно и обоснование *меритократической идеологии*. Она представляет чистый, идеализированный образ того, как выглядело бы общество, если бы эта идеология получила буквальное осуществление. Любые привилегии были бы справедливыми, достойными, заслуженной *платой* за собственные усилия и таланты, вложенные в исполнение важных для общества профессиональных ролей. И эти привилегии были бы тем больше, чем реже встречаются соответствующие способности и чем больше усилий прилагает человек для обучения и тренинга. А также они были бы тем выше, чем большему количеству людей в важных для них сферах жизни профессиональная деятельность такого рода приносила бы пользу, выгоду или удовольствие. В таком обществе, соответствующем идеальной модели, все, обладающие вы-

соким достатком, властью или престижем, пользовались бы этим благодаря своим собственным заслугам, а все те, кто занимал бы более низкие позиции, могли бы иметь претензии только сами к себе. Несомненно, такая теория могла появиться только в Америке.

Но и в Америке она с самого начала стала вызывать сомнения. Критика обратилась прежде всего на ее основную предпосылку. Можно ли, в самом деле, говорить, будто разные профессии имеют большее или меньшее функциональное значение? Уже из концепции «органической солидарности» Эмиля Дюркгейма, рассмотренной нами выше, ясно, что современное разделение труда создает различные, *взаимно дополняющие друг друга* профессии, каждая из которых по-своему восполняет то, чего нет в других, придает смысл существованию других профессий. Профессия врача, несомненно, является очень важной, но мы знаем, что больницы не функционируют, не принимают пациентов, не проводят операций, когда бастует младший медицинский персонал (сестры, санитары). Университетским профессорам нечего было бы делать, если бы не было студентов. Генералы не могли бы выиграть войну без солдат. Директора заводов не могли бы выпускать автомобили, если бы не было механиков. Мне случилось быть в Нью-Йорке во время забастовки мусорщиков. В Америке мусор вырабатывается в таком же большом количестве, как и все остальное. Перед домами начали расти большие черные мешки с мусором. Через три дня они уже преграждали проходимую дорогу по тротуарам. Было лето, мусор начал гнить и вонять. Появилась угроза эпидемий. Большой современный город оказался почти парализованным, когда не стало работников его очистительных учреждений. В конце концов мэр города вызвал войсковые подразделения, которые вывезли мусор. Ну, и кто в этой истории, которая выглядит истинным анекдотом, в функциональном плане важнее: мэр или мусорщики?

Можно было бы спасти теорию Дэвиса и Мура, если бы придать ей несколько иную интерпретацию, такую, которой нет у этих авторов. А именно, можно было бы указать на разную степень *заменяемости* или, напротив, *незаменимости* определенного персонала, выполняющего обязательные для общества задачи. Генерал может взять в руки ружье и заменить солдата в окопах, но рядовой ничего не сможет сделать в компьютеризованном штабе управления войсками. Хирург может сделать перевязку пациенту, если не будет медицинской сестры, но сестра не сможет сделать хирургическую операцию. Судья может, случись такая беда и необходимость, сам составить протокол заседания, но секретарь суда не сможет провести судебное заседание и сформулировать приговор. Чем труднее другим людям заменить исполнителя, исполнить данную профессиональную роль, чем более монопольный характер имеет данный тип нужной обществу деятельности, тем больше, в данном смысле, ее функциональная важность.

Другой упрек, адресованный Дэвису и Муру, был более серьезным. Дело в том, что модель функциональной теории могла бы быть реализована только в обществе, в котором все люди имели бы точно обеспеченный *равный старт*, всегда начинали бы с нуля свой путь, свою борьбу за более высокие позиции и связанные с ними привилегии, если бы эти люди появлялись на свет в некоем общественном вакууме. Но на самом деле так никогда не бывает. Люди стар-

туют в обществе, которое уже оказывается *предварительно структурированным*, включающим различные и неравные позиции. Люди включаются в эту игру с разных мест, с разных уровней, которые они занимают в обществе. А поэтому и уровень тех усилий, расходов, затрат, жертв, которые они несут, оказывается неравным. Например, они имеют богатых или бедных родителей, живут в большом городе или маленькой деревушке, воспитываются в семье прославленного писателя или безработного алкоголика и т.п. Это значительно перегружает тот меритократический механизм, что описан у Дэвиса и Мура, затрудняет его действие, искажает результаты. Во-первых, уже сами по себе predispositions, склонности, способности или таланты к исполнению определенных высших, более ответственных профессий надо распознать, открыть, выявить. Наверняка, существует не один Янко-Музыкант, чьи способности остаются невыявленными, неизвестными даже ему самому, ибо не появляется в силу их неравного доступа шансов для проявления этих способностей. Во-вторых, те же самые расходы и затраты на обучение и тренинг означают для богатой семьи нечто совершенно иное, чем для бедной. Не только финансовые затраты, которые могут показаться мелочью для богатых и стать невероятной тяжестью для бедных людей, но и сам факт отсрочки на многие годы того момента, когда человек почувствует себя взрослым и начнет сам зарабатывать деньги, - факт, вполне естественный в богатой семье, готовой оказать своим детям необходимую поддержку, может стать просто неприемлемым в бедной семье, которая сама нуждается в поддержке со стороны своих членов. В-третьих, в каждой социальной среде существуют свои культурные правила, сильно отличающиеся друг от друга. Это касается, например, навыков чтения, склонностей к учебе, привычки посещения театров, использования самых высоких и утонченных форм развлечений. Люди обладают, как мы знаем это уже из трудов французского социолога Пьера Бурдьё, различным *культурным капиталом*. И это одним упрощает, а другим затрудняет само принятие решения об обучении или тренинге, а затем существенно влияет на ход этого обучения. В результате конечный успех в виде получения профессии, обеспечивающей высокие доходы, престиж или власть, лишь отчасти оказывается результатом собственных усилий, отчасти же зависит от условий, которых сам человек не «заслужил», а унаследовал, как и от унаследованных им материальных или культурных благ. *Обретение* собственного социального статуса, таким образом, всегда в известной мере связано с той позицией, какая дается человеку по *наследству*.

Наконец, третий аргумент в споре касается главной психологической предпосылки, которую принимают Дэвис и Мур. Действительно ли люди всегда руководствуются только *инструментальными мотивациями* - расчетами материальной выгоды, соображениями, касающимися престижа или власти, которую они получают, когда им удастся получить ту или иную профессию? Кажется, авторы весьма некритично принимают здесь на веру идею рациональности в той ее наиболее узкой веберовской интерпретации, которая имеет отношение к рациональности в выборе средств. Ведь раньше мы уже не раз говорили, какую огромную роль в общественной жизни могут играть мотивы, когда само действие становится самоцелью, когда человек делает что-либо ради самого

удовольствия, заключенного в таком действии, чувствуя потребность выразить свою творческую энергию, ради эмоционального удовлетворения. И если бы не существовало такой мотивации, еще вопрос, имели бы мы по сей день преподавателей в университетах, поскольку гораздо проще окончить какие-нибудь курсы для биржевых маклеров и зарабатывать сразу же во много раз больше. Значительную роль могут играть также традиции, свойственные данной среде, или семейные традиции. Если в Силезии кто-либо становится шахтером, то часто главным образом потому, что шахтером был и его отец, и его дед. Если известны примеры писательских династий, простирающихся на несколько поколений, и такого же рода династий ученых, адвокатов, журналистов, художников, артистов, то и в данном случае дети наверняка руководствовались мотивацией, связанной с семейными традициями, а не с холодным расчетом будущих выгод. Наконец, имеет место и неинструментальная рациональность, та, которую Вебер называл рациональностью по отношению к цели; в таком случае определенная профессия может представляться кому-то его *предназначением*, что оправдывает любые затраты, связанные с ее обретением. Это касается, например, священнослужителей или монахов, которые выбирают свою профессию - свою судьбу, не думая ни о деньгах, ни о власти, ни о славе.

Слабости функциональной теории заставляют искать или дополнений к ней, или альтернативы по отношению к ней. Такой статус, отчасти альтернативный, отчасти восполняющий недостатки функциональной теории, имеет *теория аккумуляции преимуществ*, более традиционное название которой «теория конфликтов». Она прежде всего исходит из рассмотрения *наследуемых позиций*, определяя механизм их действия в глубоком временном измерении - в далекой исторической перспективе. Главная идея этой теории ассоциируется с библейской истиной, выраженной в Евангелии от Святого Матфея, где сказано, что с течением времени богатые станут еще богаче, а бедные - еще беднее. Социологи иногда говорят в этой связи о «теореме Матфея»³. Речь идет о том, что привилегии имеют тенденцию к возрастанию, а беды, связанные с дискриминацией, - к углублению. Откуда это берется, почему так происходит? Если кто-либо однажды получит определенные привилегии и преимущества, то вместе с ними он получает и шансы дальнейшего увеличения этих привилегий и преимуществ. Этот процесс может идти в двух направлениях. Первое заключается в том, что высокая позиция, полученная в какой-либо из стратификационных иерархий, помогает обрести высокие позиции в иных иерархиях (конверсия позиций). Привилегии могут трансформироваться, открывать дорогу для получения других привилегий. Материальный достаток может принести человеку и власть, и престиж. Во всяком случае благодаря действию механизмов коррупции богатство позволяет нередко оказывать влияние на политические круги. Власть может облегчить путь к достижению богатства и престижа. Например, тот, кто имеет власть, может получить выгодную для него информацию, может оказать давление на контрагентов, вынудить их к сделке на выгодных для него условиях, получить прибыльные кон-

³ Merton R.K. The Matthew Effect // R.K. Merton on Social Structure and Science / Ed. by P. Sztompka. Chicago: The University of Chicago Press, 1996. P. 318-338.

цессии. Слава создает выгодные предпосылки для получения богатства, для оказания влияния, позволяет требовать высокого вознаграждения, открывает доступ в коридоры власти, которая нередко отличается определенной неполноценностью и проявляет вытекающий из этого снобизм.

Другое направление касается каждой иерархии в отдельности. Если кто-либо уже имеет состояние, то он имеет и доступ к возможностям его приумножения: к инвестициям, размещению капиталов на хороших условиях, к получению больших кредитов, к нахождению людей, готовых к совместной хозяйственной деятельности. Если у кого-либо есть власть, он имеет возможности оказания давления, манипуляций, шантажа, а также доступ к контактам и информации, что позволяет ему расширить объем этой власти. Если кто-либо имеет высокий престиж, он становится видной фигурой, в силу чего его выдающиеся особенности и заслуги все глубже постигаются и все выше оцениваются общественностью. Когда его однажды уже выделяют и он получит первую награду, то сам этот факт становится аргументом для последующих отличий и наград. Если кто-то уже имеет определенный высокий уровень образования, то дальнейшая его учеба идет и легче, и быстрее, он получает больше знаний, при необходимости имеет возможность усовершенствоваться или переменить свою квалификацию и даже профессию. Не говоря уже о том, что он имеет определенные навыки или предпосылки, способствующие приумножению знаний: он больше читает, покупает газеты, смотрит просветительские программы по телевидению, больше интересуется самыми разнообразными проблемами, он обладает проснувшимся интеллектом. Эти истины находят подтверждение в повседневном опыте. Миллионеры дружно признаются в том, что труднее всего заработать первый миллион. Политики считают самым трудным в первый раз победить на выборах. Писатели хорошо знают, что сложнее всего издать первую книгу. Поп-звезды считают самым трудным получить первое приглашение на телевидение. Роберт Мертон анализировал «эффект Матфея» среди ученых и убедился, что те ученые, чьи имена уже известны в связи с каким-либо открытием, легче (по сравнению с другими) получают гранты, дающие средства для дальнейших исследований, легче публикуются в престижных научных журналах, легче публикуют книги и благодаря всему этому совершают новые открытия, приумножая свою славу и научный капитал⁴.

Абсолютно противоположный процесс охватывает тех, кто однажды уже оказался в беде, кого коснулись позор и бесчестие, кто погрузился в нищету, во все более углубляющуюся *пауперизацию*, в подчинение другим, в маргинализацию. Дистанция все более увеличивается, степень неравенства становится все глубже, причем происходит это внутри каждой стратификационной иерархии.

До сих пор мы рассматривали механизм накопления в масштабе отдельной человеческой биографии одного поколения. Но к этому добавляется указанное выше явление унаследования статусов и передачи преимуществ и привилегий из поколения в поколение. Естественно, люди наследуют также убожество, несчастья, алкоголизм, наркоманию, несвободу. От того, с какого места,

⁴ Merton R.K. Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968. P. 439-459.

с какой позиции начинается жизненный старт, в огромной степени зависят жизненные шансы: для одних - открытые, позволяющие продвигаться к более высоким позициям, для других - закрытые, блокирующие им путь к продвижению вверх. Выше мы уже говорили о шансах доступа к образованию, которое в современном обществе является главным, общественно признанным средством обретения лучших должностей, более высоких заработков, влияния, престижа. Расходы и затраты, связанные с получением образования, обеспеченная семья несет гораздо легче, чем бедная. Но очевидно также, что унаследованное состояние уже на начальной стадии дает человеку и иные многочисленные преимущества над теми, кто не имеет таких материальных возможностей. И напротив, унаследованная бедность может в течении нескольких поколений держать людей в дискриминируемом положении и даже в неволе. Например, принятый и нередко реализуемый в Индии обычай отдавать членов семьи в рабство за долги приводит к углублению их бедственного положения, к невозможности вернуть долги, к рабскому неоплаченному труду, к работе на кредиторов на протяжении нескольких поколений.

Наследованию подлежит не только капитал в буквальном смысле этого слова - хозяйство, деньги, но и уже упоминавшийся выше *культурный капитал*. Пьер Бурдьё определял его как совокупность навыков, умения, ориентации, какие обретает человек в семье, как способ повседневного поведения, речи, как товарищеский взгляд, хороший вкус, эlegantность, независимость, готовность к разумному риску, умение аргументировать свою позицию, приобщение к высшим формам искусства, интерес к общественным явлениям и множество иных подобных достоинств, которые могут помочь в обретении более высоких социальных позиций.

Есть еще и третий вид капитала, который тоже может быть унаследован, - это *социальный капитал*. Его формируют контакты, связи, знакомства, сети родственных уз и товарищеских отношений. Если кто-либо имеет больше таких связей, он может использовать их для накопления других преимуществ: ему легче получить лучшую работу, узнать о каких-либо неизвестных другим инвестиционных возможностях, обрести помощь и поддержку в решении его проблем, оказать влияние, даже поднять свой престиж благодаря распространению в таких кругах феномену «взаимного обожания» и клановой рекламы. В интервью, опубликованных в «Газете Выборчей», бизнесмены, принадлежащие к первой десятке самых богатых людей в Польше, почти неизменно указывали на то, что секрет их успеха заключается именно в этом развитом социальном капитале. А это - контакты, знакомства, семейные связи, друзья на хороших должностях и в нужных местах - в политике, в банках, в правлениях, в полиции.

Теория накопления преимуществ весьма убедительна. Однако она имеет одну слабость. Она говорит о том, что происходит, когда кто-либо уже получил какое-либо преимущество - высокую социальную позицию, членство в привилегированной группе. Она хорошо описывает, как начинает расти неравенство, как все дальше расходятся полюса привилегий и притеснений, как увеличиваются социальные дистанции. Но гораздо труднее ей ответить на вопрос, как начинается, как возникает неравенство такого рода, когда, каким образом

оно родится, где начало таких преимуществ, где их стартовая, исходная точка. Как получилось, что в какой-то исторический момент одни группы или позиции получили преимущества над другими, а уже потом, в соответствии с «эффектом Матфея», неравенство стало все более углубляться? Некий гипотетический, но не вполне удовлетворительный ответ на эти вопросы мы находим в эволюционных концепциях, прежде всего в так называемом *технологическом детерминизме*, который вслед за культурным антропологом Морганом развивал соратник Маркса, Фридрих Энгельс. В книге «О происхождении семьи, частной собственности и государства» он представил примерно следующий сценарий⁵. Вместе с технологическим прогрессом и развитием повышается производительность труда, а следовательно, люди оказываются в состоянии производить все больше продуктов, создавать все больше экономических благ. В первобытном обществе они производили лишь столько, сколько едва хватало на удовлетворение их собственных биологических потребностей. Они производили только для собственного потребления, для того, чтобы выжить. Но на определенном этапе развития они начали лучше охотиться, лучше обрабатывать землю, разводить скот, использовать орудия и благодаря всему этому производить больше, чем сами могли потребить. Появились излишки продукции. Те, кто сумел благодаря благоприятным обстоятельствам, собственным талантам, инновациям создать более крупные излишки, могли их выгодно обменять на то, чем располагали другие, а также обрести влияние, власть, уважение в своем коллективе. Например, описанный антропологами обычай ритуального публичного сжигания продуктов должен был именно демонстрировать наличие излишков и обеспечивать престиж их обладателю.

Условия, благоприятные для получения исходных, стартовых преимуществ над другими, касались не только отдельных людей и их выдающихся способностей. Целые группы могли оказаться в более или менее благоприятной ситуации, например, благодаря географическому положению, климату, в котором они жили, обладанию территорией по берегам морей и рек или плодородными землями, богатыми дичью и зверьем. Не менее важным был доступ к путям коммуникаций, что облегчало обмен товарами с другими группами. А находившиеся на их территориях природные богатства, драгоценные камни, золото и иное сырье становились естественными предметами обмена. Различные общества отличались друг от друга объемом тех богатств, которыми они располагали.

А внутри каждого общества прогрессирующее разделение труда приводило к появлению, с одной стороны, профессий более высокой производительности, продуктивности, дающих более значительные излишки, с другой - таких профессий, которые во всем этом им уступали. Однажды обретенные групповые преимущества или лучшие позиции давали начало процессам их накопления, углубления неравенства и социального расслоения, которые были описаны выше.

⁵ Engels F. O pochodzeniu rodziny, własności prywatnej i państwa // K. Marks, F. Engels. Dzieła. T. 21. Warszawa: Książka i Wiedza, 1964.

Важнейшие понятия и термины

Аккумуляция (накопление) преимуществ и обездоленности - тенденция к возрастанию однажды обретенной более высокой социальной позиции и, наоборот, к углублению деградации, когда речь идет о падении на более низкую позицию.

Меритократическая идеология - утверждает, что неравенство оправдано настолько, насколько оно является результатом собственных заслуг и тех выгод, которые приносит обществу деятельность отдельного человека.

Наследование социального статуса - получение без каких-либо личных заслуг от семьи материальных средств, власти, престижа, культурного капитала, социального капитала - всего, что создает лучшие условия для жизненного старта (и наоборот - унаследование бедности, отсталости, социальной маргинализации).

Призвание - профессия, которую человек выбирает, руководствуясь автотелическими побуждениями, как способ самореализации без расчета на какую-либо выгоду, которую она ему может принести.

Социальный капитал - сеть контактов, знакомств, связей, моментов, связанных с принадлежностью к организациям и объединениям, которая обеспечивает человеку лучшие возможности для приобретения других общественно ценимых благ и капиталов - богатства, власти, престижа и т.д.

Технологический детерминизм - представление, что главным фактором, определяющим общественное развитие и обозначающим очередные фазы истории человечества, являются технические открытия, изобретения и инновации.

Функциональная важность - степень, в которой определенные действия обеспечивают удовлетворение функциональных потребностей общества.

Функциональные требования общества (функциональные императивы или системные потребности) - состояния или ситуации, обязательные для того, чтобы общество могло существовать и функционировать.

Эгалитарные идеологии - подчеркивают равенство людей, требуя в зависимости от степени радикализма или равенства условий жизни, или равного обеспечения минимальных потребностей, или равного старта и равенства жизненных шансов, или равенства перед законом, или равенства прав личности.

Элитарные идеологии - утверждают, что существуют такие группы, которые по самой своей природе «выше» других и поэтому должны занимать в обществе более высокую позицию, что выражается в их вполне оправданных привилегиях.

Рекомендуемая литература

13, 38 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 16

Власть и авторитет

Власть пронизывает социальную жизнь во всех ее сферах, присутствует во всех обществах, как исторических, так и современных. На одном полюсе, в *макромасштабе*, она представляет собой главный аспект, центральный стержень политических международных отношений, а также экономических отношений между государствами или многонациональными корпорациями. На другом полюсе, в *микромасштабе*, она реализуется в самых простейших контактах и взаимодействиях между людьми. Она выступает как власть государства над его гражданами, как власть менеджеров над рабочими и служащими, как власть начальников над подчиненными, как власть учителей над учениками, родителей над детьми, как власть девушки над влюбленным в нее молодым человеком. Это сложное понятие, имеющее универсальное применение, попробуем в настоящей главе подвергнуть систематическому анализу.

Власть как разновидность неравенства

Власть - это один из видов *социального неравенства*, однако среди различных форм неравенства, о которых мы говорили в предыдущей главе, она имеет особое значение. Она повторяется, как своего рода общий знаменатель, *как в иерархических, так и в дихотомических* неравенствах. Она присутствует не только в специфической сфере иерархии власти - на одном из уровней стратификации неравенства, но и во всех остальных видах стратификации. Таким образом, власть является результатом, а иногда может быть и источником имущественных привилегий; выступает как следствие высокого престижа, но и сама может служить основой обретения престижа; открывает доступ к образовательным шансам, но определенная форма власти («экспертная власть») сама обладает знанием; упрощает доступ к механизмам охраны здоровья, но некоторые формы власти сами дают людям здоровье, поддерживают хорошее физическое состояние. Власть имеет ключевое значение в отношениях между социальными классами, а также между социальными группами людей, разде-

ленными по половому признаку, наконец, между этническими и расовыми группами большинства и меньшинства.

Американский социолог Питер Блау (Peter Blau) утверждает, что власть всегда зарождается в системе разноуровневых, неуравновешенных, лишенных взаимности, асимметричных отношений между людьми¹. Он относится к сторонникам рассмотренной нами выше теории, согласно которой все отношения между людьми сводятся к *обмену* какими-либо благами или ценностями, необязательно материальными. И все дело в том, что к таким обменным сделкам партнеры уже с самого начала приступают, имея в своем распоряжении неравный капитал: существуют более богатые и более бедные, более мудрые и более глупые, более сильные и более слабые, более красивые и уродливые и т.д. Те, которые начинают с худших позиций, могут оказаться не в состоянии оплатить те необходимые им ценности, блага, которые они могут получить от других людей. Но они всегда располагают своего рода «валютой», имеющей универсальное признание: речь идет о возможности их подчинения своим партнерам, о перспективе оказаться в их власти, о порабощении. Согласно Блау, мы позволяем партнеру установить над собой власть, подчиняемся ему, поддаемся этой власти: а) когда не можем заплатить за полученные от партнера ценности и услуги, не имеем возможностей для реванша; б) когда не можем найти альтернативного источника этих необходимых нам ценностей или услуг, иначе говоря, когда партнер имеет на них монополию; в) когда сами не можем обойтись без этих благ; г) когда не можем добиться этих ценностей или услуг силой.

Рассмотрим несколько примеров, взятых из совершенно различных областей социальной жизни. Первый - это власть помещика над крепостным крестьянином. Крестьянину нужен доступ к земле, к этому своеобразному месту его работы, обязательной для получения средств, необходимых для его собственного выживания и жизни его семьи. Он не имеет возможности приобрести эту землю в собственность. Он не может также захватить эту землю силой. Ему остается только одно - подчиниться власти феодала, отказаться от своей свободы, чтобы взамен за это получить возможность пользоваться землей. Другой пример, до сих пор довольно часто встречающийся в Индии, - это личная неволя (рабство) за долги: когда кто-либо не в состоянии вернуть долг, он работает как раб на своего кредитора, целиком оказывается в его власти, причем иногда эта власть распространяется на несколько поколений наследников должника. Другой пример - это отношения патрона и клиента в мафиозных организациях. Взамен за так называемую «крышу» хозяин магазина, ресторана или валютного обменного пункта оказывается в зависимости от главаря мафиозной группы, признает его власть над собой и исполняет то, чего хочет от него этот патрон. Пример из совершенно иной, не столь мрачной области — это власть, которую обретает девушка над влюбленным в нее юношей, для которого она единственная и незаменимая.

Обе стороны, вступающие в такие неравные отношения, располагают противоположными друг другу *стратегиями действий*. Тот, кто обладает влас-

¹ Blau P. Exchange and Power in Social Life. New York: J. Wiley, 1964.

тью, чтобы укрепить ее, должен: а) не принимать за свои ценности или услуги никакой иной платы, кроме подчинения своего партнера, то есть проявлять безразличие к любым попыткам отблагодарить его в иной «валюте»; б) монополизировать собственные блага (ценности и услуги), закрывая зависимым от него людям доступ к альтернативным источникам; в) укреплять с помощью соответствующих доктрин или пропаганды ощущение абсолютной *необходимости* людям тех ценностей и услуг, которые он предлагает; г) обезопасить себя от возможного бунта подчиненных его власти и зависимых людей на случай, если они вздумают силой отобрать то, что им нужно. Наоборот, тот, кто оказался в подчинении, чтобы вновь обрести независимость и свободу, должен: а) увеличивать запас таких *стратегических ценностей*, которые он может обменять на свободу, например средств, которые нужны, чтобы выкупить человека из неволи (в Индии несколько семей, оказавшихся в рабстве за долги, складывают свои средства, чтобы выкупить из неволи одну из семей; те, обретя свободу и возможность работать уже за нормальную плату, копят деньги, чтобы вернуть долг и выкупить из рабства очередную семью из тех, что помогли ей обрести свободу, и т.д.); б) искать иные источники необходимых благ и услуг, то есть ликвидировать таким образом монополию партнера, обладающего властью (оказавшийся под властью своей возлюбленной молодой человек должен поискать других девушек, которые ему понравятся, а хозяин ресторана должен обратиться за помощью к профессиональной службе охраны); в) приучить себя к тому, чтобы отказываться от ценностей и услуг, за которые человек не в состоянии заплатить иначе, как потерей своей свободы, то есть тренировать, воспитывать в себе своего рода *аскезу*, способную обеспечить его личную независимость; г) увеличивать собственную *силу давления* на партнера вплоть до возможности обретения необходимых ценностей и услуг посредством силы.

Разновидности власти

Поскольку власть - это своего рода неравные, асимметричные отношения, то следует прежде всего задаться вопросом: отношения между кем и кем? Говоря о проявлениях социального неравенства, прежде всего дихотомической оппозиции, мы относили власть к отношениям между *социальными группами* (коллективами, классами, слоями, категориями и т.п.). Для Маркса классовое господство было неизбежным проявлением тех преимуществ собственности, которые ставили капиталистов над пролетариатом, что выражалось в возможности обеспечения буржуазии своих интересов за счет интересов рабочих. Для идеологов и исследователей так называемого «женского вопроса» итогом культурной дефиниции пола является прежде всего господство мужчин, что выражается в возможности обеспечения их интересов путем сегрегации и дискриминации женщин. Аналогично преимущества большинства над этническими или расовыми меньшинствами означает обеспечение интересов большинства путем сегрегации, дискриминации, а в крайних случаях - ликвидации меньшинств. Когда мы говорим о неравенстве социальных слоев в

смысле их расположения на ступенях иерархии власти, то мы прежде всего имеем в виду неравный объем того особого «социального капитала», которым располагают отдельные слои общества и который обеспечивает им возможность оказывать влияние на членов других сословий или предъявлять соответствующие требования и добиваться успеха. Например, политики, полицейские, офицеры, чиновники имеют возможности такого рода применения власти по отношению к другим гражданам. Но иногда мы также имеем в виду отношения между социальными слоями. Скажем, к примеру, в средневековом обществе аристократия господствовала над купечеством, плебсом и крепостными крестьянами, поскольку в соответствии со своими интересами могла регулировать условия функционирования этих низших групп, в частности, с помощью выгодных для нее законов. В теократических обществах, как давних, так и ныне существующих, такие особые преференции для обеспечения собственных интересов сохраняют за собой клерикалы, представляющие господствующую религию. Исследуя современное ему французское общество, Пьер Бурдьё выявил существование *скрытых элит*, обладающих образовательным и культурным капиталом, способных обеспечить свои интересы благодаря «*символическому капиталу*» перед другими группами². Мы часто также говорим о господстве бюрократии, которая превращается в замкнутую касту, защищающую свои собственные интересы, при этом уже в силу самой природы своих функций обладает возможностями обеспечения этих интересов.

Во всех случаях, когда асимметричные отношения власти имеют место между группами (коллективами, классами, слоями, категориями), одна из которых имеет возможность обеспечения своих интересов за счет интересов другой группы или вопреки ее интересам, мы будем говорить о *господстве (доминировании)*. Однако первоначальный смысл понятия «власть» относится к отношениям не между группами, а между *отдельными людьми*. На этой точке зрения стоял Макс Вебер, которого можно назвать классиком теории, рассматривающей проблематику власти. Согласно Веберу, *власть* - это такие отношения между индивидами, при которых существует вероятность, что один из них осуществит свою волю даже вопреки сопротивлению другого. В определении других авторов, писавших позднее, эта особенность отношений власти представлялась как «способность навязывания своей воли» (Мертон)³, «контроль за действиями других» (Парсонс)⁴, «возможность принятия обязывающих решений» (Лассуэл)⁵, «способность заставить других поступать в соответствии с намерениями и интересами того, кто такой способностью обладает» (Эдвард Шилз)⁶.

² Bourdieu P., Passeron J.-C. The Inheritors: French Students and Their Relations to Culture. Chicago: The University of Chicago Press, 1979.

³ Merton R.K. Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968. P. 426.

⁴ Parsons T. The Social System. New York: Free Press, 1951.

⁵ Lasswell H.D. Politics: Who Gets What, When and How? New York: Meridian Books, 1958(1936).

⁶ Shils E. Constitution of Society. Chicago: The University of Chicago Press, 1982.

Мы помним, однако, что отношения между индивидами могут приобретать различные формы и виды. Необходимо отделить осуществление власти в межличностных контактах и взаимодействиях, в которых участвуют отдельные конкретные *личности*, от проявлений власти в социальных отношениях между абстрактными, не зависящими от конкретных личностей *социальными статусами*. Начнем с самых простых примеров. Человек убеждает своего товарища в том, что стоит пойти в кино. Товарищ прислушивается к его аргументам и соглашается, хотя первоначально он имел иное намерение - пойти в дискотеку. Первый человек в данном случае проявил способности к убеждению, к обоснованию своего предложения, настойчивость, что позволило ему оказать влияние на решение другого человека. Этот другой, считаясь с его мнением, поддался уговорам или просьбам. Первый обрел, таким образом, определенное преимущество над вторым, осуществив элементарную разновидность власти, которую мы называем *влиятием*. Это было *личное влияние*, которым он был обязан каким-либо своим индивидуальным особенностям; он сумел склонить другого человека к поведению, соответствующему своим намерениям и желаниям, сумел убедить, упросить, уговорить, оказать давление. Другой человек оказался поддающимся такому влиянию. В данном случае мы имеем дело с проявлением власти в ее мягком, хотелось бы сказать, элегантно «издании». Однако во взаимодействиях между людьми случается, что власть обретает более жесткие, грубые формы.

Рассмотрим ситуацию, внешне немного похожую. Вечером на пустой улице подходит ко мне характерным образом обритый и обладающий сильной, тренированной мускулатурой парень в спортивном костюме и требует, чтобы я дал ему свой кошелек. Он даже не убеждает меня в том, какое это было бы с моей стороны доброе, благородное дело, не аргументирует свое требование тем, что у него нет работы, что он из бедной семьи, что в детстве у него были проблемы со школой и т.п., он только показывает мне бейсбольную битую (некий атрибут американизации, который уже давно заменяет разбойнику обыкновенный кирпич). Я же не имею ни желания отдать ему свои деньги, ни малейшего убеждения в том, что он имеет право их у меня требовать, а тем не менее отдаю кошелек, так как знаю, что, если этого не сделаю, он побьет меня, после чего все равно заберет кошелек. Здесь преимущество бандита выражается иначе, чем в предшествующем примере. Он просто обладает большей, чем я, *физической силой*. Он реализует в данном случае такую форму власти, которую мы назовем *силовым преобладанием*. В описанном случае он даже не должен был применять свою силу, я сам отдал ему свой кошелек из страха перед вполне возможной, вероятной с его стороны агрессией. Я проявил в этом случае *преобладание страха*. Конечно, я мог и убежать, и обороняться, и обмануть его, попытавшись втянуть его в разговор. Тогда, вероятно, дело дошло бы до применения *непосредственных преимуществ в силе*, применения с его стороны физической силы, чтобы отнять у меня возможность принятия собственных решений, своего рода субъективизации действий. Избитый, связанный, с кляпом во рту, выброшенный в канаву, я перестал бы быть субъектом, то есть личностью, способной принимать решения. В этом крайнем случае человек уже не имеет никакой свободы, ни малейшей возможности ее проявления.

В обоих приведенных выше примерах власть была осуществлена в сфере личных контактов и взаимодействий. Однако влияние и преобладание силы значительно различались между собой. Влияние было осуществлено *с разрешения и согласия* другой стороны: товарищ подумал, поспорил с тем, кто предложил ему пойти в кино, обсудил, что лучше - пойти в кино или на дискотеку, и в конце концов принял предложение пойти в кино как свое собственное решение. В таком случае мы говорим, что власть прибегла здесь к *авторитету*. В этом случае был реализован личный авторитет одного из товарищей. Что же касается преобладания силы, то оно не требует для своей реализации согласия со стороны того человека, которого вынуждают поступить определенным образом. Я не давал своего согласия на то, чтобы бандит предъявлял мне какие-либо требования. Я отдал ему свой кошелек при внутреннем сопротивлении этому, возмущении, обиде, не признавая ни в какой мере его правоты, доводом чему может служить то, что сразу же после этого я обратился в полицию, рассматривая совершенный грабёж как незаконное действие. Следовательно, преобладание в силе является формой власти, которая не опирается на авторитет и не имеет авторитета. Бандит пользовался только своими физическими преимуществами, *«голой силой»*.

Более абстрактные формы проявления власти выступают в отношениях между *социальными статусами* в рамках социальных отношений. Дело в том, что круг обязанностей и прав, предопределенных характером социальных отношений, может включать необходимость подчинения для одной стороны и право принимать решения, отдавать обязательные к исполнению указания, приказы и т.п. для другой стороны. При таких асимметричных социальных отношениях одна из сторон получает *прерогативы власти*. Они не зависят от индивидуальных, субъективных качеств данной личности, а зависят исключительно от занимаемого ею определенного, а именно наделенного властью над другими людьми, социального статуса. Покажем это на конкретном примере. Я еду на автомобиле, и меня останавливает полицейский. Он выписывает мне квитанцию о штрафе и тоже забирает у меня деньги, то есть внешне действует подобно тому, как и бандит на темной улице, однако по сути совершенно иначе. На его статус указывают определенные внешние отличия - мундир, трубка для проверки водителей на наличие алкоголя в крови, радиоавтомобиль с соответствующими номерами и знаками. Именно его социальная позиция, совершенно независимо от того, кто конкретно находится сегодня на дежурстве, дает право останавливать любого водителя и штрафовать его, опять же совершенно независимо от того, кто именно ведет автомобиль, скажем, я или кто-нибудь другой. И я останавливаюсь, несмотря на то, что очень спешу, показываю свои документы. Позволяю осматривать свою машину. В душе я, может быть, проклинаю этого полицейского, но позволяю ему выполнять все действия по контролю над моим средством передвижения и соглашаюсь с его выводами, например регулирую свет фар, и плачу штраф за то, что было неправильно. Конечно, я мог бы и не остановиться, а поддать газу. Если предположить, что полиция будет в таком случае действовать так, как она должна действовать, то меня, несомненно, догонят, задержат, положат на землю, наденут на меня наручники, обыщут, арестуют

ют. Следовательно, я остановился или потому, что считал, что полицейский имеет право меня остановить, то есть я признавал прерогативы его власти, вытекающие из правил дорожного движения, или потому, что предвидел возможность погони за мной и худших последствий. Власть в этом случае имела *легитимный характер*. Авторитет полицейского не был его личным авторитетом и ничего общего не имел с его личностью, он был *авторитетом статуса*, и я боялся не физической силы, не преобладания силы, незаконного, нелегитимного по своему характеру, а скорее именно легитимного *насилия*, то есть того права требовать выполнения своих требований и указаний, которое дает человеку занимаемая им позиция, обеспечивающая его соответствующим объемом власти.

Напомним еще раз: в сфере межличностных контактов и взаимодействий власть опирается на личностные атрибуты: преимущества духовные или связанные с физической силой. Осуществляется такая власть спонтанно, никаких заранее установленных правил здесь не существует. Зато в сфере социальных отношений власть вытекает из правил, которые определяют права и обязанности партнеров. Существуют такие позиции, которым независимо от того, кто бы их ни занимал, заранее приписана возможность принимать за других решения, требовать чего-либо от других, отдавать им распоряжения и приказы, а в случае необходимости силой добиваться подчинения. И существуют другие позиции, подчиненные этим, первым, в которых каждый, кто их занимает, должен выполнять данные ему указания, принимать предлагаемые ему решения и мириться, считаться с такого рода давлением и насилием. Генерал, кем бы он ни был лично, имеет право отдавать приказы солдатам, а солдат независимо от того, нравится ему это или нет, убежден он в справедливости приказа или нет, обязан приказы выполнять. Власть, реализуемая в отношениях между солдатом и генералом, является прерогативой статуса генерала. Ребенок должен слушаться родителей просто и только потому, что он ребенок, и в отношениях между родителями и детьми прерогативой власти обладают родители. Работник должен выполнять служебные распоряжения своего начальства просто потому, что он является работником, находится на службе, занимает данное место, и в отношениях между директором и рядовым служащим прерогативой власти обладает директор. Министр должен считаться с указаниями премьера только потому, что является членом правительства, а в этих отношениях премьер имеет прерогативы власти.

Таблица 12. Формы власти и влияния

Аспект действия	Позиционный аспект	
	взаимодействие	социальные отношения
Согласие	Влияние (личный авторитет)	Легитимная власть (авторитет должности)
Отсутствие согласия	Преобладание силы	Насилие

Более того, власть в сфере социальных отношений имеет урегулированный характер, то есть подчиняется правилам, определяющим область ее применения, способы ее реализации и границы применения насилия. Офицер может отдавать приказы солдатам, но не может приказывать что-либо гражданским лицам. Вуйт (глава сельского магистрата) может отдать какое-либо распоряжение жителям его гмины, но не соседнего города. Отец может наказать своего ребенка, но не может ничего приказывать детям своих знакомых. Здесь власть *ограничена субъектно* (ограничена субъектами, на которых распространяется ее действие), она может касаться только определенных партнеров. В таком случае мы говорим, что с ней связаны определенные, как правило, ограниченные *субъектные компетенции*. Полицейский на дороге может задержать и оштрафовать водителя машины, который ехал с превышением допустимой скорости. Но он не может оштрафовать пешехода, если тот, скажем, занимается спортивной тренировкой (бегом) и слишком быстро бежит. Профессор может требовать от студента выполнения семинарского задания, но не может решать за студента, какие фильмы ему смотреть. Директор может установить, в котором часу служащий обязан прийти на работу, но не может определить час, когда тот пойдет спать. В этом случае власть *ограничена объектно* (предметно), распространяется только на определенные сферы и дела. В таком случае мы говорим, что с ней связаны определенные, также, как правило, ограниченные *объектные компетенции*.

Наконец, в отличие от влияния или преобладания силы в отношениях между личностями, власть в сфере социальных отношений выполняется, точнее говоря исполняется, в соответствии с определенными процедурами. Насколько в неформальных отношениях, например, в семье процедуры такого рода имеют свободный, гибкий характер, настолько по мере формализации отношений они становятся более жесткими и четко обозначенными. Как правило, очень строго и точно определяется стиль, формы, в которых можно отдавать служебные указания («приказы по службе»), приказы в армии («по цепи старшинства»), административные распоряжения («административные постановления»), судебные приговоры («в рамках гражданского или уголовного кодекса»). И уж вовсе без всякого исключения как в формальных, так и в неформальных отношениях определенными правилами и процедурами регулируется способ применения принуждения, насилия, исполнения санкций за неподчинение. Даже в семейных отношениях действует культурный обычай, в одних случаях допускающий телесные наказания по отношению к детям, в других - исключаящий такие наказания. В преступных, мафиозных сообществах существует очень четко разработанный репертуар жестоких, устрашающих наказаний по отношению к нелояльным лицам. Что же касается формально регулируемых отношений, например, на административном или законодательном уровне, то все перечисления и градации возможных наказаний здесь, как правило, очень точно сформулированы и кодифицированы.

Имея в виду этот факт строгого регулирования, можно сказать, что власть в системе социальных отношений по самому своему определению легитимна в силу определенных *социальных норм*, которые указывают, кто, по отноше-

нию к кому, в каких случаях, каким способом и в какой мере применения насилия может власть. Однако уже из прежних наших рассуждений было ясно, что, во-первых, общественные правила крайне разнородны, а во-вторых, люди по-разному трактуют иногда даже те же самые правила. Следовательно, мы должны различать разные *формы легитимизации власти* в зависимости от типа правил, на которых она зиждется и которые мы называем «основами» власти. А с точки зрения тех людей, которые подчиняются власти, мы должны также различать уровни принятия, согласия, акцептации этой власти в зависимости от ригоризма и мотивов подчинения или, напротив, сопротивления ей.

Формы легитимизации власти

Макс Вебер, которого мы неслучайно называем классиком теорий, связанных с проблематикой власти, выделяет три формы легитимизации, или, иначе говоря, закрепления власти⁷. Первую из них он называет *легальной*. В этом случае прерогативы власти, связанной с данной позицией, а также процедуры привлечения лиц к занятию этих позиций, строго определены законом. Чиновник, полицейский, ректор университета, министр обладают властью, которая основана на законах. Они обладают компетенцией, определенной законом, правом. Таким же, правовым образом определяется и способ занятия людьми данных позиций (назначение, выборы, приглашение на должность, конкурс, принятие на работу и т.п.). Если люди обрели и реализуют власть в соответствии с законом, то это основанная на праве легальная власть независимо от каких-либо других обстоятельств или личных, субъективных качеств индивидов, выполняющих соответствующие функции. Когда же властная позиция оказывается занятой кем-то без соблюдения предписанной процедуры, мы говорим об *узурпации* власти. В свою очередь, когда власть реализуется за границами предписанных компетенций, мы говорим о *превышении власти*.

Хотя главным принципом и основой легальной легитимизации власти является закон, или право в узком смысле этого слова, как комплекс законов и положений, применяемых государственной организацией, однако такого рода легитимизация происходит и в других, не только государственных учреждениях, где существуют четко установленные правила, касающиеся выявления и исполнения власти. В этом широком смысле легитимной, легальной является, к примеру, власть главаря мафии или преступной шайки, хотя в узком смысле слова такая власть, как преступная, противоречащая закону, конечно, ни легитимной, ни легальной не может быть признана. В структурах и организациях, предшествующих формированию государства, такая власть опиралась на передаваемые устно квазиправа, освещенные обычаем, — так утверждалась, к примеру, власть вождя племени или шамана. В религиозных организациях, например в католической церкви, иерархия власти обретает свою легитимность в опоре на каноническое право, а порой и не-

⁷ Weber M. Theory of Social and Economic Organization. Glencoe: Free Press, 1947 (1922).

посредственно, прямо взывает к Божьему помыслу, претендуя на свое божественное оправдание.

Другую форму легитимизации власти Вебер определяет понятием «*традиционная*». Здесь власть также находит свое закрепление в правилах, но не в предписаниях закона, а скорее в вековых, повсюду распространенных и признанных, оправдавших себя уже самой прочностью и длительностью существования способах обретения и реализации власти. Власть старейшины в племени, власть отца в патриархальной семье, власть монарха правящей династии в государстве — таковы примеры позиций, на которых прерогативы власти получают обоснование и оправдание глубоко укоренившимися традициями: идеи геронтократии, патриархата, династий.

В обоих случаях власть опирается на определенные правила. Но мы уже знаем, что люди занимают разные позиции по отношению к правилам. Некоторые, основываясь на *легальном подходе*, признают власть, закрепленную законом или традициями, просто потому, что они верят в святость закона или традиций. Они не будут выражать свои собственные оценки правильности, рациональности или успешности принимаемых властью решений или направлений политики, ибо в подчинении власти заключается их принципиальная установка. Такой подход особенно обоснован в демократической системе, где процедуры выборов и принятия законов гарантируют, что устанавливаемые таким образом правила отражают волю большинства граждан. В таком случае признание обязательной силы закона, независимо от того, принадлежит ли человек к этому большинству или относится к меньшинству, выразившему иную волю, равнозначно принятию самих демократических процедур. Зато в авторитарной, диктаторской или тоталитарной системе, где законы навязываются гражданам верховной властью, легальный подход такого рода означает отказ от личных прав, от своей личности, бездумное подчинение власти и безропотное принятие порабощения, получающего всеобщее распространение.

Наряду с «легалистами» (сторонниками легального подхода) в каждом обществе есть люди, которые дают действиям власти свою личную оценку, однако, даже не признавая правильными те или иные законы и решения власти, они все же подчиняются ей из страха перед возможными санкциями. Мало кто соглашается с размером установленных налогов, но несмотря на это большинство граждан платят налоги. Мало кто признает, что полицейский был прав, подвергнув водителя штрафу, но несмотря на это большинство водителей платят штраф. На другом общественном полюсе оказываются люди, которые по отношению к власти принимают *анархическую* позицию. Они отказываются подчиняться власти уже потому, что изначально отрицают обязательную силу закона и традиции. Раньше мы определяли такой подход как негативистский, или контраформистский. Зато другие люди оказываются в разладе, в несогласии с решениями власти потому, что они не согласны с содержанием этих решений. Такую реакцию мы определяли выше как *нонконформизм*. Примеры его проявления мы найдем в различных формах, например в акциях «гражданского неповиновения», в движениях протеста или оппозиционных действиях.

Наиболее выгодной для властей предрержащих является такая ситуация, когда совпадают, накладываются друг на друга два обстоятельства: легитимизация власти (на основе права или традиций) и признание (формальное или меритократическое) этой власти подданными (подчиненными). В таком случае мы говорим, по аналогии с личным авторитетом, что власть обладает *авторитетом своей позиции*. Опорой авторитета становятся как формальные «легалисты», так и те, кто на меритократической основе признает правильность действий данной власти. Обладание авторитетом приводит к тому, что власть лишь в самой минимальной мере оказывается вынужденной прибегать к насилию. Подчинение ей становится добровольным. Более того, когда кто-либо нарушает предписанные этой властью правила, не отвечает ее требованиям, он встречается с давлением или санкциями со стороны других, признающих авторитет власти членов этого сообщества. Так, сестра упрекает брата: как ты можешь не слушаться маму! Спортсмены на сборах отнимают сигареты у своего товарища, поскольку тренер запретил им курить. В Швеции некоторые водители гудками-сигналами своих машин преследуют того, кто превышает дозволенную скорость.

Формально легитимная власть, однако, может быть и не принята людьми. Это может возникнуть и по формальным причинам (игнорирование правил легитимации), и на основаниях отказа в признании действий власти правильными или успешными. Анархисты и представители оппозиции одинаково опасны для власти, ибо подрывают ее авторитет. Легитимная, но лишенная авторитета власть вынуждена прибегать к *насилию*, ибо только таким образом она может обеспечить послушание и подчинение себе. Насилие приводит к применению санкций за неподчинение решениям власти или во всяком случае к угрозам применения таких санкций, что должно склонить людей к подчинению в силу формирования дисциплины страха. Таким образом власть осуществляет свои прерогативы. Когда речь идет о государственной власти и ее законодательно обеспеченных прерогативах, она осуществляет *государственное принуждение*, то есть пользуется для этого специальными органами правопорядка и правосудия, к которым относятся полиция, прокуратура, суды, тюрьмы. Но чрезмерная эксплуатация и нагрузка этой системы для того, чтобы добиться послушания граждан, оказываются и слишком дорогостоящими, и практически трудновыполнимыми, и небезопасными для государственной власти, ибо они усиливают в обществе антагонизмы и атомизацию. Немного утрируя, скажем, что в таком случае власть хочет рядом с каждым гражданином поставить полицейского, который будет следить за этим гражданином. Но в таком случае сразу возникнет проблема: а кто будет следить за полицейскими, чтобы те хорошо следили за гражданами? И так далее без конца (*ad infinitum*). Полицейские государства, пытаясь осуществить такой тоталитарный контроль, иногда доходят до полного абсурда. Открывшиеся ныне данные о действиях спецслужб ГДР показывают, что в деятельность STASI было вовлечено едва ли не большинство граждан, и каждый при этом следил и доносил на других.

Третья форма легитимизации власти, которую Вебер называл *харизматической*, - это ее стремление опереться не на общие правила (определенные

законом или обычаями), а на особые, личные отношения между теми, у кого власть, и подчиненными. Выше мы уже анализировали понятие харизмы, когда рассматривали проблемы лидерства в социальных движениях. Здесь лишь напомним, что речь шла о выявлении и интерпретации определенных способностей, талантов, умения отдельного человека, представляющихся необычайными, сверхвозможными, даже нечеловеческими. Определенные достоинства индивида: моральные, интеллектуальные, организаторские, руководящие - выделяются крупным планом, идеализируются. Преувеличиваются тем обществом, которое в этом смысле становится социальной базой харизмы. Никто не обладает харизмой сам по себе, харизма выявляется лишь тогда, когда этот человек находит сторонников, последователей, поклонников, фанатов, верных единомышленников. Чтобы обрести харизму, надо увлечь за собой других людей, получить общественный резонанс. Такое обретение человеком харизмы означает, что ему дается право решать за других, за данное сообщество, и вместе с тем это означает готовность такого общества не раздумывая подчиняться его решениям. Легитимизация и признание власти здесь неразрывно связаны друг с другом, а потому успешность действий харизматической власти, как правило, является наивысшей. И напротив, отказ от послушания связан с ущербом для харизмы, которая становится мнимой, как известный «голый король».

Как обычно в рассуждениях Вебера, это выделение трех форм легитимизации власти имеет характер несколько односторонних, вымышленных конструкций, как сам он говорил, «идеальных типов». В реальных общественных ситуациях различные формы легитимизации власти могут переплетаться, накладываясь друг на друга, и тем самым взаимно друг друга усиливать. Так, например, предписания закона могут формулировать и санкционировать то, что уже было заключено в давних традициях. Это характерно, например, для современных конституционных монархий, в которых власть короля, вытекающая из династической традиции, вместе с тем подкреплена законом, а тем самым четко определена и в ее прерогативах, и в ее компетенции. На это может еще наложиться личная харизма монарха, примером чего может служить положение Хуана Карлоса в Испании. Также и чисто традиционная легитимизация власти, еще не опирающаяся на конституцию, может быть укреплена за счет харизмы. Те монархи, о которых больше всего говорится в учебниках истории, строили свою власть на обеих основах. Другие же оказались быстро забыты. Иная ситуация возникает при совпадении легальной и харизматической легитимизации власти. Известно, что среди премьеров, президентов, генералов встречаются и такие люди, которые являются только государственными чиновниками высокого ранга или представителями военной элиты, и такие, которые становятся истинными вождями своих народов, предводителями, идолами гражданского поклонения. Редко, но все же случается, что появляются такие личности, как Наполеон, Вашингтон, Линкольн, Ленин, Де Голль. Может случиться и так, что кто-либо благодаря своим харизматическим достоинствам, раскрывающимся в обращенных к массам речах, обретет высокий государственный пост (например, победит на выборах, успешно осуществит государственный переворот, возглавит революцию и т.п.). Примеры:

Фидель Кастро или Мао Цзе-дун. Может быть и так, что только благодаря обретению высокой должности как бы ниоткуда взявшийся человек обретет известность, окажется у всех на виду и получит возможность для деятельности, которая будет способствовать развитию и признанию его харизматических способностей. Как свидетельствуют все биографы Иоанна Павла Второго, его история может служить именно таким примером. Несомненно, выдающийся, высокоинтеллектуальный и благородный человек, он все же только с обретением Апостольской столицы (должности Папы Римского) стал ведущим харизматическим авторитетом современного мира. Здесь мы явно имеем дело с совпадением легальных, традиционных прерогатив власти и личной харизмы, что необычайно расширяет поле деятельности носителя такой власти и усиливает ее значение.

Легитимизация и признание власти, как все общественные явления, подлежат непрерывным изменениям. Вебер описывал переход харизматической власти в легальную, называя этот процесс *рутинизацией харизмы*. Харизма возникает, когда создаются определенные условия общественного резонанса, который получают личные достоинства какого-либо человека. Но харизма и исчезает, когда эти условия меняются. Здесь мы имеем дело с подвижным, изменчивым, преходящим характером отношений. Мы характеризовали этот процесс выше, в гл. 7, приводя в пример биографию Леха Валенсы. Это, может быть, классический пример обретенной и утраченной харизмы - процесса, составляющего законченный цикл. Можно привести аналогичные примеры перехода от традиционной к легальной легитимизации власти, когда традиция становится закрепленной в законе. Примером тому являются уже упоминавшиеся выше конституционные монархии. Возможен также и обратный процесс к рутинизации харизмы, при котором легальная власть слабеет и исчезает, а остается только харизматическая власть, прежде сопровождавшаяся легальной легитимизацией. Так, отстраненный президент Филиппин Эстрада утратил легальную власть в результате предъявленных ему обвинений в коррупции. Но несмотря на это многомиллионные толпы его сторонников еще долгое время демонстрировали готовность защищать его, оказывая ему полную, массовую поддержку. Также и традиционная власть может утратить свою легальную основу и вернуться к своей традиционной форме в чистом виде. Когда в Румынии или Болгарии была ликвидирована монархия, живущие в эмиграции представители этих царских династий в определенной мере сохраняли традиционное влияние в обществе, а ныне предпринимают отнюдь не безнадежные попытки возвращения к власти.

Еще более поразительным изменениям подлежит признание власти теми, кто подчиняется этой власти. Эти изменения могут происходить независимо от динамики легитимации власти. Известно, что общественным признанием пользовались порой и узурпаторы и те, кто превышал свои властные полномочия. Переход от признания к оппозиции по отношению к легитимной власти и наоборот, от оппозиции к признанию, может происходить в зависимости от конкретных результатов проводимой политики. Общественные настроения бывают сильно изменчивыми.

Лидерство

Процесс кристаллизации отношений власти лучше всего наблюдать в малых группах, где он более всего исследован. Замечено, что в возникающих заново группах очень быстро проявляется неравенство влияний, какие могут оказывать на группу отдельные ее члены, а в организованных группах также очевидно неравенство властных прав, связанных с определенными статусами. Особенно характерным процессом является выделение в группах *лидеров* и конституирование *руководящих позиций*.

Этот процесс вытекает из трех взаимосвязанных друг с другом потребностей, которые выступают в большинстве групп. Во-первых, из необходимости *координации действий*, направленных на достижение групповых целей. Во-вторых, из необходимости обеспечения внутренней *интеграции*, или *целостности*, группы. В-третьих, из необходимости утверждения важных для группы идеалов и ценностей посредством *индивидуальных образцов*, а также реализации достойных способов поведения. Именно этим общественным потребностям отвечает появление лидера группы. Иногда это может быть один человек, способный заставить других членов группы действовать эффективно и слаженно, создать между ними сильные связующие узы и самому стать для них образцом поведения. Иногда в одной группе появляются лидеры как бы разных профилей, разных специальностей. Кто-то, кто обладает наибольшими знаниями и опытом, может привести группу к наиболее успешной реализации целей (*«экспертная власть»*), кто-то, у кого есть таланты создания оживленной товарищеской атмосферы, способен создать в группе общий климат солидарности, лояльности, взаимного доверия, обеспечить интересное или приятное времяпровождение (*«власть затейника, организатора»*), наконец, кто-то третий, кто великолепно олицетворяет групповые ценности и идеи, становится живым образцом для подражания (*«власть морализатора»*).

В известных исследованиях бостонских молодежных кланов, проведенных в период между Первой и Второй мировыми войнами Уильямом Ф. Уайтом (William F. Whyte) и опубликованных в его книге «Общество на углу улицы»⁸, ставшей классическим примером углубленной и тонкой эмпирической социологии, наряду с другими проблемами освещаются вопросы, связанные с критериями выбора группой своих лидеров. Здесь выделяются *внешние критерии*, связанные со статусом данного человека в более широком общественном контексте, за границами исследуемой группы, а также *внутренние критерии*, связанные с его действиями в данной группе. Вступая в группу, человек приносит с собой как бы в приданое свой прежний, уже приобретенный им социальный статус. Например, у него могут быть материальные ценности, высокий престиж, слава, значительные влияния, богатый запас знаний, здоровье и хорошее физическое состояние. Все это облегчает ему путь к позиции лидера, причем значение этих факторов различно в зависимости от характера группы. Например, в группе бизнесменов цениться будут богатство и влияние, в

⁸ Whyte W.F. Street Corner Society. Chicago: The University of Chicago Press, 1981 (1943).

группе ученых - знания и научный капитал, в группе артистов - профессиональный престиж или слава, в преступном клане - деньги, влияние, а также легенды о прежних удачных разбоях и побегах от полиции. Однако самыми важными оказываются те достоинства, которые проявляет человек в процессе своей деятельности внутри данной группы. К этим достоинствам прежде всего относятся высокий уровень уверенности в себе и доминирующий характер поведения. Далее следуют товарищеские способности, простота в общении с другими людьми, чувство коллектива и умение вести себя в ситуациях, складывающихся в коллективе. На третьем месте оказывается замеченная особая компетенция в делах и сферах, ценимых в данной группе (в бостонских молодежных кланах это была физическая сила, умение добиться успеха у девушек, мастерство игры в кегли). На четвертом месте - образцовое соответствие принятым, признанным в группе нормам и ценностям (например, в молодежных кланах это грубость, «мужской» стиль речи, следование особой моде в одежде, стрижке и т.п.).

Обретенная однажды позиция лидера открывает возможности для укрепления и расширения власти. Лидер обладает исключительными возможностями манипуляции, разделяя между членами группы награды и наказания, создавая группы своих близких сторонников и изолируя группы противников. Он может более успешно осуществлять селекцию информации, касающейся его лично, скрывая возможные ошибки и провалы и рекламируя успехи. Наконец, он может, по крайней мере некоторое время, использовать кредит доверия, каким уже одарила его группа. Увеличенная этим кредитом доверия неконтролируемая свобода действий лидера позволяет ему идти на нестандартные и рискованные предприятия инновационного и реформаторского характера, которые, если повезет, подтвердят и усилят его исключительную позицию в группе. Таким образом, обретение позиции лидера приводит в движение *самоусиливающийся механизм* укрепления и расширения его власти. Безусловно, это дает ему шанс. Но он не должен упустить его. Неуспешные действия могут довольно быстро подорвать доверие к лидеру и поставить его власть под сомнение. Доверие является «хрупким», непрочным благом: его легко разрушить, а потом очень трудно восстановить.

Лидерство в группе может быть реализовано различными способами. Мы выделяем три типа лидерства, три стиля руководства: авторитарное, демократическое и на основе полной свободы действий (иногда его называют толерантным). Выбор стиля может зависеть от индивидуальных, личных качеств лидера, а также от внешних обстоятельств, от контекста, в котором он действует. Когда позиция лидера институционализована, как это бывает в формальных группах, обладающих уставными организациями, его действия регулируются нормами или предписаниями, допускающими больший или меньший произвол: они могут, например, позволять ему принимать единоличные решения или, напротив, обязывать его проводить консультации, советоваться, получать коллективную поддержку, проводить процедуру контрассигнации и т.п. Но даже и в том случае, когда руководство никак не институционализовано, осуществляется спонтанно, все же могут существовать ограничения в правах и действиях лидера, вытекающие из традиций, характерных

для определенных социальных контекстов. Преступный клан или группа террористов, как, впрочем, и футбольная команда, могут считать естественным авторитарный характер руководства, в то время как научное товарищество или артистическое объединение будут требовать демократического или свободного, толерантного руководства. Это следует из глубоко укоренившихся в этих сферах общественной жизни традиций. Когда стиль руководства лидера не соответствует данному социальному контексту, не согласован с традицией, он может встретить сопротивление, отказ подчиняться, явное непослушание.

Чем отличаются между собой три стиля руководства? *Авторитарный руководитель* осуществляет власть самостоятельно и монополично, он стоит над группой. *Демократический руководитель* заботится о координации, о советах, старается объяснить свои решения членам группы. Он ведет себя как «первый среди равных». *Толерантный руководитель* реализует решения, которые свободно принимает сама группа и до минимума ограничивает собственное вмешательство в процесс принятия таких решений, он только старается служить группе в силу своей компетенции и исполнительских способностей и навыков. Он выступает как «невидимый советник», действуя в интересах группы. Точнее различие между этими стилями можно представить с помощью четырех вопросов. Во-первых, как обозначаются цели и задачи групп? Авторитарный руководитель навязывает их группе, демократический руководит процессом, выявляя эти задачи и цели в группе, а толерантный руководитель оставляет решение этих вопросов на усмотрение группы, которое принимается в ходе свободной дискуссии. Второй вопрос: как определяется реализация групповых задач? Авторитарный руководитель указывает, какими должны быть стратегия и методы действий, конкретно определяя каждый последующий шаг в ходе действий. Демократический руководитель представляет группе альтернативные сценарии, стараясь раскрыть шансы каждого из них, связанные с ними затраты и меру риска. Толерантный руководитель может выступить советником, если группе будет нужна информация, необходимая для создания плана действий. Третий вопрос: как распределяются задания между членами группы? Авторитарный руководитель распределяет конкретные задания между членами группы, которых сам выбирает для соответствующей роли. Демократический руководитель оставляет распределение заданий самим членам группы, в крайнем случае выступая с определенными аргументами и убеждениями. Толерантный руководитель не участвует в распределении заданий между членами группы. Четвертый вопрос: как относится руководитель к членам группы? Авторитарный руководитель четко и явно высказывает свое личное мнение о членах группы, разделяя между ними наказания, взыскания, а также похвалы в адрес конкретных членов группы в присутствии всех других. Демократический руководитель старается сосредоточить внимание на объективной оценке успешности действий, указать пути их возможного совершенствования. Толерантный руководитель редко позволяет себе персональные оценки, в крайнем случае ограничивается общими комментариями по поводу деятельности группы.

Не существует однозначного ответа на вопрос, какой стиль руководства следует считать лучшим. Во-первых, потому, что об успехе лидера свидетель-

ствуют (и определяют этот успех) две разные вещи: *эффективность группы в решении поставленной задачи*, позволяющая членам группы реализовать свои инструментальные цели, и *субъективное удовлетворение от самого участия в деятельности группы*, проистекающее из слитности, цельности группы, ее интеграции, высокой морали. Эффективности обычно способствует более авторитарное руководство. Зато удовлетворение от самого членства в группе значительно выше при демократическом руководстве. Однако и такого рода утверждения имеют лишь приблизительный характер, ибо многое зависит еще и от типа, разновидности группы, от характера задач, которые перед ней стоят, от социального контекста, в котором она функционирует. Трудно себе представить демократическое голосование на фронте в момент военных действий. И так же трудно представить себе авторитарный диктат на научном совете или в комитете экспертов, пытающихся осмыслить и решить какую-либо задачу. А кроме того, каждый тип лидера имеет и свои достоинства, и свои недостатки. Ценой успешности авторитарного руководства становится замкнутость поля проявления инициатив, новаций, какие могли бы внести в общее дело члены групп, во главе которых стоят демократические или толерантные лидеры. И наоборот, ценой за ту мобилизацию всех членов группы и учет их предложений, их мнений, какая возможна при демократическом и толерантном руководстве, оказывается неоперативность руководства, трудности в принятии решений, потеря времени и энергии в бесконечных дискуссиях.

Важнейшие понятия и термины

Авторитарное руководство - стиль руководства, основанный на навязывании сверху единолично принятых решений без консультаций с членами группы.

Авторитет - легитимная власть, признанная теми, к кому она адресована.

Анархизм - отказ от признания чьих-либо прав принимать обязательные для других решения.

Власть - такие отношения между людьми, при которых существует вероятность, что одна из сторон осуществит свою волю даже вопреки сопротивлению другой стороны, иначе говоря, возможность принятия обязательных для другого человека решений.

Влияние - власть, опирающаяся на аргументы, убеждения, личный авторитет, признанный другой стороной.

Господство (доминирование) - ситуация, в которой асимметричные отношения власти возникают между группами, причем одна из этих групп имеет возможность обеспечить свои интересы ценой интересов или вопреки интересам другой.

Государственное принуждение - осуществление прерогатив государственных органов власти с помощью специально созданных для этого институтов при обращении к наи-

более жестким наказаниям, право на которые имеет только государство, например лишение человека свободы или жизни.

Демократическое руководство - стиль руководства, основанный на роли координатора, содействующего принятию решений большинством членов группы.

Легализм - проистекающее из уважение к закону (праву) признание власти легальной.

Легальная власть - власть, подкрепленная предписаниями закона (права) и процедурами назначения на властные должности.

Лидерство - спонтанное, идущее снизу обеспечение одного из членов группы властными правами по отношению к остальным - правами принимать решения, осуществлять координацию.

Насилие - применение для осуществления своих решений, требований или указаний полномочий, наделенных прерогативами власти, для реализации определенных санкций за неподчинение властным решениям или, по крайней мере, угрозы применения таких санкций, что должно склонить людей к подчинению посредством создания дисциплины страха.

Нонконформизм - публичная демонстрация неподчинения власти, проистекающего из отказа признать легитимными те законы или традиции, на которых она держится, или из непризнания харизмы обладателя власти.

Объектная компетенция - ограничение сферы власти определенной областью действий.

Оппортунизм - признание власти только из-за опасения и страха столкнуться с насилием и негативными санкциями.

Превышение власти - реализация властных прав за пределами субъектной или объектной компетенции.

Преобладание - власть, опирающаяся на «голую силу», прежде всего физическую, без согласия с другой стороны.

Рутинизация харизмы - преобразование харизматической власти в легальную, связанное с формализацией особых личных отношений признания и поддержки между носителем власти и подчиненными.

Субъектная компетенция - ограничение сферы власти определенным кругом лиц.

Традиционная власть - обоснованная святостью традиций, выявляющих определенные социальные позиции или определенных лиц в качестве носителей власти.

Толерантное руководство - стиль руководства, выражающийся в служении группе исключительно в роли советника и эксперта, в предоставлении полной автономии и свободы при принятии решений самим членам группы.

Узурпация власти - достижение власти с нарушением законодательно предписанной процедуры.

Харизматическая власть - власть, оправданная исключительными личными достоинствами ее носителя, оцененными подданными или сторонниками.

Рекомендуемая литература

39, 66, 57, 86, 90, 91 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Часть V

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ОБЩЕСТВА**

Глава 17

Социализация и социальный контроль

Мы последовательно рассмотрели несколько перспектив - действия, структуры, группы, культуры, стараясь показать, как они взаимно дополняют друг друга, создавая таким образом все более полную и многостороннюю картину общественной жизни. Однако до сих пор мы практически исключали из наших рассуждений один чрезвычайно важный фактор - *время*. Мы анализировали составляющие структуры общества, отношения между ними, сложные сети таких отношений, структуры, составляющие из отдельных элементов целостные общественные организмы. Как сказал бы, обращаясь к аналогии из области естественных наук, основоположник социологии Огюст Конт, мы занимались *анатомией общества*. Но когда мы говорим о социальной жизни, то имеем в виду нечто большее - постоянно происходящие в обществе события, осуществляемые изменения, продолжающиеся процессы. Продолжая прежнюю аналогию, можно сказать, что живой организм - это не застывший скелет, а некая функционирующая целостность, изменяющаяся каждую секунду и каждую минуту. Жизнь - это постоянные изменения, динамика, действия. Точно так же и компоненты общества, рассмотренные нами выше, «живут», иначе говоря, участвуют в вечно развивающемся, никогда не останавливаемом процессе изменений.

Изменчивость общества

Доминирующая в современной социологии точка зрения подчеркивает, что любые представления и понятия вне времени, в статике, являются всего лишь аналитической абстракцией, необходимой, но недостаточной, чтобы выявить важнейшие особенности и характерные черты социальной действительности. Так же, как фотография всего лишь образ того мгновения, какое имеет и свое прошлое, и свое будущее, фиксирует один момент в цепи непрерывно происходящих событий и процессов, так и любой статический анализ общества -

это всего лишь описание того состояния, которое минуту тому назад выглядело иначе, а спустя еще мгновение будет уже другим. Общество не столько существует, сколько *делается, формируется, преобразается*.

Если мы присмотримся к происходящим в обществе процессам, то есть к осуществляющимся со временем характерным изменениям, то легко обнаружим, что они весьма разнородны. Прежде всего, мы имеем дело с определенными «повседневными», или «ежечасными», процессами, которые идут непрерывно, постоянно: в социальных группах, обществах, в глобальном человеческом сообществе. Еще раз обращаясь к аналогиям из сферы естественных наук, скажем, что в этом случае мы имеем дело со своего рода *физиологией общества*. Она поддерживает функционирование общества в неизменной форме, как иногда говорят, обеспечивает непрерывное воспроизводство общества. Сторонники функциональной теории утверждают, что существуют определенные императивы общественной жизни, которые должны быть реализованы, чтобы общество могло существовать. К такого рода императивам относятся, например, рождение и воспитание новых членов общества, добывание средств существования, координация индивидуальных действий, исполнение правил совместного проживания и т.п. Именно это обеспечивают демографические, экономические, политические, культурные, контрольные и иные процессы.

Но существуют и процессы иного рода - такие, в ходе которых сама общественная целостность подвергается изменениям. Здесь мы уже имеем дело с иной шкалой динамики, с иной временной перспективой, в которой развиваются эти процессы - уже не повседневные, а *исторические*. Давние общества были совершенно иными, чем современные. Будущие общества наверняка будут иными, чем современные. Изменениям подвергаются те составляющие, которые формируют общество: культура, социальные структуры и даже внутренние, репродукционные процессы, которые идут иначе, чем прежде. Например, меняются экономические системы, политический строй, культурные правила, образ жизни и т.п. Социологи говорят в этой связи о эволюции, *развитии общества*.

Итак, мы приступаем к рассмотрению динамичных, временных аспектов общественной жизни, к анализу общественных процессов. Прежде всего присмотримся к «физиологическим», репродукционным, повседневным процессам. Важнейшим из них является процесс *социализации*.

Генезис человеческого образа жизни

Проблема социализации возникает тогда, когда мы задумываемся, откуда люди получают знания, убеждения, умения, правила, нормы, ценности, которые они потом реализуют в своих действиях. Для того чтобы действовать, все мы должны иметь какие-то предварительные данные, информацию, какие-нибудь схемы поведения, какие-нибудь образцы, идеалы, представления о целях, которые управляют нашими действиями. Откуда все это берется?

На такой вопрос существует два противоположных друг другу ответа. Первый, впрочем, в своей крайней форме встречающийся редко, сводится к сле-

дующему: все это - дело биологии и генетики. Люди наследуют определенные человеческие импульсы, поведенческий репертуар, способы действий, схемы мышления, которые свойственны всему человеческому роду. Не что иное, как *человеческая природа* предрасполагает человека к определенным действиям, указывает на то, как должны эти действия протекать и на что быть нацелены. Именно в этой человеческой природе закодированы определенные идеи, информация, взгляды, необходимые для выживания человеческого рода. Люди живут, действуют, мыслят характерным образом потому, что реализуют предназначение, полученное ими по наследству.

Противоположный ответ - все типично человеческие формы и способы жизни не являются результатом биологического наследования, а добыты людьми, получены ими от общества, в котором они родились и выросли. Именно их общество диктует им, как мыслить и как действовать. Чтобы стать полноценными, зрелыми членами своего общества, люди (еще будучи детьми) должны всему этому научиться. При этом речь идет не только об учебе в школьном смысле, то есть об организованном и запрограммированном учебном процессе, но о всей совокупности влияний, которые общество оказывает на отдельного человека, посредством которых оно передает ему, как бы вливает в него, прививает ему образцы и правила, содержащиеся в *культуре*. Именно это мы имеем в виду, говоря о процессе социализации. *Социализация* - это процесс, благодаря которому отдельный человек приспособляется к образу жизни своей группы и более широкого сообщества путем обучения тем правилам и изучения тех идей, которые содержатся в культуре.

Существуют два аргумента, убеждающие в преимуществах теории социального, а не биологического генезиса человеческого поведения. Первый - это известный, по крайней мере со времен древнейших заморских путешествий, факт, что людские сообщества живут весьма по-разному. Те образцы поведения, правила и идеи, которые в одном обществе кажутся совершенно очевидными, в другом - могут вообще отсутствовать. На их месте могут выступать совершенно иные, но столь же обязательные и очевидные для этого другого общества образцы и модели, которые тем, кто попадает сюда из другого общества, представляются удивительными, экзотичными. Мы уже писали об этом, называя такое явление *культурным плюрализмом*, или проявлением поликультурного уклада. Тогда мы обращали внимание на то, что культурных универсалий, то есть таких образцов поведения и правил, которые можно было бы встретить всегда и везде, что указывало бы на их естественное, биологическое происхождение, чрезвычайно мало.

Несомненно, всеобщим институтом является семья. И наверняка биологически обусловлено то, что каждый человек появляется на свет в какой-либо семье, которая должна быть настолько прочной, чтобы обеспечить опеку и заботу о нем в относительно длительный промежуток времени, охватывающий его младенчество и детство. Однако независимо от того, что люди должны родиться и жить в каких-нибудь семьях, оказывается, что характер этих семей (то есть то, какая именно это семья) чрезвычайно разнообразен. Как организована семья, из кого она состоит, какие отношения связывают ее членов, какова структура родства, каково отношение к детям, как происходит разделе-

ние труда, обязанностей и выполнение различных обязательных функций, кому принадлежит власть - все это чрезвычайно различно в человеческих сообществах. Значит, это не может вытекать из общей для всех людей *природы*, а скорее, должно быть следствием *культуры*, вносящей в жизнь человека огромное разнообразие.

Другой аргумент связан с несколькими известными, хорошо исследованными психологами случаями, когда человеческое дитя в силу различных перипетий судьбы, например брошенное или потерянное, выросло и, если можно так сказать, воспитывалось в среде зверей. Оказывается, в таком случае оно не проявляет никаких типично человеческих навыков и компетенций: не может пользоваться речью, общаться с другими людьми, ничего не знает ни об окружающем мире, ни о себе самом, лишено чувства идентичности, не говоря уже о всех моральных стандартах, образцах, нормах, ценностях. Более того, так называемые «волчьи дети» не только не научились, будучи оторванными от человеческого сообщества, но не выработали, не развили в себе и самих *психических механизмов обучения*. Они были уже не в состоянии «наверстать упущенное», позднее освоить те уроки человеческого общежития, которые миновали их в детстве, они оставались невосприимчивы к обучению, были не в состоянии научиться говорить и освоить другие общественные правила. Даже самые лучшие воспитательные и педагогические приемы и средства, которые в этих случаях применялись, ничего не могли дать, если в развитии человека пропущенным оказался естественный этап социальных контактов и влияний, с которыми нормальный ребенок встречается в своей семье. Эти существа уже навсегда оставались в таком полочеловеческом, неполноценном состоянии. Следовательно, человеческий образ жизни не наследуется естественным, биологическим способом, а *прививается ребенку из той групповой культуры*, в которой этот ребенок родился и растет. Именно этот процесс и является социализацией.

Скажем сразу, что в своих крайних формулировках ни первый, ни второй ответ не является точным. Здесь идет речь не о дилемме *природа или культура*, а об определенном взаимодействии, взаимной поддержке обоих этих факторов. Трудно отрицать роль биологии, генетически передаваемых и, несомненно, совершенствуемых в процессе эволюции признаков, которые отличают человеческий род от всех иных популяций. Но так же трудно признать, будто все сводится к биологии, ибо в таком случае мы не сможем объяснить ни культурного плюрализма, ни того, почему для формирования человеческих качеств необходимо общественное окружение. Биология обеспечивает определенные предпосылки, исходные диспозиции, потенциальные возможности стать человеком в полном смысле этого слова. Но то, насколько эти потенциальные возможности реализуются, как будут функционировать психические механизмы (например, способности к обучению, к общению при помощи языка и т.п.) и каким конкретно будет сформированный с их помощью образ жизни (чему научатся дети, на каком языке они будут говорить и общаться), уже является делом общества, его воздействия на человека.

Социализация: вращение в общество

Процесс воздействия общества на отдельного человека - это, если посмотреть на него с другой стороны, внедрение, вхождение отдельного человека в общество. В такой перспективе *социализация* - это процессы, посредством которых отдельный человек становится полноценным членом социальной группы. Развиваются эти процессы на нескольких уровнях.

На самом общем уровне приобретаются те компетенции и навыки, которые необходимы для общественного существования, то есть для жизни среди других людей, во взаимосвязи, в кооперации с ними. Это своего рода *культурный минимум*, требуемый от всех людей. Сюда относятся умение общаться с другими, а также основные, элементарные моральные требования сосуществования, запрещающие нанесение вреда, ущерба другим людям, предписывающие уважение и толерантность как к собственной, так и к чужой-либо другой личности, к ее своеобразию. На более низком уровне социализация означает вхождение *в конкретную культуру* - приобщение человека к характерным для этой культуры, сформировавшимся в ее рамках идеям, убеждениям, правилам, нормам, ценностям, символам. Например, человек овладевает польским языком, приобщается к польским обычаям, нравам, традициям, разделяет с другими характерные вкусы, обретает знания о национальной истории и культуре и т.п. На еще более низком уровне это означает овладение *конкретными социальными ролями*, связанными с определенными позициями, на которые претендует данный человек. Примером может служить семейная социализация (с разделением соответствующих ролей мужа, жены, тещи и т.д.), профессиональная социализация (с овладением ролью адвоката, учителя, машиниста и т.п.), гражданская социализация (с овладением политической ролью гражданина, представителя народа в выборных органах власти и т.п.). В иной перспективе это означает обретение навыков и компетенций, необходимых для признания в конкретных группах, к которым данный человек стремится принадлежать.

Сложность этого процесса связана не только с множеством уровней, на которых он протекает, но и с одновременностью тех «уроков», которые должен усвоить отдельный человек, занимающий в обществе одновременно множество разных позиций и входящий в состав разных групп. Более того, в течение своей жизни он постоянно меняет занимаемые позиции и свою групповую принадлежность. Это означает необходимость отказываться от прежних идей и моделей и овладевать новыми. Например, человек становится взрослым, и те образцы жизни ребенка или подростка, на которые он еще недавно ориентировался, теряют для него свою актуальность; зато появляются новые нормы и ценности, которые он должен освоить. Он создает свою семью, а значит, должен научиться исполнять новую для него роль мужа или отца. Он меняет профессию и, следовательно, должен получить новые компетенции и навыки. Он уходит на пенсию и должен приспособиться к образу жизни людей старшего поколения. Наконец, бывает и так, что человек меняет культуру, переходит из одной культуры в другую, - на время, например, как турист, путешественник, сезонный рабочий, или навсегда, например, как эмигрант, беженец,

покидающий свою страну. Тогда ему уже недостаточно *однокультурной компетенции*, его социализация должна охватить несколько культур, поочередно или одновременно формируя в нем *многокультурную, космополитическую компетенцию*,

Три перспективы интернализации культуры

Все эти существенные компоненты, которые общество прививает отдельному человеку, находятся в сфере культуры. Культура представляет собой огромный, богатый арсенал знаний, моделей и образцов поведения, правил, норм, ценностей, символов, из которого, кроме компонентов, общих для всей группы (таких, например, как язык), каждый индивид выбирает что-либо для себя в зависимости от социальных позиций (ролей), какие он занимает (исполняет), и своей групповой принадлежности (одновременно многообразной и меняющейся). Одни компоненты выбирает из культуры врач, другие - адвокат, третьи - аграрий, четвертые - моряк и т.д. Ребенок учится одному, студент - другому, пенсионер - третьему. Одни образцы и примеры имеют значение для ксёндза, другие - для артиста.

МИШЕЛЬ ФУКО (1926-1984)

Французский философ и историк, который оказал существенное влияние на некоторые новейшие направления социологической мысли. Главные его книги - «Безумие и цивилизация» (*Folie et deraison*, 1961), «Археология знания и дискурс языка» (*L'Archeologie du savoir*, 1969), «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» (*Surveiller et punir*, 1975).

Деятельность и мышление членов общества формируются под влиянием скрытых, не осознанных ими факторов и структур, которые складываются исторически и имеют огромную прочность. Они действуют как бы «за плечами» социальных субъектов. Фуко называл их «дискурсами» повседневной жизни, а также познавательными структурами философской и научной деятельности. В определенные моменты дискурсы подвергаются радикальным преобразованиям и формируются новые рамки деятельности и мышления. Важную роль в этом процессе играют социальные науки. В результате возникает совершенно новый социальный мир, ибо все в обществе существует в соотноении с дискурсом. «Археология знания» - это выявление внешней очевидности и неизбежности иных (по сравнению с ныне господствующими) дискурсов, определение как их исторической продолжительности, так и дискурсивных переходов. В истории дискурсов огромную роль играют случай, открытие, инициатива, принятое решение. Археология знания позволяет увидеть и понять, что «современность не существовала вечно», и нынешние институты, правила и убеждения не являются ни единственными, ни безусловными, ни вечными.

Однажды установленные дискурсы навязываются людям и исполняются ими. Новые дискурсы появляются в итоге битв и осуществления власти. «Генеалогия знания» откры-

вает момент рождения новых дискурсов, сопоставляя их со столкновениями общественных сил, располагающих разным объемом власти. Примером могут служить внешне очевидные дихотомии: безумный-нормальный, больной-здоровый, преступник-законопослушный гражданин, которые появились в определенный исторический момент как результат психиатрических, медицинских или криминологических исследований и практик. Исключение определенных людей, оказывающихся за рамками общества, является результатом применения определенных схем и категорий. Они становятся орудием в руках власти, агентами которой являются «судьи, определяющие нормальность»: учителя, врачи, ученые, социальные работники. Ныне они создали для нас «дисциплинарное общество», в котором нас наблюдают, исследуют, подвергают давлению, репрессиям, чтобы добиться конформизма, и т.д. Все системы социальных норм имеют свою генеалогию, полную случайностей, инноваций, ошибок, результатов борьбы, и поэтому всегда гетерогенны и лишены внутренней цельности.

Власть проникает во всю социальную жизнь. Она присутствует во всех социальных отношениях. Она всегда выступает там, где люди вынуждены делать то, чего иначе они бы не делали. Условием существования власти (в отличие от полной «объективизации» - превращения действий подданных в объект власти) является свобода субъектов, которые могут противостоять власти. Конфронтация с властью - это симптом субъективности.

Литература

- Foucault M.* Historia seksualności. Warszawa: Czytelnik, 1995 (второе издание - 2000).
Foucault M. To nie jest fajka. Gdańsk: Wydawnictwo Sowo-Obraz-Terytoria, 1996.
Foucault M. Nadzorować i karać: narodziny więzienia. Warszawa: Wydawnictwo Aletheia, 1998.
Foucault M. Narodziny kliniki. Warszawa: Wydawnictwo KR, 1999.
Foucault M. Choroba umysłowa a psychologia. Warszawa: Wydawnictwo KR, 2000.
Foucault M. Filozofia, historia: wybór pism. Warszawa: PWN, 2000.

Культура, а точнее выбранные из нее элементы, непосредственно воздействуют на личность человека, усваиваются человеком, или, как говорят, подлежат *интернализации*. В этот момент они превращаются в частные, индивидуальные убеждения, взгляды, мотивы, намерения, претензии, предпосылки, моральные каноны, обычаи и т.п. Психологи в таком случае говорят о формировании тенденций к действиям определенного рода. Но в социальной жизни принимается в расчет то, что люди делают на самом деле, а не только то, что они намерены или готовы сделать в соответствии с оформившейся позицией. Таким образом, действительные *действия* представляют, как мы помним, важнейшую, определяющую составную часть общества. Поэтому следующая фаза процесса социализации - это проявление уже усвоенных отдельным человеком культурных сущностей в действиях, или, иначе говоря, их *экстернализация*. Социализация в полном ее объеме - это двухэтапный процесс формирования действий людей посредством культуры. Заключительным результатом социализации являются определенные действия. Аборигены Австралии иначе одеваются, едят иную пищу, иначе строят свои дома, иначе воспитывают

своих детей, иначе проводят свободное время, иначе здороваются, иначе хоронят своих умерших, чем современные поляки, именно потому, что в процессе социализации их действия определила культура, отличающаяся от нашей. Личность здесь только связующее звено, однако, совершенно необходимое для всего процесса.

Обратимся к более детальной характеристике первого этапа процесса - к культурному формированию личности. Среди теоретиков здесь нет полного согласия. Можно указать на три основные модели воздействия культуры на личность, основные различия между которыми проистекают из разного понимания личной индивидуальности. По сути своей это уже проблематика психологии, я же обращаюсь к ней в совершенно необходимой для социологии области, представляя ее в крайне упрощенном виде.

Первая модель, или реконструкция, относится к *бихевиористскому* направлению, которое имеет особенно сильные позиции в американской психологии и восходит к Джеймсу Уотсону (James Watson)¹, который работал в первой половине XX в. Он представляет индивидуальность как усвоенный *поведенческий репертуар*, с помощью которого отдельный человек реагирует на возбудители, поступающие из его окружения. Основным механизмом социализации здесь определяется как *инструментальное обучение* - доработка, дополнение поведенческого репертуара при опоре на результаты прежнего поведения. Человек, как и любое другое живое существо, обладает определенной, генетически переданной ему гаммой типичных способов поведения. Он может вести себя одним образом и не может вести себя другим образом. Например, без помощи специальных технических аппаратов он не может ни летать в воздухе, ни находиться долго под водой, ни прыгать далее чем на несколько метров, ни питаться планктоном. Зато он может делать множество других вещей, недоступных, к примеру, для птиц, пантер или китов. Реализуя эти виды поведения, которые доступны ему в силу самого его вида, человек достигает определенных результатов. Эти результаты приводят его к определенным выводам. Иначе говоря, он трактует свое поведение как *инструмент* для достижения своих целей. Некоторые из достигнутых результатов оказываются выгодны для человека, ведут к удовлетворению его потребностей, доставляют удовольствие, вызывают удовлетворение; другие же, наоборот, доставляют ему неприятность, вызывают боль, наносят ему вред. Повторяя свое поведение, человек методом «проб и ошибок» через некоторое время научится отличать те свои действия, которые приносят ему *гратификацию*, награды, от тех, которые приносят ему *депривацию*, наказания. И он начинает избегать действий, за которыми следует наказание, исключает их из своего поведенческого репертуара, а оставляет в этом репертуаре такое поведение, которое приносит ему гратификацию. В итоге инструментального обучения, селекции видов поведения и формирования поведенческого репертуара человек сформировал свою индивидуальность.

До этого момента описание процесса не отличается от того, какое было бы связано с миром животных. Точно такой путь обучения проходят собаки или

мыши, оказавшиеся подопытными животными в системе экспериментальной психологии. То, что присуще миру людей, - это поведение в окружении других людей, в социальной среде. Люди большинство видов своего поведения обращают к другим людям. И эти другие по-разному реагируют на их поведение. В одних случаях отвечают улыбкой, похвалой, симпатией, доброжелательностью, помогают, поддерживают и т.п., в других - отповедью, насмешкой, ворчанием, бранью, бойкотом, изоляцией, криком, битьем, отнятием свободы и т.п. Таким образом, поведение человека встречается с позитивными или негативными *реакциями общественного окружения* (социологи говорят в таких случаях о позитивных или негативных *санкциях*). Позитивные реакции наступают тогда, когда отдельный человек действует в соответствии с общественными ожиданиями, признанными в данной группе образцами, правилами поведения, нормами, ценностями. А негативные реакции происходят тогда, когда его поведение не отвечает этим ожиданиям, когда он нарушает общественные правила. Стремясь к *социальному признанию*, которое для отдельного человека имеет гратификационный характер (человеку приятно, когда его признают, принимают, одобряют в данном обществе), и желая избежать общественного осуждения, которое огорчает человека, он учится повторять такое поведение, которое его окружение принимает, и не делать того, что подвергается осуждению. Таким образом он интернализует в своей индивидуальности *культурные ожидания*.

Следовательно, в трактовке бихевиористской теории тайна социализации заключается в том, что общество награждает соответствующее его культуре поведение и карает за поведение, не отвечающее культурным ожиданиям. В результате такой «дрессировки» человек усваивает образцы и правила культуры, они становятся его «второй натурой», и в дальнейшем он следует им, реализует их в своем поведении.

Более сложный образ процесса социализации мы находим в *психоаналитической теории*, связанной, главным образом, с именем австрийского психиатра первой половины XX в. Зигмунда Фрейда. Здесь прежде всего иначе рассматривается структура индивидуальности человека. Это более сложная система, состоящая из нескольких слоев или сфер. Первая сфера - это сумма биологически предопределенных, генетически унаследованных *потребностей* или *влечений* (импульсов), которые в их связи друг с другом определяются термином «ид». Это основные пружины человеческой активности. Однако человек является также объектом внешнего воздействия со стороны общества, социального натиска. Этот натиск отражается в другой сфере человеческой индивидуальности - «суперэго» (как мы часто говорим в обыденной жизни - «совесть»). Здесь записываются уроки, полученные от общества, происходит и фиксируется *передача культуры*, свойственной данной группе, например морали, обычаев, обязательных для обеспечения совместного существования, кооперации многих людей, чтобы избежать «войны всех против всех». Нравственное поведение требует, чтобы во внимание принимались благо и интересы других людей, тем самым оно противостоит чисто эгоистическому, гедонистическому удовлетворению своих влечений и обеспечению своих потребностей. Сформированное таким образом суперэго входит, следовательно, в

¹ Watson J.B. Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. Philadelphia: Lippincott, 1919.

конфликт с «ид». Между этими двумя полюсами личности возникает и существует неизбежное, непрерывное напряжение, поскольку суперэго блокирует, ограничивает, сдерживает инстинктивные, естественные стремления. Аморальное поведение, даже независимо от тех социальных санкций, с которыми может столкнуться человек, вставший на этот путь, приносит ему неприятные ощущения - чувство вины, стыда или угрызения совести. В то же время биологические импульсы и влечения, заключенные в «ид», часто толкают человека на аморальное поведение. Чтобы разрешить эти противоречия, человек прибегает к собственным, индивидуальным поискам и оправданиям компромиссов, создает свой специфический стиль поведения, который относится к третьей сфере его личности - «эго». Эго обеспечивает необходимое равновесие между тем, к чему стремится его натура, что определяется природными влечениями, и тем, чего требует от него культура. Это две силы, между которыми протекает человеческое существование в его неизбежном внутреннем разладе и конфликте.

Отсюда следует, что в психоаналитической интерпретации социализация - это процесс, в ходе которого культура проникает только в одну сферу личности в *суперэго*. Освоенные, интернализированные культурные образцы не реализуются сразу и непосредственно в действиях человека, но проходят сложный процесс постепенного совмещения, согласования с биологическими стремлениями, в результате подвергаются модификации, основанной на компромиссах, и проявляются в деятельности человека не в полном объеме, а лишь частично.

Третья теория происходит уже не из психологии, а из социологии. Она сильнее всего подчеркивает значение социальных, общественных факторов. Эту теорию, основоположниками которой были американские социологи начала XX в., уже известный нам Чарльз Хортон Кули (Charles Horton Cooley) и Джордж Герберт Мид (George Herbert Mead), мы называем *символический интеракционизм*. Соответственно этой теории, человек в момент своего рождения является всего лишь биологическим организмом, представителем определенного вида животного мира. Все, что делает человека человеком, происходит из общества, а точнее из *контактов и интеракций* (взаимодействий) с другими людьми, является итогом коллективного, стадного образа жизни человеческого рода. Своеобразная человеческая природа формируется только в результате участия человека в жизни общества, его жизни в группе (коллективе), в среде других людей.

От общества мы получаем не только то, что определяет *содержание* нашего мышления, (знания, информацию, идеи, правила, нормы, ценности), но и саму по себе *способность учиться*, возможность проникнуть в это содержание. Это весьма радикальная точка зрения. Дело в том, что более традиционный подход и связанные с ним теории, используя метафорическое понятие «чистой доски» (*tabula rasa*), с которой якобы человек рождается и на которой потом записывается весь его жизненный опыт, утверждали, что сама эта «доска» дана человеку в силу его биологической природы, и только то, что на ней будет написано, происходит от воздействия извне, зависит от его образования, воспитания, социальных контактов. Тем временем сторонники теории символи-

ческого интеракционизма считают, что сама эта «чистая доска» тоже создана в процессе социализации, в общественной жизни. Если отказаться от языка метафор, можно сказать, что в представлении сторонников данной теории весь сложный психический механизм, называемый «Самость» (*self*), который делает возможным освоение человеком культуры, формируется только после его рождения, в контактах, взаимодействиях с другими людьми, прежде всего в рамках *первичных групп*: семьи, группы товарищей по детским забавам и играм, локальной общины. Сильным аргументом в пользу такого радикального подхода являются упоминавшиеся выше случаи, связанные с детьми, лишенными естественного общественного окружения, которое должно было их воспитывать: эти дети не только не приобрели того, что мы здесь называем культурным содержанием, но никогда уже не смогли этому научиться, словно и не было у них того психического аппарата, который делает возможным восприятие культуры.

Как же протекает процесс формирования человеческой «самости»? «Самость» - это очень сложная структура. Одну ее сферу называют непосредственно «Я» (*I*), другую Мид определяет как «мне/меня» (*Me*). «I» - это спонтанно проявляющиеся, личные, собственные, индивидуальные тенденции, способности, умения, по характеру которых люди очень сильно отличаются друг от друга. В этом случае можно говорить об *автономном «Я»*. Зато «Me» - это своего рода отражение общества, в котором мы живем. Это те уроки, которые мы получаем от общества, те идеалы, правила, взгляды, которые мы признаем, потому что живем в определенном коллективе, в определенной группе. Здесь можно говорить о *«зеркальном Я»* (отражающем общественное окружение). Формирование этой сферы интегрального «Я», а также все то содержание, которое сюда вложено, являются результатом социализации.

В процессе социализации, происходящей в первичных группах, можно выделить в зависимости от совершающихся там взаимодействий три этапа. Этап «игра» - это спонтанные, хаотичные контакты и взаимодействия, еще не связанные ни с какими размышлениями о партнере и самом себе. Представим себе детей, играющих в песочнице. Здесь они все вместе, но в существенном отношении - как бы по отдельности, каждый ребенок играет по-своему, сам по себе, и лишь изредка дело доходит до мимолетных контактов, до простейшей имитации поведения другого. Более высокая форма взаимодействия - это «соревнование». Здесь уже появляется ясное представление о партнере, осознание его роли и определение своей собственной роли, связанной с ролью партнера. Я бью по мячу, ты защищаешь ворота. Я - «Серый Волк», ты - «девочка Маша» («сиротка Марыся»). Я - доктор, ты - пациент. В такой игре уже различаются роли, а также постигается их связь, взаимная необходимость друг для друга. Бить мячом по воротам не имеет смысла, если там не стоит вратарь; бессмысленно играть «волка», если этому «волку» некого съесть, и нельзя играть «врача», не имея «пациента», который даст себя осмотреть. Я уже осознаю, что мои действия обретают смысл благодаря тому, что существуют другие люди, которые также производят определенные действия. При игре уже возникает осознание этой зависимости от других, от контекста взаимодействия, в котором действует сам человек («Я»). Более того, я уже могу представить

себе, в чем заключается роль, которую я сам не исполняю, могу поставить себя на место партнера и посмотреть на игру с его точки зрения.

Третий этап - это обобщение самих правил игры независимо от конкретных лиц, участвующих в игре, а также от конкретной игровой ситуации. Появляется осознанное представление о том, что такое игра в футбол, что такое игра в баскетбол; каковы обязанности семейные, каковы обязанности профессиональные, служебные, и все это независимо от конкретного матча, от конкретной семейной или профессиональной ситуации. Даже не играя в футбол, можно знать *правила игры*, держать в своем воображении определенный, верный способ поведения в соответствии с этими правилами. Даже будучи холостым человеком, можно знать, каковы семейные обязанности, а будучи безработным - знать, каковы обязанности на работе. Переход на этот этап, формирование таких абстрактных представлений, позволяет человеку, абстрагируясь от конкретной ситуации, представить не только других людей, но и самого себя. И задаться вопросом: а как же я осуществляю то, что является образцом в обществе, как я играю в эту общественную игру, хорошо у меня получается или плохо, удается мне делать что нужно или я терплю неудачи, играю я прекрасно и следую правилам или все наоборот? На этом третьем этапе я уже сам могу посмотреть на себя со стороны и оценить свои действия с точки зрения их соответствия определенным общим правилам и общественным ожиданиям. В итоге я могу гордиться собой или, напротив, испытывать чувство стыда.

Только в этот момент, когда формируется такая *критическая рефлексия* по отношению к самому себе, мы можем сказать, что завершился процесс формирования нашей «самости». «Самость» - это способность определить свое место в группе, определить роль, которую надо исполнить, обязанности и повинности, которые она на него возлагает, которые из нее вытекают, а также наказания и запреты, которые общество (группа, коллектив) ставит перед отдельным человеком, навязывает ему. Человек не рождается с уже сложившимся «Я». Это «Я» формируется, кристаллизуется в длительном общении с другими людьми. Когда же оно наконец сформируется, человек становится зависимым от культурных императивов и подверженным влиянию общества в том или ином направлении. Это и есть подлинный результат социализации.

Разновидности социализации

Независимо от принятого теоретического подхода, социологи выявляют разновидности процессов социализации. Прежде всего, они выделяют первичную социализацию и вторичную. *Первичная социализация* совершается в семье, а затем в других первичных группах, объединяющих ровесников и соседей. Здесь человек впервые входит в мир предлагаемых ему образцов, правил, общественных ожиданий. Он учится основам жизни в обществе, совместного существования с другими. Он обретает сознание того, что он не один на свете и что он должен считаться с другими людьми.

Но процесс социализации на этом не заканчивается. Более того, в известной мере он сопровождает человека в течение всей жизни. Прежде всего, это

происходит в той сфере его работы, где он готовит себя к тому, чтобы занять профессиональные позиции и обучается исполнять связанные с этими позициями роли. К этой сфере относится все его школьное и профессиональное обучение. Нередко и позднее от него требуется постоянное совершенствование квалификации и даже приобретение новых квалификаций в том случае, когда он меняет свою работу и профессию. Для современного мира это весьма типичный случай, что объясняется двумя причинами: во-первых, значительной профессиональной флюктуацией, частой сменой мест работы и видов труда; во-вторых, огромным ускорением технологических изменений, каждый раз требующих новых компетенций даже внутри той же самой профессии. Вспомним только, как много новых навыков, новых умений потребовала от значительного числа занятых различной трудовой деятельностью людей компьютерная революция.

В семейной сфере освоение новых образцов поведения и правил жизни связано с тем, что человек переходит к исполнению роли мужа или жены, отца или матери. Иногда социализация, обеспечивающая подготовку человека к исполнению таких ролей, протекает в организованных формах. В школах детей «готовят к семейной жизни» (такая «подготовка» составляет специальный предмет школьного обучения), при церковных приходах создаются курсы для будущих супругов (молодоженов). Естественный процесс перехода из одной возрастной категории в другую, от детства к юности, затем к зрелости и, наконец, к старости означает каждый раз приобщение к новым правам и обязанностям, к новым нормам и ценностям, к новому стилю и образу жизни, и всему этому при каждом переходе обязательно надо научиться. Во многих обществах эти переломные моменты в истории жизни человека считаются настолько важными, что их сопровождают развитые *«переходные ритуалы»* - коллективные церемонии, нередко имеющие сакральный характер, символизирующие окончание одной фазы жизни и начало следующей. Социальные антропологи располагают множеством описаний церемоний, сопутствующих в примитивных обществах переходу от детства к зрелости, обретению ребенком нового статуса - воина. Яркий и богатый ритуал служит сигналом того, что от человека теперь потребуются совершенно новые навыки, что у него появятся новые обязанности, сложатся новые отношения с другими членами общества. Необходимость социализации очевидна также и при переходе человека в завершающий этап его жизни - в пенсионный период заслуженного отдыха. Торжества, устраиваемые в связи с уходом работника на пенсию, подчеркивают важность этих перемен в его жизни, к которым ему порой нелегко приспособиться и которые требуют от него освоения новых образцов жизни, привыкания к иному темпу деятельности.

Иногда жизненная ситуация человека может измениться не из-за естественных обстоятельств, а из-за каких-либо иных. В семейной жизни смерть близкого человека, развод, разделение семьи - все это ситуации, которые тоже требуют приспособления к ним и прохождения своего рода социализации. Иногда люди меняют место своего проживания, эмигрируют в другую страну и оказываются в окружении совершенно иной культуры. В таких случаях необходимость *ресоциализации* может быть очень глубокой. Иногда для описания

таких случаев мы употребляем термин *аккультурация*. И в этом случае встречаются организованные формы: для работников, отправляемых на работу в другие страны, промышленные корпорации создают курсы обучения, где людей знакомят со всеми тонкостями новой для них культуры. Подобное обучение проходят и дипломаты. Может случиться и так, что чужая культура вторгается в жизнь людей в результате империалистического или колониального захвата их страны или в более мягкой форме - в результате столь развитого ныне и характерного для нашего времени процесса *культурной глобализации*, а точнее американизации культуры. В таких случаях ресоциализация может оказаться необходимой для всего общества: людям нужно будет обучиться новому образу жизни, усвоить новые обычаи, нравы, идеалы.

Важная область, в которой происходят процессы социализации, - это политика. Люди подлежат *политической социализации*, то есть включаются в определенную политическую культуру, осваивают правила игры, обязательные в сфере политики. Чаще всего человек один раз в своей жизни учится роли политически действующего гражданина. Однако в обществе, подверженном глубоким, переломным политическим изменениям, учиться этому часто приходится заново. Сегодня в Польше мы говорим, что все учимся демократии. Дело в том, что недостаточно ввести выборную систему, учредить парламент, президентскую власть. Нужны еще граждане, готовые участвовать в демократической системе, пользоваться ее институтами. Демократия без демократов - это курьёз. Но необходимо именно научиться правилам демократического участия в жизни общества, освоить их, только тогда демократия начнет действовать в полную силу. Нужно знать, как заботиться об общественных делах, как включаться в защиту интересов и ценностей, как и за что голосовать, какие обязанности исполнять по отношению к государству, кому обращаться петиции, где протестовать и т.п. Именно все это и должна принести социализация новому политическому строю.

Особый вид социализации - это *освоение девиационных* (связанных с отклонением от нормы) ролей. В этом случае люди обучаются образцам, нормам и ценностям контркультуры, противоположным тем, что доминируют в данном обществе. В таком случае можно говорить о контрсоциализации. Чтобы стать преступником, надо освоить особые ценности и отказаться от норм, обязательных в данном обществе. Нужно воспитать в себе пренебрежение к благу других, уничтожить в себе импульс сочувствия к тем, кто терпит утраты или страдания, отказаться от принципа неприкосновенности жизни, здоровья другого человека. Надо обучиться также специфическим нормам, освоить образцы действий, стиль жизни, способы речи (выражения), обязательные в преступной среде. Контрсоциализация происходит в преступных сообществах, обычно спонтанно, путем подражания тем, кто пользуется в этой среде престижем и представляет собой жизненный идеал для вновь посвященных в преступный мир.

Когда мы рассматривали проблематику «референтных групп», я ввел еще одно понятие - *предвосхищающая социализация* и ее разновидности - снобизма. Напомню, что речь идет о такой ситуации, когда кто-либо, еще не будучи членом данной группы или еще не занимая данной позиции, настолько силь-

но субъективно идентифицирует себя с ней, что уже заранее старается максимально уподобиться членам данной группы или лицам, занимающим данную позицию. Он рассчитывает на то, что это облегчит его проникновение в данную группу, признание со стороны ее членов. В таком случае культура, типичная для данной группы или данной профессиональной категории, начинает формировать его поведение, несмотря на то, что он к этой группе или этой категории еще не принадлежит. Он как бы переживает социализацию «на вырост», предвосхищая свою будущую принадлежность к группе. Мы приводили в этой связи примеры из жизни молодых людей, мечтающих о том, чтобы стать членами молодежных гангстерских кланов, а также из жизни недавно разбогатевших бизнесменов, ищущих признания в элитарных кругах. В таких случаях нередко объектом социализации становятся поверхностные элементы культуры: манеры и привычки так или иначе одеваться, говорить, материальные реквизиты, формы проведения отдыха и досуга, художественные вкусы, артистические пристрастия. Часто также дело доходит до подражания образцам в крайней, даже карикатурной форме, до действий по правилам, которые характеризуются известной пословицей «быть правовернее самого Папы». Тогда результат может оказаться противоположным намерению, ибо такое поведение может вызвать в той среде, куда так страстно стремится данный человек, презрительное к нему отношение, насмешки и отказ принять его в свой круг.

Наконец, надо вспомнить о такой интересной форме социализации, которая протекает как бы в противоположном нормальном направлении, а потому может быть названа *обратной социализацией*. Обычно влияние, приводящее к определенной социализации, оказывают старшие на младших. Родители «социализируют» детей, учителя - учеников, профессора - студентов, офицеры - солдат, «ветераны» преступного мира - начинающих преступников. Однако в современном обществе существуют по крайней мере два обстоятельства, которые нарушают этот нормальный порядок вещей. Во-первых, *социальные и культурные изменения* происходят чрезвычайно быстро, и молодое поколение уже в силу своей природы более открыто ко всему новому, более склонно к переменам, может быстрее, легче, более естественно освоить новые обычаи, нравы, способы и формы жизни, чем старшее поколение, более консервативное. Во-вторых, эти новые культурные влияния и направления, распространяемые главным образом с помощью *средств массовой информации*, за пределами той личной, индивидуальной социализации, которую человек проходит в семье и других группах, проникают в молодежную среду, захватывают молодое поколение, минуя родителей и учителей, а порой даже вопреки их установкам и советам. В таких случаях молодые люди могут пытаться переубедить более традиционно настроенных старших, приобрести их к новым ценностям. Сын, который обучает отца, как пользоваться компьютером и как работать в интернете, дочь, которая уговаривает свою маму пойти с ней на дискотеку, студенты, которые склоняют своего профессора вступить в экологический клуб, - все это примеры социализации старшего поколения со стороны младших.

Функции социализации

Посредством социализации исполняются две социальные функции огромной важности. Во-первых, формируется и действует механизм *трансмиссии культуры*. Выше мы уже говорили о роли традиции, или прошлого, которое присутствует в современности. Но как осуществляется это присутствие? Прежде всего - в головах людей. Культурная традиция, культурное достояние общества переходит из поколения в поколение; это достояние может аккумулироваться, обогащаться только благодаря тому, что предшествующие поколения передают последующим определенные идеи, правила, символы, а позднейшие поколения их принимают, осваивают и используют, применяют в жизни. Прадеды учили наших дедов, деды - родителей, родители - нас, мы учим наших детей, они будут учить наших внуков, внуки - правнуков и т.д. Главный *стержень культуры*, к которому, естественно, каждое поколение добавляет что-то новое, что-то берет у него, что-то изменяет, модифицирует, остается неизменным несмотря на постоянную смену тех, кто усваивает и реализует культурные императивы. Если бы не процесс социализации, каждое поколение вынуждено было бы начинать все сначала. В таком случае мы и сегодня оставались бы еще где-то накануне открытия огня и изобретения колеса. И если нынешний ученик средней школы знает много больше, чем средневековый ученый, если скорость современного автомобиля много больше, чем скорость телеги или колесницы, то всем этим мы обязаны именно *накоплению знаний и технологий*, обеспеченному непрерывным процессом социализации. И то, что нам не надо заново выдумывать правила морали, а достаточно обратиться к десяти заповедям; и то, что нам не надо заново формулировать основы права, а достаточно обратиться к Римскому праву; и то, что мы не должны от нулевого уровня конструировать польский язык, а имеем его уже готовым, - все это является итогом обучения всем этим культурным ценностям, правилам и сущностям десятков и сотен поколений, следовавших друг за другом. Уже это само по себе придает процессу социализации фундаментальное значение в этой никогда не прекращающейся «физиологии» социальной жизни.

Но процесс социализации имеет и другую важную функцию. Речь идет о том, чтобы действия людей отвечали общественным ожиданиям - тем идеалам, ценностям, нормам, которые члены данной группы совместно признают, «исповедают». Сам факт, что культурные наказания и запреты являются общими для данной группы, независимо от их содержания, гарантирует взаимную координацию действий, имеющих культурное назначение, предопределяет то, что контакты и взаимодействия будут происходить без осложнений, ссор, конфликтов. Иначе говоря, это создает определенный уровень *общественного согласия и порядка*. Что было бы, если бы не существовало правил дорожного движения и каждый водитель сам по своему усмотрению решал бы, ехать ему по правой или по левой стороне дороги, как кого перегонять, как парковать машину и т.п. Но самые лучшие правила дорожного движения останутся бесполезными, если их не привить, не внушить, не передать водителям, а именно это и происходит путем социализации.

Следовательно, идеальная, наиболее востребованная обществом ситуация заключается в том, чтобы люди максимально освоили образцы своей культуры, чтобы люди сами *хотели поступать так, как требует от них культура*, чтобы их собственные мотивации совпадали с нормативными требованиями и обязанностями. Такие личности становятся прекрасными носителями и реализаторами культуры: культура становится их «второй натурой»; используя метафору, автором которой является французский политолог второй половины XIX в. Алексис де Токвиль, можно сказать, что для таких людей культурные наказания становятся импульсами их сердца. В этой оптимальной ситуации люди действуют так, как требует от них общество, для этого им не нужно погружаться в размышления, искать решений, им просто не приходит в голову, что можно поступать иначе. Правила культуры в таком случае в полной мере становятся «своими», личными правилами данного человека, встроенными в его индивидуальность. Можно сказать, что социализация при этом достигла полного успеха. Но так случается чрезвычайно редко. Было бы ошибочно подобный редкий случай трактовать как типический: именно такую ошибку американский социолог Денис Ронг (Wrong) называл *сверхсоциализированным видением человека*². Такого рода автоматический, не требующий рассуждений, абсолютно спонтанный конформизм касается в лучшем случае лишь узкой категории культурных императивов, например основных моральных табу. Многие люди даже не представляют себе такой возможности, что они могут кого-либо убить или подвергнуть пыткам, что они могут изнасиловать женщину, что они могут что-либо украсть. Не требующий размышлений автоматизм проявляется также при употреблении родного языка. Это может касаться и некоторых повседневных, укоренившихся обычаев. Но это никак не охватывает многих других областей культуры.

Менее совершенный, но чаще встречающийся результат социализации - это ситуация, в которой люди, хотя на самом деле не имеют ни малейшего желания поступать в соответствии с нормативными требованиями, однако несмотря на это действуют как раз в соответствии с ними, подчиняются им. Мало кто любит платить налоги, но большинство граждан их платит. Мало кто из водителей любит медленную езду, но некоторые все-таки сбавляют скорость на застроенной территории. Мало кто из студентов любит рано вставать, чтобы успеть на лекцию, однако университетские аудитории бывают полны. В этих случаях социализация не привела к полному освоению норм, однако все же была настолько успешной, чтобы привить человеку *чувство долга*. Плательщик налогов рассуждает так: платить государству налоги не за что - бессмыслица, эти деньги так бы мнегодились, но, что поделаешь, таков мой гражданский долг. Водитель автомобиля рассуждает следующим образом: дорога совершенно пуста, я страшно спешу, но, что поделаешь, я обязан снизить скорость. Студент думает так: мне не хочется идти на эту скучную лекцию, лучше бы я погулял или пошел в кино, но, что поделаешь, раз я решил стать студентом, это моя обязанность. Здесь действует некий *внутрен-*

² Wrong D. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology // American Sociological Review. 1961. V. 26. №. 2. P. 183-193.

ний контроль, который дает знать человеку, что, если он не исполнит свой долг, не выполнит определенных обязанностей, он будет плохо чувствовать себя. Его будет преследовать неопределенное, мучительное ощущение собственной вины, а может быть, чувство стыда, сопровождаемое рисуемой в воображении картиной: а что скажут важные для меня «другие», если узнают, что я не выполнил свой долг; что, например, скажут родители, которые дают мне деньги на учебу, если узнают, что вместо того, чтобы идти на лекции, я пошел в дискотеку. Зато когда человек выполнит свой долг, он чувствует явное удовлетворение, гордится собой и т.п. Такой результат социализации можно считать вполне удовлетворительным, ибо в конце концов он приводит к действиям, востребованным культурой, хотя им и не вполне сопутствует внутреннее убеждение.

Менее выгодна обществу третья ситуация, когда люди и не хотят поступать так, как должны, и не считают поступки такого рода своим долгом, своей обязанностью, но все же выполняют культурные наказания и запреты, потому что *боятся санкций*. Многие плательщики налогов платят их только потому, что боятся контроля, штрафов или конфискации имущества. Многие водители сбавляют скорость при въезде в город только потому, что видят в своем воображении полицейского с радаром. Многие студенты ходят только на те лекции, где профессор проверяет, кто присутствует. На первый взгляд, это тоже можно считать удовлетворительным результатом, ибо в конечном итоге все соответствует требованиям. Однако гарантия конформизма в этом случае несравненно более слабая, чем в предыдущих примерах. И что здесь дала людям социализация? Она не привела к органичному усвоению ими правил, а только выработала сознание, что действуем мы в окружении других людей и эти другие могут нас наказать, если мы не исполним их ожиданий. Страх перед санкциями, боязнь санкций - условная и относительная. Этот страх быстро и легко исчезнет в двух случаях. Во-первых, если человек будет иметь достаточно *средств, охраняющих его от применения к нему санкций* или значительно ограничивающих возможности такого применения. Богатый бизнесмен не платит налогов, поскольку возможный штраф будет означать лишь маленький убыток в его доходах. Водитель может без колебания превышать установленную скорость, заранее включив все возможные штрафы в свои дорожные расходы. Депутат поступает так же, ибо в случае чего может сослаться на свой депутатский иммунитет. Главарь мафии знает, что если ему не повезет и его на чем-нибудь поймают, его спасут связи в полиции и правительстве. Следовательно, некоторые люди вообще не считаются с угрозой санкций. Во-вторых, страх перед санкциями выступает только до тех пор, пока санкции на самом деле *успешно приводятся в исполнение*. Если шанс встретить на дороге полицейский патруль минимален, если налоговые проверки производятся нерегулярно, если полиция плохо справляется с задачей раскрытия преступлений и нахождения преступников, если прокуратура освобождает бандитов под предлогом «незначительного общественного ущерба, нанесенного данным действием», а суды выносят за тяжкие преступления приговоры с применением условной меры наказания, появляется всеобщее ощущение безнаказанности, которое сводит на нет и без того ограниченные последствия социализации.

Полное же поражение социализации проявляется тогда, когда люди не только не хотят поступать таким образом, как это предписано культурой и связано с общественными ожиданиями, не только не считают такое поведение своим долгом, но *перестают опасаться* общественных санкций. В каждом обществе существует категория таких людей, которые избежали воздействия социализации, для которых отклонение от нормы или крайняя форма такого отклонения - преступность - становятся нормальным образом жизни. Где искать источники такого явного неуспеха социализации?

Слабые звенья социализации

Вспомним, какова логика процесса социализации. Исходным пунктом здесь является культура, которая становится предметом интернализации (усвоения ее) в границах различно трактуемой теоретиками индивидуальности, а затем подлечит экстернализации в действиях. В каждом из этих звеньев, охваченных единым процессом, что-то может оказаться не так. Начнем от состояния культуры, то есть того комплекса идей, идеалов, образцов, правил, норм, ценностей, символов, которые должны быть усвоены членом группы, должны быть ему привиты. Чтобы урок оказался успешным, нужно, чтобы правильным, истинным, однозначным было то, что в нем содержится, чему следует научиться. Но в гл. 10 мы уже старались показать, каким сложным, не вполне точным, а иногда исполненным внутренними противоречиями комплексом является культура любого общества. Идеи, идеалы, символы редко бесспорны и очевидны, чаще возможна различная интерпретация смыслов. Нормы могут выступать в виде наказов, советов, запретов, разрешений и предпочтений, да и разобраться в том, какова сила их действия, тоже бывает непросто. Нормы и ценности сосредотачиваются в отдельных подсистемах: в повседневной жизни, в традициях и обычаях, в правовой системе, и границы между этими сферами редко бывают четкими. Идеи, убеждения, знания по-разному формулируются в рамках науки, религии, идеологии, обыденного сознания. Уже на этом основании могут возникнуть неясности, что действительно относится к разряду культурных ожиданий, могут сформироваться различные концепции долга и даны различные определения истины, правды.

В периоды быстрых социальных изменений, хотя, впрочем, и не только в такие периоды, культура может оказаться в состоянии *аномии*, или дезорганизации, хаоса, особенной формой которого является описанный Мерттоном разрыв между ценностями, и нормами, которые должны служить для их реализации. Сила воздействия фрагментарной, хаотичной, дезорганизованной, лишенной цельности культуры, естественно, ослабевает. Более того, аномия может подтолкнуть к действиям, основанным на девиации (отклонении), и даже к преступным действиям. Мертон, как мы помним, подчеркивал, что несовпадение между ценностями американской культуры, требующими от всех материального преуспевания, и неравными шансами реализации норм, которые определяют образование, порядочность и старательность в качестве достойных путей обретения этого успеха, подталкивает социальные группы, ока-

завшиися в неравном, дискриминационном положении (например, этнические и расовые меньшинства), к добыче состояния «сокращенным путем», к действиям, общественно не одобряемым: *организованной* преступности, торговле наркотиками, проституции, азартным играм, рискованным предприятиям и т.п.³

К этому еще добавляется известный, практически неустранимый факт различных противоречий и конфликтов в рамках каждой культуры. Мы уже рассматривали эти противоречия, сейчас только кратко напомним их. Прежде всего, это *нормативные антиномии* (противоречащие друг другу правила), а также *нормативные амбивалентности* (несовпадение ожиданий, продиктованных одним и тем же правилом). Но самые главные противоречия вытекают из того положения, что каждый отдельный человек является членом многих разных групп, занимает многие позиции, играет многие роли и в каждой из них имеет дело с множеством партнеров. В процессе социализации он должен, следовательно, одновременно усваивать множество разных уроков. Разные группы, к которым он принадлежит, могут требовать от него различных действий; в разных ролях, которые он исполняет, он должен вести себя по-разному и по-разному относиться к разным партнерам, с которыми он входит в каждой из этих ролей во взаимодействие. Сущность общественных ожиданий при этом очень часто противоречива, что отмечают социологи, вводя соответствующие понятия *ролевой напряженности* и *ролевого конфликта*. Бывает так, что, приспосабливаясь к одним нормам и ценностям, человек неизбежно входит в конфликт с другими нормами и ценностями, нарушает их. Никакая социализация тут не поможет, и вынужденное отклонение становится неизбежным.

Раньше мы уже упоминали, что именно общество предпринимает социализацию своих членов. Но, разумеется, существуют разнообразные *агенты социализации*, множество учителей, преподающих уроки культуры. На стадии первичной социализации это первичные группы - семья, группа ровесников, община. Позднее - школа, церковь, учебные заведения. При вторичной социализации включаются другие группы - профессиональные, территориальные, определяемые местом отдыха или занятий физической культурой и спортом. И на первой, и на второй стадии социализации сегодня играют огромную роль средства массовой информации, особенно телевидение. Наконец, в каждом обществе выступают группы и среда, относящиеся к контркультуре, к отклонениям от культуры, к преступному миру, которые становятся агентами контрсоциализации, распространяя собственные образцы, способы жизни, идеалы, принципиально отличающиеся от господствующих в данной культуре.

Когда мы примем во внимание всю эту огромную разнородность субъектов и инстанций, передающих культурные наказы общества отдельному человеку, стремящихся привить ему те или иные правила, мы легко обнаружим возможные срывы в процессе социализации, которые могут произойти по трем

причинам. Во-первых, любой из этих агентов социализации может действовать *безуспешно*. Ныне повсеместно наблюдается кризис семьи - этой важнейшей колыбели человеческой личности, связанный с чрезмерной занятостью на работе и увлеченностью делом родителей, с неизбежными экономическими проблемами, с ослаблением традиционных семейных связей, с закоренелыми конфликтами и часто наблюдаемой непрочностью, непродолжительностью совместного проживания. Все это уменьшает возможности воспитательного воздействия семьи на детей, которые оказываются лишенными необходимой опеки, заботы и контроля. В последнее время все чаще обращает на себя внимание кризис школы, которая ограничивает свои задачи только передачей ученикам информации и упускает из виду формирование характера, моральных и гражданских принципов. В обществе, переживающем процессы секуляризации, ослабевают социализирующая роль церкви. Урбанизация вместе с характерной для нее индивидуализацией образа жизни, изоляцией отдельных людей, устраняет социализирующее влияние общины. Второй причиной является увеличение числа групп и представителей *контркультурной* среды: они становятся более видимы, доступны, приближены к нам в современном массовом урбанизированном обществе. Шансы столкнуться с «учителями» из среды девиации и из преступного мира, воспринять асоциальные образцы, нормы и ценности в современных условиях очень велики. Одна из теорий преступности, получившая широкую известность в первой половине XX в., так называемая *теория дифференцированных ассоциаций*, указывала именно на то, что в бедных кварталах, местах проживания в американских городах этнических меньшинств с огромной легкостью открывается возможность сделать преступную карьеру, приходит в движение самоусиливающийся механизм роста преступности и углубления деградации целых сообществ. Третья причина уменьшения успешности социализации - это само *множество разных*, действующих одновременно *агентов* социализации. Дело в том, что передаваемые ими идеи, само содержание их моральных или интеллектуальных «посланий» могут оказаться *не только несогласованными, но и взаимоисключающими, противоречащими друг другу*. Когда семья учит чему-то другому, чем школа, школа - чему-то другому, чем церковь, а группы ровесников или средства массовой информации становятся факторами контрсоциализации или деморализации, распространяя образцы, противоречащие ожиданиям тех или иных групп и институтов, девиация становится неизбежной.

Следующее звено, в котором можно искать причины неуспешной социализации, - это *индивидуальность* подвергающихся социализации людей. Подверженность разных людей культурным влияниям очень различна, так же как их подверженность искусствам контркультуры - отклонений и преступности. В XIX в. итальянская школа так называемой *позитивистской криминологии* под руководством Чезаре Ломброзо искала источники преступности в факторах наследственности биологического характера. Ее представители находили симптомы врожденных асоциальных склонностей в форме черепа, в высоте лба, в толщине шеи. На этой основе она требовала превентивной изоляции потенциальных преступников прежде, чем они сделают что-либо недозволенное и зловерное. Эта теория была довольно скоро дискредитирована как по

³ Merton R.K. Social Structure and Anomie // R.K. Merton on Social Structure and Science - Sztompka. Chicago: The University of Chicago Press, 1996. P. 132-152.

причине своих очевидных расистских настроений, своей несовместимости с принятыми в современных правовых системах идеями презумпции невиновности, так и по причине своей эмпирической неподтвержденности, ибо, как оказалось, никаких постоянных и определенных телесных, физических признаков у исследованных антропологами преступников не было обнаружено. Однако ее место заняли более тонкие и более тщательно обоснованные психологические концепции, указывающие на существование определенных *психических дефектов*, определяемых как социопатия, психопатия или моральная распушенность, которые склоняют человека к отклонениям, асоциальным или преступным действиям. В таком случае социализация встречает неблагоприятную почву, которая, напротив, оказывается очень благоприятной для влияний контрсоциализации.

Следующее звено процесса социализации - это переход к действиям, которые становятся реализацией воспринятых в ходе образования мотиваций или принципов. Когда не сформировались ни спонтанный, реализуемый без размышлений конформизм, ни чувство долга, решающую роль начинает играть успешность системы социальных санкций, которую иногда называют *социальным контролем*. Социальный контроль может стать своего рода поправкой и противовесом не вполне удавшейся социализации. Грубо говоря, если не удалось кого-либо убедить поступать в соответствии с культурными ожиданиями, то можно его, по крайней мере, к этому принудить. Но можно ли на самом деле, это не так уж очевидно. Как уже говорилось выше, агенты социального контроля, как формальные (полиция, прокуратура, суды, тюрьмы), так и неформальные (семья, группа ровесников, соседское, профессиональное окружение), могут действовать безуспешно. Почему так происходит? Во-первых, чтобы дело дошло до применения санкций, акт девиации или преступления должен стать *явным*, вскрытым. А тем временем огромное количество действий такого рода остается невыявленным. Далее, должно быть очевидно, *кто совершил* преступное действие. Здесь раскрываемость еще ниже, отчасти потому, что именно на сокрытии своей собственной роли сосредоточены усилия большинства преступников.

В свою очередь, не каждое действие, даже если его в буквальном смысле можно считать девиацией, противоречащей какой-либо существенной культурной обязанности данного человека, вызывает соответствующую общественную реакцию. Между *девиацией в нормативном смысле* (несовпадением дела и образца) и *девиацией в функциональном смысле* (действием, вызывающим общественную реакцию в виде санкций) определенное *поле общественной терпимости*, и в этом поле агенты социального контроля еще не предпринимают никаких действий. Размеры такого поля зависят от нескольких факторов. Существенной может оказаться позиция того, кто совершил тот или иной проступок: даже при самой равноправной и справедливой системе в обществе могут оказаться лица, отношение к которым будет более снисходительное, чем к другим (например, лица, охраняемые личным иммунитетом, статусом неприкосновенности, располагающие авторитетным поручительством или залогом). А уж в коррумпированных системах достаточно обладать деньгами, знакомствами, связями, влиянием, чтобы избежать применения санкций. Нема-

лое значение имеет и то, какие именно нормы нарушены, насколько они существенны. Наказание может быть смягчено по причине «незначительного общественного вреда», нанесенного тем или иным поступком. Несмотря на очевидность самого проступка, могут выявиться обстоятельства, смягчающие вину или вовсе ее исключают. Мы знаем множество таких обстоятельств, сопутствующих совершенным преступлениям: необходимая самооборона, действие под принуждением, действие в состоянии аффекта и т.д. От применения санкций может удержать также последующее поведение того, кто совершил проступок или преступление: попытки компенсировать утраты, оказать помощь жертве, выражение отчаяния и раскаяния, просьба о прощении и т.п.

Наконец, иногда возникает такое особенное состояние всего общества, которое мы условно называем *атмосферой снисходительности*, общественного позволения совершать поступки, носящие характер отклонения и даже преступления. Общественная реакция, как неформальная, со стороны обычных людей, так и формальная, со стороны предназначенных для соответствующих действий органов, оказывается заторможенной, остановленной. Никто не обращает внимания, не реагирует на нарушение норм. Прохожие равнодушно смотрят, как кто-то вытягивает радиоприемник из чужого автомобиля, а полицейский отворачивается. Крайним проявлением снисходительности является противоположное обращение общественной реакции скорее против того, кто попытается применить санкции, чем против того, кто совершает отклонение или преступление. Когда пьяный хулиганит в трамвае и кто-либо пытается его образумить, другие пассажиры его не только не поддерживают, но и осуждают: мол, успокойся, не видишь что ли, человек выпил... Когда местный страж порядка выписывает водителю штраф за неправильно припаркованную машину, всегда найдутся прохожие, которые будут защищать виноватого. Когда полицейский задерживает или арестовывает наркомана, мало кто смотрит на это с одобрением. Итак, чрезмерное расширение поля толерантности, крайним проявлением которой является снисходительность, также парализует успешность применения санкций, в силу чего оказывается невозможным удержать от асоциального поведения и преступных актов тех, кто не усвоил, не интернализовал ни культурных образцов, прививаемых социализацией, ни чувства долга, а только боялся возможных кар.

Границы социального контроля

С другой стороны, надо обратить внимание на то, что чрезмерное и недостаточно обоснованное применение наказаний также может привести к разрушительным последствиям. Давайте задумаемся, почему люди боятся санкций. Если речь идет о физических санкциях, приносящих болезненные ощущения, то понятно, что они боятся боли или других негативных воздействий биологического характера. Ситуации, когда человека бьют, пытаются лишить свободы передвижения, ограничивают в возможности утолить голод и жажду, когда человек испытывает физический дискомфорт, и уж тем более в тех крайних случаях, когда речь идет о так называемой высшей мере наказания

когда его лишают жизни, нарушают самые основы человеческого существования. Но почему «боль», на этот раз в переносном смысле, приносят нам также замечания, упреки, нагоняи, высмеивание, словесные издевательства, ситуации, когда от нас отворачиваются товарищи, когда мы оказываемся в изоляции, когда нас изгоняют из группы и т.п.? Ведь этот тип санкций имеет символический характер, не наносит непосредственного удара нашему биологическому состоянию. Что особенно интересно, исследования, проведенные среди заключенных, показали, что более болезненно, чем физические ограничения, узники переживают и хуже переносят вещи символического характера: чувство своей отчужденности от общества (сознание, что общество от них отвернулось), потерю своей личной автономии, зависимость, унижения. Порой наиболее болезненно воспринимаются так называемые *диффузные санкции* - неформальные наказания, спонтанно применяемые к человеку членами группы, к которой он принадлежит: оказывается, это страшнее, чем формальные санкции, применяемые в соответствии со специальной процедурой специально созданными для этого органами. Даже усмешка товарища по поводу того, что я не сумел выкрутиться, больше огорчит меня, чем штраф, выписанный мне полицейским за превышение скорости.

Почему это так происходит? Вспомним в этой связи концепцию зеркального «Я» Кули. Она утверждает, что «Я», самооценка, идентичность отдельного человека, создается путем интерпретации того, каким образом его воспринимают другие, причем именно *значимые другие*, как они к нему относятся. Наказания, начиная от насмешек и кончая смертной казнью, - это формы однозначно негативного отношения общества (группы) к отдельному человеку. Они наносят удар по его «Я». Их последствием, кроме возможных других негативных и болезненных воздействий, является *снижение самооценки*, а возможно, даже *разрушение прежней идентичности*. Это весьма болезненное для каждого человека чувство, и именно поэтому мы так опасаемся негативных санкций. Парадоксально, однако, что именно введение таких санкций приводит в движение некий саморегулируемый, самоусиливающийся процесс, который может свести на нет успешность этих санкций, не только не сдерживая, но даже усиливая склонности человека к отклонению или к преступлению.

На это обратили внимание авторы так называемой *теории стигматизации* (или наклеивания ярлыков), среди которых были американские социологи Говард Беккер (Howard Becker) и Ирвинг Гофман (Erving Goffman). Они отходят от привычного понимания девиации как отдельного, состоявшегося поступка или события (определенного, единичного акта), подчеркивая значения длительной перспективы, динамики процесса. Девиация для них - это определенная *последовательность событий и действий*, исполняемых на протяжении довольно длительного времени. Допущение девиации в нормативном смысле, или совершение поступка, противоречащего нормам, связывающим отдельного человека с определенной культурой, а также позиции и роли данного человека, - это только исходный пункт девиации. Такое действие еще может остаться личным делом этого человека, не выйти, как мы иногда говорим, «на свет Божий», не стать явным. Налоговая служба

может и не узнать о том, что кто-то имел высокие доходы и не сообщил о них в декларации. Водитель может во много раз превысить установленную скорость, и об этом никто, кроме него самого, не узнает, ибо не было на его пути дорожного патруля с радаром. Можно никогда не обнаружить тело убитого человека. Только лишь какая-то часть, причем неопределенная (*ex definitione*), актов девиации получает подтверждение. Говорят, что в Польше только треть совершаемых преступлений становится известной полиции⁴. Но даже когда акт девиации (отклонения от нормы) установлен, надо еще найти того, кто совершил такой поступок, а это уже следующий этап. Пусть будет найдено тело убитого и обнаружен пистолет, из которого только что сделан выстрел, но еще неизвестно, кто стрелял. И снова во многих случаях преступник, или субъект, совершивший акт девиации, остается неизвестным. Это по-разному может выглядеть в сфере различных преступлений. Согласно американской статистике, несмотря на то, что уровень раскрываемости преступлений в США относительно высок, все же значительная часть преступников может избежать наказания: 12% в случае совершения убийства, 39% в случае изнасилования, 70% в случае грабежей, 80% в случае угона автомобилей и 82% в случае поджогов.

Однако даже тогда, когда преступника обнаружат, начинается следующий этап - *доказательство его вины*. Сюда включаются самые различные обстоятельства, которые мы определяли выше как поле общественной толерантности. Если речь идет об уголовных преступлениях, то их оценка возможна в ходе судебного разбирательства. И только судебный приговор, вместе с определением меры наказания, означает появление девиации в функциональном смысле, то есть действия, которое вызвало *негативную общественную реакцию*. Что означают приговор и наказание для преступника? Это тот ключевой момент, когда общество посредством своих представителей - судей, заседателей, присяжных - определяет данного человека как преступника, то есть приписывает ему своего рода прочный ярлык, от которого ему долгое время не удастся освободиться, даже несмотря на несколько фиктивную процедуру так называемого сокращения срока наказания или освобождения от наказания (условно-досрочного освобождения) через определенное время. Что означает такое определение? Оно означает *отчуждение, отстранение от общества*: общество как бы отказывается от такого человека, отбрасывает его, ограждает себя от него, и материальным, явным обозначением такого ограждения становятся тюремные решетки и стены. Прежняя идентичность данного человека, основанная на его принадлежности к данному обществу, к тем или иным группам этого общества, связанная с занятием определенных статусов и исполнением определенных ролей в рамках этого общества, подлежит разрушению. Вместо этого формируется идентичность маргинала, изгнанника, парии, аутсайдера. Определение обществом человека как преступника отражается в его «Я» *самоопределением отверженного*. А это означает резкое падение самооценки.

Как можно справиться с такой ситуацией? Человек начинает искать *группу, заменяющую* ему то общество, которое он потерял, которое осталось за

⁴ Gazeta Wyborcza. 1993. 23.11.

тюремными стенами. Он ищет других людей, которые станут для него «значимыми другими», которые примут его в свою среду и тем самым позволят ему отыскать заново утраченную идентичность, поднять свою самооценку. И он легко их находит среди других преступников и заключенных, которые стремятся к тому же, ищут того же. В этом процессе совершается заново выявление «значимых других» и референтных групп. Человек претендует на то, чтобы принадлежать к преступной группе, подвергается вторичной и противоположной социализации, а когда оказывается принятым в новую группу, подвергается более сильным, чем прежние, имеющим монопольный характер социализирующим влияниям преступной контркультуры, так называемой тюремной «другой жизни». Он подлежит ресоциализации, действующей, однако, не в том направлении, которое предполагалось вынесением наказания, а в прямо противоположном, ибо теперь речь идет о глубоком освоении, интернализации этим человеком *роли преступника*: асоциальных образцов, ценностей, норм, а также навыков преступного ремесла.

Человек, однажды совершивший преступное действие, оказывается глубоко втянутым в антисоциальный мир, образованный контркультурой, становится профессиональным преступником. Преступные рецидивы становятся в высшей степени вероятными. Последний этап этого процесса, после того как человек отбыл срок наказания и вышел на свободу, только укрепляет его преступную идентичность, поскольку общество неохотно принимает бывшего заключенного и создает ему трудности, например, в поисках работы. Наличие в каждой персональной анкете вопроса о судимости свидетельствует о том, как трудно избавиться от однажды приклеенного ярлыка, как трудно смыть с себя пятно отчуждения, отверженности от общества. В то же время единственная среда, в которой отбытие срока наказания, и чем более длительного срока, тем лучше, приносит престиж и славу, - это именно преступная среда, преступное сообщество. Идентификация человека с этой группой, таким образом, еще более углубляется.

Теоретики стигматизма делают крайний вывод: люди, отклоняющиеся от норм, или преступники, не рождаются таковыми: таковыми их делает общество. Именно механизмы социального контроля, применения санкций приводят в движения *девиационную карьеру* посредством отчуждения, отбрасывания человека, его изоляции, его подталкивания к асоциальным элементам и группам, посредством его контрсоциализации в этой среде и формирования прочного самосознания девианта (преступника, человека, отклоняющегося от норм поведения). Разумеется, это явное преувеличение. Процесс, который представители этой теории описывают таким образом, на самом деле только усиливает преступную тенденцию, предоставляет шанс *повторной девиации*, рецидива, но никак не объясняет того, почему одни люди склоняются к *первичной девиации*, вызывающей все последующие нарушения, а другие не позволяют себе ничего подобного. Теория стигматизации объясняет лишь частично и только отдельные формы девиации. Нам, однако, в данном случае важно, что она выявляет другую, прежде невидимую, неучитываемую сторону социального контроля. Те последствия нанесения наказания, которые, безусловно, имеют общественно деструктивный характер, свидетельствуют о

том, что не только чрезмерная снисходительность, но и чрезмерная *жесткость карательных мер* не может достаточно эффективно противостоять ошибкам социализации.

Практические выводы

Поскольку социальный контроль имеет столь ограниченные возможности, усилия должны быть направлены не на строительство новых тюрем, а на создание таких условий, в которых появились бы две наиболее выгодные, первоочередные по значению в нашем понимании функции социализации: полная *идентификация* отдельных людей с культурными правилами или по крайней мере привитие им *чувства долга*, что может предопределить их правильное поведение даже тогда, когда они с правилами не согласны.

Проведенный выше анализ причин, в силу которых социализация оказывается бессильной или недостаточно действенной, выявляет те направления политики, которые могли бы обеспечить ее успешность. Речь идет здесь прежде всего о большей когерентности нормативной системы, об исключении антинормии в области права, а также о стремлении к тому, чтобы законы соответствовали общественной морали, господствующим обычаям и установившимся нравам. Во-вторых, речь идет об усилении агентов социализации, особенно таких важнейших, как семья, община, местная или религиозная. В-третьих, речь идет об ограничении влияний контркультуры, особенно на молодежь, путем создания привлекательных сфер осмысленной и приносящей удовлетворение деятельности. Огромную роль в этом плане могут сыграть спорт, искусство, а также «постматериальные» социальные движения, например экологическое (ангажированное участие в защите природы, окружающей среды). Необходимо также прекращение контрсциализирующей роли средств массовой информации, преодоление распространяемого ими культа примитивности и жестокости, а также усиление контроля над сущностью коммуникаций, развиваемых посредством новых электронных средств связи, например, в интернете.

Ни в одном обществе никогда и нигде, не удалось избежать девиации и преступности. И наверно, никогда не удастся. Все мы время от времени иногда в каких-нибудь мелочах, а иногда и в важных вопросах нарушаем какие-нибудь правила, образцы, нормы или ценности, вытекающие из требований культуры. Именно поэтому нужно постоянно прикладывать усилия, чтобы ограничить сферу таких нарушений, и эти усилия должны применяться в каждом обществе. Общество без преступников и преступлений - утопия, но, только стремясь к этой утопии, мы можем достичь хотя бы некоторых результатов. Это возможно в двух направлениях деятельности, которые представляются, однако, неравнозначными: мерам социального контроля, репрессиям и наказаниям постфактум, конечно, неизбежным в значительной мере, мы предпочитаем превентивные предприятия, связанные с совершенствованием механизмов социализации.

Важнейшие понятия и термины

Вторичная социализация - процесс интернализации (освоения) все новых и новых образцов культуры, с которыми человек непрерывно сталкивается в течение своей жизни.

Девиация (отклонение) в нормативном смысле - противоречие действия (поступка) тем правилам, которые применяются по отношению к действиям такого рода или субъектам действия.

Девиация (отклонение) в функциональном смысле - проступок, вызывающий негативную реакцию общества, выражающуюся в разного рода санкциях.

Диффузные санкции - спонтанные и неформальные методы давления и наказания, применяемые группой, к которой принадлежит человек, подвергаемый этому давлению или наказаниям.

Инструментальное обучение - формирование поведенческого репертуара посредством выбора тех форм прежнего поведения, которые были вознаграждены, и отказа от тех, которые карались.

Интернализация - психический процесс, заключающийся в освоении культуры, в преобразовании образцов этой культуры в элементы данной индивидуальности в сфере мотивации или установок.

Контрсоциализация - обучение образу жизни, типичному для преступных сообществ, для среды людей, отклоняющихся от норм, освоение образцов, отличающихся от тех, какие признает большинство общества.

Культурный минимум - минимальные компетенции, навыки и умения, необходимые для жизни среди других людей, для жизни в обществе.

Монокультурная компетенция - освоение идей, убеждений, правил, норм, ценностей, символов, характерных только для одной конкретной культуры.

Обратная социализация - ситуация, встречающаяся в условиях стремительных культурных изменений, когда молодое поколение старается приобщить к новым культурным образцам старшее поколение, настроенное более традиционно; это касается стиля жизни, способов речи, одежды, развлечений, художественного творчества и т.п.

Первичная девиация - поступок, совершенный впервые, приводящий в движение социальный контроль и вызывающий применение санкций.

Первичная социализация - тот этап социализации, которые совершается в детстве - в семье и других первичных группах.

Переходные ритуалы - коллективные церемонии, нередко сакрального характера, символизирующие окончание одной жизненной фазы (в биографии человека) и начало следующей.

Повторная девиация - рецидив, или вступление на путь отклонений (избрание «девиационной карьеры» в результате отвержения человека обществом, стигматизации).

Поле толерантности - задержка с применением санкций (воздержание от применения санкций), несмотря на совершение поступка, в буквальном смысле отклоняющегося от норм, или действия, противоречащего общественным запретам и наказам.

Поликультурная, или космополитическая, компетенция - знакомство со множеством различных образов жизни, образцов поведения и разнообразных идей, происходящих из нескольких культур, и умение к ним приспособиться или пользоваться ими.

Предвосхищающая социализация - освоение образцов поведения (образа жизни) группы, к которой человек не принадлежит, а только стремится принадлежать, которая является для него позитивной группой отношения.

Ресоциализация - отказ от культурных образцов, глубоко освоенных прежде, и обращение к другим образцам, противоположным по своему характеру прежним.

«Самость» - способность человека посмотреть на самого себя как бы глазами партнеров, способность определить свое место в более широкой группе, роль, которую сам человек исполняет, обязанности и повинности, которые вытекают из этой роли, наказов и запретов, которые предлагает человеку группа.

Социализация - процесс, благодаря которому отдельный человек приобщается к образу жизни своей группы и более широкого сообщества посредством обучения тем правилам и изучения тех идей, которые содержатся в данной культуре.

Социальное попустительство - атмосфера, в которой дозволяются действия, являющиеся отклонением, и даже преступные действия, которая оказывает воздействие на агентов социального контроля, заставляя их воздержаться от применения санкций или применять санкции неизмеримо более мягкие, чем те, какие были бы адекватны.

Социальный контроль - система социальных санкций, негативных и позитивных, а также агентов - групп, организаций, институтов, применяющих эти санкции.

Стигматизация (назначение некоей роли, приклеивание ярлыка) - такое положение, когда человеку надолго приписывается идентичность преступника (или девианта), когда на него как бы ставится печать, ложится пятно (чаще всего пятно судимости).

Суперэго - в понимании психоаналитической теории та область личности, в которой зафиксированы культурные правила - наказания или запреты, предопределяющие правильное поведение, вызывающие дискомфорт (чувство вины или стыда), в случае их нарушения.

Формальные санкции - наказания, применяемые в соответствии со строгими предписаниями в точно определенной мере, специально созданными для этого организациями или институтами.

Экстернализация - проявление в конкретных действиях образовавшихся под воздействием культуры существенных сторон личности (индивидуальности), связанных с мотивацией или установками.

Рекомендуемая литература

21, 59, 68 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 18

Процесс институционализации

С момента возникновения социологии одной из ее центральных проблем был статус различных структур, в которых человек выступает уже не как отдельное существо, индивид, а в связи с другими людьми, то есть статус различных групп, организаций, институтов, культуры. Постоянно возникал вопрос о *соотношении между человеком и обществом*. На современном языке социологии это формулируется как проблема отношений человека и различных *структур*, которые окружают его в обществе. Как в любых отношениях, здесь существуют две стороны: одна - влияние структур на отдельного человека, а другая - влияние отдельного человека на структуры. Представители классической социологии, находясь под впечатлением новых открытий в сфере социальной действительности, главное внимание обращали на сущность наиндивидуальных социальных структур, рассматривая отдельного человека как эпифеномен, побочный продукт социума, недостойный особого интереса, к тому же изучаемый другой наукой - психологией. Только позднее появилось представление о том, что социальные структуры не возникают из ничего, а являются *результатом действий людей*, кристаллизирующимся, обретающим прочность, аккумулирующимся в сложном процессе *морфогенеза*. Чрезвычайно важным аспектом морфогенеза является обоснование и кристаллизация *нормативной структуры*, культурных образцов, правил, норм или ценностей. Развивая введенное нами уже раньше нормативное понимание института, мы будем говорить теперь о *процессе институционализации*. Только тогда, когда общественные ожидания институционализируются, они оказывают обратное воздействие на поступки людей как ограничивающее *их рамки* и как необходимый общественный арсенал, из которого люди черпают идеи, определяющие достойные, правильные цели, к каким надо стремиться (ценности), и достойные способы достижения этих целей (нормы).

Структурная детерминация и морфогенез

Исследования, в которых социальные структуры рассматривались как данные, *независимые* переменные, а проблематичными оставались действия людей, трактуемые как *зависимые* переменные, долгое время представляли стандартный тип социологического анализа. Ученые старались выяснить, интер-

претировать, понять человеческую активность при помощи структурных рамок, организационного контекста, ситуации, в которой люди оказались. Предтечей такого подхода был французский социолог Эмиль Дюркгейм; в этом нашел свое выражение его антипсихологизм, а также акцент на значении социальных фактов, не сводимых до уровня отдельных людей. Поэтому данное исследовательское направление можно назвать *дюркгеймовской перспективой*.

В частности, к примеру, на вопрос, почему некоторые люди совершают преступления, эта теория отвечала: потому, что они происходят из среды, где царят нужда и безработица, то есть обращалась к *структуре интересов*. На вопрос, почему в больших городах люди чаще позволяют себе девиации разного рода (отклонения, отступления от обычаев и принятых форм поведения), она отвечала: потому, что в городах люди выступают анонимно, они более изолированы от других, меньше подвержены наблюдению и давлению со стороны соседей, то есть обращалась к *структуре взаимодействий* (интеракций), определяющей различие между городом и деревней. На вопрос, почему, откуда в Польше постоянно возникает антисемитизм, она отвечала: это проистекает из дурных традиций того двадцатилетия, которое приходится на период между Первой и Второй мировыми войнами, следовательно, обращалась к укоренившейся, традиционной *идейной структуре*, к этническим стереотипам. На вопрос, почему в Польше дисциплина и производительность труда ниже, чем в других странах, она ссылалась на неразвитую трудовую этику, то есть обращалась к *нормативной структуре* и ее патологической форме.

Только сравнительно недавно внимание было обращено на тот факт, что сами структуры, в рамках которых действуют люди, не упали с неба, не взялись ниоткуда, а являются укоренившимся *результатом действий людей* - действий, предпринимаемых прежде (другими людьми), повторяемых многократно и непрерывно и модифицируемых людьми, действующими ныне. Чтобы продолжить рассуждения на основе уже приведенных выше примеров, скажем, что социальное неравенство и нужда не появились сами по себе, ниоткуда, каким-то образом они были созданы в процессе обогащения одних и обнищания других - в процессе, в котором участвовало много сменяющих друг друга поколений. Большие города - мегаполисы - с их социальной изоляцией и анонимностью отдельных людей возникли не по воле проведения, а каким-то образом были запроектированы, построены, заселены людьми. Традиция антисемитизма не является вечной, кто-то когда-то это придумал, сформулировал, распространил, укрепил в сознании людей. Недостаток трудовой этики - это не божья кара, а результат определенных накопившихся, *аккумулированных социальных практик*, при которых труд плохо оплачивался, работа плохо организована и в силу ежедневных страданий лишена ценностных результатов. Число примеров такого рода можно увеличить.

Макс Вебер был предтечей и основателем, противоположного прежнему подхода, который заставляет нас интересоваться уже не столько тем, как определенные структуры сформировали людей, сколько тем, *как их действия создали те или иные структуры*. В своем классическом труде «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер показал, каким образом разобщенные

между собой действия тысяч предпринимателей создали ту огромной сложности организационную систему с ее необычайно высокоразвитой структурой, которую мы называем капитализмом. В этой связи мы можем говорить о *веберовской перспективе*.

В современной социологии вопрос о том, каким образом создаются, формируются структуры, называется проблемой *морфогенеза*. То, что прежде трактовалось как *данное*, стало *проблематичным*; появилась необходимость ответить на вопросы, откуда оно взялось, как возникло, как сформировалось. Стремясь найти объяснения различным структурам, социологическая мысль обратилась к действиям людей, превращая их в свою очередь в независимые переменные, объясняющие, а не объясняемые. Ключевое значение приобрели поиск и рассмотрение процессов и посреднических механизмов, действующих как бы в противоположном направлении, не от структур к отдельным людям и их поступкам (как при структурной детерминации), а от действий отдельных людей к структурам (как в морфогенетической детерминации).

Институционализация как разновидность морфогенеза

Морфогенез может приобретать различные разновидности, в зависимости от того, какая структура или какой аспект структуры оказывается объектом формирующих влияний действий людей.

Прежде всего, можно говорить об *экспансии структуры взаимодействий*, о появлении и распространении сети столкновений, контактов, связей, зависимости между отдельными людьми. Представим себе на основе какого-нибудь фильма-вестерна, как возникает новый поселок на Диком Западе Америки; или на более близком нам материале - как едва ли не в чистом поле строится город Новая Гута. Или в меньшем масштабе: как создается коллектив нового, заселяемого жильцами дома или товарищеский круг в студенческом общежитии. Наконец, в еще более узком, самом малом масштабе: как оказываются связанными между собой две семьи, дети которых поженились, или как формируется дворовая группа сверстников, занятых играми и забавами.

Далее можно исследовать *формирующиеся структуры интересов*, возникновение и углубление иерархии неравенства, привилегий и дискриминаций. Как это, к примеру, происходит в группе товарищей, где кто-либо обретает особенно высокий авторитет, становится неформальным лидером, а другие подчиняются ему во всех вопросах? Или каким образом в маленькой локальной общине предприимчивый предприниматель богатеет, инвестирует средства, превращает других членов этой коммуны в людей от него зависимых, меняет свой образ жизни на более представительный и импозантный, входит в местную элиту, становится сенатором? Или, наконец, каким образом артист, спортсмен, ученый выбиваются из своей среды, возвышаются над другими, обретают популярность, славу, занимают свое место в пантеоне «великих»?

Третьим предметом рассмотрения может быть *кристаллизация структуры идей*, появление и укоренение стандартных убеждений, взглядов, идей, мифов, стереотипов. Как доходит дело до создания группового и даже охватыва-

ющего все общество консенсуса по поводу определенных вещей? Как, например, формируется, распространяется, укрепляется в представлениях верующих людей определенный образ Бога, скажем, в католической церкви или в какой-нибудь религиозной секте? Как формируется революционная идеология и каким образом овладевает она широкими массами угнетенных и возмущенных людей? Почему, каким образом среди представителей одного народа возникает и получает широкое одобрение и признание искривленный, упрощенный, карикатурный образ другого народа - этнический стереотип?

Наконец, в четвертых, можно исследовать *институционализацию нормативной структуры*, возникновение и закрепление социальных норм, ценностей, ролей. Именно этот механизм сравнительно лучше всего исследован социологами. Уделим и мы ему больше внимания.

Инновации и инноваторы

Можно различить два пути, которыми проходит процесс институционализации. Первый - это *нормативные инновации* и их диффузия (проникновение, распространение норм в группе, в обществе). Второй - это, по терминологии классика американской социологии Роберта Мертона, *институционализированное отклонение от правил*.

В первом случае процесс начинается в тот момент, когда кто-либо начинает действовать по-новому или провозглашает новый способ действия как хороший, правильный, достойный. В любом случае здесь мы имеем дело с отходом от прежней традиции, с манифестацией явления оригинального, творческого, новаторского. Изменения такого рода инициирует какой-нибудь субъект. Чтобы избежать подозрения, будто я предлагаю новую версию *«заговорщической теории общества»*, скажу сразу, что, во-первых, этот субъект, инициирующий перемены, необязательно должен отдавать себе отчет в том, что своими действиями он на самом деле инициирует или поддерживает какие-то перемены, а уж тем более необязательно должен связывать свои намерения с изменениями такого рода (изменения, которые совершаются сознательно, на основе целенаправленной инициативы, - это только одна из возможных разновидностей изменений), а во-вторых, субъект перемен необязательно должен идентифицироваться с конкретным индивидом, ибо такую роль могут исполнять анонимные лица, различные или разнообразные группы. Я предлагаю выделить шесть типов субъектов, инициирующих перемены, - *инициаторов изменений*.

Первый - это *отдельные люди, выступающие с инновациями*. Это может быть изобретатель, предложивший новую технологию; ученый, выработавший новый исследовательский метод; религиозный пророк, сформулировавший моральные проповеди и послания; художник, чье творчество положило начало новому стилю; политик, осуществившийся правовые реформы; предприниматель, реорганизуемый промышленную корпорацию, и т.п. В этих случаях predisпозиции и прерогативы в осуществлении инноваций держатся на индивидуальных выдающихся субъектах, известных и признанных в доста-

точной мере в сравнительно широкой группе или во всем обществе. Высшим проявлением такого признания является *харизма*. Отдельный человек должен добиться такого признания, по крайней мере в минимальном объеме, чтобы совершить инновацию. Разумеется, осуществление инноваций, получающих впоследствии общественное признание, усиливает, расширяет первично полученное признание и облегчает проведение последующих инноваций (успех более ранних предприятий обеспечивает человеку «кредит доверия», который способствует тому, что его последующие начинания быстрее и легче получают признание в обществе; это очевидно до первой ошибки или поражения, ибо чем большим был начальный кредит доверия, тем легче можно его потерять). Однако, прежде чем индивид сможет предпринять и осуществить первую успешную инновацию, он еще до этого должен обрести определенную популярность, известность, признание в своей среде - признание, опирающееся на нечто иное, нежели способность к инновациям (например, на образцовом поведении данного человека, на его выдающемся интеллекте, силе характера, способностях лидера, способности сотворения «чуда» и т.п.). Если человек не обладает такого рода первичным признанием, любые его инновации, как правило, останутся частным делом или личными соображениями, которые не вызовут в обществе никакого резонанса и не приведут ни к каким социальным последствиям.

Другой тип субъектов изменений - это *инновационные роли* (художников, изобретателей, ученых, мудрецов, шаманов, чародеев, интеллектуалов, экспертов и т.п.). В этом случае predispositions и прерогативы для проведения нормативных инноваций встроены в структуру социальной роли, независимо от того, кто конкретно исполняет эту роль. Творческая способность, способность к инновациям становятся *общественным ожиданием*, входит в обязанность каждого, исполняющего соответствующую роль, независимо от его индивидуальных, субъективных качеств. Это означает не только некое наличие «мандата», априори данное общественное позволение на совершение инновации, но и нечто большее - обязанность предпринять ее. Ученый, к примеру, обязан «внести оригинальный вклад в науку». Невыполнение инновационных обязанностей может привести к тому, что данный человек потеряет право на исполнение роли такого типа. Молодой научный сотрудник, исследователь, обязан в определенные сроки представить работу в виде кандидатской или докторской диссертации, содержащей оригинальные достижения, иначе он будет подвергнут «ротации», что по существу означает потерю работы.

Третий тип субъектов изменений - это *инновационные организации* (законодательные комитеты, парламенты, комиссии для проведения реформ, исследовательские коллективы, конструкторские бюро, «мозговые тресты» и т.п.). Обязанность инициирования и проведения инноваций в этом случае является конституционной составляющей самого статуса или «устава» таких организаций. Предпринятые в их рамках действия имеют коллективный характер, а инновация появляется как результат совместных действий - кооперации.

Четвертый тип агентов изменений - это такие группы, коллективы, социальная среда, или *социальные круги новаторского характера* (артистическая

«богема», студенты, джазовые музыканты, мастера кино, религиозные секты и т.п.). Чаще всего они имеют негативный характер - относятся к различным видам контркультуры, нонконформизма; они отбрасывают принятые в обществе нормы, обычаи, каноны, практики именно потому, что эти обычаи, каноны и практики являются «принятыми», распространенными. Такого рода принципиальное отрицание может преобразоваться в своеобразную идеологию данной среды, может даже стать ее общественно признанной прерогативой, в силу чего людям данного круга будут позволены какие-либо «чужачества» или отклонения. Разумеется, отрицание такого рода ведет к тому, чтобы рано или поздно выработать и предложить *альтернативные образцы* или *правила* - новые обычаи, новый образ жизни, новый стиль одежды и т.п.

Пятый, очень важный тип коллективных субъектов изменений - это *социальные движения*, которые, как мы помним из гл. 7, уже по самому своему определению направлены на изменение социальных норм или ценностей (молодежные, феминистские, экологические, религиозные, политические движения и т.п.). Они формируются вокруг четкой, обоснованной и осознанной цели, каковой является позитивное, конструктивное преобразование норм и ценностей в какой-либо отдельной, частной области (реформаторские движения) или во всей целостной структуре (революционные движения). Они подчиняют все свои действия и усилия такой цели.

Наконец, шестой тип субъектов инноваций - это *обычные люди*, которые в своей повседневной жизни вырабатывают какой-либо новый способ речи, обращения к другим, одежды, прически, готовят новые блюда, по-новому обставляют свое жилище, заполняют свободное время новыми формами развлечений и т.п. Их практики осваиваются и наследуются сначала в близком кругу их знакомых, потом среди «знакомых знакомых» и т.д., пока не распространятся и не станут принятыми в широкой среде.

Каждый из перечисленных выше субъектов обладает весьма различным инновационным потенциалом, что зависит от их внешнего или, напротив, внутреннего положения и отношения к той социальной системе, нормативная структура которой становится объектом изменений. Нормативные изменения могут быть инициированы и форсированы силами, находящимися вне этой системы, как бы «импортированы» из другой системы, нормативная структура которой содержит иные нормы и иные ценности, проникающие как альтернативные образцы и распространяемые далее. Такова, конечно, классическая ситуация *культурного контакта*, столкновения цивилизаций, культурной диффузии, или, как иногда говорят, «культурного империализма». Гораздо более интересны, однако, случаи изменений, инициированных и проведенных субъектами, располагающимися *внутри системы*, нормативная структура которой подлежит изменениям. Возможность таких изменений может вызвать сомнения, ибо здесь есть что-то похожее на попытку человека вытянуть самого себя, схватившись за отвороты собственных сапог. Может ли субъект, «погруженный» в данную нормативную структуру, охваченный сетью ее наставлений и запретов, вдруг каким-то образом от них освободиться и предпринять усилия к изменению этой структуры?

Полагаю, существуют четыре обстоятельства, играющие решающую роль в том, что это оказывается возможным. Первое - уже описанное нами выше несовершенство процессов социализации и контроля, в силу чего никто никогда не бывает полностью, целиком сформированным культурой своего общества. Как мы уже говорили, образ «сверхсоциализированного» человека - это утопия: каждому остается *небольшое маргинальное поле свободы, независимости*, а это именно та сфера, в которой могут рождаться нормативные инновации. Другое обстоятельство - это различие степени, в какой люди или группы поддаются воздействию социализации и контроля. В каждом обществе находятся такие личности и такие группы, которым удается *изолировать себя от давления структуры*. Такого рода «девианты» часто выступают новаторами, инициаторами чего-либо нового. Более того, как я уже говорил раньше, существуют такие роли, такая социальная среда, такие организации, которым изначально как бы предписано, исходно принадлежит более широкое поле терпимости, более высокая толерантность к ним со стороны общества, право на «институционализированные и санкционированные отклонения». Именно отсюда, из этих своеобразных «анклавов свободы», будут излучаться нормативные инновации, приводящие к изменению структуры. Третье обстоятельство, имеющее абсолютно фундаментальное значение, - это гетерогенность, плюрализм, а также конфликтогенный характер нормативной структуры каждого общества, детально исследованные в гл. 10. Разнородность, множество, принципиальные различия и взаимные противоречия норм и ценностей в рамках структуры определяют возможность противостоять, противодействовать одним нормам и ценностям во имя других норм и ценностей. Иначе говоря, если в одном сегменте культуры человек как бы «застрянет», запутается в ее нитях, то в другом сегменте культуры он может действовать свободно, инициируя инновации. Наконец, четвертым обстоятельством является то, что некоторые люди, будучи членами одного общества, находясь под натиском его культуры, дистанцируются от него в своем воображении, как референтная группа, принимая для себя в качестве образца другое общество и свойственную ему культуру, мысленно приписывая себя к этому другому обществу. Для многих людей в период так называемого «реального социализма», живших в рамках навязанной им «культуры блока», ареной их «виртуальной» идентификации была идеализированная, смягченная в их представлении культура Запада. В такой ситуации приобщение к западным образцам в потребительской сфере, в том, что касалось обычаев, нравов, моды, искусства, становилось в местном контексте источником инноваций, подрывающих монополию социалистической культуры.

Связанная с этим проблема, независимая, однако, от того места, которое занимает субъект в системе, - это источник мотивации, склоняющей новатора к инициированию нормативных изменений. Если такой источник находится вне социальной системы, в окружении этой системы или в других системах, мы будем говорить об изменениях, мотивируемых *экзогенно*. Иллюстрациями могут служить изменения, вызванные стихийными катастрофами, эпидемиями, а также столкновениями или контактами с другими обществами и культурами. Ход таких изменений чаще всего приобретает вид *адаптации* к

новым условиям жизни или имитации, заимствования образцов из других, чужих культур и обществ. Более интересны такие изменения, источник которых находится внутри системы, иначе говоря, изменения, мотивированные *эндогенно*. Их генезис связан с появлением в нормативной структуре разного рода диссоциаций (противоречий, напряженности, конфликтов).

Три типа диссоциации представляются наиболее существенными. Первый - это расхождение между обязательными нормами и ценностями, с одной стороны, и объективными шансами их реализации в социальной жизни, с другой. В таком случае или наступает всеобщее восприятие нормативной структуры как нереалистичной, чисто декоративной, как фасад, за которым нет здания, или люди начинают воспринимать общественные реалии как несправедливые, скверные, наносящие им ущерб, обиду. И та, и другая ситуация вызывает сильную мотивацию, направленную на нормативные изменения. Часто именно на этой основе возникают мощные социальные движения, целью которых становятся или модификация норм и ценностей, или улучшение (изменение) несправедливых условий жизни. Изменения мотивируются стремлением поправить неточный рисунок, неверный контур современности. Другой тип диссоциации возникает между одними нормами и ценностями и другими нормами и ценностями внутри одной и той же нормативной структуры. Такие ситуации, от аномии, амбивалентности, антиномии, конфликта в роли, вплоть до ролевого конфликта, мы рассматривали в предыдущей главе. Хаос, раскол, утрата цельности, внутренняя дисгармония нормативной структуры особенно сильно мотивируют нормативные инновации, подталкивают к ним. Третий тип диссоциации проявляется между ныне обязательными нормами и ценностями и представлением о том идеальном нормативном порядке, который находит свое обоснование в идеологии, политических доктринах, социальных утопиях, футурологических концепциях и т.п. Несоответствие между тем, что «идеально», и тем, что «обязательно», во многих областях общественной жизни порождает разочарования, чувство обиды, крушение надежд, фрустрацию, а это все легко превращается в мотивацию изменений. Изменения становятся мотивированным стремлением к созданию лучшего воображаемого будущего.

Опираясь на проведенную классификацию диссоциаций типа «норма - реальность», «норма - норма» и «норма - идеал», мы можем представить себе такие изменения, которые являются осознанной и целенаправленной трансформацией нормативной структуры (здесь можно вести речь о том, как «подтянуться с помощью будущего»), а также такие изменения, которые предпринимаются, чтобы смягчить или вовсе устранить особенно острые конфликты и моменты напряжения, ощутимые в данное время (тут можно условно говорить о «давлении настоящего»). Изменения первого типа, как правило, имеют более систематичный целостный характер, ибо они заключаются в претворении в жизнь заранее созданного *проекта*. Зато изменения второго типа часто носят случайный оппортунистический характер и напоминают процесс «латания дыр».

Еще одно существенное различие в инициировании нормативных инноваций касается темпа изменений. Следует различать инициирование медлен-

ных, постепенных, *эволюционных* и резких, радикальных, *революционных* нормативных изменений. В первом случае мы имеем дело с длительной, продолжительной эрозией традиционных норм и ценностей, постепенно уступающих место новым правилам и образцам. Ясно, что именно такой процесс является характерным для большинства спонтанных, идущих снизу изменений, формирующихся в сфере массовых или групповых, коллективных действий. Хотя и здесь случаются внезапные и резкие, стремительные взрывы общественного недовольства, приводящие к очень быстрым изменениям. Другой вариант часто имеет место в ситуациях реформ, проводимых «сверху», новым политическим режимом или новой правящей группой. Однако и в сфере инноваций, проводимых сверху, на основе принятия новых законов, встречаются изменения постепенные, медленные, осуществляемые шаг за шагом. Выразительным примером такого рода является постепенная либерализация законодательных норм и стандартов, касающихся порнографии, известная в литературе как «эффект плейбоя».

Появление и распространение инноваций

Кто бы ни был автором или инициатором инновации, каким бы ни был ее генезис и ход развития, от начала любой инновации до того момента, когда она распространится, будет «принята» широкой общественностью, станет апробированным, признанным как правильный, ожидаемый способ действий, иначе говоря, прежде чем она приобретет достоинство принятой нормы, протекает долгий путь развития. Этот путь можно разделить на несколько этапов. Следующий после инициирования инновации этап - это ее *выявление*. Это тот момент, который разделяет инновацию, бывшую еще «частным делом» инициатора, от инновации, которая уже становится «публичной». Здесь, вообще, существуют две возможности. В одном случае инновация может остаться абсолютно частным делом, сохраниться в тайне, не достигнуть сознания других людей. Янко-Музыкант, создающий новые мелодии в одиночестве, на пустом пастбище, где его никто не слышит; писатель, который пишет «в стол» (его произведения не публикуются, их никто не читает); вдохновенный религиозный моралист, который свои проповеди не оглашает и свои мысли хранит втайне; конструктор, оставляющий разработанную им модель нового устройства в собственном гараже; дама, которая примеряет к себе новую прическу, оставаясь в ванной комнате, - все это примеры такой ситуации. Такого рода инновация не может иметь никаких общественных последствий. Первым необходимым условием общественного восприятия инновации является создание доступа к ней со стороны других людей, оповещение о ней, публикация открытия, провозглашение «Нагорной проповеди», начертание морального послания на каменных плитах, запись новой мелодии в студии «Сони», опубликование книги, появление на балу в новой прическе.

Выявление инновации не означает, однако, ее немедленного успеха. Здесь начинается следующий, третий этап - процесс *фильтрации* инновации, и далеко не всем удастся пройти, пробиться на этом отрезке пути. Такая фильтра-

ция, или селекция, иногда проводится спонтанно в обычной повседневной жизни. Например, консервативный учитель запрещает все оригинальные идеи и мысли своих учеников; соседи осуждают нетипичный образ жизни артистической семьи; руководитель кафедры запрещает применять спорные исследовательские методы; мастер отклоняет рационализаторский проект. В других случаях селекция становится задачей специально созданных для этого учреждений или органов. Классический пример такого рода - это цензура, но подобную, блокирующую инновации роль могут играть и другие институты, например комитеты, наделенные правом выдачи патентов за изобретения, художественная критика, литературные рецензии, научные комитеты, редакционные советы, издательские советы. Все они сторожат те «врата», за которыми и только за которыми инновации - новаторские идеи, правила, образцы - могут достигнуть широкой общественности.

Механизмы фильтрации в значительной мере зависят от самой инновации. Если изменения иницируются в законодательной сфере, в той области, которая связана с административными распоряжениями, регламентами, установлениями и т.п., то есть идут «сверху», фильтрация имеет характер *спонтанной общественной реакции*, которая выражается в игнорировании, неисполнении новых правил, что может привести к тому, что новый закон, указ или распоряжение останутся только «на бумаге», не будут действовать. В этом случае может также возникнуть спонтанное *движение сопротивления* - организованный отпор навязанным законам, их несоблюдение посредством разнообразных видов давления, натиска, бойкота и даже физических мер воздействия против конформистов. Иначе протекает ход фильтрации инноваций, предложенных в сфере морали или обычаев, то есть инициированных «снизу». В этом случае блокирующие функции исполняют организованные *государственные* или *административные агенты* (когда дело заходит об инновациях, нарушающих законы или подрывающих политический строй) или организации иного типа, например религиозные (когда речь идет о таких инновациях в сфере обычаев и нравов, которые подрывают нравственные постулаты, принятые католической церковью).

Следует задуматься над тем, как получается, что определенные нормативные инновации проходят через сложное селекционное сито, а другие оказываются отброшенными, не имея никаких шансов для распространения. В длительной временной перспективе, если верить теории социальной эволюции, главными селекторами являются, несомненно, объективные функциональные потребности общества, по отношению к которым та или иная инновация оказывается конструктивной (функциональной) или, напротив, деструктивной (дисфункциональной). К сожалению, однако, на более короткой временной дистанции селекция может проводиться на основе распространенных в обществе мистифицированных убеждений и представлений об общих интересах («ложное сознание») или, хуже того, на основе критериев, соответствующих частным интересам групп, занимающих высокие позиции в иерархии власти, материального достатка или престижа и способных в силу этого своего положения остановить любые инновации, противоречащие этим их частным интересам, и оказать поддержку лишь тем инновациям, которые им выгодны.

Так или иначе, только тогда, когда инновация, пройдя фильтрацию, не будет отброшена с самого начала, может наступить четвертая фаза процесса - *диффузия* инновации в обществе. И здесь еще, однако, судьба инновации может сложиться по-разному. Например, она может вызвать отпор консервативных сил, мобилизовать их возможности и прерваться, исчезнуть под массивным натиском традиции. Она может оказаться ограниченной, замкнутой в каких-нибудь узких социальных кругах, пользующихся уже известной славой «чудаков», «извращенцев» и прочих «чокнутых» (например, это может касаться представителей артистической богемы, авангардной литературы, рок-музыкантов, театралов, молодежной субкультуры). Однако порой инновация вступает в лавинообразный процесс распространения, охватывает все общество, вызывает отклики в различных сферах жизни. Вспомним, к примеру, как открытие автомобиля изменило всю социальную жизнь XX в., как телевидение преобразовало культуру, образование и сферу развлечений, какие революционные изменения в работе и повседневной жизни принесла с собой компьютеризация в конце XX в. Вспомним о силе экспансии великих религий - христианства, ислама, буддизма, концепции которых просуществовали тысячелетия. Посмотрим, как новый музыкальный стиль, у истоков которого стояли Элвис Пресли, а затем группа Битлз из Ливерпуля, обрел миллионы поклонников и прочность, сохраняющуюся на протяжении нескольких поколений. И это лишь отдельные, первые пришедшие на память примеры успешной диффузии инновации.

В общей сложности можно выделить пять различных форм, в которых может протекать диффузия. Во-первых, она может приобрести форму *компенсации*, когда инновация как бы высвобождает, вызывает к жизни цепь обратных, негативных противоречий, приводящих к снижению ее влияния и значения, к ограничению сфер ее проявления или даже к полному ее искоренению и к возвращению статус-кво путем контрреформ. Близким к этому является другой вариант - так называемая *сверхкомпенсация*, когда сопротивление против вводимой инновации настолько сильно, что реакция компенсационных механизмов «переливается», переходит за границы той сферы, в какой была инициирована инновация, не только возвращая статус-кво в этой сфере, но меняя более широкую структуру в направлении, противоположном тому, что был обозначен инновацией. Примером, часто встречающимся в истории, может служить ультраконсервативная реакция на радикальные перемены. Третья возможность - это *усиление*, основанное на действии позитивных встречных сил, приводящих в движение процессы самоусиления. Первоначальное изменение вызывает здесь ряд последующих изменений в других областях нормативной структуры, приводя к умножению числа инноваций, к усилению инновационного действия, а в крайних случаях - к фундаментальному преобразованию всей нормативной структуры. Выразительным историческим примером может служить лавинообразное развитие социальных революций. Четвертая возможная разновидность процесса диффузии - это *дисперсия*, или распыление и рассредоточение первичных инноваций. В этом случае инновация приводит к случайным преобразованиям в определенной, ограниченной группе других норм, ценностей, ролей или институтов, оставаясь в результате лишь

хаотичной мозаикой не связанных друг с другом реформ, никак не затрагивающих фундаментальных основ прежней нормативной структуры. Примером такого рода могут служить поверхностные, проводимые для видимости реформы в различных периферийных, второстепенных сферах нормативной структуры, имеющие своей целью отвести инновационное влияние в побочные каналы, отвлечь внимание общества от первостепенных задач и тем самым укрепить еще существующий нормативный порядок. Наконец, последний вариант - это *изоляция*, или своего рода возможность заморозить изменения в их начальном виде, предотвратив какие-либо более широкие последствия. Инновация в таком случае не вызывает никакого отклика, никакой даже негативной реакции, например компенсации, ни тем более усиления, она просто ограничивается тем, что преобразует какую-либо отдельную ценность, роль или институт. Это возможно или тогда, когда нормативная структура особенно сильно дезинтегрирована, аморфна, лишена внутренних связей, или тогда, когда инновация касается наиболее периферийных составляющих структуры. Например, введение нового типа военного мундира не окажет существенного влияния на правила поведения, существующие в армии. Сооружение очередного памятника не повлияет на уровень исторического сознания общества.

Пятая и последняя фаза развития нормативных инноваций - это *адаптация* изменений, глубокое, на длительный срок укоренение инноваций в нормативной системе, преобразование того, что когда-то было разрывом с конвенцией, в новую конвенцию, того, что было отказом от традиции, разрывом традиции, в новую традицию, того, что было неконформизмом, в обязательные правила поведения.

В итоге всей этой описанной процедуры институционализации могут быть достигнуты шесть результатов. Первый - это сохранение статус-кво, или *отсутствие изменений*; это происходит в случае успешного действия механизмов фильтрации или компенсации. Второй - это изменения, *противоположные намерению*, наступающие в том случае, когда механизмы компенсации реагируют слишком бурно. Третий возможный результат - это *маргинальные изменения*, когда изменения затрагивают лишь какую-либо отдельную составляющую, занимающую периферийное положение в структуре, и не имеют никаких иных откликов и последствий. Четвертый вариант - это *радикальные изменения*, при которых преобразованиям подлежат главные, основные составляющие той или иной структуры, например основополагающая система ценностей, что может произойти и в результате инноваций, непосредственно направленных на фундаментальные основы структуры, наносящих этим основам прямой удар, и в результате диффузии изменений, произведенных в других сферах. В-пятых, следует выделить фрагментарные *оппортунистические изменения*, при которых нормативные инновации проводятся случайно, без взаимного согласования и координации друг с другом, чтобы смягчить какие-либо особо обострившиеся напряженные ситуации или общественные противоречия. Шестой вариант - это *тотальные изменения* революционного характера (смена систем, изменение строя), когда все существенные компоненты и сегменты нормативной структуры подлежат модификации, осуще-

ствляемой в результате или реформ широкого действия, или эскалации и усиления изменений, проведенных сначала в более узкой сфере.

И только тогда, когда инновация окажется институционализированной, станет ясно, как нужно «себя вести», что делать, как писать музыку, книги, картины, как руководить наукой и как проводить научные исследования, как одеваться, как причесываться, как выражаться. Разумеется, все это до той поры, пока не появится новый инициатор инноваций, и тогда весь цикл начнется заново и от начала.

Как видим, описанный процесс нормативных инноваций имеет *накопительный характер*. На каждом этапе он может быть остановлен, заторможен, и его продолжение, переход в следующий этап, возможно лишь постольку, поскольку на предыдущем этапе сложатся определенные условия. Во всей своей целостности этот процесс реализуется только тогда, когда на каждом из последовательных этапов складываются обстоятельства, являющиеся по отдельности *необходимыми условиями* продолжения процесса, и только в их совпадении — *условиями, достаточными* для полного свершения процесса. Это можно представить в виде схемы (рис. 7).

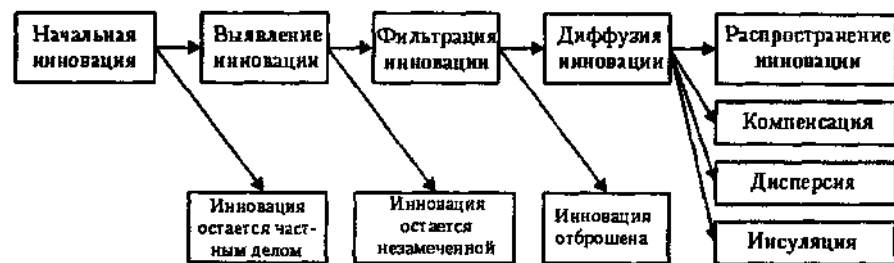

Рис. 7. Этапы развития инноваций

Отход от правил и эрозия правил

Альтернативный вариант процессу институционализации, известный как *институционализированный отход от правил*, протекает несколько иначе¹. Он начинается со спорадических и спонтанных отступлений от обязательных норм, действий, противоречащих этим нормам (связанным с обычаями, традициями, моралью, правом). Люди признают при этом, что определенные нормы, в общем-то, правильные, но исходя из своих эгоистических побуждений они решаются отступить от этих норм, нарушить правила. Однако нарушения

¹ Merton R.K. Social Structure and Anomie // R.K. Merton on Social Structure and Science / Ed. by P. Sztompka. Chicago: The University Chicago Press, 1996. S. 132-152; Jacobsen C. Permissiveness and Norm Evasions: Definitions, Relationships and Implications // Sociology. 1979. May. S. 219-233.

такого рода они стараются хранить в тайне, ибо испытывают чувство вины, стыда или просто боятся социальных санкций (наказаний, осуждения, высмеивания, изгнания из товарищеского круга и т.п.). Кто-то тащит из мастерской какие-нибудь нужные ему винты или гайки, кто-то не возвращает книгу в библиотеку, кто-то перевозит 50 л спирта через границу, кто-то обманывает налоговую инспекцию, кто-то паркует автомобиль под запрещающим знаком, кто-то крадет нужное ему зеркальце, кто-то изменяет жене и обманывает ее, кто-то пьет до упаду, кто-то плохо следит за своим ребенком, не уделяет ему нужного внимания и заботы и т.д. Наверняка, каждому из нас случалось нарушать какие-нибудь нормы, отклоняться от них, а некоторые люди делают это чаще, чем другие. Это еще не означает, однако, институционализации, это всего лишь явление, которое, как мы помним из предыдущего раздела, социологи называют *девиацией*.

Однако в обществе могут распространиться случаи нарушения норм определенного типа, стать повсеместными. В большинстве стран не выплаченные людьми налоги составляют от 10–20 до нескольких десятков процентов; каждый водитель автомобиля время от времени превышает допустимую скорость на дорогах, и большинство водителей нарушают правила парковки; многие люди злоупотребляют алкоголем; мало кто соблюдает запрет на курение; каждый второй студент списывает или пользуется шпаргалками на экзамене и т.п. Некоторые виды нарушения правил становятся регулярными, типичными, общераспространенными. Те, кто поступает вопреки обязательным правилам, не только не подвергаются осуждению, но даже становятся неформальными героями, о них говорят: «Ну и фраер, ловко он надул казну!». Нормы подвергаются своего рода эрозии, теряют силу регулятора действий. Нарушая такие правила, мы уже не испытываем угрызений совести или чувства стыда и легко объясняем это следующим образом: «Все ведь так поступают».

Дело может, однако, зайти еще дальше. То, что недавно было отклонением от нормы, в силу своей распространенности становится новой нормой, а точнее *дозволенным*, допустимым стандартом поведения. Появляется новое обоснование такого поведения: «А что в этом плохого?». Сигналом формирования такой ситуации становится то, что отклонение от норм, нарушение норм не вызывает социальных санкций, более того, попытки применения таких санкций встречают общественное противодействие. Уже мало того, что хулиган безобразничает на улице, не встречая никакой общественной реакции, но даже когда полицейский пытается призвать его к порядку, оштрафовать или задержать, прохожие нередко встают на защиту хулигана. И мало того, что водители не обращают внимания на своих ошалелых коллег, превышающих скорость и создающих тем самым угрозу для всех, они еще в знак солидарности предупреждают своих коллег, сигналижая им фарами, о том, что полиция где-то установила радар. Девиация в нормативном смысле перестает быть в таких случаях девиацией в функциональном смысле.

На завершающем этапе процесса возрастающее число удавшихся, безнаказанных и приносящих выгоду отклонений от норм приводит к формирова-

нию такой ситуации, когда определенные способы поведения, недавно считавшиеся отклонением от норм и даже преступными действиями, подвергаются институционализации, входят в социальную нормативную систему в качестве нормы типа «должен». Создаются, таким образом, новые нормы, противоположные прежним. Конформизм по отношению к прежним нормам в этой ситуации становится анахронизмом, выражением нездорового традиционализма, чудачеством или проявлением наивности. И что за ирония, Создатель, - именно следование нормам, подверженным эрозии, вызывает социальные санкции. Человек, который своевременно и в полном объеме платит налоги, считается чудаком; водитель, строго придерживающийся правил ограничения скорости, - трусом, которому посылают нетерпеливые гудки все, кто едет за ним; а если кто-то терпеливо и послушно стоит в очереди, вместо того, чтобы лезть вперед, его считают недотёпой, рохлей.

В зависимости от вида правил, подлежащих такой инверсии и институционализации, можно выделить три вида этого процесса. Первый - это *нормативная эрозия*, происходит тогда, когда определенные нормы, существующие издавна, представлены в традиции, но они уже не совпадают с нынешними жизненными реалиями. Примером может служить постепенная либерализация сексуальных нравов, отказ от формальных кодов и предписаний, «как нужно одеваться». Другой вариант - это *сопротивление новым, навязанным нормам*. Когда, например, нормы, введенные посредством принятия законодательных актов, противоречат признанным моральным правилам, обычаям, нравам, люди начинают ими пренебрегать, они не исполняют новых законов или предписаний и находят обоснование своей позиции в обращении к неформальным нормам, имеющим более глубокую легитимность. Выразительные примеры такого рода мы находим там, где применяются «сухие законы» (запреты на торговлю спиртными напитками), где имеют место попытки изменения форм семьи (например, со стороны колониальной администрации в африканских колониях), или в таких конкретных случаях, когда принимаются запреты на проведение петушиных боев в Мексике, охоты на лис в Англии. Третья форма - это *замещение норм*, проявляется там, где старые нормы сохраняют свое обязательное значение, но как бы неявно, ибо эти нормы не исполняются, хотя время от времени особо вызывающие формы их нарушения встречаются с общественными санкциями и подлежат общественному осуждению. Примеры тому можно найти в сфере коррупции, которая в некоторых странах или в определенной среде становится общераспространенным явлением, но в то же время формально она подлежит осуждению, а слишком явные ее проявления, особенно когда в это втянут представители власти, вызывают бурное общественное возмущение.

Это завершает цикл институционализации процесса отхода, отклонения от норм, хотя, разумеется, только на время. Как все в социальной жизни, и этот процесс не останавливается, он имеет дальнейшее продолжение в будущем, когда новые нормы становятся предметом отклонения от них и весь цикл их эрозии начинается заново.

Важнейшие понятия и термины

Адаптация инновации - продолжительное укоренение инновации в нормативной системе, преобразование того, что когда-то было разрывом с конвенцией, в новую конвенцию, того, что было отказом от традиции, в новую традицию, того, что было актом неконформизма, в обязательные правила поведения.

Диффузия инновации - распространение инноваций в обществе, расширение среды, в которой эти инновации принимаются, одобряются, применяются.

Изолирование инноваций - ограничение сферы распространения и применения инноваций с помощью законодательного регулирования (например, запрета на клонирование, ограничения эмбриональных исследований, запрета размещения ракетных установок и т.п.).

Инновационные роли - ожидания новаторства, оригинальности, творческого начала, связанные с определенными социальными позициями, например, ученого, художника, писателя, композитора.

Инновационные организации - такие, которые создаются специально для того, чтобы пропагандировать новаторские решения в различных сферах.

Институционализации - выявление и укрепление нормативных структур, социальных правил, образцов, норм и ценностей.

Институционализация отклонения от правил - распространенная в данном обществе практика несоблюдения определенной нормы или ценности, при этом сама эта практика благодаря широкому распространению становится правилом.

Кристаллизация структуры интересов - появление и углубление иерархии неравенства, привилегий и дискриминации.

Морфогенез - процесс выявления, артикуляции и укрепления разного рода структур из хаоса действий, предпринимаемых членами общества.

Нормативная инновация - инициирование нового образа жизни, способа действий, повседневных практик, формы выражений и т.д., которые могут преобразоваться в новые правила, образцы, нормы или ценности.

Структурная детерминация - ограниченное или вспомогательное, дополнительное влияние структур разного рода на действия, предпринимаемые членами общества.

Теория заговора - убеждение, что за каждым общественным событием, особенно таким, которое невыгодно, ущербно для общества, стоят тайные конспираторы, сознательно готовящие такие события и манипулирующие ими.

Фильтрация инноваций - общественная селекция инноваций, производимая спонтанно или специальными агентами, результатом которой является распространение инноваций в обществе или отказ от них.

Экзогенные инновации - новаторская адаптационная реакция на события или изменения, происходящие вне той социальной системы, в которой зарождается инновация.

Экспансия интеракционной структуры - возникновение, расширение и разрастание столкновений, контактов, связей, зависимости между отдельными людьми.

Эндогенные инновации - реакция на напряженность, давление, натиск, на диссонансы внутри социальной системы - реакция, в которой рождается инновация.

Эрозия нормы - постепенное ослабление и исчезновение обязательности нормы, чувства связанных с ней обязанностей, готовности применения негативных санкций за ее нарушение.

Рекомендуемая литература

9, 47 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Часть VI

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Глава 19

Социальные изменения, развитие и прогресс

До сих пор мы занимались анализом *функционирования* общества - процессов социализации, социального контроля, институционализации, которые происходят в границах социального целого. В этой связи иногда говорят о динамике «в системе». Но мы знаем, что общества время от времени подвергаются основательным модификациям, что сегодня они уже не те, что были когда-то, а в будущем будут иными, чем сегодня. В таком случае можно говорить о динамике «системы». На этом целостном уровне динамики общества мы также используем такие понятия, как *действия* общества или его *история*. Здесь появляется новая временная перспектива: речь идет уже не о повседневной жизни с ее относительно короткой протяженностью, а об историческом времени «длительного радиуса действия». Настоящую главу мы посвятим анализу этой наиболее сложной формы изменчивости обществ. Это потребует введения новых, более сложных понятий и категорий.

Социальные изменения

Первой из таких категорий является понятие *социального изменения*. Под этим термином мы понимаем различие между состоянием социальной системы в определенный момент и состоянием той же самой системы в другой момент, на другом отрезке времени. Более ранние и более поздние состояния могут отличаться друг от друга в разных планах, с разных точек зрения. Во-первых, может измениться *состав* системы. В обществе появляются люди, приехавшие из других стран; в политическую партию вступают новые члены; к социальному движению присоединяются тысячи новых сторонников; в правительстве ликвидируются департаменты, комитеты нескольких министерств. Миграции, набор (рекрутирование в группу) новых членов, мобилизация, организационная реформа - таковы некоторые примеры изменений данного типа.

Во-вторых, может произойти изменение *структуры* системы, то есть четырех сетей связей между элементами: взаимодействиями (интеракциями), интересами, нормами и идеями. Таким образом: а) выявляются новые *структуры взаимодействий* в силу того, что люди устанавливают между собой новые контакты, входят в новые отношения друг с другом, объединяются в новые группы; б) выявляются новые *структуры интересов*, поскольку люди богатеют или беднеют, добиваются власти или теряют ее, освобождаются от подчинения или попадают в зависимость; в) образуются новые *нормативные структуры* в силу того, что люди начинают признавать новые ценности, руководствоваться новыми нормами, играть новые роли, наказывать и вознаграждать за нечто иное по сравнению с тем, что было раньше; г) формируются новые *структуры идей* в силу того, что люди начинают верить в новых богов, принимают новые идеологии, получают новые знания о мире, видят самих себя в ином свете. Общество не остается неизменным, не застывает в старых, извечных формах, а подлежит постоянным преобразованиям. В принципе, этот тип изменений рассматривается как самый важный. Когда структурные изменения охватывают все структуры, мы иногда называем такие изменения революционными, имея в виду одно из значений понятия «революция».

В-третьих, может наступить *изменение функций*, исполняемых элементами общества. Например, традиционная семья была многофункциональной группой: она осуществляла хозяйственные функции, функции воспроизводства человеческого рода, функции социализации, религиозные и иные функции. Со временем некоторые из них были переданы специальным институтам или организациям: производственную функцию переняли те предприятия или учреждения, где работают члены семьи; образовательную, а отчасти и воспитательную функцию переняла школа; религиозную - церковь и т.д. В ином масштабе можно привести в качестве примера расширение функций директора завода или премьера в правительстве.

В-четвертых, могут измениться *границы системы*. Например, две политические партии соединятся в одну, две промышленные корпорации сольются друг с другом или в ином масштабе - две семьи соединятся посредством брака, заключенного между их детьми.

В-пятых, могут наступить изменения в *окружении системы*. Например, наводнение разрушит дорожную сеть, и городок окажется отрезанным от мира и контактов с другими местами; урбанизация приведет к поглощению мегаполисом бывших пригородных деревень; захват, оккупация изменят геополитическое положение общества.

Социальные процессы

Социальное изменение - это единичный эпизод, переход из одного состояния системы в другое. Но очевидно, что изменения связаны друг с другом, и одно тянет за собой другое. Понятие *процесс* служит для описания хода, наступающих последовательно друг за другом и взаимно обусловленных изме-

нений системы (в этом случае мы называем их фазами или этапами). Чтобы можно было говорить о едином процессе, система наряду с этими изменениями и несмотря на них должна сохранять свою основную *идентичность* (например, единым процессом можно считать постепенный распад семьи Ковальских; постепенную индустриализацию южнокорейского общества; циклические, повторяющиеся экономические кризисы в Бразилии).

Интересной разновидностью социальных процессов являются *направленные процессы*. Они отличаются, во-первых, тем, что ни одна фаза такого процесса не совпадает с другой, не может быть ей идентична (то есть процесс является необратимым), во-вторых, тем, что каждая позднейшая по времени фаза приближает состояние системы к определенному выбранному образцу - предпочитаемому, желанному или, наоборот, негативному (то есть к какой-то определенной цели, к стандарту данного направления - к прекрасному идеалу или, наоборот, неизбежному фатальному концу).

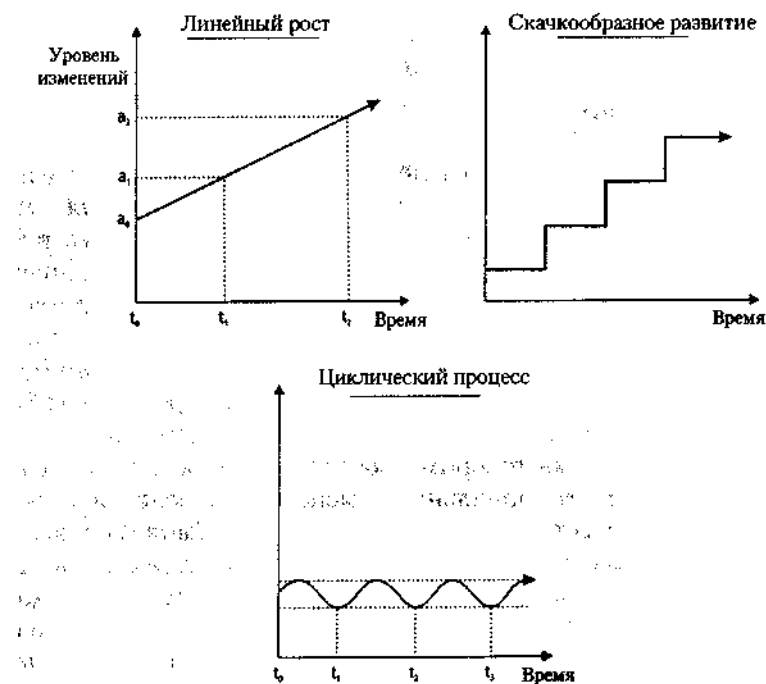

Рис 8. Типы процессов

Примером направленного процесса может служить рост организма, достижение зрелости, старение, смерть. Эта органическая метафора, основанная на сравнении общества с живым организмом, была особенно популярна у таких классиков социологии в XIX в., как уже не раз упоминавшийся выше Огюст Конт и особенно Герберт Спенсер. Другим примером может служить энтро-

пия, или распространение энергии во Вселенной. Можно представить себе также полет снаряда в направлении обозначенной цели.

Долгое время считалось, что основные исторические процессы имеют именно такой направленный характер (например, демографический прирост населения, индустриализация, урбанизация, возникновение государств, процессы развития цивилизации, экспансия науки, рационализация, бюрократизация, пауперизация, кризис или разрушение среды обитания, рост преступности и т.п.). Только теперь все более явно обращает на себя внимание цикличность, повторяемость одних исторических процессов и абсолютная произвольность, случайность, хаотичность других.

Противоположностью направленных процессов являются *циклические процессы*, которые отличаются тем, что в определенные моменты система возвращается в исходное, первоначальное состояние. Классические примеры таких процессов встречаются в экономике. Это так называемые конъюнктурные циклы роста и падения (регресса). На финансовых рынках они проявляются как фазы так называемых «рынка быков» и «рынка медведей».

Социальное развитие

Один из конкретных видов направленного процесса оказался в центре внимания социологов уже в XIX в. Речь идет о *процессах развития*. От других направленных процессов они отличаются двумя дополнительными чертами: а) направление процесса имеет позитивный характер, то есть с течением времени поднимается уровень определенной переменной величины или комплекса составляющих переменных величин, на которые ориентирован данный процесс (например, когда растет численность населения, мы говорим о демографическом процессе; когда увеличивается общественное производство и общий валовой продукт, мы говорим об экономическом развитии; когда увеличивается число преступников, мы говорим о росте преступности и т.п.); б) направленная последовательность социальных изменений приводится в движение и действует, получая соответствующие импульсы, от механизмов, находящихся внутри данного общества - имманентных, *эндогенных*, замкнутых в рамках данного общества. Противоположностью эндогенных являются *экзогенные* факторы, которые находятся за границами рассматриваемой социальной системы, например: изменения климата, стихийные бедствия, природные катастрофы, эпидемии и т.п. Процессы, вызванные внешними факторами, не называются развитием, это скорее реактивные или адаптационные процессы. Условной моделью процесса развития является рост биологического организма - от зачаточного состояния (от определенного кода тенденции развития в генах) через все промежуточные стадии до полной зрелости. Эту модель использовали многие социологи. Когда они писали об обществе, то постоянно обращались к органической метафоре и подчеркивали, что в обществе также происходят направленные процессы дифференциации структур и функций - от простоты к сложности, от аморфности к определенности, от хаоса к организованности,

При этом следует разделить *однолинейное развитие*, когда изменения всегда идут по одному и тому же пути, по регулярной, как бы заранее обозначенной траектории (так рассматривали историю эволюции социологи от Герберта Спенсера до Толкотта Парсонса), и *многолинейное развитие*, когда различные изменения имеют лишь сходный, приблизительно общий характер, но происходят различными способами, на разных путях и траекториях в зависимости от конкретных исторических или культурных условий данного общества (так, например, трактовали развитие общества так называемые неозэволюционисты в XX в.).

Особой разновидностью развития, отличающегося своим ходом от линейного, хотя в конечном итоге приводящего к аналогичным результатам, является *скачкообразное развитие*. После аккумуляции количественных частичных изменений наступает определенный порог насыщения, за которым выявляются принципиальные качественные изменения. В свою очередь, вновь накапливаются, накладываются друг на друга частные количественные изменения, чтобы в определенный момент достичь следующего порога. Так, например, представлял развитие общества в своей диалектической концепции Карл Маркс, который считал, что это развитие всегда идет от первобытно-общинного строя через рабство, феодализм и капитализм к коммунизму, а переходы от одной фазы к другой определяются накоплением, усилением напряжения или противоречий, что посредством революционного скачка приводит к зарождению качественно новой, очередной общественной формации. Другой пример - это предложенная в теории «научных революций» американского философа Томаса Куна (Kuhn) картина развития науки¹, в которой научные парадигмы складываются из постепенно накапливаемых, все более богатых эмпирических и экспериментальных данных, получаемых в ходе постоянных исследований, и в определенные моменты подвергаются радикальным изменениям, приводящим к смене всех представлений о мироздании, к появлению новой парадигмы.

Социальный прогресс

Понятием, еще более богатым по своему значению, является социальный прогресс. В этом случае речь идет о таком процессе развития, направление которого оценивается позитивно, определяется признанными ценностями. Прогресс неустанно приближает нас к такому общественному состоянию, в котором реализуются некие важные социальные ценности, рассматриваемые людьми как хорошие, справедливые, счастливые, достойные и тому подобные явления. Противоположностью прогресса является *регресс*, отдаляющий людей от таких признанных ценностей и тем самым приближающий их к ценностям противоположного характера.

¹ Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. 2nd ed. Chicago: the University Chicago Press, 1970 (1962).

Таблица 13. Формы социальной изменчивости

Социологическое понятие	Определяющая черта				
	разница во времени	последовательно - сть временных этапов	направление	эндогенные источники	реализация признанных ценностей
Изменение	+				
Процесс	+	+			
Направленный процесс (тенденция)	+	+	+		
Развитие	+	+	+	+	
Прогресс	+	+	+	+	+

Никакое изменение не является прогрессом или регрессом само по себе. Оно может быть квалифицировано как прогресс, если станет предметом распространенной в каком-нибудь обществе (группе) позитивной оценки, которая будет дана ему в соответствии с определенными критериями. Прогресс – это то, что общественность принимает за прогресс, считает прогрессом (точно так же обстоит дело с регрессом). Таким образом, прогрессивность (регрессивность) всегда *относительна*. Во-первых, эта относительность определяется ее привязкой к какой-либо группе (классу, народу), которая данную оценку формулирует. При этом то, что одна группа считает прогрессивным, другая – может вовсе не признавать таковым, даже, напротив, воспринимать это явление как противоположное – регресс. Экспроприация земель у крупных землевладельцев и передача ее в собственность крестьянам была, несомненно, прогрессивным явлением с точки зрения крестьянских масс, но не с позиций аристократии. Введение системы прогрессивного налогообложения и тем самым уменьшение различий в уровне материального благосостояния людей прогрессивно с точки зрения тех, кто меньше всего зарабатывает, но отнюдь не с точки зрения энергичных предпринимателей. Во-вторых, прогрессивность относительна в *историческом плане* – то, что считается прогрессом сегодня, вполне могло не оцениваться как прогрессивное явление вчера и даже могло быть воспринято тогда как регрессивное. Новые технические изобретения и орудия, распространение образования, свобода нравов, деформализация отношений между людьми, женское равноправие – эти социальные изменения с нашей точки зрения, конечно, прогрессивны, но они вовсе не казались такими, когда их впервые проводили в жизнь. В этом нетрудно убедиться, если вспомнить, сколько усилий, какой отчаянной борьбы требовало преодоление сопротивления, которое им оказывалось. В-третьих, прогрессивность (регрессивность) относительна, ибо зависит от принятых критериев прогресса, *признанных ценностей* – то, что прогрессивно в соответствии с одним критерием, может не быть прогрессивно в соответствии с другим, противоположным, конкурирующим критерием, более того, в этой перспективе может даже представлять собой регресс. Так, например, индустриализация является прогрессом, если принять за критерий рост продукции, но она не будет прогрессом, если в каче-

стве критерия взять сохранение природного окружения; урбанизация окажется прогрессом, если мы примем такие критерии, как богатые возможности обеспечения людей работой, развлечениями, всем потреблением культуры, которое происходит в городах, однако она окажется регрессом, если в качестве критерия будут признаны традиционные, общинные связи между людьми, типичные для сельской среды. По поводу ослабления и исчезновения таких связей уже в XIX в. сожалел Фердинанд Теннис (Toennies), для которого переход от традиционной локальной общности (Gemeinschaft) к современному, индустриальному и урбанизированному обществу (Gesellschaft) означал утрату качества жизни и нечто, противоречащее человеческой природе.

Конечно, из этого не следует, будто существует полный произвол в оценке того, что можно считать прогрессом. Уже само по себе формирование *общественного консенсуса* по поводу определенных критериев прогресса (выбор большинством членов общества определенных ценностей в качестве основных) представляет своего рода фильтр, отсеивающий побочные, незначительные или случайные критерии. Кроме того, есть такие области, где критерии утверждаются сами собой, и трудно подвергать их сомнению. Когда уменьшается смертность грудных детей, когда увеличивается средняя продолжительность человеческой жизни, когда исчезает туберкулез, перестает существовать угроза голода, увеличивается скорость транспорта, развивается телекоммуникация, обогащаются наши знания о природе, уменьшается угроза войны – в этих и подобных случаях трудно было бы оспаривать то, что мы имеем дело с прогрессивными процессами. Дело в том, что в таких случаях речь идет о вещах, соответствующих *универсальным интересам* всех людей, и именно таким образом они воспринимаются всеми людьми независимо от групповой принадлежности последних. Хуже, однако, когда критерии прогресса касаются только *частных* (групповых, классовых, национальных и других) *интересов*. Тогда отсутствует общее согласие о том, что является прогрессивным. Например, то, что одни считают справедливым, другие отклоняют как нечто несправедливое; то, что одним представляется равенством шансов, другим – как незаслуженные привилегии; то, что одни принимают как демократию, другие называют тиранией сброда и т.п.

Легче в целом согласиться с прогрессивностью определенных процессов, когда критерии прогресса определены *частично*, одномерно (как в приведенных выше примерах), но значительно трудней достичь такого согласия, когда эти критерии определяются *комплексно*, многомерно. Именно этот второй вариант часто встречается в истории общественной мысли; здесь формулируются различные *«социальные утопии»*, то есть некие воображаемые образы доброго, счастливого, совершенного общества будущего, приобретающие столь крайние формы, что они перестают быть реалистическими (Государство Солнца и Аркадия, миллениум и коммунизм – это лишь некоторые примеры такого рода). Вокруг них всегда разворачивались (и продолжают) острые споры и даже общественные конфликты. И это происходит именно потому, что множество применяемых во взаимосвязи друг с другом критериев может создать такую ситуацию, когда одни критерии противоречат другим. Например, для кого-то более важным быть богатым; для кого-то важнее быть благород-

ным; кто-то хочет прежде всего жить в достатке, другой - реализовать свои творческие возможности. Как сказал философ Эрих Фромм (Fromm), один хочет «иметь», а другой хочет «быть». А эти вещи порой трудно согласуемы в одном общественном организме.

В современной жизни очень сильно смешались направления и критерии. Где «левые», где «правые», где революция, где контрреволюция, где авангард, где арьергард? Что прогрессивно, что реакционно? Существует ли, вообще, какой-либо убедительный критерий, позволяющий определить какое-либо общество как прогрессивное, считать каких-либо людей носителями прогресса, оценить какую-нибудь теорию, идеологию или доктрину как выражение прогресса? Несмотря на широко распространенные сомнения, я все же считаю, что понятие прогресса сохраняет свое значение и свою ценность важнейшего ориентира для действий людей. Однако на рубеже столетий оно должно быть радикально переосмыслено и сформулировано в соответствии с вызовами XXI в. Попробую предложить новую формулировку, новое понимание идеи социального прогресса. Для этого, однако, сначала нужно вспомнить и упорядочить прежние представления и интерпретации этого понятия.

Судьбы идеи прогресса

Идея прогресса - одна из старейших, наиболее прочных, наиболее универсальных идей, созданных человечеством. Ей не менее 2500 лет - в четко сформулированном виде, как обоснованная идея, она появилась, как и множество других сущностных компонентов нашей культуры, в Древней Греции и Риме, но надо полагать, существовала и прежде в спонтанном, обычном мышлении. Первую формулировку этой идеи приписывают Ксенофону, а творцом самого термина считают Лукреция. С той поры история идеи прогресса - это уже почти то же самое, что история всей социальной мысли. В Древней Греции мы найдем рассуждения о прогрессе у Эсхила, Протагора, Сократа, Платона, в Риме - у Сенеки, в средневековой христианской мысли - прежде всего у Святого Августина и Бернарда Шартрского (Chartres), в эпоху Ренессанса - у Макиавелли, Мора, Бэкона, Эразма Роттердамского, в эпоху Просвещения - у Бодэна, Вико, Лейбница.

Однако подлинный триумф эта идея переживает только в XIX в., который иногда даже называют *веком прогресса*. Здесь образ прогресса не только пронизывает почти все социальные теории - эволюционизм Сен-Симона, Конта, Спенсера, Моргана, Дюркгейма, диалектическую теорию Гегеля и Маркса, но и становится предметом повседневного мышления, доминирует в сознании простых, обыкновенных людей. Это был век оптимизма - веры в разум, науку, технику, производство, экономический рост, территориальную экспансию, в цивилизацию. Развитие, как казалось, не имело никаких границ, человеческий потенциал представлялся неограниченным, будущее - безоблачным, прекрасным и открытым.

Прервем наше историческое обозрение в этом моменте высшего триумфа идеи прогресса, чтобы задуматься над тем, откуда берется ее удивительная

прочность и всеобщность распространения. Думаю, что это вытекает из определенных фундаментальных особенностей того положения, какое человек и человеческое сообщество занимают в мире, прежде всего из вечного и непреодолимого *расхождения между тем, что есть, и тем, чего нам хотелось бы, о чем мы мечтаем*, то есть между реальными и мечтами, действительностью и надеждами, настоящим существованием и тем, каким оно должно было бы быть. Во-вторых, причиной тому является вечная и имеющая всеобщее распространение вера человека в лучшее будущее, сокращение той пропасти, какая существует между идеалом и реальностью, на приближение к тому, о чем мы мечтаем. Я считаю, что идея прогресса имеет, говоря философским языком, глубокие онтологические корни, выражает основную и неизбежную дилемму человеческого существования.

И тем не менее, несмотря на все эти богатые и прекрасные традиции, несмотря на наличие экзистенциальных корней, *идея прогресса в конце XX в. переживает свой кризис* как в массовом сознании, так и в социологических теориях. «Вполне вероятно, - пишет выдающийся американский историк социальной мысли Роберт Нисбет (Nisbet), - что в этих последних десятилетиях XX в. догмат прогресса оказался у порога своей смерти». Собственно говоря, это не был единственный догмат, который переживал свое крушение в конце столетия. Приходится слышать и о конце идеологии, и об упадке религии, и о «конце истории». Одни говорят, что умер Бог, другие говорят, что умер Маркс.

Вернемся, однако, к ходу истории. XX век - это раздвоенное время, время, полное противоречий: прекрасное и страшное, чудесное и трагическое. С одной стороны, он приносит небывалое ускорение научного, технического, медицинского прогресса, подъем уровня жизни, рост благосостояния. Даже самый большой скептик и релятивист вынужден будет признать, что увеличение срока средней продолжительности жизни человека до 70 лет и более (при сроке в 30 лет в эпоху Средневековья), сокращение длительности межконтинентальных коммуникаций с нескольких месяцев до нескольких часов, небывалый рост производительности труда, который позволяет 3% человечества обеспечивать продуктами питания остальное человечество (именно таков процент фермеров в США) или создать автомобиль за несколько часов (как это делается в Японии), всеобщее распространение образования и культуры, повышение потребительского спроса, экспансия демократической системы (а это лишь отдельные примеры) являются очевидными знаками прогресса. Но одновременно в том же самом XX в. по какой-то трагической иронии истории все чаще появляются противовесы, противоположности того, что было мечтой и стремлением. Последствия действий людей уходят из-под контроля и обращаются против самих людей. Уже в начале XX в. расцветающий капитализм внезапно переживает экономический кризис; затем демократия западного образца фактически вырабатывает, выделяет из своей системы фашизм; гуманистическая идея социализма вырождается в преступления сталинского режима; концепция национального государства порождает шовинизм, национализм, две мировые войны и бесчисленное количество локальных войн; под гуманистическими лозунгами религий выступают догматизм, нетерпимость,

ведутся кровавые религиозные и конфессиональные войны; под знаменами прогрессивных идеологий рождается терроризм; наука нередко уступает свое место иррационализму, мистике, обскурантизму и невежеству; цивилизация вызывает эпидемии новых заболеваний; техника и промышленность способствуют экологическим катастрофам, угрожающим существованию человечества изменением климата на планете и потенциальным атомным загрязнением окружающей среды, то есть создают вполне реальные шансы для полного уничтожения человечества. Место разума занимает сила, а место надежды - разочарование и отчаяние.

Ничего удивительного, что верить в прогресс становится все труднее, а сама категория прогресса все чаще уступает место понятию «кризис», заменяется этим словом. Надо сказать, что сама по себе история этого слова необычайна. Ныне оно давно уже отошло от своего первоначального смысла, когда оно означало переходное состояние, имеющее для дальнейшего развития процесса ключевое, решающее значение, некую особую концентрацию, заострение альтернатив будущего. Когда слово «кризис» употребляется в этом смысле (например, в медицине), то речь идет о резком обострении состояния пациента, о переломе, из которого существуют только два выхода: пациент или переживет, одолжит его и поправится, или умрет. В свою очередь, в литературе, в драматургии критический момент - это такой момент, в котором определяется необходимость выбора, принятия таких решений, от которых будет зависеть дальнейшее развитие действия. Так или иначе, всегда имелось в виду некое переходное состояние, кратковременное и прежде всего необычайная, нетипичная ситуация (фаза развития). А тем временем, когда мы теперь говорим об экономическом, политическом, экологическом, общественном кризисе, то все чаще имеем в виду прочную, длительную, постоянную, хроническую ситуацию. Все чаще мы рассматриваем кризис как нечто нормальное, типичное, и мы даже удивились бы, если бы такой кризис внезапно исчез. Этот переход от оптимистического мышления в категориях прогресса к пессимистическому мышлению в категориях кризиса - наиболее характерный признак общественного сознания конца XX и начала XXI в. И происходит это не только у нас, но и в наиболее развитых странах Запада.

В обыденном сознании это находит выражение в таких подходах к действительности, как сомнения, разочарования, чувства потерянности, бессилия, утрата смысла жизни, неспособность к перспективному мышлению, разрыв с традициями и потеря чувства своей принадлежности к ним, уход в мир личных интересов и частных целей, игнорирование вопросов, касающихся всего общества. В мире социальных теорий это приводит к развитию релятивизма и субъективизма, к сомнениям в правильном и справедливом устройстве социальной жизни, к акцентированию роли случая, эмоции, к замене этических ценностей поверхностными эстетическими ощущениями. Заметная экспансия так называемых постмодернистских концепций знаменует отказ от типичных для XIX-XX вв. моделей «модерна», или современности, а соответственно, и от идеи прогресса. Еще более четко и прямо отрицание прогресса выступает в различных модных футурологических теориях и картинах глобальных катастроф. Все чаще и во все более широких кругах обще-

ства вера в прогресс рассматривается как нечто наивное и анахроничное, как пережиток минувшей эпохи.

Как я уже говорил выше, этот смертный приговор, вынесенный идее прогресса, представляется мне преждевременным. Я считаю, что эта идея до сих пор сохраняет свой смысл, свое значение; она только требует рационального переосмысления, переформулирования ее сущности. Более того, именно возрождение идеи прогресса является единственным и необходимым условием преодоления кризиса современной цивилизации. Конечно, одного этого условия недостаточно, поскольку не все зависит от того, что думают люди и как они мыслят. И все же от этого зависит очень много. «Я убежден, - пишет выдающийся христианский философ Пьер Тейяр де Шарден (Pierre Teilhard de Chardin), - что в конечном счете именно идея прогресса и вера в прогресс образуют фундамент, на котором человечество, столь растерянное, потерянное ныне, снова обретет самое себя»². Чтобы реабилитировать понятие прогресса, мы должны прежде всего уточнить его смысл, а затем выделить типичные его претворения в жизнь, формы, какие он приобретал до сих пор, и, наконец, наметить эскиз нового, предлагаемого нами понятия прогресса, которое представляется нам наиболее приемлемым.

Изменение восприятия прогресса: роль субъекта

Понятие прогресса неизбежно ассоциируется с изменениями общества, их динамикой. Это имеет смысл лишь постольку, поскольку мы рассматриваем историю, действия как *процесс*, имеющий определенную внутреннюю логику. Иначе - как нормальную, правильную последовательность наступающих друг за другом изменений. Но не каждый процесс можно считать прогрессивным. Трудно отнести понятие прогресса к таким повседневным, повторяющимся, циклическим процессам, которые приводят только к воспроизводству, репродукции социальной жизни, к возвращению в прежнее состояние. Прогресс предполагает *направленность процесса*, то есть наличие изменений, которые каждый раз ведут к формированию иного, нового состояния общества; эти изменения должны идти таким путем, иметь такой характер, чтобы возникал эффект приближения общества к определенному *идеальному состоянию*. Именно так - идеальному. Это значит, что прогресс приводит к чему-то лучшему, более совершенному, более счастливому, что он нацелен на претворение в жизнь идеала.

Итак, три предпосылки заложены в самой основе идеи прогресса - это наличие процесса, его направленность и оптимизм. В соответствии с этими условиями можно дать наиболее простое, общее определение прогресса: *прогресс - неустанное, непрерывное, закономерное (основанное на правильном порядке вещей) движение человечества ко все более совершенным формам социальной жизни*.

² Teilhard de Chardin P. L'Avenir de l'homme. Paris: Edition du Seuil, 1959.

Такое общее определение прогресса вызывает три вопроса. Во-первых, кто является участником, действующим лицом, субъектом этого движения, кто подталкивает процесс вперед (это вопрос о *субъекте прогресса*). Во-вторых, как протекает, как развивается это движение (это вопрос о *механизме прогресса*). И в-третьих, в каком направлении идет движение, на что оно ориентировано, какими намерениями определяется (это вопрос о *критерии прогресса*). В истории ответы на эти вопросы были весьма различны. Сильно упрощая, можно выделить три типичных ответа, три конкретные интерпретации общего понятия прогресса, иначе говоря, три модели прогресса.

Первая модель может быть названа *сакральной*. Она исходит из предположения, что автор, субъект истории - это Бог, и вся история развивается, и все действия происходят таким образом, который изначально предопределен, предначертан Богом, то есть по определенной схеме Провидения, неизбежно-го предназначения. Направлением, ориентиром такого развития представляется «царство Божье» (миллениум), которое, как о том свидетельствует, например, Евангелие, «не из нашего мира» («не из этого мира»), то есть очень далеко от реалий земного существования и во времени, и в пространстве.

Другая модель может быть названа *механистической*. Секуляризация идеи прогресса требует, чтобы автором, исполнителем, субъектом прогресса считался сам «социальный организм» (или «социальная система»), который изменяется и развивается в силу собственных, внутренних тенденций, как бы автоматически, закономерно и неизбежно. Идея саморазвития, или *автодинамики*, связана с метафорой органического роста, согласно которой в организме от его зародыша до достижения полной зрелости идет именно такой процесс автоматического, неизбежного и закономерного развития. К аналогии с живым организмом обращаются и при определении направления, критерия прогресса, считая таким направлением возрастающую сложность, разделение и разнообразие функций (например, прогрессирующее разделение труда). Согласно этой теории, цель прогресса обращена на земное существование, а дистанция во времени, отделяющая реальную жизнь от идеала, значительно сокращается. Различные социальные утопии рисуют образ идеального общества уже «на этом свете» и даже пророчесствуют о его наступлении чуть ли ни немедленно.

Третью модель можно назвать *гуманистической*. Здесь творцом (субъектом) действий, приводящих к прогрессу, считается человек. Чаще всего не отдельный человек, а человек, действующий вместе с другими людьми, то есть находящийся в какой-то определенной группе. Таким *коллективным субъектом* могут быть нации, социальные классы (например, пролетариат Маркса), социальные движения, государства и даже отдельные политические партии. Но эта теория различает и особую роль *индивидуальных субъектов* - выдающихся харизматических лидеров, политиков, героев, пророков, вождей, а в конце концов, и обычных людей, каждый из которых, правда, в незначительной мере, но в своей массе уже весьма существенно преобразует своими повседневными действиями собственное общество. Механизм процесса представляется здесь как суммирование действий и накопление их результатов. Таким образом, формируется определенная историческая прочность и продол-

жительность социальных действий. Каковы же в таком случае цели, критерии прогресса? В данной концепции представление об этом чаще всего соответствует уже не осуществлению, претворению в жизнь целостной утопической модели идеального общества, а постепенному усовершенствованию какой-либо существенной стороны человеческой жизни, будь то освобождение преследуемых или бесправных, преодоление отчуждения, увеличение свободы, автономии, благосостояния.

Мое предложение нового понятия прогресса - модель, которую я назову *активистской или деятельной*, вытекает именно из последнего, гуманистического направления и является его развитием. Основная идея этой концепции - утверждение, что критерий прогресса находится не в каком-то воображаемом будущем, а в реальной *современности*; не в том, к чему общество стремится, а в том, чем оно является в настоящее время. Это означает поиск, выявление таких особенностей реально существующих, здесь и сейчас, обществ, которые позволяют определить эти общества как прогрессивные или консервативные. Это означает также поиск, выявление таких качеств людей, которые позволяют назвать их действия прогрессивными или тормозящими прогресс. Наконец, это поиск таких контуров социальных теорий (доктрин, идеологий), которые позволяют трактовать эти теории как прогрессивные или консервативные.

Общество, которое складывается из людей, имеющих мотивацию своей творческой активности и способных учиться, постоянно преобразуется благодаря непрерывным действиям людей. Уже сама по себе эта способность общества к *творческим преобразованиям*, к изменению собственных границ, к преодолению препятствий, к самоусовершенствованию представляет собой явление, которое можно назвать «прогрессивность». А исчезновение или ограничение такой способности - это стагнация или регрессивность. Общество, обладающее способностью к самосовершенствованию, то есть прогрессивное общество, может быть названо *активным*, а общество, в котором эта способность утрачена или не развита, - *пассивным*. От чего же это зависит, что является решающим в формировании этой фундаментальной особенности, какой обладает общественная активность, приводящая к творческим преобразованиям?

Думаю, что решающее значение здесь имеют четыре группы факторов. Первая - это черты и качества отдельных людей, доминирующий в данном обществе тип личности (индивидуальности). Активизирующее влияние на общество должны оказывать творческие личности, склонные и способные к инновациям, ориентированные на достижение успеха, обладающие значительными знаниями, развитым воображением и чувством реальности, ощущающие свою автономию, интегральность и независимость. Вторая группа факторов - это особенности социальных структур, условий, в которых люди предпринимают действия. Активное общество должно предоставлять самое широкое поле для свободной, творческой активности. Это означает наличие плюралистических, гетерогенных, открытых, эластичных структур, толерантных по отношению к разнообразию и оригинальности. Третья группа факторов - это господствующее в обществе отношение к традициям, к прошлому. Активное общество имеет

свои корни в прошлом, из самой продолжительности исторической традиции черпает силы и средства для дальнейшего развития, а собственная оригинальная традиция является предметом гордости и источником особенной лояльности его членов. Четвертая группа факторов - это модель ожидаемого будущего. В активном обществе господствуют оптимизм и надежда, ощущение силы, убеждение, что будущее зависит от действий людей, а не от предначертания Провидением, перспективное и стратегическое мышление, способное к предвосхищению и планированию событий на далекую временную перспективу.

Противоположный образ пассивного, переживающего стагнацию общества несложно представить, просто заменив все приведенные выше характеристики и признаки на прямо противоположные. Между крайними полюсами этих двух идеальных типов - активного и пассивного общества - располагаются все реально существующие в истории общества. Чем ближе то или иное общество приближается к полюсу активности, тем более оно прогрессивно, в том новом значении понятия «прогресс», какое я предлагаю.

Заметим, что определенная таким образом прогрессивность общества существует вопреки скептикам и релятивистам. Дело в том, что о прогрессивности здесь свидетельствует не абсолютный, уже достигнутый уровень успехов, а *стремление к достижению* таких успехов. В этом случае бедное, отсталое общество, находящееся на низком уровне развития, может быть прогрессивным, если оно проявляет высокую меру такой социальной мобилизации, всеобщей творческой активности. И наоборот, богатое, высокоразвитое общество может быть регрессивным, стагнационным, если снижается социальная мобилизация и напряжение творческих устремлений.

Можно ли отнести понимаемую таким образом прогрессивность не только к сообществам, но и к *поступкам, поведению отдельных людей*, к их индивидуальным действиям? Кого в таком смысле можно считать прогрессивным человеком? Логика предлагаемой концепции дает простой ответ. К индивидам это имеет прямое отношение, и прогрессивным человеком можно считать или того, кто участвует в создании условий, делающих возможным самопреобразование общества, кто создает для других наиболее широкое поле свободного творчества, кто содействует формированию или усилению активного общества, или того, кто в полной мере использует для собственного творчества и самореализации существующие, данные ему условия, стараясь одновременно то мере сил максимально расширить и улучшить эти условия. Как из этого следует, я выделяю здесь два типа субъектов - участников социальной жизни. Первый - это организаторы, реформаторы, революционеры, политики, общественные и государственные деятели, а также идеологи, проповедники морали, интеллектуалы, учителя - все те, кто работает для других, ради других, во имя пользы других, обобщенно говоря, *представители общества*, создающие правила игры, структуры, в рамках которых развивается общественная жизнь, формирующие устремления, замыслы, подходы, цели членов общества. Говоря метафорически, это специалисты по мебелировке социального мира и человеческих голов. Для этой категории людей измерителем их прогрессивности является, в соответствии с логикой представленной концепции создавшие ими таких структур, в которых могла бы расцвести творческая деятель-

ность людей, структур, открывающих, а не закрывающих поле деятельности, структур эмансипации, а не порабощения. В политическом измерении это сводится, как мне представляется, к соответствию трем требованиям: субъективности, плюрализма и демократии. В психологическом измерении соответствием этому являются творческое начало, толерантность, историческое сознание, стратегическое мышление.

Однако организаторы социальной жизни и конструкторы коллективного сознания - это всегда только элита. В чем же может выражаться прогрессивность обычных людей, *масс*, тех, кто действует по своему разумению, исходя из своих собственных целей, для себя или максимум для своей семьи? В том, чтобы, принимая любое действие, максимально использовать существующее поле возможностей, шансов, средств и придать своим действиям какие-либо черты оригинальности, творческого подхода, вкладывать в них всего себя и тем самым развивать свою собственную индивидуальность, непрерывно самосовершенствоваться. А кроме того, в том, чтобы всегда стараться расширить поле возможностей, раздвинуть его границы, не соглашаясь с бессмысленными, произвольными ограничениями. Что это значит в более конкретном обозначении? Возьмем пример из области такой самой распространенной человеческой активности, как труд. Прогрессивность здесь - это старательность, добросовестность, высокая производительность, рациональная организация, осознанная дисциплина, творческое беспокойство, постоянное усовершенствование квалификации, условий труда, новаторство. Прогресс, таким образом, может быть реализован как в *представительских действиях* - в создании самого поля общественной игры, так и в *реализующих действиях* - в непрерывно, ежедневно разворачивающейся на этом поле «игре».

Спросим себя, наконец, на чем в соответствии с предлагаемой теорией может быть основана *прогрессивность теорий, доктрин, идеологий*. Известно, что распространяющиеся социальные концепции (господствующие взгляды на характер действий людей и общественных условий, представления об исторических закономерностях и механизмах, о шансах и перспективах будущего) оказывают существенное влияние на действия людей - влияние, мобилизующее или парализующее, стимулирующее или тормозящее эти действия. Также и различные концепции прогресса оказывают обратное воздействие на активность людей, а вместе с тем и на шансы реализации прогресса. И тем, что подвигает людей к действию, являются также сами теории о том, что и как их к действию побуждает.

Сакральные концепции приписывают все это Божьей воле, а реализацию прогресса относят к внеземной жизни, содействуя созерцательности, проповедуя правило «*Молись и покорись*». Естественным результатом господства таких концепций становится длительная стагнация. Трудно найти лучший тому пример, чем Древний Египет. Механистические концепции, постулирующие автоматизм саморазвития, эволюционную неизбежность и «железные законы Истории», приводят к пассивности, фатализму, к распространению жизненного правила «*Подождем - увидим*». История так называемого «реального социализма», построенного на идеологическом фундаменте марксовского детерминизма и фатализма, дает нам, к сожалению, немало выразительных

примеров такого рода. Концепции и теории катастроф, пророчества гибели и регресса вызывают хаотичную активность, анархию, иногда деструктивные действия под лозунгом «*Спасайся кто может*». Такие концепции легко становятся самореализующимися пророчествами, ибо хаос и анархия рано или поздно на самом деле ведут к гибели и регрессу. Релятивистские и постмодернистские концепции, согласно которым в истории нет никакой логики, все случайно, произвольно, не подчиняется никаким закономерностям, недоступно никаким предвидениям и прогнозам, прямым путем ведут к эгоистическому гедонизму, маниакальному потребительскому образу жизни, к культуре наслаждений под лозунгом «*Живи сегодняшним днем, стараясь получить побольше и побыстрее*». Таков нынешний диагноз многих критиков, исследующих наиболее развитые общества.

Итак, общей чертой всех этих выявленных выше теорий прогресса является то, что они тормозят прогресс. Объективно, иногда даже вопреки собственным намерениям они приводят к общественному регрессу. Совершенно иной характер носит предлагаемое нами, практически совершенно новое понятие прогресса, способное привести к результатам, противоположным тем, что описаны выше. Оно мобилизует людей к деятельности, к активности, вызывает чувство ответственности, формирует оптимизм. Оно наказывает человеку: «*Мечтай и борись за претворение в жизнь своей мечты*».

Активистская концепция прогресса, таким образом, сама по себе прогрессивна как идея, мобилизующая к действиям, обосновывающая потребность в этих действиях, указывающая направление действий как для организаторов общественной жизни, так и для обычных граждан. Это идея, которая обладает как бы встроением в нее, присущим ей *механизмом самореализации*, стимулирует создание и укрепление активного общества - того единственного общества, перед которым открываются шансы творческого самопреобразования, самосовершенствования, самореализации, иначе говоря, перспективы общественного прогресса.

Важнейшие понятия и термины

Многолинейное развитие - такое, при котором различные перемены имеют лишь приблизительно общее направление, однако происходят различным способом, разными путями, в зависимости от конкретных исторических и культурных условий данного общества.

Направленный процесс - такой, при котором ни один этап не повторяется, а последовательность постоянно приближает общество к определенному, соответствующим образом выявленному состоянию в будущем, к «цели» или концу процесса.

Однолинейное развитие - такое, при котором перемены всегда происходит одним и тем же путем, на регулярной, как бы заранее свыше обозначенной траектории.

Прогресс - процесс, неустанно приближающий общество к такому состоянию, в котором реализуются некие важные общественные ценности, к состоянию, которое считается правильным, справедливым, счастливым, достойным и т.п.

Процесс - следующие друг за другом и причинно обусловленные изменения системы, которые называются фазами или этапами.

Развитие - направленный процесс, вызванный эндогенными факторами, в котором постоянно возрастает степень изменений.

Регресс - процесс, который отдаляет общество от того состояния, которое считается желанным в контексте распространенных в обществе ценностей (с точки зрения людей, приобщенных к этим ценностям).

Скачкообразное развитие - такое, при котором после аккумуляции (накопления) количественных частных изменений возникает определенный порог насыщения, за которым неизбежно начинаются принципиальные качественные изменения.

Социальные изменения - различие между состоянием социальной системы в один момент и состоянием той же самой системы в другой.

Социальные утопии - представления о добром, счастливом, совершенном обществе будущего, настолько идеализированные и крайние, что абсолютно нереалистичные.

Циклический процесс - такой, при котором в определенное время состояние системы возвращается к своему первоначальному состоянию.

Рекомендуемая литература

31, 35, 44, 76, 99 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 20

Травма социальных изменений

В современную социологию все глубже и последовательнее проникает представление о *динамическом устройстве общества*. Все социальные объекты, от малых групп до глобального общества, находятся в непрерывном движении. Они существуют только благодаря индивидуальным и коллективным действиям; повторяемость таких действий обеспечивает продолжительность жизни социальных объектов, которые распадаются, как только эти действия прекращаются. Поскольку действия и конфигурации действий имеют изменчивый характер, социальные объекты подвергаются непрерывным изменениям и сами представляют собой не статичные сущности, а процессы. Как мы уже не раз подчеркивали, для описания состояния какого-либо социального объекта больше подходит глагол «становится», нежели «существует»¹.

Социологическая интерпретация социальных изменений также меняется. Отождествление изменений с социальным *прогрессом со временем* уступает место идее *кризисов*, при которых изменения проявляют свои негативные (часто непреднамеренные) последствия в различных областях общественной жизни. Наконец, появляется идея, согласно которой сама по себе изменчивость может подрывать нормальный ход общественной жизни, наносить членам общества своего рода удар, вызывать стресс и порождать состояние своеобразной *травмы*. Таким образом формируется третий подход к социальным изменениям: дискурс травмы, который будет предметом нашего рассмотрения в настоящей главе.

От дискурса прогресса до дискурса травмы

В классической социологии XIX в. господствует *дискурс прогресса*²: изменчивость признается не только нормальным состоянием, но, более того, состоянием желанным и приводящим к постоянному усовершенствованию обще-

ства. Доминирует фетишизация и идеализация изменчивости: новаторство, оригинальность, инновации трактуются как ценности автотелесические (ценности сами по себе, в силу самой своей сущности). Господствует *историософический оптимизм* - представление о том, что мир идет к лучшему. Происходит обобщение идеи социальных изменений в современном понимании.

Первые поправки в это идиллическое представление вносятся уже в XIX в. Сначала Карл Маркс обращает внимание на то, что к окончательному, итоговому прогрессу развитие идет сменяющимися волнами и проходит через стадии кризиса и регресса - через противоречия, напряжение, конфликты, отчуждение. Диалектическая эсхатология Маркса (почерпнутая им у Гегеля) впервые, таким образом, заостряет внимание на том, какова *цена прогресса*, его обратная, темная сторона. Эту цену все человеческое сообщество платит, если можно так сказать, «в рассрочку», в моменты очередных стадий кульминационного напряжения и конфликтов, перерастающих в революции, которые приводят каждый раз на более высоком уровне очередной формации к тому, что общественное развитие снова обретает прогрессивное направление.

Другие авторы XIX в., не подвергая сомнению прогрессивный характер современной формации (Нового времени) в целом, обращали внимание на отдельные сферы общественной жизни, в которых цена торжествующей современности особенно чувствительна (за это торжество приходится дорого платить). Фердинанд Теннис (Toennies) (1887) жалеет об утрате естественных, объединяющих людей цельных структур и спонтанных общественных уз. Эмиль Дюркгейм (1897) выявляет нормативный хаос, упадок моральных стандартов, одним словом, аномию. Макс Вебер (1922) предостерегает от возможности перерождения слишком рационализированных и инструментализированных организаций в «железную клетку» бюрократии. В XX в. появляются новые мотивы критики современности: мотив «восстания масс» у Ортеги-и-Гассета (1930)³, «одинокства в толпе» Дэвида Рисмана (David Riesman)⁴, экологические и сырьевые мотивы, мотивы индустриализации, войны и геноцида. Эта критика, направленная на отдельные стороны современной общественной жизни, перерождается во второй половине века в тотальное неприятие современности. Появляются различные *катастрофические картины будущего*, категория прогресса оказывается лишенной смысла. Дискурс прогресса вытесняется *дискурсом кризиса*, само понятие кризиса получает при этом новый смысл, отличающийся от исходного этимологического значения данного слова: его начинают рассматривать как «хронический», постоянный, непреодолимый кризис⁵.

Однако даже в этих крайних формах предметом критики является *суть* изменений, которые приносит с собой современность (Новое время): речь идет об отдельных, выбранных или более тотальных негативных последствиях современности в различных сферах - в экономике, политике, экологии, соци-

¹ Sztompka P. Society and Action: The Theory of Social Becoming. Cambridge: Polity Press, 1991; Sztompka P. The Sociology of Social Change. Oxford: Blackwell, 1993.

² Nisbert R. History of the Idea of Progress. New York: Basic Books, 1980.

³ Ortega y Gasset J. Bunt mas I inne pisma socjologiczne. Warszawa: PWN, 1982.

⁴ Riesman D. The Lonely Crowd. New Haven: Yale University Press, 1961.

⁵ Holton R. Problems of Crisis and Normalcy In the Contemporary Word // Alexander J., Sztompka P. Rethinking Progress. Boston: Unwinn Hyman, 1990. P. 39-52.

альной структуре, системе ценностей, групповой ментальности, морали и нравах, культуре, повседневной жизни. Еще мало кто замечает, что негативные последствия могут быть результатом *изменений самих по себе* независимо от содержания этих изменений, от того, что меняется и в каком направлении. Каждое социальное изменение имеет свой баланс, свои последствия. Наряду с последствиями, позитивными или негативными, прогрессивными или регрессивными, приносимыми содержанием изменений, имеют место негативные последствия, проистекающие просто из самого факта изменений. Встречаются также *изменения с амбивалентным балансом*. Особенно поразительной является ситуация, когда прогрессивные по своей сути изменения, имеющие позитивные результаты, обнаруживают свою негативную сторону, возникающую именно в силу того, что они являются изменениями, что они нарушают установившийся, стабильный порядок, прерывают непрерывность, нарушают равновесие, ставят под сомнение или лишают смысла прежние навыки и привычки (примерами могут служить победившая революция, ожидаемое изменение строя или уклада, реформа самоуправления). Первое признание такой парадоксальной возможности мы находим у Дюркгейма в понятии «*аномии успеха*»⁶.

Для обозначения и лучшего понимания негативных последствий социальных изменений как таковых, независимо от содержания этих изменений, следует ввести понятие *травмы*. Этот термин, применяемый изначально в медицине, психиатрии и психоанализе, все чаще используется как метафора в публицистике и обыденном мышлении. Это симптоматично. Кажется, к концу XX в. в повседневном опыте людей, в публичных дискуссиях и в средствах массовой информации появляется новый критический мотив, который имеет отношение к самой изменчивости жизни, характерной для современной формации, мотив недовольства ее темпами, охватываемой сферой и агрессивностью перемен. Это направление социальной мысли я называю *дискурсом травмы* и представляю как третью точку зрения на социальные перемены, после дискурса прогресса и дискурса кризиса.

Травматические социальные изменения

Не каждое социальное изменение становится источником травмы, хотя потенциально каждое может иметь такие последствия. Травматогенный характер чаще всего обретают изменения, имеющие особые признаки. Во-первых, это *резкие*, внезапные, быстрые изменения, происходящие в очень короткое время. Во-вторых, это изменения, происходящие в широкой общественной сфере, охватывающие одновременно *различные области общественной жизни*. В-третьих, это *глубокие, радикальные* изменения, затрагивающие главные для данной группы ценности, правила или убеждения. Эти изменения могут выражаться в том, что укоренившиеся ценности подвергаются критике, ставятся под сомнение, а также в том, что пропагандируются или навязываются

новые ценности, или, наконец, в том, что входят в моду практики, противоречащие укоренившимся ценностям. В-четвертых, изменения такого рода должны быть *неожиданными*, вызывающими изумление, шокирующими. Выразительными примерами изменений такого рода в историческом макромасштабе являются революции, перевороты, ломка общественного уклада.

Травматогенные изменения, даже когда они прогрессивны, ожидаемы и успешны, неблагоприятно воздействуют на общество, вносят дезорганизацию, дислокацию, как бы выбрасывают общество из состояния равновесия. Какие же сферы социальной жизни наиболее чувствительны к «травме перемен»? Такой наиболее чувствительной сферой является *культура* (универсум ценностей, норм, правил, образцов, символов, смыслов), ибо она как раз и отличается наибольшей инертностью, постоянством, укоренением в традиции или в коллективной памяти, в ритуалах, привычках, обычаях и нравах. Культура — это та область, где кодируется идентичность и непрерывность развития общества. И на индивидуальном уровне усвоение культуры оказывается наиболее чувствительным в личности, индивидуальности отдельного человека, ибо именно интернализированная им *культурная идентичность* диктует ему постоянную, прочную лояльность, связи, навыки мышления и поступки. Изменения потому имеют травматические последствия, что постоянство, уверенность, стабильность, безопасность, возможность предвидеть общественные ситуации, а также прочность и однозначность собственного положения в обществе и вытекающих отсюда императивов действия представляют, как нам кажется, для людей ценности, существенные сами по себе, независимо от сущности, содержания соответствующих ожиданий или правил. Травма перемен, которая касается сферы культуры, а как следствие этого коллективной и индивидуальной идентичности, будет иметь определение *культурной травмы*. Это явление представляется очень частым и типичным к концу XX в.

XX век неслучайно называют «веком перемен». Социальные изменения в этом столетии оказались подверженными ускорению и глобализации в масштабе, прежде невиданном. Они происходят все быстрее и охватывают все более широкое пространство. Тем самым они увеличивают свой травматогенный потенциал, нарушая или будоража «установленный мир жизни» все большего количества людей, во все возрастающей мере и все более неожиданными способами. Само собой разумеется, такой эффект имели негативные изменения: загрязнение окружающей среды, хаотическая урбанизация, эскалация войн и геноцида, массовые перемещения населения, рост преступности, тоталитаризм и т.п.

Но травматический эффект оказывали также и позитивные изменения: информационная революция, развитие телекоммуникации, рост благосостояния и потребления, всеобщая доступность благ, бывших ранее достоянием элиты, либерализация нравов, демократизация в политике, равноправие полов и т.п. Можно в обобщенной форме вести речь о «травме, вызванной современностью»; сильнее всего это проявилось в опыте XX в. и выразилось в усилении страхов, беспокойства конца XX в.

XX век принес также многочисленные случаи внезапных, резких, радикальных и непредвиденных изменений, которые с полным основанием можно на-

⁶ Durkheim E. Suicide. New York: Free Press, 1951 [1897].

звать стрессовыми и шокирующими, имея в виду их воздействие на чувствительную ткань культуры. Они имели разную меру реальности. Были такие изменения, которые выражались в объективных событиях, приводили к действительному изменению положения групп или обществ, к изменению их культурной идентичности. Во-первых, все более широкое распространение приобретали культурные контакты, столкновения или конфликты разных культур, имевшие разную степень остроты и жесткости, - от колониализма, денационализации (лишения народов их национальной суверенитета) через миссионерскую деятельность, «вестернизацию» или «макдональдизацию»⁷ до культурного плюрализма и смешения культур. Во-вторых, сообщества поддавались воздействию чужой культуры в результате их перемещения в орбиту действия этой культуры - в ходе миграций, политической эмиграции. В-третьих, появлялись изменения в экономической или политической системе, требующие приспособления к ним культурных правил, придания этим правилам адекватности к новым условиям, то есть изменения правил, укоренившихся в традиции. Ярким примером тому являются ориентированные на рыночную систему и демократию изменения в Восточной Европе после падения коммунистических режимов.

Наряду с реальными изменениями этих трех типов в XX в. происходили также *изменения восприятия* и интерпретации событий или реальных практик как прежнего, так и настоящего времени. Ревизии подвергались определенные традиции и оценки (например, Великой Французской революции, открытия Колумбом Америки, войны за независимость в США), шел процесс написания истории заново (например, в Советском Союзе в соответствии с установками Горбачева), разрушались одни героические мифы, появлялись другие, распространялись новые идеи, например связанные с признанием прав человека, с феминизмом, плюрализмом, политической корректностью, в новом свете представляли давние и недавние факты, заново вспоминалось то, что было, казалось, прочно забыто, подвергались новой актуализации этнические и религиозные традиции, не востребованные прежними поколениями (например, на Балканском полуострове, в постсоветских республиках, в Чечне).

Наконец, имели место и чисто *виртуальные изменения*, только воображаемые, лишённые какой бы то ни было реальности, основанные на слухах, мифах, пересудах, предрассудках, стереотипах. И такие изменения тоже приводили к травматическим результатам. Дело в том, что различие между травмами, вызванными реальными обстоятельствами, и травмами «нереалистическими» в человеческом мире не слишком существенно. Их болезненность, а также мотивационное воздействие на действия людей могут оказаться весьма схожими. К этой ситуации великолепно подходит известное высказывание Уильяма Томаса: «Если люди считают некоторые ситуации реальными, то они реальны в своих последствиях»⁸ (1927).

⁷ Ritzer G. McDonaldization of Society. Thousands Oaks: Pine Forge Press, 1996.

⁸ Цит. по кн.: Merton R.K. Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968. P. 475.

Три уровня культурной травмы

Понятие культурной травмы применимо к различным случаям, к явлениям разного масштаба. Самый низкий уровень, который не входит в сферу интересов социологии, - это масштаб *индивидуальной биографии* человека. Типичные травматические ситуации бывают в семье: болезнь, смерть кого-либо из близких, рождение ребенка, заключение брака, развод. Немало их и в профессиональной сфере, на работе: изменения в занимаемой должности, потеря работы, внезапное и неожиданное продвижение, уход на пенсию. Примеры из других областей жизни - переселение в другую местность, депортация, эмиграция, арест и приговор суда. Все эти примеры касаются «стрессовых» изменений, внезапных, вызывающих шок или потрясение, но в масштабе личной биографии человека травматогенные изменения могут быть и медленными, продолжительными, как бы накапливающимися постепенно. Например, углубляющийся алкоголизм или наркомания, хроническая, невылеченная болезнь, постепенный распад супружеских отношений, а также травматогенные изменения универсального характера, касающиеся всех людей: старение и его кульминация - смерть. Во всех этих случаях наш стабильный мир усвоенных навыков, привычек, обычаев, смыслов приходит в возбуждение, подвергается разрушению.

Однако на твердой социологической почве мы оказываемся только тогда, когда начинаем рассматривать *коллективные травмы*, касающиеся человеческих сообществ и происходящие в результате социальных изменений. В микросоциальном масштабе речь может идти, например, о банкротстве фирмы, об убийстве в школе, о террористическом акте в общине, о распаде футбольной команды. Все это изменения быстрые, неожиданные, но на том же уровне, в микромасштабе происходят и травматогенные изменения медленные, продолжительные, накапливающиеся постепенно, пока дело не доходит до острой травмы. Примерами могут быть нарастающий в локальной общине конфликт и ее распад, деморализация войскового подразделения, возрастающие nepотизм и коррупция в политической партии и т.п. В этом случае дезорганизации или деструкции подлежат групповые культуры, системы норм, ценностей, убеждений, объединяющие коллективы, вплоть до полной утраты групповой идентичности.

Наиболее сложным является третий уровень, когда травме подвергаются целые сообщества - этнические, национальные группы, регионы, цивилизации, даже глобально все человечество, а сами травматические изменения могут быть названы *историческими*. Мы уже приводили многочисленные примеры травматических событий такого масштаба: войны, революции, ломка общественного строя, экономические кризисы, завоевание, колонизация, массовые миграции и т.п. Наряду с внезапными, стремительными, непредвиденными изменениями и на этом уровне имеют место также продолжительные, накопительные процессы: растущее перенаселение, все большая интенсивность дорожного движения, загрязнение окружающей среды, распространение болезней, связанных с цивилизацией, рост смертности населения, перегрузка городов и средств коммуникации, технологическое или потребитель-

ское перенасыщение и т.п. Изменения этого типа, достигая определенного порога, приобретают травматогенный характер так же, как и «стрессовые» изменения, оказывают неблагоприятное воздействие на всю ткань культуры и могут представлять угрозу для общественной идентичности в самом большом масштабе.

Макрообщественные травматогенные изменения не ограничиваются тем, что оказывают деструктивное воздействие на общество на макроуровне, но также непосредственно влияют на функционирование групп в микромасштабе, на повседневную жизнь отдельных людей. Образно говоря, история переосмысливается в биографиях людей. Это хорошо видно на примере современных исторических событий и перемен, которые можно отнести к категории травматогенных изменений, выразительно иллюстрирующих их амбивалентность, то есть наличие несомненно полезных, добрых перемен, одновременно генерирующих на всех уровнях сильную культурную травму. Я имею в виду фундаментальные события, которые произошли в Центральной и Восточной Европе и которые мы называем революцией 1989 г., а также наступивший затем длительный процесс общественной трансформации. В дальнейшем я еще не раз буду обращаться к революции 1989 г. как к источнику примеров, иллюстрирующих вводимые нами категории и понятия, а также теоретические гипотезы. Здесь моей задачей является не историческая реконструкция событий, а общая экспликация моделей культурной травмы в этой панораме недавней истории. Что же касается детального анализа этого важного исторического периода и процесса, то на эту тему существует специальная литература (см., в частности, № 77 в перечне «Сто книг с моей полки»).

v

Генеалогия культурной травмы

В медицине, психиатрии, психоанализе, откуда заимствована социологами категория «травма», это понятие имеет двоякое значение и применяется в двух разных смыслах. Иногда травма понимается как само событие, вызвавшее шок или стрессовое состояние: несчастный случай, сексуальные домогательства в семье, супружеская измена, нелояльность друга, смерть отца. В других случаях травма - это скорее результат такого рода событий для организма или психики человека: боль, обида, рана, болезнь и т.п. По-разному трактуют и продолжительность травмы. В психиатрии господствует представление о непреодолимости травмы, во всяком случае о неполной, лишь частичной возможности излечиться от полученной душевной травмы, о неискоренимости ее последствий: однажды случившись, психическая травма сопровождает человека всю его жизнь, разве что со временем приглушаясь или вытесняясь в сферу подсознания. В медицине предпочитают делать акцент на излечимости травмы в случае правильно и своевременно применяемой терапии. Полное излечение означает исчезновение травмы.

Соединение этих разных точек зрения становится возможным, если мы рассматриваем травму в динамике как *травматический процесс*. Фазами этого процесса являются потенциально травматогенное событие; факторы, которые

актуализируют, как бы высвобождают или отягощают травму; травматическое состояние, которое выражается в определенных симптомах; принимаемые действия для смягчения травмы или использование предохранительных антитравматических средств; наконец, ограничение или полное преодоление травмы. Такая трактовка не противоречит представлению о продолжительности травмы, причем эта продолжительность рассматривается как переменная величина, зависящая от различных конкретных условий и обстоятельств.

Рассмотрим отдельные фазы типичного травматического процесса на примере той посткоммунистической травмы, начало которой было положено «революцией 1989 г.». Исходный, иницирующий момент здесь - это социальные изменения, имевшие *потенциально травматогенный* характер. Распад коммунистической системы соответствовал всем тем критериям, которые мы выделили выше: это быстрые, стремительные перемены, охватывающие все стороны социальной жизни, касающиеся самых фундаментальных основ социальной системы, для большинства людей - неожиданные, заставшие их врасплох. Ясно, что большинство людей встретили эти перемены с энтузиазмом и надеждой.

Посткоммунистический переход имеет, кроме всего прочего, также культурное измерение⁹. Это означает принятие в обществе новой системы ценностей, норм, образцов, идеалов, противоположных тем, какие господствовали прежде. Это наносит удар доминирующей культуре, разбивает ее, что находит выражение на двух уровнях. На уровне институтов («социальных фактов») появляются *дезорганизация*, хаос, фрагментация, иногда дуализм, или, как это определял Дюркгейм, «аномия». На личностном уровне появляются культурная *дезориентация*, неуверенность в том, каким образцам должно соответствовать собственное поведение человека, ощущение «цивилизационной некомпетентности»¹⁰ или недостаток навыков, необходимых для пользования создающимися новыми институтами.

Степень такой дезорганизации и дезориентации зависит от нескольких факторов. Во-первых, от однородности, *цельности прежней культуры* и от того, насколько глубоко она была воспринята. Во всех странах так называемого «реального социализма» существовал некий культурный синдром, внедряемый по советским образцам. Эта своеобразная «культура блока» (стран Варшавского блока) создавалась и цементировалась не только сверху посредством целенаправленных действий, индоктринации (например, требовалось беспрекословное послушание властям, несовместимое с какой-либо критикой, или навязывались, пропагандировались эгалитарные ценности), но и снизу посредством спонтанной разработки самими гражданами этих стран своих адаптационных и охранительных стратегий (например, культ усредненности, поведение по правилу «не высовывайся», «не обращай на себя внимания»). Там,

⁹ См.: *Sztompka P. The Year 1989 as a Cultural and Civilizational Break // Communist and Post-Communist Studies. 1996. V. 29. №2. P. 115-129.*

¹⁰ *Sztompka P. Civilizational Incompetence: the Trap of Post-Communist Societies // Zeitschrift für Soziologie. 1993. H. 2, apr. S. 85-95.*

где эта «культура блока» имела фактически монопольный характер и была глубоко интернализирована населением, шок после развала системы был очень сильным (например, в России). Однако в других местах, например в Польше, где рядом с «культурой блока» уцелели, сохранились другие, конкурентные синдромы - национально-католическая культура, с одной стороны, космополитическая западная культура, с другой, к тому же само восприятие культуры блока было в большинстве случаев довольно поверхностным, чисто оппортунистическим, и интернализация этой культуры была слабой, культурный шок оказался не столь сильным.

Во-вторых, существенной является *глубина диссонанса* - содержательного противоречия между прежней и новой культурами. Старая «культура блока» и созданная новой экономической и политической системой рыночная и демократическая культура противоположны друг другу со многих точек зрения. Например, дух коллективизма первой культуры находится в прямой оппозиции к индивидуализму второй культуры, пассивность и покорность судьбе сталкиваются с противоположными императивами - активностью, стремлением к успеху; патернализм и расчет на привилегии не согласуются с верой в собственные силы и ответственностью за свое будущее; безопасность расходится с риском, конформизм - с инновациями, послушание властям - со свободой и т.д. Иначе говоря, сформировавшийся более чем за столетия *homo sovieticus* и функционально необходимый для новой системы *homo economicus* ориентируются на культурные образцы, полярно различные, противоположные друг другу. В культуре посткоммунистического общества появляется явно выраженный дуализм еще сохраняющегося в течение какого-то времени наследства социализма и обретающей все большую популярность новой, капиталистической и демократической культуры.

В-третьих, степень культурной дезорганизации и дезориентации зависит от предшествующей перелому изоляции или, напротив, *открытости по отношению к альтернативной культуре*, в данном случае культуре развитых западных стран. С одной стороны, здесь речь идет о доступности «демонстрационного эффекта», в силу которого образцы западной культуры попадают в поле зрения людей, становятся им известны как посредством печати, радио, фильмов, телевидения, книг, так и в виде непосредственных впечатлений от поездок, туристических экскурсий и путешествий, от посещения родных и знакомых, живущих в заморских странах, и т.п. С другой стороны, речь идет об «эффекте тяготения», то есть о преобладающей (и преобладавшей уже в прежние времена) ориентации, в примере с Польшей - традиционно прозападной. Относительная открытость польского общества на Запад, и в контексте «демонстрационного эффекта», и в контексте «эффекта тяготения» одновременно, в какой-то мере подготовила нас к вторжению западной культуры и уменьшила по сравнению с другими странами данного региона аномию, наступившую в связи с переломной ситуацией 1989 г.

В-четвертых, деструктивное воздействие переломных моментов на состояние культуры может быть в известном отношении «амортизировано» при наличии в обществе определенной среды - своеобразных *социальных анклавов*, связанных с культурой, которая для данной страны является культурой буду-

щего (проникнет сюда и станет здесь господствующей позднее). Здесь речь идет о подверженных «предвосхищающей социализации» группах, для которых западное общество было объектом нормативного отношения задолго до перелома политической ситуации в Восточной Европе. В Польше существовали группы творческой интеллигенции, имеющие космополитическую ориентацию, определенная прослойка предпринимателей, проявивших «частную инициативу», имевших капиталистическую ориентацию, а также оппозиция, в которой сохранялись нормы демократической этики. Объективно эти силы были союзниками, которые общими усилиями создавали своеобразную культуру «пятой колонны», рыночную и демократическую культуру, возникшую еще в рамках господствующей «культуры блока». После распада социалистического строя эти силы составили естественный авангард в восприятии, трансляции и пропаганде новых образцов культуры.

Культурная дезорганизация и дезориентация представляют собой непосредственный результат травматогенных изменений в сфере культуры. Эти изменения являются источником данной дезорганизации и дезориентации. Но эти же изменения могут иметь и иные последствия. Особенно сильный толчок к изменениям дают, как правило, стихийные бедствия, а также целенаправленные реформы в области социальных структур, экономических институтов, политического устройства, организации товариществ, ассоциаций, форм самоуправления и т.п. Эти изменения, в свою очередь, могут стать генератором каких-либо побочных, никак не входивших в их планы, намерения и прогнозы явлений, которые усилят неблагоприятные моменты в повседневной жизни и на фоне уже возникшей культурной дезорганизации и дезориентации, накладываясь на этот фон, могут выявить, актуализировать или усилить травматическую напряженность, превратив ее в серьезную и действенную культурную травму.

Рассмотрим этот процесс на примере посткоммунистической трансформации. Процесс институциональных реформ, создание инфраструктуры рыночных отношений и демократии, приспособление законодательной системы к новым условиям принесли в виде своих побочных последствий некоторые явления, существенные для значительных сегментов общества. Эти явления можно разделить на четыре группы: во-первых, появление новых форм риска и угрозы; во-вторых, ухудшение условий жизни; в-третьих, необходимость заново и по-новому решать проблемы, уже существовавшие прежде; в-четвертых, актуализация в памяти избранных событий прошлого и ревизия их значения. К первой группе относятся рост безработицы и страха потерять работу, снижение социального обеспечения и ослабление функций государства, связанных с заботой о гражданах, опекой над ними; взрывной рост преступности, отчасти в новых формах организованной преступности, расширение контактов с группами, которые являются «чужими» - чуждыми в этническом и культурном отношении, то есть с иммигрантами, беженцами, сезонными рабочими. Ко второй группе можно отнести снижение уровня жизни значительных групп населения (например, работников предприятий крупной промышленности, крестьянства), а также появление анклавов настоящей нищеты; относительная престижная деградация, заметная в определенной среде

(например, ученых, учителей, творческой интеллигенции), нарастающая и долго сохраняющаяся инфляция, недостаточная эффективность в работе организаций публичного характера - администрации, полиции, судопроизводства, здравоохранения - и осложнения доступа к ним рядовых граждан. К третьей группе надо отнести появление острого ощущения и сознания экологической небезопасности, ухудшение состояния здоровья общества, вызванное многолетним пренебрежением к этим вопросам. Наконец, к четвертой группе относится область своеобразных «счетов», которые людям приходится сводить с коммунистическим прошлым: это проблемы люстрации, декоммунизации, ответственности людей за сотрудничество с прежним режимом, за работу в спецслужбах, проблема обоснованности введения военного положения в Польше, правомочности и правильности решений «круглого стола», роли полковника Куклинского и т.п.

Факторы-посредники

Кульминация такого рода травматических ситуаций или состояний на фоне общей культурной дезорганизации и дезориентации может привести к появлению *симптомов травмы*. Может, но необязательно. Это зависит еще от двух групп факторов, исполняющих посредническую роль: от доступных *схем интерпретации* (определения ситуации, рамок отношения, стереотипов) и тех внутренних *запасов*, которыми обладает индивид, группа, среда, общество и которые могут оказывать свое воздействие, увеличивающее или уменьшающее болезненность травмы. В социальном мире любая объективная ситуация становится предметом человеческих чувств, переживаний, действий только тогда и настолько, когда и насколько ей придается определенный смысл. А этот смысл люди могут почерпнуть в определенном арсенале смыслов, который складывается из результатов их прежнего индивидуального, группового (объединяющего представителей одной среды) или социального опыта, как бы закодирован в этом опыте. Ни изменения, потенциально способные инициировать травму, ни последующие травматогенные и травматические состояния и ситуации, вызванные этими изменениями, сами по себе не имеют очевидного, а тем более однозначного смысла. Для одних переломный 1989 г. ознаменовался победой, успехом, за который стоило заплатить любую цену; для других ценность перемен представлялась меньшей, чем то, что за них надо было заплатить. Одни люди с оптимизмом оценивают шансы преодоления нынешних трудностей, другие погружаются в отчаяние и безнадежность. Одни вспоминают героические моменты в истории своего общества и пропагандируют идеологию надежды, другие помнят только о прежних неудачах и распространяют «синдром поражения». Одни сравнивают нынешнее положение своей группы с прежним и утверждают, что наступило ухудшение; другие обращают внимание на шансы индивидуального и группового продвижения, открывшиеся в новых условиях. Все зависит от перспективы рассмотрения: если сегодня нас так тревожит безработица, то отчасти потому, что раньше этого не было; если

чувствуем для себя угрозу со стороны иммигрантов или беженцев, выходцев из других стран, то также потому, что раньше границы для них были закрыты; если мы жалуемся на бездействие или пассивность государственных органов в сфере социального обеспечения, то потому, что раньше в этой сфере определенные социальные привилегии были очевидны и имели довольно широкое распространение; если нас огорчают низкие заработки, то потому, что мы сравниваем их с заработками в Америке, а не в Индии. Только в свете таких различных интерпретаций, сравнений, определений, в релятивной системе объективные факты могут вызвать шок, симптомы травмы восприняты как невыносимые.

Интерпретация травматогенных изменений, состояний и ситуаций является предметом дискуссий. Люди о таких вещах говорят, спорят, при этом сталкиваются разные точки зрения. Дискуссии переходят в средства массовой информации, в публицистику, а порой даже в художественную литературу, в театр, в киноискусство. Вокруг волнующих общество травм могут образоваться и мобилизоваться социальные движения, созданы ассоциации; тематика травм с разных точек зрения может подниматься в выступлениях политических партий. Само собой разумеется, травмы становятся также предметом политических манипуляций, гипертрофируются или приглушаются, а иногда специально конструируются в определенных целях без малейшего к тому основания в реалиях социальной жизни.

Отдельные индивиды, группы ибо неодинаково подвержены травмам, ибо обладают различными *возможностями защиты, или «анестезирующими» средствами и запасами*. Индивидуальная или групповая способность адаптации к трудным ситуациям, возможность справиться с возникающими проблемами и угрозами, видимо, прежде всего зависят от того, каким *финансовым, социальным и культурным капиталом* обладают эти люди или группы. Деньги, контакты, знакомства, связи, а также образование и навыки - это запасы универсального типа; их всегда можно обменять на иные блага разного рода. Обладание такими запасами повышает сопротивляемость по отношению к травматогенным и травматическим ситуациям, дает шансы приспособиться к ним и даже использовать их в собственных интересах. Если у кого-то много денег, ему не приходится бояться того, что он потеряет или не найдет работу, может пользоваться различными формами обеспечения своей безопасности от преступников, он может купить себе любые услуги, которые государство отказывается предоставлять своим гражданам, может с помощью выгодных инвестиций предохранить себя от инфляции. Если кто-нибудь располагает многочисленными знакомствами и связями, ему проще узнать о выгодных ситуациях, которые могут подвернуться, заключить приносящие прибыль сделки, получить помощь, если таковая ему потребуется. Если у кого-нибудь есть образование и навыки, он может использовать их в своей профессиональной деятельности, а когда они находятся на достаточно высоком общем уровне, ему легче переквалифицироваться в соответствии с изменениями на рынке труда.

Симптомы травмы

Итак, мы доходим до появления симптомов травмы¹¹, которые наступают после выполнения указанных выше условий, формирующих общий баланс факторов, способствующих и препятствующих актуализации травмы. К таким симптомам относятся: во-первых, *синдром отсутствия (или недостатка) доверия*¹² как к социальным институтам, так и к другим гражданам. Определить этот синдром можно по поведенческим признакам (например, по стратегии сбережения или инвестирования средств) и по вербальным (например, по высказываемым мнениям о политиках и политике), а также по появлению функциональных субинститутов доверия, таких, как коррупция или чрезмерное увеличение формализации в бизнесе. Другой симптом - это пассивность, *апатия*, ощущение своего бессилия (показателем здесь может служить отказ от участия в выборах или отсутствие интереса к общественным делам). В-третьих, симптомом травмы является ориентация на сегодняшний день и сокращение временной перспективы по отношению к прошлому. С этим нередко бывает связан четвертый синдром - *ностальгия* о прошлом, идеализация действий своей группы, особенно в качестве противопоставления нынешней кризисной ситуации. Пятый симптом - это рассеянное, неопределенное *состояние беспокойства*, комплекс опасений, страхов, тревожное настроение, которое часто сопровождается склонностью верить сплетням и слухам, фантазиям, сочинениям, мифам¹³. Разновидностью такой ситуации является шестой симптом: появление *«моральной паники»* - горячих массовых дискуссий, споров, а также мобилизация социальных движений в качестве реакции, как правило, чрезмерной, неадекватной по отношению к вызвавшему ее единичному или исключительному событию¹⁴.

Дополнительную роль в расширении и углублении или, напротив, в смягчении симптомов травмы играют два *параметрических процесса*, которые протекают параллельно со всем тем, что было выше описано. Один процесс - это изменения в более широком региональном или глобальном *окружении* данного общества. Здесь речь может идти о таких экономических явлениях, как, например, бум или, напротив, спад в мировой экономике, как политика стран - производителей нефти, как итоги торгов на зарубежных биржах, направления и объем оказываемой извне экономической помощи, решения по вопросам выплаты государственного долга, технологические новации, увеличивающие или уменьшающие привлекательность и значение тех природных богатств и ископаемых, которыми обладает данная страна, и т.п. Здесь также может идти речь о политических тенденциях, формирующихся за рубежом, благожелательных, дружеских или враждебных к данному государству, о военных трагедиях или стихийных бедствиях, приводящих к наплыву беженцев и перемещенных лиц, о расширении влияния международных преступных мафиозных кланов и т.п.

¹¹ *Miszalska A.* Reakcje społeczne na przemiany ustrojowe. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1996.

¹² *Sztompka P.* Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

¹³ *Wilkinson I.* Anxiety in a Risk Society. London: Routledge, 2001.

¹⁴ *Thompson K.* Moral Panics. London: Routledge, 1998.

Другой параметрический процесс связан с демографической субстанцией общества - неизбежные *поколенческие изменения* в так называемой «эстафете поколений». Здесь важнейший шанс преодоления наследия прошлой культуры и дуализма, культурной дезорганизации и дезинтеграции. По мере того как из жизни уходит поколение, сформированное «культурой блока», снижается и исчезает доктринальное и адаптационное влияние образцов и правил «реального социализма», ведущая роль переходит к поколению, рожденному и воспитанному в условиях новой системы, то есть в условиях капиталистической действительности и демократии. Культура обретает свою цельность и органичность.

Способы справиться с травмой

Люди по-разному реагируют на культурную травму, вырабатывают различные стратегии, помогающие им справиться с этой ситуацией. *Индивидуальные стратегии* заключаются в том, чтобы как можно лучше адаптироваться к условиям: успешно избежать опасностей, изолировать себя от них или обеспечить свою нечувствительность к их воздействию, найти для себя особую нишу, в которой можно укрыться и пережить невзгоды, предпринять действия, предотвращающие угрозу и ее реализацию. Например, возведение стен, обеспечение квартир дверными замками и домов сигнальной системой, наем специальной охранной службы являются действиями, предохраняющими людей от преступных группировок. *Массовые стратегии* выражаются в спонтанном выражении недовольства или несогласия одновременно многими людьми, которые действуют, однако, как бы параллельно друг другу, рядом друг с другом, еще без развитого взаимодействия и взаимных коммуникаций. Например, люди выходят на улицы, устраивают беспорядки, совершают акты коллективного вандализма, поджигают автомобили, грабят магазины и т.п. *Групповые стратегии* заключаются в том, что люди предпринимает совместные, организованные и целенаправленные действия, планируемые и руководимые лидерами. Примерами могут быть забастовка, голодовка, марш протеста, блокада автомагистралей или железных дорог, сбор подписей под петицией, благотворительные акции и т.п.

Типологию стратегий на основе содержания предпринимаемых действий можно построить по аналогии с классической работой Роберта Мертон, посвященной адаптационным реакциям на аномию¹⁵, а также по аналогии с анализом общественных реакций на риск, проведенным Энтони Гидденсом¹⁶. Оба автора различают активные и пассивные реакции. К активным относится инновация, то есть более совершенная адаптация, улучшение собственного индивидуального или группового положения в травматических условиях или при угрозах (Мертон). Гидденс называет это *циничным гедонизмом*, или стремлением испытать до дна все радости сегодняшнего дня, прежде чем наступит зав-

¹⁵ *Merton R.K.* Social Structure and Anomie // R.K. Merton on Social Structure and Science / Ed. by P. Sztompka. Chicago: The University of Chicago Press, 1996. P. 132-152 (статья 1938 года).

¹⁶ *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.

трашняя катастрофа. Другая, более сильная разновидность такой активной реакции - это бунт, мятеж (по Мертону) или *активная контестация* (у Гидденса), направленная на принципиальное изменение условий и устранение источника травмы. К пассивным стратегиям относятся ритуализм (Мертон), или *прагматическое принятие* (Гидденс), то есть продолжение прежнего, традиционного образа жизни и игнорирование травматических угроз. Другой вариант - это уход, самоустранение в двух формах: *пассивного отказа*, связанного с погружением в травму или, напротив, пассивного упования на счастье и судьбу, оптимистического ожидания «как-нибудь все устроится, обойдется».

Наиболее конкретная из всех предпринятых до сих пор реконструкция травматических фаз позволяет выделить типичные цели, на которые могут быть направлены активные и пассивные стратегии. Итак, во-первых, могут быть предприняты попытки интерпретировать и реинтерпретировать ситуацию, целью которых является изменение восприятия изменений, вызвавших травму, а также травматических состояний и травматогенных ситуаций. Целью стратегии в данном случае являются интерпретации и определения травмы, которые становятся частью коллективного сознания, а методом - интенсивный дискурс, усиление общественных дискуссий или групповой активности, направленных на изменение прежней точки зрения, прежней перспективы. Мы можем наблюдать разного рода усилия, направленные на объяснение травмы, на то, чтобы представить ее неизбежной на переходном этапе платой за важные и выгодные реформы, ценой, которую стоит за них заплатить. Иногда при этом указывают на слишком короткое время, отделяющее нас от переломных событий конца 1980-х годов, на масштаб разного рода утрат, упущений, которые надо наверстать и исправить, на недостаток доступных средств; наряду с этим всячески идеализируются будущие преимущества и выгоды реформ. Противоположное направление аргументации и обоснований - это объяснение существующих трудностей наличием некоего тайного заговора, это поиск «козлов отпущения», инсинуации в адрес отдельных лиц или групп, которые объявляются ответственными за трудности и неудачи. Еще одно возможное направление - это попытки найти тех, кто искупит вину, надежды на компенсацию и реституцию: стремления «рассчитаться» с коммунистическим прошлым, реабилитировать пострадавших, вернуть экспроприированное имущество, включая имения, дома и т.п. Противоположно этому стремление забыть все, что было, ориентироваться только на будущее, на то, чтобы вычеркнуть из памяти коммунистическое прошлое и ничего о нем не знать, а также отрицание чьей-либо личной, персональной ответственности за все, что происходило в тех условиях.

Другой целью стратегий, направленных на поиск выхода из травматических ситуаций, стратегий, также ориентированных на коллективное сознание, является преодоление самого состояния культурной дезорганизации и дезориентации. Активные усилия предпринимаются для укрепления *новых ценностей*, норм и образцов, которые содержит в себе современная капиталистическая и рыночная культура, а также для поддержания образцов и стандартов традиционной национальной и католической культуры при одновременном высмеивании, компрометации, критическом анализе наследия «культуры бло-

ка» (*homo sovieticus*). Одним из путей в этом направлении становится последовательная консолидация институтов рыночной экономики и демократии, которые создают тот контекст, в каком обязательными становятся новые образцы мышления и действия. Руководство правилами рыночной экономики и демократии просто начинает оплачиваться, приносит выгоду, в то время как попытка руководствоваться старыми образцами, не адекватными современной ситуации, все чаще приносит утраты и вызывает негативные санкции. Иным путем идут те, кто делает ставку на образование, информацию, пропаганду, призванную убедить в преимуществах новых образцов и ценностей и вскрыть дисфункциональность прежних навыков и методов. Здесь активную роль играют пресса, телевидение, кино, литература.

Третьей целью стратегий, направленных на поиск выхода, являются сами *травматические состояния и ситуации*, вызванные переменами, в данном случае произошедшими в 1989 г. Здесь речь идет о смягчении или полном устранении объективных негативных явлений патологического, кризисного характера. В этом направлении предусматривается и реально существует огромное многообразие действий, предпринимаемых как сверху, имеющих политический характер (реализация политических доктрин и программ), так и снизу по инициативе граждан, организаций самоуправления и т.п., действий спонтанных, направленных, в частности, против растущей преступности, безработицы, инфляции, обнищания, ухудшения здоровья общества, недееспособности администрации и судов, против коррупции и иных конкретных бед и болезней посткоммунистического периода.

Четвертой целью стратегий, направленных на поиск выхода, является *активное содействие параметрическим процессам*, способствующим преодолению травм. С одной стороны, здесь речь идет о стимулировании и использовании благоприятной международной и даже глобальной ситуации, включая присоединение к более крупным оборонительным структурам (НАТО), политическим (Европейский Союз), экономическим и финансовым институтам (мировые рынки). Это позволяет успешнее справиться с внутренними травматогенными ситуациями, стимулирует ускорение реформ в области законодательства и в институциональной сфере, увеличивает средства, необходимые для решения жгучих проблем. С другой стороны, это приносит ощущение уверенности в постоянстве и необратимости реформ и прозападной ориентации, усиливает чувство гарантированной стабильности и безопасности, что самым непосредственным образом смягчает состояние культурной дезорганизации и дезориентации, устраняет связанные с ними настроения и ощущения непрочности, временности достижений и серьезности угроз. К параметрическим процессам, способствующим преодолению травмы, относится также смена поколений, приход на смену поколению, глубоко травмированному культурным тренингом «реального социализма», людей, чья социализация уже в полной мере совершалась в условиях рыночной экономики и демократии, связанная с этой сменой пропаганда новых культурных образцов и ценностей. Хотя на первый взгляд сфера демографии не поддается непосредственному вторжению, однако и тут можно указать на определенные вспомогательные стратегии, направленные на ускорение потока изменений, связанных с приходом на

историческую арену нового поколения. В сферу таких стратегий входит, например, активная молодежная политика, открытие перед молодыми людьми шансов на получение образования и овладение профессией, увеличение числа рабочих мест для молодых людей, агитация за более ранний уход на пенсию и т.п.

Все четыре упомянутые нами направления стратегических поисков выхода касаются сферы культуры, социальных структур и институтов. Последнее, пятое направление определяет в качестве своей цели *обогащение субъектов* - индивидов и групп, расширение запасов или различных форм капитала, которые могут обеспечить лучшую оборону или более успешное наступление против различных воздействий и проявлений травмы. В сфере развития *экономического и финансового капитала* наблюдается настоящий взрыв инициативы, предпринимательства, эволюция в сторону все более крупных инвестиций и все более масштабных предприятий, что ведет к образованию среднего класса, все более значительного в его численности и силе¹⁷. Эта группа становится своего рода пропагандистом новой, рыночной и капиталистической, культуры. В сфере *социального капитала* быстрое развитие богатейшей сети добровольных обществ, клубов, фондов, социальных движений и неправительственных организаций восполняет типичную для реального социализма «социологическую пустоту»¹⁸. Это позволяет предпринимать успешные коллективные действия, направленные на преодоление травматических условий и последствий, а также усиливает ощущение групповой идентичности, интеграции, «силы прорыва» со стороны отдельных граждан. *Культурный капитал* растет в результате беспрецедентного образовательного бума, который в течение десяти лет привел к увеличению в два раза числа студентов в высших учебных заведениях Польши. Наконец, и капитал здоровья, физической дееспособности общества увеличивается, в частности, благодаря некоторым кампаниям, например направленным против курения, против употребления алкоголя, а также благодаря моде на новые формы физической культуры и развитию массовых видов спорта.

В результате всех этих процессов, обогащающих запасы и капиталы общества, само общество становится более способным противостоять, противодействовать травме.

Преодоление травмы

Если охарактеризованные выше стратегии, направленные на то, чтобы справиться с травмой, окажутся достаточно успешными, дело может дойти до выхода общества из состояния травмы. В чем может заключаться этот «*конец травмы*»? На общественном уровне это означает формирование цельной и органичной системы ценностей: норм, правил, символов, убеждений, то есть *новой*

¹⁷ Mokrzycki E. A New Middle Class? // C. Bryant, E. Mokrzycki (Red.). Democracy, Civil Society and Pluralism. Warszawa: IfiS PAN, 1995. S. 219-238.

¹⁸ Nowak S. System wartości społeczeństwa polskiego // Studia Socjologiczne, 1979. №4.

культуры, в которой будет закодирована новая традиция, предназначенная для передачи последующим поколениям. Это означает *новую групповую идентичность*. На индивидуальном уровне это означает распространение новых культурных компетенций, связанных со знанием и применением правил и образцов новой культуры, которые становятся «импульсами сердца» (как их определял Токвиль). Это связано с более четкой возрожденной индивидуальной идентичностью, с ощущением своего места в новой социальной системе. Если травматический процесс начинался с того, что разбилась прежняя культура, то заканчивается он консолидацией культуры. Весь ход травматического процесса можно представить себе в виде следующей схемы (рис. 9).

Рис. 9. Травматический процесс

Рассмотренный нами травматический процесс представляет собой лишь один аспект или одну фазу социальных изменений. Тем не менее он может иметь весьма существенное значение и для гораздо более масштабных («долгосрочных») социальных процессов. Функция культурной травмы может быть двойкой - конструктивной и деструктивной. Первый конструктивный сценарий заключается в том, что травма становится важным звеном в формировании, в «*морфогенезе культуры*»¹⁹. И получается так, что социальные изменения, разбивая целостность прежней культуры и генерируя травматические со-

¹⁹ Archer M. Culture and Agency. Cambridge: Cambridge University Press, 1988; Sztompka P. Society in Action: The Theory of Social Becoming. Cambridge: Polity Press, 1991.

стояния или ситуации, порождают культурную травму, которая мобилизует общественность к применению разнообразных стратегий, связанных с поиском выхода. Если эти стратегии оказываются эффективными, их результатом становится преодоление травмы и консолидация новой культуры. Травма здесь выступает в роли динамичного, стимулирующего фактора, генерирующего творческую активность, высвобождающего общественную субъектность - способность общества к творческому самопреобразованию. Наверно, хорошим примером такой творческой активности могло бы быть соответствующее прочтение и осмысление истории Соединенных Штатов, особенно в свете непрерывного давления все новых вызовов.

Однако общественная мобилизация может оказаться недостаточной, а применяемые стратегии - не вполне успешными. Тогда травма углубляется, увеличивается *культурная некомпетентность*, наступают паралич общественной активности, апатия, пессимизм, разочарование, а в итоге утрачивается индивидуальная и коллективная идентичность. При длительном существовании это может привести к разрушению культуры и распаду общества. Вероятно, на основе этого сценария следовало бы рассмотреть завершающую фазу истории великих империй, как древних, так и современных.

От чего зависит, по какому из двух возможных направлений пойдет развитие - по конструктивному или деструктивному сценарию, по пути консолидации или разрушения культуры? Можно выдвинуть гипотезу, что существует некая, трудно определяемая *пороговая ценность травмы*, травма, граница, до которой общество еще в состоянии противостоять травме, а за этим порогом оказывается уже бессильным перед ней. Размышления на эту тему позволяют назвать несколько гипотетических факторов, особенно важных для определения этой границы. Во-первых, здесь имеет значение характер изменений, инициировавших травматогенную ситуацию. Может быть, существует некий масштаб, размер изменений, определяющий их исключительную *глубину и обширность*, которые разбивают вдребезги традиционную культуру и парализуют возможное противодействие. Однако более важным моментом нам представляется *внезапность* или *постепенность* изменений, а также то, насколько неожиданными были они для общества или по крайней мере частично ожидаемыми и предвиденными. Другой фактор - это *степень диссонанса новой культуры*, которую несут с собой изменения, и культуры прежней. Здесь речь идет о том, существуют ли какие-нибудь предпосылки или элементы новой культуры в ныне существующей, традиционной культуре или такие предпосылки и элементы абсолютно отсутствуют, а также о том, затрагивают ли изменения само ядро традиционной культуры, ее главные ценности или касаются только второстепенных правил и образцов. Третий фактор - это размер групп, переживающих травму. Здесь важно то, имеет травма *универсальный* или *выборочный* характер, касается ли она всех или только некоторых членов общества, а если некоторых, то каких именно групп: занимающих в обществе центральное место, его элит, групп, формирующих общественное мнение, или более маргинальных и периферийных. Четвертый фактор - это число и действенность негативных ситуаций, травматических моментов, непосредственно вызванных изменениями, инициировавшими данную травму. Пятый фак-

тор - это шансы *индивидуальной адаптации*, степень общественной открытости и мобильности, доступные каналы продвижения, возможности профессиональной переориентации и т.п. Шестой фактор - это общественные *средства*, которые можно использовать для охраны, обороны, для того, чтобы справиться с травмой: материальное благосостояние общества, его образовательный уровень, чувство общественной солидарности, организованность, интеллектуальный и моральный уровень элит, наличие харизматических лидеров, героические традиции, связанные с преодолением трудностей в прошлом, живущие в народной памяти. Седьмой фактор - это *благоприятная геополитическая ситуация*, выгодный круг союзников, благоприятные экономические и политические тенденции в региональном и глобальном масштабе.

Важнейшие понятия и термины

Амбивалентность изменений - одновременный вызов социальными изменениями позитивных и негативных результатов.

Аномия успеха - состояние, когда внезапное обогащение приводит к изменениям обычных способов поведения, в системе ожиданий и претензий, в характере потребительских образцов и т.п.

Групповые травмы - травмы, которые затрагивают все общество, которые в силу этого становятся предметом общественных дискуссий, которые могут привести к групповым действиям или мобилизации социальных движений.

Дискурс кризиса - акцентирование негативных результатов изменений, главным образом непреднамеренных, неожиданных, в различных областях общественной жизни.

Дискурс травмы - обращение внимания на дестабилизацию, дезорганизацию и дезориентацию, которые являются последствиями социальных изменений, наступающих независимо от их сущности, то есть и в том случае, если изменения носят более-менее прогрессивный характер.

Дискурс успеха - апофеоз общественных изменений, выступающий как однозначно прогрессивное явление, которое всегда приносит улучшение, совершенствование общественной жизни.

Индивидуальные стратегии - попытка справиться с травмой индивидуальными средствами или приспособление человека к травматической ситуации.

Катастрофические представления о будущем - крайне пессимистические сценарии общественного развития, основанные чаще всего на прямой экстраполяции нынешних негативных тенденций.

Коллективные стратегии - совместные, координированные и организованные реакции группы на травматические ситуации.

Культурная травма - стресс, вызванный социальными изменениями, которые касаются сферы культуры, а в итоге также коллективной и индивидуальной идентичности.

Массовые стратегии - спонтанные реакции группы на травматические ситуации.

Моральная паника - горячие массовые дискуссии, ссоры, а также взрывы в коллективном поведении, иногда даже в действиях организованных социальных движений как реакция на события, будоражащие общественное мнение, обычно единичные и исключительные.

Морфогенез культуры - формирование, артикуляция, кристаллизация и распространение новых образцов, правил, норм, ценностей, символов, идей.

Параметрические процессы - экономические, политические и демографические процессы, протекающие независимо от травматического процесса, однако оказывающие существенное влияние на направление развития и шансы преодоления травмы.

Травматический процесс - процесс появления, распространения и углубления в обществе травмы, а затем формирования и включения в действие стратегий, нацеленных на преодоление травмы.

Рекомендуемая литература

77 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 21

Время в обществе

Динамичное восприятие общественной жизни, понимание ее как непрерывная *человеческая активность*, постоянно происходящие *изменения* и продолжающиеся процессы, заставляет обратить серьезное внимание на само понятие времени. Время при таком подходе оказывается постоянным, непреложным аспектом общественного бытия, социальной действительности. В обыденном восприятии время выступает как некая неопределенная субстанция, в рамках которой простирается жизнь людей и происходят все процессы. Время является контекстом любой реальности, эманацией естественного порядка вещей. Философы рассматривали время не только как *присущую миру особенность*, но и как *способ мышления*, постижения этого мира, как присущий людям метод наблюдения и организации своего опыта или, как определял Иммануил Кант, «категорию познания». Социологи, а особенно представители французской классической социологической школы Эмиль Дюркгейм, Марсель Мосс, Анри Убер (Henri Hubert), Марсель Хальбвакс (Halbwachs), перевели исследование времени в еще другую плоскость. Они объявили время «социальным фактом», *эманацией социальной жизни*, явлением, формируемым благодаря коллективным человеческим формам бытия. Таким образом, время - это не только универсальная познавательная категория, но и общественный конструкт. Являясь конструктом общества, оно в то же время оказывает обратное воздействие на дела человека, на коллективные практики, придавая им определенную направленность. Во времени выражается *ритм социальной жизни*, но при этом сам этот ритм обозначается, предопределяется временем. В своих связях с различными культурами время обретает различные ипостаси. Оно реализуется культурно, а следовательно, и исторически. Различные общества, как говорили основоположники французской социологической школы, «живут в разных временах». Более того, это относится также к меньшим группам внутри одного общества - к семье, к сфере экономики, политики и т.д.; у каждой из них - свое чувство времени.

В таком понимании время – это не субстанция, а сеть взаимно отраженных отношений, формирующих особенные, временные (измеряемые тем или иным темпом) взаимозависимости между явлениями, событиями и действиями. Наиболее важными являются отношения трех типов: отношения последовательности («до и после»), последовательность уникальных, неповторяющихся, определенно направленных событий и циклы повторяющихся событий, которые возвращаются через определенный промежуток к своему исходному состоянию.

В соответствии со всем этим, следуя методологии Дюркгейма, мы проведем анализ социологического понятия времени, прежде всего в качестве контекста, в котором происходят все общественные явления, а затем в качестве особо важного, имеющего прямое определение компонента социальных изменений.

Время как мера социальной жизни

Все общественные явления вершатся во времени: происходят в какое-либо *мгновение* или *продолжаются* некоторый период. Ни одно общественное явление не может быть абсолютно изолированным, отделенным от всего вокруг. Любое явление каким-нибудь образом связано с другими. Одна из форм такой связи – это *последовательность* поочередно наступающих друг за другом явлений (изменений, соединенных причинно-следственной связью, называется процессом). Такие последовательности имеют место на всех уровнях социальной жизни. Например, в историческом макромасштабе после войны наступает капитуляция, потом заключается мирный договор, потом начинается восстановление всего разрушенного войной. После выборов президента следует его инаугурация, потом он приступает к исполнению своих функций, далее происходят различные события в период его президентства. Экономический кризис вызывает инфляцию и безработицу, это, в свою очередь, ведет к снижению уровня жизни, а за этим следуют массовые протесты в различных их формах, иногда дело доходит даже до революции. В масштабе биографии отдельного человека за ранним детством следует период, когда он идет в школу, потом – в университет, потом – на работу, потом – уходит на пенсию. Вступление в брак и создание семьи предшествуют рождению детей, их воспитанию, их выходу в большой мир. В микромасштабе повседневной жизни человек просыпается, встает с постели, занимается своим утренним туалетом, затем завтракает, затем едет на работу, там дожидается обеденного перерыва, потом, когда кончается рабочий день, возвращается домой, смотрит телевизор, ужинает, ложится спать. В любом из этих примеров, если мы выберем какое-либо отдельное явление, оно непременно окажется звеном в определенной последовательности, элементом какого-нибудь процесса, оно будет чем-то, что происходит *после* других, более ранних, предшествующих ему событий и *до* других событий, которые произойдут позднее. Следовательно, оно происходит в какой-то момент, имеет свое место на временной последовательности, то есть во временном ряду предшествующих и последующих событий.

Иначе говоря, оно имеет свою *локализацию во времени*, и время, в котором оно произошло, определяется относительно к другим событиям и явлениям как более раннее, более позднее или синхронное (то же самое).

Но присмотревшись ближе к любому общественному событию или явлению, мы заметим, что оно не только реализуется внутри какой-либо последовательности, занимает в ней свое место, но и само содержит какую-либо последовательность. Дело в том, что любое такое событие или явление, даже самое краткое, все равно продолжается какое-то время, совершается в определенный отрезок времени, и поэтому его можно разложить на поочередно наступающие друг за другом *стадии* или *фазы*. То, что прежде, в рамках широкой последовательности, мы трактовали в первом приближении как явление, например война, экономический кризис, школьные годы, завтрак, поездка на работу, теперь само представляется как *сложная последовательность событий*. Война, как мы знаем из средневековой истории, может продолжаться и тридцать, и сто лет. Кризис и спад производства может охватить целое десятилетие. Школьный период занимает все отрочество, часть детства и часть юности в жизни человека. Семейный завтрак продолжается не менее получаса. А дорога на работу может занять и несколько часов. Конечно, во всех этих примерах масштаб времени совершенно разный, его продолжительность различна, но нам важно подчеркнуть, что любое общественное явление требует какого-то *периода времени*, в течение которого оно продолжается, совершается.

И только от принятой нами точки зрения зависит, рассматриваем ли мы то или иное явление как нечто единичное, занимающее свое место в определенной последовательности, или как новую последовательность явлений, заключающихся в нем самом. То, что в одной перспективе представляет собой краткий и цельный эпизод, в другой – может выглядеть как продолжительный процесс. Перелет через Атлантику – это единичный факт для оператора авиакомпании, но это – многочасовой процесс для пассажиров. Битва – это всего лишь эпизод для военного стратега, но не для солдат, сидящих в окопах. Строительство завода – это единичная инвестиция в перспективе крупной корпорации, но чрезвычайно сложный процесс в масштабе действий исполнителей этой задачи.

Таким образом, не существует общественных явлений, которые оставались бы вне времени, и это относится к определению как того момента, в который они происходят, так и к определению их собственной продолжительности. *Последовательность* и *продолжительность* – таковы две важнейшие, фундаментальные особенности всех общественных явлений.

Третьей особенностью является то, что мы образно определяем как неумолимый «ход времени» (ощущение того, что время уходит, убегает, не может остановиться). Что бы мы сами ни делали (или перестали делать), изменения и процессы вокруг происходят непрерывно и неуклонно, нам остается только поспешать за ними или отставать от них. Наша пассивность или бездействие не спасут нас от «хода времени», ибо различные последовательности в окружающем нас мире и обществе происходят независимо от нас, и мы даже не можем себя от них изолировать. Точно так же мы не можем остановить ход биологических процессов и постоянно ощущаем на себе этот неумолимый

«ход времени». В общественном измерении, которое, собственно, и интересует социологию, мы можем не иметь прав на вождение автомобиля, не уметь обращаться с компьютером и не учить иностранных языков, но мы так и так окажемся в центре автомобильной цивилизации, в мире интернета, в ситуации глобализации. Мы можем игнорировать последствия индустриализации, не заниматься вопросами охраны окружающей среды, но нам так или иначе придется дышать отравленным воздухом. Как бы мы ни хотели остаться детьми, ничего не получится, и в определенное время нам придется выполнять обязанности взрослых.

Четвертая особенность - это *необратимость* таких временных этапов, или «стрела времени», всегда показывает движение только в одном направлении. Как говорит пословица, «Что случилось, то уж назад не вернется». Если что-либо произошло, этого уже нельзя исключить: нельзя вернуть ситуацию назад, когда ничего этого не было. Конечно, можно приложить усилия, чтобы минимизировать, ограничить последствия наших прежних действий, компенсировать понесенные утраты, выразить сожаление или раскаяние, но это уже будут другие, последующие действия, которые так же, как и предыдущее, будут необратимы. Если мы что-либо узнали, в чем-либо убедились, что-либо подумали, все это уже неизбежно останется в нашем аккумулированном опыте или в нашей памяти. Конечно, мы можем что-нибудь потом забыть, постараться вытравить из нашего сознания, можем потом строить разного рода обоснования или оправдания, но это уже будут другие, последующие процессы (внимательно изучаемые психологами, психоаналитиками) - процессы, которые никак не могут свести на нет, исключить того, что мы узнали ранее. Человек не может стать моложе, чем он есть, он будет становиться со временем только старше; человек не может снова стать ребенком, не может заново родиться, но у каждого из нас есть впереди будущее и каждого из нас ожидает смерть. Как уже в древние времена выразил эту мысль Гераклит: «Нельзя войти дважды в одну и ту же реку».

Из этого вытекает пятая особенность каждого социального процесса - различие между *прошлым, современностью и будущим*, между тем, что уже случилось, что происходит сейчас и что еще случится позднее. Различия между этими понятиями связаны с различным их восприятием членами общества, с различным типом детерминации и с различным уровнем влияния со стороны отдельных действующих людей. Итак, во-первых, характер восприятия. Для людей прошлое - это то, что хранится *в их памяти*, в устных рассказах или с того времени, как была изобретена письменность, в письменной истории и регистрации. Современность является объектом живого нынешнего *опыта*. Будущее остается предметом *воображения*, фантазий, намерений, планов. Во-вторых, тип детерминации. Прошлое раз и навсегда уже определено теми обстоятельствами, которые тогда имели место, и в этом отношении ничего не меняется от того, знаем ли мы эти обстоятельства и причины или они скрыты от нас, а также от того, как трактуют эти обстоятельства и причины историки. Современность является ареной одновременного действия разных факторов, выявления разных причин, последствия которых только формируются, «становятся». Будущее открыто в том смысле, что развитие может идти в разных на-

правлениях, по разным сценариям. В-третьих, это наше влияние. На прошлое мы никакого влияния оказать не можем; историю (если ее рассматривать как комплекс свершившихся событий) изменить нельзя, хотя, разумеется, мы можем сегодня писать разные «истории» в плане нашего выбора и выражения нашего отношения к событиям прошлого. Современность - это результат того, что мы именно сейчас делаем или не хотим делать, она создается из того, что мы все вместе и каждый из нас в отдельности предпринимаем и мыслим. На будущее мы имеем только потенциальное влияние, ибо то, какие из возможных сценариев действительно будут реализованы в будущем, зависит и от того, какие действия предпримем мы сами, и от того, какие действия предпримут другие люди, а это сегодня нам неизвестно.

Наконец, шестая особенность - это *непрерывность перехода* между этими тремя сферами времени - прошлым, настоящим и будущим. Распространенное в обыденном сознании представление о том, что «настоящее - это только место встречи прошлого и будущего», содержит важный вывод о непрерывности всех общественных состояний. Речь идет о том, что в каждый момент то, что является настоящим, становится уже прошлым, а то, что еще недавно было будущим, становится настоящим. Будущее неуловимо и неизбежно превращается в настоящее, а настоящее - в прошлое. Когда я разговариваю, то, что я в данный момент сказал, уже становится фактом прошлого, а то, что я скажу через мгновение, будет реализацией одного из возможных будущих ответов на то, что говорит, а точнее, уже только что сказал мой партнер. Так же, как и в тот момент, как я написал это предложение, оно стало, строго говоря, уже явлением прошлого, в то время как то, что я пишу сейчас, является реализацией одной из возможных, воображаемых мною формулировок, касающихся социальной роли времени.

Время как аспект социальных изменений

Хотя время является обязательной мерой социальной жизни во всех ее проявлениях, однако понятие времени более всего ассоциируется с *социальными изменениями*. Как мы помним из гл. 19, время - это основной, определяющий фактор социальных изменений. Социальные изменения мы характеризовали как различие между двумя состояниями общества (группы, общности, организации, глобального сообщества), выявляемое *во времени*. Иначе говоря, как отличие того, что было прежде, от того, что стало потом. Строго говоря, изменения в обществе происходят всегда; невозможно представить себе два относящихся к разным периодам времени состояния общества, которые оказались бы абсолютно идентичными, точно совпадали бы друг с другом. Любая стабильность - это вопрос лишь точки зрения на положение дел, она всегда зависит от принятой шкалы сравнений и от тех потребностей, в соответствии с которыми мы эту стабильность определяем. Но даже когда мы говорим о стабильности или стагнации, мы относим эти явления к какому-либо определенному времени. Мы имеем в виду неизменность (или во всяком случае кажущуюся, относительную, условную неизменность) определенных факторов на

каком-либо отрезке времени. Историк может назвать некоторые общества древности стабильными в том смысле, что основные условия жизни там оставались подобными на протяжении столетий, люди рождались и умирали практически в том же самом обществе, в то время как в новейшее время, в нынешнем обществе изменения цивилизационного технологического характера, изменения нравов и обычаев чрезвычайно ускорены, так что на протяжении одной человеческой жизни общественный мир может измениться радикально и даже не раз. Социальные антропологи говорят о традиционных, так называемых «холодных» обществах, в которых изменения происходят медленно, и о «горячих» обществах, подверженных внезапным и стремительным переменам. Это касается также различных сегментов внутри каждого общества, институтов, структур, организационных форм, групп различного состава и т.п. Законы меняются, как правило, быстрее, чем техника, нравы - медленнее, чем политика. Католическая церковь сохраняет большую прочность и стабильность, нежели экономические уклады. Общество, открытое для иммигрантов, например американское, быстрее меняет свой этнический и расовый состав, нежели общество изолированное, автохтонное, такое, например, как Исландия, где прочность популяции даже позволяет биологам проводить уникальные исследования генетического кода, не нарушаемого смешениями.

Количественное и качественное время

По отношению к общественным явлениям и событиям время выступает в двух ипостасях: как количественное и качественное, или, иначе, как «внешнее» и «внутреннее». *Количественное время* - это внешняя шкала измерения событий и процессов, приводящая в некоторый порядок и согласованность их хаотичное и спонтанное развитие. Оно способствует лучшей ориентации в социальной жизни и координации различных действий, предпринимаемых отдельными людьми. Это условное время, установленное на основе конвенции, измеряемое с помощью инструментов, специально для этого предназначенных: часов, календарей. Именно эти инструменты дают возможность датировать событие, отметить его каким-либо днем или часом, а также сравнивать продолжительность, быстроту, интервалы, ритм различных событий и процессов. Благодаря этому можно утверждать, какие события происходят одновременно, какие следуют друг за другом и в каком промежутке времени. Иначе говоря, становится возможной временная локализация явлений, а также их координация во времени.

В университете нельзя было бы читать лекции, если бы профессор и студенты не встречались в одно и то же предусмотренное время в данной аудитории. Путешествие по железной дороге было бы невозможно, если бы машинист в определенное время не пришел бы на работу и не привел бы поезд к вокзальному перрону как раз тогда, когда его там ждут пассажиры. Промышленное производство остановилось бы, если бы рабочие не заняли свои места одновременно у ленты конвейера. Чем более сложным является общество, тем

большее значение имеет упорядочение времени и согласование действий во времени. В современном обществе ни одна группа, ни одна организация не может существовать без *измерения времени*. Представьте себе воздушные линии без расписания движения самолетов, банки или магазины без указания, в какие часы они открыты, школы, в которых занятия не разделены на «уроки», то есть часы, или заводы и фабрики без установленного времени работы.

Во всех этих случаях мы говорим о внешнем времени, поскольку явления и события, какой бы они ни имели характер, умещаются в некие рамки, созданные наблюдателями, координаторами или участниками, в *конвенциональные рамки*, установленные на основе достигнутой договоренности, а не вытекающие из сущности самих явлений. История часов и календарей началась с поисков таких позиций, с которых можно было бы выявить одновременность определенных событий. Естественным образом такими «точками» становились астрономические явления, восход и заход Солнца, день и ночь, лунные фазы, морские приливы и отливы, циклы климатических изменений (времена года). Некие простейшие представления о том, что такое рассвет, утро, полдень, вторая половина дня, вечер, ночь, в качестве повторяющихся этапов каждого дня, должны были появиться у людей уже в самых древних и примитивных обществах. В Древней Греции день был разделен на двенадцать часов. А разделение часа на 60 минут и минуты на 60 секунд - это конвенция, достигнутая только в середине XIV в. Развитие земледелия сделало людей более внимательными и чуткими к вегетативным циклам развития растений, связанным с временами года. В обществах, занимавшихся рыболовством, был замечен ритм приливов и отливов, связанный с 29-дневным циклом Луны (с лунными фазами). Биологическая потребность в отдыхе после определенного периода трудового напряжения, работы дала начало самой идее недели, которая была восьмидневной в Древнем Риме, семидневной - в иудаистско-христианской традиции, десятидневной - в Китае, пятидневной и шестидневной в некоторых регионах Африки и Центральной Америки. На такие природные основы измерения времени накладывались общественные конвенции, которые обрели прочность и опору в длительных традициях и со временем стали столь же обязательными и очевидными, как природные циклы. Недельный период отвечал экономическим требованиям в проведении ярмарок, торгов, для которых был установлен определенный день недели. День отдыха соединился с религиозной потребностью в проведении молитв и участии в сакральных ритуалах: таким днем стало воскресенье в христианском мире, пятница - в мире ислама, суббота - в иудаизме. Христианская религия определила также деление так называемого литургического года, а в монастырях - ежедневный цикл молитв, столь красочно описанный в романе «Имя Розы» Умберто Эко.

Осталось только найти инструменты, которые трансформировали бы и сделали бы наглядными эти природные и общественные циклы, сделав измерение времени независимым от конкретных эмпирических наблюдений, заменив последние выделением мест на условной шкале, значение которых можно прочесть. Простейшее воспроизведение движения Солнца по небосводу давали солнечные часы, известные уже в Древнем Вавилоне и Египте тысячи

лет тому назад. Сравнительно малые равные отрезки времени оказалось возможным измерять с помощью пересыпания песка в клаксидре - это устройство появилось также в глубокой древности. Однако механические часы, приводимые в движение с помощью гири, появились в Европе только в середине XIV в., позднее - часы-маятник, а ручные швейцарские и американские часы поступили на рынок только в середине XIX в. и до сих пор остаются наиболее массовым, распространенным, востребованным и часто используемым техническим прибором. Британский социальный антрополог Джек Гуди (Jack Goody) считает, что часы и календарь составляют технический фундамент современной общественной формации и имеют даже большее значение, чем паровая машина или электрический двигатель.

Связи между временем, измеряемым часами, то есть количественным, или внешним, временем, и ритмом соответствующих событий и процессов оказались полностью разорванными. Глядя на часы, мы распознаем цифру на соответствующей шкале, и по этому показателю судим, сколько времени еще осталось до конца работы, совершенно независимо от того, насколько мы устали, какую часть работы выполнили и что нам еще осталось сделать. Мы смотрим на календарь и знаем, что наступила весна, даже если в силу каких-либо климатических аномалий в этот момент идет снег.

Зато чем-то совершенно иным является внутреннее, или качественное, время. Дело в том, что определенные явления, события и процессы могут иметь особенные, только им свойственные, имманентные признаки времени. Время в таком случае становится их онтологической чертой, а не только средством упорядочить их извне. Если прежде мы говорили о «событиях, происходящих во времени», то теперь мы будем говорить о «времени, заключенном в событиях».

Количественное время, измеряемое часами и календарями, не только относится к общественным явлениям, но и служит для измерения астрономических, физических явлений, химических реакций или биологических процессов. Зато качественное время оказывается неодинаковым в разных сферах жизни, действительности. Только когда мы анализируем временные, онтологические особенности общественных явлений, мы говорим об *социальном времени*. О каких же онтологических особенностях здесь идет речь?

Общественные процессы и события характеризуются следующими временными особенностями, в силу которых они отличаются друг от друга. Во-первых, это *продолжительность*: уже в силу своей природы она может быть более краткой и более длительной. Сравним, к примеру, уличные беспорядки и войны, государственный переворот и экономическую депрессию. Во-вторых, они различаются *темпом*: могут протекать быстрее или медленнее. Сравним технические инновации и процесс женской эмансипации, законодательные реформы и изменения в сфере нравов и обычаев. В-третьих, им свойственна различная *ритмичность*: они могут проходить в определенные регулярные интервалы или случайно и хаотично. Сравним упорядоченный цикл сельскохозяйственных работ и спонтанное художественное творчество, систематические флюктуации в течение дня дорожного движения с его известными «часами пик» и непредвиденные колебания конъюнктуры на бирже. В-четвертых, они

могут делиться на естественные *фазы*, или *этапы*, определенные природными или социальными обстоятельствами. Время работы и отдыха, как правило, скоординировано с фазами дня и ночи. Каникулы и отпуск большая часть людей проводит тогда, когда стоит самая хорошая погода: в наших климатических условиях это лето. Сельскохозяйственные работы имеют свои этапы сева, жатвы, сбора урожая и т.д. в зависимости от времени года: зимы, весны, лета, осени. В некоторых других областях фазы такого рода имеют характер, определенный социальными конструкциями и нормативными предписаниями: например, время повседневной, обычной «светской» активности людей и периоды праздников, религиозных торжеств, постов, адвента, рамадана, Рождества, Пасхи и т.п. В университетах существует время занятий (лекций, семинаров) и время экзаменационных сессий. В семейной жизни - «медовый месяц», периоды траура. В торговле - сезоны активных покупок и, как говорят торговцы, «мертвые сезоны». То же самое горячие и «мертвые» сезоны существуют в гостиничном деле. В спорте бывают периоды проведения футбольных матчей, хоккейных матчей, мотогонок, и все это в разное время. Существуют определенные циклы теннисных турниров на первенство мира, розыгрыша Лиги мастеров в футболе.

Время в общественном сознании и культуре

Как всеобщий и важнейший фактор социальной жизни время должно было найти свое отражение в сознании - мышлении, мотивациях, установках, которыми руководствуются люди. *Чувство времени* - это, несомненно, универсальное явление. Однако люди сильно отличаются друг от друга «чувством времени», способностью определять момент времени (например, не глядя на часы, сказать, который час), ощущением того, сколько времени прошло с момента того или иного события («это случилось три года тому назад»), оценкой того, сколько времени нужно им для выполнения той или иной задачи («закончу работу над этой книгой через месяц»), умением разделить определенный отрезок времени на интервалы (например, при планировании рабочего дня). Одни люди исключительно пунктуальны, другие неисправимо всегда опаздывают. Одни на все имеют время, другим не хватает времени. Эти индивидуальные различия изучает психология времени.

Для социолога более важными являются различия между обществами, вызванные различным *культурным отражением времени* в тех символах, ценностях, правилах, образцах и нормах, которые являются принятыми в данной группе, разделяются ее членами. Значительным вниманием к культурной относительности (релятивности) времени мы обязаны прежде всего Питириму Сорокину и Роберту Мертону, которые ввели даже особое понятие - «социокультурное время»¹. Результатом углубления различий и разнообразия культур является глубоко укоренившееся явление, которое можно назвать *куль-*

¹ Merton R.K., Sorokin P. Social Time: a Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. 1937. V. 42. P. 619-629.

турными «профилями времени», различимыми в разных обществах. Они отражаются во всем образе жизни различных обществ, общин, групп. Чтобы убедиться в их значительных различиях, достаточно сравнить современную американскую и современную мексиканскую культуры, Германию с Италией, Швецию с Нигерией. В исторической перспективе можно сравнить традиционное аграрное общество с современным обществом, отличающимся высокой индустриализацией и урбанизацией. Именно капитализм ввел такие требования, как максимально рациональное использование времени, экономия времени, пунктуальность, выражением чего является известное высказывание Бенджамина Франклина «Время - деньги».

Но различные «профили времени» касаются не только обществ. Существуют такие профессии, в которых точность во времени - главное: летчики, работающие в гражданской авиации, диспетчеры и контролеры авиалиний, железнодорожники, машинисты, менеджеры предприятий. Спортсмены-легкоатлеты, мастера бега, плавания, скачек тренируются годами, чтобы вырвать доли секунды на соревнованиях, установить новые рекорды. Есть, однако, профессии, где люди более свободно трактуют время, иначе к нему относятся: таковы артисты, земледельцы, моряки торгового флота, водители-дальнобойщики. Есть такие специальности, в которых особое значение имеет интенсивность труда и использование каждого мгновения для повышения эффективности и заработка. Таковы специальности юристов, врачей, журналистов. Но есть и такие профессии, представители которых работают в гораздо более медленном темпе, в свободном ритме: например, ученые, писатели, поэты. Наряду с различиями в профессиональной сфере наблюдается заметное различие профилей времени среди разных возрастных групп (пенсионеры отличаются от молодых людей, взрослые - от детей и т.д.), среди социальных сословий и классов, половых категорий - мужчин и женщин и т.д. Мы вполне отдаем себе отчет даже на уровне обыденных наблюдений, что время протекает по-разному в разных организациях: в больнице, в тюрьме, в офисе, в доме престарелых.

Попробуем уточнить, в чем заключается разница между культурно определяемыми профилями времени разных обществ. Во-первых, речь идет о самом осознании важности времени, ощущении его хода, его недостатка, его потери, об установке на то, чтобы беречь время, о требованиях пунктуальности, точности во времени и т.п. Все это мы старались показать на приведенных выше примерах. Но это еще не все. Во-вторых, культура как бы навязывает людям представление о времени, а именно о его цикличности или линейности. Антрополог и философ Мирче Элиаде считает, что концепция времени у примитивных народов была циклической, согласованной с естественным ритмом природы². Линейная концепция времени является продуктом иудаизма и христианства, которые ввели идею будущего искупления и спасения в качестве цели, к которой должен стремиться каждый человек в своей жизни и каждое общество в своем историческом развитии. Хотя в современном индустриальном и

урбанизированном обществе господствует линейная концепция времени, разумеется, в секуляризованном варианте, однако в нем сохранились и значительные анклавы циклического мышления. Ежедневные циклы труда и отдыха, напряжения и ослабления дорожного движения, в более крупном масштабе - разные периоды активности на работе, связанной с различными квартальными стадиями, ежегодный ритм религиозных праздников и ритуалов, расписание занятий в вузах и школах, спортивный календарь, спад и подъем конъюнктуры на финансовой бирже, а в еще более значительном масштабе - циклы парламентских и президентских выборов в демократических государствах - все это также усиливает сегодня циклическое ощущение и восприятие времени.

Третий аспект - это акцент на прошлом, настоящем или будущем. Здесь речь идет о «временных ориентациях» данного общества. Существуют общества, глубоко погруженные в свое прошлое, культивирующие традиции, отмечающие годовщины, придающие большое значение сооружению памятников, старающиеся охранить коллективную память, ностальгирующие по прежним временам. Это чаще всего происходят с такими обществами, которые пережили изменения, воспринимаемые ими как регресс по отношению к прежнему блеску и великолепию. Это также характерно для деклассированных и деградирующих групп, например бывшей аристократии. В таком случае мы говорим о *ретроспективной ориентации*. Но существуют и такие группы и общества, которые ориентированы в будущее, игнорируют традиции, пренебрежительно относятся к коллективной памяти, стараются отгородиться от прошлого. Таковы молодые, экспансивные общества, например американское или австралийское. Подобной ориентации придерживаются представители предпринимательских профессиональных групп. Наконец, это характерно для молодых поколений, для людей, только начинающих свой жизненный путь, исполненных энергии и оптимизма. Чаще всего ориентация на будущее связана со ставкой на успех, достижения, карьерный рост. В совершенно ином контексте эта ориентация может проявиться в характере религиозных сект, проповедующих приход Мессии и искупление, а также в радикальных политических движениях, стремящихся к осуществлению в жизни великопных утопий будущего. Во всех этих случаях мы говорим о *перспективной ориентации*. Наконец, существуют группы *презентативной ориентации* (ориентированные на современность, на настоящее). Они живут сегодняшним днем, не задумываясь ни над уроками прошлого, ни над призраками будущего. Такое может происходить в условиях нужды, угнетения, с людьми, озабоченными только тем, чтобы выжить, а также в противоположных ситуациях полного благополучия и богатства, когда люди стремятся максимально воспользоваться тем, что они имеют. Таким образом, эта ориентация на сегодняшний день может парадоксальным образом проявляться и в маргинальных социальных группах, среди безработных, бездомных и т.п., и в декадентских финансовых элитах, в поведении идолов массовой культуры и т.п.

В-четвертых, важное различие проявляется в *представлении о будущем*. Для одних групп будущее представляется чем-то, что наступит само собой, в силу фатальной неизбежности, независимо от того, что мы сделаем или не сделаем

² Eliade M. Aspects du mythe. Paris: Galimard, 1963; Eliade M. Cosmos and History: The Myth of Eternal Return. New York: Harper, 1959.

сегодня. Поэтому достаточно покориться судьбе и ожидать того, что будет. Такую установку мы встречаем, к примеру, в некоторых примитивных обществах, описанных антропологами, в Средние века, - среди крестьянских масс, в некоторых религиозных сектах. Другие группы принимают волюнтаристическую установку, вызов, трактуют будущее как проект, требующий исполнения, как предмет активного формирования. Ориентация такого типа характерна для социальных движений реформаторского и революционного характера, доминирует среди участников этих движений. Некоторые авторы, например Энтони Гидденс или Барбара Адам³, рассматривают эту установку, которую они называют «историчностью», как продукт современного общества, сумевшего в массовом масштабе внушить людям, что они не только сформированы историей, но и сами являются, во всяком случае могут быть, творцами этой истории. Демократические режимы укрепляют волюнтаристическую ориентацию, открывая перед всеми гражданами шансы оказать воздействие на ход истории и формирование будущего своего общества.

Пятое различие имеет более широкий характер, ибо оно не только относится к проблеме времени, но и отражается во временных профилях. Здесь речь идет о противоположных *системах ценностей*, ориентированных на изменения, инновации, творчество, оригинальность или, напротив, на постоянство, продолжение прежних традиций, неизменность. Эта общая прогрессивная или консервативная ориентация находит свое выражение и в отношении ко времени. Для людей прогрессивной ориентации время представляется ценным капиталом, которые следует максимально использовать и подвергнуть новаторским изменениям; для консерваторов время представляется угрозой установившемуся порядку вещей, в связи с чем времени надо как-то противодействовать, сбивая его темп, замедляя ход изменений.

Социокультурное управление временем

Социокультурное управление временем находит свое выражение не только в общих ориентациях, но и в огромном количестве отдельных культурных правил. Прежде всего, эти правила вводят существенные различия между такими понятиями, как время работы и время отдыха, будни и праздники, время учебы и каникулы, время обеда, время закупок, время сна и т.п. Эти правила сегрегации времени, его встраивание в те или иные локальные границы оказываются весьма различными в разных обществах. И так же, как другие культурные факты, они оказывают на членов общества сильное влияние, принуждающее их к определенному поведению. Если мы работаем в воскресные дни, мы можем встретиться с негативной реакцией общественности. У нас в Польше идут дискуссии, должны ли супермаркеты работать в воскресные дни и должна ли католическая семья в воскресные дни заниматься покупками. В Италии не принято ужинать раньше восьми часов вечера, только в это время открыва-

ются рестораны. Во Франции люди, как правило, берут отпуск в июле, города тогда пустеют, а автострады оказываются заблокированными, по пляжу трудно дойти до моря через толпы отдыхающих.

Для описания типичного для того или иного общества разделения времени, предназначенного на разные цели, социологи со времен исследований венгерского ученого Александра Шалая (Szalaia), положившего начало этому направлению, используют понятие *бюджета времени*. Различные бюджеты времени бывают не только у разных обществ, но и у отдельных социальных групп и категорий. По-разному складываются и выглядят, скажем, бюджет времени бизнесмена, государственного чиновника, безработного, ученого, пенсионера. Конечно, и отдельные люди имеют свой особенный, отличающийся от других бюджет времени. Но это уже область интересов не социолога, а скорее психолога.

Правила культуры, касающиеся времени, могут быть выражены еще более детально и конкретно - только по отношению к какому-нибудь одному аспекту времени. Роберт Мертон ввел для общественных отношений, социальных позиций, групп и организаций понятие *«социально ожидаемой длительности»*⁴. Здесь речь идет не просто о том, что они де-факто имеют разную продолжительность, но и о том, что они имеют *нормативно приписанную, свойственную* им в соответствии с правилами культуры *прочность*, и какие-либо отклонения от этой ожидаемой прочности вызывают негативные социальные санкции. Брак, к примеру, тем и отличается от какого-нибудь случившегося на летних каникулах приключения или романа, что является началом прочного, длительного, постоянного союза. Отец или мать - это такие социальные позиции, в которые как бы встроена обязанность до конца своей жизни иметь связь с детьми, в то время как, скажем, воспитатель в колонии выполняет свои обязанности только в течение того времени, пока эта колония существует и он там работает. Семья - это очень прочная группа. Круг школьных товарищей, как правило, распадается по окончании школы, и никто ничего иного от этой группы не ожидает. Церковь или армия - это организации, связь с которыми в общественном представлении и ожидании должна быть гораздо более длительной и прочной, чем, например, связь с фирмой или спортивной командой.

Ожидаемая прочность влияет также на *характер активности* и *степень идентификации* отдельных людей с социальными отношениями, социальными статусами, группами или организациями. Как правило, когда прочность велика, люди более ангажированы, они рассматривают свое участие в соответствующих группах или организациях более серьезно, они посвящают этому делу больше своих возможностей и средств. А когда прочность невелика, участие становится поверхностным, необязательным и по отношению к жизненным интересам данного человека играет второстепенную роль. Сравним действия матери в семье и пассажира в кругу случайных собеседников в купе поезда. Наделение человека обязанностями, которые он должен исполнять до конца своей жизни, как это случается, например, при введении духовного лица

³ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990; Adam B. Time and Social Theory. Cambridge: Polity Press, 1990.

⁴ Merton R.K. Socially Expected Durations // Conflict and Consensus / Ed. by W. W. Powell, R. Robbins. New York: Free Press, 1984. P. 262-283.

в священнический сан или при присуждении ученому профессорского звания, как раз и имеет своей целью вызвать у него максимальную степень ангажированности, готовности посвятить себя данному делу, отдаться ему целиком. Как свидетельствуют многие наблюдатели, в гарантиях прочности положения работника в японских фирмах заключается секрет и источник его сильной самоидентификации с фирмой, а как следствие этого - высокой производительности и качества работы.

Особый случай, связанный с влиянием ожиданий прочности на установки и действия людей, - это так называемая *каденция* (установление срока исполнения) в отношении некоторых государственных и административных должностей. Наблюдая деятельность президентов, премьеров, министров, парламентариев, нетрудно заметить, что их активность, готовность к инновациям, к принятию рискованных решений, их реформаторские намерения наиболее сильно проявляются в начальный период их установленной на определенный срок деятельности. Зато к концу этого периода складывается то, что американцы называют «*синдром хромой утки*» (может быть, точнее «утки с переломанным крылом», которая уже не пытается взлететь). В ожидании скорого конца назначенного срока службы у людей появляется пассивность, желание избежать риска, воздержаться от принятия ответственных решений. Противоположное действие оказывают ожидаемые сроки, установленные для выполнения каких-либо задач, например срок, когда автор, ученый или писатель должен закончить работу над книгой и передать рукопись в издательство (англичане называют это «крайним сроком» (deadline)), или назначенный срок театральной премьеры, к которой готовится артистическая труппа, или срок экзаменационной сессии для студентов. В таких случаях активность, интенсивность действий увеличивается, в бюджете времени происходит перераспределение резервов в пользу работы или учебы, развлечения отходят на второй план, и все это проявляется тем более явно, чем ближе установленный срок.

Не только прочность, но и другие аспекты времени подлежат социально-культурному регулированию. Темп работы, или количество определенных действий, совершаемых в единицу времени, бывает, к примеру, установлен в соответствии с условиями и правилами производства, а также с так называемыми *нормами производительности труда*, которые имеют неформальный характер, однако, как показывают исследования социологов, весьма эффективно используемых и распространенных в так называемых рабочих бригадах, где ленивых или нерасторопных работников ждет наказание. Правила дорожного движения устанавливают допустимую скорость на дорогах, чаще всего максимальную, но также и минимальную в тех случаях, когда дело касается движения на крупных автострадах. Нормы могут указывать на требуемый, желанный, правильный ритм определенных процессов, например устанавливать количество перерывов в рабочее время, продолжительность обеденного перерыва и т.п. Существуют правила, определяющие связанное с течением времени продвижение человека по службе, например назначение его на более высокую должность по так называемой «выслуге лет», а также обязательный для ухода на пенсию трудовой стаж.

Социальные функции времени

Как количественное, так и качественное время исполняет в обществе важные функции. Эти функции имеют универсальный, важный для каждого общества характер, однако их вес оказывается различным в историческом измерении, что вытекает прежде всего из постепенного усложнения обществ и общественной жизни.

О некоторых функциях времени мы уже говорили выше, приведем в систематический порядок.

Первое универсальное требование общественной жизни, которому отвечают общепризнанные системы измерения времени, - это *синхронизация* действий отдельных людей, групп или организаций. Многие действия, предпринимаемые в обществе, имеют, как мы помним, коллективный характер. Для того чтобы дело дошло до таких действий, значительное количество людей должно оказаться в одно и то же время в одном и том же месте. Чтобы состоялся митинг протеста, толпа людей должна прийти на площадь в определенное время. Чтобы команда могла принять участие в матче, все спортсмены должны в определенное, установленное время прийти в раздевалку. Чтобы открылась и состоялась сессия парламента, депутаты должны в одно и то же время оказаться вместе в зале заседаний. Чтобы вылетел самолет гражданской авиации, пилоты, стюардессы, пассажиры должны в определенное, одно и то же время собраться в аэропорту у соответствующего выхода на летное поле и войти в самолет. Даже в тех случаях, когда совместное пребывание в одном пространстве необязательно, люди должны действовать одновременно, чтобы дело дошло до какого-нибудь коллективного действия или группового поведения. Например, они должны в одно и то же время включить телевизор, чтобы стать зрителями демонстрируемого сериала. Все это возможно только благодаря тому, что у людей есть часы (инструменты измерения времени). Именно измерение времени позволяет обеспечить одновременность, синхронность их действий.

Несколько более сложным является другое функциональное требование - *координация*. Синхронизация действий - это минимальное требование. Однако для коллективной деятельности нужно, чтобы различные действия участников происходили не только одновременно, но и взаимно согласованно. Одним из методов такой координации является измерение времени. Рабочий у промышленного конвейера имеет определенное количество минут для выполнения своей работы, и благодаря этому следующий рабочий конвейера может выполнить свою работу. Доставка запасных частей производится в определенные отрезки времени, что обеспечивает непрерывность производственного процесса. Доставка продуктов в магазины производится в определенные дни недели, благодаря чему обеспечивается непрерывность торговли. Пилоты получают от диспетчерской службы выделенное им «окошко» для старта - те несколько минут, в течение которых они должны взлететь, что предохраняет их от столкновения на взлетной полосе с другими взлетающими или садящимися самолетами. Машинисты железнодорожного транспорта должны вести поезд в соответствии с расписанием их движения. Во всех этих случаях, чтобы не наступил хаос, необходимо количественное время, внешнее по отно-

шению к действиям людей и независимое от конкретного содержания и хода этих действий.

Третье, часто встречаемое требование - это *упорядочение действий*. Во-первых, многие социальные процессы происходят в соответствии с определенной логикой, согласно которой действия или частичные перемены - этапы или фазы процесса - имеют смысл лишь постольку, поскольку они совершаются в установленной очередности. Одни задачи должны быть выполнены раньше, другие - позже. Нельзя сначала покрыть капот машины лаком, а потом приступить к монтажу двигателя. Нельзя сначала возвести стены, а потом копать котлован под фундамент. Нельзя сначала сеять, а потом пахать. Артиллерийский обстрел окопов противника должен предшествовать атаке пехоты, а не наоборот. Во-вторых, определенные действия имеют смысл лишь тогда, когда их выполняют в определенный момент. Нужно ждать, пока этот момент еще не наступил, и нужно спешить, чтобы не упустить такой момент. Ребенок должен идти в школу только тогда, когда он достигнет определенного возраста (не позже и не раньше); сеять надо весной; открытки с рождественскими поздравлениями рассылать в декабре, ибо в феврале это будет уже слишком поздно. Часы и календарь для всех этих случаев необходимы.

Четвертая функция количественного времени - это *установление сроков* определенных действий. Бывает так, что какие-либо действия могут быть предприняты только тогда, когда для этого существуют и становятся доступными те или иные условия. А доступность такого рода бывает ограничена во времени. Сделать покупки можно только в те часы, когда открыты магазины. Взять или положить на свой счет деньги только в те часы, когда работают банки и соответствующие офисы. Пообедать в ресторане только тогда, когда ресторан открыт. В принципе, невозможно прочитать в воскресенье воскресный номер газеты, если эта газета не выходит в воскресные дни; пойти на симфонический концерт на рассвете, если концерт, как это обычно бывает, состоится вечером. Такие сроки являются определенными культурными конвенциями, и между ними в разных обществах существуют огромные различия. Неслучайно ознакомление с ними (овладение такими правилами и условностями) считается одним из первых императивов для туриста, и путеводители по разным странам информируют об этом на первых страницах.

Особый вид сроков представляют собой сроки, которые обеспечивают правомочность определенных поступков и действий (признание их состоявшимися или имеющими право существовать, считающимися действительными). Нокаут, нанесенный после того, как прозвучал гонг, означающий конец боксерского матча, не будет засчитан; вернуть товар в магазин будет невозможно, если просрочен предусмотренный и установленный для этого срок; опротестовать или обжаловать судебный приговор будет невозможно, если истечет срок, после которого приговор вступит в силу. Наконец, существуют такие сроки, несоблюдение которых влечет за собой наказание за так называемое «промедление». Такими являются, например, сроки, в которые надо уплатить налоги, оплатить счет за квартиру или газ.

Пятая функция, наиболее очевидная, - это *измерение продолжительности* определенных действий. Делом, чрезвычайно важным для организации повседневной жизни, является установление длительности рабочего дня, отпуска, продолжительности времени, которое ребенок проводит в школе, срока лишения свободы и пребывания в тюрьме. Краткая или длительная продолжительность действия может стать мерой успеха, определяющей награду, оплату, дальнейшее продвижение и т.п. Чем меньше затрачено времени, тем больше успех спортсмена в соревнованиях по бегу, в скачках, в гонках «Формулы-1»; тем больше также успех студента, которому на экзаменах предлагают различные тесты. Но, с другой стороны, чем больше лет человек работал, тем выше его «трудовой стаж» и доплата к пенсии; чем больше часов отдано работе, тем выше учет «сверх рабочего времени» и шансы на получение премии. Время, затраченное на действие, определяет также оплату определенных услуг: телефонных переговоров, аренды автомобиля, работы в интернете. Существует немало ситуаций, в которых измерение продолжительности действия имеет существенное значение.

Наконец, шестая функция - это качественное *распределение времени* (разделение времени на будничное и праздничное, выделение особых отрезков времени для торжеств - «красных дней календаря»). Для преодоления монотонности и рутины повседневной жизни очень важным является выделение определенных отрезков времени, предназначенных для действий особого рода, и даже придание им некоторых признаков необычности, торжественности, или, как говорил Эмиль Дюркгейм, используя это понятие не только в религиозном контексте сакрального характера (*sacrum*). Большинство работающих людей с нетерпением ждут, когда наступит время отпуска, время праздников. Рождество вызывает активизацию семейной жизни. Уик-энд во многих обществах стал временем отдыха и посещения магазинов. Воскресенье и дни церковных праздников посвящаются молитвам и религиозным ритуалам. Среда - день, когда в Европе происходят важнейшие матчи, и для футбольных болельщиков этот день стал главным днем недели. Карнавал - это время спонтанного коллективного гулянья-маскарада с танцами, играми, а выборная кампания - время возрастающей политической, пропагандистской, публицистической активности. Все эти качественно особенные, избранные отрезки времени характеризуются подъемом, интенсивностью, выразительностью специфики определенных действий, и устанавливаются такие отрезки тоже только с помощью измерения времени и его инструментов - часов и календарей.

Значение всех этих выше рассмотренных функций меняется исторически, параллельно социальному развитию. В примитивных и традиционных обществах время является побочным продуктом повседневного существования группы, отражением естественных природных и биологических ритмов: жизненного цикла отдельных людей, цикла вегетации растений, климатического цикла, связанного со сменой времен года, цикла морских приливов и отливов. Первыми культурными источниками времени являются повторяющиеся ритмы магических церемоний, будь то церемонии религиозного характера или племенные праздники, а позднее - первые торги, ярмарки и базары. Чувство времени зарождается в ходе реализации нормальных жизненных потребно-

стей общества. Социальным антропологам известны примеры обществ, вообще лишенных категории времени. Таково описанное британским антропологом Э. Эвансом-Причардом (Evans-Pritchard) племя нуэров в Судане⁵.

Ситуация радикально меняется в современном обществе, которое отличается своеобразной манерой *времени*, или, как говорил Роберт Макивер (McIver), «деспотизмом времени». Время становится главным регулятором, организатором, координатором коллективной жизни. Складывается, как называл это Эвиатар Зерубавель (Eviatar Zerubavel), господствующий «социальной порядок»⁶, накладывающийся на другие общественные отношения. Благодаря этому время обретает почти мистические свойства, характер самоценности, отрываясь от жизненной практики и опыта, становится «вещью в себе», ценится само по себе. Часы и календарь начинают управлять миром. Люди придают огромное значение датам, срокам, повсюду и всегда остро ощущают, что «время уходит», постоянно спешат. Высокоценимой добродетелью становится пунктуальность, а также способность действовать быстро и своевременно. Спальни оборудуются будильниками. В кухне специальный аппарат определяет время, когда сварятся яйца. В школе звонит звонок, обозначая начало перемен и уроков; висят расписания занятий. На предприятиях автоматы отмечают время прихода и ухода с работы сотрудников. На железнодорожных вокзалах и в аэропортах непрерывно объявляют о времени прибытия и отхода поездов, прилета и отлета самолетов; это высветляется также на специальных табло. Полицейские измеряют радаром скорость движения машин на дорогах. На стадионах и спортивных площадках судьи включают секундомеры. Часы сопровождают нас везде и всегда.

Время приобретает характер самостоятельного *капитала*, даже своего рода *товара*, который можно беречь, терять, тратить, инвестировать, использовать, продавать и покупать. «Время - деньги», как говорил идеолог американского капитализма Бенджамин Франклин. Развивая эту метафору, можно сказать, что время имеет свое измерение в разных валютах: самое большое различие существует между частным, личным временем (предназначенным для семьи, для отдыха, развлечений) и публичным временем (временем работы, политической и гражданской активности). Мы высчитываем то и другое, обмениваем одно на другое, стараемся как можно лучше распорядиться своим временем, ибо одна вещь несомненна и независимо от культуры - наше время не бесконечно.

Важнейшие понятия и термины

Бюджет времени - типичный для данной группы количественный расклад времени, предназначенного для разных функций, или участие в разных социальных контекстах (например, доля времени, посвящаемого работе, развлечениям, учебе, семье).

⁵ Evans-Pritchard E.E. The Nuer. Oxford: Oxford University Press, 1940.

⁶ Zerubavel E. Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life. Chicago: The University of Chicago Press, 1981.

Временная локализация - место данного события в последовательности более ранних или более поздних событий, имеющих с ним причинно-следственную связь.

«Горячие» общества - такие, в которых изменения происходят быстро, достигая значительных размеров уже в пределах жизни одного поколения.

Каденция - нормативно приписанный, формально установленный период исполнения определенной функции, должности или выполнения определенной социальной роли.

Качественное время (внутреннее время) - онтологически присущая явлениям и событиям продолжительность, свойственный им ритм или темп.

Количественное время (внешнее время) - условное (определенное на основе конвенции) время, обозначенное на определенной шкале, созданной с помощью инструментов измерения времени - часов и календарей, позволяет приписать данному моменту некую дату (час, день и т.д.), а также сравнить продолжительность, скорость, интервалы, ритм и т.п. различных событий и процессов.

Ориентация на современность (современная, или презентативная, ориентация) - закодированный в культуре акцент на нынешнее время, доверие к опыту сегодняшнего дня, принятие установок, присущих современности.

Перспективная ориентация - закодированный в культуре акцент на будущее - планирование, проектирование, предвосхищение и связанные с будущим намерения и надежды.

Профиль времени - культурно закодированный, специфический для данной группы способ интерпретации времени, в частности особое значение, которое придается (или не придается) пунктуальности, поспешности, использованию времени и т.п.

Процесс - цепь очередных, последовательных изменений, имеющих причинно-следственную связь.

Распределение времени - предназначение определенных отрезков дня, недели или года для дел особого рода, что может проистекать из установленных конвенцией обычаев (например, ланч в полдень) или из природных закономерностей и неизбежности (весенний сев).

Реификация времени - трактовка времени как самоценности, которую можно приобрести, утратить, купить, продать, обменять, что лучше всего выражается в поговорке «Время - деньги».

Ретроспективная ориентация - закодированный в культуре акцент на прошлом, ориентация на прежний опыт, взгляды и традиции.

Социально ожидаемая длительность - нормативно предписанный период занятия определенных социальных позиций, реализации определенных функций, продолжительность общественных отношений или групповой принадлежности.

Чувство времени - субъективное ощущение темпа, ритма, продолжительности событий и ситуаций, различное у разных людей.

Ход времени - независимость происходящих в нас или вокруг нас, важных для нас направленных процессов (биологических, психически, социальных) от нашей воли и намерений, прежде всего невозможность их остановить или вернуть назад.

«Холодные» общества - такие, в которых изменения происходят медленно, в масштабе жизни нескольких поколений.

Рекомендуемая литература

79, 96 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 22

Классические представления об историческом развитии

В XIX в. возникли три великие классические концепции социальных и исторических изменений: теория *эволюции*, теория *социальных циклов* и *исторический материализм* Маркса. Они по сей день сохранили свою силу в различных модифицированных формах и до сих пор остаются объектом дискуссий. Все три концепции исходят из одного положения, из общей предпосылки, что все человеческие действия имеют свою *логику, смысл, форму*, что их можно представить в единой схеме. Чаще всего это схема прогресса, то есть процесса направленного и эндогенного, протекающего закономерным и неизбежным образом, проходящего через ряд этапов и постепенно приближающего людей ко все более совершенным формам социальной жизни. В некоторых иных случаях это схема цикла, то есть повторяющихся по кругу, закономерных и неизбежных фаз, с постоянным возвращением к исходному пункту. Всегда при этом общая совокупность действий и их образ остаются в определенных рамках. Любое прошлое событие оказывается не только в хронологическом, но и в причинно-следственном отношении связанным с событиями, современными и будущими. Открывая эту неизбежность и закономерность, социолог открывает *«Законы Истории»*.

Это весьма решительное, радикальное и далеко не очевидное предположение. Поэтому именно на этом моменте сосредоточена (и всегда сосредотачивала свои усилия) вся критика классических теорий развития. Наиболее решительно критические позиции сформулировал британский философ Карл Поппер в своей известной работе *«Нищета историцизма»*¹, где «историцизм» - это специфический, уничижительный термин, обозначающий детерминистическое и фаталистическое представление о якобы имеющих некий результат действиях людей. Критика Поппера была основана на логических аргументах, особенно на утверждении невозможности научного предвидения и конструирования будущих состояний общества, а именно такое предвидение и кон-

¹ Popper K.R. The Poverty of Historicism. New York: Harper & Row, 1961 [1957].

струирование было главным аргументом представителей «историцизма». Это утверждение Поппера опиралось на тезис о том, что неперменным аспектом общества является знание. Что же касается предвидения будущего знания, то это *contradicto in adjecto*. Сильнейшую атаку на лежащую в основе многих классических теорий биологическую «метафору роста» предпринял американский социолог Роберт Нисбет (Nisbet)². Он подчеркивал, что вопреки теориям развития значительная часть социальных изменений происходит не только по эндогенным причинам, но и по экзогенным, лежащим вне данного общества. Вслед за ним Чарльз Тили (Charles Tilly) систематизировал «пагубные постулаты» концепций развития, выработанных в XIX в., и отбросил их как несостоятельные³. Наконец, наиболее радикальный тезис о необходимости полного преодоления предложенной в XIX в. «парадигмы изменений» выдвинул Иммануил Уоллерстайн (Immanuel Wallerstein), призывавший «забыть XIX век»⁴.

Под влиянием такой всесторонней критики классических концепций в социологии конца XX в. сформировалась новая, четвертая концепция социальных и исторических изменений - *теория деятельности* и формирования общества. Акцент здесь был перенесен на поиски формы, схемы действий, на сам механизм, движущий переменами. Вместо внеличных исторических тенденций выделялась и выдвигалась на первый план *индивидуальная и коллективная активность людей*, конструирующих социальный мир. Вместо детерминисткой неизбежности подчеркивалась роль свободного выбора и решений, принимаемых отдельными действующими людьми и группами, а также значение случая, эмоции, каприза. Вместо заранее предписанного сверху направления или ожидаемой исторической цикличности утверждалась открытость, альтернативность и многонаправленность возможных процессов. Если социолог и открывает законы изменчивости мира, то только «законы, касающиеся истории», закономерности событий и их конкретных связей в ограниченном историей масштабе, а вовсе не «Законы Истории» как некие всеобъемлющие целостные категории человеческой деятельности.

В этой главе мы рассмотрим три классические концепции, а в следующей обратимся к альтернативной точке зрения, связанной с идеей *формирования общества*.

Классический эволюционизм в социологии

Эволюционизм - это своеобразная концепция действий человечества, сформулированная в XIX в. основоположниками социологии. Она оказала огромное влияние на многие направления социальной мысли XIX в. и до сих пор

² Nisbet R. Social Change and History. New York: Oxford University Press, 1969.

³ Tilly C Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. New York: Rusel Sage Foundation, 1984.

⁴ Wallerstein I. Unthinking Social Science: The Limits of Ninetheenth-Century Paradigms. Cambridge: Polity Press, 1991.

сохранила свое господствующее положение в обыденном сознании. Эхо этой концепции мы находим в таких современных социологических направлениях, как неэволюционизм, теория модернизации, теория постиндустриального общества, социобиология, а также в определенной части исторического материализма Маркса.

Эволюционизм происходит из интеллектуальной атмосферы эпохи *Прорыва*: из характерных для нее поисков *гармонии, согласия, смысла, порядка* во всех сферах действительности, которые должны были найти отражение в законах науки. Эволюционизм относится к тем направлениям теории, представители которых стремились найти гармонию, согласие и порядок во всех делах человечества, от появления на Земле разумных существ до развития современной цивилизации, и охватить их одной номологической формулой (законами эволюции).

Основоположниками эволюционизма в социологии являются Огюст Конт (1798-1857) и Герберт Спенсер (1820-1903). Надо с самого начала подчеркнуть, что их версия *социологического эволюционизма* абсолютно отличается (а к тому же и хронологически является более ранней) от эволюционизма в биологии, основные положения которого сформулировал Чарльз Дарвин (1809 - 1882). К концепции Дарвина примыкает лишь новейшая разновидность неэволюционизма, возникшая в 70-х годах XX в. и известная под именем «*социобиологии*».

Как Конт, так и Спенсер исходят из того, что общество можно рассматривать как организм, который непрерывно растет. Рост социального организма (как и любого организма) заключается в постепенном, медленном выявлении изначально заложенных в нем тенденций развития и идет: а) от простого к сложному, б) от хаоса к упорядоченности, в) от одномерности к специализации, г) от расплывчатости к организации. Процесс роста можно разделить на определенные характерные этапы, при этом он имеет свой исходный пункт и свою точку цели. Более того, рост означает также *прогресс* - совершенствование функционирования, более глубокую внутреннюю интеграцию, лучшую приспособленность общественного организма к окружению. Прогрессивизм (установка на прогресс) почти неотделим от эволюционизма.

Таким образом, в середине XIX в. эволюционисты вводят в социологию понятие *социального развития*. Рост социального организма представляется как разновидность развития, как процесс эндогенный, направленный и прогрессивный, представляющий собой реализацию (актуализацию) потенциальных, присущих организму тенденций; приводящий через ряд этапов к все более совершенному состоянию общества. Критерием его направления является *дифференциация структур и функций*, а также связанная с этим растущая способность к адаптации.

В основе такой картины развития лежит несколько важных предпосылок. Во-первых, положения *детерминизма*: каждое состояние общества представляется как этап более широкого процесса, детерминированного генетически более ранними стадиями процесса, то есть вытекающего неизбежно из того, что было раньше. Во-вторых, положения *фатализма*: социальное развитие представляется как неизбежный, неотвратимый, неуклонный процесс, и люди

своими действиями не могут ни остановить его, ни изменить его направления. Он протекает как бы «над головами» членов общества, которые в лучшем случае могут так или иначе (точнее или хуже, более или менее правильно) понять его и более или менее успешно к нему приспособиться. В-третьих, положения *финализма*: социальное развитие идет к определенной конечной цели, достижение которой в будущем неизбежно. В-четвертых, положения *прогрессивизма*: каждое последующее состояние общества лучше прежнего, а то завершающее состояние, которое связано с достижением конечной цели, будет абсолютным воплощением добра и счастья. В-пятых, положения *униформизма*: объектом развития является человеческое сообщество как глобальная целостность, а не какие-нибудь отдельные избранные общества (например, племена или государства). Развитие охватывает все человечество, все глобальное сообщество. Его закономерности и механизмы являются общими для всех людей, имеют универсальный характер. В-шестых, положения *однолинейности*: развитие всегда идет одним и тем же путем, проходит те же самые фазы и стадии, не может миновать обязательных этапов или перескочить через них. В истории не существует «сокращенных путей». Максимально, что возможно, это наличие в данный момент более развитых и относительно более отсталых в своем развитии обществ, однако эти отсталые общества должны будут неизбежно пройти тот же путь, который уже прошли более развитые общества. Нынешнее состояние наиболее развитых обществ (для эволюционистов это общества Запада) показывает тот уровень, которого когда-нибудь достигнут менее развитые общества; в свою очередь, нынешнее состояние менее развитых обществ является иллюстрацией того, в каком положении находились прежде ныне высокоразвитые общества. Образно говоря, речь идет об одном движущемся эскалаторе, ступени которого совершенно одинаковы, только разные общества едут вверх, стоя на разных ступенях.

Совершенно иначе представляется *эволюция в биологии*, и главным автором теории эволюции в биологии был не Герберт Спенсер, а Чарльз Дарвин. Это он в своем известном труде «О происхождении видов» (1859) представил эволюцию как процесс изменений, происходящих в *популяции* отдельных существ. Во-первых, каждая популяция живет в определенной природной среде. Для выживания популяции обязательным является ее *приспособление* к соответствующему природному окружению, к среде обитания. Во-вторых, популяция является внутренне дифференцированной, она складывается из особей, имеющих разные свойства. Некоторые из этих свойств имеют адапционные достоинства, способствуют лучшему приспособлению к условиям среды обитания, другие, напротив, затрудняют такое приспособление или делают его вообще невозможным. В-третьих, здесь происходит своеобразный «естественный отбор». Особи, обладающие адапционными свойствами, имеют больше шансов выживания, воспроизведения и передачи этих свойств потомству, в то время как особи, лишенные таких свойств, с большой вероятностью окажутся истребленными (вымрут, исчезнут, не смогут выжить). В результате состав популяции меняется: внутри вида остается все больше особей, оптимально приспособленных к условиям обитания. В-четвертых, и среда обитания тоже не остается неизменной, меняются сами условия суще-

ствования. Тогда возникает «спрос» на иные качества и свойства отдельных особей, отвечающие необходимости адаптации в этих новых, изменившихся условиях. Те свойства, которые прежде имели адапционную ценность и преимущества, могут быть утрачены, а те свойства, которые прежде были помехой успешной адаптации, теперь могут приобрести адапционную ценность. Через естественный отбор популяция переживает теперь очередное преобразование. Так происходит *эволюция видов*, представляющая собой последовательность приспособлений (и «перетасовок» внутри популяции), адаптаций видов к меняющейся среде обитания.

Сразу становится очевидным, как отличается эта теория от предложенной Спенсером модели социальной эволюции: а) дарвиновская теория касается *популяций*, набора особей, а не отдельного экземпляра вида (она является теорией филогенеза, а не онтогенеза); здесь нет места метафоре роста, столь характерного для социологического и антропологического понимания эволюции; б) эволюция у Дарвина не является детерминированным процессом, она предстает как стохастическая *теория вероятностей*, реализуется в большинстве случаев в силу стечения обстоятельств, никак не позволяя предвидеть, как сложится судьба какой-либо конкретной особи; в) важнейшим обязательным источником, первопричиной эволюции видов являются изменения в *среде* обитания, а не имманентные, заложенные в самих особях тенденции развития (это *экзогенный*, а не *эндогенный* процесс); г) этот процесс не направлен к какому-либо конечному пункту, направление изменений носит непредвиденный характер, весь процесс эволюции не имеет ни детерминации, ни предвидимой цели, ибо недетерминированными и непредвиденными являются изменения природной среды, на которые реагирует эволюция видов; д) эволюция в теории Дарвина не означает прогресса, разве что она может означать прогресс в относительном смысле, в крайне слабом выражении, когда речь идет о лучшем приспособлении вида к данным условиям. Но меняются ли сами эти условия к лучшему, а если меняются, то насколько, об этом теория эволюции Дарвина ничего не говорит.

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР (1820-1903)

Британский философ, который сделал попытку объединить, интегрировать все знания о мире на общей основе эволюции. В его десятитомной «Синтетической философии», которая появилась в 1860-1896 гг., три тома посвящены основаниям социологии. Позднее они были изложены в более краткой однотомной книге «Социология как предмет изучения» (1894).

Мир, как природный, так и социальный, находится в состоянии непрерывной эволюции, то есть направленных линейных изменений от простейших ко все более сложным состояниям, от аморфности элементов к их четкости, от однообразия исполняемых заданий к дифференциации структур и функций наконец, от текучести к стабильности. Социальная эволюция происходит точно так же, а ее направление можно представить, сравнив традиционное общество, которое Спенсер

называл «военным», и современное общество, которое он называл «промышленным». Если в первом преобладающим видом активности является завоевание территории (или как вариант этой борьбы - ее оборона), то во втором обществе преобладает мирный обмен благами и услугами, насколько в первом обществе порядок зиждется на насилии и суровых санкциях, настолько во втором - на добровольной кооперации и контактах. Монополистической власти государства противостоит расширение сети социальных организаций и добровольных ассоциаций. Тому положению, когда социальная позиция «предписывалась» фактом рождения (в том или ином сословии), а социальная мобильность в обществе была крайне малой, противостоит нынешняя ситуация, когда статус человека зависит от его личных усилий, а вертикальная мобильность в обществе возрастает. Если прежде важнейшими ценностями считались дисциплина, подчинение, лояльность, патриотизм и смелость, то теперь акцент переносится на такие ценности, как независимость, автономия, инициатива, изобретательность и честность.

В познавательных целях общество можно сравнить с биологическим организмом, хотя оно представляет собой нечто иное, чем биологический организм. Сходство между ними прежде всего определяют рост от эмбрионального состояния до зрелости, дифференциация структур и функций, приспособление к давлению среды, а также общая прочность и выживаемость несмотря на постоянную смену составляющих (клеток в организме, людей в обществе).

В каждом обществе должны быть реализованы определенные функции. Для этого служат различные подсистемы общества. Регулятивная подсистема, состоящая из политических и военных институтов, обеспечивает координацию, внутренний порядок и защиту от внешних угроз. Поддерживающая подсистема, складывающаяся из экономических институтов, обеспечивает производство благ, необходимых членам общества. Подсистема распределения разделяет общественные запасы между членами общества, а также обеспечивает развитие связей между ними и согласование взглядов и интересов.

Литература

Kasprzak L. Spencer. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1967.

Szczepański J. Socjologia: rozwój problematyki i metod. Warszawa: PWN, 1969. S. 122-148.

Szacki J. Historia myśli socjologicznej. T. 1. Warszawa: PWN, 1981. S. 296-349.

Различные теории эволюции

Концепция социального развития определяет самые общие, в какой-то мере совпадающие рамки теорий, сформулированных различными авторами. Зато конкретные интерпретации эволюции очень различны. По-разному представляются этапы, фазы эволюции и ее основные механизмы и движущие силы. Огюст Конт сформулировал «закон трех стадий». Он выделяет теологическую, метафизическую и позитивную стадии, через которые проходят действия людей. Решающую роль в этом движении имеет прогрессивное развитие *человеческого разума* и связанных с этим способов мыслительной интерпретации мира. Все социальные институты, формы социальной организации, способы и образы социальной жизни являются производными от господствующих спо-

собов мышления (сегодня мы называем такой подход *историософским идеализмом*). На теологической стадии люди обращаются к сверхъестественным, божественным силам, чтобы объяснить окружающие их факты и события. На метафизической стадии они уже освобождаются от богов, но обращаются к определенным общим понятиям, в которых надеются выразить законы природы и тенденции развития (таковы, например, понятия, «всемирного эфира», «инстинктов», «человеческой природы»). Только на позитивной стадии они предпринимая научные исследования, обращаются к эмпирическим фактам, выявляют путем наблюдения зависимости между этими фактами. Общество, жизнь которого проникнута наукой, является высшей, самой совершенной ипостасью общественного организма, как бы венцом его творений и дел.

Герберт Спенсер трактует фазы развития иначе, в виде дихотомии - как противопоставление более раннего, «военного» общества современному, «промышленному». Первое ориентировано на войну, завоевание и оборону, оно сильно централизовано, самодостаточно в экономическом отношении, настроено на коллективизм, на подчинение блага и интересов отдельного человека общим интересам, оно применяет насилие и репрессии, ценит лояльность, послушание и дисциплину. «Промышленное» общество ориентировано на развитие производства и торговли, имеет децентрализованный характер, связано экономически с другими обществами, индивидуализировано, блага отдельного человека считает высшей ценностью, регулирует социальную жизнь системой добровольных контрактов, ценит инициативу, новаторство, независимость. Переход от военного к промышленному обществу (например, от примитивного племени к современному промышленно развитому государству) является результатом общего «закона эволюции», тенденции к дифференциации структур и функций в общественном организме (появление все новых и новых групп, институтов, организаций; углубляющейся специализации в действиях членов общества).

Следующий известный представитель эволюционизма Льюис Г. Морган (1818-1881)- американский антрополог, идеи которого оказали сильное воздействие наряду с другими науками и на социологию. Он отходит от дихотомического представления и снова возвращается к многозвенной модели. Он выделяет три эпохи: дикость, варварство и цивилизацию, каждая из которых делится на еще меньшие фазы. Границы между ними, как и границы внутренних фаз, определяются крупными научными открытиями и изобретениями. В эпоху дикости переломными моментами были такие технологические открытия, как умение добывать огонь, изобретение лука, гончарного круга, в эпоху варварства - начало скотоводства, земледелия, обработка железа, в эпоху цивилизации - изобретение алфавита и письменности. Этот ход развития человечества Морган представлял как универсальный процесс, от которого были возможны лишь минимальные, незначительные отклонения. Мотором, двигателем истории было в его представлении развитие техники. Все изменения в характере институтов, в формах организации общества, в идеологии следует представлять как производное от этого главного развития - основного источника прогресса.

Особое направление развитию теории Моргана придал Фридрих Энгельс, который построил на ней собственное исследование «О происхождении семьи, частной собственности и государства» (1884). Для основоположников марксизма теория Моргана служила подтверждением решающей роли *материальных факторов*, экономических и технических, в формировании обществ.

В конце XIX в. эволюционистские идеи развивает следующий из великих «отцов» социологии Эмиль Дюркгейм (1858-1917). Исследуя развитие обществ, он, как и Спенсер, пытается представить их в дихотомической парадигме. Человеческое общество эволюционирует от организационных форм, опирающихся на *«механическую солидарность»*, к таким, в которых доминирует *«органическая солидарность»*. Для общества первого типа характерны низкий уровень интеграции и слабая связь, зависимость людей друг от друга, своего рода «атомизация» членов общества. Каждый человек представляется в значительной мере «самодостаточным», и в производственном процессе все люди делают нечто похожее (то же самое, что другие), используя результаты таких действий сами для себя. Для сохранения целостности общества необходимы мощный аппарат насилия и репрессий, жесткие законы и крайние меры наказаний. Другая форма общества, напротив, отличается тем, что отдельные его члены органично вливаются в социальный порядок; достигается высокий уровень интеграции и взаимозависимости между людьми. Каждый в значительной мере зависит от продукции, производимой другими людьми. Все выполняют очень разные, но взаимно необходимые, дополняющие друг друга функции, обменивая результаты своего труда, сотрудничая, кооперируясь друг с другом и т.п. Цельность общества поддерживается не автоматически, а как «органическая» связь взаимозависимостей и взаимодействий, закреплённая в договорах и контрактах. Переход от механической солидарности к органической является неизбежным результатом трех связанных между собой процессов. Во-первых, это рост населения и вызванная этим ростом возрастающая *плотность населения*; во-вторых, это растущая *«моральная плотность»* - все более сложные и разнонаправленные взаимодействия, возникающие между людьми на все более густо заселённых территориях (усложнение социальных структур); наконец, в-третьих, это прогрессирующее разделение труда, профессиональная специализация и координация различных действий (функциональная дифференциация общества). Дюркгейм считал *разделение труда* основным критерием общественного прогресса.

Эволюционная концепция оказала сильное влияние на американскую социологическую мысль. Среди первых американских социологов наиболее интересным представителем эволюционизма был Лестер Ф. Уорд (Lester F. Ward) (1841-1913). Он принял идеи Спенсера, однако добавил к ним весьма интересный новый момент. Для Спенсера закон эволюции был постоянной, универсальной и всеохватывающей основой развития мира - как природы, так и общества. Уорд обратил внимание на то, что механизм эволюции в человеческом мире, в обществе отличается от эволюции в природе и отличается потому, что люди *ставят перед собой цели* и стремятся к их достижению, а в природе такая осознанная целенаправленность не существует. На этом основании он

противопоставил *«телезис»* (от греч. telos - цель) как форму эволюции, выступающую в обществе, *«генезису»* как форме эволюции, выступающей в природе. Говоря точнее, в эволюции имеет место несколько фаз, и в каждой из этих фаз действуют и преобладают различные механизмы. Первая фаза - это *космогенез*, возникновение и эволюция всей природы. С появлением жизни на Земле связан качественный перелом, начинает действовать новый механизм эволюции - *биогенез*, который накладывается на космогенез и идет параллельно. Появление человека дает начало третьей фазе - *антропогенезу*, в которой главную роль начинает играть разум людей и подчинение действий осознанным целям. С этого момента антропогенез накладывается на космогенез и биогенез и идет параллельно им. Наконец, последней фазой является формирование организованного человеческого сообщества, чему соответствует следующий механизм эволюции - *социогенез*. Он заключается в целенаправленных коллективных действиях реформаторского характера, которые предпринимаются в соответствии с представлениями, доктринами, политическими планами и подчиняются им. Социогенез дополняет все три предшествующих механизма и действует параллельно и вместе с ними, ибо общество в любом случае складывается из людей, а те являются биологическими существами и частью природы. Однако самым важным моментом в общественной фазе эволюции является *направленное развитие*, в отличие от «слепого», стихийного развития природы, как живой, так и мертвой. Именно поэтому в фазе социогенеза такое большое значение имеют воспитание и наука.

Среди классиков эволюционной концепции надо также вспомнить Фердинанда Тенниса (1855-1936). Он является автором известной работы «Общность и общество», которая увидела свет в 1887 г. Уже в самом ее названии была обозначена типология двух противоположных друг другу форм социальной жизни и определено направление социального развития. Оно идет от традиционной общности, выражающей естественные человеческие тенденции («сущностную волю»), опирающейся на непосредственные, неформальные, интимные социальные отношения в рамках небольших групп, к современному обществу, организованному на рациональной основе («избирательной воле»), в котором господствуют инструментальные, опосредствованные и формализованные социальные отношения в рамках крупных сообществ. Современный мир отличается тенденцией к «универсализации», к интеграции всех локальных, неповторимых, специфических групп (общностей) в охватывающую весь мир сеть безличностных торговых и промышленных отношений - в *Gesellschaft*. Вместе с этим утраченным оказывается истинно человеческое, естественное качество социальной жизни, связанное с развитием интимных, эмоциональных, личностных связей в традиционных общинах.

Обратим здесь внимание на то, что Теннис впервые поставил под сомнение *прогрессивность* происходящих в обществе изменений переломного характера. Он указал на *цену* прогресса, которая с точки зрения отдельного человека, чувства укоренения в обществе, безопасности, стабильности может представлять собой скорее регресс, чем прогресс. А это означало уже явный отход от классических канонов эволюционистского кредо. Таким образом Теннис стал провозвестником неэволюционизма.

Неоэволюционизм в этнологии и социологии

Неоэволюционизм в социологии представляет собой интеллектуальное направление, связанное с классической концепцией эволюции, однако существенным образом изменившее эту концепцию в связи с отказом от некоторых канонов прежнего эволюционизма. Это направление развивается после Второй мировой войны и до сих пор имеет своих видных представителей. Оно претендует на то, чтобы быть настоящей наукой, по образцу и подобию естественных, точных наук. Соответственно этим амбициям оно, во-первых, старается обосновать представление об эволюции общества проверенным эмпирическим материалом, найти опору прежде всего в систематических исследованиях исторических наук: палеонтологии, археологии, историографии. Во-вторых, оно старается придать теории эволюции строго научный характер, исключая из этой теории любые произвольные оценки. В связи с этим в новом эволюционизме практически исчезает идея прогресса (или регресса), ее место занимает холодное, строгое, объективное описание конкретных процессов.

Изменению подлежит и сама суть эволюции. При этом разные авторы как бы дополняют друг друга, ставя под сомнение одно за другим основные положения классического эволюционизма и отбрасывая их. Так вместо *детерминизма* получает развитие тезис лишь о *возможном, вероятном* влиянии более ранних фаз эволюции на более поздние. Не исключая до конца элементов фатализма, представители неоэволюционизма решительнее подчеркивают *роль людей и их осознанных действий* (этот новый мотив нашел особенно последовательное развитие в трудах Л. Варды). Неоэволюционисты отходят от финализма, защищая идею *альтернативных сценариев* развития, открытого поля возможностей, в котором вырабатывается направление развития. Они стараются избежать, как уже говорилось, парадигмы прогрессивизма и не рассматривают более поздние стадии развития как лучшие по сравнению с более ранними. Они модифицируют основы униформизма, подчеркивая очевидный *плюрализм культур*, цивилизаций, людских обществ, подвергающихся эволюции в различных формах. Они отбрасывают также тезис об однолинейности эволюции, принимая за основу парадигмы *многолинейного развития*, как в том смысле, что разные социокультурные системы могут иметь свои особенные траектории развития (некоторые могут, к примеру, перескакивать через отдельные типичные фазы или этапы), так и в том смысле, что развитие различных фрагментов или аспектов одной и той же системы может идти различными путями (одним путем в области экономики, другим - в области политики; одним - в развитии земледелия, другим - в промышленности; одним - в религии, другим - в науке, и т.п.), что позволяет объяснить интересный и часто встречающийся феномен *асинхронного развития*.

Участие разных авторов в этой ревизии канонов эволюционизма неодинаково. Назовем среди них лишь некоторых наиболее крупных. Американский антрополог Лесли А. Уайт (Leslie A. White) (1900-1975) дает новый толчок дискуссиям вокруг эволюционизма, публикуя свою «Эволюцию культуры»⁵.

⁵ White L. The Evolution of Culture. New York: McGraw Hill, 1959.

Здесь мы вновь встречаемся с попыткой построить всеобъемлющую теорию. Человеческая культура находится в непрерывной трансформации (не «существует», а «делается»), что вызывает внутренние напряжения в сфере культуры, вытекающие из иерархии ее элементов; при этом основное и детерминирующее по отношению ко всем другим фрагментам культуры значение имеет *технология*.

«Социальные системы детерминированы технологическими системами», - утверждает Уайт, что звучит почти как эхо концепции Моргана. Развивая эту идею, он предлагает собственную *энергетическую теорию культурного развития*. Самым точным показателем технологического уровня, согласно Уайту, является вид и количество используемой энергии. Историю можно разделить на пять этапов: на первом человек использует только энергию собственно мускулатуры; на втором он «запрягает» животных, используя их энергию для своих целей; на третьем этапе, означаемом «земледельческую революцию», он использует энергию почвы; на четвертом этапе, означаемом «топливную революцию», он учится использовать минеральные запасы (уголь, нефть, газ); на пятом этапе он освобождает атомную энергию. Уровень развития культуры на каждом из этих этапов, по мнению Уайта, можно измерить согласно формуле $P = E T$, где E - это количество используемой энергии, а T - производственная мощность технических средств, преобразующих энергию. Таким образом, критерий прогресса получает свою полную, хотя, как нам представляется, чисто внешнюю объективизацию.

Другой американский антрополог Джулиан Стюард (Julian Steward) в своей книге «Теория культурных изменений»⁶ ставит под сомнение саму возможность создания теории о культуре «вообще», подчеркивая огромное *множество и дифференциацию* конкретных культур. Это, однако, не означает, что антрополог приговорен к чисто описательному отображению отдельных исторических ситуаций. Стюард выдвигает постулат создания антропологических теорий «среднего уровня», касающихся типичных культур, репрезентативных в отношении определенных ареалов или эпох. Тип культур определяют главные (а не периферийные) в контексте данной культуры институты. Чаще всего такими главными институтами являются *технология и экономика*. Вторичный, как правило, периферийный характер имеют характерные для данного общества формы политической и социальной организации, а также распространенные в этом обществе идеологии. В итоге возникает теория *мультилинейной эволюции*, реконструкция множества различных линий и траекторий, по которым шло развитие человеческих культур и их определенных аспектов (экономики, искусства, религии и т.п.).

Маршалл Салинс (Marshall Sahlins), автор исследования «Эволюция и культура», различает понятия «общая эволюция» и «специфическая эволюция»⁷. Общая эволюция - это тенденция социокультурных систем ко все более возрастающей сложности, к более богатой внутренней организации и к более высокой адаптации к окружающей среде. Эта тенденция проявлялась

⁶ Steward J.H. Theory of Culture Change. Urbana: University of Illinois Press, 1979 [1955].

⁷ Sahlins M. Evolution and Culture. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960.

бы в полной мере, если бы социокультурные системы были изолированы друг от друга и развивались бы только по своим внутренним законам. В действительности, однако, имеет место *диффузия*, проникновение друг в друга и взаимное воздействие друг на друга множества систем. Это приводит к отклонениям от общей основы. Появляется дифференциация «культурных видов», каждый из которых проходит свою «специфическую эволюцию».

Одну из социологических концепций эволюции разрабатывает американский социолог Герхард Ленски⁸. Так же как Морган и Уайт, Ленски склоняется к *технологическому детерминизму*. Он утверждает, что основной движущий фактор эволюции заключается в области технологии. Однако эту технологию он понимает иначе, чем его предшественники. Он считает, что решающим для технологии являются не вид или количество используемой энергии, а количество и способы *преобразования информации*. Критерием развития является рост объема информации, прежде всего *технологической информации*, которая помогает человеку овладеть миром и использовать его богатства. Он считает, что развитие человечества прошло четыре этапа, отличающиеся друг от друга характером используемой информации: на первом доминирует генетическая передача информации посредством механизмов биологической наследственности; на втором - появляется индивидуальное обучение с участием сознания; на третьем - люди переходят к использованию знаков, начинают воспринимать определенные естественные события как сигнал к тому, что могут последовать другие события; на четвертом - они уже открывают тайну конвенциональных, конструируемых символов, создают язык, обеспечивающий взаимопонимание, кодификацию информации и передачу следующим поколениям. Технология является основным детерминирующим фактором социальной системы, она непосредственно влияет на характер экономики, а та в свою очередь на характер политики и в итоге - на формы распределения благ (на структуру социального неравенства). Принимая во внимание все эти факторы в их причинно-следственной связи, можно выделить следующие комплексные типы обществ, возникающие в ходе эволюции последовательно друг за другом: а) связанные с охотой, собирательством; б) связанные с простым огородничеством; в) связанные с высокоразвитым огородничеством; г) аграрные; д) промышленные. Особым типом, как бы побочной линией эволюции, которая выявляется лишь в своеобразных географических условиях, являются рыболовецкие общества.

Один из выдающихся социологов XX в., Толкотт Парсонс (1902-1979) также может занять свое место в этом перечне представителей неозволюционизма. В его понимании эволюция не однородный процесс, она делится на четыре подпроцесса: а) структурная и функциональная дифференциация, в результате которой из единой системы выделяются подсистемы, начинающие выполнять специализированные функции; б) усиление адаптивности, когда каждая подсистема начинает действовать все эффективнее при все меньших затратах; в) интеграция элементов, прежде исключенных из системы,

⁸ *Lenski G.E. Power and Privilege. New York: McGraw-Hill, 1966; Lenski G., Lenski J. Human Societies: An Introduction to Macrosociology. New York: McGraw-Hill, 1974 [1970].*

например расширение институтов гражданства, эмансипация дискриминированных групп; г) ценностная генерализация, чтобы они успешно содействовали приобретению легитимности новой, более сложной системой, не оставаясь в сфере частных интересов подсистем, групп, общин. Эволюция проходит типичные стадии. Она не однолинейна, но имеет некоторые общие тенденции, на фоне которых только и выявляются различия отдельных направлений.

Эти общие фазы эволюции Парсонс определяет следующим образом: а) примитивная, б) средняя, в) современная. Переход от первой ко второй фазе совершается в момент появления *письменности*. Это открывает возможности кодирования, диффузии и исторической трансмиссии культурных ценностей. Переход из второй в третью фазу совершается в момент появления *установленных законов*. Законодательство обеспечивает создание универсальной системы норм, значительно оторванных от конкретного, личного или ситуационного контекста, что делает возможным регулирование социальной жизни в ее наиболее сложных, внутренне дифференцированных социокультурных системах. Современное общество получило наиболее полное развитие в рамках западной традиции, у истоков которой находились греческая (античная) и еврейская (иудаистская) цивилизации. В рамках этой традиции роль *«лидирующего общества»* в наше время берут на себя Соединенные Штаты. Ни одна другая линия развития не выявила такой динамики, такой способности к адаптации, как западная цивилизация. Парсонс проявляет здесь типичный для многих эволюционистов *этноцентризм* - тенденцию к рассмотрению и трактовке собственного общества в качестве самой совершенной универсальной меры прогресса.

Неодарвинизм и социобиология

Дальше всего от классического эволюционизма отходит так называемая *социобиология* - направление, которое стало известным и даже модным со второй половины 1970-х годов. Его источники - совершенно другие, нежели источники социологического и антропологического эволюционизма: они находятся непосредственно в сфере биологии, а здесь с самого начала эволюцию понимают иначе, чем в социологии.

В своей оригинальной версии теория Дарвина была довольно конкретна. Составляющими популяции, о которых в этой теории шла речь, были особи - отдельные биологические организмы. Дальнейшее развитие этой теории неизбежно пошло в сторону большего абстрагирования. Вместо живых, конкретных существ (особей того или иного вида) в неодарвинизме в качестве объекта появились *гены*. Идея генов как носителей наследственно передаваемых свойств восходит к Г.И. Менделю (1822-1884). Неодарвинизм иногда даже называют «брачным союзом» Дарвина и Менделя. Эта разновидность теории утверждает: во-первых, в популяции существует дифференцированный *генетический фонд*, который определяет анатомические, физиологические и бихевиористские особенности ее представителей; во-вторых, в рамках этого

генетического фонда выступают различные механизмы, приводящие к изменению состава генов, к их перемещению и смешению, наряду с естественным отбором, который приводит к тому, что особи, лучше всего приспособленные, передают свои гены потомству, происходит также миграция между генетическими фондами (через родство), появляются новые комбинации генов, генетические дрейфы и т.п.; в-третьих, существенная особенность генов - это способность к распространению, приумножению в популяции через воспроизводство особей, являющихся их носителями (при этом одни гены имеют особенный успех воспроизводства, получая широкое распространение и укрепляясь в популяции, в то время как другие гены исчезают). Таким образом, генетический фонд меняется, а вместе с этим меняются характерные признаки и формы поведения особей. Важнейшие эволюционные процессы идут в самом генетическом фонде, а изменение характера вида является только их внешним проявлением.

Непосредственно из неодарвинизма (генетики популяций) происходит так называемая социобиология. Ее основателем является американский биолог Эдвард Уильсон (Wilson). В своей работе «Социобиология: новый синтез»⁹ он сделал попытку создавать эту научную дисциплину, которая должна была заниматься исследованием биологических основ разных форм группового поведения всех живых организмов, в том числе и человека. В таком духе он хотел сделать из социологии часть биологии. Позиции Уильсона были крайне крайние решительны, особенно отличаясь от традиционных подходов и способов мышления в социологии: а) он утверждал, что человек не представляет собой ничего исключительного, что это всего лишь один из видов фауны; б) с его точки зрения, формы поведения, характерные для данного вида, не выучены, не усвоены из культуры данного общества, а всего лишь унаследованы, закодированы в генетическом материале; в) в его представлении социальные изменения происходят не через борьбу, конфликты или сотрудничество между людьми и их группами, а в тайном, невидимом мире генов через успех воспроизводства одних и гибель других.

В своих более поздних работах (например, «О человеческой природе, или гены, разум и культура», написанной совместно с К. Ламсденом (C. Lumsden)), Уильсон отходит от такой крайней точки зрения, признавая исключительность человека, связанную с феноменом разума (памяти, символического мышления, языка)¹⁰. В социобиологии выделяется ее субдисциплина - *социобиология человека*. В человеческом мире эволюция обретает новую ипостась - *генетическо-культурной коэволюции* (вспоминается здесь старая идея Уорда об антропо- и социогенезе). Согласно Уильсону, между культурой и биологией происходит обоюдосторонняя интеракция; культура является ответом на вызовы биологии, но, в свою очередь, биологические признаки эволюционируют в ответ на культурные инновации (и это очень важное положение). Культура и биоло-

⁹ Wilson E.O. Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge: Harvard University Press, 1990 [1975].

¹⁰ Wilson E.O. On Human Nature. Cambridge: Harvard University Press, 1978; Lumsden C.J., Wilson E.O. Genes, Mind and Culture. Cambridge: Harvard University Press, 1981.

гия не существуют как два отдельных процесса, а переплетаются, сливаются друг с другом. Биология проникает в культуру, но и культура находит свои пути проникновения в биологию, свой доступ к генам, и становится предметом биологического наследования. Продуктом такого непрерывного взаимодействия является история человечества.

Социология завершает долгую генеалогию эволюционизма в его чистом виде. Но эволюционизм нашел свое продолжение и в некоторых других теориях второй половины XX в., поднимавших проблемы изменений и развития: в теории модернизации и в теории постиндустриального общества. Обе они содержат некоторые отголоски эволюционистских положений.

Теория модернизации

Теория модернизации обретает особенно громкую известность в 1950-60-х годах. Она является ответом на исторический опыт, связанный с обретением свободы и самостоятельности бывшими колониальными странами так называемого третьего мира. Она старается установить закономерности этого процесса и составить прогнозы на будущее.

Наследие эволюционизма здесь явно выступает в следующих положениях: а) постколониальные государства находятся на раннем этапе той самой траектории развития, на другом конце которой находятся ныне наиболее развитые страны Западной Европы и США (положение об однолинейном развитии); б) развитие проходит типичные стадии: от традиционного общества (в котором доминируют консервативные, охранительные тенденции, семейные институты, предписанные человеку формы социального статуса, эмоциональное, полное предрассудков и фаталистическое мировоззрение) через средние звенья к современному обществу (для которого характерны готовность к переменам, преобладание профессиональных, внесемейных связей, обретение общественного статуса путем личных достижений и успехов, способность к инновациям, предприимчивость, ориентация на будущее, рациональный взгляд на мир, положение о направленном развитии); в) страны третьего мира представляют собой традиционные общества, они запоздали в своем развитии и должны подтянуться до уровня западных стран, институты которых демонстрируют действительный прогресс (основные положения прогрессивизма и этноцентризма); г) основной механизм модернизации - это дифференциация структур и функций при одновременном обеспечении интеграции, координации, «органической» связи дифференцированных элементов (положение о дифференциации и интеграции).

По отношению к классическому эволюционизму модернизация не является проявлением, постепенным, спонтанным осуществлением внутренних общественных тенденций, а скорее процессом, задуманным, направленным и стимулированным извне. Новая историческая ситуация предопределяет то, что высокоразвитые и отсталые, постколониальные страны сосуществуют друг с другом. Мир делится на центр (метрополию) и периферию. Образцы современности реально воплощаются в цивилизации Запада и распространяются

по всему миру. В соответствии с этим развитие постколониальных стран приобретает экзогенный характер: а) это процесс движения вслед, стремление догнать передовые страны, на этом основаны все представления, схемы, программы развития; б) этот процесс осуществляется при участии наиболее развитых стран, будь то косвенное, опосредованное участие (на основе развития экономических, политических, культурных связей, связей в области образования) или самое непосредственное вмешательство (когда эти страны сами включаются в политику модернизации своих бывших колоний). В процессе развития «эпицентры современности» сами подвергаются изменениям. Уже сегодня заметно, что из Западной Европы и Северной Америки они перемещаются в бассейн Тихого океана и на Дальний Восток.

Итак, *модернизацию* можно определить как приближение общества через осознанное осуществление определенных намерений, целей и планов к признанной модели современности, чаще всего к образцу какого-нибудь существующего общества, признанного современным. Это постепенное достижение такого образца, преодоление пропасти, отделяющей от него, выравнивание опоздания.

Некоторые авторы сосредотачивают свое внимание на экономическом аспекте модернизации. Например, Уолт Ростоу (Walt Rostow) в своих «Стадиях экономического роста»¹¹ старается определить условия, необходимые для старта (take-off) и последующей постоянной аккумуляции капитала и инвестиций, то есть для постоянного роста национального дохода. Другие, например Дэвид Аптер (David Apter), анализируют политические параметры модернизации, прослеживают пути формирования демократических институтов. Интересное направление представляют работы социальных психологов, которые ищут источники обусловленности модернизационных процессов в области личных, индивидуальных установок, мотиваций, ориентаций отдельных людей. Дэвид Макклеланд (David McClelland) формулирует известную теорию «мотивации успехов»¹², которая рассматривает стремление к успеху, способность к инновациям, дух предпринимательства как условия, необходимые для модернизации. (Здесь слышится эхо старой концепции Макса Вебера, который связывал появление капитализма с распространением своеобразной «протестантской этики».) Другой современный автор, Алекс Инкелес (Alex Inkeles), описывает синдром «современной индивидуальности»¹³, который складывается из таких моментов, как: а) независимость от традиционных авторитетов, антидогматическая и скептическая установка; б) заинтересованность общественными делами; в) открытость по отношению к новому опыту; г) вера в силу разума и успехи науки, то есть рационалистическая ориентация; д) предвосхищение и планирование будущих начинаний, а также способность отказаться от выгоды или удовольствия текущего момента ради будущих выгод; е) высокие требования образовательного, культурного, профессионального уровня; стремление к самосовершенствованию и самореализации посредством успеха.

¹¹ Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. London: Cambridge University Press, 1960.

¹² McClelland D. The Achieving Society. New York: The Free Press, 1967 [1961].

¹³ Inkeles A., Smith D.H. Becoming Modern. Cambridge: Mass, Harvard University Press, 1974.

Теория постиндустриального общества

Теория постиндустриального общества открывает иное направление размышлений и выводов. Эволюционистское мышление создает соблазны прогнозирования будущего. Поскольку направление и механизмы социального развития обязательны, закономерны, неотвратимы, то можно создать картины будущего с помощью простой *экстраполяции* нынешних (или прошлых) тенденций. Теория постиндустриального общества пытается представить то, что произойдет после полной реализации возможностей индустриального общества.

Понятие постиндустриального общества ввел в 1974 г. Даниел Белл (Daniel Bell)¹⁴. В старом, типичном для эволюционизма стиле он делит историю человечества на три фазы: доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. К концу XX в., по его мнению, передовые в экономическом отношении мировые державы США, Япония, страны Западной Европы должны были обрести черты постиндустриальных обществ. Какие же это черты? Во-первых, перемещение значения разных экономических секторов; растущее преобладание сектора услуг (так называемого «третьего сектора», под которым он имел в виду администрацию, службу банков, торговли, транспорта, здравоохранения, просвещения, науки, судопроизводство, средства массовой информации, литературу, искусство и т.п.) при значительном снижении значения промышленного сектора и огромном ограничении значения сельскохозяйственного сектора. Во-вторых, изменение господствующей технологии, переход от энергетической технологии к информационной (что связано с автоматизацией, появлением роботов, развитием коммуникаций). В-третьих, рост значения планирования, прогнозирования развития, контролирования технологий; господство прагматических и технократических критериев при снижении роли и полном исчезновении смысла и силы действия идеологических или этических критериев. В-четвертых, расцвет «интеллектуальной технологии», то есть целевого использования науки для нужд практики (создание новых устройств, технических систем, использование новых видов сырья, материалов и т.п.). В-пятых, преобразование классовой структуры - новым господствующим классом вместо собственников (буржуазии) станут высококвалифицированные специалисты (экономисты, инженеры, менеджеры).

Среди многих продолжателей теории и представлений Белла можно назвать Джона Нисбита (John Naisbitt), который в 1982 г. ввел понятие «мега-тренды»¹⁵ - тенденций, которые приводят к фундаментальным структурным изменениям современных обществ. Среди десяти мегатрендов, которые он называет, некоторые являются теми же самыми, что рассматривал Белл, однако Нисбит не просто их повторяет, но и подтверждает на основе новых эмпирических данных. Другие же мегатренды характеризуют совершенно новые процессы, которые еще не определились так явно десять лет тому назад, когда

¹⁴ Bell D. The Coming of the Post-Industrial Society. London: Heinemann, 1974.

¹⁵ Naisbitt J., Aburdene P. Megatrends 2000: The New Directions for the 1990s. New York: William Morrow, 1990 [1982].

формулировал свои положения Белл. Один из этих новейших процессов – это *глобализация*, уже неоднократно упоминаемая нами в различных контекстах. Экономика перестает быть национальной (ограниченной рамками одного государства), а становится мировой; такой же характер обретает экономический и финансовый рынок, а также разделение труда в его международном масштабе. Параллельно с этим коммуникации, туризм, средства массовой информации (особенно спутниковое телевидение) ведут к глобализации культуры, искусства, развлечений, информации. Мир становится как бы одной «*большой деревней*» (термин канадского теоретика М. Маклюэна – М. McLuhan). Другой мегатренд связан с компьютеризацией, особенно с массовым распространением персональных компьютеров, которые становятся стандартным оборудованием многих рабочих мест. Некоторые из мегатрендов касаются политики. Нисбит указывает, в частности, на тенденцию к децентрализации власти, на вытеснение государства из многих сфер жизни, на большее значение местных инициатив и институтов самоуправления, на расширение форм прямой, непосредственной демократии. Наконец, он обращает внимание на изменение образа жизни: возрождение непосредственных, тесных межличностных связей (особенно перенесение их из семейного контекста в профессиональный контекст), появление общинных форм, нашедших свое преломление в традиции, сильная классовая иерархия (например, «новые социальные движения», группы, формируемые по интересам; добровольные ассоциации и объединения), наконец, необычайное обогащение *потребительских вариантов* (возможности выбора товаров, форм развлечений, культурного участия, религиозной жизни и т.п.).

Легко заметить, что теория постиндустриального общества наименее точная среди всех рассмотренных выше теорий и концепций. В точном смысле слова это вообще не «теория», она приближена к восприятию и описанию определенных заметных явлений, появившихся на арене современной общественной жизни, с позиций «здорового смысла» и обыденного сознания, а также к футурологическим представлениям об их дальнейшем развитии. Эта «теория», по сути дела, почти ничего не объясняет, в лучшем случае позволяет лучше ориентироваться в происходящих изменениях, ощущать их целостность.

ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО (1848-1923)

Итальянский ученый, инженер, экономист, он стал социологом лишь в конце своей жизни. В области экономики его важнейший труд – это двухтомный «Курс политической экономии» (1896). Его вклад в социологию – это огромный том (2612 параграфов) «Трактат по общей социологии» (1916), в котором он изложил свою оригинальную теорию общества и социальных изменений.

Основной составляющей социальной жизни Парето считает действия, которые сплетаются друг с другом в целостную социальную систему, стремящуюся достичь состояния равновесия – *aequilibrium*. Действия являются объективно логичными

тогда, когда они действительно способны достичь цели, к которой они стремятся, а субъективно логичными тогда, когда отдельный действующий человек верит в их успешность и эффективность для достижения поставленных целей. В социальной жизни такие действия, которые были бы одновременно объективно и субъективно логичными, встречаются редко, преобладают нелогичные действия, в которых субъективные представления относительно их успешности не совпадают с объективными (примерами являются магические, ритуальные действия, действия, основанные на утопиях, предрассудках или идеологическом обмане, а также действия, которые вызывают последствия, противоположные ожидаемым результатам).

Действия – это, с одной стороны, наблюдаемое извне поведение людей, а с другой – те теории, с помощью которых люди стараются обосновать или оправдать свои поступки, направленные на пользу других или самого себя. В основе всех действий лежат скрытые биопсихические силы, или чувства. Метод, с помощью которого можно вскрыть истинные чувства, которыми руководствуются люди, является критический анализ теорий, распространенных в обыденном сознании. В них обнаруживаются определенные постоянные, повторяющиеся составные части, которые Парето называет «резидуи»*. Наряду с ними для обоснования предпринимаемых действий вводятся случайные элементы (*ad hoc*), обозначаемые им как производные. Наиболее типичными являются инновационные, спекулятивные, предпринимательские, подчеркивающие индивидуальную автономию резидуи или, напротив, консервативные, ориентированные на коллективное начало. Производными являются, к примеру, «вербальные доводы», вызывающие позитивные ассоциации (лозунги справедливости, равенства, демократии), ссылки на большинство, на авторитеты и т.п.

Социальные изменения имеют не линейный, не направленный, а циклический характер, их ритм определяют резидуи, которыми руководствуются политические, хозяйственные или интеллектуальные элиты. Колебания между преобладанием в политической жизни общества склонных к инновациям «лис» и консервативных «львов», так же как в экономике, готовых к риску спекулянтов и делающих ставку на безопасность и стабильность рантье, в идеологии, религии и науке – скептиков и догматиков Парето называет «циркуляцией элит». Этот процесс, с его точки зрения, и составляет смысл истории.

Литература

- Pareto V.* Uczucia i dzialania. Warszawa: PWN, 1994.
Pareto V. O równowadze systemu społecznego // W. Derczyński, A. Jasińska-Kania, J. Szacki (Red). Elementy teorii socjologicznych. Warszawa: PWN, 1975. S. 183-189.
Pareto V. Umysł a społeczeństwo // W. Derczyński, A. Jasińska-Kania, J. Szacki (Red.). Elementy teorii socjologicznych. Warszawa: PWN, 1975. S. 611-626.
Kojder A. Pareto // Encyklopedia Socjologii. T. III. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2000. S. 63-68.
Szczepański J. Socjologia: rozwój problematyki i metod. Warszawa: PWN, 1969. S. 288-300.
Szacki J. Historia myśli socjologicznej, tom I. Warszawa: PWN, 1981. S. 350-399.

* «Остатки», внутренние идеологические импульсы, основа чувств, инстинктов, предрасположенностей. – *Прим. ред.*

Теория цикличности в историософии

Все описанные выше концепции основывались на признании направленного и прогрессивного хода истории. Она представляла как серия неповторимых событий, постоянно нарастающая, необратимая, приближающая достойное состояние общества. Совершенно иной характер приписывают действиям и событиям циклические теории. Согласно этим теориям, ни одно историческое событие не является абсолютно уникальным, ход действий и событий через определенные промежутки времени возвращается к исходному состоянию, во всяком случае похожему на то, что было прежде. В таких теориях современность предстает не в качестве кульминации, а лишь как один из переходных этапов процесса. В связи с этим идея направленности процесса, а тем более идея прогресса теряет смысл.

Интерпретация истории как повторяющихся *циклов* существовала с давних времен. В XIX в. она нашла свое систематическое выражение в нескольких историософских концепциях и отсюда перешла уже непосредственно в социологию.

Российский философ Николай Данилевский (1822-1885), автор известного труда «Россия и Европа», отказался от трех аксиом эволюционизма: а) утверждение, что развитие охватывает всю совокупность людей, человечество в целом; б) представление, что развитие имеет направленный и прогрессивный характер; в) представление, будто западноевропейское общество может служить показателем прогресса. Он утверждал, что предметом развития является не человечество, не люди, а «*цивилизации*» - меньшие по объему, целостные, относительно изолированные культурно-исторические величины, отличающиеся друг от друга своим «характером» и своим ритмом изменений. Он называл такие цивилизации: египетская, китайская, вавилонская, индийская, персидская, древнееврейская, греческая, римская, германо-романская, славянская. Последнюю он идеализировал, утверждая, будто она гармонично синтезирует четыре стиля, присущие предшествующим ей цивилизациям: религиозное начало, типичное для древнееврейской цивилизации, с художественным началом греческой цивилизации, с римским искусством управления и права и с политическим и военным опытом германо-романской цивилизации.

Каждая цивилизация проходит закономерный *жизненный цикл*. Первый этап - это формирование цивилизации из разобщенных, рассеянных элементов культуры; второй этап - это нахождение данной цивилизацией своей культурной и политической формы, своего истинного места; третий этап - это расцвет цивилизации, полная реализация всех скрытых в ней творческих возможностей; на четвертом этапе исчерпывается ее творческий потенциал, наступает стагнация, апатия; на пятом этапе происходит распад, упадок, гибель цивилизации. Такие цивилизационные циклы совершаются неравномерно, в связи с чем между ними обнаруживаются *диспропорции развития*; в один и тот же момент сосуществуют цивилизации, находящиеся в разных фазах цикла. Данилевский считал, что к концу XIX в. германо-романская цивилизация находилась в фазе распада, а славянская цивилизация, напротив, достигла своей зрелости и расцвета.

Важный методологический урок, вытекающий из концепции Данилевского, - это необходимость рассматривать каждое историческое событие в контексте *двойной относительности*: по отношению ко всей конкретной цивилизации, в рамках которой оно выступает, и по отношению к определенной фазе в цикле, типичном именно для этой цивилизации.

Большое сходство и внутреннее родство с этими представлениями обнаруживаем мы в теории Освальда Шпенглера (1880-1936). Эта теория изложена в его произведении «Закат Европы». Согласно ее постулатам, история не имеет никаких универсальных законов, наоборот - каждая культурная единица реализует различные ценности, обладает собственными закономерностями. Культурные единицы представляют собой изолированные монады, между ними не происходит диффузии, даже взаимопонимание бывает невозможно или затруднительно. Каждая культура имеет свою «*душу*». Наиболее отличающиеся, противоположные друг другу разновидности культурной души - это «аполлонический тип души», характерный для античной культуры (культ богов, апофеоз разумного опыта, физическая красота человеческого тела), и «фаустовский тип души», типичный для западной культуры (культ силы, апофеоз активности, воли, овладение миром).

Каждая культурная единица проходит закономерные фазы развития. Имманентным законом каждой такой единицы является переход от роста и расцвета, определяемых как стадия «*культуры*», к упадку и разложению - к стадии «*цивилизации*». Стадия «культуры» характеризуется доминированием интеллектуальных элит, создающих духовные ценности, в соответствии с которыми организуются политические и экономические отношения (примером могут служить аристократия и духовенство в эпоху феодализма). Зато стадия «цивилизации» означает: а) преобладание и господство политической элиты над элитой интеллектуальной; б) распад на метрополию и провинцию, при этом последняя только наследует образцы метрополии; в) исчезновение подлинных ценностей, заменяемых пустыми лозунгами; г) вытеснение всех связей, имевших самоценное значение (незаинтересованных, спонтанных, интимных), инструментальными (рассчитанными, или подчиненными расчету, формальными); д) вытеснение духовных идеалов потребительским гедонизмом; е) вытеснение человека как целостной многомерной личности, обладающей собственной идентичностью, функцией или ролью в разделении труда.

Шпенглер считал, что именно этими признаками характеризуется современная ему цивилизация Запада, которая находится в состоянии упадка. Поэтому его окрашенную пессимизмом концепцию нередко определяют как *исторический катастрофизм*.

Социологические теории циклов

Первую теорию *исторических циклов* в социологии сформулировал Вильфредо Парето (1848-1923) в своей книге «Трактат по общей социологии». В его представлении социальная система находится в непрерывном движении, представляет собой процесс перехода от равновесия (aequilibrium) через

дестабилизацию к нарушению равновесия (*disaquilbrium*), а затем вновь к новому состоянию равновесия (новый *aquilbrium*). В каждой фазе состояние системы определяется характером господствующих элит, прежде всего правящих, то есть всех тех, чьи решения являются обязательными для других и в чьих руках находится власть. Особенности элит зависят от того, какие фундаментальные наклонности, мотивации, резидуи среди них господствуют. Резидуи бывают двух типов: первый характеризуется склонностью к инновациям, предприимчивостью, экспансивностью, готовностью к риску, активностью действий, оппортунизмом, второй тип - консерватизмом, осторожностью, традиционализмом, приверженностью принципам, культом стабильности и прочности. Стратегия действий «лис», или представителей первого типа, основана на хитрости, стратегия действий «львов» - на преобладании силы (эта аналогия со звериным миром заимствована у Никколо Макиавелли).

Исторические изменения - это *циркуляция элит*, очередная смена одних элит другими. «История - это кладбище аристократии», - говорил Парето, имея в виду падение очередных элит. Можно выделить различные циклы циркуляции элит. Важнейшим является военно-политический цикл: а) сначала правят «львы», и их власть опирается на силу, захваты, войны; б) в мирных условиях необходимыми оказываются навыки и способности иного характера: умение манипулировать, организовывать, управлять; в) в соответствии с этим в правящую элиту неизбежно проникают «лисы»; г) со временем они вытесняют «львов» с их позиций или достигают этого путем революционного переворота, однако д) они не могут справиться с ситуациями, в которых возникают угрозы и конфликты, и в соответствии с этим процесс проникновения новых представителей в элиты начинает развиваться в противоположном направлении.

Другой важный цикл - промышленно-экономический. Его участниками являются рантье и спекулянты: а) сначала господствуют те, кто настроен на бережливость, обеспеченную прибыль и собственность, небольшой риск - такковы рантье; б) неизбежно вытекающая из их правления стагнация порождает стремление к переменам, к ускорению развития, что открывает возможности действий для спекулянтов; в) проникая в элиты, они оказываются способны перехитрить рантье и вытеснить последних с тех позиций, которые те занимали, или г) используя недовольство масс и манипулируя им, совершить революционный переворот, который приведет к тому, что именно они займут место в элите; однако д) стремление к стабильности, к ситуациям, в которых можно предвидеть будущее, страх перед наступлением хаоса снова восстанавливают значение рантье, и цикл повторяется.

В современной социологии наиболее интересную теорию цикличности формулирует американский ученый русского происхождения Питирим А. Сорокин (1889-1968) в своем фундаментальном четырехтомном труде «Социальная и культурная динамика»¹⁶, основанном на его исключительной исторической эрудиции и эмпирической документации, собранной на протяжении

многих лет. Сорокин полагает, что социальный мир складывается из цельных «социокультурных систем», которые отличаются внутренним единством, причем эта внутренняя интеграция обеспечивается двойным образом: то, что относится к обществу (социальная часть системы), причинно-функциональной интеграцией (посредством взаимодействий, социальных отношений, разделения труда и т.п.), а то, что относится к сфере культуры, *логической интеграцией, посредством значений* (через аналогии, исключения, общность стили и т.п.).

Главная составляющая любой социокультурной системы - «культурный менталитет» определяет способ миропонимания, навязывает иерархию ценностей, критерии истины. От него зависит характер всех других составляющих системы. Сорокин выделяет два противоположных типа культурного менталитета: умозрительный (идейный, идеократический) и чувственный, а также средний между ними - идеалистический. *Умозрительный менталитет* исходит из того, что: а) мир вечен, имеет духовную сущность, недоступную для чувственного познания; б) самыми важными являются духовные потребности, а физические импульсы могут быть подавлены или ограничены; в) прогресс, самосовершенствование заключаются в умении овладеть инстинктами и влечениями; г) ценности имеют вечный, неизменный и самодостаточный (автотелический) характер; д) истину можно постигнуть только через мистическое переживание, интуицию, веру, откровение; е) искусство должно отражать религиозные явления, служить созерцанию; ж) деньги и собственность являются только средством достижения высших целей. Совершенно иной характер носит *чувственная культура*, которая опирается на убеждения, что: а) мир материален и доступен познанию его человеческим разумом; б) важнейшими являются физические потребности, и надо стремиться к их максимальному, гедонистическому удовлетворению; в) прогресс заключается в овладении окружением - в господстве над природой и другими людьми; г) ценности имеют изменчивый и относительный характер, инструментально подчинены поискам удовольствия и счастья; д) истина постигается в экспериментах, наблюдениях, на логических основах; е) искусство должно доставлять чувственное наслаждение и служить средством развлечения; ж) богатство (и способность разбогатеть) является добродетелью и мерой ценности человека.

Эта теория не только имеет аналитический характер, но и является непосредственной основой теории социальных изменений. История человечества представляется как цикл изменений культурного менталитета - этого стержня социокультурной системы: от умозрительного через идеалистический к чувственному и обратно от чувственного через идеалистический к умозрительному (идеократическому). Например, в европейском цикле эпоха VIII—VI вв. до н.э. - это эпоха умозрительного менталитета, Греция V в. до н.э. - это переходный период, период господства идеалистического менталитета. Древний Рим - от IV в. до н.э. до IV в. н.э. - это чувственная эпоха; потом до VI в. продолжается идеалистический, переходный период, а от VI до XII в. снова господствует идеократический, умозрительный менталитет; конец Средневековья (XII—XIV вв.) - это переходный период идеалистического менталитета, а от раннего Возрождения XIV в. до наших дней продолжается очередная эпоха

¹⁶ Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. T. I-IV. New York: American Book Company, 1937.

чувственности, которая на наших глазах превращается в идеалистическую эпоху, чтобы в будущем снова вступить в идеократическую фазу. Эту перемену Сорокин приветствует с большим энтузиазмом, ибо он выступает как яростный критик и противник технической, чувственной цивилизации, массовой культуры, урбанизации и всех иных проявлений крайне распушенной современности.

Итак, ход истории не является линейным. Сорокин определяет его как *волны культурных изменений*, цикл приливов и отливов противоположных типов культурного менталитета. Каков же механизм такой циклической изменчивости? Сорокин формулирует принцип имманентных изменений: характер изменений определяется внутренними возможностями развития каждой социокультурной системы. Существует такая граница возможностей культуры, за которой данный культурный менталитет оказывается исчерпанным, подвергается экспансии, оказывается уже неспособным к дальнейшему развитию. Тогда появляется переходный, синкретический менталитет, содержащий элементы старого и нового менталитета. Затем он должен уступить место новому, набирающему силу, становящемуся господствующим менталитету, который до определенного времени будет отличаться экспансивностью, творческим потенциалом, привлекательностью для членов общества. Этот цикл происходит непрерывно. Внешние факторы, например влияние природного окружения, диффузии, захваты, имеют для него лишь второстепенное значение; они могут, к примеру, повлиять на длительность фаз каждого цикла, но не в состоянии изменить его эндогенной логики.

ПИПИРИМ А. СОРОКИН (1889-1968)

Русский социолог, который стал крупным ученым в США Его самые главные труды - «Социология революции» (The Sociology of Revolution, 1928), «Социальная мобильность» (Social Mobility, 1927), «Общество, культура и личность» (Society, Culture and Personality, 1947), а также четырехтомная «Социальная и культурная динамика» (Social and Cultural Dynamics, 1937-1941).

Социология, по его мнению, должна принять «интегралистский» подход, то есть метод, в котором наряду с эмпирическими исследованиями имеет место рациональный анализ, а также сверх- (или вне-) рациональный фактор интуиции, эмоции, гениальности. Источником вдохновения, а вместе с тем и доказательным материалом для социолога должна быть широкая историческая эрудиция, знание об обществе минувших эпох, а также сравнительный анализ современных обществ.

Социальный мир имеет двойственную природу, а именно социокультурную. Эта двойственность проявляется уже в простейших формах и элементах социальной жизни - в осмысленных, имеющих значение взаимодействиях (интеракциях) между отдельными людьми. Общество - это сеть интеракций (взаимодействий), культура - это значения, нормы, ценности и их материальные носители. Без культурного регулирования социальная жизнь была бы невозможной.

Культура - это не набор элементов, а интегрированная целостность. Характер культуры влияет на особенности экономических, политических, религиозных институтов, на формы развлечений, на стиль искусства, на характер законодательства и т.д. В истории можно выделить несколько «культурных суперсистем», которые отличаются друг от друга прежде всего представлениями о сущности действительности: чувственной, материальной или духовной, идеальной. Отсюда и различие «культурных менталитетов»: умозрительного или чувственного. Первый акцентирует духовные потребности, сильные и неизменные моральные императивы, самоконтроль и аскетическое подавление своего «Я» («эго»), мистический внутренний опыт - веру, откровение как источник истины. Второй («чувственный») менталитет придает первостепенное значение гедонистическому удовлетворению физических потребностей, комфорту, удовольствию, исходит из того, что нравственность имеет относительный характер, что господство над окружением и другими людьми важнее, чем господство над самим собой, что истина постигается научно, методами наблюдения, измерения и экспериментов.

Культурные суперсистемы следуют друг за другом циклично, причем эти циклы измеряются значительными промежутками времени. При этом в современном обществе ритм изменений поддается ускорению, а фазы цикла - сокращению. Причиной смены циклов является наступающее каждый раз исчерпание творческого потенциала системы, оказывающейся неспособной генерировать оригинальные инновации. Система сталкивается с барьером развития и начинает откатываться в противоположном направлении. Со времен Возрождения европейская культура находится в чувственной фазе. Однако кризис чувственного менталитета, выражающийся в моральной и эстетической анархии, в хаосе мнений, в разгуле насилия и обмана, в неуверенности человека в завтрашнем дне, в непрочности повседневного существования, в нестабильности правительственных систем, в распаде семьи, предопределяет и предвосхищает поворот в сторону идеократического менталитета через переходную фазу - идеалистический менталитет.

Литература

Sorokin P.A. Zasady zmiany immanentnej // W. Derczyński, A. Jasińska-Kania, J. Szacki (Red). Elementy teorii socjologicznych. Warszawa: PWN, 1975. S. 292-308.

Третья перспектива - марксизм

Третью крупнейшую перспективу - картину истории человечества - представил Карл Маркс (1818-1883). В значительной мере она сформировалась под влиянием эволюционизма, особенно Моргана, однако обращалась она и к совершенно иному интеллектуальному источнику - к диалектической философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770-1831). Эта комбинация привела к созданию настолько оригинальной концепции общественного развития, что она уже никак не вмещалась в рамки прежнего эволюционизма, а также теории цикличности. Эту концепцию называют диалектическим материализмом, или, по терминологии, предложенной Николаем Бухариным, *историческим материализмом*.

История, как утверждает Маркс, имеет свои «железные законы», развивается как естественно-исторический процесс, из чего следует, что она является как ареной проявления объективной закономерности, так и частью природы. В совокупности человеческих действий можно выявить универсальную логику, смысл, форму. Она заключается в направленном, необратимом *следовании друг за другом общественно-экономических формаций*, то есть целостных общественных систем, обретающих разный характер на последовательных исторических этапах.

В рамках западной цивилизации можно выделить пять формаций: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую, которая наступит в будущем. Здесь направление развития в конечном итоге прогрессивное, хотя это не всегда постоянный, постепенный прогресс (как в теориях эволюционизма). Напротив, прогресс осуществляется на пути временных спадов, кризисов и даже регресса. Рабовладельческое общество, феодализм и капитализм представляют собой в известном смысле регресс по отношению к первобытному обществу, ибо ведут к возникновению классового неравенства, эксплуатации и к отчуждению человека. Но в конце концов они должны привести к коммунизму, который уничтожит неравенство, эксплуатацию и отчуждение и будет означать, таким образом, абсолютный прогресс. Точно так же, рассматривая развитие каждой формации в отдельности, например капитализма, мы видим прежде всего регресс: углубляющиеся и обостряющиеся классовые различия и противоречия, рост эксплуатации, наиболее болезненно ощущаемое отчуждение человека. Однако именно это приводит к перелому и прогрессу через переход к более высокой формации. Переломные моменты между более низкой и более высокой формацией - это *социальные революции*. Таким образом, траектория общественного развития представляется здесь не гладкой, постепенно поднимающейся вверх, как в теориях эволюционизма, а ступенчатой - через каждый определенный промежуток времени обозначается определенный порог, совершается скачкообразный переход на более высокий уровень развития, и именно посредством революции.

Механизм развития, как и в эволюционизме, здесь предстает как *имманентный эндогенный*, находящийся в границах данной общественной системы (общественно-экономической формации). Развитие имеет характер самодвижущийся, самовозобновляющийся, представляет собой неизбежное саморазвитие. Но оно не является результатом медленной, постепенной актуализации изначально заложенной в обществе тенденции развития (как в типичной для эволюционизма метафоре - сравнении с органическим ростом), а проистекает из *напряжений, социальных противоречий и конфликтов*, которые постоянно присутствуют в обществе и так же постоянно возобновляются, формируются заново. Оно основано на том, что эти противоречия накапливаются, достигают определенного порога, когда разрешить их может только революция, а затем формируются снова на более высоком уровне.

Такую постоянную динамику каждой формации придают три вида противоречий. Первое и основное - это неизбежное противоречие между людьми и их природным окружением, которым они должны овладеть, чтобы обеспечить

свои потребности и выжить (мамонт должен стать жертвой их успешной охоты, чтобы доставить им пропитание; лес нужно вырубить, чтобы они смогли построить свои хижины; уголь нужно добыть, чтобы он мог обогревать их жилища; нефть нужно добыть, чтобы могли ездить автомобили и т.п.). Стараются справиться с вызовами природы и полнее, лучше обеспечить свои потребности, люди совершают открытия, изобретения, выступают с инновациями, обучаются новым методам поведения - словом, развивают *производительные силы*, которые служат для производства необходимых благ. Однако, действуя таким образом, они неизбежно попадают в другое противоречие - между новыми производительными силами и старыми, еще не изменившимися *производственными отношениями*, то есть теми общественными отношениями, которые устанавливаются между людьми в ходе работы, производства, создания необходимых благ, то есть той активности, которая в каждом обществе составляет главную суть жизни людей. Одним из важнейших видов производственных отношений являются *отношения собственности* между теми, кто владеет и не владеет *средствами производства* (землей, машинами, сырьем, зданиями, капиталом), то есть теми, кто предоставляет эти средства производства, и теми, кто работает и непосредственно использует эти средства производства в своей трудовой деятельности. Новые производительные силы требуют изменения производственных отношений (например, машинное производство требует концентрации большого количества рабочих на заводе или фабрике, а этому противоречит феодальный принцип прикрепления крестьянина к земле; сломав этот принцип, общество освобождает людские массы, которые можно использовать в качестве рабочей силы в промышленности). Но это, в свою очередь, создает третье противоречие - между *экономическим базисом*, то есть этими новыми производственными отношениями, с одной стороны, и старой, еще не изменившейся *«надстройкой»* политически-правового характера, с другой (системой институтов, политическим режимом, законодательными предписаниями и т.п.). Все они должны быть приспособлены к новым производственным отношениям. И только после этого можно говорить о наступившей полной смене общественно-экономической формации, о полном завершении общественной революции.

Производительные силы, производственные отношения, базис, надстройка, противоречия между ними - все это крайне абстрактные категории. Но за ними всегда стоят какие-то конкретные люди, коллективы, социальные движения. Субъектами, осуществляющими внутреннюю динамику и смену формаций, являются в представлении Маркса особые социальные группы - *социальные классы*, входящие в классовые конфликты друг с другом. Классы - это крупные группы людей, имеющие общие экономические интересы. Экономическим интересам каждого класса соответствует создание таких общественных отношений, которые позволяют представителям этого класса лучше и полнее обеспечить свои потребности. И снова исключительную роль призваны сыграть здесь отношения собственности, а именно обладание особым видом благ, которые в производственном процессе (или в торговом обороте) сами увеличивают свою ценность, позволяют их обладателю получить прибыль. Такими благами являются средства производства (земля, машины, фабрики), собственник которых

может диктовать рабочим условия труда и присваивать созданную ими *прибавочную стоимость* (например, в интересах собственников земли является сохранение феодальных привилегий, обеспечивающих их право собственности на землю и дающих им возможность эксплуатировать крестьян, а в интересах зависимых от них крестьян является уничтожение таких привилегий и освобождение от крепостного права). Расхождение интересов между такими группами может иметь чисто объективный характер и не находить отражения в их сознании. В таких случаях Маркс говорит о «классах в себе». Но со временем представители классов осознают собственные интересы, выявляют свои классовых врагов (тех, кто этим интересам угрожает), формулируют программы борьбы. В таких случаях Маркс говорит о «классах для себя», которые обрели *«классовое сознание»*. С появлением классов для себя объективное расхождение и противоречие интересов преобразуется в классовый конфликт, начинается настоящая борьба между крупными сегментами общества, которая свою высшую, наиболее острую форму получает в революции.

Таблица 14. Генеалогия классового конфликта

Социологическое понятие	Определяющая черта			
	объективное расхождение интересов	взаимная антипатия и враждебность	действия во вред другой стороне	стремление подчинить себе или уничтожить другую сторону
Противоречие классовых интересов	+			
Классовый антагонизм	+	+		
Классовый конфликт	+	+	+	
Классовая борьба	+	+	+	+

На этот же процесс можно посмотреть с точки зрения отдельного человека, отдельного члена общества. Именно так поступает Маркс в своих ранних трудах, в которых он развивает теорию человеческой природы и отчуждения. Он утверждает, что человек по своей природе - существо *творческое и общественное*, имеет врожденные склонности к самореализации, к выражению самого себя в труде, в совершении инноваций, открытий, а также врожденные тенденции к свободному сотрудничеству с другими людьми, к свободному участию в более крупных группах. Однако с того момента, как общество разделилось на классы и появились эксплуатация, конфликты и классовая борьба, человек оказывается в состоянии *отчуждения*, противоречащем его естественным, природным склонностям. Он перестает быть творцом, превращается в исполнителя навязанных ему действий, перестает реализовывать в труде самого себя, начинает трактовать работу как неизбежное зло (например, наемный рабочий, чтобы прокормить свою семью, должен работать в нечеловече-

ских условиях). Одновременно вместо чувства общности, солидарности, кооперации появляются враждебность, конкуренция, борьба за жизнь. Пропадает интерес к судьбам нации, распространяется политическая апатия и пассивность, идейное равнодушие. Человек теряет свою истинную человеческую природу. Это противоречие вызывает постоянное напряжение и стремление к эмансипации, к освобождению от невыносимого ярма отчуждения. Это стремление отдельной личности становится той силой, которая придает динамику общественному развитию, приводит к очередным революционным взрывам.

В описанном механизме действий есть один особенно важный, переломный момент, выделяющийся среди всех остальных и отличающийся от всех предшествующих обстоятельств. Это - окончательное разрешение противоречий, заложенных внутри формаций, завершение классовой борьбы и преодоление отчуждения в момент перехода к *коммунистическому* обществу. Этот скачок «из царства необходимости в царство свободы» должен совершиться силами рабочего класса и рабочего движения. «Пролетариат» в представлении Маркса - это именно особый класс, который не может обеспечить свои жизненные интересы простой, механической перестановкой привилегий (занять место прежде привилегированных слоев общества, сбросив их), как это бывало прежде при переходе от одной формации к другой, а должен уничтожить саму систему привилегий, социального неравенства, разделения общества на классы. Вся долгая история развивавшейся со времен рабовладельческого строя до эпохи капитализма классовой борьбы (и углубляющегося отчуждения) привела к такому напряжению, что освобождение теперь возможно только посредством радикального изменения самого характера общества, путем создания бесклассовой формации. Именно это должна принести с собой *пролетарская революция*. Вряд ли надо комментировать это положение, по крайней мере в свете современного исторического опыта (в том числе, и в нашей стране): эта часть теории Маркса оказалась наиболее утопической, а заключенная в ней гуманистическая надежда на полное и окончательное освобождение человечества осталась бесконечно далекой от осуществления.

Марксизм после Маркса

Марксистская теория развития общества стала предметом многочисленных интерпретаций, попыток развить и продолжить ее. В самых общих чертах можно сказать, что восприятие этой теории шло в двух направлениях. Первое можно назвать *ортодоксальным*, или *догматическим*, а второе - *активистским*, или *гуманистическим*.

Ортодоксальная школа извлекала из исторического материализма его эволюционистские тенденции, а также механистические аспекты. Но особо подчеркивала детерминизм исторического развития (действий людей), естественно-исторический ход истории, фатализм, финализм. При этом из поля зрения исчезал живой человек, его действия, свобода воли. Минимальное значение придавалось человеческому сознанию, абсолютизировалось значение «мате-

риальных» факторов бытия. Исторический материализм переродился по сути в *экономический детерминизм*, в котором решающую роль играли меняющиеся технические и экономические условия, определяющие характер и образ всех других фрагментов и уровней социальной системы и якобы неуклонно и неизбежно ведущие к коммунизму. Среди многих авторов, вставших на такие позиции, можно назвать Карла Каутского (1854-1938), Георгия Плеханова (1856-1918), Николая Бухарина (1888-1938). Владимир Ленин (1870-1924) старался приспособить концепцию Маркса к задачам и потребностям политической борьбы в России, используя эту концепцию прагматически и упрощая, примитивизируя ее. До крайней вульгаризации довел концепцию Маркса Иосиф Сталин (1879-1953), который использовал ее как идеологическое обоснование тоталитарной, репрессивной диктатуры. Отчасти именно «заслугой» Сталина и сталинизма стала полная компрометация догматической версии марксизма, которая ныне является уже слишком очевидным недоразумением в истории общественной мысли.

Зато совершенно иначе складывались судьбы другой интерпретации марксизма, а именно его гуманистической версии. Она базировалась на ранних произведениях Маркса, в которых в центре его внимания был человек и его деятельность. Эта версия акцентировала решающую роль *человеческой деятельности*, особенно тогда, когда эта деятельность становится массовой. История при этом представлялась как *совокупность возможностей*, которое каждый раз заново дается людям и в котором направления развития зависят от решений, принимаемых людьми. Эта теория отбрасывала представления о заранее предопределенном направлении развития, а тем более о предопределенной цели человеческих действий, трактуя историю человечества как открытый процесс. Большое значение она придавала *факторам, зависящим от сознания людей*: культурным, аксиологическим подходам, мотивациям, намерениям, а также ценностям, которые признаны действующими, творящими историю людьми. К представителям такого направления марксизма надо отнести Антонио Грамши (1891-1937), Дьердя Лукача (1885-1971), Эриха Фромма (1900-1980).

Антонио Грамши определял марксистскую теорию развития общества как «философию практики», подчеркивая этим, что это развитие является продуктом деятельности людей, результатом предпринимаемых ими *социально-исторических «практик»*. Творцами истории являются мыслящие, чувствующие и действующие люди. Не существует никаких сверхчеловеческих «законов истории», которые имели бы естественный характер и позволяли бы предвидеть будущий ход общественных процессов. Поэтому главную роль играет сознание людей, их политическая деятельность, революционная практика - все то, что ортодоксальные марксисты рассматривали как вторичную и детерминированную «надстройку». Условия «бытия», экономические обстоятельства сами по себе ничего не предопределяют, они только создают те рамки, выявляют те параметры, в которых набирают силу, развиваются в том или ином направлении действия людей. Эти условия, с одной стороны, ограничивают, с другой - стимулируют то, что может быть сделано, то, что люди склонны сделать. Но реальная история развивается так, а не иначе только и постольку, что люди именно это (а не что-то другое) делают в реальности. *Коллективным*

субъектом истории являются классы. Их способность к выполнению своей исторической роли зависит от уровня сознания, от того, способны ли они стать «*культурным гегемоном*», навязать другим социальным группам свой образ мышления и свои системы ценностей. Это должно предшествовать победе данного класса в революции. В развитии классового сознания, культурной гегемонии класса огромную роль играют интеллектуалы, не традиционные «эксперты», демонстрирующие свою объективность и независимость, а ангажированные «*органические*» интеллектуалы, идентифицирующие себя с данным классом, участвующие в его борьбе, понимающие и глубоко чувствующие его стремления и надежды.

Аналогичные акценты можно обнаружить в произведениях венгерского философа Дьердя Лукача, особенно в его ранней работе «История и классовое сознание», а также в опубликованной уже после его смерти многотомной «К онтологии общественного бытия». Социальную действительность он представлял как непрерывный процесс, в ходе которого изменяется вся общественная «целостность». В центре его интересов снова оказывается «практика» - предпринимаемые в определенных исторических условиях массовые действия, преобразующие сами эти условия и формирующие будущий процесс развития действий людей. Важнейшие из этих действий совершаются в сфере труда - этой исключительной человеческой формы активности. Социальная теория, в том числе и марксизм, непосредственно участвует в «практике», влияя на мотивации, стремления, на историческое воображение масс. Движущей силой истории является адекватное, отвечающее современным историческим условиям, теоретически обоснованное классовое сознание, определяющее характер массовых действий.

Наиболее ясную версию гуманистического марксизма представил в своих многочисленных книгах Эрих Фромм. Он обращается к тем мотивам творчества Маркса, которые связаны с выявлением постоянных источников исторического процесса в естественных предпосылках и склонностях человека. К ним относятся: а) незаинтересованное (не основанное на личной выгоде), добродетельное, интимное отношение к другим людям (высшей формой такого отношения является любовь); б) творческий импульс, потребность постоянных инноваций, выхода за существующие границы бытия; в) интеграция в группе (укоренение в определенной общине), потребность в помощи, охране, в братстве, лояльности со стороны той группы, к которой принадлежит человек; г) ощущение собственной идентичности, автономии, чувство ответственности за самого себя; д) рациональное отношение к окружающему миру, основанное на объективизме, критицизме, постоянно обогащающемся знании. Здоровое общество - это общество, в котором возможен расцвет «человеческой природы» в таком ее понимании. Фромм утверждал, что современное индустриальное общество, к сожалению, нельзя считать здоровым - оно является «*большим*», ибо искажает, извращает, подвергает насилию все естественные склонности человека. Важнейшим симптомом этой болезни является всеобщее *отчуждение*. Проявления такого отчуждения Фромм обнаруживает во всех сферах общественной жизни: в сфере труда и производства (как у Маркса), а также в сфере потребления, развлечений, массовой культуры, полити-

ки, межличностных отношений. Вся жизнь людей в этом обществе пронизана одним «*иметь*» - обладать, приобретать, накапливать, в то время как на самый дальний план отходит императив «*быть*» - реализовать свои возможности, развиваться, совершенствоваться, испытывать радость жизни. Выход из этого болезненного состояния - это радикальная моральная реформа, возрождение естественных ценностей и гуманное устройство общества на основах содружества, общности интересов.

Важнейшие понятия и термины

Асинхронность развития - ситуация, в которой развитие различных аспектов одной и той же социальной системы происходит разными путями и в разном темпе (по-своему развитие экономики, по-своему - развитие политики, по-своему - развитие сельского хозяйства, по-своему - развитие промышленности, по-своему - развитие религии, по-своему - развитие науки и т.п.).

Детерминизм - взгляд, согласно которому каждое состояние общества является этапом более широкого процесса, непреложно вытекающим из того, что было раньше, полностью генетически предопределенным прежним характером процесса.

Естественный отбор - шанс, который имеют особи, обладающие свойствами, соответствующими условиям окружающей среды (адаптационными признаками), дожить до воспроизведения рода и передать эти свойства потомству. И напротив, более раннее исчезновение особей, обладающих свойствами, не способствующими адаптации, что исключает унаследование их в данной популяции.

Историософский идеализм - взгляд, согласно которому главным фактором, предопределяющим ход исторических процессов является общественное сознание втянутых в эти процессы людей.

Историософский катастрофизм - убеждение в углублении непреодолимого кризиса общества или культуры, который неизбежно ведет к упадку и распаду.

Историософский материализм - взгляд, согласно которому главным детерминирующим фактором в историческом процессе являются условия бытия и жизненные интересы масс общества.

Мегатренды - важнейшие, самые основные тенденции, выявляющиеся на глобальном, макросоциальном уровне и приводящие к радикальным структурным изменениям в современных обществах.

Модернизация - намеренное, целенаправленное, запланированное приближение общества к признанной модели современности, чаще всего по образцу какого-нибудь существующего общества, признанного наиболее развитым.

Прогрессизм (историософский оптимизм) - убеждение, что каждое последующее состояние общества относительно лучше прежнего, а конечное его состояние, на которое нацелено развитие, принесет полную, абсолютную реализацию счастья и добра.

Социобиология - дисциплина, рассматриваемая как наука, которая занимается исследованием биологических основ социального поведения всех живых организмов, включая и человека.

Социологический эволюционизм - представление об историческом развитии, акцентирующее однолинейность и направленность постепенного процесса структурной и функциональной дифференциации общества в результате реализации имманентных, эндогенных потенций, подобно тому, как происходит рост отдельного организма в мире живой природы.

Технологический детерминизм - взгляд, согласно которому главными факторами, движущими прогресс и обеспечивающими прогрессивное развитие общества, являются открытия и изобретения, на основе которых возможно введение и применение новых технических устройств.

Фатализм - взгляд, согласно которому социальное развитие имеет непреложный, неизбежный и неотвратимый характер, а люди своими действиями не могут ни задержать это развитие, ни изменить его направление.

Финализм - взгляд, согласно которому социальное развитие идет к определенной конечной цели, непременная реализация которой в будущем неизбежна.

Циркуляция элит - цикличная смена политических, хозяйственных или интеллектуальных элит в результате конкуренции и борьбы.

Эпицентры современности - регионы, страны и даже отдельные города, которые в данную эпоху становятся образцами современного образа жизни, которым следуют другие сообщества.

Рекомендуемая литература

12, 60, 61, 71 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

ных положений, которые можно определить как *исторический коэффициент социальной действительности*.

Во-первых, все они исходят из того, что общественный мир - это не некое постоянное и неизменное состояние, а скорее непрерывный динамический процесс. Общество скорее формируется, нежели существует, и при этом оно складывается скорее из событий, нежели из объектов.

Во-вторых, как вытекает уже из первого положения, *время* является имманентным фактором социальной жизни, ее внутренним неизбежным изменением. То, что делается, протекает тем или иным образом, имеет те или иные причины и те или иные последствия, зависит от того момента, в котором оказывается данное действие со всеми его причинами, последствиями и особенностями. Такая локализация в последовательности событий определяет не только особенности отдельного события, но реализующиеся в нем закономерности. В различных фазах процесса выступают различные механизмы, меняющиеся «законы» событий (всего происходящего).

В-третьих, социальные изменения рассматриваются как кумулятивный результат, как некая «равнодействующая» многих процессов, параллельных и перекрещивающихся, совпадающих и не совпадающих друг с другом, взаимно дополняющих и поддерживающих друг друга или, напротив, находящихся в конфликте. В каждый конкретный момент состояние общества определяется местом скрещения дифференцированных, гетерогенных и многонаправленных процессов.

В-четвертых, само общество, подлежащее развитию и переменам, представляется не в качестве застывшей системы, а как изменчивая сеть социальных отношений, в которых проявляются напряжения и гармония, противоречие и взаимодействие.

В-пятых, последовательность событий в рамках каждого отдельного процесса имеет кумулятивный характер. Каждая фаза процесса видится как аккумулярованный результат предшествующих фаз и одновременно основа продолжения процесса в будущем.

В-шестых, в качестве фактора реализации процесса выделяются социальные субъекты (индивидуальные или групповые субъекты) и их действия. Каждое состояние общества - это всегда какие-то люди, какие-то коллективы, группы, социальные движения, политические партии, ассоциации, объединения и т.п., активность которых формирует данное состояние общества и выделяется на его фоне. В свою очередь, каждое состояние общества открывает (и вместе с тем закрывает) поле возможностей, шансов для действий отдельных людей и коллективов, в итоге которых формируются новые состояния общества в будущем.

В-седьмых, *люди создают свое общество* и историю, но не произвольно, а в данных структурных условиях, унаследованных от прошлого, которые они сами усиливают или модифицируют и в новом виде передают своим наследникам. Короче говоря, действия людей частично детерминированы прежними структурами, в то время как будущие структуры частично детерминированы нынешними действиями субъектов.

Глава 23

Становление общества

К концу XX в. все более явно ощущалась потребность в новой концепции социальных и исторических изменений, в «четвертой теории развития». Ответом на это стала тенденция, которая получила наименование «нового теоретического движения»¹. Можно выделить два наиболее важных теоретических направления, получивших развитие на протяжении последних 20 с лишним лет, которые развивают эту «четвертую теорию»: это так называемая *историческая социология* и *теория деятельности (субъективности)*. Отталкиваясь от различных предпосылок, ведя свое происхождение из различных традиций, обе школы тем не менее пересекаются друг с другом, подчеркивая, что общество является динамическим процессом, в ходе которого люди своими действиями создают и воспроизводят контекст собственного существования, то есть те социальные структуры, которые в свою очередь становятся исходными условиями организационного или стимулирующего характера дальнейших действий. Таким образом, складывается здесь особенная, новая социальная онтология, своеобразное представление о действительности.

Историческая социология

Первое направление - историческая социология - как самостоятельная теория формируется постепенно на протяжении последних трех десятилетий. Наиболее крупные, выдающиеся представители этого направления - Норберт Элиас (Norbert Elias), Филип Абраме (Philip Abrams), Чарльз Тилли (Charles Tilly), Кристофер Ллойд (Christopher Lloyd), Теда Скокпол (Theda Skocpol), Михаэль Манн (Michael Mann) и др. Независимо от различий между ними, все они вроде бы признают определенный круг онтологических принципиаль-

¹ Alexander J.C. The New Theoretical Movement // Handbook of Sociology / Ed. by Smelser Neil. Newbury Park, Sage, 1988. P. 77-102.

НОРБЕРТ ЭЛИАС (1897-1990)

Еврейский социолог, вынужденный бежать из гитлеровской Германии, он значительную часть своей жизнь провел в Англии, оставаясь в полном забвении и неизвестности. По-настоящему его имя было открыто только в 1980-х годах. С этого времени он становится известным и даже модным, особенно среди европейских социологов. Наиболее значительные его труды «О процессе цивилизации» (*Ober den Prozess der Zivilisation*, 1939), «Что такое социология» (*What is Sociology*, 1978), «Общество индивидов» (*The Society of Individuals*, 1991)

Элиас рассматривал социологию как динамичную науку, основанную на широкой исторической эрудиции, а также на современных эмпирических материалах, предметом которой является общественный процесс, непрерывный ход регулярных изменений. Все современные состояния общества имеют свою генеалогию. В обществе не существует никаких объектов, которые имели бы постоянный и неизменный характер. Социальные структуры - это, по сути дела, образы, создаваемые и пересоздаваемые в непрерывно протекающих действиях и взаимодействиях, подобные фигурам танца, которые существуют лишь постольку и лишь в тот момент, когда танцоры танцуют. Сами образы развиваются во временном пространстве, а закономерности этого развития являются непреднамеренными и чаще всего непредвиденными.

Анализ процесса цивилизации европейских обществ от Средневековья до викторианской эпохи был проведен Элиасом на основе данной социологической концепции как ее апробация. Процесс цивилизации в масштабе отдельного человека, его биографии, - это приобщение ребенка к существующим обычаям и нравам. Однако сами эти стандарты выявляются в долгом историческом процессе и подлежат непрерывным модификациям. Движущей силой этих изменений является усложнение отношений между людьми, а также среды и образа жизни членов общества. На это влияют процессы образования государств, разделения труда, развития городов, денежной системы, бюрократии, рост численности населения. Внешний контроль над поведением людей преобразуется в самоконтроль. Сначала это оказывает влияние на нравы элит (например, на придворную этику), а затем распространяется среди других социальных классов. Тщательно и детально анализированные примеры этого процесса - способы поглощения пищи, а также то, как человек вытирает нос, плюется, мочится, раздевается, спит.

Важным аспектом всех «фигураций» (образов) является власть, которая выражается в противопоставлении господствующих групп и аутсайдеров. Власть выступает в отношениях между социальными классами, а также в отношениях между мужчинами и женщинами, белыми и черными, гетеросексуалами и гомосексуалистами, родителями и детьми, правителями и подданными, колонизаторами и колонизованными. Значительное неравенство в области власти приводит к стигматизации аутсайдеров, к усилению враждебности по отношению к ним и покорному принятию своего унижения с их стороны. Ослабление неравенства власти вызывает стремления к эмансипации и бунту со стороны аутсайдеров, что находит выражение в мощных социальных движениях.

Литература

Elias N. Rozważania o Niemcach: zmaganie o władzę a habitus narodowy i jego przemiany. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1996.

Теории деятельности

Поразительно, насколько похожий образ общества появился в совершенно ином теоретическом направлении, которое мы определили как теорию деятельности. Она также получила известность в последние два десятилетия. С ней связаны имена таких социологов, как Уолтер Бакли (Walter Buckley), Амитай Этциони (Amitai Etzioni), Ален Турэн (Alain Touraine), Мишель Крозье (Michel Crozier), Энтони Гидденс (Anthony Giddens), Том Берне (Tom Burns), Маргарет Арчер (Margaret Archer), Пётр Штомпка. И хотя некоторые из них, вероятно, воспротивились бы причислению их к такой общей «школе», однако очевидно, что все они разделяют представление об определенном, своеобразном характере общества.

Коротко это представление можно определить как *деятельностный коэффициент социальной реальности*, комплекс нескольких существенных онтологических положений. Во-первых, общество представляет собой *непрерывный процесс* изменений. Общество в неменяющемся состоянии немислимо, невозможно. Во-вторых, источники этой изменчивости находятся внутри общества, носят эндогенный характер и принимают форму *самотрансформаций*. В-третьих, непрерывным мотором социальных изменений и процессов является *активное начало в поведении, установках* отдельных людей и социальных групп, проявляющееся в их действиях. В обществе ничего не делается и не происходит само по себе, автоматически, с исторической или фатальной, как приговор судьбы, неизбежностью. Все делается людьми, и все, что происходит, является продуктом их действий. В-четвертых, множество и разнородность действующих субъектов приводят к тому, что направление, цели, скорость социальных изменений всегда являются предметом споров, конфликтов и борьбы. Результат появляется в итоге столкновения как *«равнодействующая»* плюралистических сил. В-пятых, каждое действие совершается в контексте *«сложившихся к моменту этого действия структур»*, причем само действие формирует и преобразует эти структуры. В-шестых, как структуры, так и действующие субъекты имеют двойственный характер. *Двойственность структур* выражается в том, что они одновременно являются детерминированными и детерминирующими; *двойственность агентов* выражается в том, что они одновременно формируют и формируются. Наконец, в-седьмых, вся эта непрерывная, изменчивая игра - взаимодействие агентов и структур, то формируемых, то формирующих, происходит во *времени*, преобразуя социальный процесс в последовательность альтернативных фаз: творческой активности и структурной детерминации.

Картина общества, представленная в исторической социологии и в теории деятельности, является крупным теоретическим достижением. Однако, как и каждая теория, она имеет свои слабости и должна стать предметом дальнейшего теоретического осмысления и доработки. Такая попытка дальнейшего синтеза, объединяющего исторический и деятельностный факторы, была принята посредством введения понятия *«становления общества»*².

² *Sztompka P.* Society in Action: The Theory of Social Becoming. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Средний уровень социальной реальности

Теория становления общества исходит из сильной онтологической предпосылки: то, что существует, является конечным конструктом социальной жизни. Это не отдельные люди и не стоящие над людьми структуры или системы, а «средний уровень» социальной реальности - своеобразное *индивидуально-структурное социальное поле*. Ни отдельные люди, ни структуры не являются реальными сущностями, самое большее, это мыслимые абстракции. Разве можно представить себе человека, который существовал бы вне какого-либо структурного социального контекста? Это только наше заблуждение, будто мы как-то изолированы, отделены от других. В действительности все человечество, как на генетическом, так и на современном уровне, переплетено с окружающими социальными структурами: нормативными, идеологическими системами, каналами взаимодействий и иерархиями неравных жизненных шансов. Точно так же, разве можно представить себе структуры, которые существовали бы без людей, действующих в их рамках, творящих эти структуры и непрерывно пересоздающих их своими действиями? Это наше заблуждение, будто общество (государство, право, мораль, экономика и т.п.) существует где-то отдельно от людей. В действительности общество - это и есть люди, индивиды в их взаимосвязях. Таким образом, каждое эмпирически фиксируемое общественное явление, каждый социологический факт неизбежно является неразделимым сплавом *индивидуального и структурного фактора*, частицей индивидуально-структурного поля.

Другой сильный онтологический тезис касается самого способа существования своеобразной социальной действительности, этого индивидуально-структурного поля. Это существование является непрерывным *движением*, его невозможно представить в статическом состоянии, в неизменности, оно представляет собой вечный процесс. Термин *«социальная жизнь»* возник неслучайно: он появился потому, что интуитивно выражал основную суть общества. Дело в том, что именно жизнь, жизнь в самом простом, биологическом смысле продолжается лишь до тех пор, пока является непрерывной цепью изменений, развитием, движением, которое невозможно остановить, потому что «остановка» уже будет означать конец жизни и наступление чего-то совершенно иного, а именно смерти. Но в то же время изменчивость означает *продолжение* того, что было, существование определенных рамок, в которых совершаются изменения. Сохранение идентичности социума, в котором идет непрерывная социальная жизнь (так же как сохранение целостности живого организма), требует прочности, продолжительности определенных его измерений, аспектов. Таким образом, каждое эмпирически фиксируемое общественное явление, каждый социологический факт неизбежно является неразделимым сплавом исторической *длительности* и неустанной *изменчивости*, он одновременно продолжается и изменяется.

Чем же в итоге является единичный, элементарный социологический факт, эта самая малая частица того особого индивидуально-структурного поля, которое существует только в постоянном движении? Это - *социальное событие*. Говоря о событиях, мы имеем в виду факты разного масштаба, разной степени

сложности, разного уровня. Событием в этом смысле в равной мере является завтрак, покупка в магазине, ограбление банка, выборы президента, революция. Если мы присмотримся к каждому из этих примеров, то увидим, что в каждый из них явно выражается внутренняя индивидуально-структурная двойственность, каждое из них является чьим-то действием, предпринятым в рамках каких-то определенных структур. Выявляется также их динамичный характер, их неопределенное состояние между продолжительностью и изменчивостью.

Конечно, социальные события не являются единичными, изолированными, они связаны друг с другом в различных *сложных комплексах*. Комплекс наивысшей сложности, формируемый более или менее тесно связанными друг с другом событиями, происходящими в данном обществе в данный исторический момент, в соответствии с традицией Карла Маркса, Антонио Грамши и Дьердя Лукача, мы определяем термином «общественно-историческая практика» или проще «коллективная практика». Подчеркнем, что «практика» в данном смысле - это все то, что делается и происходит на этом «среднем» уровне социальной реальности, это синтетический сплав действий, предпринимаемых членами общества, и структурных условий, в которых эти действия принимаются.

События и их совокупность - практики - происходят на наших глазах, формируют действительную «жизнь» общества. Можно, однако, представить, что они являются выражением, актуализацией неких потенциальных способностей, особенностей, тенденций, закодированных в обществе, проявлением своеобразной «витальной силы» общества. Таким образом мы подошли к понятию, которое в рассматриваемой теории имеет центральное значение, - к категории деятельности.

Деятельность субъектов понимается здесь как особенное, синтетическое свойство общества (индивидуально-структурного поля), выражающееся в способности к общественно-исторической, коллективной практике. Иначе говоря, деятельность - это потенциальная способность к саморазвитию, самопреображению. Еще раз надо повторить: речь не идет ни о способности отдельных людей, коллективов или групп самих по себе, ни о потенциальных возможностях социальных структур самих по себе. Деятельность - это особого рода «равнодействующая» способностей, навыков, возможностей, мотиваций, знаний, намерений, амбиций, самоотречения членов общества, а также структурных условий, в которых этим членам общества приходится действовать. Это синтетическая особенность социального поля, а не какой-либо одной из составляющих его «векторов». Чтобы сильнее подчеркнуть эту мысль, воспользуемся игрой слов: субъектом деятельности является общество, а не отдельный человек, не группа, не класс и не какая-либо иная структура. Деятельность - это потенциальный атрибут общества, понимаемого как своеобразный феномен - индивидуально-структурное поле. Конечно, понимаемая таким образом деятельность может выступать с большей или меньшей силой - от полюса *пассивного общества*, пребывающего в стагнации, неспособного к мобилизации и самотрансформации, до полюса *активного общества*, предпринимающего постоянные усилия к самопреобразованию, способного ответить на вызовы, преодолеть барьеры, перейти границы.

Поскольку предлагаемое понятие деятельности субъектов никак нельзя считать общераспространенным, даже в рамках той теоретической школы, которую мы называли «теорией деятельности», следует представить его на фоне других подходов и понятий, встречающихся в современной социологической мысли. Тогда более четкое выражение получит его оригинальность.

Идея деятельности субъектов в истории мысли

Поиск факторов, действие которых вызывает важные для людей социальные события, представляется вечной и универсальной тенденцией человеческого мышления. В этом смысле можно сказать, что проблематика субъективности возникает вместе с возникновением общества. Однако в процессе долгой эволюции идея деятельности пережила глубокую модификацию, направление которой определили четыре лозунга: секуляризация, гуманизация, социализация и демократизация.

Сначала субъекты, вызывающие важные события, располагались в сверхъестественном мире, над людьми. Творящими субъектами были анимистические силы, персонифицированные божества или отдельные боги, а также метафизические сущности - судьба, провидение. Они неуклонно и непосредственно контролировали ход жизни отдельных людей и историю общества. Деятельность имела, таким образом, *сакральный* характер.

На следующей стадии социального развития деятельность уже перемещается в земные сферы и связывается с силами природы, постепенно открываемыми и осмысливаемыми человеком. С той поры судьбы людей и общества представляются как результат естественной, природной детерминации - физической, биологической, климатической, астрономической, демографической и т.п. Деятельность подвергается *секуляризации*.

Третья стадия приносит новое понимание действующих субъектов, способных оказать влияние на исторические события. Эта роль приписывается уже самим людям, правда, не всем, а лишь *великим мира сего* - выдающимся руководителям, вождям, пророкам, гениям³. Они приводят в движение все общество, действуют «в обществе», но сами не являются людьми «из общества». Их выдающиеся таланты, способности, харизма являются даром судьбы, случаем, предопределенным их рождением, тайной генов. Деятельность подвергается гуманизации, но еще не до конца, ибо касается только выдающихся личностей. Она еще не подлежит социализации, оставаясь чисто индивидуальной чертой.

На четвертой фазе, вместе с рождением социологии, дело обретает удивительный оборот: представление о субъектах истории, хотя и подвергается социализации, однако ценой новой дегуманизации. В типичных для классической социологии органических моделях общества творящие силы кроются где-то в самой *конструкции социальной системы*, как заложенные в ней, не подвергаемые более тщательному анализу, или как имманентная тенден-

ция, проявляющаяся в повседневном функционировании общества, а также в конечном, направленном и неотвратимом процессе развития. В различных версиях эволюционизма, теориях социального развития, в функционализме или в теории социальных систем исходным является представление, будто социальная жизнь и история развиваются свойственным им, как бы автоматическим образом, словно протекают над головами людей. Эти парадоксальные картины общества, в которых не остается места живым, активным, действующим людям, встречают широкую критику. Джордж Хоманс (George Homans), например, призывает: «Вернем обществу людей и вольтем в них немного крови!»⁴ Со временем призывы такого рода приводят к тому, что деятельность в конце концов подвергается одновременно гуманизации и социализации. Реализуется это различными способами.

Пятой можно считать фазу социальной мысли, когда в роли субъектов истории вновь появляются великие личности, но теперь представление о них основано не на том, что они такими великими родились, а на том, что они являются *представителями*, выразителями социальных тенденций - напряжений, конфликтов, ожиданий и настроений общества, тенденций его развития. Их харизма имеет социальное происхождение, возникает постольку, поскольку они формируют, выражают «дух» общества, «климат» эпохи. Можно сказать, претендуя на своеобразный парадоксальный афоризм, что они являются предводителями, поскольку им удается идти за теми, кем они предводительствуют.

На шестой фазе деятельность обретает иное направление: субъектами истории представляются не сами по себе достойные уважения и выдающиеся личности, а некоторые *социальные роли* - руководящие, представляющие власть, организаторские. Перефразируя Вебера, можно сказать, что наступает «рутинизация деятельности». Независимо от личных особенностей «субъектов» сама деятельность (возможность выступить в таковом качестве) становится прерогативой определенных органов, учреждений - позиций, обладающих правом и возможностью принимать решения в существенных для общества вопросах.

Однако поистине переломной можно считать лишь седьмую фазу развития социальной мысли, когда представление о субъектах, творящих историю, распространяется на *обычных людей* в их повседневной, обыкновенной жизни. Это уже не только социализация, но и истинная демократизация деятельности. Конечно, она предполагает, что каждый отдельный член общества играет лишь минимальную роль в генерировании важных социальных преобразований, но вместе с тем она утверждает, что эти преобразования не имеют никаких иных источников, кроме того, что делают все эти члены общества - каждый на своем участке, в своих, индивидуальных целях. Иначе говоря, каждый человек в дистрибутивном смысле является субъектом в минимальной мере, однако в коллективном смысле он остается единственным, исключительным субъектом действия в обществе. Две близкие научные дисциплины по-

могут социологи в исследовании этого сложного вопроса. Экономика обеспечивает сравнение с *хозяйственным рынком*, в котором в итоге рассеянной, разделенной на бесчисленное количество направлений активности огромного множества производителей, потребителей, продавцов, клиентов, покупателей и т.д. возникает «невидимая рука», которая определяет обязательные, закономерные тенденции или преобразования. Лингвистика дает сравнения с *естественным языком*, показывая, как в повседневной речи бесчисленных индивидов формируются, воспроизводятся и модифицируются семантические и грамматические структуры. Именно опираясь на эти сравнения, исследователи деятельности субъектов воспринимают все социальные изменения как непреднамеренный и даже непредвиденный результат, как скрытую функцию того, что все члены общества делают из своих личных побуждений и по своему личному разумению.

Есть, однако, еще восьмая фаза развития, на которой складывается представление, что та демократическая точка зрения, которая приписывает возможность быть субъектом истории всем и каждому в отдельности, не должна затмевать той истины, что наиболее важные, решающие, переломного и революционного характера социальные изменения совершаются, как правило, не рассредоточенными, рассеянными, нескоординированными действиями отдельных людей, а *групповыми действиями* коллективных субъектов: оппозиционных ассоциаций, террористических организаций, групп заговорщиков и революционеров, социальных движений, армейских подразделений, парламентов, политических партий, «групп давления», преступных сетей, мафиозных кланов. Их сложные конфигурации обозначают политическую сцену современных обществ, а их намеренные, целенаправленные действия переплетаются со спонтанной, индивидуальной активностью членов общества.

Итак, мы представили здесь различные версии деятельности (понятия о субъектах социального и исторического процесса), которые появлялись на протяжении длительного развития социальной мысли. Если оставить в стороне донаучные метафизические концепции, то окажется, что социальность располагалась или в социальных структурах (в конструкции «социального организма»), или в каких-нибудь категориях индивидов (великих личностях, в ролях, связанных с руководством и предводительством, в массе обычных граждан, в коллективах людей). На этом фоне предлагаемое в нашей теории представление о субъектах общественного развития имеет отличительные особенности. Во-первых, рассматривая деятельность как потенциальный атрибут общества (индивидуально-структурного поля), мы представляем ее как некий суммированный итог действий и взаимодействий всех указанных выше видов – субъектов, как индивидуальных, так и коллективных, появляющихся в данном обществе в данный исторический момент. Во-вторых, возможность выступать в роли субъектов развития отдельных людей и их групп мы рассматриваем во взаимозависимости со сложившимися к данному моменту структурами, в которых совершаются эти действия и взаимодействия, то есть как синтетический продукт индивидуальной (действий индивидуальных или коллективных субъектов) и структурной детерминации (тех структурных рамок,

которые ограничивают эти действия, но одновременно и открывают перед ними новые возможности). Деятельность общества выявляется как бы с двух сторон: «снизу» через арсенал возможностей, навыков, талантов, знаний, установок его членов, а также организационных форм, в которых они связаны между собой в целостные группы, и «сверху» через баланс натиска и ограничений, а также тех средств и возможностей, какие предоставляют существующие структуры.

АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ (1805-1859)

Французский мыслитель политического направления, предтеча политической и исторической социологии. Широкую известность и славу принес ему труд «Демократия в Америке» (*De la democratie en Amerique*, 1835-1840), а также «Старый порядок и революция» (*L'Ancien regime et la Revolution*, 1856), посвященный анализу Великой Французской революции.

Главной движущей силой в истории считается эгалитаризм. Венцом этой тенденции является демократический строй, основанный на следующих принципах: а) всеобщее участие в правлении (политическая свобода); б) всеобщая доступность любых социальных позиций (социальное равенство). Демократия оказывает сильное давление на процесс непрерывного подъема уровня жизни, социальных статусов, индивидуальных успехов, осуществляемых в непрерывном сравнении и конкуренции с успехами других людей. Главным, важнейшим носителем этих динамичных и экспансивных тенденций является средний класс, которому, с одной стороны, постоянно угрожает деградация до уровня более низких классов, а с другой – содействует очевидная перспектива продвижения вверх до уровня, занимаемого высшими классами. Неопределенность статуса плюс высокие амбиции дают этому классу сильнейшую мотивацию для предпринимательства, инвестиций, для интенсивного труда, для бережливости. Равные жизненные шансы приводят, однако, к далеко не равным успехам и достижениям, являющимся результатом личных усилий и заслуг.

Образцовый характер американской демократии проистекает, во-первых, из устройства ее институтов: идеального равновесия разных ветвей власти, из федерализма, гарантирующего разнообразие способов правления, из мудрого законодательства, обеспечивающего экономическую свободу и неприкосновенность собственности. Во-вторых, демократия требует еще определенных социальных условий: сильного гражданского общества, богатства различных ассоциаций и объединений, инициатив снизу, живого общественного мнения; моральных достоинств, просвещения граждан, демократических «импульсов сердца». «Свобода зависит от нравов и убеждений людей, которые пользуются этой свободой». Успех демократии в Америке вытекает из слияния духа свободы с духом веры, ибо религия несет в себе правила морали, имеющие наиболее сильное легитимное обеспечение. Патологические стороны демократии, от которых общество должно охранять себя, – это власть олигархов, тирания большинства, а также лезть и дух популистской демагогии.

Падение старого режима во Франции было вызвано следующими причинами: централизация административного управления и игнорирование региональных различий; отсутствие или ограниченные возможности публичных дискуссий; привилегии старых групп, превратившиеся в анахронизм, и дискриминация новых, входящих в социальную жизнь групп («третьего сословия»); столкновение демократического движения с институтами, защищающими статус-кво. Однако решающим фактором оказались попытки реформ, принятые монархией, которые выявили всю слабость власти и одновременно дали новый импульс стремлениям к свободе со стороны граждан. Революция свершилась не в период наиболее жесткой тирании, а в период либерализации строя.

Литература

de Torqueville A. O demokracji w Ameryce. T. I, II. Krakow: Wydawnictwo Znak, 1996.

de Torqueville A. Dawny ustrój i rewolucja. Kraków: Wydawnictwo Znak, 1990.

История как реализация и олицетворение деятельности субъектов

Попробуем теперь связать обе категории рассмотренных выше теорий. Во-первых, общественно-историческая практика является актуализацией деятельности общества, а деятельность - потенциальной предпосылкой практики. Во-вторых, проявляется своеобразная обратная зависимость. Практика настоящего времени формирует ту деятельность, которая сложится в будущем, а деятельность будущего оказывается в значительной мере результатом прежней практики.

Эти связи показывают, что деятельность является динамичным, непрерывно меняющимся феноменом - скорее процессом, нежели определенным качеством. История выступает как постоянное *формирование и реконструирование деятельности общества посредством ее актуализации в практике*. Этот процесс можно разложить на две фазы. На первой осуществляемая в обществе практика оказывает влияние на обе составляющие индивидуально-структурного поля. Таким образом, она воспроизводит, но также модифицирует и даже создает новые структуры: нормативные правила, формы общественного сознания, организационные уклады, расстановку жизненных шансов. Она одновременно сохраняет и преобразует, обогащает духовный капитал отдельных людей, формирует то, что находится в головах людей - их знания, установки, мотивации, расчеты, намерения. Новое, преобразованное индивидуально-структурное поле содержит новый потенциал деятельности. И здесь начинается вторая фаза: деятельность реализуется, актуализируется в изменившейся практике. Общество уже другое, а стало быть, и действует оно иначе, а эти новые действия приводят к тому, что оно снова изменяется, и т.д. Надо подчеркнуть, что разделение данного процесса на две фазы исключительно умозрительно. В действительности эти фазы протекают одновременно, накладываются друг на друга в едином непрерывном историческом процессе.

Именно это пытаются выявить и передать категория *становления общества*. Она означает непрерывный процесс самопреобразования и самосоздания об-

щества в результате постоянно воспроизводимого, неизбежного напряжения между потенциальной деятельностью общества и его нынешней социально-исторической практикой. Это процесс, осуществляемый в непрерывном двустороннем взаимодействии между тем, что потенциально возможно (достигнутым уровнем деятельности), и тем, что в данный момент осуществляется (действительной практикой), в постоянном совместно преобразовании одного через другое. Итак, общество, это своеобразное индивидуально-структурное поле, никогда не существует в каком-либо окончательном виде - оно всегда находится в состоянии становления. О нем никогда нельзя сказать, что оно «есть», оно всегда создается. Оно не представляет собой объект или состояние, а является процессом, не чем-то данным, вырабатываемым каждый раз заново собственным достижением членов этого общества, «предприятием в процессе строительства», причем такого строительства, которое никогда не остановится, никогда не завершится.

Важнейшие понятия и термины

Активное общество - общество, имеющее сильное деятельностное начало, непрерывно предпринимающее усилия к собственному преобразованию, способное в ходе непрерывных изменений ответить на вызовы, преодолеть барьеры, перейти границы.

Двойственность структур - двойной статус социальных структур, являющихся плодом деятельности людей и оказывающих обратное воздействие на эту деятельность.

Двойственность субъектов - двойной статус отдельных индивидов или коллективов, одновременно являющихся творцами структур и находящихся под влиянием этих структур.

Деятельностный коэффициент - рассмотрение каждого события или общественного явления в качестве результата деятельности людей и вытекающая из этого необходимость выявления действующих субъектов в любом исследовании общества.

Индивидуально-структурное поле - сфера действительности, в которой протекает социальная жизнь (совершаются общественные практики, или практика) в неразрывной связи и активности субъектов и структур, созданных предшествующей практикой.

Исторический коэффициент - определение для каждого события или общественного явления его места в исторической последовательности событий, что требует включения временного аспекта в любом социальном исследовании.

Пассивное общество - общество, имеющее слабое деятельностное начало, находящееся в стагнации, неспособное мобилизовать себя для собственной трансформации.

Социальное событие - элементарная частица социального поля, простейшее проявление социальной практики.

Социальные субъекты - индивиды или коллективы, которые создают своими действиями достаточно прочные структуры, группы, организации или институты, а также вызывают социальные изменения.

Становление общества - процесс непрерывного формирования, воспроизводства и модификации социальной реальности (групп, структур, организаций, институтов, культуры и т.д.) посредством действий индивидов или коллективов - действий, детерминированных в определенном контексте и в структурном отношении.

Структурная детерминация - ограничивающее, однако, возможно, и стимулирующее влияние структур на действия отдельных людей или коллективов.

Субъективность - в широком понимании творческая сила, а в более специфическом смысле потенциальная способность группы к творческому самопреобразованию.

Творчество субъектов - создание структур как результат деятельности индивидов или коллективов.

Рекомендуемая литература

12, 60, 61, 71 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 24

Социальная революция

Революции - наиболее ярко выраженное проявление социальных изменений, непрерывного процесса *социального становления*. Они означают фундаментальный разрыв непрерывности исторического процесса, преобразование всей структуры и способа функционирования общества, а также повседневной жизни, ментальности и позиций членов общества. В момент революции *социальная деятельность* (активность субъектов, зависимость исторического процесса от роли действующих субъектов) как способность к самопреобразованию проявляется в наивысшей степени.

Революции по сравнению с другими формами социальных изменений имеют пять отличительных признаков: а) изменения охватывают *все сферы социальной жизни*: экономику, политику, культуру, повседневную частную жизнь и т.п.; б) в каждой из этих областей происходят *радикальные*, фундаментальные изменения; в) эти изменения совершаются исключительно *быстро*, в кратчайший срок; г) они бывают связаны с бурным проявлением активности, с *мобилизацией* значительных сегментов общества, с массовыми социальными движениями; д) ход и опыт революции становится предметом исключительно сильных *эмоциональных переживаний*, вызывает такие эмоциональные состояния, как энтузиазм, эйфория, оптимизм, надежды, ощущение собственной силы и сильнейшие честолюбивые претензии, намерения и ожидания, а также особенно сильно запечатлевается в коллективной памяти.

Революции как знамение новейшей эпохи

Хотя революции сопровождали историю человечества с глубокой древности, однако только накануне современной эпохи, Нового и Новейшего времени, они обрели масштаб, позволяющий определять их как «великие революции». Именно так обычно называют английскую революцию (1640), американскую революцию (1776), французскую революцию (1789), а позднее - революцию в России (1917), мексиканскую революцию (1919), китайскую революцию (1949).

Наверняка историки будущего дополнят этот ряд, распространив категорию великих революций на бархатные революции в Центральной и Восточной Европе 1989 г.

Существует несколько причин, по которым именно новейшая эпоха оказывается наиболее благоприятной для социальных изменений революционного типа. Во-первых, индустриализация и урбанизация ведут к колоссальному уплотнению и расширению групп совместно проживающих людей, что открывает возможности интенсивных контактов, совместных групповых переживаний разочарования и отчаяния, кристаллизации общих идеологий, а в итоге мобилизации, необходимой для массовых действий. Во-вторых, капиталистическая экономика создает более острые по сравнению с прежними проявления социального неравенства, колоссальные различия богатства, власти, престижа, а на этом фоне сильные и широко распространенные ощущения несправедливости, гнета и дискриминации побуждают людей к критике существующего строя, к протесту и революционной мобилизации. В-третьих, растущий уровень и широкое распространение образования увеличивают возможности включения людей в социальную деятельность, восприятия и переживания ими общественных деяний, идентификации ими тех экономических и политических механизмов, которые вызывают несправедливость и угнетение, а также возможности сравнения собственного положения с лучшими условиями жизни в других, более счастливых обществах, возможности определения врагов, против которых направляются революционные действия. Особую роль здесь играют все более широко доступные средства массовой информации. В-четвертых, демократизация политических структур создает шансы для организации, агитации, революционных доктрин и идеологий, для легальной оппозиционной деятельности. В-пятых, доминирующий в культуре со времен эпохи Просвещения рациональный активизм (высокое значение, которое придается разумной и активной человеческой деятельности), способствующий совершенствованию общества, побуждает людей решительно брать общественные дела в свои руки, вместо того, чтобы пассивно ждать неизвестных приговоров Провидения. Разум - прогресс - революция - такова триада ценностей, определяющих аксиологический климат новейшей эпохи и становящихся стимулом и катализатором массовых революционных действий.

Неслучайно многие историки и социологи называют Новое и Новейшее время *эпохой социальных движений и революций*. Неслучайно также именно в этот период, в XIX в., в общественном сознании формируется идеализация революций как явления, в основном позитивного, создается своеобразный *миф революций*. Только опыт XX в. заставляет поставить этот миф под сомнение. Все чаще возникают два вопроса. Во-первых, почему революции, как правило, приносят результаты, противоположные тем, какие рисовались в мечтах революционеров: репрессии, новые виды неравенства и несправедливости, ухудшение качества жизни - словом, вместо прогресса регресс? И во-вторых, почему разум так легко уступает место насилию, террор - превосходству в силе и разрушительной стихии? В этом контексте происходит ревизия идеализации великих революций, акцент переносится на их мрачные, черные сто-

роны. Пессимистическая атмосфера, распространение идеи хронического кризиса современной цивилизации разрушает в общественном сознании оптимистические мифы революций.

Понятие революции

Теоретические концепции революции исходят из двух интеллектуальных традиций: историософской и социологической. В итоге появляются два отличных друг от друга понятия революции. *Историософская традиция* рассматривает революцию как бы с внешней стороны, в контексте длительного исторического процесса, как существенный разрыв исторического постоянства, как радикальное изменение «логики», «направления» и «смысла» прежних действий, предшествующего развития. Акцент здесь делается на последовательной форме исторического процесса, а революция рассматривается как качественное изменение этой формы, как ее фундаментальное преобразование, действительный «перелом». Прекрасным примером такого понятия революции является марксистская теория смены общественно-экономических формаций; в этой теории революция означает качественный скачок при переходе от низших к высшим формациям: от первобытнообщинного строя к рабовладению; от рабовладельческого общества к феодальному; от феодального к капиталистическому; от капиталистического к коммунистическому. Противоположностью революции, согласно данной теории, является постоянная, непрерывная, основанная на накоплении, направленная эволюция, способная приносить изменения только количественного характера в рамках данной, пока еще неизменной формации.

Социологическая традиция отказывается от внешней, исторической перспективы и рассматривает революцию как комплекс процессов, происходящих внутри данного общества посредством массовых социальных движений и приводящих к принципиальным изменениям, преобразованиям основных социальных структур: иерархии власти, классового устройства, социальной стратификации, нормативных систем, общественного сознания и культуры. Революция рассматривается как своеобразный механизм *самопреобразования* общества путем активности субъектов. Такой подход связан с новейшими направлениями теории социальных изменений, акцентирующими конструктивный характер активности субъектов, - «творение истории» или «становление общества». Противоположностью революции в таком понимании является обычное, рутинное функционирование общества, приводящее к воспроизводству, репродукции, к непрерывному возобновлению его основных структур (важнейшими процессами такого репродукционного характера являются рассмотренные нами в гл. 17 социализация и социальный контроль).

Современное определение революции исходит из обеих охарактеризованных выше традиций и представляет собой синтез их основных идей, а именно представления о фундаментальном *характере изменений, охватывающих широкую социальную сферу*, а также о *массовой мобилизации, стремительном темпе и внезапности* самого хода перемен. Рассмотрим три примера:

- революция - это быстрое, фундаментальное и резкое изменение, распространяющееся на господствующие ценности и социальные мифы, на политические институты, социальные структуры, формы руководства и правительственную деятельность;

- революция - это быстрое преобразование основных государственных и классовых структур, которое сопровождается поднимающимися снизу, имеющими классовую мотивацию бунтами и в известной мере вызвано этими бунтами;

- революция - это насильственный захват власти руководителями массовых социальных движений, которые впоследствии используют эту власть для инициирования важных социальных реформ¹.

Такие определения границ и содержания понятия революции сталкиваются с двумя дискуссионными проблемами. Во-первых, можно ли говорить о революции в том случае, когда изменения иницируются и осуществляются *сверху*, навязываются или предлагаются обществу, скажем, просвещенными монархами, харизматическими лидерами, влиятельными руководителями реформаторского толка без мобилизации массовых движений снизу (например, при проведении реформ Кемала Ататюрка в Турции, Насера в Египте, при «перестройке» Горбачева и т.п.)? Представляется, что независимо от масштаба таких изменений мы имеем дело скорее с *управляемой государственной реформой*, нежели с революцией в полном смысле этого слова. Во-вторых, должна ли революция непременно сопровождаться насилием, кровопролитием, террором? Оказывается, что в благоприятных геополитических условиях массовое социальное движение может привести к революции без единого выстрела. События 1989 г. в Центральной и Восточной Европе имели мирный характер (за исключением Румынии), что нашло отражение и в названиях «бархатная революция», «самоограниченная революция», однако, несомненно, это была революция, поскольку имела огромный масштаб мобилизации снизу (например, около 10 млн участников движения «Солидарность»), а также широкую сферу фундаментальных и кардинальных изменений (от политического строя до эстетики оформления витрин магазинов).

Революцию в полном и точном смысле этого слова следует четко отличать и отделять от других видов перемен частичного характера. *Государственный переворот* (или дворцовый переворот, свержение правительства) - это только внезапная смена правящей группы, перестановка сил внутри политической элиты, без глубокой модификации политических или социальных структур. *Военный путч* - это захват власти генералами или офицерами (военной хунтой), что также, как правило, не связано с реструктуризацией социальной системы, а самое большее касается ограничения или нарушения гражданских прав и свобод. *Восстания* (или народные бунты) - это массовые спонтанные выступления населения против репрессивной власти, которые могут привести к частичным уступкам без более глубоких системных

¹ Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 264.

изменений. *Гражданская война* - это силовые столкновения противостоящих друг другу социальных группировок, мотивированные главным образом этническими или религиозными, а иногда идеологическими расхождениями, причем целью таких группировок является скорее приобретение власти в рамках существующего строя, нежели смена самого этого строя. Наконец, *беспорядки, манифестации* - это спонтанные экспрессивные взрывы недовольства, выражающиеся в резких коллективных действиях, не руководствующихся, однако, какой-либо четкой программой изменений. Все названные выше явления могут, конечно, сопутствовать революциям, представлять собой составляющие силы или грани революционной ситуации, однако они не идентичны революциям.

Ход революции

Исследуя революции различных эпох, историки и социологи пробовали выявить их общие черты. Наиболее тщательному анализу подверглась Великая Французская революция (1789), а затем наблюдения и выводы, сделанные на основе ее анализа, были распространены на другие революции. Некоторые авторы (Л.П. Эдварде, К. Бринтон²) особенно настаивали на том, что в самом процессе Французской революции заключена универсальная модель, применимая ко всем революциям.

Они утверждают, что каждая революция в более или менее явно выраженной форме обязательно проходит следующие фазы. Революции предшествует *революционная ситуация* - резко выраженное усиление недовольства, протеста, социального беспокойства, что проистекает из экономического, финансового или политического кризиса. Эту ситуацию особенно остро чувствует интеллигенция, которая в острых политических дискуссиях выражает общественные стремления, агитирует за реформы, обосновывает необходимость борьбы с режимом, формулирует революционные доктрины и создает революционные идеологии. Формируется и получает все более широкое распространение *революционное сознание*.

Оборонительная реакция господствующего режима проявляется в попытках проведения частичных реформ: в политической либерализации, в экономических уступках. Результат их, как правило, оказывается противоположным намерению: предпринятые реформы воспринимаются как сигнал слабости правительства, отступающего под натиском социального протеста; кроме того, мероприятия, направленные на либерализацию, расширяют сферу гражданских прав и свобод, а тем самым то поле, на котором разворачиваются антиправительственная деятельность и движения протеста, как говорят социологи, открывают *«структуру политических шансов»*.

Уже французский политолог XIX в. Алексис де Токвиль утверждал, что, как это ни парадоксально, революции происходят не тогда, когда режим ис-

² Edwards L.P. The Natural History of Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1927. Brinton C. Anatomy of Revolution. New York: Harper & Row (Vintage Books), 1965 [1938].

пользует наиболее жесткие ограничения и репрессии, а тогда, когда наступает некоторое облегчение, смягчение, улучшение ситуации. Эту мысль спустя сто лет повторяет и подтверждает на основе эмпирических данных американский социолог Джеймс Дэвис (James Davies) в своей теории «J-кривой», указывая, что революции, как правило, происходят после некоторого прогресса в различных областях жизни, вызывающего высокие и далеко не всегда реалистические общественные надежды и намерения.

Неудачи, которыми кончаются попытки проведения реформ, вызывают *паралич власти*, теряющей способность управлять обществом. Власть в такой ситуации «валяется на улице» и только ждет, чтобы кто-нибудь ее подобрал. И действительно, наступает этап «политики улицы», массовой *революционной мобилизации*, публичных манифестаций, коллективных бунтов, народных восстаний, которые в зависимости от реакции властей, репрессивной или мирной, протекают с применением насилия, с кровопролитием или без насилия, гладко и мирно. Так или иначе в этот момент судьба старого режима уже предрешена. Единственным спасением для оказавшихся под угрозой элит в такой ситуации может стать национальная измена: обращение за военной помощью к внешним союзникам против собственного народа (например, подавление народного восстания в Венгрии в 1956 г., интервенция в Чехословакию в 1968 г., проведенная против Пражской весны). Однако, когда такое решение оказывается невозможным или недоступным, ибо просто нет или не хватает изменников, занимающих достаточно высокие посты, или внешние силы не торопятся со своей помощью или не собираются ее оказывать, режим вынужден отступить, и наступает момент перехода власти, которую берут в свои руки «водители» революции.

После краткого периода *революционной эйфории* (которую некоторые авторы приравнивают к религиозному экстазу и вдохновению) наступает демобилизация масс, а также раскол в среде активных политических элит. Насколько на более ранних этапах, в процессе выражения протеста и в борьбе, было легко найти и определить общего врага, прийти к *негативному консенсусу*, настолько трудными оказываются возникающие после захвата власти проблемы установления нового порядка, нового строя, по отношению к которым весьма непросто достичь согласия. *«Позитивный консенсус»* никак не складывается или не вырабатывается вовсе, ибо разные сегменты общества и их представители в новой властной элите имеют различные, структурно обусловленные интересы, намерения, амбиции, представления о будущем и различное отношение к прошлому. Появляется разделение общества на радикалов, умеренных центристов и консерваторов. Как правило, на первом, раннем послереволюционном этапе доминируют и господствуют умеренные силы, пытающиеся провести постепенные реформы, используя для этого как институты, так и «кадры» (административный персонал), унаследованные от старого режима.

Высокая цена реформ, которые всей тяжестью ложатся на массы, а также очевидная неосуществимость прежних намерений и надежд порождают новую волну общественного недовольства. Это создает социальную базу для ра-

дикальных группировок, которые, прикрываясь фразами о незавершенной революции, вступают в борьбу с умеренными силами; эта борьба идет на уровне политических элит («война в верхах») и кончается тем, что радикальные группы, выступающие под лозунгом полного отмежевания от прошлого, приходят к власти, уничтожают группы, в той или иной мере связанные со старым режимом, и начинают создавать совершенно новые институты. Это тот период, который порой (например, во Франции, в России) выступает в обликах *«послереволюционного террора»*.

Состояние хаоса и всеобщей угрозы порождает стремление к стабильности, миру, покою, согласию и порядку, что открывает шансы перед консервативными группировками и сильными, харизматическими лидерами, устанавливающими автократические системы правления. Наступает период, когда прекращаются или сводятся на нет политические реформы, - *период «реставрации»*, зато продолжают экономические реформы, направленные на удовлетворение требований граждан и на обеспечение власти прочной общественной поддержкой. В конечном итоге наступает период стабилизации и нормализации ситуации, оздоровления, «освобождения от революционной лихорадки», экономического развития и постепенной либерализации политической системы. Новый режим все более крепнет, символом чего является принятие новой конституции.

Конечно, это только схема, и о ней никак нельзя сказать, что здесь не бывает никаких исключений. Конкретные исторические условия и обстоятельства вызывают различные отклонения от данной схемы, порой даже полностью исключают тот или иной этап, входящий в схему. В общих чертах представленная схема достаточно верно отражает *«логику» революционного процесса*. Однако это всего лишь схематическое описание того, как обычно революции протекают, и такая схема еще никак не объясняет, почему революции возникают и почему они идут именно таким, а не каким-либо иным путем. На эти наиболее сложные вопросы пытаются дать ответ теории революции.

Модели революций

В основе каждой теории лежит определенная модель: общее представление о важнейших особенностях исследуемого явления или о «механизмах» исследуемого процесса. Теории революции основываются на двух разных, противоположных друг другу моделях: конструктивистской и структуралистской. Первая модель рассматривает революцию как результат чьей-то целенаправленной деятельности - действий лидеров, революционных групп, масс, акцентируя, таким образом, аспект действия. Вторая модель рассматривает революцию как следствие формирования социальных условий, которые открывают поле для революционной реакции элит и масс, то есть акцентирует структурный аспект данного явления.

Конструктивистская модель имеет две разновидности. Наиболее популярна *«вулканическая модель»*: революции происходят («извергаются») как

результат накопившегося общественного недовольства, которое поднимается выше определенного уровня, как бы переходит порог. В вулканической модели особенно большое значение придается спонтанности действий, предпринимаемых «снизу» массами граждан, ощущающих на себе невыносимо тяжелую ситуацию, преследования, гнет, эксплуатацию, несправедливость, а также подчеркивает лавинообразный характер распространения революции, охватывающей все более широкие круги членов общества. Другая разновидность конструктивистской модели - это *конспиративная модель*. Согласно этой модели (в российской историографической традиции чаще определяемой как «теория заговора» - *Прим. пер.*), революции являются результатом агитационной или организационной деятельности группы профессиональных революционеров, которым удается убедить массы и мобилизовать их к действиям. С этой точки зрения массы являются предметом целенаправленных манипуляций «сверху». Получается, что революции не столько «извергаются», сколько вызываются целенаправленными действиями.

Структуралистская модель исходит из того, что общественного недовольства, даже самого сильного и широкого, еще недостаточно, чтобы произошла революция. В каждом обществе существует некий потенциал фрустрации, возмущения, критики, протеста. Однако проявиться все это имеет шанс только тогда, когда сформируются соответствующие благоприятные структурные условия. Одну разновидность таких условий описывает модель «*кипящего котла*». Революции происходят, когда с такого котла снимают крышку, то есть когда прекращает действовать аппарат насилия и репрессий, когда правящие силы проявляют слабость или неспособность к дальнейшему руководству, когда в кругах политических элит дело доходит до раскола и борьбы, когда предпринимаются оборонные реформы, освобождающие общество от жестких ограничений. Другую разновидность благоприятных структурных условий подчеркивает *модель «найденного сокровища»*. Успешная революционная акция требует различных средств и разнообразных ресурсов: денег для организационных мероприятий, контактов со сторонниками и единомышленниками, времени и энергии для конспирации, поддержки со стороны авторитетных социальных групп, организаций или ассоциаций. Только тогда, когда революционные настроения и устремления получают доступ к такого рода арсеналу, открывается реальная возможность для совершения революции, для того, чтобы она была успешной. Как мы уже говорили выше, одной из причин, по которой революции чаще происходят в Новое и Новейшее время, является именно появление, своего рода «освобождение» в это время различных необходимых *структурных ресурсов*: упрощаются контакты в городской среде, в местах промышленного производства; развиваются средства массовой коммуникации; увеличивается круг и уровень гражданских прав и свобод; расширяется, по крайней мере для некоторых социальных групп, поле свободного времени и запас энергии.

Вероятно, каждая из этих моделей подчеркивает то или иное условие, необходимое для свершения революции, но только все вместе они охватывают

всю совокупность условий, достаточных для появления этого необычайно сложного, многоуровневого феномена. Безусловно, революции не происходят без достаточно сильно возбужденных масс, но не происходят они и без энергичных и умелых лидеров. Не совершаются революции в условиях жесточайших репрессий и при недостатке свободного времени, энергии, капитала или свободы, ибо тогда массы обречены на конформистскую роль пассивных объектов.

Теории революций

В зависимости от характера факторов, которые трактуются как важнейшие в предлагаемых объяснениях причин революций, теории революции можно разделить на четыре группы: а) бихевиористские; б) психосоциальные; в) структурные; г) политические.

Первую социологическую теорию революции, акцентирующую характер поведения людей в ходе революции и после революции, сформулировал известный американский социолог Питирим Сорокин³. Революция в его понимании выражается в патологических действиях людей: эти действия, означающие полный разрыв с цивилизацией, дисциплиной, порядком и моральными сдерживающими нормами, приобретают широкое распространение и варварский характер. Источники такой патологии поведения кроются в условиях социальной жизни, которые не обеспечивают в необходимой мере удовлетворение базовых человеческих потребностей и инстинктов: голода и жажды, безопасности, комфорта, участия в делах и жизни своей группы, самореализации, идентичности, коммуникации с другими людьми, охраны собственности, обеспечении сексуальной свободы и т.д. Патология действий является реакцией на нечеловеческие условия жизни. В революцию она перерождается тогда, когда власть оказывается неспособной поддерживать порядок силой, поскольку ее аппарат репрессий ослабевает.

Психологические теории обращаются к более сложным процессам мотивации, склоняющей людей к революционной мобилизации. Наиболее известна в этом ряду *теория относительной депривации* (Джеймс Дэвис и Тэд Гурр⁴). Понятие «депривация» означает расхождение между уровнем распространенных в обществе притязаний и мерой их действительной реализации. Разумеется, расхождение такого рода существует всегда: люди мечтают иметь больше, чем имеют; достичь большего, чем им удастся. Однако в определенных условиях это расхождение, воспринимаемое и характеризующееся как неправильное, несправедливое, перерождается в протест против всякого богатства, против более высокого уровня жизни, против более значительного объема власти, против более высокого престижа, и вместе с протестом появ-

³ Sorokin P. The Sociology of Revolution. New York: Howard Fertig, 1967 [1925].

⁴ Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. V. 27. 1952. P. 5-19; Gurr T. Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970.

ляются претензии на все это - на богатство, более высокий уровень жизни, власть, престиж. «Я имею законное право на улучшение своего положения», - эта мысль обретает новое значение, новое качество в общественном сознании. Ощущение относительной депривации и сопутствующие ему претензии создают основу для революционных установок и действий. Генеалогия такого психологического синдрома может соответствовать одному из трех вариантов. Так называемая *аспирационная депривация* (расхождение между уровнем претензий и возможностью их осуществления, вызванное завышенным уровнем таких претензий) появляется тогда, когда постоянным и неизменным остается угнетение людей, но меняется способ самого восприятия этого угнетения. Если раньше такое угнетение считалось нормальным, то теперь оно вызывает протест как явление недостойное, несправедливое, наносящее людям ущерб и обиды. «Мы заслуживаем большего», - говорят себе люди, в то время как диссонанс между их возрастающими претензиями и неизменным несчастьем становится невыносимым. Источником такого изменения взгляда людей на свое положение может стать, к примеру, радикальная идеология, подчеркивающая значение таких ценностей, как справедливость, равенство, достоинство. В других случаях аналогичный результат появляется в силу контактов, непосредственных или при помощи средств массовой информации, с другими обществами, которые представляются как более богатые, более справедливые, более счастливые. Вопрос «Почему они, а не мы?» вызывает сильную революционную мотивацию. Другая разновидность относительной депривации - *кризисная депривация* означает противоположную ситуацию: при относительно стабильном, неизменном уровне притязаний возникает экономический или политический кризис, который приносит внезапное, резкое ухудшение жизненных условий, ограничение гражданских свобод, рост неуверенности в завтрашнем дне. И в этом случае диссонанс между потребностями, намерениями и утраченными прежними шансами их реализации становится невыносимым и порождает революционную мотивацию. Третья разновидность - это *прогрессирующая депривация*, которая представляет собой комбинацию обеих форм охарактеризованных выше обстоятельств: разбухшим и быстро растущим потребностям, намерениям, планам сопутствует внезапное ухудшение условий жизни. Это вдвойне болезненно, ибо означает одновременную утрату надежды и прежних, уже достигнутых благ, становится депривацией относительно не только потребностей и намерений, но и прежнего уровня жизни, прежних реальных достижений. Американский социолог Джеймс Дэвис⁵ утверждал, что именно прогрессирующая депривация была причиной всех великих революций в истории.

Структурные теории ищут источники революции в поляризации общества, разделенного на привилегированные и угнетенные группы (классы), и в нарастающем *конflikте групповых интересов*. Чем глубже полярный раскол общества, чем меньшую роль играют средние, промежуточные группы, чем очевиднее фронт борьбы, тем более четко определяется революци-

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

Типичной формой проявления религиозной общности являются коллективные марши, процессии, паломничество.

Православная процессия на острове Парос в Греции

Католические паломники выходят из Кракова и направляются в Ясную Гуру

⁵ Davies J.C. When Men Revolt and Why. New York: Free Press, 1971.

СВЯТЫНИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

В потребительском обществе роскошь и богатство магазинов, супермаркетов и торговых центров должны вызывать квазирелигиозные эмоции, почти как в костелах.

Магазины, как музеи; музеи, как магазины (зал музея искусств в Метрополитен-Музеум в Нью-Йорке)

Торговый центр в Куала Лумпур в Малайзии

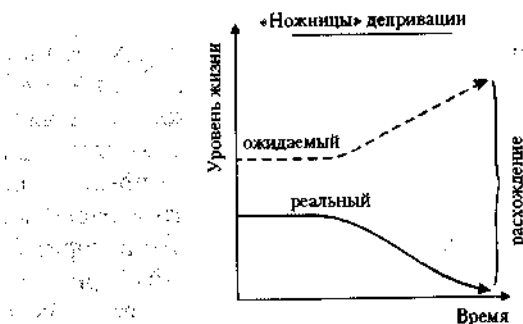
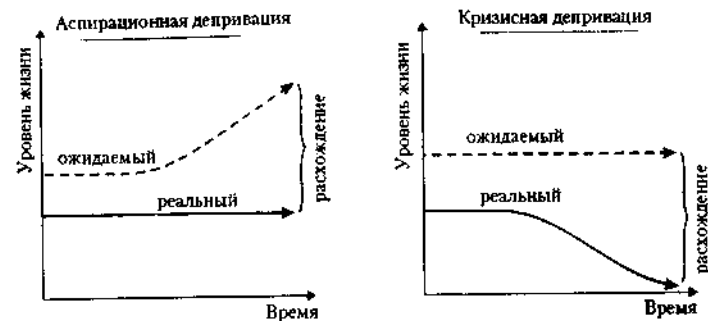

Рис. 10. Относительная депривация

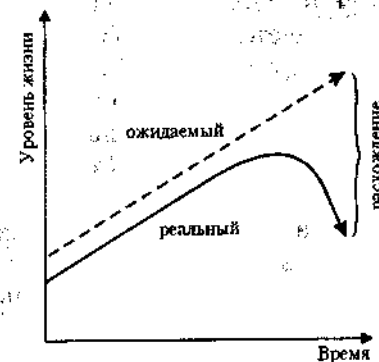

Рис. 11. J-кривая Джеймса Дэвиса

онная ситуация. Теперь, чтобы разразилась революция, нужно только ослабление или устранение государственных и правовых структур, защищающих господство привилегированных групп. Теории такого типа черпают свое вдохновение в концепции Маркса. Так, одна из главных представительниц так называемой исторической социологии американка Теда Скокпол⁶ на основе сравнительного анализа французской, русской и китайской ре-

⁶ Skocpol T. States and Social Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

волюций обнаружила в них общую закономерность. Сначала наступает экономический и политический кризис, который может быть связан, к примеру, с поражением в войне; этот кризис подрывает силу и сплоченность господствующих групп аристократии (помещиков, землевладельцев) и охраняющей их интересы армии. Затем должен разразиться массовый бунт угнетенных классов - крестьянства и городского пролетариата - бунт «снизу». И наконец, свержение старого режима приводит к реорганизации государственного аппарата и к консолидации власти в руках новых элит. На всех трех этапах огромную роль, по мнению Теда Скокпол, играет внешний контекст: носящие характер коалиции или, напротив, конфликта отношения с другими государствами, находящимися в непосредственном окружении данного общества.

Полное перенесение центра тяжести в сферу государственной организации характерно для политических теорий революции. Они рассматривают революцию как результат *борьбы за гегемонию* между противоположными блоками политических элит, как внутренний процесс внутри структур власти. Массовые выступления или общественные бунты представляются здесь только как «эпифеномен», как отражение или симптом раскола и борьбы в политической сфере. В интерпретации американского историка и социолога Чарльза Тилли революция - это «осуществляемый с применением силы переход из одних рук в другие контроля над государством, в ходе которого по крайней мере два соперничающих политических блока предпринимают направленные друг против друга серьезные попытки овладения таким контролем, а значительная часть населения, подлежащего юрисдикции данного государства, заявляет о своей поддержке того или другого блока»⁷. Поэтому наиболее характерной для революции является ситуация «двойной суверенности», или *двоевластия*, которое возникает тогда, когда борющиеся друг против друга политические блоки оказываются в переходной ситуации равновесия. Революция совершается тогда, когда достаточно большие группы граждан отказывают в лояльной поддержке силам, господствующим прежде, и начинают поддерживать альтернативную группу, обретающую власть. Понятие революции в этой теории охватывает очень широкую сферу, включая: а) завоевание одного государства другим; б) освободительную борьбу за независимость или политическую автономию общества, бывшего подчиненным, включенным в федеральные или имперские структуры; в) мобилизацию оппозиции и овладение ею некоторыми фрагментами государственного аппарата (например, когда оппозиция входит в правящую коалицию); г) свержение господствующих ранее группировок и взятие власти группами, прежде от власти отстраненными. В таком контексте революция теряет свою исключительность, свой мифологический ранг. Она становится просто, если можно так сказать, перефразируя известную формулу Клаузевица, «продолжением политики иными средствами».

Что мы не знаем о революциях

Теории революции грешат многими слабостями, в сущности, это скорее эскизы теорий, нежели обоснованные и логично построенные объясняющие и предсказующие теории. Однако благодаря систематическим, продолжавшимся в течение нескольких десятилетий размышлениям над феноменом революции мы сегодня знаем значительно больше о революциях, которые произошли в прошлом, а также лучше видим направления, в которых следует вести дальнейшие поиски. Мы полнее отдаем себе отчет в том, чего не знаем и имеем, как определил Роберт Мертон, определенное поле незнания, неведения, а это уже сам по себе важный шаг на пути познания.

Существует несколько наиболее поразительных загадок, которые требуют разгадки на пути дальнейшего анализа явлений. Во-первых, в чем заключается, на чем зиждется та уникальная комбинация действенных факторов, психологических, структурных, политических, геополитических, которая приводит к революционному взрыву, как возникает этот особенный «революционный синдром»? Кажется, что в этой потрясающей гремучей смеси можно обнаружить все типы ингредиентов, однако, думается, что будущее скорее принадлежит теориям, предусматривающим разные уровни и разные факторы в развитии данного явления, нежели однозначным, настаивающим на каком-либо одном факторе, одной причине. Но удастся ли когда-нибудь определить пропорцию необходимых факторов? И не исключит ли такую возможность само усложнение феномена революции, которую мы не сможем понять, даже познав все частные закономерности? Не подобна ли эта ситуация той, что существует в метеорологии: там даже полное и глубокое знание всех физических и химических механизмов позволяет лишь весьма приблизительно, а часто неверно предвидеть конкретное состояние погоды? Во-вторых, в чем заключается феномен внезапной массовой мобилизации? Как это происходит, люди, годами погруженные в пассивность и апатию, вдруг пробуждаются от летаргического сна, выходят на улицы, организуются, строят баррикады, борются и побеждают? Можно ли когда-нибудь определить тот порог, за которым наступает внезапное качественное изменение мотивации, установок, действий, всех тех расчетов, которые склоняют людей предпринимать решительные, ангажированные действия вместо того, чтобы мириться со своей судьбой. И напротив, как происходит внезапная демобилизация массового движения, когда революция терпит поражение или побеждает? Кто отходит в сторону, кто остается? В-третьих, как из поколения в поколение, иногда на протяжении столетий, наследуются *революционные традиции*, неожиданно оживающие, когда складываются благоприятные условия? Каким образом передается и сохраняется коллективная память победивших или потерпевших поражение в революциях? В-четвертых, почему даже победившие революции так редко реализуют свои программы и так часто доводят дела до «эффекта бумеранга», противоположного намерениям революционеров? И наконец, удастся ли предвидеть будущие революции? Не имеем ли мы здесь дело в чистом виде с тем явлением, которое Роберт Мертон называл «самосбывающимся пророчеством»: любой прогноз революционного взрыва может вызвать настолько

⁷ Tilly C. European Revolutions, 1942-1992. Oxford: Blackwell, 1993. P. 8.

успешную превентивную реакцию режима, еще сохраняющего всю полноту власти и располагающего средствами насилия, что революция окажется задушенной, уничтоженной в зародыше вопреки всем самым основательным прогнозам?

Это только некоторые из вопросов, которые остаются открытыми и к которым должны будут обратиться будущие теории революции.

Важнейшие понятия и термины

Аспирационная депривация - внезапный рост потребностей при неизменном уровне угнетения.

Беспорядки - спонтанные, экспрессивные взрывы недовольства, выражающиеся в коллективных силовых акциях, часто имеющих деструктивный, разрушительный характер, однако не объединенных какой-либо четкой программой преобразований.

Военный путч - захват власти генералами или офицерами (военной хунтой), что, как правило, не связано с изменением строя, разве что приводит к ограничению или устранению гражданских прав и свобод.

Восстания (народные бунты) - массовые, спонтанные выступления против репрессивной власти, приводящие в лучшем случае к частичным уступкам без глубоких системных изменений.

Вулканическая модель революции - представление о революции как о результате спонтанных действий «снизу», предпринимаемых гражданами, ощущающими выходящую за грань возможного (за порог терпения) невыносимость гнета, эксплуатации, несправедливости.

Государственный переворот (дворцовый, свержение правительства) - внезапное, осуществленное с применением силы изменение состава правящей группировки, ротация в рамках данной политической элиты без глубоких изменений политических и социальных структур.

Гражданская война - резкие, силовые столкновения противоборствующих социальных группировок, мотивированные главным образом этническими или религиозными различиями, а иногда и идеологическими, целью которых является скорее защита своих интересов и приобретение власти в рамках существующего строя, нежели изменение самого строя.

Двоевластие - типичная для многих революций переходная ситуация временного равновесия сил между теми, кто защищает старый режим, и революционерами, которая находит выражение в их контроле над разными частями государства.

Историософское понятие революции - радикальный поворот в развитии, что выражается в полном качественном изменении экономической и политической систем, иерархии социального неравенства, системы ценностей, правовых и моральных основ, а также характера повседневной жизни.

Конспиративная модель революции - представление о революции как о результате действий группы профессиональных революционеров, которым удается убедить массы и мобилизовать их к действиям.

Кризисная депривация - внезапное ухудшение уровня жизни при неизменном уровне потребностей и притязаний.

Миф революции - идеализация революции как героического, благородного и прогрессивного явления.

Негативный консенсус - типичное для революционного сознания единство взглядов на неприемлемые особенности старого режима, а также однозначное выявление и определение врагов, против которых надлежит бороться.

Относительная депривация - расхождение между уровнем потребностей, претензий и стандартом реальных достижений, определяемое как неправильное или несправедливое и приводящее к протесту против большего богатства, более высокого уровня жизни, большего объема власти, более высокого престижа и т.п. у «других» с намерением присвоить все это себе.

Позитивный консенсус - ясное, разделяемое всеми революционерами представление о послереволюционном устройстве, соответствующем их мечтам, а также их единство в вопросах стратегии и тактики, необходимой для доведения революции до победного конца.

Прогрессирующая депривация («J-кривая») - одновременный рост потребностей и снижение уровня жизни.

Революционная ситуация - особое усиление недовольства, протеста, социального беспокойства, которое проистекает из экономического, финансового или политического кризиса.

Революционная традиция - культивируемая в общественном сознании память о прежних революциях, включающая в себя революционные мифы, идеализированные картины, героические образы вождей и стереотипные представления о противниках (врагах революции).

Социологическое понятие революции - полное и радикальное преобразование общества (экономики, политики, культуры, социальной жизни) в результате массовой мобилизации «снизу» социальных движений.

Структура политических шансов - минимальные гражданские свободы, прежде всего свобода собраний и слова, которые в сочетании с низкой репрессивностью режима создают благоприятные условия для организации политической оппозиции или революционного движения.

Управляемая реформа государства - изменение, которое, в отличие от революции инициируется и осуществляется «сверху», правящими силами, и имеет своей целью лишь частичное совершенствование существующей системы без намерения полностью изменить ее.

Рекомендуемая литература

3, 22, 34, 57 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Часть VII

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Глава 25

Современность и постсовременность

Логика нашего анализа шла от наиболее простых, элементарных составляющих социальной жизни: действий, контактов, взаимодействий - через все более сложные формы: социальные отношения, социальные группы, организации, структуры - к сложнейшим культурным конфигурациям. Далее мы описывали способ функционирования этих целостных социальных структур, а также их изменчивость, их «становление» на протяжении длительного времени исторического развития. Таким образом мы поднялись на самый высокий уровень сложности - уровень *глобального сообщества*.

Нынешний характер и облик большинству современных обществ придали два важнейших процесса: модернизации и глобализации. Поэтому заключительные разделы нашей книги мы посвятим характеристике современного нам общества, пережившего модернизацию и все более глобализуемого.

Социология с самого начала сформировалась как наука о современном обществе - об обществе Нового времени. Как мы помним, она появилась в качестве ответа на те вызовы, которые были связаны с переломными моментами в развитии общества, с уходом в прошлое традиционных формаций и с формированием в Западной Европе конца XVIII - начала XIX в. новой социальной системы, нового социального порядка. Достижения классической социологии были связаны с периодом триумфального торжества западноевропейской и американской современности (модернизации, социальной системы и культуры Нового Времени в XIX в. и в начале XX в.). Таким образом, будучи поначалу ограничена территориально и культурно, социология, пополняемая исключительно трудами социальных антропологов, исследуя общества, вступающие в современность - в эпоху модернизации, все более явно становится ныне наукой обо всем человеческом сообществе, по мере того как в ходе глобализации большинство обществ принимает за образец и перенимает модели западной современности. Предмет социологического исследования как бы приспособился к глобальной перспективе нашей науки.

Понятие современности: исторический и аналитический аспекты

Существуют два способа определить, что такое современность: исторический и аналитический. *Историческое понятие современности*, которым мы пользовались выше, заставляет нас обратиться к месту и времени появления новой общественной формации. *Аналитическое понятие современности* содержит совокупность важнейших, структурно определяющих черт и признаков этой разновидности общественного устройства. С переносом акцента на этот второй, аналитический, способ мы приближаемся к концепции «множественных современностей» (multiple modernities), которую развивают в последние годы Шмуэль Эйзенштадт (Shmuel Eisenstadt), Бьёрн Виттрок (Björn Wittrock)¹ и некоторые другие исследователи, обнаруживающие вполне развитые аспекты современности (модернизованного общества) в других частях света, нежели Европа, и значительно раньше, чем в течение последнего века или последних веков, доказывая таким образом существование многих сценариев движения к современному обществу, отличающихся от уникального «западного» сценария.

Некоторые исследователи, занятые поиском исторических корней «современности», обнаруживают их зарождение в рамках «западной» версии уже в XVI в. (например, американский теоретик так называемой «мировой системы» Иммануил Уоллерстайн (Wallerstein), другие относят их к XVII в. (например, британский социолог Энтони Гидденс), а третьи - к еще более позднему времени, но при этом все они согласны, что переломным моментом, определившим переход к современности, стали три великие революции. Американская война за независимость и конституционная революция вместе с Великой Французской революцией сформировала политические и институциональные «рамки» современности: конституционную демократию, идею верховенства закона, принципы суверенности национальных государств. Зато промышленная революция в Англии создала экономический фундамент современности, новый способ производства - массовое промышленное производство силами свободных наемных рабочих, проживающих в городах, что сформировало новый стиль и образ жизни - индустриализацию, урбанизацию, а также новый экономический строй - капитализм с его формами собственности и распределения благ.

Однако для социолога аналитическая характеристика современности представляет больший интерес, чем характеристика историческая. Что специфического можно обнаружить в той системе общественной жизни, которая существует уже несколько столетий, все более распространяясь по всему миру, и которая вопреки пророчествам постмодернистов еще очень далека от исчерпания своих возможностей и своей динамики? Первый набор признаков современности представил и систематизировал основоположник социологии Огюст Конт. В этот перечень он включил: а) концентрацию ра-

¹ Early Modernities / Ed. by B. Wittrock // Daedalus. 1998. Summer. Cambridge: The American Academy of Arte and Sciences.

бочей силы в городах, б) организацию труда с ориентацией на эффективность и эксплуатацию, в) использование науки и новейшей технологии в производственном процессе, г) появление явного или скрытого антагонизма между работодателями и работниками, д) растущие контрасты и социальное неравенство, е) экономическую систему, опирающуюся на индивидуальное предпринимательство и свободную конкуренцию. Уже из этого видно, что явный акцент делается на *экономических аспектах*; именно новый способ производства является источником отличительных черт новой формации. Наряду с этим решающую роль играет новый, опирающийся на науку способ мышления, то, что Конт называл позитивизмом. Выявленные Контом характерные черты и признаки современности встречаются с той поры, хотя и с некоторыми различиями в расстановке акцентов, в каждом подобном каталоге.

ЖАН БОДРИЙЯР (род. в 1929 г.)

Французский интеллектуал, один из инициаторов и основоположников постмодернистского направления в теории общества и радикальный критик современного общества и культуры. Его наиболее значительные труды - «Потребительское общество» (1970), «Зеркало производства» (1975), «Симулякры и симуляции» (1983), «Америка» (1988), «Прозрачность зла: очерки об экстремальных явлениях» (1993).

В центре его внимания оказывается мир объектов и знаков, среди которых идет социальная жизнь. В потребительском обществе наряду с ценностями, предназначенными для практического употребления и обмена, определенное место занимают «значащие» ценности. Вся социальная жизнь организуется вокруг потребления товаров, что приносит потребителям статус, престиж и идентичность. Люди различаются между собой количеством и видами приобретаемых товаров. В мире рекламы, маркетинга, снобизма не проводится различия между действительными и искусственно созданными потребностями. Люди здесь даже не в состоянии представить себе иной формулы жизни. Таким образом происходят максимальное отчуждение и реификация: предметы начинают господствовать над людьми, а люди теряют свои человеческие качества.

В истории можно выделить эпоху, предшествующую современности, когда доминировали символические ценности; эпоху современности, когда доминировало материальное производство, и эпоху, наступившую после современности (постмодернизм), в которой господствуют симуляция, обман (обман зрения, обман чувств), заблуждения. Переход к постмодернизму открывает эпоху, в которой на смену материальному производству приходит символический. Мы погружаемся в мир «гиперреальности», в котором образ, представление, игра знаков вытесняют реальный опыт. Идентичность формируется путем наследования образцов, коды и модели предопределяют поведение людей, их понимание собственной роли и их отношение к другим. Симуляция действительности с помощью средств массовой информации становится для людей более реальной, чем сама действительность. Люди впадают в «экстаз коммуникаций», превращаясь в пассивные экраны, на которых

отражается хаос впечатлений. Увлечение символами затмевает все то, что эти символы обозначают; реальность исчезает в мире фантазии.

Массы, это «тихое большинство», ищут не смысл, а зрелище и становятся неспособными к политическим или революционным действиям. Наступает слияние, «стирание» всяких различий - классовых, расовых, сексуальных, экономических, или процесс дедифференциации. Непосредственные отношения между людьми растворяются в мире симуляции. Таким образом дело доходит до полного разрушения субъекта в социальной жизни. Кончается эпоха идеологических битв и политических конфликтов, инноваций и революций, творчества и просвещения, прогресса и демократии. Наступают времена, когда миром правят предметы, иллюзии, видимость, фантазии.

Литература

Baudrillard J. Ameryka. Warszawa: Wydawnictwo SIC, 2001.

Baudrillard J. Rozmowy przed końcem. Warszawa: Wydawnictwo SIC, 2001.

Полярные модели

Многие последователи Конта характеризуют современность, применяя несколько иную стратегию. Они выявляют ее признаки, противопоставляя их характерным чертам традиционного общества. Они предлагают, таким образом, полярные, дихотомические модели (Макс Вебер сказал бы: «контрастные идеальные типы»), основанные на противопоставлении нового и старого мироустройства. Такая полярная типология ведет свою историю от Герберта Спенсера (который противопоставлял «военное» и «промышленное» общества), Макса Вебера (традиционное и капиталистическое общества), Эмиля Дюркгейма (общество механической солидарности и общество органической солидарности), Генри Мейна (Henry Maine) (общество, основанное на статусах, и общество, основанное на контрактах), а также Роберта Редфилда (Redfield) (деревенское общество и городское общество).

Однако наиболее известная, используемая до нашего времени характеристика капитализма принадлежит Максиму Веберу, который противопоставлял капитализм традиционному обществу на основе шести критериев. Во-первых, эти формации различаются *характером собственности*. В традиционном обществе собственность связана с унаследованным статусом (например, аристократа или дворянина-помещика). В капиталистическом обществе частная собственность на средства производства находится в руках индивидуально действующих на рынке предпринимателей. Другое различие касается *организации труда и производства*. В традиционном обществе сельскохозяйственное производство основано на установившихся обычаях и лишено механизации. В капиталистическом обществе массовое промышленное производство опирается на механизацию, которая обеспечивает рост эффективности, производительности труда, расчеты прибыли и рациональной координации, что является ведущими организационными принципами. В-третьих, различным является характер *рабочей силы*. В традиционном обществе работники остаются в личной юридической зависимости от работодателя (рабы или

крепостные крестьяне в системе барщины). В капиталистическом обществе трудящиеся располагают личной свободой и продают свою рабочую силу как товар на рынке труда, в соответствии с нормальными закономерностями спроса и предложения. Четвертый момент, определяющий различия, - это характер *рынка*. В традиционном обществе обмен и торговля обременены множеством ограничений: протекционизмом, таможенными барьерами, транспортными трудностями, недостатком развитых инструментов денежной системы, родовыми или групповыми монополиями. В результате там формируются только локальные рынки, а в более широком масштабе функционируют лишь избранные рынки, на которых торгуют предметами роскоши (пряностями, или «кореньями», драгоценными камнями, шелком и т.п.). Зато в капиталистическом обществе рынок становится неограниченной территорией обмена, распространения и потребления, а его главным регулятором (как называл это еще Адам Смит, «невидимой рукой рынка») являются экономические закономерности спроса и предложения. В-пятых, обе формации различаются характером обязательных *законов*. В традиционном обществе законы имеют партикулярный характер, то есть по-разному касаются различных социальных групп и классов. Они также являются предметом патримониального рассмотрения и применения. Зато в капиталистическом обществе законы имеют универсальный характер, применяются на равных началах ко всем членам общества и реализуются посредством независимого судебного аппарата, что обеспечивает гарантированность контрактов, осуществление прав и обязанностей сторон. Наконец, в-шестых, Вебер указывает на различия в *господствующих мотивациях*. В традиционном обществе люди стремятся удовлетворить свои потребности, ориентируясь на то, что было прежде, на стандарты, существующие до сих пор, на то, что санкционировано обычаем и традицией. Они мирятся, как бы заранее соглашаются с тем уровнем и образом жизни, который они застали. Как пишет Вебер, «возможность заработать больше была для них менее привлекательна, чем возможность работать меньше». Зато в капиталистическом обществе появляется неограниченное стремление к прибыли, потребность в материальном успехе, именно это становится широко распространенной мотивацией интенсивной экономической деятельности. Ясно видно, что экономическая сторона дела в определении основ капитализма для Вебера является еще более важной, чем для Конта. Для Вебера капитализм - это прежде всего неустанное стремление к *прибыли* посредством *рационального предпринимательства* в рамках частных предприятий.

От такой, главным образом экономической, характеристики современности определенный шаг в сторону выявления структурных и культурных признаков и особенностей делает в своем диагнозе современного общества классик социологии XX в. американский ученый Толкотт Парсонс. Он выявляет принципиальные различия между традиционным и современным обществом в пяти пунктах. Факторы, определяющие характер этих полярных оппозиций, он называет *типовыми переменными (pattern-variables)*². Во-первых, они ка-

² *Parsons T.* The Social System. Glencoe: Free Press, 1964 [1951].

саются степени отчетливости социальной структуры и формируют противоречие «диффузность - специфичность». В традиционном обществе структуры - роли, группы, социальные отношения - имеют свободный, без жесткой специализации, емкий характер, включают гетерогенные проявления людской активности. В современном обществе доминирует высокая специализация ролей, групп и социальных отношений, в рамках которой деятельность людей оказывается в значительной мере гомогенной, сконцентрированной. Здесь легко обнаружить отзвук идеи Эмиля Дюркгейма относительно постепенного прогрессивного разделения труда как решающего фактора социальной эволюции. Другая оппозиция касается оснований социального статуса и определяется как противоречие «предписанное - достижимое». В традиционном обществе допуск к исполнению роли, к членству в группе, к участию в социальных отношениях основывается на наследственных факторах, на том, что люди приобретают в силу своего рождения, особенно когда дело касается унаследованной социальной ситуации, «предписанной» роли. Зато в современном обществе статус человека зависит от его личных усилий и заслуг, предопределяющих социальное положение отдельного человека и достигнутый им статус. Третья оппозиция касается «рекрутирования кадров», предназначенных для исполнения определенных ролей, пополняющих социальные группы, партнеров, участвующих в социальных отношениях: эта оппозиция определяется как противоречие «партикуляризм - универсализм». В традиционном обществе при выборе такого рода руководствуются особыми факторами, часто никак не связанными с требованиями роли, с характером деятельности группы, с содержанием социальных отношений. Зато в современном обществе решающее значение, как правило, имеют компетенции или предпосылки, необходимые для успешного выполнения поставленных задач и предпринимаемых действий, независимо от того, кто конкретно эти действия совершает и соответствующими компетенциями и предпосылками располагает. Доступ к ролям, к группам, к социальным отношениям открыт для всех, кто способен такие роли исполнять или в группах и социальных отношениях участвовать.

Четвертая оппозиция касается основ идентичности отдельных людей и определяется как противоречие «коллективизм - индивидуализм». В традиционном обществе решающую роль в формировании идентичности отдельного человека и в том, как воспринимают его, как относятся к нему другие, играет его групповая принадлежность - к определенному роду, племени, к общине, к этнической группе, к народу, нации и т.д. В современном обществе гораздо важнее то, что делает отдельный человек, то есть его индивидуальные действия и их результаты. Не то, к кому я принадлежу, а то, что я сам делаю, определяет то, кем я есть, кто я. Пятая оппозиция касается роли эмоций в социальной жизни и определяется как противопоставление «аффективность - нейтральность». В традиционном обществе допускается свободное, публичное выражение эмоций: гнева, печали, отчаяния, радости и т.д. Зато в современном обществе вырабатываются правила, обязывающие к сдержанности, к тому, чтобы скрывать, не проявлять открыто свои чувства и действовать с максимальной объективностью и рациональностью.

Концепция Парсонса - это своего рода многомерная шкала, на которой можно разместить конкретные общества, отводя им место соответственно ближе или дальше от крайних точек - полюсов. Признаки крайнего положения на одном полюсе формируют некую условную модель традиционного общества, а признаки столь же крайнего положения на другом полюсе - модель современного общества. Критики концепции Парсонса отмечали проявления *этноцентризма*: современное общество фактически приравнивается к тому, что существует в Соединенных Штатах Америки и составляет суть индивидуалистической, демократической «американской веры». Даже если бы этот упрек был справедливым в середине XX в., когда Парсонс формулировал свою теорию, сегодня он явно не актуален. Распространение «западной», или «американской», «формулы социальной жизни» на широкие ареалы всего мира, осуществляемое в ходе процесса глобализации, приводит к тому, что характеристика «современности», данная Парсонсом, оказывается ныне адекватной по отношению не только к американскому обществу, но и ко множеству других обществ.

Дискуссии по проблемам модернизации продолжаются. Разные авторы дают разные диагнозы «современного» общества. Однако в итоге выявляется некоторое поле общего согласия относительно того, какие наиболее существенные черты присущи этому обществу. В конце XX в. некоторые выводы и обобщения из этих дискуссий сделал британский ученый индусского происхождения Кришан Кумар³, который попытался соединить основные мотивы рассуждений и доказательств Конта и Вебера с идеями Парсонса и современных социологов. В его понимании своеобразии «современности» определяют пять основных принципов. Первым из них является принцип *индивидуализма*. Человек в этом обществе свободен от навязываемых ему прежде групповых связей и зависимостей, он обладает небывало широкими правами не только как гражданин, член общества, но и как личность, которая сама решает, каким образом формировать свою биографию, имея в своем распоряжении множество образцов устройства жизни и карьеры, а также лично несет ответственность за все свои успехи и поражения.

Вторым является принцип *дифференциации*, то есть выбор из множества вариантов, из различных возможных решений во всех сферах жизни. Вебер назвал бы это расширяющимся полем «жизненных шансов». Это касается прежде всего трудовой деятельности, в которой проявляется все большая специализация, огромное разнообразие профессий, требующих от человека различных навыков, компетенций, образования. Беспрецедентное множество решений и вариантов выбора выступает также в сфере потребления, где возможности выбора товаров и услуг становятся уже практически неограниченными. Открываются невероятно разнообразные предложения в области образования, что в свою очередь определяет огромное множество вариантов и пу-

³ Kumar K. Prophecy and Progress: The Sociology of Industrial and Post-Industrial Society. Harmondsworth: Penguin, 1978; Kumar K. The Rise of Modern Society: Aspects of the Social and Political Development of the West. Oxford: Basil Blackwell, 1988; Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. Oxford: Basil Blackwell, 1995.

тей формирования жизненной карьеры. Человек оказывается перед лицом бесконечного множества идеологических и политических программ, а также религиозных доктрин, представленных множеством партий, общественных движений, конфессий, сект и церквей. В общественном сознании встречаются и перекрещиваются многочисленные научные и мировоззренческие концепции, касающиеся всех возможных проблем. В культуре обнаруживается множество моделей, принимаемых за образец и образ жизни, множество разнообразных стилей и вкусов. Принцип дифференциации логично дополняет со своей стороны принцип индивидуализма. Фактически речь идет о том же самом, только с другой точки зрения - не отдельного человека, а того общества, в каком этому человеку приходится жить и действовать. Экзистенциальное положение человека в современном обществе, определяемое обоими выше названными принципами в их взаимосвязи друг с другом, дает человеку свободу, автономию, богатые жизненные шансы, однако ценой постоянной необходимости принимать решения, делать выбор и нести за все это полную ответственность.

Третий принцип - это *рациональность*: апофеоз разума, логики, расчета, объективности, эффективности. Это касается прежде всего функционирования организаций и институтов. Как помним, у Вебера это означало господство бюрократических структур, исключая любые личные, эмоциональные или традиционные мотивы во имя максимально конструктивного решения проблем. Это также находит свое выражение в легализации, легитимности разных организаций и институтов, в строгом соблюдении законов и процедур (в «верховенстве закона»). В той сфере социальной жизни, которую занимает общественное сознание, принцип рациональности означает торжество науки как наиболее совершенной формы познания мира и разумного обоснования человеческих действий. Это проявляется в секуляризации, в отходе от магического и религиозного мышления.

Четвертый принцип - это *экономизм*. Он указывает на тот вид человеческой активности, которым пронизана вся социальная жизнь в современной формации и который придает своеобразную тональность современному обществу. Чтобы понять это, достаточно выйти на улицу любого современного города и присмотреться, что чаще всего делают люди. Несомненно, бросаются в глаза две вещи: чаще всего они работают и что-нибудь покупают. По дороге они еще заходят в банки, маклерские конторы, обменные пункты. Большая часть их жизни протекает в сфере экономических дел и проблем, в сфере экономики, производства и потребления. Деньги и товары становятся главным мотивом их жизни - предметом их потребностей, целью их намерений, темой взаимных договоренностей, объектом взаимодействий и сделок. Даже ценность отдельного человека нередко измеряется тем, какое количество разного рода благ (товаров) и денег он сумел добыть и накопить за свою жизнь (прежде чем достигнет его смерть). Ясно, что это не было так всегда, во все времена. В традиционных обществах доминировали иные мотивы: семейная жизнь, религиозная жизнь, военные или рыцарские подвиги. Столь сильный акцент на экономической стороне является, несомненно, особенностью современного общества.

Пятый принцип - это *экспансивность*. Современный образ социальной жизни имеет тенденцию к расширению в пространстве. От места своего рождения в северо-западной Европе она оторвалась, охватив ныне большую часть мира. Мы называем это процессом *глобализации*, который будет предметом нашего специального анализа в последней главе книги. Однако экспансия «современности» идет не только вширь, но и вглубь. Она пронизывает все сферы жизни, преобразуя вкусы, нравы, обычаи, нормы морали, художественные стили, массовую культуру. Она создает новые формы семейной жизни, определяет характер образования, формы отдыха и развлечений.

Современная индивидуальность

Будучи, как все в обществе, производным от человеческих действий, современность, когда она становится доминирующей, четко выраженной и укоренившейся, сама оказывает на эти действия встречное влияние. Наиболее сильным проявлением такого влияния можно считать формирование индивидуальности, своеобразного типа личности *современного человека*.

Еще в 1950-х годах Роберт Мертон обратил внимание на то, что бюрократическая структура сильно влияет на характер личности чиновников⁴. Идеальный тип *личности бюрократа* отличается такими характерными особенностями, как: жесткая консервативность (неспособность действовать в иной обстановке, полное бессилие, обнаруживающееся тогда, когда в новых условиях старые навыки становятся дисфункциональными), перестановка целей (когда чиновник заботится только о буквальном исполнении определенной процедуры, выпуская из поля зрения результат этих действий, теряющий для него всякий смысл), чрезмерная корпоративность (когда внутригрупповая оборонительная солидарность приводит к тому, что любая критика отбрасывается, а исправление допущенных ошибок становится невозможным), ощущение своего превосходства над просителями, клиентами, грубое обращение с ними, необоснованное профессиональное самодовольство и чванство, консерватизм. В 1960-х годах идею «современной ментальности» развивал другой американский социолог Роберт Белла (Bellah), подчеркивая такие ее особенности, как индивидуализм, стремление к успеху, гедонизм, чувство ответственности.

Наиболее широкую известность получили, однако, систематические сравнительные исследования, направленные на выявление специфики личности современного человека, какие проводил в 1970-х годах американский социальный психолог Алекс Инкелес⁵. Он исходил из того, что на индивидуальность людей, живущих в современном обществе, воздействуют четыре фактора: урбанизация, индустриализация, социальная мобильность общества, а также массовая коммуникация и культура. В результате эмпирических исследований, проведенных во многих странах, Инкелес описал *синдром «современной лично-*

⁴ Merton R.K. Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968 8. P. 249-278.

⁵ Inkeles A., Smith D.H. Becoming Modern. Cambridge: Mass, Harvard University Press, 1974.

сти», представив таким образом теоретическую модель, которая с разной степенью приближения к действительности все же так или иначе реализуется в разных современных обществах. Эта модель включает девять характерных личностных признаков. Во-первых, потребность в обретении нового опыта, открытость навстречу *инновациям и изменениям*. Если воспользоваться примерами, которые приводит Инкелес, то это может означать готовность применить новое лекарство, новый вид искусственных удобрений, выбрать нетипичное направление для обучения своего ребенка, охотно воспользоваться новым средством транспорта, обратиться к новому источнику информации, попробовать новое блюдо, принять участие в нестандартной, новой свадебной церемонии. Здесь приходится задуматься, не является ли все это общим свойством человеческой природы в целом, как утверждал, к примеру, раньше другой социальный психолог Уильям Исаак Томас (коллега и партнер Флориана Знанецкого в исследованиях, проведенных среди польских эмигрантов в Америке); не эта ли любознательность, интерес ко всему новому стали секретом всех успехов человечества, в частности технического прогресса. Несомненно, однако, что современное общество предоставляет больше возможностей для реализации этой тенденции и тем самым усиливает и развивает ее, хотя бы в силу того огромного количества возможностей принять то или иное решение и необходимостей сделать выбор в каждой сфере жизни.

Другой характерный признак современной личности - это осознание огромного количества существующих мнений и взглядов, готовность высказывать и обосновывать *собственное мнение* и одновременно терпимость, толерантность к другим, отличающимся от нашего собственного мнения и взглядам, даже способность найти своеобразное удовлетворение в самой этой разнородности существующих мнений. Это особый личностный результат культурного давления на рациональность, которая в силу самой природы вещей противостоит и противодействует эмоциональному или традиционному догматизму, требуя объективной дискуссии, сопоставления взвешенных аргументов, а не лобового столкновения разных, взаимно неприемлемых подходов. Третья характерная черта современной личности - это уже рассмотренная нами выше *ориентация во времени*, концентрация внимания скорее на будущем, чем на прошлом, а также умение ценить подчеркнутую пунктуальность. Четвертая черта - это *ощущение субъективной силы*, убеждение, что как личные, так и общественные вызовы и проблемы можно решить, если предпринимать адекватные и своевременные действия в индивидуальном порядке или в группе, совместно с другими людьми. Активная установка имеет отношение не только к вызовам со стороны окружающего людей природного мира, что выражается в идее «подчинения» человеку природы, его господства над природой, но и к экономическим и политическим проблемам, которые можно решить при построении и применении правильной, адекватной социальной политики, или, как говорят социологи, социотехники или социальной инженерии.

Пятый признак современной личности - это стремление предвидеть события будущего и *планировать свои будущие действия*, то есть мобилизация воображения в целях выработки правильной линии своего поведения в отноше-

нии будущего. И снова возникает вопрос и сомнение. Не является ли это общим признаком человеческого рода, как утверждал, например, Карл Маркс в своем знаменитом сравнении, когда говорил, что самый плохой архитектор отличается от самой замечательной пчелы тем, что имеет образ своей будущей постройки заранее, в своем воображении, еще до того, как он начнет строительство. Независимо от нашего ответа на этот вопрос, не подлежит сомнению, что именно в современном обществе особое значение предвидения и планирования будущего определяется и возрастает. Шестой признак, тесно связанный с предшествующим и в сущности определяющий неперемное условие для предвидения и планирования, - это *доверие к социальному порядку*, вера в закономерность общественного развития, в существование неких прочных, апробированных основ ведения хозяйства, государственной политики, а также моральных правил, обычаев и нравов, формирующих повседневное поведение граждан, благодаря чему и возможны расчеты на будущее, планы и предвидение.

Седьмой признак современной личности - это ощущение «разделенной справедливости», признание неизбежности существующего неравенства в распределении благ, ценностей, привилегий в том только случае, если оно формируется не в силу произвола, а на основе ясно выраженных принципов, прежде всего *принципа меритократичности*, который требует неравного вознаграждения за неравные труды и заслуги. Восьмым признаком является то, что современный человек, по представлениям Инкелеса, большое значение придает *самосовершенствованию*, образованию. Наконец, девятый признак заключается в том, что современный человек уважает *достоинство других людей*, даже тех, кто находится на более низкой, чем он сам, социальной позиции или оказывается в его власти.

Реконструкция такой модели, такого типа современника, как тот, что представлен в выводах Инкелеса, неизбежно связана с включением определенных оценочных моментов: речь идет не только о фактах, но и о том, как, по мнению автора, должен мыслить и поступать человек современной формации. Это наиболее явно проявляется в той последней группе личностных признаков, где меритократия (понимание справедливости неравенства), самореализация (установка на самосовершенствование и уважение достоинства других людей) выглядят как своего рода нормативное представление о современном человеке, скорее определенный идеал, нежели отчет о действительном состоянии ментальности современных людей.

Инкелес утверждает, что между выделенными чертами современной личности существуют внутренние взаимосвязи, что речь идет не о свободном перекресте независимых друг от друга признаков, а об определенном общем *синдроме* современной личности. При этом не только условия современного общества формируют каждую из этих особенностей, каждый признак современной личности, но и каждая такая особенность, если уж она сформировалась, начинает оказывать свое воздействие, помогая формированию других черт и признаков или усиливая их значение и способствуя в конечном итоге сложению цельного типа личности.

Критика современности

XIX век был периодом восхищения современностью, преклонения перед ней. В то время доминировали настроения оптимизма и прогрессивизма: вера в прогресс, разум, в технику, науку, в подчинение человеком природы, в неограниченные возможности экспансии. Однако уже тогда люди начинали замечать и понимать негативные стороны нового общественного устройства. Критические мотивы, прозвучавшие уже в XIX в. и в начале XX в., получили свое продолжение и развитие на протяжении всего XX столетия.

Первую и весьма убедительную, впечатляющую причину критики современности вводит и развивает Карл Маркс, называя ее словом «*отчуждение*». Люди по своей природе являются свободными, склонными к творчеству и сотрудничеству, утверждает Маркс, развивая свои романтические и идеализированные представления о человеке и человеческом роде. Однако в определенных, особо неблагоприятных экономических или политических условиях они теряют эти свои естественные свойства. Так происходит в обществах, разделенных на классы, особенно в современном капиталистическом, в котором большинство населения превращается в отчужденные, порабощенные, зависимые и эксплуатируемые другими людьми слои общества, своего рода придатки экономической машины. Лишенный возможности контролировать процесс собственного труда и дальнейшую судьбу производимых им продуктов, торгующий собственной рабочей силой, как товаром, на монополизированном хозяевами собственности рынке труда, рабочий человек переживает отчуждение, отрыв от других людей, разрыв с социальной средой. Следствием этого является то, что он оказывается в противоречии со своей собственной натурой, подавляет ее, подвергается *дегуманизации*: вместо самореализации в процессе труда он деградирует, вместо того, чтобы получать радость от свободного творчества, он, занятый рутинной, разрушающей его личность работой, страдает; вместо ощущения своей общности и единства с другими людьми, он оказывается обреченным на изоляцию и одиночество. Продолжатели Маркса подхватили этот мотив отчуждения и распространили его не только на сферу труда, но и на такие области, как политика, культура, образование, религия, искусство, семейная жизнь, потребительская сфера и т.д. Беспощадную критику современности при использовании идеи отчуждения предлагает в своих трудах неомарксист Эрих Фромм⁶. Он определяет современное общество как безумное, больное, поскольку оно заменяет естественную для человека потребность «быть» борьбой за то, чтобы «иметь». Другой радикальный мыслитель середины XX в., Герберт Маркузе⁷, рассматривает как результат отчуждения появление «одномерного человека», вся жизнь которого организуется работой и потреблением.

Другую причину критики современного общества мы находим в известной книге Фердинанда Тенниса «Общность и общество», о которой мы уже гово-

рили. Этот мотив можно определить как *утраченную общность*. Теннис, как и Маркс, приписывает человеческой натуре общественные тенденции. Он считает, что «сущностная воля» - это стремление к незаинтересованным, самоценным контактам с другими людьми в рамках общности (*Gemeinschaft*). Современное общество (*Gesellschaft*) заменяет эту сущностную волю избирательной волей, при которой все контакты и отношения с другими людьми подчиняются определенным интересам, причем другие становятся предметом циничных манипуляций. В результате естественные общины исчезают. Люди подвергаются выкорчевыванию, растворению в анонимной массе рабочих, чиновников, потребителей или в «публике». Связи совместного проживания, этнического, религиозного или классового сходства оказываются разорванными. Их место, как писал Дэвид Рисман, последователь Тенниса, работавший в XX в., занимает «одинокая толпа», легко поддающаяся на призывы демагогов, ищущая сильных авторитетов, падкая на соблазны, связанные с установлением авторитарных и даже тоталитарных режимов «закона и порядка», энергично и охотно подключающаяся к различным социальным движениям в поисках альтернативных общностей, компенсирующая свою собственную фрустрацию и одиночество деструктивными, антисоциальными действиями.

Рассмотрением третьей причины критики мы обязаны Веберу, который считал, что крайняя рациональность, результативность и инструментальность социальных организаций, лучше всего проявившаяся в облике современной бюрократии, создает для общества «железную клетку», лишая его свободы. Бюрократия рассматривает людей в качестве объектов, поддающихся успешной обработке. И это ей легко удается именно в итоге того выкорчевывания, которому подвергаются люди, «одинокое в толпе». Как доказывает в своей известной книге, посвященной уничтожению евреев нацистами, польский социолог в эмиграции Зигмунт Бауман⁸, именно максимальная бюрократизация и холдная, техническая эффективность нацистской машины позволили отбросить какие бы то ни было моральные ограничения и рассматривать уничтожение еврейского народа как чисто практическую цель и стремиться к наиболее успешному выполнению такого задания в кратчайшие сроки и простейшими средствами. Крематории нацистских лагерей, по мысли Баумана, должны служить предупреждением, до чего может довести восходящая к эпохе Просвещения вера в разум, эффективность и расчетливость, закодированные в бюрократических и технократических организациях современного общества.

Четвертая причина критики восходит к Эмилю Дюркгейму и развивается под лозунгом *аномии*. Дюркгейм иначе, чем Маркс и Теннис, рассматривает и оценивает природу человека, представляя ее в черных, пессимистических тонах. Он считает, что человек по своей природе - эгоистическое, антисоциальное существо, которое стремится к неограниченному удовлетворению своих интересов, не считаясь с другими людьми, а за счет этих других людей. Человеком, способным на сочувствие и сотрудничество с другими людьми в коллективе, это животное становится только благодаря тем образцам и правилам культуры, которые прививаются ему в процессе социализации, то есть благо-

⁶ Fromm E. The Sane Society. London: Routledge & Kegan Paul, 1963 [1956].

⁷ Marcuse H. One Dimensional Man. Boston: Beacon Press, 1964.

⁸ Bauman Z. Modernity and Holocaust. Cambridge: Polity Press, 1989.

даря социальным нормам и ценностям. Побочным результатом быстрых социальных изменений, характерных для современности, может стать то, что такие нормы и ценности подвергнутся эрозии и люди снова окажутся во власти индивидуалистического, антиобщественного эгоизма. Аномия в том первоначальном значении, которое придавал этому понятию Эмиль Дюркгейм, как раз и означает *нормативный хаос*, исчезновение моральных ориентиров, размывание категорий добра и зла. Люди дезориентированы, чувствуют себя потерянными, лишенными корней. Понятие аномии имело в социологии большое будущее, особенно благодаря тому переосмыслению и обогащению, которые дал ему в своей теории Роберт Мертон, о чем мы уже говорили выше, в гл. 17.

Пятая причина критики связана с типичной для современности идеей господства человека над природой, или *завоевания природы*. Вместе с выявлением деструктивных последствий стихийной индустриализации, урбанизации и технического прогресса: загрязнения окружающей среды, истребления целых видов фауны, истощения месторождений природного сырья, угрозы истощения водных запасов, потепления климата, генетических изменений человеческой популяции, опасных мутаций бактерий и вирусов, появления так называемых «болезней цивилизации» и т.п. - формируется экологическое сознание, требующее каким-то образом удержать необузданную «современность». Люди начинают говорить и писать о «границах роста», или в более позитивном духе, о необходимости создания условий для устойчивого развития (sustainable growth). Экологические споры и дискуссии выходят далеко за границы социологии, вторгаясь во многие другие области науки, а также сильно влияя на обыденное массовое сознание.

Шестым предметом критики является совершившийся в результате экспансии капитализма раздел мира на зоны *благополучия* и *бедности*. Предшественником авторов, развивающих этот критический мотив, был Владимир Ленин, который в своей *теории империализма* утверждал, что стремление к извлечению максимальной прибыли толкает фирмы на поиски дешевой рабочей силы, доступного сырья и рынков сбыта для произведенной продукции. Именно этой цели служит империалистический захват чужих земель, в ходе которого государства-захватчики обеспечивают интересы господствующего класса. В более поздней версии эта концепция выступает в виде так называемой *теории зависимости*, которая касается уже не той ситуации, в которой выступал дикий, хищнический капитализм, а скрытой под видимостью суверенности неокOLONиальной экономической эксплуатации капиталистическим центром периферийных стран (Анри Гюндер Франк, Фернандо Кардозо). В самой новой версии этой теории речь идет о нарастающем конфликте между зажиточным Севером и бедным Югом, или о столкновении между цивилизацией богатства и цивилизацией бедности (Самуэль Хантингтон⁹, Бенджамин Барбер).

Седьмой критический мотив указывает на сопровождающий современность, приобретающий массовой характер процесс *«индустриализации» войны*, вооруженных конфликтов, терроризма. Несомненно, и количество, и мас-

штаб, и разрушительность войн в эпоху современности превосходит все, что прежде знала история. Считается, что только на протяжении одного XX в. в результате военных действий погибло свыше 100 млн человек. Это связано по крайней мере с тремя обстоятельствами, типичными для современности. Во-первых, с колоссальным развитием военной техники, вплоть до создания атомного оружия, позволяющего массовое уничтожение людей, а потенциально и уничтожение всего человечества. Во-вторых, с конфликтом экономических интересов между государствами, вытекающим из свойственно капиталистической системе неукротимого, постоянного стремления к прибыли, выгоде, к тому, чтобы завладеть чужими богатствами и подчинить себе других людей. В-третьих, с тем акцентом, который переносится на рациональную эффективность, на инструментальную трактовку людей, что позволяет отказаться от сдерживающих моральных тормозов, которые могли бы удержать от самых жестоких разрушений и массового геноцида, совершаемых во имя государственных, национальных, религиозных или этнических интересов и проявлений лояльности.

Что - после современности?

Современность - это чрезвычайно динамичная и экспансивная общественная формация. За столетие, минувшее со времени ее появления на исторической арене, она сама подверглась глубоким изменениям. Социология пытается выявить эти изменения и сделать на их основе теоретические обобщения. В таком случае она обращается к одной из трех схем интерпретации изменений, описание которых мы дали в гл. 22: к концепции эволюционных, циклических или диалектических изменений.

Те, кто на основе теории или, не имея никакого понятия о теории, обращается к схеме эволюционных изменений, исходят из предположения, что *«будущее уже было»*, что все, что ждет нас в будущем, уже было в прошлом, разве что известные уже из прошлого нынешние тенденции проявятся более четко, еще более усилятся. За этим скрывается представление о линейной направленности развития. Считается, что нынешнее состояние общества можно экстраполировать в будущее и таким образом предвидеть, предсказать его будущий образ. Поскольку все общества проходят через одни и те же обязательные стадии в своем развитии и сегодня существуют общества более «современные» и относительно более отсталые и даже совсем примитивные, постольку и зародыши, и прообразы будущего легче всего обнаружить в наиболее развитых, современных, новейших обществах. Значит, если мы присмотримся внимательно к нынешним Соединенным Штатам Америки, к Японии, Тайваню, к Германии, Швейцарии, то, во-первых, мы увидим, как через некоторое время будут выглядеть нынешние общества Второго и Третьего мира, а во-вторых, откроем и то направление, в котором собираются развиваться далее нынешние наиболее современные и развитые общества. Такой подход мы обнаруживаем прежде всего в концепции *постиндустриального общества*, получившей известность в середине XX в. и представленной, в частности, такими автора-

ми, как Даниел Белл (Daniel Bell) и Ален Турэн (Alain Touraine). Эта теория, о которой мы уже говорили в гл. 22, имела наиболее синтетический характер, показывала многомерный образ общества будущего, которое должно было соединить все нынешние важнейшие тенденции развития, или, как определял эти тенденции Джон Нейсбит (Naisbitt), «мегатренды».

Более поздние авторы старались сосредоточить свое внимание только на какой-нибудь одной, выбранной ими тенденции, которую они считали главной и способной детерминировать весь образ будущих обществ. Ральф Дарендорф писал об «обществе обслуживающего класса»¹⁰, строя свои выводы на наблюдениях, убеждающих в том, что основные структуры производства и занятости явно переместились из традиционного промышленного сектора в сектор широко развитых и дифференцированных услуг: торговли, финансов, администрации, транспорта, коммуникаций, образования, научных исследований, здравоохранения, отдыха и т.д. Последовательные прогрессивные изменения в самом характере труда являются основой для представлений о будущем обществе, в котором автоматизация и роботизация освободят людей от необходимости ежедневной работы и предоставят им все более расширяющееся поле свободного времени и шансов самореализации. Известный теоретик, занимающийся вопросами организации и управления, Питер Друкер подчеркивал еще более специфическую тенденцию, говоря об «обществе знания»¹¹, в котором производство и перепроизводство заводской и фабричной продукции отойдет на задний план, уступив место производству и перепроизводству знаний, которые станут главным в экономике этого общества товаром. Аналогичные акценты мы встречаем в многочисленных теориях «информационного общества». Одни, подобно Друкеру, подчеркивают решающее значение производства информации, другие обращают внимание на революционные последствия компьютерных технологий такого производства, особенно интернета.

Другой подход к проблеме будущего образа общества основан на более или менее осознанном использовании циклической идеи: «продвижение в будущее должно обернуться возвращением к прошлому». Все более глубокое осознание, все более полное ощущение негативных аспектов и последствий «современности» порождают *ностальгическую концепцию возвращения* к утраченному прошлому, которое идеализируется и представляется в розовом свете. В обыденном сознании, в публицистике, в литературе появляются различные концепции, содержащие надежды на восстановление сильной традиционной семьи, на возрождение общин и социальных связей в первичных группах, на реконструкцию идентичности и укоренение в группах, на возвращение от секуляризации к религии (в диапазоне от «новой евангелизации» до концепции Нового Века), на поворот от монополии науки и техники в сторону мистического, магического или интуитивного мышления, на спасение окружающей среды и возвращение к жизни в гармонии с природой, на отказ от материалистического потребительского образа жизни во имя высших духовных потреб-

ностей и ценностей, связанных с самореализацией и полноценным качеством жизни. Такие идеи становятся осью кристаллизации многочисленных социальных движений, особенно тех, которые называются «новыми социальными движениями» (мы говорили о них в гл. 6). Эхо таких идей мы находим также в социологических теориях.

Уже классик циклической теории развития Питирим Сорокин видел будущее как возвращение от господствующей *«материалистической ментальности»* к *«идеалистической ментальности»*. В исследованиях, проведенных спустя полвека после Питирима Сорокина и охвативших ряд стран, американский социолог Рональд Инглхарт решительно подтверждает перемещение центра тяжести в сторону *«постматериалистических ценностей»*¹²: качества жизни, здоровья, физической полноценности и хорошей физической формы, богатого опыта и знаний, товарищеского общения и т.п., развивая теорию усиления этих тенденций в будущем. Британский теоретик Энтони Гидденс выводит изменения в характере современности, имеющие тенденцию к торможению ее негативных последствий, из самой природы современной формации. Характерное для современности развитие научных знаний, широко распространенное и все более сложное, глубокое образование, растущее влияние средств массовой информации, простота коммуникаций и легкость обмена информацией и мнениями ведут к появлению в общественном сознании новых существенных компетенций, которые Гидденс определял понятием «рефлексивность» (способность, склонность к размышлениям, к анализу). Это способность общества критически мыслить о самом себе, видеть и распознавать негативные, патологические явления, представляющие собой угрозу для будущего, и, опираясь на такой диагноз, предпринимать превентивные действия и мобилизовать средства, способные предотвратить или свети до минимума некоторые опасные тенденции. Это находит выражение в давлении социального мнения, в мобилизации социальных движений, а также в политических действиях, которые в последнее время все чаще предпринимаются правительствами разных стран, даже вопреки узким экономическим интересам. Сила современности заключается также в том, что оно само содержит в себе *механизм самоисправления*. В концепции Гидденса можно обнаружить четко прослеживаемую параллель с идеей «самосбывающихся пророчеств» Роберта Мертона, которая, как мы помним, заключалась в том, что осознанные коллективами в данный момент прогнозы чаще всего не исполняются, ибо люди предпринимая для этого соответствующие меры. Критики современности, показывая, до чего она может довести человечество при спонтанном развитии, формулируют таким образом так называемые *«предостерегающие прогнозы»*, мобилизуя людей на противодействия возникающим угрозам и тем самым прикладывая силы к тому, чтобы не сбылись их собственные прогнозы и черные картины будущего.

¹² Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton: Princeton University Press, 1990; Abramson P.R., Inglehart R. Value Change in Global Perspective. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.

¹⁰ Dahrendorf R. The Modern Social Conflict. Berkeley: The University of California Press, 1990.

¹¹ Drucker P. Post-Capitalist Society. New York: Harper, 1993.

Третья схема мышления об обществе будущего исходит из диалектики. Будущее при таком подходе не означает ни простого продолжения настоящего, ни возврата в прошлое. Скорее это *преодоление и прошлого, и настоящего*, фундаментальное, качественное изменение, радикальная новизна. В одной из своих разновидностей концепция будущих судеб Нового времени прямо обращается к основоположникам диалектики Вильгельму Гегелю и Карлу Марксу. В триумфальной атмосфере 1990-х годов, после падения коммунистического режима в СССР и странах Восточной Европы, появляется идея «конца истории». Американский интеллектуал Фрэнсис Фукуяма утверждает, что закончилась долгая эпоха конфликтов, борьбы, войн и революций под знаменами различных идеологий (составлявших до сих пор главный сюжет, главный мотив истории), и победа демократии в мировом масштабе означает качественное изменение политики, которая отныне будет опираться на консенсус и ориентироваться на максимально успешное разрешение жизненных проблем человечества¹³. Интересно отметить, что обращение к Гегелю или Марксу каким-то неотвратимым образом всегда ведет к конструированию новых утопий. После появления книги Фукуямы, которая стала широкоизвестной, прошло совсем немного времени до того момента, как разразились этнические и религиозные войны на Балканах, в бывших советских республиках, началось наступление исламского фундаментализма и т.д. Ни «конца идеологии», что предсказывал еще в 1960-х годах Даниел Белл, ни «конца истории» в том смысле, какое придавал ему Фукуяма, как-то не видно.

Совершенно иной характер имеет другая концепция, также исходящая из диалектической схемы, - *постмодернизм*, или по терминологии, предложенной Зигмунтом Бауманом «*послесовременность*». Наверно, основоположники этой концепции возмутились бы, узнав о такой характеристике их идеи (привязке к диалектике). Хотя некоторые из них когда-то были марксистами, они вовсе не обращались прямо и непосредственно к диалектике, но все же их главная мысль сводилась к радикальному перелому хода исторического развития, к появлению совершенно нового типа общества. Крайний радикализм здесь заключается в полном отрицании каких-либо исторических или социальных закономерностей, которые можно было бы сформулировать как законы общественного развития. Следовательно, все, что происходит вокруг нас, является чем-то еще большим, чем простое преодоление прошлого, ибо оно вообще не имеет с прошлым каких-либо систематических связей. Оно является состоянием *sui generis*. Описанию этого состояния постмодернисты посвящают большинство своих трудов, особенно подчеркивая такие черты, как разрушение и «подрыв» традиционных социальных иерархий - классовых, экономических, расовых, сексуальных и т.п., полное господство потребительских вещей и благ над людьми и окончательная утрата роли субъектов, вытеснение межличностных отношений их симуляцией, подмена культуры «гиперреальностью», в которой образ, представление, игра знаков, подменяют реальность, а в итоге - хаос впечатлений и фантазий.

¹³ Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. Summer. P. 3-18; Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992.

Постмодернистической концепции, несмотря на ее значительную, хотя, впрочем, уже явно миновавшую к концу XX в. популярность, мы отводим в нашей книге так мало место по следующей причине. Дело в том, что эта концепция не является собственно социологической теорией, ибо она отрицает возможность научного познания, направленного на выявление закономерностей и формулирование законов в обществоведении. Хотя представители и сторонники постмодернизма, поступая совершенно парадоксально, вероятно, из какой-то мазохистской потребности, публикуют свои книги в социологических сериях, защищают диссертации на факультетах и кафедрах социологии и добиваются ученых званий профессоров социологии, по сути своей они не являются социологами. А в таком случае их творчество не входит в тот предмет, который обозначен в названии нашей книги как «аналитическая социология». Упоминание о теории постмодернизма («постсовременности») мне нужно только для того, чтобы дать максимально полное представление о существующих теориях, при этом я уже явно выхожу за рамки обозначенного объекта исследования и нарушаю принятую логику выборочной репрезентации.

ЭНЮНИ ГИДДЕНС (род. в 1938 г.)

Современный британский социолог, создатель оригинальной общественной теории, продуктивный автор, харизматический преподаватель, владелец научного издательства, ректор прославленной Лондонской школы экономики (LSE - London School of Economics) и автор программы новой лейбористской партии Тони Блэра. В ряду его многочисленных книг выделяются: «Новые правила социологического метода» (New Rules of Sociological Method, 1976), «Конституирование общества» (The Constitution of Society, 1984), «Последствия современности» (The Consequences of Modernity, 1990).

Схема понятий, которую Гидденс предлагает для исследования социальной жизни, получила известность как теория структурирования. Он утверждает, что конечным субстратом социальной жизни являются непрерывно развивающиеся «социальные практики», посредством которых осуществляется постоянное воспроизводство, но также и трансформация общества, поддерживается его постоянство и в то же время совершаются его изменения. Социальная структура существует только «виртуально», только постольку, поскольку она реализуется в социальных практиках или записывается в памяти участвующих в этих практиках субъектов. Само слово «структурирование» должно передавать то динамическое свойство структур, существующих только в практиках субъектов - участников социальной жизни. Структура складывается из правил и ресурсов, мобилизованных посредством практики и используемых в этой практике, которые в то же время являются результатом таких практик. В этом смысле можно говорить о «дуализме структуры».

Отдельный человек не является пешкой, действия которой детерминированы структурными условиями: он является существом мыслящим, наделенным достаточно высокой степенью автономии и самосознания, обретающего различные формы, от «практического самосознания», выраженного в повседневных обычных делах, до «дискурсивного созна-

ния», выраженного в диалогах, дискуссиях. Особым типом сознания, появляющимся только в современную эпоху, является ощущение «историчности» мира - всеобщей изменчивости и вместе с тем субъективной силы обычных людей, определяющих направление таких изменений. Люди творят историю, но часто их действия вызывают непреднамеренные и непредвиденные последствия. «История создается направленными действиями, но не является задуманным проектом», - пишет Гидденс.

Человеческое сообщество на рубеже XX-XXI вв. входит в фазу «поздней современности», в которой все признаки «современности» приобретают свое предельное воплощение. Самыми главными отличительными особенностями «поздней современности» являются: а) требование доверия к техническим и организационным системам высокого уровня сложности; б) новые размеры риска, а именно «риска произведенного» в ходе цивилизационных и технологических изменений; в) непрозрачность, нестабильность и хаотичность социальной жизни; г) прогрессирующая экономическая, политическая и культурная глобализация.

Литература

- Giddens A. Socjologia. Poznań: Wydawnictwo Zysk i Ska, 1998.
 Giddens A. Trzecia droga: odnowa socjaldemokracji. Warszawa: Książka i Wiedza, 1999.
 Giddens A. Poza lewicą i prawicą. Poznań: Wydawnictwo Zysk i Ska, 2001.
 Giddens A. Nowoczesność a tożsamość. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2001.
 Giddens A. Nowe zasady metody socjologicznej. Kraków: Nomos, 2001.
 Sztopka P. Giddens // Encyklopedia Socjologii. T. I. Warszawa: Oficyna naukowa, 1998. S. 236-241.

Поздняя современность

Совершенно иные достоинства, иной характер имеет менее бросающаяся, зато более рациональная концепция так называемой «поздней современности», в развитии которой участвовали несколько авторов: Энтони Гидденс, Скотт Лэш, Ульрих Бек¹⁴. Они исходили из того положения, что «современность» по крайней мере не кончилась, не миновала, напротив, она выступает сейчас в наиболее выразительных, четких формах. Ее новые поразительные черты, хотя качественно отличны от того, что было раньше, не означают, однако, разрыва с прошлым, а, скорее, являются завершенным проявлением всех предшествующих тенденций. «Мы не вторгаемся в какой-то новый период, следующий за современностью, скорее мы входим в эпоху, в которой все последствия современности становятся более радикальными и универсальными, чем прежде», - заявляет Гидденс¹⁵.

Поздняя современность отличается четырьмя главными признаками. Первый - это *новая форма доверия*, необходимая для ощущения безопасности и стабильности повседневной жизни. Это связано с преобладающим присутствием в нашей жизни многочисленных «абстрактных систем», которые входят в

сферу, предназначенную для экспертов, и в то же время необходимы нам в нашей повседневной жизни. Не понимая и не имея возможности до конца понять всех принципов их конструкции и действия, мы зависим от их правильного функционирования. Они имеют при этом одновременно и технический, и социальный характер. Таковы, например, системы коммуникаций и телекоммуникаций, финансовые рынки, международные транснациональные корпорации, средства массовой информации, энергетические сети, гидравлические системы и т.п. Эти огромные, сложные, безличные комплексы различных устройств или организационных форм составляют контекст, в котором проходит наша жизнь, и оказание им априори определенного доверия является непременным требованием нормального существования.

Другая черта поздней современности - это появление *новых форм риска*. Разумеется, риск, в смысле неуверенности человека в том, какие последствия будут иметь его действия, является существующим извечно и распространенным повсеместно фактором социальной жизни. Он так же вечен и универсален, как опасения, связанные с нашим незнанием истинной природы каких-либо негативных событий, не зависящих от нашей воли и активности (угроза болезни, несчастные случаи, катаклизмы). Но в нашу эпоху, которую Ульрих Бек называет прямо «обществом риска» (Risikogesellschaft), этот феномен обретает новое качество. Прежде всего, на первый план выходит не тот риск, который был вызван контактами человека с природным окружением, а риск, связанный с цивилизационным и техническим окружением, созданным руками человека. Мы живем в мире «произведенного риска», который является ценной прогресса цивилизации и технического прогресса. Такой риск трудно определить заранее, мы отдаем себе отчет в его размерах только постфактум: когда взорвется атомный реактор в Чернобыле или в Исландии (на «Трех Милях»), когда произойдет утечка ядовитых веществ с химического завода в Бхопале в Индии, когда появится эпидемия СПИДа, когда наступит «парниковый эффект» и изменится климат и т.п. Менее впечатляющий пример - это повседневный риск, связанный с дорожным движением, риск, размер которого мы узнаем только из еженедельной статистики несчастных случаев. Более того, такие события и их последствия не только находятся за границами контроля со стороны обычных людей, но и часто не поддаются контролю даже экспертов и специалистов, не только отдельных людей, но и целых организаций. Мы не можем ни избежать такого риска, ни обеспечить свою безопасность; мы вынуждены жить в присутствии, в сопровождении такого риска, представляющего потенциальную угрозу для миллионов людей. В современном обществе мы также сами создаем новые организационные и институциональные контексты действий, в которых риск становится их основной сущностью, смыслом их существования. Примерами могут служить финансовые биржи, азартные игры, так называемые экстремальные виды спорта.

«Характер риска», как выражается Гидденс, существенным образом меняется в поздней современности, причем как в объективном, так и в субъективном отношении. Объективно наступает глобальная экспансия риска, который все чаще касается миллионов людей во всем мире, распространяясь через традиционные границы национальных государств. Биржевой финансовый крах,

¹⁴ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990; Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Cambridge: Polity Press, 1994; Beck U. Risikogesellschaft. Frankfurt/M. Suhrkamp, 1986.

¹⁵ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. P. 3.

отравление окружающей среды, парниковый эффект, атомная катастрофа – это события, последствия которых не имеют территориальных ограничений. Риск также подвергается универсализации, переходя через традиционные барьеры, разделявшие классы или сословия. Он одинаково угрожает богатым и бедным, миллионерам и нищим, политикам и обычным гражданам, звездам экрана и маргиналам. Нельзя избежать этого риска, даже имея большие деньги, власть или высокий престиж. Риск подвергается также интенсификации, многие из универсальных и глобальных угроз касаются самой жизни.

Зато в субъективном измерении новый профиль риска означает повышенную *восприимчивость и осознание угроз*. Это связано, с одной стороны, с ролью средств массовой информации, особенно телевидения, для которых показ катастроф, несчастных случаев, эпидемий и других драматических событий является средством увеличения коммерческой привлекательности – привлечения общественного внимания, средств так называемых «поставщиков рекламы». С другой стороны, более высокое и острое ощущение риска проистекает из меняющейся роли тех психических средств или защитных механизмов, которые издавна существовали, например, таких, как магия или религиозные верования. Секуляризация оставляет современного человека один на один со всем, что ему угрожает. Другой аспект новой профилировки риска – это возрастающее убеждение в бессилии специалистов: многочисленные примеры их фатальных ошибок, их неспособности противодействовать опасности, о которых громко оповещают средства массовой информации, подрывают сегодня прежнюю слепую веру в технику, медицину и т.д. Еще один аспект – это широкое распространение ощущения риска, связанное со все более высоким уровнем массового образования, которое открывает людям глаза на те проблемы, угрозы и вызовы, которых они раньше не ощущали.

Третья характерная черта поздней современности – это *непрозрачность*, расплывчатость, неопределенность и нестабильность тех социальных ситуаций, в которых людям приходится действовать. Это проистекает из четырех обстоятельств. Чем более сложными являются «абстрактные системы», тем больше появляется шансов для неожиданных конструктивных ошибок. Неизбежны также ошибки операторов, которые управляют сложными системами и контролируют их. Человеческий фактор оказывается тем ненадежнее, чем сложнее задания. Следующий источник непрочности и возможных угроз – это *непредвиденные и непреднамеренные результаты* действий людей, что является, как утверждают некоторые социологи, наиболее характерной чертой социальной жизни в целом, однако наиболее усиливается тогда, когда в условиях приведения в действие сложных систем появляется огромное множество субъектов, действующих одновременно, то есть взаимно перекрещивающихся и накладывающихся друг на друга факторов, а к тому же еще дают о себе знать результаты их разнонаправленных взаимодействий друг с другом. Следующая причина непрозрачности, как это ни парадоксально, является побочным результатом развития социальных знаний. Социальные знания имеют, как мы уже говорили выше, явление *рефлексивности* (способность и склонность людей размышлять, задумываться над общественным устройством, ана-

лизировать его, строить прогностические модели), самосбывающиеся пророчества, что приводит к тому, что не только мы не можем быть уверены в правильности наших представлений об окружающем мире, но и сам этот мир меняется, ставя нас перед фактом новых общественных феноменов, которые появляются в результате действий, мотивированных именно этим знанием и анализом. Наконец, колоссальная дифференциация интересов и ценностей как между отдельными людьми, так и между группами, обществами приводит к *крайнему релятивизму* и к потере элементарных ориентиров и принципов оценки действий и общественных ситуаций.

Мы можем вслед за Гидденсом выделить четыре типичные позиции, которые люди занимают перед лицом усилившегося риска и нестабильности нашего времени. Первая – это *прагматическое принятие* жизни такой, какая она есть, стремление сосредоточить внимание на решении повседневных жизненных проблем и как бы вытеснить из своего сознания мысли о грозящих нам опасностях («мне по горло хватает своих проблем»). Другая позиция – это *последовательный оптимизм* и вера в то, что опасности и нестабильность рассеются, исчезнут по воле Провидения, в силу счастливо сложившейся судьбы, благодаря науке и технике, наконец, врожденному здравому смыслу людей («всегда найдется какой-нибудь выход»). Третья реакция на риск и опасности – это *циничный пессимизм*, в силу которого люди заранее соглашались с неизбежностью того, что существующие угрозы раньше или позже станут реальностью, и с учетом такого «сокращения временного горизонта» – уменьшения объема «отпущенного нам» времени – стараются жить одним текущим мгновением, сегодняшним днем, предельно насыщаться гедонистическими удовольствиями («раз и так всем нам предстоит погибнуть, то, по крайней мере, пока живем, возьмем от жизни все, что можно, все ее радости»). Наконец, четвертая реакция – это *радикальная борьба* с источниками грозящих бед посредством мобилизации общественного мнения, организации пропагандистских кампаний, формирования социальных движений («все вместе, общими усилиями, мы можем отвести эту беду, противостоять этим угрозам»).

Таким образом, мы дошли до рассмотрения четвертой особенности «поздней современности» – прогрессирующей *глобализации*. Важность и весомость этого процесса в современном мире требует того, чтобы мы посвятили ему специальную главу.

Важнейшие понятия и термины

Бюрократическая личность – синдром личности, сформированный под влиянием деперсонализованной, формализованной, ритуализованной, внутренне цельной, в высшей мере спаянной бюрократической организации.

Дегуманизация – утрата человеческих черт, например творческого начала или социальных установок (стремлений к контактам с другими людьми, к участию в общественных делах и т.п.), в результате нечеловеческих условий существования.

Индивидуализм - акцент на значении отдельного человека, свободного от навязанных ему групповых связей и зависимостей, обладающего достоинством и неотъемлемыми правами не только как гражданина, члена общества, но и как человеческого существа, личности, самостоятельно решающей, как строить свою биографию, имеющей в своем распоряжении множество образцов жизни и карьеры, а также несущей исключительно высокую личную ответственность за все свои успехи и неудачи.

Индустриализация войны - массовый масштаб охвата военными действиями гражданского населения, применений новейших технологий массового уничтожения; чисто инструментальная, рассчитанная на эффективный результат рациональность действий; отказ от всяких моральных ограничений при проведении вооруженных конфликтов.

Множественность современностей - концепция разнообразных исторических сценариев, по которым создавалось современное общество (шли процессы модернизации) в разных частях мира в разные эпохи.

Общество риска - типичная для наиболее развитых современных обществ ситуация, в которой явно выявляются и становятся предметом всеобщей озабоченности многообразные новые формы риска, созданные цивилизацией, технологией, промышленностью, условиями городской жизни, эксплуатацией природных ресурсов.

Поздняя современность - фаза развития современной формации, в которой все ее определяющие черты обретают наиболее острое, крайнее выражение.

Полярные модели (дихотомические модели) - характеристика противоположных состояний общества, которые воспринимаются и оцениваются в некотором заострении, преувеличении как крайние идеальные типы, радикально отличающиеся друг от друга по нескольким частным критериям.

Постматериалистические ценности - ценности, связанные с самореализацией человека, с качеством жизни, здоровьем, физическим состоянием, богатством духовного опыта и знаний, с контактами, товарищескими связями и т.п.

Предостерегающие прогнозы - «черные сценарии» возможных будущих событий, мобилирующие людей на противодействие и тем самым являющиеся причиной того, что заключающиеся в них пессимистические картины и пророчества теряют свою актуальность, не реализуются в жизни.

Рефлексивность - способность общества критически мыслить о самом себе, видеть негативные и патологические явления, определять, какие опасности грозят ему в будущем, и на основе этого принимать превентивные меры, способные задержать или отворотить некоторые тенденции.

Современный человек - синдром личности, сформированный теми социальными условиями, которые создает современное общество, пережившее модернизацию, и являющийся в то же время неперенным, обязательным фактором нормального и правильного функционирования этого общества.

Чувство субъективной мощи - убеждение в том, что как личные, так и общественные вызовы и проблемы удастся решить, если будут предприняты адекватные и своевременные индивидуальные или коллективные действия.

Рекомендуемая литература

5, 6, 13 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Глава 26

Глобализация

Итак, в анализе, начатом нами с самого малого и самого простого элемента общественной жизни - с отдельных *действий людей*, мы дошли до самого высокого уровня. В этой последней главе предметом нашего рассмотрения будет *глобальное сообщество*, иначе говоря, просто все человечество, все люди, обитающие на планете Земля. Ясно, что это уже последняя граница социологического анализа, дальше некуда продвигаться. Именно сейчас мы оказываемся перед лицом общественного объекта того наибольшего размера и той наивысшей сложности, какие только можно себе представить.

От изоляции к глобализации

Философы с древнейших времен пользовались общей категорией человечества, поэты писали, что «ни один человек не является одиноким островом», идеологи и политики взывали к общечеловеческой солидарности, статистики подсчитывали численность человеческой *популяции*. Классические социологи XIX в., начиная от Конта и Спенсера, рассматривали социальное развитие как процесс, охватывающий все человеческое сообщество как определенную целостность. Более поздние социологи также отдавали себе в этом отчет.

Однако только к концу XX в. идея глобального сообщества и тенденция, которая приводит к созданию такого сообщества, а именно *процесс глобализации*, стали ведущими, господствующими мотивами социологической теории. Этой теме посвящены бесчисленные публикации, множество конференций, на двух последних всемирных социологических конгрессах в Билефельде в 1994 г. и в Монреале в 1998 г. среди нескольких тысяч докладов на разные темы термин «глобализация», несомненно, звучал чаще всего. Понятие «глобализация» вошло в повседневный язык, и не проходит дня, чтобы политики, публицисты, журналисты не обращались бы к проблемам глобализации, рассматривая последнюю или как источник разных бед современного мира, или, наоборот, как шанс их преодоления. Появились термины, родственные глоба-

лизации или построенные на основании аналогий, сравнения с ней и метафор, имеющих порой юмористическую, порой негативную, уничижительную окраску, и в обыденном мышлении эти слова все шире распространяются, можно сказать, «делают карьеру»: макдонализация, кока-колизация, американизация, вестернизация, культурный империализм. На рубеже XX-XXI вв. в протестах, сопровождавшихся беспорядками и насилием, которые прошли в Сиэтле, Вашингтоне, Праге, Давосе, Генуе, проявилась новая волна радикальных социальных движений, направленных против глобализации.

Все это не является делом интеллектуальной моды, идеологических мистификаций или общественных настроений, хотя, конечно, и такие элементы во всем этом можно обнаружить. Однако в основе глобализации лежит реальный процесс, связанный с экспансивным развитием современной общественной формации. Современность, как утверждает Энтони Гидденс, глобализируется уже в силу самой своей сущности. Мы рассмотрим здесь некоторые аспекты глобализации как явления, сопровождающие «позднюю современность».

Едва ли не первым из тех, кто обратился к проблематике глобализации, был американский социолог Роланд Робертсон, который определял ее как «совокупность процессов, делающих единым социальный мир»¹. В каком смысле единым? Это выражается в нескольких направлениях. Во-первых, современные, новейшие технологии опутывают мир сетью коммуникаций и телекоммуникаций, и наиболее явным выражением этого является всемирная компьютерная сеть интернет. Достаточно бросить взгляд на карты авиалиний, маршрутов авиакомпаний или на схемы связей в интернете, чтобы отдать себе отчет в том, что в масштабе целого мира перемещаются люди, информационные блоки, изображения. Технология радио и телевидения позволяет огромным массам людей, рассеянных по всему земному шару, одновременно виртуально участвовать в одних и тех же «глобальных событиях»: в Олимпиадах, футбольных матчах на первенство мира, визитах в разные страны Папы Иоанна Павла II, концертах Роллинг-Стоунс. В этом смысле сбываются слова канадского теоретика средств массовой информации Маршалла Маклюэана, сказавшего, что мир превращается в «глобальную деревню»².

Во-вторых, людские общества становятся все теснее связанными развитой сетью экономических, финансовых, политических, стратегических, культурных взаимозависимостей. События в одной части мира немедленно влияют на то, что делается в самых отдаленных от нее странах. Биржевой крах в Гонконге отдается эхом в обменных пунктах Варшавы. Падение добычи нефти в Ираке определяет повышение цен на бензин в Исландии. Заявление главы Центрального американского банка влияет на решения инвесторов в Бразилии. Визит российского президента в Китай вызывает тревогу у стратегов НАТО. Музыка рыбаков Карибского моря посредством записей и пласти-

¹ Robertson R. Globality, Global Culture, and Images of World Order // Social Change and Modernity / H. Haferkamp, N.J. Smelser. Berkeley: California University Press, 1992. P. 395-411; Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.

² McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. New York: Signer Books, 1964.

нок, произведенных в Нью-Йорке, доходит до дискотек в Радоме. Мини-самокаты или туфли на платформах появляются почти одновременно в магазинах Берлина, Милана, Лондона и Ломжи.

В-третьих, появляются новые формы экономических, политических, культурных организаций наднационального характера, не связанных с каким-либо конкретным государством или с какой-либо отдельной страной. Наиболее очевидным примером такого рода могут служить крупные промышленные корпорации, банки, торговые фирмы. Некоторые из них еще сохраняют символическую связь с той страной, откуда они ведут свое происхождение: «Сони», «Тойота», «Микрософт», «Боинг», но другие существуют уже в чисто международном пространстве: «Кока-Кола», «Макдональдс», «Каррефур», «Дженерал Моторс», «Ситибанк» и т.п. Масштаб их операций далеко выходит за границы одного государства. В политике гораздо более ранним явлением, обретающим, однако, сегодня новые формы, были международные организации ООН, ЮНЕСКО, Интерпол и т.п. Такие или подобные им организации обретают сегодня определенные атрибуты государственного суверенитета, им даются права принимать решения, обязательные для стран-членов этих организаций (таковы, например, Европейская Комиссия, Европарламент) или право осуществлять юрисдикцию над судами отдельных стран (таким правом обладает Трибунал по расследованию преступлений против человечества в Гааге, а также Верховный Суд по правам человека в Страсбурге). Типично наднациональный характер имеют *новые социальные движения* и отпочковавшиеся от них более прочные организации или ассоциации, например «Гринпис», который вышел из экологического движения, «Амнисти Интернэшнл» (Международная Амнистия), которая вышла из движения за права человека. В мире средств массовой информации существуют наднациональные телевизионные компании, например СиЭнЭн, международные журналы, например «Интернэшнл Геральд Трибьюн» или «Таймс». В области спорта самые знаменитые футбольные клубы уже не представляют свои страны (какую-либо отдельную страну), ибо разве можно считать команду голландской или британской, если в ее составе играет только один голландец или только три англичанина, а остальной состав формируют так называемые «интернационалы»? К сожалению, глобализация затрагивает также преступные организации, прежде всего такие, которые занимаются нелегальной доставкой и сбытом наркотиков или торговлей так называемым «живым товаром».

В-четвертых, появляются социальные группы, жизнь и трудовая деятельность которых уже совершенно оторвана от конкретного места. Когда-то в таком положении были только дипломаты, сегодня к ним добавились бизнесмены, менеджеры, финансисты, персонал авиакомпаний, профессиональные спортсмены, артисты, в известной мере ученые. Эти люди постоянно меняют место проживания, кружатся по всему миру, значительную часть своей жизни проводят в отелях, имеют свои офисы и квартиры во многих метрополиях, буквально не выходят из самолетов, пересекающих океаны по трансконтинентальным маршрутам. В крупных аэропортах для них приготовлены залы для конференций, чтобы они могли провести там деловые встречи, даже не посещая город, не покидая аэропорт. Недавно в связи с введением в строй новой

авиатрассы из Нью-Йорка в Токио через Северный полюс, возникла проблема повышенной радиации в районе Северного полюса, которая может представлять опасность для пассажиров, пролетающих этой трассой чаще, чем три раза в неделю.

Результатом такого рода изменений становится прогрессирующая *униформизация мира*. Капиталистический экономический рынок с характерными для него формами сделок, организациями, институтами, этикой конкуренции, потребительской ментальностью раньше всего овладел миром. Как утверждает американский теоретик Иммануил Уоллерстайн, уже с XV в. капитализм стал «*мировой системой*». Важный шаг в сторону установления полного господства этой системы был предопределен упадком плановой системы хозяйства, наступившим вместе с падением коммунистического режима в СССР и странах Восточной Европы. В политике очередная, «*третья волна демократизации*» (как называл это явление американский политолог Самуэль Хантингтон) прошла над миром в 1980-х годах, оставив нетронутыми только небольшие анклав авторитарных и тоталитарных режимов. Типичные демократические институты и формы политической жизни (парламенты, выборы, предвыборные кампании, активное общественное мнение и т.п.) сегодня практически одинаковы в большинстве стран мира.

Гомогенизация охватывает также сферу культуры. Это прежде всего касается ядра культуры - языка. Все более интенсивные и распространенные международные, наднациональные контакты требуют общего языка. Идея эсперанто или других искусственных языков не прижилась в мире. Зато таким всемирным средством общения все более явно становится английский язык, международная карьера которого началась в среде авиаторов - пилотов и диспетчеров воздушных линий, а затем перекинулась в сферы туризма, науки, техники, компьютерного программирования, бизнеса и т.д. Сегодня знание английского языка становится все более распространенным, всеобщим образовательным требованием, а многие страны (скандинавские государства, Голландия) становятся практически двуязычными. Униформизация, стирание различий, в огромной степени охватывает сферы материальной культуры, потребительского рынка, моды, образа жизни. В магазинах всего мира можно купить одни те же продукты, стилисты и дизайнеры проектируют одинаковые автомобили, архитекторы строят похожие дома, портные шьют похожие костюмы и платья. Люди читают одни и те же книги, смотрят одни и те же фильмы, одни и те же футбольные матчи, слушают одни и те же мелодии и хиты. Подобными становятся обычаи, даже в столь тесно связанных с местными традициями сферах жизни, какими являются семья и религия.

Психологическое отражение всех этих явлений в групповом сознании имеет амбивалентный характер. С одной стороны, люди все чаще начинают мыслить в категориях общей судьбы, общих угроз и надежд. Понятие «Мы» расширяется, выходя за границы общины и национального государства. Появляется *региональная идентичность* (например, понятие «мы - европейцы»), а также зародыши истинно *мировой солидарности*. Сильнейшим выражением такой солидарности является идея прав человека, которые обретают универсальное измерение, не ограниченное (как политические права) интересами граждан

какого-либо одного государства, или (как социальные права) отдельных классов, или дискриминируемых групп. С другой стороны, глобализация мобилизует оборонительное сознание, направленное на защиту утраченной или утрачиваемой культурной самобытности, собственных обычаев, традиций, верований, образа жизни. Усиливается *локальная идентичность* и лояльность, ее этнические и религиозные проявления. Французский социолог Мишель Маффесоли (Michel Maffesoli) пишет в этой связи о рождении новой «*племенной культуры*». Столкновение этих двух противоположных тенденций (с одной стороны, расширения горизонта мышления и воображения за пределы собственной деревни, города, страны, региона, континента - на весь мир, а с другой - сильнейшей идентификации с локальными культурами) является фактом, характеризующим общественное сознание, и это столкновение может иметь сильнейшее революционное воздействие на общества будущего. В таком мире живем мы сегодня. Но не всегда это было так.

Как пишет британский социолог Питер Уорсли, «до сих пор единое человеческое сообщество, пожалуй, никогда не существовало»³. Существовала рассеянная на поверхности земного шара популяция, которая называлась человечеством, однако реальная онтологическая целостность формируется из людей только тогда, когда между ними появляется *объективная связь* взаимозависимости и *субъективная связь* взаимной солидарности. Именно это в мировом масштабе произошло только в наше время, в эпоху «поздней современности». Возьмем для контрастного примера еще сравнительно недавнее традиционное общество. Оно представляло собой чрезвычайно разрозненный, дифференцированный конгломерат, гетерогенную, плюралистическую мозаику социальных объектов разного масштаба и уровня. С позиций политики здесь были орды, роды, племена, королевства, империи, наконец, установившаяся и ставшая господствующей всего несколько веков тому назад форма *национального государства*. С позиций экономики еще в XX в. социальные антропологи обнаруживали в мире совершенно изолированные и самодостаточные общества островитян. Автаркические, замкнутые и изолированные друг от друга, хозяйства были типичным явлением в истории на протяжении тысячелетий. Совершенно различные между собой, плюралистические автохтонные культуры долгое время сохраняли свои особенности, свою самобытность и изолированность от других культур. «Однако уже в начале XX в., - как пишет Даниэль Широ (D. Chirot), - в мире осталось совсем мало традиционных обществ. Почти все народы, за исключением немногих изолированных групп в самых отдаленных частях Амазонии (на самых далеких берегах Амазонки), в некоторых районах Африки и недоступных уголках Азии, теперь уже имеют опыт длительных и обладающих сильнейшим дестабилизирующим эффектом контактов с высококоразвитым, модернизированным, индустриальным и господствующим в политическом отношении Западным миром»⁴.

³ Worsley P. The Three Worlds: Culture and World Development. London: Weidenfeld and Nicolson, 1984. P. 960.

⁴ Chirot D. Social Change in the Twentieth Century. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1977. P. 7.

Действительно, в период «поздней современности» мы все уже живем в качественно новом времени. Понимание этой ситуации оказывает воздействие на теоретические основы многих социальных наук. Историки формулируют концепцию «глобальной истории»⁵. Они утверждают, что глобализация меняет саму суть процессов исторического развития. В глобальную эру история развивается иначе, имеет иных действующих субъектов, новые механизмы становления, новые направления будущего развития. Не только национальный масштаб, типичный для традиционной историографии, но и масштаб региональный, которым оперируют некоторые современные историки (например, Норман Дэвис в своей монументальной истории Европы⁶), уже не позволяет охватить все существенные аспекты событий. Необходимой становится глобальная шкала, позволяющая дать более широкую контекстную детерминацию, нужно сосредоточить внимание на таких процессах, которые выходят за границы традиционных «единиц» - предметов исторического анализа (государств или регионов). Социологи провозглашают необходимость аналогичной ревизии социологической мысли. Норберт Элиас утверждал, что социология может существовать только как наука о мировом сообществе⁷. Энтони Гидденс пишет свой обобщающий трактат «Социология», вводя в него глобализацию как главный мотив, отзвуки, следы которого обнаруживаются во всех сферах социальной жизни⁸.

Предвестники теории глобализации

Прежде чем тематика глобализации заняла столь видное, господствующее положение в современной социологии, зачатки и более ранние фазы процесса глобализации уже привлекали к себе внимание различных авторов от начала XX в. Три направления социальной теории можно рассматривать как предвосхищающие современное видение глобализации. Первое направление - это уже упоминавшаяся теория империализма, представленная уже в 1902 г. британским автором Дж. А. Гобсоном, однако получившая более широкую известность в версии Владимира Ленина и Николая Бухарина. *Империализм* в представлении этих авторов является высшей фазой развития капитализма, когда кризисы перепроизводства и снижение прибыли вынуждают к оборонительным действиям. Такой оборонительной стратегией становится колониальная экспансия, непосредственный захват, а также подчинение косвенным путем более слабых или ослабевающих стран. Это позволяет эксплуатировать дешевую рабочую силу, обеспечивает доступ к источникам сырья и открывает новые рынки сбыта для излишка собственных товаров. В результате происхо-

⁵ Schafer W. Global History: Conceptual Feasibility and Environmental reality // Stony Book: State University of New York Paper, 1991.

⁶ Davies N. Europe: a History. London: Pimliko, 1997.

⁷ Elias N. The Retreat of Sociologists into the Present // Theory Culture & Society. 1987. V. 4. № 2-3. P. 223-248.

⁸ Giddens A. Sociology. Cambridge: Polity Press, 1989.

дит асимметричное разделение мира на господствующие и подчиненные страны. Парадигма классовой борьбы внутри общества переносится на целый мир, ей придается глобальное измерение, весь мир превращается в арену столкновения нескольких капиталистических *центров*, с одной стороны, с множеством слабо развитых и отсталых *периферийных обществ*, с другой. В результате перемещения запасов и прибылей в одном направлении пропасть между богатыми и бедными странами углубляется, в соответствии с принципом аккумуляции выгод и привилегий. Богатые становятся еще богаче, а бедные еще беднее. Ленин считал, что только мировая революция может разомкнуть этот безнадежный, заклятый круг деградации.

Продолжением этой концепции, основанном на очень похожем, радикальном, «левом» комплексе предпосылок, является появившаяся в середине XX в. «теория зависимости». Она касается постколониального периода, когда непосредственная политическая зависимость хотя и устраняется, однако ей на смену приходит сильная неоколониальная экономическая зависимость. Теория независимости находится в парадигме отношений так называемого Первого и Третьего мира, однако черпает многие данные главным образом из опыта Латинской Америки и поэтому имеет определенные признаки ограниченности. Провозвестник этой концепции Поль Пребиш⁹ ввел ставшее впоследствии модным разделение на «центр» и «периферию», при котором под «центром» имеются в виду наиболее развитые промышленные страны, а под периферией - бедные аграрные страны. Исходя из этого разделения, теория зависимости развивалась далее в двух направлениях, немного отличающихся друг от друга. Одно направление - пессимистическое, даже катастрофическое. Черную картину рисует Анри Гюндер Франк¹⁰. Перспективу развития Латинской Америки он представляет как постоянное, неотвратимое отставание, может быть, даже усиление эксплуатации и угнетения ее всей мощью Соединенных Штатов и сверхнациональных, международных корпораций США. Он считает это неизбежным по нескольким причинам. Во-первых, все прибыли от эксплуатации местного сырья и рабочей силы немедленно уходят за рубеж, переплывают в «центр». Во-вторых, к такому укрепившемуся экономическому укладу приспособляются местные элиты - предприниматели, менеджеры, политики, старающиеся при его помощи обеспечить собственные интересы. Одним из методов их действия является инвестирование за границу, в «центр», своих средств и использование зарубежных потребительских рынков. Таким образом элиты реализуют интересы чужих корпораций, с которыми они связали свои жизненные шансы. Их потребности, намерения, идентичность, лояльность - все это уже как бы обращено за границы собственной страны. Создается своего рода «цепочка зависимостей». *Компрадорские элиты* в союзе с иностранным капиталом усиливают подчинение собственных стран «центру», а те единственные силы, которые заинтересованы в экономическом суверенитете,

⁹ *Prebisch P.* The Economic Development of Latin America and Its Problems. New York: UN Publications, 1950.

¹⁰ *Frank A.G.* Latin America: Underdevelopment of revolution. New York: Monthly Review Press, 1969.

то есть эксплуатируемые массы трудящихся, слишком слабы, чтобы изменить ситуацию.

Более оптимистический сценарий представляют Фернандо Кардозо и Эдуарде Фалетто в своей концепции «зависимого развития»¹¹. По их мнению, главная проблема зависимых стран - отсутствие собственных технологий, а также слабость производственного сектора. Однако эта ситуация небезнадежна. Зависимость создает определенные побочные результаты, которые могут постепенно привести к исчезновению самой этой зависимости. Зарубежные инвестиции создают в океане отсталости и традиционализма анклав современной высокой организации и дисциплины, приносят образцы современной культуры труда. Возникает поле, на котором идет интенсивное обучение высококвалифицированных рабочих, местной элиты менеджеров и других работников. Открываются шансы для создания кооперирующихся местных фирм. Наблюдения за тем, как достигаются экономические успехи современных зарубежных фирм, приводят к мобилизации собственного предпринимательства. Появляются местные инициативы, постепенно расширяется средний класс, происходит накопление отечественного капитала. В какой-то момент эти постепенные эволюционные изменения могут привести к качественно новому этапу, который даст старт собственному экономическому развитию, со временем все менее зависимому. Более того, прежние международные связи, возможно, будут содействовать развитию, упрощая решение ряда проблем, открывая зарубежные рынки для экспорта местных товаров, а также помогая изыскать кредиты для дальнейшего развития отечественного производства.

Третья наиболее развитая социологическая концепция, включающая анализ современного общества в глобальном измерении, - это «теория мировой системы», автором которой является Иммануил Уоллерстайн¹². Он выделяет три стадии в истории человечества. Первая - это эпоха «мини-систем», относительно небольших, экономически самодостаточных обществ, для которых характерны полное внутреннее разделение труда и единый культурный комплекс. Такие общества преобладают в тот период, когда экономика основана на охоте и собирательстве, однако значительную роль они продолжают играть и тогда, когда экономика переходит на земледельческие основы, включая огородничество и хлебопашество. Следующий этап - это эпоха «мировых империй». Эти империи объединяют значительное количество «мини-систем», при этом их экономика основана на сельском хозяйстве, а экономическая координация осуществляется методами сильного политического и военного правления, строгого администрирования, беспощадными сборами дани и налогов, а также воинской повинностью. Стержень активности этих империй - войны и

¹¹ *Cardoso F., Faletto E.* Dependency and Development in Latin America. Berkeley: California University press, 1969.

¹² *Wallerstein I.* The Modern World-System I. New York: Academic Press, 1974; *Wallerstein I.* The Modern World-System II. New York: Academic Press, 1980; *Wallerstein I.* The capitalist World-Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1983 [1979]; *Wallerstein I.* The Modern World-System III. San Diego: Academic Press, 1989.

захваты. Однако разрастание бюрократического аппарата, чрезмерное усложнение административных задач, а также территориальный рост приводят к кризису этих империй. Примерами могут служить судьбы Древнего Египта, Рима, Китая.

Третья эпоха, «мировая система», начинается в XVI в. с появлением раннего капитализма. Государство постепенно уступает свою роль экономического регулятора развивающемуся рынку. Единственной экономической функцией государства остается охрана собственности, надзор за правилами свободного предпринимательства, свободной конкуренции и свободного рынка. Капиталистическая система обладает чрезвычайной силой *экспансии*. Ее внутренняя динамика и способность к производству огромного количества благ делают эту систему привлекательной для значительных сегментов человечества. Экономическая мощь обеспечивает также военную мощь и открывает возможности господства на все более обширных территориях. Развитие технических средств транспорта и коммуникаций облегчает распространение этой системы во всем мире. В результате мир оказывается поделенным на три группы стран, между которыми существует определенная иерархия: это центр, периферия и полупериферия. Такое представление совпадает с картиной трех миров: первого, третьего и второго, при этом второй находится где-то посередине между первым и третьим мирами. «Вторым миром» чаще всего считались переживавшие после Второй мировой войны индустриализацию, урбанизацию и своеобразную модернизацию, однако все же остававшиеся позади (по сравнению с первым миром) социалистические страны.

Из своей колыбели, находившейся в северо-западной Европе, капитализм распространяется на районы периферии и полупериферии. Эти регионы оказались постепенно втянутыми в орбиту капиталистической экономики. На протяжении XX в. все большие части мира оказываются вовлеченными во всемирную систему экономических и финансовых зависимостей. Даже самые бедные страны, а также могущественные социалистические державы оказываются в зависимости от тех тенденций, которые развиваются в капиталистическом мире, хотя и остаются за пределами этого мира или на дальних подступах к нему. «Внешняя арена» стран, остающихся вне влияния капитализма, сокращается, сжимается, как шагреновая кожа. Окончательное разрушение планово-распределительной экономики этих стран вместе с падением коммунистических режимов приводит к установлению полной монополии капиталистической системы во всем мире. Эта система остается асимметричной, ее характеризуют неодинаковый темп роста, сильно выраженное неравенство и закрепившееся разделение трех разных групп - высокоразвитых, развитых слабее и неразвитых стран.

Новаторство теории Уоллестайна заключалось в изменении перспективы рассмотрения социального развития: вместо обычного внутреннего анализа экономической ситуации акцент передвигался в сторону выявления мировых экономических связей. Определенной слабостью этой теории была абсолютизация значения экономических факторов и недостаточное внимание к другим аспектам социальной жизни, а также механическое перенесе-

ние представлений о классовом неравенстве, несомненно, марксистского происхождения, в область глобального сообщества. Довольно скоро выяснилось, что теория мировой системы недостаточна для понимания всех сложностей современного общества, подлежащего процессам глобализации. Интересы теоретиков переместились из сферы экономики в сферу культуры.

Глобализация культуры

Первые наблюдения, касающиеся глобализации культуры, мы можем обнаружить в трудах социальных антропологов, например Бронислава Малиновского (1884-1942) и А.Р. Рэдклифа-Брауна (A.R. Radcliffe-Brown) (1881-1955), которые в ходе полевых исследований на Полинезийских островах столкнулись с явлениями культурного контакта, столкновения *автохтонных культур* с западной культурой и с возникающим на этой основе культурным конфликтом. Все это особенно сильно проявилось в колониальных странах, где институты и культурные образцы, импортированные из Европы, нередко навязывались силой. Местный образ жизни, связанные с ним нормы и ценности, обычаи и традиции, религиозные верования, правила и образцы семейной жизни, стиль одежды, характер пищи, потребления и т.п. - все это подлежало разрушению и забвению. Местные культуры, по крайней мере внешне, уподоблялись культуре Запада.

Такая ситуация вызывала две различные реакции со стороны антропологов. Одни, приверженные духу этноцентризма, бывшего естественной идеологией колониальных держав, рассматривали это явление сквозь призму «*цивилизационной миссии*», которая вытесняет реликты варварства и язычества, распространенные среди диких и примитивных народов. Другие брали на вооружение профессиональную идеологию культурного релятивизма и толерантности и представляли культурную экспансию Запада в совершенно ином свете, а именно как «*культурный империализм*», который приводит к разрушению и уничтожению автохтонных культур коренных народов, к утрате обществами, подвергнутыми колонизации, своей культурной автономии и в целом к сужению поля культурных ценностей, которыми располагает человечество. Первые рассматривали прогрессирующую униформизацию культуры как победу цивилизации, вторые - как поражение, нанесенное многообразию, разносторонности и многокрасочности культурного мира.

Навязывание культурных образцов силой, как результат прямого завоевания или военно-политического давления, имеет место, разумеется, не только в отношении колоний. В истории можно встретить немало ситуаций такого рода. Напомним хотя бы только акции германизации и русификации на польских землях в период разделов Польши; навязывание после Второй мировой войны странам Восточной и Центральной Европы определенных культурных образцов, которые в те времена назывались образцами «социалистической культуры», а ныне чаще всего относятся к синдрому *homo sovieticus*. Подобный характер имеет господство Китая над Тибетом, не скрывающее своего намерения уничтожить буддийскую религию и местные тибетские куль-

турные традиции. Поражение Японии во Второй мировой войне обернулось особенно ярко выраженной американизацией японской культуры во всей широкой гамме проявлений этой культуры; в Германии этот процесс затронул только политическую культуру, которая подверглась поначалу насильственной денацификации и демократизации.

Ныне, однако, униформизация культуры в мировом, глобальном масштабе протекает более мирно, культурные образцы переносятся из одной страны в другую и перенимаются главным образом при помощи средств массовой информации, а также массовых личных контактов, развитию которых способствует популярность туризма и легкость передвижения; наконец, общее культурное обрамление создается путем массового приобретения товаров технического и потребительского назначения. Мы говорим сегодня об *«империализме средств массовой информации»*, особенно телевидения, которые распространяют на весь мир схожие образцы, подобные друг другу по форме и содержанию; об «эффекте демонстрации», который возникает в результате личного контакта зрителя и читателя с привлекательными для него образцами чужой культуры; о *«диктатуре потребления»*, которая заставляет всех людей покупать и использовать одни и те же или похожие товары. Разумеется, средства массовой информации являются всего лишь орудием, инструментом передачи, который никаким образом еще не определяет содержания передаваемых образцов культуры. Теоретически средства массовой информации могли бы служить и местным, автохтонным культурам, укрепляя их самобытность и усиливая их автономность. Точно так же путешествия и туризм сами по себе еще не определяют, какие именно образцы культуры станут предметом «демонстрационного эффекта» и получают всеобщее распространение. Теоретически возможна была бы и популяризация в мире экзотических локальных культур. То же самое касается и продуктов широкого потребления: теоретически они могли бы сохранять местное своеобразие.

Де-факто, однако, преобладает экспансия культуры наиболее развитых стран Запада, прежде всего американской культуры. Почему так происходит? Здесь нужно вернуться к механизмам экономической глобализации. Именно экономическая сила определяет, в каком направлении пойдет культурное влияние. Если обратиться к сфере средств массовой информации, то нужно будет учесть, что именно в США производится больше всего фильмов, телевизионных сериалов, развлекательных программ, которые затем продаются в другие страны или распространяются там на основе приобретенных лицензий. Именно в США возникают такие телевизионные центры и станции глобального масштаба действия, как Си-Эн-Эн, именно там издаются журналы и газеты (типа «Ай-Эйч-Ти» - «ИНТ»), распространяемые во всем мире. К тому же Соединенные Штаты располагают наибольшими возможностями маркетинга для своих продуктов такого рода. Если мы возьмем сферу туризма, то увидим, что путешествуют по миру главным образом жители богатых, наиболее развитых стран, которые располагают излишками доходов. Эти туристы уже самим своим видом, своим поведением, своей одеждой демонстрируют образцы западной культуры. Более того, местные предприниматели, работающие на туристическом рынке, из коммерческих расчетов и побуждений стараются при-

способиться к вкусам и запросам приезжих, подвергаясь, таким образом, своеобразной *«предварительной аккультурации»*: они открывают киоски, в которых продаются гамбургеры, устанавливают в отелях такую же мебель, как в Калифорнии, строят бассейны с барами, закрывающие выход к морю и натуральному пляжу, и т.п. Наконец, определенные культурные образцы навязываются людям в виде готовых инструментов и продуктов, от легковых машин, являющихся носителями огромного автомобильного культурного комплекса, до компьютеров и культуры интернета. Это касается также одежды, продуктов питания, устройств для дома и многих других вещей. И повсюду дело обстоит так, что предметы, представляющие собой определенные культурные образцы, распространяются из стран, в которых лучше развито массовое производство и современная, основанная на инновациях промышленность. «Форд Т», гамбургер в Макдональдсе, компьютер «Ай-Би-Эм», кока-кола, джинсы «Левис», телевизор - все это берет свое начало в Америке. И все эти вещи, сами по себе полезные и привлекательные, еще имеют могучую поддержку со стороны той гигантской машины, какой являются развитый маркетинг и реклама. Таким образом, этими тремя путями сильнейшие в экономическом отношении страны экспортируют в мировое пространство свои товары и вместе с ними свою культуру.

И этот процесс, подобно тому, как это было с прежними завоеваниями и колониальными захватами, вызывает двойное отношение, двойственную реакцию. Поднимается сильная волна критики, указывающей на то, что коммерциализация, униформизация культуры, превращающейся в массовую культуру, в глобальном масштабе приводит не только к деградации и разрушению всего богатства местных культур, но, к снижению качества самой культуры, к сведению до минимума ее содержания, к потаканию самым примитивным вкусам. В итоге может появиться «контркультура», или «новое варварство». Возникают социальные движения, ассоциации, выдвигаются инициативы, разрабатываются даже политические программы и законопроекты в защиту фольклора, собственных местных традиций, языков или диалектов. Однако существует и другая реакция. Надежды на модернизацию, на достижение того уровня, на котором находятся наиболее развитые страны, формируют готовность принять западные культурные образцы как своего рода символы продвижения вперед и эмансипации. В связи с таким подходом оказываются не критичное отношение, идеализация этих образцов и массовое подражание им. Такая фетишизация Европы (или шире - Запада), типичная для стран так называемого «реального социализма», была результатом массового стремления к тому, чтобы «вырваться из Азии», из железных объятий великого восточного соседа. Падению коммунистического режима способствовала не только его собственная экономическая несостоятельность, но и в значительной мере проникновение в социалистический мир западной потребительской культуры и демонстрационный эффект. Открытие в Москве ресторана Макдональдс было явлением, не менее зловещим для судьбы СССР, чем вся «перестройка» Горбачева.

Теории культурной глобализации

Независимо от всех этих идеологических противоречий, процесс культурной глобализации вызывает подъем теоретической мысли и разнообразные теоретические разработки. Расскажу, для примера, о двух теоретических концепциях: одна касается самого объективного хода этого процесса, другая - его субъективного отражения в общественном сознании.

Шведский социальный антрополог Ульф Ганнерс вводит понятие «*глобальной ойкумены*», которое по отношению к явлениям культуры является аналогом идеи «мировой системы», обращенной к сфере экономики¹³. Здесь, как и там, речь идет об увеличении интенсивности отношений и зависимостей в масштабе, более крупном, чем местное, локальное измерение. Ойкумена - это пространство постоянных культурных взаимодействий, взаимопроникновения культур и обмена культурным опытом. Традиционные культуры - это замкнутые ойкумены, четко ограниченные пространственными и временными рамками. Они формируются и воспроизводятся в непосредственных взаимодействиях, в присутствии участников. Другое дело - современная культура (прошедшая этап модернизации культура Новейшего времени). Это открытая ойкумена, пересекающая пространственные и временные границы, что обеспечивается прежде всего высокой техникой коммуникаций и транспорта. Современная экспансия культуры приводит к тому, что ойкумена обретает поистине глобальный характер: культурные взаимодействия и влияния дают о себе знать в масштабе всего человеческого сообщества.

Влияния культур в рамках глобальной ойкумены не имеют ни симметричного, ни взаимного характера. Большинство этих влияний являются односторонними при четкой дифференциации *центров*, иницилирующих культурные влияния, излучающих импульсы, как бы передающие свои культурные послания, и *периферии*, где такие послания принимаются и адаптируются. Влияния, обращенные из периферии в центр, напротив, являются редкостью и касаются, как правило, довольно маргинальных аспектов культуры. Примерами могут служить мода «афро», музыка в стиле регги, латиноамериканская проза, индонезийская кухня.

Однако и культурные центры не являются ни единственными в мире, ни вечными. Каждая эпоха создает свои специализированные центры, имеющие значение для определенных видов или продуктов культуры. Например, в наше время США специализируются в области технологии, науки и визуальной культуры (фильмы, телевидение, интернет), Франция - в области изысканной кухни и элитарной моды, Германия - в области культуры труда, Италия - в области культуры повседневного быта и популярной кухни (мировая популярность пиццы, спагетти и капучино!), Япония - в области культуры организаций и корпораций. Существуют также региональные центры, культурные влияния которых воздействуют лишь на определенный круг стран. На-

пример, Иран имеет такое значение для исламского мира, Ватикан - для христианских стран, Великобритания - для территорий, входивших в прежнюю империю, и нынешних стран Британского Содружества, Франция - для так называемых франкофонских стран (стран с французским языком). Кроме того, мозаика этих специализированных региональных центров меняется исторически. Например, для нового культурного комплекса, связанного с распространением мобильных телефонов, таким центром несколько неожиданно стала Финляндия и другие скандинавские страны, где «Нокиа» и «Эрикссон» подчинили себе мировой рынок, а сетевое распространение впервые в истории охватило поголовно всех граждан.

Обращаясь к прогнозам будущего, Ганнерс выделил четыре возможных сценария судеб глобальной культурной ойкумены. Первый - это сценарий «*глобальной гомогенизации*». В таком варианте наступит полное господство западной культуры (прежде всего - американской), все общества станут чем-то вроде более или менее удачным слепком западного образа жизни, западных потребностей, вызовов, ценностей и норм, потребительских образцов, идей, идеалов и убеждений. Одни и те же товары в магазинах и блюда в ресторанах, одни и те же пьесы в театрах, фильмы в кинотеатрах и книги в магазинах, одни и те же сериалы по телевидению и известия в печати, те же самые популярные мелодии в дискотеках и симфонии в концертных залах. Это, может быть, немного утрированная картина явлений, которые тем не менее уже сегодня имеют место во многих странах. Любая локальная специфика и культурная традиция должны отступить под гомогенизирующим натиском культуры Запада.

Другой сценарий включает фактор времени, характеризует этот процесс «в длительной исторической перспективе». Ганнерс определяет этот вариант как сценарий «*культурного насыщения*», при котором периферийные страны, постепенно, понемногу сдаваясь, на протяжении нескольких поколений откажутся от своих местных культурных идей, смыслов и ценностей, заменив их теми культурными феноменами, на которых лежит печать униформизации и которые распространяются из господствующих центров. В конце концов культура центра неизбежно победит и будет доминировать, но это не случится ни быстро, ни просто.

Третий вариант - это сценарий «*культурной деформации*». Он означает крайнее упрощение, обеднение и даже деградацию западной культуры в ходе ее адаптации периферийными культурами. Здесь действует двойкий механизм. Во-первых, при столкновении с периферийной культурой начинается процесс селекции, исключающей, уничтожающей высшие ценности и наиболее рафинированные, утонченные виды культуры. А то, что принимается легко, оказывается наиболее упрощенным, поверхностным, если не сказать примитивным. Освоенными, принятыми окажутся скорее порнография, чем поэзия; скорее любовные романы и триллеры, чем труды лауреатов Нобелевской премии; скорее «Династия», чем Шекспир; скорее музыка кабаре, чем Бетховен. Дело в том, что эти первые фрагменты западной культуры быстрее осваиваются неподготовленными массами, оказываются более близкими вкусам периферийной публики. Кроме того, они являются предметом своеобразного «куль-

¹³ Hannerz U. The World in Creolisation // Africa. 1987. V. 57. №4. P. 546-559; Hannerz U. Notes on the Global Ecumene // Public Culture. 1989. V. 1. №2. P. 66-75; Hannerz U. Transnational Connections: Culture, People, Places. London: Routledge, 1996.

турного демпинга», их перепроизводство в центрах позволяет сбывать их излишек на новых культурных рынках. Другой механизм деформации - это компромиссное согласование культурных влияний извне с местными обычаями и традициями. Например, в традиционно автократическом обществе импорт демократических институтов может привести к чисто внешней, «фасадной» демократии, ограниченной фракциями приспешников или правительственным «двором». Аналогично идея свободы слова может обернуться публичными дразгами, хаосом самых безответственных заявлений, а свобода ассоциаций - выродиться в бесчисленное множество партий, группировок, фракций, клик. И если взять пример из совершенно другой области, то, скажем, рок-музыка может превратиться в примитивный «диско-поло».

Четвертый сценарий (наиболее близкий автору) - это «созревающая культурная амальгамация». В этом случае осуществляется насколько возможно максимально равноправный культурный диалог и обмен между центрами и периферией, что приводит к всеобщему обогащению культур. Столкновение культур оказывается выгодным: оно стимулирует творческую активность и оригинальность с обеих сторон. Начинается модификация культуры центра в силу обратного влияния той интерпретации, какую она находит в периферийных обществах. В то же время культура центра стимулирует и оживляет определенные скрытые ценности местных культур. Важную роль при этом играют местные деятели культуры, которые выбирают из наступающей извне культуры те фрагменты, которые помогают укрепить их собственные традиции, отвечают потребностям их общества, их страны. Особый вариант такой творческой комбинации - это принятие определенного стиля или формы извне, но наполнение их конкретным местным содержанием и колоритом. Образно говоря, в этом случае люди как бы говорят общепринятым культурным языком о делах, важных для их группы, для их собственной общности.

Конечным результатом такого оптимистического сценария развития становится, как именовал это явление Ганнерс, «креолизация», или «гибридизация», культуры. Культуры более сильные смешиваются с более слабыми, но ни одна из них при этом не остается неизменной и «чистой». Появляется множество культур, каждая из которых обладает внутренней сложностью, комбинируется из многочисленных влияний и контактов. В таком плюрализме разнообразных культур проявляется творческая сила сообществ. В рамках глобальной культурной ойкумены развивается вечный диалог смыслов, ценностей, правил, идей.

Такой подход встречает мощную поддержку в концепции другого теоретика израильского социолога Шмуля Эйзентштадта¹⁴. Подводя итоги своим широким историческим исследованиям, касающимся разных, древних и современных, цивилизаций, Эйзентштадт утверждает, что экспансия каждой цивилизации приводит к ее столкновению с культурами обществ, преобладающих на той территории, куда направлена эта экспансия. Основные предпосылки,

установки и принципы культур, подчиняемых новой тенденции в ходе экспансии, формируют новые вызовы, обращенные к наступающей на них культуре, которая, пытаясь ответить на эти вызовы, сама подвергается модификации. В свою очередь, подчиненные общества никогда не ограничиваются созданием того, что можно назвать простейшей копией, подражанием новой господствующей культуре. Они производят избирательную инкорпорацию и трансформацию этой культуры, выбирая из нее приемлемые для них качества или фрагменты, осваивая и преобразуя их. Поэтому сегодня мы имеем дело не с одной-единственной или единой цивилизацией или культурой (имеется в виду западной культурой), а с *множеством «современностей»*. Такая ситуация, в которой существуют множество «гетеродоксий» вместо одной «ортодоксии», становится сильным стимулом для творческой деятельности субъектов.

Четыре взаимосвязанных обстоятельства определяют то, какую реакцию в местной культуре вызывает экспансия культуры западных центров. Во-первых, это сам момент выхода данного общества из прежней изоляции и его включения в орбиту глобальной культуры. От этого зависит, какие именно актуальные на данный момент западные центры окажут наиболее сильное влияние на местную культуру. Достаточно сравнить глубокие и прочные следы британского влияния в Индии, французского влияния в экваториальной Африке или американского влияния в Японии, чтобы убедиться в том, что амальгамация зависит от того, с кем именно состоялась первое внешнее культурное взаимодействие. Второй фактор - это уровень экономического и технологического развития периферийной группы. От этого зависят шансы сохранения ею определенной автономии и сила ее обратного воздействия на центр. Третий фактор - это степень влияния местных философских или религиозных представлений о космическом и земном устройстве, а также значение элит, которые формулируют и пропагандируют такие представления. От этого зависит мера сопротивления, противодействия периферийной группы господству внешней, чужой культуры. Наконец, в-четвертых, существенным оказывается то, насколько глубоки и прочны местные традиции, ибо от степени укоренения периферийной группы в собственных традициях зависят основанные на ее прежнем историческом опыте способы реагирования на социальные изменения и культурные вызовы. Особенно важным в этой связи является присутствующий ее уровень ксенофобии и традиционализма или, напротив, толерантности и готовности к инновациям.

Четыре картины глобализации

ЕСЛИ концепции Ганнерса и Эйзентштадта обращены к реальным процессам глобализации, то американский социолог Роланд Робертсон обращает основное внимание на те изменения в сознании, которые вызваны глобализацией культуры¹⁵. Происходящие на наших глазах процессы глобализации нахо-

¹⁴ Eisenstadt S.N. A Reappraisal of Theories of Social Change and Modernization // Social Change and Modernity / Ed. by H. Haferkamp, N.J. Smelser. Berkeley: University of California Press, 1992. P. 412-430.

¹⁵ Robertson R. World-Systems Theory, Culture and Images of World Order // Globalization. London: Sage, 1992. P. 61-84.

дят свое отражение в общественном сознании. Таким образом, появление особого представления о глобализации, формирование ее видения становится аспектом самого процесса глобализации. Разумеется, такое представление, как и все общественное сознание, является составной частью культуры. Следовательно, можно сказать, что глобализация культуры заключается также в распространении по всему миру определенного культурного представления о глобализации, ее видения. Это представление, как появившееся стихийно и получившее признание в повседневном, обыденном сознании, так и сопровождаемое идеологической или теоретической формулировкой, само по себе может стать автономным причинным фактором, формирующим обратные процессы глобализации. Сама по себе мысленная реакция на глобализацию становится одной из детерминаций этого процесса.

Возвращаясь к тому разделению сообществ на общности (*Gemeinschaft*) и общества (*Gesellschaft*), которое ввел Фердинанд Теннис и которое мы рассматривали в гл. 8, Робертсон предлагает типологическое построение, основанное на выделении четырех «образов глобального порядка», которые встречаются в воображении современных людей. Первый - это «Глобальная общность I». Мир представляется здесь как богатая мозаика замкнутых, отграниченных друг от друга общин, которые могут быть по отношению друг к другу уникальными и равноправными или, что чаще встречается и больше соответствует действительности, более и менее развитыми, но в любом случае остаются взаимно изолированными и не имеющими претензии подчинить себе другие, не похожие на них группы. Такое представление типично для идеологии антиглобализма, в которой она обретает скорее нормативную окраску, нежели является простой констатацией факта. Оно становится выражением протеста против реалий униформизации культуры, с чем не хотят согласиться антиглобалисты. В фундаменталистских религиозных ориентациях, например в исламе, это представление проявляется в особой иерархической версии: фундаменталисты провозглашают возрождение собственных общностей в их чистом, идеальном виде, оставляя тех, кто изменил вере, прозябать в их второразрядных культурах, и считая, что они не могут представлять никакой угрозы для высокой и чистой, стоящей превыше всего, истинной культуры.

Другой образ - это «Глобальная общность II». Это идея достижения общечеловеческого консенсуса на основе определенных общих ценностей и идеалов. И здесь тоже ощутима тональность, более связанная с перспективой, нежели с объективной реальностью. Представляется, что мир еще не является единством всего человеческого рода, однако надо, чтобы он таким стал. Такую установку несут в себе, из такой предпосылки исходят христианская идея царства Божьего на Земле, концепция Всемирной церкви и ойкуменистические тенденции в современном католицизме, выраженные Иоанном Павлом II в лозунге новой евангелизации мира. В светской жизни такие общечеловеческие намерения выражают движение борцов за мир, экологические движения, движение за права человека.

Третье представление - это «Глобальное общество I», то есть мозаика суверенных, независимых национальных государств, связанных сильными узами взаимного сотрудничества и кооперации в области экономики, полити-

ки и культуры. Когда-то это называлось «концепцией мирного сосуществования». В эгалитарной версии это представляется как взаимодействие государств, выступающих в роли равноправных партнеров, заинтересованных во взаимовыгодном сотрудничестве. В иерархической версии признается существование ведущей державы или ведущих держав, которые, не вмешиваясь во внутренние дела других стран, берут на себя обязанность сохранения мирового порядка (роль «мирового жандарма»).

Наконец, четвертое представление - «Глобальное общество II», уход с мировой арены, падение национальных государств и сначала региональная, а затем и глобальная унификация под эгидой общей политической организации или наднационального мирового правительства. Самые большие усилия в реализации и приближении такой модели были проявлены в Европе, начиная от создания экономических интегральных институтов такого типа, как Объединения угля и стали, затем всеобщего европейского рынка, вплоть до объединения валюты. Создание таких экономических институтов сопровождалось формированием новых наднациональных юридических институтов - Гаагского Трибунала, Верховного Суда в Страсбурге, а также появлением все более сильных политических структур, таких, как Европейский парламент или Совет Европы. Происходит унификация такого огромного и чрезвычайно важного сегмента культуры, каким является право, что находит выражение в целостном блоке европейского законодательства и права. В этом случае процессы глобализации идут снизу, спонтанно, получая поддержку в целенаправленном интеграционном политическом и экономическом проекте. Глобализация перестает быть только общественной тенденцией, она становится замыслом более совершенного устройства всего человеческого мира.

Столкновения и дискуссии между этими четырьмя концепциями, несомненно, станут важным фактором, который повлияет на образ общества будущего.

Важнейшие понятия и термины

Внешняя арена - страны, находящиеся под косвенным влиянием мировой капиталистической системы, хотя номинально имеющие строй, отличающийся от капиталистического.

Глобализация - процесс интенсификации экономических, финансовых, политических, военных, культурных, идеологических связей и зависимостей между сообществами, что приводит к униформизации мира во всех этих областях и отражается в появлении социальных связей, солидарности и идентичности в наднациональном и надколониальном масштабе.

Глобальная солидарность - ощущение общности, выходящей за пределы одного народа или государства, выражающейся в идее всеобщих прав человека, в экологическом движении, в борьбе за мир, в кампаниях международной помощи жертвам стихийных катастроф и бедствий.

Глобальное общество - популяция людей на планете Земля, все живущие в данный момент люди, все современное человечество.

Зависимое развитие - особый ход экономического развития в странах, зависимых от великой державы или от группы стран, имеющих экономическое, политическое или военное превосходство и преобладание.

Империализм - колониальная экспансия, непосредственное завоевание, а также косвенное подчинение себе более слабых стран (неоколониализм), что позволяет эксплуатировать дешевую рабочую силу, открывает доступ к источникам сырья и новые рынки сбыта для излишков собственных товаров.

Компрадорские элиты - политические и экономические элиты в странах, находящихся в зависимости от могущественной державы, реализующие интересы империалистического центра часто в ущерб интересам собственных стран.

Культурная амальгамация - диалог и обмен между культурами центра и периферии; выборочная модификация культуры центра под влиянием встречной интерпретации и переосмысления в периферийных обществах и одновременное стимулирование и оживление определенных скрытых ценностей местных культур под влиянием на них культуры центра.

Культурная деформация - упрощение, обеднение и даже деградация культуры центра в процессе ее адаптации периферийными странами.

Культурная ойкумена - область постоянных культурных взаимодействий, взаимопроникновения и культурного содержательного обмена

Культурный демпинг - пропаганда и продажа в периферийных странах массовых продуктов культуры и искусства самого низкого качества по низкой цене.

Культурный империализм - пропаганда и распространение собственного образа жизни, образцов потребительской продукции, обычаев, художественных изделий, языка, даже религиозных убеждений странами, имеющими более сильные экономические, политические и военные позиции.

Локальная идентичность - ощущение своей общности с людьми, проживающими в той же общине (группе), с представителями своего рода, племени, этнической группы, опирающееся на частные моменты и связи, которые проистекают из территории совместного проживания, кровного родства, сходства в обычаях, общности традиций.

Мировая система - охватывание непосредственным или косвенным влиянием капиталистического рынка всех регионов мира, даже тех, которые номинально оставались до последнего времени или даже ныне еще остаются за границами капиталистической системы.

Предвосхищающая аккультурация - приспособление местных институтов, организаций, услуг, потребительских благ к ожиданиям, надеждам и запросам зарубежных туристов, предпринимателей или инвесторов.

Униформизация мира (гомогенизация) - прогрессирующее нарастание сходства в формах экономических и политических организаций, потребительских образцов, обычаев и нравов, художественных стилей, систем ценностей, идей и идеологий в мировом масштабе.

Рекомендуемая литература

7, 19 (см. «Сто книг с моей книжной полки»)

Тесты на понимание и усвоение социологических понятий

Отметьте правильный ответ, который находится среди пяти указанных вариантов. Правильным является только один ответ, а четыре остальных - ошибочные. Правильный ответ вы найдете в ключе, который помещен в конце данного текста. Вам, однако, следует пользоваться этим ключом только после того, как вы сделали собственный выбор и отметили соответствующий вариант ответа. В обычной университетской практике экзамен считается сданным, когда экзаменуемый сделал по крайней мере 120 правильных выборов.

(1) Харизма - это:

- а) вариант этнических предрассудков,
- б) форма религии,
- в) форма легитимизации власти,
- г) ролевой конфликт,
- д) то же самое, что дискриминация.

(2) Антисемитизм - это:

- а) расовый предрассудок,
- б) стереотип,
- в) дискриминация меньшинства,
- г) проявление нетолерантности,
- д) все вместе взятое.

(3) Социальное развитие характеризуется всеми приводимыми ниже признаками, кроме одного. Какого?

- а) это эндогенный процесс,
- б) это реакция на изменения в среде,
- в) имеет выраженное направление,
- г) его можно сравнить с ростом и развитием живого организма,
- д) оно приводит к повышению меняющейся ценности, которой оно касается.

(4) Шахтеры - это:

- а) социальный класс,
- б) социальный слой,
- в) социальная группа,
- г) профессиональная категория,
- д) местная группа.

(5) Стереотип - это:

- а) определенное состояние мысли,
- б) вид действия,
- в) упрощенный и односторонний образ действительности,
- г) определенная установка,
- д) идеальный тип.

(6) Явление, известное под названием «кольца Кула» (обмен дарами между группами островитян Полинезии) описал:

- а) А. Р. Рэдклиф-Браун,
- б) Р. Фёрс,
- в) Ч. Кули,
- г) И. Гофман,
- д) Б. Малиновский.

(7) Социальная эволюция в представлении Спенсера - это аналогия эволюции видов, которую описал Дарвин:

- а) это так,
- б) это не так.

(8) Социальное отношение «врач-пациент» имеет все ниже приводимые особенности, кроме одной:

- а) неравное,
- б) специализированное,
- в) первичное,
- г) инструментальное,
- д) взаимное.

(9) О так называемой «пересоциализированной концепции человека» писал:

- а) Кули,
- б) Знанецкий,
- в) Ронг,
- г) Уайт,
- д) Мертон.

(10) «Эффект Матфея» (в соответствии с Евангелием) описывает:

- а) процесс секуляризации,
- б) обращение (в веру) этнического меньшинства,
- в) появление ереси,

- г) сочетание общественных приоритетов и привилегий,
- д) распространение догматизма и нетолерантности.

(11) Все ниже перечисленные факторы, за исключением одного, играют роль при формировании в группе лидера. Укажите, какой фактор не имеет к этому отношения:

- а) господствующий над другими образ жизни,
- б) простота установления контактов,
- в) высокая компетенция в тех областях, которые ценятся членами данной группы,
- г) образцовый конформизм в отношении норм и правил, господствующих в группе,
- д) тенденция к одобрению предрассудков и к дискриминации меньшинств.

(12) Растущую униформизацию стиля жизни, образцов потребления, взглядов, технических устройств в масштабе всего мира мы называем:

- а) аккультурация,
- б) глобализация,
- в) этноцентризм,
- г) культурный конфликт,
- д) относительный отказ от личной выгоды.

(13) Дихотомическая модель социальной структуры - это разделение общества на:

- а) группы,
- б) классы,
- в) роли,
- г) касты,
- д) нации.

(14) Идеальный тип бюрократии, описанный Вебером, включает все ниже перечисленные признаки, кроме одного. Какого?

- а) специализация задач и функций,
- б) иерархия должностей,
- в) точные правила профессионального карьерного роста,
- г) nepотизм и коррупция,
- д) письменные формы принятия решений.

(15) «Свобода, равенство, братство!» Этот лозунг вызывает к:

- а) нормам,
- б) ценностям,
- в) стереотипам,
- г) этноцентризму,
- д) относительной депривации.

(16) Согласно Дюркгейму, социальные факты характеризуются следующими присущими им особенностями, кроме одной. Какой?

- а) их разделяют члены данного общества,
- б) оказывают принудительное воздействие,
- в) являются внешними по отношению к каждому отдельному человеку,
- г) подлежат умозрительной фиксации и наблюдению,
- д) принадлежат культуре.

(17) В типологии социальных действий Вебера не встречается одна из ниже перечисленных категорий. Какая?

- а) действие, рациональное с точки зрения используемых средств,
- б) действие, рациональное с точки зрения ценности,
- в) действие логичное,
- г) действие эмоциональное,
- д) действие традиционное.

(18) Ян зарабатывает денег в десять раз больше, чем Славек. Мы не знаем, что эти двое делают, каким образом они зарабатывают деньги. Однако мы уже сразу можем сказать, что этот факт проявление:

- а) социальной несправедливости,
- б) классовой эксплуатации,
- в) меритократической справедливости,
- г) различия в заработных платах,
- д) социального неравенства.

(19) Поставьте имена известных социологов в хронологическом порядке - от самых давних до новейших времен:

- а) Кули,
- б) Парсонс,
- в) Конт,
- г) Вебер,
- д) Знанецкий.

(20) Бандит, который угрожает револьвером, использует:

- а) преимущество в силе,
- б) уговоры,
- в) насилие,
- г) авторитет,
- д) влияние своей харизмы.

(21) Множество групповых принадлежностей каждого человека находит свое выражение также в:

- а) культурном плюрализме,
- б) ролевом напряжении,
- в) ролевом конфликте,

- г) классовой борьбе,
- д) культурном релятивизме.

(22) Творцом теории эволюции и органицизма в социологии был:

- а) Маркс,
- б) Дюркгейм,
- в) Спенсер,
- г) Дарвин,
- д) Теннис

(23) Основная черта социального взаимодействия - это:

- а) взаимность,
- б) повторяемость,
- в) нормативное регулирование,
- г) длительность,
- д) конфликтность.

(24) Пожатие руки в качестве приветствия - это пример всех ниже перечисленных категорий, кроме одной. Какой?

- а) культурная конвенция,
- б) обычай,
- в) моральное правило,
- г) норма товарищеского этикета,
- д) символический жест.

(25) Пожатие руки как форма приветствия - это:

- а) культурный комплекс,
- б) культурная конфигурация,
- в) культурная ценность,
- г) культурный элемент,
- д) культурный миф.

(26) Переход из одного социального слоя в другой - это:

- а) профессиональная мобильность.
- б) вертикальная мобильность,
- в) горизонтальная мобильность,
- г) миграция,
- д) урбанизация.

(27) «Социальное неравенство неизбежно, обязательно, вечно и полезно». Этот тезис принадлежит:

- а) теории социального конфликта,
- б) марксистской классовой теории,
- в) функциональной теории стратификации,
- г) революционной идеологии,
- д) Владимиру Ленину.

(28) «Маргинальное поле социальной толерантности» - это то же самое, что:

- а) попустительство,
- б) комплекс обстоятельств, исключающий применение санкций,
- в) толерантность по отношению к маргиналам,
- г) нераскрываемость преступлений (так называемое черное число).
- д) аномия.

(29) Чем не является семья:

- а) социальной группой,
- б) институтом,
- в) товариществом,
- г) своеобразной формой организации,
- д) первичной группой.

(30) Противоположностью стереотипа является:

- а) религиозный догмат,
- б) идеология,
- в) статистические данные, характеризующие группу,
- г) идеальный тип,
- д) этнический предрассудок.

(31) Противоположностью этноцентризма является:

- а) национализм,
- б) патриотизм,
- в) культурный релятивизм,
- г) эмпиризм,
- д) шовинизм.

(32) В представлении Карла Маркса власть - это отношение между:

- а) социальными ролями,
- б) социальными классами,
- в) пролетариями,
- г) капиталистами,
- д) революционерами и правительством.

(33) Награды и наказания - это две разновидности:

- а) социальных санкций,
- б) раздражителей,
- в) норм,
- г) значений людских действий,
- д) взаимодействия.

(34) Два основных класса в полярной модели капитализма - это:

- а) правящие и те, кем правят,
- б) капиталисты и пролетарии,

- в) менеджеры и акционеры,
- г) номенклатура и остальная часть общества,
- д) большевики и меньшевики.

(35) Этническая и расовая дискриминация всегда приводит к:

- а) дружбе,
- б) социальной интеграции,
- в) эксплуатации одних групп другими,
- г) социальным изменениям,
- д) революции.

(36) Творцом концепции социальной эволюции был:

- а) Дарвин,
- б) Маркс,
- в) Парсонс,
- г) Спенсер,
- д) Уилсон.

(37) Значение - это постоянная определяющая черта:

- а) действия,
- б) взаимодействия,
- в) социального действия,
- г) произведения искусства,
- д) всех выше названных явлений.

(38) «Теория дифференцированных контактов» объясняет девиацию (отклонение) как результат:

- а) врожденных склонностей,
- б) умышленного запоздания,
- в) воздействия (отчуждения, осуждения, навешивания ярлыков) окружения,
- г) проникновения преступных образцов в ближайшее окружение,
- д) аномии.

(39) Группа, с которой мы себя идентифицируем, хотя и не являемся ее членами, - это:

- а) внутренняя группа,
- б) внешняя группа,
- в) позитивная референтная группа,
- г) негативная референтная группа,
- д) маргинальная группа.

(40) Группа, с которой мы себя не идентифицируем, хотя являемся ее членами, — это:

- а) внутренняя группа,
- б) значимые другие,

- в) негативная референтная группа,
- г) преступная группа,
- д) студенческая группа.

(41) Группу, в которой все права и обязанности членов строго урегулированы, мы называем:

- а) внешней,
- б) эксклюзивной,
- в) формальной,
- г) первичной,
- д) этнической.

(42) Все поляки, которые когда-либо побывали в Кракове и слышали хорал, звучащий с башни Марьяцкого костела, - это:

- а) социальный круг,
- б) толпа,
- в) социальная категория,
- г) статистическая категория,
- д) социальная группа.

(43) Понятие культурной нормы не охватывает:

- а) личных навыков,
- б) запрещенных форм поведения,
- в) разрешенных методов действия,
- г) наказов, как поступать,
- д) предпочитаемых (рекомендуемых как предпочтительные) форм поведения.

(44) Установка (наказ) на то, чтобы вступать в брак с представителями той же группы (класса, слоя), к которой ты принадлежишь, - это:

- а) бигамия,
- б) моногамия,
- в) полигамия,
- г) эндогамия,
- д) экзогамия.

(45) В представлении Макса Вебера власть - это отношение между:

- а) социальными классами,
- б) институтами,
- в) социальными группами,
- г) личностями (отдельными людьми),
- д) социальными ролями.

(46) Отец Роберта Мертон был плотник, он сам - знаменитым профессором социологии, а его сын получил Нобелевскую премию за исследования в области экономики. Мы это называем:

- а) горизонтальной мобильностью,

- б) внутригрупповой мобильностью,
- в) межпоколенной мобильностью,
- г) nepотизмом,
- д) общественной деградацией.

(47) Люди, собравшиеся вокруг места уличного происшествия - это:

- а) аудитория,
- б) публика,
- в) толпа,
- г) социальная организация,
- д) социальное движение.

(48) Верующие, собравшиеся на торжественном богослужении, которое проводит Папа Римский, - это:

- а) толпа,
- б) группа,
- в) публика,
- г) аудитория,
- д) социальное движение.

(49) Какой ответ определяет самую малую социальную дистанцию по отношению к иностранцу?

- а) я позволил бы им приехать в мою страну,
- б) я согласился бы отдать дочь замуж за кого-либо из них,
- в) я допустил бы, чтобы они работали в моей профессии,
- г) я согласился бы на то, чтобы они получили работу на моем заводе,
- д) я позволил бы им жить по соседству со мной.

(50) Теория модернизации в своих основных положениях похожа на:

- а) теорию социальных циклов Сорокина,
- б) теорию социальной эволюции,
- в) теорию глобализации,
- г) теорию исторического материализма,
- д) теорию относительной депривации.

(51) Внезапный рост общественных запросов приводит к относительной депривации во всех ниже перечисленных отношениях, кроме одного. Какого?

- а) когда жизненные условия остаются неизменными,
- б) когда наступает экономический кризис,
- в) когда одновременно вырастает уровень жизни,
- г) когда претензии невозможно удовлетворить,
- д) когда претензии демонстративно удовлетворяются только в численно небольшом кругу.

(52) Риск отличается от угрозы тем, что:

- а) он больше,

- б) он является результатом наших собственных решений и действий,
- в) он выступает повсеместно, повсюду,
- г) он вызывает страх,
- д) ему невозможно противостоять.

(53) Что общего между водопроводом, интернетом, авиалинией, системой теплообеспечения, электросетью, телекоммуникацией:

- а) все они проведены недавно,
- б) все они первоначально появились в Европе,
- в) все они образуют так называемую абстрактную или экспертную систему,
- г) все они надежны,
- д) ими пользуются все живущие на Земле.

(54) Явление, которое называется синдромом человека, стремящегося не зависеть от общества, - это:

- а) демонстративная невыплата налогов,
- б) ожидание, пока другие осуществят «дела, направленные на общественное благо»,
- в) форма девиации в общественном транспорте,
- г) отказ платить таксисту,
- д) любая пассивность и политическая апатия.

(55) Ребенок, который назло маме, нарушает всякие запреты, проявляет:

- а) оппортунизм,
- б) конформизм,
- в) нонконформизм,
- г) контраформизм,
- д) плохой характер.

(56) Какая аналогия лучше всего передает современный взгляд на характер человеческого сообщества:

- а) социальный механизм,
- б) социальный организм,
- в) социальная физиология,
- г) социальная анатомия,
- д) социальная жизнь.

(57) Позитивистская социология требует:

- а) формулировать оптимистические социальные прогнозы,
- б) наследовать методы и исследовательские технологии естественных наук (наук о природе),
- в) исследовать позитивные стороны социальной жизни,
- г) проводить исследования с помощью идеальных типов,
- д) интерпретировать значение текстов.

(58) «Поляки - это избранный народ, обычаи которого являются наилучшими и должны быть взяты другими народами за образец». Такой взгляд - это проявление:

- а) плюрализма,
- б) толерантности,
- в) этноцентризма,
- г) культурного релятивизма,
- д) консерватизма.

(59) Хорошим примером нонконформизма может служить:

- а) убийца,
- б) революционер,
- в) гомосексуалист,
- г) вор,
- д) плагиатор.

(60) Составляющими нормативной структуры общества являются наряду с другими моментами:

- а) убеждения,
- б) социальные позиции,
- в) интересы,
- г) ценности,
- д) жизненные шансы.

(61) Гуманистическая социология за «атом» социальной жизни принимает:

- а) социальные факты,
- б) социальные действия,
- в) социальные системы,
- г) социальные организмы,
- д) социальные группы.

(62) Наше представление о самих себе, опирающееся на то, как оценивают нас другие, мы называем:

- а) индивидуальностью,
- б) национальным характером,
- в) гордостью (достоинством),
- г) стереотипом,
- д) «зеркальным Я».

(63) Нонконформизм - это разновидность девиации (отклонения), которая характеризуется:

- а) значительным усилием, натиском,
- б) открытой, публичной манифестацией,
- в) особенной вредоносностью для общества,
- г) высокими санкциями,
- д) повсеместным распространением в обществе.

(64) Когда человек отбрасывает ценности, однако несмотря на это придерживается норм, предлагаемых ему обществом, мы имеем дело с:

- а) инновацией,
- б) конформизмом,
- в) ритуализмом,
- г) мятежом,
- д) ретритизмом.

(65) Мундиры, униформы, знаки отличия служат для того, чтобы облегчить распознавание:

- а) намерений данного человека.
- б) его заслуг,
- в) его социальной позиции (статуса),
- г) его характера,
- д) его «зеркального Я».

(66) Если я по отношению к кому-нибудь имею определенные права и обязанности, это означает, что я оказываюсь с ним в:

- а) взаимодействии,
- б) дружбе,
- в) конфликте,
- г) социальном отношении,
- д) взаимности.

(67) Понятие «зеркального Я» относится к:

- а) нашим претензиям,
- б) групповым предрассудкам,
- в) тому, как другие на самом деле нас оценивают,
- г) нашему воображаемому представлению о том, как мы выглядим в глазах других людей,
- д) этническим стереотипам.

(68) Синонимом «зеркального Я» в представлении Кули в психоаналитической концепции является:

- а) ид,
- б) эго,
- в) суперэго,
- г) архетип,
- д) идеальный тип.

(69) Синонимом «зеркального Я» в представлении Кули в концепции символического интеракционизма Мида является:

- а) «I»,
- б) «Me»,
- в) значимые другие,

- г) обобщенные другие,
- д) первичная группа.

(70) Престиж определяется:

- а) объемом власти,
- б) общественным уважением,
- в) влиянием,
- г) связями,
- д) уровнем доходов.

(71) Власть, которая опирается на признании обществом правящих структур, называется:

- а) справедливой,
- б) демократической,
- в) легитимной,
- г) авторитарной,
- д) тоталитарной.

(72) Слово «отец» описывает:

- а) личные черты и качества человека,
- б) способность к продолжению рода,
- в) социальную позицию (статус),
- г) групповую принадлежность,
- д) социальный престиж данного человека.

(73) Мать, которая предупреждает свою дочь, чтобы она берегла свою «репутацию», обращается к санкциям:

- а) правовым,
- б) формальным,
- в) сексуальным,
- г) неформальным.
- д) карающим.

(74) Понятие первичных групп ввел:

- а) Вебер,
- б) Зиммель,
- в) Кули,
- г) Дюркгейм,
- д) Малиновский.

(75) В первичных группах, а также в современных кастовых обществах жизненное положение человека проистекает прежде всего из его:

- а) достигнутой позиции,
- б) предписанной ему изначально позиции,
- в) классовой принадлежности,
- г) профессионального успеха.

д) уровня образования.

(76) Широкое социологическое понятие культуры охватывает все ниже перечисленные составляющие, кроме одной. Какой?

- а) право
- б) искусство,
- в) обычаи,
- г) навыки,
- д) церкви и соборы.

(77) Социальное отношение между врачом и пациентом имеет характер:

- а) диффузный,
- б) специализированный,
- в) экспрессивный,
- г) интимный,
- д) эгалитарный (основанный на равенстве).

(78) Какое поведение из тех, что перечислены ниже, не является примером социального действия:

- а) написание завещания,
- б) дача милостыни нищему,
- в) сон до полудня,
- г) слушание лекции в университете,
- д) участие в выборах в сейм.

(79) Какая из перечисленных ниже отличительных черт не характерна для первичных групп:

- а) сильная идентификация с группой,
- б) большая численность группы,
- в) интимные отношения между членами группы,
- г) взаимодействие «лицом к лицу»,
- д) ранний опыт социализации.

(80) Какое из ниже приводимых утверждений не является проявлением стереотипа?

- а) польские девушки - самые красивые в мире,
- б) небо в Италии - самое голубое,
- в) японцы производят больше всего автомобилей во всем мире,
- г) англичане - самым воспитанный народ в мире,
- д) негры являются интеллектуально отсталыми.

(81) Какая из перечисленных ниже позиций является наилучшим примером «предписанного» статуса?

- а) дантист,
- б) жених,
- в) обвиняемый,

- г) женщина.
- д) отец.

(82) Какая из ниже перечисленных ситуаций является примером «ролевого конфликта»?

- а) чиновник идет на работу, хотя чувствует себя больным;
- б) преподаватель хотел бы посвятить больше времени подготовке занятий со студентами, однако должен писать диссертацию, ибо если не напишет ее, потеряет работу;
- в) известный теннисист старается вернуться на корт после долгого перерыва, но его возраст уже не позволяет ему играть так, как прежде;
- г) студентка хотела бы купить новые джинсы и итальянские туфли, но ее стипендии хватит только на одну из этих двух покупок;
- д) работник ненавидит свою профессию, но должен работать, чтобы прокормить семью.

(83) Какой из ниже перечисленных статусов не является достижимым?

- а) студент,
- б) подросток,
- в) муж,
- г) отец,
- д) полицейский.

(84) Какой из ниже перечисленных социальных статусов является «предпи-

- а) студент
- б) профессор университета,
- в) врач,
- г) мужчина,
- д) лыжник.

(85) Какая из ниже перечисленных общественных черт (признаков, свойств) человека не является «предписанной»?

- а) возраст,
- б) пол,
- в) профессия,
- г) раса,
- д) социальное происхождение.

(86) Какое из ниже перечисленных высказываний не является этническим стереотипом?

- а) поляки - это избранная нация,
- б) евреи жадны,
- в) негры ленивы,
- г) китайцев больше всего в мире,
- д) англичане флегматичны.

(87) Какой из ниже перечисленных факторов оказывает самое сильное влияние на взаимодействие?

- а) рост и цвет глаз партнера,
- б) темперамент,
- в) социальный статус,
- г) место проживания.
- д) взаимная доброжелательность.

(88) Если женщина украла ребенка, потому что очень хотела быть матерью, то, согласно известной типологии Мертона, мы имеем дело в этом случае с:

- а) бунтом,
- б) ритуализмом,
- в) инновацией,
- г) конформизмом,
- д) неконформизмом.

(89) Все социальные статусы, которые ты ныне одновременно занимаешь, формируют:

- а) ансамбль ролей,
- б) культурный комплекс,
- в) статусный набор,
- г) синдром личности,
- д) социальную организацию.

(90) Общая черта пророков, лидеров, героев, демагогов - это:

- а) мудрость,
- б) дальнорукость,
- в) правдивость,
- г) харизма,
- д) конформизм.

(91) Защищая свою жену от нападения, муж застрелил бандита. Суд принял во внимание как обстоятельство, смягчающее или даже вовсе исключающее его вину:

- а) состояние высшей необходимости,
- б) действия в состоянии аффекта,
- в) необходимую самооборону,
- г) юный возраст бандита,
- д) плохие биометеорологические условия.

(92) Вторичная социализация проявляется в следующих формах, за исключением одной. Какой?

- а) профессиональная социализация,
- б) включение в политическую культуру,
- в) обучение речи и чтению,
- г) ресоциализация,

д) супружеская социализация.

(93) Правление, осуществляемое старейшинами племени ирокезов, - это пример:

- а) традиционной власти,
- б) харизматической власти,
- в) легальной власти,
- г) рациональной власти,
- д) клептократии.

(94) С некоторым приближением можно сказать, что аналогом «суперэго» в концепции З. Фрейда у Кули (представителя так называемого символического интерактивизма) - это:

- а) эго,
- б) ид,
- в) зеркальное «Я»,
- г) символическая интеракция,
- д) инстинкт.

(95) Монастырь (монашеский орден) - это пример группы:

- а) первичной,
- б) предписанной.
- в) тоталитарной,
- г) сегментной,
- д) озадаченной.

(96) Разговор - это пример:

- а) социального отношения,
- б) взаимодействия,
- в) социального контакта,
- г) коллективного поведения,
- д) социальной мобилизации.

(97) Сталин был предводителем:

- а) демократичным,
- б) толерантным,
- в) авторитарным,
- г) традиционным,
- д) либеральным.

(98) Теория «становления общества» находится в парадигме:

- а) функционалистской,
- б) системной,
- в) деятельностной,
- г) структурной.
- д) групповой.

(99) Рост средней продолжительности жизни в обществе - это:

- а) регресс,
- б) итог вмешательства Провидения,
- в) результат деградации окружающей среды,
- г) прогресс,
- д) генетический случай.

(100) Карьера «от чистильщика сапог до миллионера» возможна в обществе, которое имеет структуру:

- а) кастовую,
- б) бесклассовую,
- в) открытую,
- г) замкнутую,
- д) клановую.

(101) На комплекс ролей, выполняемых официантом в ресторане, влияют:

- а) отношения с друзьями, родственниками, с невестой,
- б) отношения с клиентами и коллегами,
- в) отношения с поваром, с другими официантами и знакомыми,
- г) отношения с женой и детьми,
- д) отношения с клиентами, поваром, другими официантами, барменом, портье, гардеробщиком.

(102) Социальная группа отличается от социальной категории тем, что:

- а) ее члены имеют сознание своей общности и вместе с тем отличия от других,
- б) ее члены любят друг друга,
- в) ее члены имеют сознание принадлежности к группе и вступают во взаимодействие друг с другом,
- г) она более прочная,
- д) в ее состав входят только мужчины.

(103) Выражение «Французы - лучшие любовники в мире» - это:

- а) этнический предрассудок,
- б) стереотип,
- в) научный вывод сексологии,
- г) проявление дискриминации,
- д) самосбывающееся пророчество.

(104) Авторитет в социологическом понимании - это:

- а) власть, опирающаяся только на силу,
- б) перевес одной социальной группы над другой,
- в) законная власть,
- г) господство сильной харизматической личности над группой,
- д) общество, которым управляют мужчины, обладающие сильным характером.

(105) Встреча с приятелями и приятельницами в баре за кружкой пива - это пример:

- а) инструментального действия,
- б) отчуждения,
- в) коллективного поведения,
- г) самоцельного действия,
- д) девиации.

(106) Социология отличается от обычного знания тем, что:

- а) ею занимаются профессиональные социологи,
- б) ее преподают в университетах,
- в) она дает нам верные, несомненные, твердые знания,
- г) она дает нам систематизированные знания, имеющие эмпирическое подтверждение,
- д) она делает возможным научное управление государством.

(107) Падение коммунистического режима в Европе в 1989 г. можно считать революцией по всем перечисленным ниже причинам, кроме одной:

- а) оно означало эпохальный перелом,
- б) оно ознаменовало политические, экономические, социальные и культурные изменения,
- в) оно изменило повседневную жизнь,
- г) оно совершилось в результате насильственных действий, кровавых столкновений с применением насилия,
- д) оно было связано с взрывом общественного энтузиазма и мобилизации.

(108) Вторичное рекрутирование в социальное движение - это:

- а) возвращение прежних членов, которые отошли от него;
- б) участие людей в движении по весомым идейным мотивам, связанное с готовностью к личному самопожертвованию и риску;
- в) включение в движение, переживающее в данный момент успехи, людей, действующих по оппортунистическим мотивам;
- г) удвоение числа участников движения;
- д) то же самое, что синдром человека, стремящегося не зависеть от общества.

(109) Процесс снижения религиозности в современных обществах - это:

- а) аномия,
- б) отчуждение,
- в) социальная мобильность,
- г) секуляризация,
- д) сакрализация.

(ПО) Социология интересуется отдельным человеком как:

- а) конкретной личностью, имеющей имя и фамилию,
- б) индивидуальностью человека,

- в) биологическим организмом,
- г) субъектом действия, взаимодействий и общественных отношений,
- д) гражданином, участником политической жизни.

(111) Чем отличается обычное преступление от неконформизма?

- а) оно представляет для общества большую опасность,
- б) оно направлено против человечества,
- в) оно сопровождается акцептацией нарушенной нормы,
- г) оно направлено на изменение общественных отношений,
- д) за ним всегда следует судебное наказание.

(112) Действие отличается от поведения тем, что:

- а) оно более длительное,
- б) оно имеет мотивационное и культурное значение,
- в) оно имеет характер самоцели,
- г) оно импульсивно,
- д) оно проявляется в социальных движениях.

(113) «Класс в себе» в концепции Маркса - это:

- а) класс, который еще не обладает сознанием своего классового положения;
- б) класс, который отличается только тем, что он обладает общими объективными классовыми интересами;
- в) класс, который обрел сознание своих классовых интересов;
- г) класс, который обрел сознание своих классовых интересов и борется за их реализацию;
- д) промышленный пролетариат.

(114) Оптимальный результат социализации - это такая ситуация, когда люди:

- а) поступают по правилам конформизма, потому что боятся полиции;
- б) имеют чувство вины или стыда, когда нарушают общественные правила;
- в) им даже в голову не приходит, что можно поступать в противоречии с общественными правилами;
- г) все правила они считают выдумкой дураков;
- д) они заявляют свою идентичность с помощью девиации.

(115) Важнейший результат социализации в каждом обществе - это:

- а) обучение разным товарищеским играм,
- б) познание истории своей страны,
- в) обучение речи и письму на родном языке,
- г) освоение правил хорошего поведения,
- д) овладение иностранными языками.

(116) Творцами социологии считаются:

- а) Карл Маркс,
- б) Макс Вебер,
- в) Огюст Конт,

- г) Герберт Спенсер,
- д) Чарльз Кули.

(117) Японский бизнесмен проводит по 16 часов ежедневно на заводе «Сони» и совершенно не занимается своей семьей. Эта ситуация хорошо иллюстрирует:

- а) ролевое напряжение,
- б) ролевой конфликт,
- в) относительную депривацию,
- г) институционализацию,
- д) предвосхищающую социализацию.

(118) Тип социальных связей, имеющих место в маленькой рыбацкой деревушке, все жители которой ткнут сети, выходят в море, ловят рыбу, мы вслед за Дюркгеймом определяем как:

- а) органическая солидарность,
- б) разделение труда,
- в) механическая солидарность,
- г) аномия,
- д) этноцентризм.

(119) Понятие социального класса ввел в социологию:

- а) Вебер,
- б) Ленин,
- в) Дюркгейм,
- г) Маркс,
- д) Веселовский.

(120) Понятие социального слоя ввел в социологию:

- а) Вебер,
- б) Ленин,
- в) Дюркгейм,
- г) Маркс,
- д) Веселовский.

(121) Социальные отношения - это отношения между:

- а) отдельными людьми (индивидами),
- б) группами,
- в) социальными позициями (статусами),
- г) социальными организациями,
- д) социальными институтами.

(122) Единственная, встречающаяся во всех культурах и общая для всех культур норма, касающаяся сексуальных отношений, - это запрет:

- а) бигамии,
- б) прелюбодеяния,
- в) кровосмешения,

- г) абортов,
- д) разводов.

(123) Монополией на применение силы обладает:

- а) авторитарная власть,
- б) полиция,
- в) террористическая группа,
- г) государство,
- д) отец семейства.

(124) Хорошим примером эгалитарных социальных отношений является:

- а) отцовство,
- б) дружба,
- в) работа (когда человека берут на работу и он начинает где-нибудь работать),
- г) воинская служба,
- д) консультация и адвокатская защита.

(125) Важнейшая особенность социальных отношений, которая не проявляется в иных формах контактов и отношений между людьми, - это:

- а) взаимность,
- б) нормативное регулирование,
- в) повторяемость,
- г) направленность на другого человека,
- д) мотивационное значение.

(126) Синонимом понятия социальной структуры является:

- а) сеть социальных отношений,
- б) институт,
- в) социальная группа,
- г) коллективные действия,
- д) общественно-экономическая формация.

(127) Вступительные экзамены в институт в Польше проходят, как правило, на основе критериев:

- а) партикуляристических,
- б) универсальных,
- в) ригористических,
- г) либеральных,
- д) случайных.

(128) В замкнутой системе социальной стратификации (лишенной вертикальной мобильности) основной социальной группой, определяющей иерархию неравенства, является:

- а) каста,
- б) слой,

- в) сословие,
- г) поколение,
- д) секта.

(129) Создателем теории так называемых «социальных фактов» был:

- а) Вебер,
- б) Зиммель,
- в) Теннис,
- г) Дюркгейм,
- д) Парето.

(130) Действие - это такое поведение индивида, которое:

- а) вызывает существенные общественные последствия,
- б) выражает общественную сущность,
- в) имеет мотивационное и культурное значение,
- г) отражает социализирующее влияние общества,
- д) имеет коллективный характер.

(131) Аккультурация - это то же самое, что:

- а) культурный конфликт,
- б) ассимиляция,
- в) социализация,
- г) иммиграция,
- д) культурный релятивизм.

(132) Противоположность конформизму - это:

- а) девиация
- б) неконформизм
- в) оппортунизм
- г) бунт
- д) отчуждение

(133) Культурное табу - это:

- а) наказ(совет),
- б) позволение,
- в) запрет,
- г) преференция,
- д) культурный идеал.

(134) Социальные роли - это составляющие:

- а) идейной структуры,
- б) структуры взаимодействия,
- в) нормативной структуры,
- г) структуры интересов,
- д) социальной группы.

- (135) Социальный контроль - это:
- а) проверка действий учреждения комиссией граждан,
 - б) система социальных санкций, применяемых за акты девиации,
 - в) надзор парламента над министерствами,
 - г) надзор налоговой инспекции над общественной администрацией,
 - д) форма действий социальных движений.
- (136) Предвосхищающая социализация - это:
- а) то же самое, что ресоциализация,
 - б) приобщение к нормам и ценностям групп, к которым человек хочет принадлежать,
 - в) социализация в раннем детстве,
 - г) приготовление к смерти,
 - д) школьное образование.
- (137) Социальные движения - это:
- а) действия сверху, вызывающие запланированные социальные изменения;
 - б) действия снизу, имеющие намерение вызвать социальные изменения;
 - в) действия сверху, вызывающие социальные изменения как побочный эффект;
 - г) действия снизу, вызывающие социальные изменения как побочный эффект;
 - д) реформы, проводимые государством.
- (138) Группа «бритоголовых» - это
- а) первичная группа,
 - б) контркультура,
 - в) конформисты,
 - г) этническое меньшинство,
 - д) социальная категория.
- (139) Рок-музыканты - это:
- а) первичная группа,
 - б) отдельная субкультура,
 - в) этническое меньшинство,
 - г) общественное движение,
 - д) социальный класс.
- (140) Как студент Вы имеете определенные обязанности по отношению к профессору. Они формируют:
- а) твою социальную роль,
 - б) твой комплекс ролей,
 - в) сегмент твоей роли,
 - г) статусный набор,
 - д) твое эго.

- (141) Поведение людей в толпе характеризуется всеми ниже перечисленными чертами, кроме одного. Какого?
- а) иррациональность,
 - б) впечатлительность и подражательность,
 - в) холодный расчет,
 - г) исчезновение моральных тормозов,
 - д) униформизация поведения.
- (142) Социальные институты в социологическом понимании - это:
- а) комплексы социальных отношений,
 - б) государственные здания,
 - в) тюрьмы, больницы и детские сады,
 - г) предписанные способы поведения (правила, нормы, ценности) в данной области,
 - д) то же самое, что социальные группы.
- (143) Все, родившиеся в пятницу, - это:
- а) социальная категория,
 - б) статистическая категория,
 - в) социальная группа,
 - г) социальная организация,
 - д) социальный институт.
- (144) Социальные отношения связывают друг с другом:
- а) действия,
 - б) личности,
 - в) позиции (статусы),
 - г) нормы,
 - д) ценности.
- (145) Концепция трех измерений социальной стратификации берет свое начало от:
- а) Маркса,
 - б) Дэвиса и Мура,
 - в) Вебера,
 - г) Милована Джиласа,
 - д) Веселовского.
- (146) Меритократическая справедливость выражается формулой:
- а) каждому по его потребностям,
 - б) бедным дать как можно больше, у богатых отнять,
 - в) каждому по его заслугам, по его трудовому вкладу и общественной пользе,
 - г) всем поровну,
 - д) бедные станут еще беднее, а богатые еще богаче.

- (147) Группа людей, отличающихся от других каким-либо признаком (свойством) и осознающих это свое отличие, - это:
- социальная организация,
 - ассоциация (товарищество, объединение),
 - социальная группа,
 - социальная категория,
 - институт.
- (148) Предшественником теории коллективного поведения был:
- Вебер,
 - Маркс,
 - Ле Бон,
 - Зиммель
 - Теннис.
- (149) Главный предмет, которым интересуется социология, - это:
- люди,
 - история,
 - группы,
 - «межличностное пространство», или социальная структура,
 - идеология.
- (150) Бюрократическая форма правления приносит наилучшие результаты в случае:
- творческих, инновационных задач,
 - рутинных, повторяющихся действий,
 - руководства в малых группах,
 - мобилизации социальных движений,
 - коллективного поведения.
- (151) Закон - это комплекс социальных норм
- наиболее строгих,
 - устанавливаемых и санкционируемых государством,
 - за нарушение которых грозит смертная казнь,
 - содержащихся в кодексах,
 - касающихся взрослых граждан.
- (152) Правило, в силу которого мы снимаем шляпу, чтобы поприветствовать знакомого, является примером:
- моральной нормы,
 - правовой нормы,
 - аномии,
 - отчуждения,
 - культурной конвенции, касающейся обычаев.

- (153) Семья - это не:
- группа,
 - ассоциация,
 - первичная группа,
 - институт,
 - организация.
- (154) Комплекс и определенный порядок связанных друг с другом статусов мы называем:
- группа,
 - локальная община,
 - институт,
 - организация,
 - государство.
- (155) Ксёндз Максимилиан Колбе, который пожертвовал своей жизнью, спасая жизнь другого узника Освенцима, совершил действие
- оппортунистическое,
 - нерациональное,
 - целерациональное,
 - ценностно-рациональное,
 - теологическое.
- (156) Фанаты, которые громят скамьи на стадионе, - это:
- масса,
 - толпа,
 - социальное движение,
 - социальная группа,
 - социальная организация.
- (157) Расположите ниже названные явления от наименее до наиболее опасных в общественном отношении:
- сегрегация,
 - дискриминация,
 - стереотип,
 - экстерминация (уничтожение, изгнание, ликвидация),
 - предрассудок.
- (158) Когда кто-нибудь заставляет себя выпить какой-нибудь алкогольный напиток, потому что этого от него ждут товарищи, это пример:
- нонконформизма,
 - девиации,
 - конформизма,
 - отказа от участия в группе,
 - оппортунизма.

(159) Автором концепции, известной как «психология толпы», является:

- а) Кули,
- б) Дюркгейм,
- в) Ле Бон,
- г) Конт
- д) Спенсер.

(160) Диалектическое, революционное или скачкообразное изменение - это вариант:

- а) социального развития,
- б) циклического процесса,
- в) эволюции,
- г) социального прогресса,
- д) культурной травмы.

Ключ к правильным ответам

(1) в	(29) в	(57) б
(2) д	(30) в	(58) в
(3) б	(31) в	(59) б
(4) г	(32) б	(60) г
(5) в	(33) а	(61) б
(6) д	(34) б	(62) д
(7) б	(35) в	(63) б
(8) в	(36) г	(64) в
(9) в	(37) д	(65) в
(10) г	(38) г	(66) г
(11) д	(39) в	(67) г
(12) б	(40) в	(68) в
(13) б	(41) в	(69) б
(14) г	(42) г	(70) б
(15) б	(43) а	(71) в
(16) г	(44) г	(72) в
(17) в	(45) г	(73) г
(18) г	(46) в	(74) в
(19) в, г, а, д, б	(47) в	(75) б
(20) а	(48) г	(76) г
(21) в	(49) б	(77) б
(22) в	(50) б	(78) в
(23) а	(51) в	(79) б
(24) в	(52) б	(80) в
(25) г	(53) в	(81) г
(26) б	(54) б	(82) б
(27) в	(55) г	(83) б
(28) б	(56) а	(84) г

(85) в	(110) г	(135) б
(86) г	(111) в	(136) б
(87) в	(112) б	(137) б
(88) в	(113) г	(138) б
(89) в	(114) в	(139) б
(90) г	(115) в	(140) в
(91) в	(116) в	(141) в
(92) в	(117) б	(142) г
(93) а	(118) в	(143) б
(94) в	(119) г	(144) в
(95) в	(120) а	(145) в
(96) б	(121) в	(146) в
(97) в	(122) в	(147) г
(98) в	(123) г	(148) в
(99) г	(124) б	(149) г
(100) в	(125) б	(150) б
(101) д	(126) а	(151) б
(102) в	(127) б	(152) д
(103) б	(128) а	(153) б
(104) в	(129) г	(154) г
(105) г	(130) в	(155) г
(106) г	(131) в	(156) б
(107) г	(132) а	(157) в, д, а, б, г
(108) в	(133) в	(158) в
(109) г	(134) в	(159) в
		(160) а

Сто книг с моей полки

Субъективно выбранный лично мной круг доступных работ - список из ста публикаций на польском языке, какие я рекомендую студентам

- (1) *Adamski K.* Socjologia małżeństwa i rodziny. Warszawa: PWN, 1982.
- (2) *Anderson B.* Wspólnoty tvyobrazone. Kraków: Wyd. Znak, 1997.
- (3) *Arendt H.* O rewolucji. Kraków: Wyd. Totus, 1991.
- (4) *Bauman Z.* Socjologia. Poznań: Wyd. Zysk i Ska, 1996.
- (5) *Bauman Z.* Wieloznaczność nowoczesności - nowoczesność wieloznaczności Warszawa: PWN, 1995.
- (6) *Bauman Z.* Zarys socjologii: zagadnienia i pojęcia. Warszawa: PWN, 1962.
- (7) *Bauman Z.* Globalizacja. Warszawa: PIW, 2000.
- (8) *Becker H., Barnes H.E.* Rozwój myśli społecznej od wiedzy ludowej do socjologii. Warszawa: Książka i Wiedza, 1964-1965.
- (9) *Berger P., Luckman T.* Społeczne tworzenie rzeczywistości. Warszawa: PIW, 1983.
- (10) *Berger P.* Zaproszenie do socjologii, wyd. 7. Warszawa: PWN, 2001.
- (11) *Bokszanski Z.* Stereotypy a kultura. Wrocław: Monografie FNP, 1997.
- (12) *Chmielewski P.* Kultura i ewolucja. Warszawa: PWN, 1988.
- (13) *Dahrendorf R.* Nowoczesny konflikt społeczny. Warszawa: Czytelnik, 1993.
- (14) *Derczyński W., Jasińska-Kania A., Szacki J.* (red.). Elementy teorii socjologicznych. Warszawa: PWN, 1975.
- (15) *Domański H.* Prestiż. Wrocław: Monografie FNP, 1999.
- (16) *Ehrlich S.* Dynamika norm, wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1994.
- (17) *Ehrlich S.* ~~Wzorce~~ wzory zachowania. Warszawa: PWN, 1995.
- (18) *Firth R.* Społeczności ludzkie. Warszawa: PWN, 1965.
- (19) *Goban-Klas T.* Media i komunikowanie masowe. Warszawa: PWN, 2000.
- (20) *Hałas E.* Społeczny kontekst znaczeń w teorii symbolicznego interakcjonizmu: Lublin: Wyd. KUL, 1987.
- (21) *Jawłowska A.* Drogi kontrkultury. Warszawa: PIW, 1975.
- (22) *Katz D., Kahn R.L.* Społeczna psychologia organizacji. Warszawa: PWN, 1979.
- (23) *Kempny M.* Wymiana i społeczeństwo. Wrocław: Ossolineum, 1988.

- (24) *Kempny M., Szmatka J.* (red.). Współczesne teorie wymiany społecznej. Warszawa: PWN, 1992.
- (25) *Kiciński K.* Orientacje moraine, wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo UW, 1998.
- (26) *Kloskowska A.* Kultura masowa: krytyka i obrona, wyd. 2. Warszawa: PWN, 1980.
- (27) *Kloskowska A.* Kultury narodowe i korzeni. Warszawa: PWN, 1996.
- (28) *Kloskowska A.* Socjologia kultury. Warszawa: PWN, 1981.
- (29) *Kojder A.* Godność i siła prawa. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1995.
- (30) *Kozyr-Kowalski S.* Klasy i stany. Warszawa: PWN, 1979.
- (31) *Krasnodębski Z.* Upadek idei postępu. Warszawa: PIW, 1991.
- (32) *Krasnodębski Z., Nellen K.* (red.). Świat przeżywany. Warszawa: PIW, 1993.
- (33) *Kroeber A.L.* Istota kultury, wyd. 2. Warszawa: PWN, 1989.
- (34) *Kula M.* Narodowe i rewolucyjne. Londyn: Aneks, 1991.
- (35) *Kurczewska J.* (red.). Zmiana społeczna: teorie i doświadczenia polskie. Warszawa: Wyd. IFiS PAN, 1999.
- (36) *Kurczewska J., Szacki J.* (red.). Tradycja i nowoczesność. Warszawa: Czytelnik, 1984.
- (37) *Le Bon G.* Psychologia tłumu. Warszawa: PWN, 1994.
- (38) *Lipset S.M., Bendix R.* Ruchliwość społeczna w społeczeństwie przemysłowym. Warszawa: PWN, 1964.
- (39) *Lipset S.M.* Homo politicus: społeczne podstawy polityki. Warszawa: PWN, 1995.
- (40) *Luhmann N.* Funkcja religii. Kraków: Wyd. Nomos, 1998.
- (41) *Malewski A.* O zastosowaniach teorii zachowania. Warszawa: PWN, 1964.
- (42) *Mannheim K.* Człowiek i społeczeństwo w dobie przebudowy. Warszawa: PWN, 1974.
- (43) *Manterys A.* Wielość rzeczywistości w teoriach socjologicznych. Warszawa: PWN, 1997.
- (44) *Michalski K.* (red.). Tożsamość w czasach zmiany. Kraków: Wyd. Znak, 1995.
- (45) *Mokrzycki E.* Filozofia nauki a socjologia. Warszawa: PWN, 1980.
- (46) *Mokrzycki E.* Socjologia w filozoficznym kontekście. Warszawa: PWN, 1990.
- (47) *Morawski W.* Socjologia ekonomiczna. Warszawa: PWN, 1990.
- (48) *Mucha J.* Socjologia jako krytyka społeczeństwa. Warszawa: PWN, 1986.
- (49) *Newcomb T.M., Turner R.H., Converse R.E.* Psychologia społeczna: studium interakcji ludzkich. Warszawa: PWN, 1970.
- (50) *Nowak S.* Metodologia badań społecznych. Warszawa: PWN, 1985.
- (51) *Nowak S.* Metodologia badań socjologicznych: zagadnienia ogólne. Warszawa: PWN, 1970.
- (52) *Nowicka E.* Świat człowieka - świat kultury, wyd. 4. Warszawa: PWN, 2000.
- (53) *Olbrycht J.* Spoistość małej grupy społecznej. Katowice: Wyd. US, 1987.
- (54) *Ossowska M.* Nortny moraine, wyd. 4. Warszawa: PWN, 2000.
- (55) *Ossowska M.* Socjologia moralności, wyd. 3. Warszawa: PWN, 1986.
- (56) *Ossowski S.* O osobliwościach nauk społecznych. Warszawa: PWN, 1962. (wyd. 2. Warszawa: PWN, 1983).
- (57) *Pacewicz P.* Pomiedzy ~~mysla~~ **myślą** a rzeczywistością: rewolucja społeczna jako zjawisko psychologiczne. Wrocław: Ossolineum, 1983.
- (58) *Paluch A.* Mistrzowie antropologii społecznej. Warszawa: PWN, 1990.
- (59) *Podgórecki A.* Patologia życia społecznego. Warszawa: PWN, 1969.
- (60) *Popper K.R.* Nędza historycyzmu. Warszawa: PWN, 1999.
- (61) *Popper K.R.* Społeczeństwo otwarte i jego wrogowie. T. I-II, wyd. 2. Warszawa: PWN, 1993.

- (62) *Putnam R.* Demokracja w działaniu. Kraków: Wyd. Znak, 1995.
- (63) *Riesman D.* Samotny tłum. Warszawa: PWN, 1971.
- (64) *Rybicki P.* Społeczeństwo miejskie. Warszawa: PWN, 1972.
- (65) *Rybicki P.* Struktura społecznego świata. Warszawa: PWN, 1979.
- (66) *Rychard A.* Władza i interesy w gospodarce. Warszawa: Wyd. UW, 1987.
- (67) *Rychard A., Sulek A.* (red.). Legitymacja: klasyczne teorie i polskie doświadczenia. Warszawa: Wyd. UW, 1988.
- (68) *Siemaszko A.* Granice tolerancji: o teoriach zachowań dewiacyjnych. Warszawa: PWN, 1993.
- (69) *Skeris P.* Teoria grup odniesienia. Lublin: Wyd. KUL, 1979.
- (70) *Szacki J.* Historia myśli socjologicznej. T. I i II. Warszawa: PWN, 1981.
- (71) *Szacki J.* Spotkania z utopią. Warszawa: Iskry, 1980.
- (72) *Szczepański J.* Socjologia: rozwój problematyki i metod. Warszawa: PWN, 1969.
- (73) *Szczepański J.* Elementarne pojęcia socjologii. Warszawa: PWN, 1970.
- (74) *Szczepańscy.* Sprawy ludzkie, wyd. 4. Warszawa: Czytelnik, 1988.
- (75) *Szmatka J.* Małe struktury społeczne. Warszawa: PWN, 1989.
- (76) *Sztompka P.* (red.). Imponderabilia wielkiej zmiany. Warszawa: PWN, 2000.
- (77) *Sztompka P.* Trauma wielkiej zmiany. Warszawa: ISP PAN, 2000.
- (78) *Sztompka P.* Teoria i wyjaśnienie: z metodologicznych problemów socjologii. Warszawa: PWN, 1973.
- (79) *Tarkowska E.* Czas w społeczeństwie. Wrocław: Ossolineum, 1987.
- (80) *Topolski J.* Wolność i przymus w tworzeniu historii. Warszawa: PIW, 1990.
- (81) *Topolski J.* Rozumienie historii. Warszawa: PIW, 1978.
- (82) *Turner J.H.* Socjologia: koncepcje i ich zastosowania. Poznań: Wyd. Zyski Ska, 1998.
- (83) *Turner J.H.* Socjologia: podstawowe pojęcia i ich zastosowanie. Poznań: Wyd. Zysk i Ska, 1998.
- (84) *Turner J.M.* Struktura teorii socjologicznej. Warszawa: PWN, 1985.
- (85) *Turowski J.* Socjologia: małe struktury społeczne. Lublin: Wyd. KUL, 2000.
- (86) *Turowski J.* Socjologia: wielkie struktury społeczne. Lublin: Wyd. KUL, 2000.
- (87) *Tyszka Z.* Socjologia rodziny. Warszawa: PWN, 1974.
- (88) *Veblen T.* Teoria klasy próżniaczej. Warszawa: PWN, 1971.
- (89) *Walzer M.* O tolerancji. Warszawa: PIW, 1999.
- (90) *Wesołowski W.* Klasy, warstwy i władza. Warszawa: PWN, 1966.
- (91) *Wiatr J.J.* Socjologia polityki, wyd. 4. Warszawa: Wyd. Scholar, 1999.
- (92) *Wiatr J.J.* Społeczeństwo: wstęp do socjologii systematycznej. Warszawa: PWN, 1981.
- (93) *Wilson E.O.* Socjobiologia. Poznań: Wyd. Zysk i Ska, 2000.
- (94) *Wilson E.O.* O naturze ludzkiej. Warszawa: PIW, 1987.
- (95) *Wójcik P.* Idea nauki o społeczeństwie i jej związki z filozofią. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1995.
- (96) *Zajączkowski A.* (red.), Czas w kulturze. Warszawa: PIW, 1988.
- (97) *Ziemiński Z.* Elementy socjologii. Poznań: Wyd. "Ars boni et aequi", 1994.
- (98) *Ziółkowski M.* Znaczenie, interakcja, rozumienie. Warszawa: PWN, 1981.
- (99) *Ziółkowski M.* Przemiany interesów i wartości społeczeństwa polskiego. Poznań: Wyd. Fundacji Humaniora, 2000.
- (100) *Znamierowski C.* Rozważania wstępne do nauki o moralności i prawie. Warszawa: PWN, 1964.

Именной указатель

Абраме Филип 546	Верба Сидней 223
Августин св. 462	Вико 462
Адам Барбара 504	Виленский Гарольд 223
Андерсон Бенедикт 205	Вильдавский Арон 136
Аптер Дэвид 528	
Аристотель 12	
Арчер Маргарет 549	
	Гамбетта Диего 325
	Ганнерс Ульф 614-617
	Гегель Вильгельм 462,473, 537,594
	Гераклит 496
	Гидденс Энтони 21,22,28,143,325,485, 486, 504, 549, 578, 593, 595-597, 599, 603,607
	Гирц Клиффорд 252
	Гоббс Томас 197, 324
	Гобсон Дж. 607
	Гоулднер Алвин 77
	Гофман Ирвинг 79, 80, 83,106,111,430
	Граммши Антонио 542, 551
	Гуди Джек 500
	Гурр Тэд 173,567
	Данилевский Николай 532
	Дарвин Чарльз Роберт 515-517, 525
	Дарендорф Ральф 149, 327, 592
	Дженис Ирвинг 319, 320
	Дильтей Вильгельм 18
	Доллард Джон 319
	Друкер Питер 592
	Дэвис Джеймс 173, 174, 564, 567, 568
	Дэвис Кингсли 256, 376, 378-380
	Дэвис Мортон 110, 111
	Дэвис Норман 607
	Дюркгейм Эмиль Н. 27,95, 115,116, 165, 172, 192, 199, 201, 212, 244, 266, 271, 275, 290, 304, 308, 311, 319, 324, 331, 355, 379, 437, 462, 473, 474, 479, 493, 494, 509, 520, 580, 582, 589
Барда Лестер 522	
Вебер Макс 11,18,19,22,26,27,45,46, 52, 53, 56, 58-60, 105,116, 131-134, 155, 175, 176, 178, 234, 242, 310, 353, 355, 381, 389, 394-398, 437, 439, 473, 528, 553, 580, 581, 583, 584, 589	
Веблен Торстейн 55	
Бабли Уолтер 549	
Барбер Бенджамин 590	
Барбер Бернард 324, 327	
Бауман Зигмунт 135, 318,589,594	
Бек Ульрих 596, 597	
Беккер Говард 310, 430	
Белл Даниел 313,529, 530, 592, 594	
Белла Роберт 585	
Бентам Иеремиа 57	
Бернард Шартрский 462	
Берне Том 549	
Берстедт Роберт 246, 251	
Блау Питер 23, 387	
Бодрийяр Жан 27, 579	
Бодэн 462	
Бринтон Крейн 563	
Бурдые Пьер 27, 250, 294, 310, 352, 380, 383, 389	
Бухарин Николай 537, 542, 607	
Бэкон Френсис 462	
Бэнфилд Эдвард 198	

Зальд Мейер 164, 179
 Зелигман Адам 325
 Зерубавел Эвиатар 510
 Зиммель Георг 12, 26, 83, 100, 139-141, 209,210,220,228, 234,319, 324
 Знанецкий Флориан 12,19, 20,48, 50, 52, 162,252,258,272,586

Инглхарт Рональд 170, 296, 593
 Инкелес Алекс 528, 585-587

Кант Иммануил 286, 493
 Кардозо Фернандо 590, 609
 Каутский Карл 542
 Клакхон Клайд 188,245, 347
 Козер Льюис 217, 228,232,319
 Колеман Джеймс 23, 27,325
 Коннертон Томас 263
 Конт Огюст 11,14,16-18, 20, 25, 59,181, 407,457,462,515, 518, 578-581, 583,602
 Крозье Мишель 549
 Ксенофан 462
 Кули Чарльз Хортой 27, 77, 80, 82, 106, 196,231-234,416,430
 Кумар Кришай 583
 Кун Томас 459

Лазарсфельд Поль 192, 201
 Ламброзо Цезарь 427
 Ламсен К. 526
 Лассуэл Гарольд 389
 Ле Бон Гюстав 158

Леви-Строс Клод 26, 30, 75
 Лейбниц Готфрид Вильгельм 462
 Ленин Владимир 397, 542, 590, 607, 608

Ленски Герхард 524
 Ливит Гарольд 143
 Линтон Ральф 281
 Липпман Уолтер 313
 Лич Эдмунд 30
 Ллойд Кристофер 546
 Локвуд Дэвид 116
 Локк Джон 324
 Лукач Дьёрдь 310, 542, 543, 551
 Лукреций 462
 Луманн Никлас 21,26, 324
 Лэш Скотт 596

Макиавелли Никколо 462, 534

Макивер Роберт 510
 Макклеланд Дэвид 528
 Маклюеан Маршалл 530, 603
 Малиновский Бронислав 48, 58, 75, 76, 261,262,289,611
 Манн Михаэль 547
 Маркс Карл 22, 149, 195, 203, 234, 310, 361-364, 376, 384, 388, 459,462, 463,466, 473, 513, 515, 537, 539, 540, 542, 543, 551, 569, 587-589, 594
 Маркузе Герберт 588
 Маффесоли Мишель 606
 Мейн Генри 580
 Мендель Грегор Иоганн 525
 Мертон Роберт 22, 26, 51,100,102-105,146, 192, 201, 208, 219, 229, 230, 281, 290, 295-297,299,310,317,358,382,389,425,439,485, 486,501,505,571,585,590,593,600
 Мид Джордж Герберт 27, 54, 71, 77, 83, 227,416,417
 Мика Станислав 73
 Миллер Нил 319
 Миллс Чарльз Райт 35, 36
 Мор Томас 462
 Морган Льюис Генри 384, 462, 519, 520, 523,524,537
 Морено Джекоб 144
 Мосс Марсель 75,493
 Мур Уилберт 376,378-380
 Мэрдок Джордж 256
 Мэйо Элтон 136, 223

Нисбет Роберт 463, 514
 Нисбит Джон 529, 530, 592
 Новак Стефан 235

Огборн Уильям 254
 Олпорт Гордон 148, 174, 313
 Ортега-и-Гассет Хосе 473
 Оссовский Станислав 20, 23, 233

Парето Вильфредо 193, 530, 533
 Парсонс Толкотт 26, 93, 128, 252, 324, 389,459,524,581,583
 Платон 462
 Плеханов Георгий 542
 Подгурецкий Адам 23
 Поппер Карл 19, 21, 179,513
 Пребиш Поль 608
 Протагор 462

Путнам Роберт 234, 235
 Пэкард Ване 214

Риккерт Генрих 18
 Рисман Дэвид 165, 324, 473, 589
 Ритцер Джордж 260
 Робертсон Роланд 603, 617
 Ронг Денис 423
 Рониджер Луис 325
 Ростоу Уолт 528
 Рэдклифф-Браун Альфред Реджинальд 611
 Рэдфилд Роберт 580

Салинс Маршалл 523
 Самнер Уильям Грэм 282, 284,287, 289
 Сенека 462
 Сен-Симон Клод Анри 462
 Скокпол Теда 546, 569, 570
 Смелзер Нейл 165,171,172,174, 266
 Смит Адам 324, 581
 Смолл Альбион 11
 Сократ 462
 Сорокин Питирим 501,534-536,567,593
 Спенсер Герберт 11, 14, 25, 217, 457, 459, 462, 515-517, 519,520,580, 602
 Стайверс Ричард 235
 Сталин Иосиф 542
 Стауффер Самуэль 136,223
 Стюард Джулиан 523

Тайлор Эдвард 251
 Тард Габриэль 158, 263
 Теннис Фердинанд 12, 98, 100, 106, 223, 234,324,461,473, 521, 588,589,618
 Тернер Ральф 266
 Тилли Чарльз 169,179,514, 546, 570
 Токвиль Алексис де 293,423,475,495,555, 564
 Томас Уильям Айзек 19,178,258,265,365, 476, 586
 Троу Мартин 223
 Турэн Ален 549, 592

Уайт Лесли 522, 524
 Уайт Уильям Фью 223, 399
 Убер Анри 493

Уильсон Эдвард Осборн 526
 Уиттрок Берн 578
 Уоллерстайн Иммануил 514, 578, 605, 609,610
 Уорд Лестер Ф. 520
 Уормс Рене 12
 Уорсли Питер 309, 606
 Уотсон Джеймс 414

Фалетто Эдуард 609
 Фергюсон Адам 324
 Франк Анри Гюнтер 590, 608
 Фрейд Зигмунт 47, 271,415
 Фромм Эрих 100, 462, 542, 543,588
 Фуко Мишель 27,412
 Фукуяма Фрэнсис 313, 325, 594
 Фэйрчайльд Роберт 73

Хабермас Юрген 19,333
 Хайзенга 100
 Хайман Джордж 229
 Халашинский Юзеф 20
 Хальбвакс Марсель 493
 Хантингтон Самуэль 590, 605
 Хардин Рассел 325, 328
 Хобсбаум Джордж 264
 Холлендер 73
 Хоманс Джордж Каспар 23,27,42,43, 73, 553

Шалай Александр 505
 Шарден Пьер Тейяр де 465
 Шилз Эдвард 389
 Широ Даниэль 606
 Шматка Яцек 23
 Шпенглер Освальд 533
 Штомпка Петр 28,325, 549

Эванс-Причард Эдгар 510
 Эварде Л.П. 563
 Эйзенштадт Шмуэль 325, 578, 616, 617
 Элиаде Мирче 502
 Элиас Норберт 28, 149, 546, 548, 607
 Энгельс Фридрих 384, 520
 Эразм Роттердамский 462
 Этциони Амитай 549
 Эсхил 462